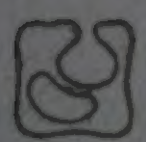
В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

БОЯРСКАЯ ДУМА

ДРЕВНЕЙ РУСИ

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ

Литературно - Издательский Отдел
Народного Комиссариата по Просвещению
ПЕТЕРБУРГ • 1919

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

БОЯРСКАЯ ДУМА

ДРЕВНЕЙ РУСИ

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ

Литературно-Издательский Отдел
Народного Комиссариата по Просвещению
ПЕТЕРБУРГ • 1919

Сочинения В. О. Ключевского **монополизированы** Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 г.

Настоящее издание перепечатано без всяких изменений с четвертого издания, выпущенного в Москве в 1909 году.

Никем из книгопродавцев указанная на книге **цена не может быть повышена** под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар Лит.-Изд. Отд.

П. И. Лебедев-Полянский.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Вступление.

В судьбе учреждения, история которого послужила предметом предлагаемого опыта, изучающий встречает много неясного, много неразрешимых пока вопросов; но и в том, что доступно изучению, в чём можно отдать полный исторический отчёт, остаётся много любопытного, возбуждающего живейший научный интерес. Этим, с одной стороны, объясняются недостатки предлагаемого исследования, с другой, оправдывается решимость автора предпринять его, не взирая на встречаемые исследователем затруднения.

С X и до XVIII в. боярская дума стояла во главе древнерусской администрации, была маховым колесом, приводившим в движение весь правительственный механизм; она же большею частью и создавала этот механизм, законодательствовала, регулировала все отношения, давала ответы на вопросы, обращённые к правительству. В период наиболее напряжённой своей деятельности, с половины XV и до конца XVII в., это учреждение было творцом сложного и во многих отношениях величественного государственного порядка, установившегося на огромном пространстве московской Руси, того порядка, который только и сделал возможными смелые внешние и внутренние предприятия Петра, дал необходимые для того средства, людей и самые идеи: даже идеи Петра, по крайней мере основные, наиболее плодотворные его идеи, выросли из московского государственного порядка и достались Петру по наследству от предшественников вместе с выдержанным, удивительно дисциплинированным политически обществом, руками и средствами которого пользовался преобразователь.

Но эта правительственная пружина, всё приводившая в движение, сама оставалась невидимкой для тех, кто двигался по её указаниям. Боярская дума редко становилась, — при московских государях не становилась никогда прямо, — перед обществом, которым она управляла: её закрывали от этого общества, с одной стороны, её верховный председатель, князь-государь, с другой—её докладчик и протоколист, дьяк. Общество видело и слушало государя, мало зная его советников; к нему обращалось оно со своими запросами, его именем и авторитетом покрывались законодательные ответы, внушённые его советниками; приговоры думы, законы доходили до управляемых, как их формулировал думный дьяк и как подчинённое думе ведомство прилагало их к частным лицам или к отдельным случаям. Отсюда трудность уловить правительственную деятельность думы. По существу своему она была законодательным учреждением, устанавливала общие правила, постоянные нормы; но перед нами только практические результаты её законодательной работы: мы видим эти нормы, насколько они удавались в действительных отношениях жизни, в большинстве случаев знаем эти правила, насколько они отражались в указах, инструкциях, в отдельных актах подчинённых думе учреждений. В думу „взносили“ свои вопросы и недоумения правительственные органы, с которыми общество имело непосредственное соприкосновение; из думы выносили они приговоры, выражавшиеся в тех актах, которые теперь лежат перед исследователем: но сама она оставалась на своей заоблачной высоте, сокрытая и от общества, и от исследователя; как вырабатывались эти приговоры, какие интересы и мнения боролись при этой работе, того почти никогда не видит исследователь, как в своё время не видело и общество. Столь же неуловимо и политическое значение думы. Люди, появлявшиеся в ней на пространстве восьми веков, князья-государи и их советники, не чувствовали потребности точно определить свои взаимные отношения и закрепить эти определения надлежащим актом; никогда не были точно обозначены и отношения этого со-

вета к низшим подчинённым ему органам управления. В те века политические дельцы не любили задавать себе общего вопроса, как далеко простираются прерогативы верховного правителя, князя-государя, и где начинаются права его советников: политический глазомер и обычай указывали в каждом отдельном случае пределы власти, избавляя обе стороны от трудного дела точной формальной развёрстки политических прав и обязанностей. Ко всякому учреждению, подобному нашей боярской думе, мы привыкли обращаться с вопросом, имело ли оно обязательное для верховной власти или только совещательное значение; а люди тех веков не различали столь тонких понятий, возникавшие столкновения разрешали практически в каждом отдельном случае, отдельные случаи не любили обобщать, возводить в постоянные нормы, и не подготовили нам прямого ответа на наш вопрос.

Благодаря всему этому политическая и административная история боярской думы темна и бедна событиями, лишена драматического движения. Закрытая от общества государем сверху и дьяком снизу, она является конституционным учреждением с обширным политическим влиянием, но без конституционной хартии, правительственным местом с обширным кругом дел, но без канцелярии, без архива. Таким образом, исследователь лишён возможности восстановить на основании подлинных документов как политическое значение думы, так и порядок её делопроизводства. В предполагаемом опыте читатель не найдёт удовлетворительного ответа на многие вопросы, касающиеся того и другого, и встретит немало догадок, которыми автор пытался восполнить недостаток прямых исторических указаний.

Благодарнее и любопытнее социальная история думы. Впродолжение столетий встречаем в ней людей, которые носят одно и то же звание бояр, думцев князя-государя; но какое разнообразие ролей и физиономий! Русский боярин X в., не то купец, не то воин, хорошо помнивший, что он—варяг, морской наездник-викинг, на славянском Днепре переименованный в витязя и не успевший ещё пересесть с лодки на

коня, чтобы стать степным наездником, „удалой поленицей"; киевский боярин XI—XII в., вольный товарищ своего князя и подобно ему политический бродяга, нигде не пускавший глубоких корней, не завязывавший прочных связей ни с каким местным обществом; галицкий боярин - крамольник XIII в., старавшийся прочно укрепиться в крае, став между князем и простым обывателем, держа в руках того и другого; северный великорусский боярин XIV в., служилый кочевник подобно своим южным предкам, но очутившийся среди множества князей-хозяев, столь непохожих на своих южных предков, не знавший, что делать, как стать между князем, плотно усевшимся в своей вотчине, и между подвижным, текучим населением и, наконец, подобно князю принявшийся за землевладельческое хозяйство; новгородский боярин XV в., повидимому бессильный и покорный перед вечевой сходкой, нераз ею битый и грабленный, но богатый капиталист, крепко державший в своём кулаке нити народного труда и помощью их вертевший вечевою сходкой; московский боярин XVI в., недавно переименовавшийся из удельного князя, жалевший о своём ростовском или ярославском прошлом и недовольный московским настоящим, ни политическим, ни хозяйственным, не знавший, как поладить со своим государем; наконец, московский боярин XVII в., смирившийся князь или выслужившийся разночинец, отказавшийся от политических грёз XVI в., покорный и преданный своему государю и широкой рукой забиравший нити крестьянского труда: такой ряд фигур проходит перед наблюдателем через боярскую думу в разных краях древней Руси и в разные века её истории. Каждый из этих типов сообщил свой особый склад и характер боярской думе, в которой он господствовал, но каждый из них отражал в себе склад и характер общества в разных краях Руси и в разные века её истории.

Так изучение древнерусской боярской думы ставитъ исследователя прямо перед историей древнерусского общества, перед процессом образования общественных классов.

История наших общественных классов представляет не-

мало поучительного в научном отношении. В ходе их возникновения и развития, в процессе определения их взаимных отношений видим действие условий, похожих на те, какими создавались общественные классы в других странах Европы; но эти условия у нас являются в других сочетаниях, действуют при других внешних обстоятельствах, и потому созидаемое ими общество получает своеобразный склад и новые формы.

В истории общественного класса различаются два главные момента, из которых один можно назвать экономическим другой политическим. Первый выражается в расчленении общества согласно с разделением народного труда: тогда классы различаются между собою родом капитала, которым работает каждый, и значение общественного класса определяется ценой, какую имеет тот или другой капитал в народном хозяйстве известного времени и места. Обыкновенно политический момент завершает социальную работу народного хозяйства: господствующий капитал становится источником власти, его операции соединяются с привилегиями, его владельцы образуют правительство, экономические классы превращаются в политические сословия.

В этом порядке явлений политические факты вытекают из экономических, как их последствия. Но можно представить себе исторический процесс, где явления следуют одни за другими в обратном порядке. В стране промышленная культура сделала уже некоторые успехи, труд населения успел до известной степени овладеть силами и средствами местной природы, народное хозяйство уже установилось с некоторой прочностью, когда эта страна подверглась завоеванию, которое ввело в неё новый общественный класс, изменив положение и отношение прежних туземных. Пользуясь правом победы, этот класс берёт в своё распоряжение труд побеждённого народа. Перемены, какие происходят от этого в течении народно-хозяйственной жизни, являются прямыми последствиями политического факта, вторжения нового класса, который начинает править обществом в силу

завоевания. Завоевателям для своего материального обеспечения нет нужды заводить вновь хозяйство в захваченной стране, указывать приёмы и средства для эксплоатации её естественных богатств. Они насильственно вторглись в установившийся экономический порядок, стали с оружием в руках у готового хозяйственного механизма; по указанию собственных потребностей им только нужно переставить некоторые его части, задать ему некоторые новые работы, направить народный труд преимущественно на разработку тех естественных богатств края, обладание которыми они нашли наиболее сподручным и прибыльным. После того у них оставалась бы забота не устроять технически этот механизм, а только обеспечить за собой послушное действие приставленных к нему рабочих рук. Этого обеспечения господствующий класс будет стараться достигнуть политическими средствами, известной системой законодательства, приспособленной к цели организацией сословий, соответственным устройством правительственных учреждений. Всё это с течением времени во многом изменит народное хозяйство, вызовёт в нём много новых отношений, и все эти новые экономические факты будут следствиями предшествовавших им фактов политических. Думаем, что таким или подобным такому процессом создавались многие государства средневековой Европы, образовавшиеся из провинций Римской империи.

Может показаться, что разница между обоими указанными порядками явлений ощутительнее в их схемах, чем в исторической действительности, что оба они вели к одинаковому историческому результату: вытекали ли политические факты из экономических, или было наоборот—в том и другом случае наступал момент, когда оба ряда фактов начинали действовать вместе, влияя друг на друга, и на их взаимодействии созидался общественный порядок, характер которого зависел от вызванных этим взаимодействием новых сочетаний тех и других фактов, а не от первоначального их хронологического или причинного отношения друг к другу, не оттого, которые из них предшествовали другим

и были их источником. Мы думаем напротив, что это первоначальное отношение кладёт печать на всю последующую судьбу общества, что характер взаимодействия политических и экономических фактов, все их дальнейшие сочетания во многом зависят от того, которые из них предшествовали другим и были их причиной. Представим себе ещё ход дела во втором из описанных выше исторических процессов. *Сила*, механически вторгшаяся в общество со стороны или образовавшаяся внутри его и вооружённой рукой захватившая распоряжение народным трудом, становится *классом*, чтобы мирно пользоваться плодами захвата; с целью обеспечить за собой завоёванные экономические выгоды она создаёт такой государственный *порядок*, посредством которого она, став его движущей пружиной, могла бы распоряжаться народным трудом, не прибегая постоянно к своему первоначальному средству действия, к оружию. Основания государственного устройства, отношения к верховной власти и к другим сословиям при таком ходе дел привлекают к себе заботливое внимание господствующего класса; вопросы государственного права выступают на первый план, составляют самые видные явления в истории общества; частные гражданские отношения лиц, как и их экономическое положение, устанавливаются под прямым влиянием этих вопросов, в прямой зависимости от того, как они разрешаются, а не наоборот,—и это потому, что господствующий класс старается так определить свои политические отношения, чтобы можно было мирно пользоваться экономическими выгодами, приобретёнными завоеванием. Таким образом, где политические факты шли впереди, давая направление хозяйственной жизни народа, там история получала, так сказать боевой характер: вооружённая борьба сменялась борьбой политической оружие передавало своё дело закону и работа обеих сил, оружия и закона, направлялась к одной цели, к упрочению обладания властью, а властью дорожили потому, что она доставляла обладание народным трудом; под влиянием этой борьбы все отношения обострялись, учреждения и классы

получали резкие очертания. Иной характер получала жизнь, когда не политическая сила, захватив господствующий в стране капитал, становилась распорядительницей народного труда, а наоборот, господствующий капитал страны, овладев народным трудом, создавал из своих владельцев политическую силу, правительственный класс. Такой ход дела обыкновенно встречаем там, где история начиналась сначала, с первичных процессов общежития, где труд только ещё начинал овладевать силами природы и его скудные успехи ни в ком не возбуждали завоевательного аппетита. Влияние на общество приобреталось здесь не оружием или правом и не закреплялось обычными средствами власти, хартиями и учреждениями: люди добровольно отдавались тому, в чьих руках скоплялся капитал, кто давал им хлеб, т. е. средства для работы; действительная власть часто действовала без аттрибутов правительственного авторитета, основания общественного порядка не обозначались явственно, не проводились последовательно в практике отношений, формами демократии иногда прикрывалась очень замкнутая и себялюбивая олигархия, вообще факты неполно и неточно отражались в праве.

Который из указанных выше процессов господствовал в нашей истории, этот вопрос нельзя считать в числе решённых. По отношению к истории нашего общества его можно выразить в такой форме: который из двух моментов, политический или экономический, предшествовал другому в образовании наших общественных классов и всегда ли один и тот же из них шёл впереди другого.?

Видим, что у нас общество иногда начинало расчленяться по роду занятий, по свойству капиталов, а потом уже сообразно со значением разныхъ капиталов в хозяйстве общества определялось политическое значение разных его классов, распределялись между ними права и обязанности. Довольно последовательно развивался этот процесс в истории Новгорода. Рано освободившись от непосредственного давления со стороны князя и служилой аристократии, этот

вольный городок усвоил себе формы демократического устройства. Но ещё раньше успехи внешней торговли, ставшей главным жизненным нервом города, создали в нём несколько крупных торговых домов, которые были руководителями новгородской торговли и в силу этого сделались потом руководителями новгородского управления, правительственной аристократией, господство которой однако всегда оставалось простым фактом, не сопровождалось отменой демократических форм новгородского устройства. И всё общество Новгорода Великого устроилось по образцу его вершины: новгородские сословия было собственно торгово-промышленные разряды, гильдии, политическое значение которых точно соответствовало их торговому весу. Боярство превратилось постепенно в круг главных капиталистов-дисконтеров, которые не столько сами вели торговые обороты, сколько направляли их, ссужая торговцев своими капиталами. Такую же роль играл в местной промышленности следовавший за боярами класс *житых людей*, капиталистов средней руки. Ниже тех и других стояли *купцы*, настоящие торговцы или агенты крупных фирм, кредитовавшиеся у бояр и житых людей или действовавшие по их поручениям. Наконец *чёрные люди*, ремесленники и рабочие, брали работу и деньги для работы у высших классов. На самом низу социальной лестницы в Новгородской земле помещались классы, дальше всех стоявшие от главного источника богатства и политического значения, именно *земцы*, мелкие землевладельцы, и *смерды съ половниками*, крестьяне, работавшие на государственных или частных землях: это были сельские, а не городские классы и в политической жизни вольного города они значили гораздо меньше, чем даже городские чёрные люди; половники являются уже с признаками полусвободных крестьян, приближавшихся к холопам.

В других областях древней Руси исследователь наблюдает другие социальные процессы и притом один на другой непохожие. В нашей истории можно отметить две эпохи, когда потребности внешней обороны вызывали напряжённое

развитие военных сил страны. В XV и XVI вв. государство создало усиленной вербовкой многочисленный вооружённый класс, которому постепенно передало посредством вотчинных и поместных дач огромный земельный капитал. Помощию этого капитала и соединённых с ними привилегий этот класс в XVII в. взял в своё распоряжение огромное количество земледельческого труда. Дворянство, образовавшееся из этого класса, долго и с большой пользой служило стране, обороняя её от врагов, никогда не завоёвывало общества, но в XVIII в., уже освободившись от обязательной службы, оно так правило обществом, что в странах, где дворянство считало себя потомками завоевателей, власть его не отличалась ни большой энергией и широтою привилегий, ни большими злоупотреблениями. Точно также в IX в. внешние опасности создали по большим городам Поднепровья значительный вооружённый класс для обороны границ и торговых путей. Иногда оружием, чаще не одним оружием, он подчинил своим городам и потом своим князьям-вождям большую часть восточных Славян и стал правительственным классом. Но по роду капитала, по своему экономическому положению он долго был товарищем промышленного городского населения, из которого он вышел, долго делился с этим населением выгодами внешней торговли и только два-три века спустя стал делать заметные успехи в землевладении, и хотя некогда он завоевал большую часть страны, ему по разным причинам не удалось достигнуть полного обладания обществом.

Так в истории нашего общества повидимому господствовали смешанные процессы. Иногда образование сословий и у нас как будто начиналось политическим моментом: общественное деление первоначально основывалось на различии прав и обязанностей, и уже потом классы, обособившиеся политически, стремились обособиться и экономически, заняв в народном хозяйстве место соответственно своему политическому положению. Но у нас в эту социальную работу обыкновенно вмешивались условия, которые изменяли её

первоначальное направление, лишали её последовательности развития и приводили не к тому концу, к какому она была направлена своим началом. В этом вмешательстве источник одной из самых характерных особенностей нашей истории, в которой простейшие политические и общественные формации создавались посредством очень сложных процессов, короткие расстояния проходились длинными извилистыми путями. Из таких условий укажем на одно, очень важное по своим последствиям. История нашего общества изменилась бы существенно, если бы в продолжение восьми-девяти столетий наше народное хозяйство не было историческим противоречием природе страны. В XI в. масса русского населения сосредоточивалась в чернозёмном среднем Поднепровье, а к половине XV в. передвинулась в область верхнего Поволжья. Казалось бы, в первом краю основанием народного хозяйства должно было стать земледелие, а во втором должны были получить преобладание внешняя торговля, лесные и другие промыслы. Но внешние обстоятельства сложились так, что пока Русь сидела на днепровском чернозёме, она преимущественно торговала продуктами лесных и других промыслов и принялась усиленно пахать, когда пересела на верхневолжский суглинок. Следствием этого было то, что из обеих руководящих народно-хозяйственных сил, какими были служилое землевладение и городской торговый промысел, каждая имела неестественную судьбу, не успевала развиться там, где было наиболее природных условий для её развития, а где развивалась успешно, там её успехи были искусственны и сопровождались задержкой народных успехов в других отношениях.

Итак, история общественных классов у нас не отличается простотой и однообразием своих процессов. Исследователь, хорошо изучивший происхождение и развитие западно-европейских сословий, не встретит у нас повторения знакомых ему явлений: он встретит сходные моменты и условия, но встретит их в своеобразных сочетаниях и при невиданных им внешних обстоятельствах. Во всяком случае история за-

падно-европейских общественных классов не может дать полного ответа на вопрос о том, как созидались европейские общества.

Обращаясь к изучению боярской думы, автор не надеялся изобразить с достаточной последовательностью и полнотой историю её политического значения и правительственной деятельности. Тем больше внимания обращал он на то, в чём выражалась непосредственная связь учреждения с обществом, на социальный состав думы, на происхождение и значение классов, представители которых находили в ней место. Составом своим дума касалась только верхних слоёв древнерусского общества; потому история изучаемого нами учреждения даёт возможность следить за складом общества, насколько он отражался в образовании общественных вершин.

ГЛАВА I.

В боярском совете киевского князя X в. ещё сидели представители класса, правившего обществом раньше князя съ его боярами.

Древнейшие памятники нашей истории сообщают нам очень мало известий об устройстве управления на Руси до половины XI в., до смерти Ярослава I. Среди этих скудных известий получают особенную цену черты, которыми они изображают учреждение, стоявшее во главе тогдашней княжеской администрации. Съ этим учреждением знакомит нас внесённый въ начальную летопись рассказ о делах князя Владимира Святого. При киевском князе въ конце X в. встречаем правительственный класс или круг людей, которые служат ближайшими правительственными сотрудникамь князя. Эти люди называются то *боярами*, то *дружиной* князя и составляют его обычный совет, с которым он думает о ратных делах, об устроении земли; „бе Володимер любя дружину, говорит начальная летопись, и с ними думая о строи земленем и о ратех и о уставе земленем“. Итак, эта боярская или дружинная дума была обычным, постоянным советом князя по делам военного и земского управления. Со времени принятия христианства подле князя являются новые советники, епископы. Известный русский священник Иларион, ставший в 1051 г. митрополитом киевским, в своём похвальном слове „кагану“ Владимиру пишет, что этот просветитель Русской земли, „с новыми отцы нашими епископы снимаяся (собираясь) часто, с многим смирениемъ свещавашеся, како в человецех сих, новопознавших Господа, закон уставити“. В начальной летописи находим рассказ из вре-

мён Владимирова княжения, который подтверждает слова Илариона и вместе с тем показывает, что совещания князя с духовными советниками не ограничивались установлением церковного закона в новопросвещённом обществе, но касались и очень важных вопросов государственного законодательства. Когда умножились разбои на Руси, епископы посоветовали князю заменить прежнее наказание за это преступление новым. До тех пор, как узнаем из этого рассказа, за разбой взимали *виру*, денежную пеню. Теперь епископы посоветовали князю заменить виру за разбой „казнью“, сказав: „достоит ти казнити разбойника, но со испытом“. Князь принял совет, отменил виры и начал казнить разбойников. Вслед за этим постановлением, внесшим важную перемену в уголовное право, летопись рассказывает о финансовой мере, внушённой также епископами и вместе с тем вносившей дальнейшее изменение в действовавшую систему наказаний. Тогда шла непрерывная борьба с Печенегами, требовавшая усиленных расходов. Епископы сказали князю: „война теперь большая; если случится вира, пусть идёт она на оружие и на коней“. Князь принял и этот совет *).

Рядом с боярами и епископами в составе думы Владимира присутствовал ещё третий элемент. Он появляется в рассказе начальной летописи раньше принятия христианства князем. Когда возникал вопрос, выходивший из ряда обычных дел княжеского управления, советниками князя вместе с боярами являлись ещё *старцы градские*. Въ 983 г., когда Владимир, воротясь из похода на Ятвягов, приносил жертву кумирам своим, „старцы и боляре“ посоветовали ему принести въ жертву отрока и девицу, выбрав их по жребию. В 987 г. Владимир созвал „боляры своя и старцы градские, чтобы посоветоваться о верах, которые предлагали ему разные иноземные миссионеры. Когда воротились из Царьграда мужи, посланные для испытания вер, тоть же князь опять

*) Летопись по Лаврент. списку, изд. Археогр. Ком. 1872 г., стр. 124. Прибавления к Твор. Св. Отц., ч. 2, стр. 245. Объяснения обоих постановлений см. в приложении II.

собрал бояр своих и старцев, чтобы выслушать отчёт послов об их поездке. Эти известия окружены в легоническом сказании такими подробностями, в которых подозревают участие легендарного творчества. Но старцы градские присутствуют в думе князя и подают голос вместе с епископами по таким делам, о которых начальная летопись рассказывает без заметной примеси легенды: обратить виры на вооружение ратных людей посоветовали Владимиру вместе с епископами и старцы. Из рассказа летописи не видно, одни ли киевские старцы садились в думе князя рядом с боярами и епископами, или приглашали туда и старейшин других городов; по крайней мере въ других случаях рядом с боярами и киевскими старцами являлись при князе и иногородные старейшины. На знаменитых пирах, которые задавал Владимир по воскресеньям или по случаю построения новой церкви, он любил видеть вокруг себя верхи тогдашнего русского общества, представителей господствующих классов, „нарочитых мужей". Счастливо избегнув опасности при нападении Печенегов на Василёв, князь построил в городе церковь и „сотворил праздник великий", продолжавшийся 8 дней; на этот пир вместе с боярами и областными правителями, посадниками, князь пригласил и „старейшин по всем градом". Внесённая в древнюю летопись повесть о крещении Владимира соединяет бояр и городских старейшин под одним общим названием „дружины", которым обозначались собственно служилые люди князя. Созвав бояр и старцев, чтобы выслушать отчёт посланных для испытания вер, князь обратился к послам с словами: „скажите пред дружиною". Но с другой стороны те же старцы градские являются представителями неслужилого населения: в древнейшем списке начальной летописи они иногда называются старцами *людскими*, а *людьми* тогда называлиъ в отличие от служилых *княжих мужей* простые люди, простонародье *).

В этих городских старцах обыкновенно видят остаток

*) Летоп. по Лавр. списку, стр. 122, примечания.

древних родовых союзов, некогда господствовавших у восточных Славян: это родовые старшины, преемники тех родоначальников, которые правили восточными Славянами до появления пришлых князей в Киеве, когда, по словам древней *Повести* о начале Руской земли, „живяху кождо с своим родом, владеюще кождо родом своим". Византийские писатели, рассказывая о Славянах VI – VII вв. и в частности о Славянах восточных, обитавших по северному берегу Чёрного моря, которых они называли иногда Тавроскифами, говорят о многочисленных царьках или филархах, которыми управлялись эти племена, не повиновавшиеся единому верховному властителю. Эти царьки или филархи и были отдалёнными социальными, если не генеалогическими предками наших градских старцев X в.: не утверждая, что эти старцы были прямые потомки древних родовых князей, предполагают, что первые имели такое же представительное значение в своих родах, каким пользовались последние *). Но такой взгляд не даёт ответа на два вопроса. Если в Киеве и подобных ему больших городах X в. родовые союзы хранили ещё столько цельности и силы, что были в состоянии поддержать политическое значение своих старейшин при дворе киевского князя, то ещё большей крепостью должны были отличаться роды, не попавшие в большие города, рассеянные по сёламъ, где было больше возможности обособиться, жить „с родом своим на своём месте", избегая разрушитель-

---

*) *Соловьёва,* Ист. Росс. I, по 4 изданию, стр. 238 и сл.; его же статья о нравах Славян в Архиве историко-юрид. сведений *Калачова,* кн. 1, отд. 1, стр. 19 и 20.—*Эверс* видел в старцах почётнейших мужей в знаменитейших воинских родах Киева, мужей, которые по своей старости и опытности имели решительное преимущество перед своими согражданами. Древн. русское право, в переводѣ *Платонова,* стр. 244.—*Рейц* нерешительно видит в старцах знатных начальников славянских племён, которые поступили на княжескую службу. Истор. росс. законов. в переводе *Морошкина,* стр. 29 и след. — *Г. Иловайский* считает городских старцев домовладыками, наиболее зажиточными и семейными людьми города. Ист. России, ч. 2, стр. 301.

ных для родового союза ежедневных столкновений с чужеродцами, какие неизбежны в городе. Что сталось с этими сельскими родами и почему незаметно участие их старейшин в правительственной деятельности киевского князя? С другой стороны, хотя начальная летопись раньше Владимира не упоминает о совещаниях князя с городскими старцами, но это не значит, что прежде князь не призывал их в совет своих бояр. До Владимира летопись не говорит и о совете бояр, как о постоянном правительственном учреждении, каким она изображает совещания этого князя со своей дружиной. Однако в той же летописи остались следы, указывающие на то, что совет бояр был таким учрежденiемъ и до Владимира. Начальная летопись не помнила отчётливо событий того далёкого времени. Другое значение имеет её молчание об участии городских старцев в совете бояр после Владимира, во времена к ней близкие и ей хорошо известные: это значит, что тогда старцев уже не призывали в думу киевского князя. Итак, присутствие старцев в боярской думе не началось, а кончилось при Владимире. Отсюда возникает другой вопрос, на который трудно ответить при указанном взгляде на городских старцев. Киев и другие города Поднепровья, по рассказу древней *Повести* о начале Русской земли *), в IX в. не призывали к себе князей с их дружинами, а принуждены были волей-неволей принять их, когда они пришли сюда. С течением времени жизнь вместе, общие интересы и общие предприятия могли сблизить властных и вооружённых пришельцев с верхним слоем туземного общества. Но в первое время пришлая сила должна была живее чувствовать, чемъ чувствовала потом, своё превосходство перед туземцами или своё недоверие к ним; по происхождению и социальному положению обе стороны должны были тогда стоять дальше друг от друга, чем стояли потом: от-

*) Эта „Повесть временных лет, откуду есть пошла Русская земля“, занесённая в начальную летопись и служащая введением в неё, составлена, как мы думаем по некоторым признакам, около половины XI в., не позже Ярослава I.

чего же потом старцы городские или людские, представители неслужилого общества, городского простонародья, не сидят рядом с боярами в думе киевского князя, не являются такими обычными его советниками, какими были они в X в.?

Чтобы объяснить историческое происхождение и значение городских старцев X в., мы должны сделать небольшое отступление и коснуться первоначальной истории городов на Руси *).

История России началась в VI в. на северовосточных склонах и предгорьях Карпат, на том обширном водоразделе, где берут своё начало Днестр, оба Буга, правые притоки верхней Вислы, как и правые притоки верхней Припети. Обозначая так начало нашей истории, мы хотим сказать, что тогда и там впервые застаём мы восточных Славян в общественном союзе, о происхождении и характере которого можем составить себе хотя некоторое представление, не касаясь трудного вопроса, когда, как и откуда появились в том краю эти Славяне. В тот век среди прикарпатских Славян господствовало воинственное движение за Дунай против Византии, в котором принимали участие и ветви славянства, раскинувшиеся по северовосточным склонам этого горного славянского гнезда. Это воинственное движение сомкнуло племена восточных Славян в большой военный союз, политическое средоточие которого находилось на верхнем течении Западного Буга и во главе которого стояло со своим князем жившее здесь племя Дулебов-Волынян. Остаются неясны причины, разрушившие этот союз; можно думать только, что это были те же причины, которые повели к другому ещё более важному последствию, к расселению восточных Славян с карпатских склонов далее на восток и северовосток. Нападения на Византию взволновали, приподняли Славян с насиженных мест. Нашествие Аваров (во

*) Предлагаемый здесь очерк этой истории есть сокращение I – V глав исследования, помещённых в №№ 1, 3, 4 и 10 *Русской Мысли* за 1880 г.; там подробно изложены соображения, на которых основан помещаемый здесь краткий очерк.

второй половине VI в.) на карпатских Славян, которые то воевали против них, то вместе с ними громили империю, ещё более усилило среди них брожение, следствием которого и было занятие Славянами области среднего и верхнего Днепра с его правыми и левыми притоками, как и с водным продолжением этой области, с бассейном Ильменя-озера.

Это передвижение совершилось в VII и VIII в. Днепр скоро стал бойкой торговой дорогой для поселенцев, могучей питательной артерией их хозяйства. Своим течением, как и своими левыми притоками, так близко подходящими к бассейнам Дона и Волги, он потянул население на юг и восток, к чёрноморским, азовским и каспийским рынкам. В то самое время, с конца VII в., на пространстве между Волгой и Днепром утвердилось владычество Хозарской орды, пришедшей по аварским следам. Славяне, только что начавшие устрояться на своём днепровском новоселье, подчинились этому владычеству. С тех пор как в Хозарию проникли торговые Евреи и потом Арабы, хозарская столица на устьях Волги стала сборным торговым пунктом, узлом живых и разносторонних промышленных сношений. Покровительствуемые на Волге и на степных дорогах к ней, как послушные данники Хозар, днепровские Славяне рано втянулись в эти обороты. Араб Хордадбе, писавший о Руси в 860—870 годах, знает уже, что русские купцы возят товары из отдалённейших краёв своей страны к Чёрному морю, в греческие города, что те же купцы ходят на судах по Волге, спускаются до хозарской столицы, выходят в Каспийское море и проникают на юговосточные берега его, даже иногда провозят свои товары в Багдад на верблюдах *). Нужно было не одно поколение, чтобы с берегов Днепра или Волхова проложить такие далёкие и разносторонние торговые пути. Эта восточная торговля Руси оставила по себе выразительный след, который свидетельствует, что она завязалась по крайней мере

*) *Г. Гаркави*, Сказания мусульм. писателей о Славянах и Русских, стр. 49.

лет за сто до Хордадбе. В монетных кладах, найденных в разных местах древней киевской Руси, самое большое количество восточных монет относится к IX и X вв. Попадались клады, в которых самые поздние монеты принадлежат к началу XI века, значительное число относится к VIII в.; но очень редко встречались монеты VII в. и то лишь самого конца его.

К VIII веку и надобно отнести возникновение древнейших больших городов на Руси. Их географическое размещение довольно наглядно показывает, что они были созданием того торгового движения, которое с VIII в. пошло среди восточных Славян по речной линии Днепра-Волхова на юг и по её ветвям на восток, к чёрноморским, азовским и каспийским рынкам. Большинство их (Ладога, Новгород, Смоленск, Любич, Киев) вытянулось цепью по этой линии, образовавшей операционный базис русской промышленности; но несколько передовых постов выдвинулось уже с этой линии далее на восток: таковы были Переяславль южный, Чернигов, Ростов. Эти города возникли, как сборные места русской торговли, пункты склада и отправления русского вывоза. Каждый из них был средоточием известного промышленного округа, посредником между ним и приморскими рынками. Но скоро новые обстоятельства превратили эти торговые центры в политические, а их промышленные округа в подвластные им области.

Уже в первой половине IX в. становятся заметны признаки упадка хозарского владычества в южной России. Из-за Волги сквозь хозарские поселения и кочевья проникают к Днепру Печенеги. Эта хищная орда начала загораживать торговые пути днепровской Руси и отрезывать её от приморских рынков. Лишившись безопасности, какой пользовались днепровские города под покровом хозарской власти, они должны были собственными средствами восстановлять и поддерживать свои старые торговые дороги. Тогда они начали вооружаться, опоясываться укреплениями, стягивать к себе боевые силы и выдвигать их на опасные окраины страны

сторожевыми заставами или посылать вооружёнными конвоями при своих торговых караванах. Первое хронологически определённое иноземное известие о Руси, сохранившееся в Бертинской летописи, говорит о том, что в 839 г. русские послы жаловались в Константинополе на затруднение сношений Руси с Византией „варварскими свирепыми народами". Одно из первых хронологически определённых известий о Киеве, сохранившихся в наших летописях, говорит о том, что в 867 г. Аскольд и Дир, обороняя этот город, избили множество Печенегов *).

Вооружённый торговый город стал узлом первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточных Славян на новых местах жительства. На карпатских склонах у них господствовали родовые союзы, которыми руководили родовые и племенные князья, филархи и царьки, как их называли византийские писатели. Военный волынский союз, во главе которого стоял князь Дулебов, был соединением таких родов и племён. С разрушением этого союза восточные Славяне остались разделёнными „на многие племена и многочисленные роды", которые ещё существовали или о которых по крайней мере помнили на Руси в половине X в., сколько можно судить о том по рассказам арабов Ибн-Даста и Масуди **). Но передвижение восточного славянства с карпатских склонов разбивало эти племенные и родовые союзы. Одни родичи уходили, другие оставались; ушедшие селились на новых местах не рядом, сплошными родственными посёлками, а в разброску, одинокими, удалёнными друг от друга дворами. К этому вынуждало тогдашнее состояние страны, куда направлялась славянская колонизация: каждый выбирал для поселения место удобное для лова и пашни, а среди лесов и болот такие места не шли обширными сплошными пространствами. Такое топографическое удаление членов рода друг от друга затрудняло практику власти родового стар-

---

*) Никон. I, 17.

**) *Г. Гаркави* въ указанномъ изданіи, стр. 137 и 268.

шины над всей роднёй, колебало и затрудняло имущественное общение между родственными дворами, помрачало в родичах мысль об общем родовом владении, людей разных родов делало ближайшими соседями друг другу. Так разрушались юридические связи рода и подготовлялся переход общежития на новые основания; обязательные родовые отношения превращались в родословные воспоминания или в требования родственного приличия, родство заменялось соседством. С течением времени успехи промысла и торга создавали среди разбросанных дворов сборные пункты обмена, центры *гостьбы* (торговли), *погосты*; некоторые из них превращались в более значительные торговые средоточия, в города, к которым тянули в промышленных оборотах окрестные погосты, а города, возникшие на главных торговых путях, по большим рекам, вырастали в большие торжища, которые стягивали к себе обороты окрестных городских рынков. Так племенные и родовые союзы сменялись или вытеснялись промышленными округами. Когда хозарское владычество поколебалось, малые и большие города начали укрепляться и вооружаться. Тогда погосты стали подчиняться ближайшим городам, к которым они тянули в торговых оборотах, а малые города подчинялись большим, которые служили им центральными рынками. Подчинение вызывалось или тем, что вооружённый и укреплённый город завоёвывал тянувший к нему промышленный округ, или тем, что население округа находило в своём городе убежище и защиту в случае опасности, иногда тем и другим вместе. Так экономические связи становились основанием политических, торговые районы городов превращались в городовые *волости*.

Эти области старинных больших городов и легли в основание областного деления, какое видим на Руси впоследствии в XI и XII в. Этнографический состав этих городовых областей показывает, что они созидались на развалинах древних племенных и родовых союзов. *Повесть* о начале Русской земли пересчитывает несколько племён, на которые распадалось восточное славянство до появления князей в

Киеве, и при этом довольно отчётливо указывает местожительство каждого племени. Но в половине IX в. эти племена были уже только этнографическими или географическими группами населения, а не политическими союзами, хотя, быть может, и составляли некогда такие союзы. *Повесть* смутно помнит, что когда-то у каждого племени было „свое княжение“, но не запомнила ни одного племенного князя, который в IX в. руководил бы целым племенем. Областное деление Русской земли при первых киевских князьях, в основание которого легли городовые области более раннего происхождения, далеко не совпадало с племенным, как его описывает *Повесть*. Не было ни одной области, которая состояла бы из одного цельного племени: большинство их составилось из частей разных племён; в некоторых к цельному племени примкнули части других племён *). Племена, части которых, политически разбившись, притянуты были чужеплеменными большими городами, были именно те, которые и до этого не имели политического единства, а последнее не завязалось среди них потому, что у них не было больших городов, которые могли бы торгом или оружием стянуть к себе разрозненные части своих племён, прежде чем сделали это большие города чужих племён. Около половины IX в. на длинной речной полосе Днепра-Волхова между Киевом и Ладогой положение дел, можно думать, было таково: из восьми занимавших эту полосу славянских племён четыре (Древляне, Дреговичи, Радимичи и Вятичи), жившие несколько в стороне от торгового движения по глав-

*) *Полоцкая* составилась изъ ветви Кривичей с частью Дреговичей, *Смоленская* из другой ветви Кривичей с частью Радимичей и, кажется, с несколькими посёлками Дреговичей и Вятичей, *Черниговская* из части Северян с другой частью Радимичей и с большинством Вятичей. *Киевская* состояла из Полян, почти всех Древлян и части Дреговичей. *Новгородская* из племени ильменских Славян съ изборской ветвью Кривичей. Одна *Переяславская* область имела одноплеменное славянское население, состоявшее из южной половины Северян.

ным речным путям и слабо им захваченные, оставались разбитыми на мелкие независимые один от другого округа, средоточиями которых были земледельческие укреплённые пункты, городки, пашущие свои нивы, как выразилась летопись о городах Древлян; у четырёх других племён (Славян ильменских, Кривичей, Северян и Полян), живших на главных речных путях и принимавших более деятельное участие в шедшем здесь торговом движении, такие округа уже соединялись под руководством больших промышленных и укреплённых городов, образуя шесть или семь крупных городовых областей, которые захватывали значительные части этих племён или целые племена и даже начинали втягивать в себя ближайшие населения четырёх других племён *). Процесс образования этих областей и расхищения ими соседних племён, не успевших объединиться, начался до киевских князей, но завершился уже при них и с их содействием.

Переход на военную ногу, вынужденный внешними обстоятельствами IX в., сделал большие промышленные города политическими центрами областей; такое политическое значение, в свою очередь, создало в этих городах особый правительственный класс. Мы не знаем, как Хозары сбирали дань с подвластных им славянских племён, как правили своими данниками, посредством ли своих или туземных уполномоченных. Во всяком случае, вооружение города, оборона торговых путей, расширение области и укрепление власти над нею—всё это создавало большому промышленному городу много новых забот. Всё это были дела правительственные; но они были тесно связаны с торговыми оборотами, и потому руководителями их прежде всего стали люди, в чьих руках сосредоточивались эти обороты. Так в одно время с превращением больших городов в политические центры про-

*) Это были области Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Черниговская, Киевская и Переяславская, вероятно уже существовавшая в то время; к ним можно причислить и область Любеча, если только она по своим размерам соответствовала важному торговому значению этого города в X в.

мышленных округов городской класс, который держал в руках нити промышленности, приобретал власть над городом и его областью. Одно внешнее обстоятельство помогло образоваться этому классу, усилив его пришлым элементом. В то время, как на южный конец торгового пути Днепра—Волхова налегла опасность из степи от новых кочевников, заставив прибрежный торговый мир запасаться ратными людьми, на северном конце этого речного пути появились или чаще прежнего стали появляться пришельцы другого рода. То были Норманны, начавшие тогда тревожить берега западной Европы и известные там под именем Данов, а у нас прозванные Варягами. Они появлялись на Волхове больше для того, чтобы отсюда Днепром проникнуть в богатые южные страны, преимущественно в Византию, и там поторговать, послужить императору, при случае пограбить. Вооружённый купец-варяг, идущий „в Греки“, стал тогда обычным явлением на киевском Днепре; купца привыкли видеть в вооружённом варяге, шедшем из Руси, и на балтийском побережьи; когда русскому военному варягу приходилось скрывать своё ремесло под наиболее вероятной маской, он и по древнему киевскому преданию, и по скандинавской саге (об Олафе) прикидывался купцом. С тех пор речная дорога по Днепру-Волхову стала „путем из Варяг в Греки и из Грек“, как зовёт её древняя *Повесть* о начале Русской земли. Но военно-торговые нужды прибрежных больших городов доставляли шедшим мимо них Варягам выгодные занятия и на этом пути, заставляя значительную часть их здесь осаживаться. Сходство занятий и интересов сближало пришельцев с туземными руководителями промышленности по большим городам: те и другие были вооружённые торговцы; содействие первых было полезно вторым для расширения городовых областей и укрепления их за своими городами; те и другие одинаково нуждались в безопасных торговых путях к черноморским и каспийским рынкам. Присутствие этих иноземцев на Руси становится заметно уже в первой половине IX в., в одно время с „варварскими свирепыми наро-

дами“, начавшими грозить сношениям Руси с Византией, и эти иноземцы являются на Руси не простыми прохожими, а исполнителями поручений туземной власти: люди, которые в 839 г., по рассказу Бертинской летописи, в Константинополе объявили себя послами от народа Руси, пришедшими „ради дружбы“, оказались потом Шведами. С того времени Варяги приливали на Русь в таком изобилии, что киевское общество XI в., исторические воспоминания которого передаёт *Повесть* о начале Русской земли, наклонно было даже преувеличивать численность этих пришельцев. В XI в. их представляли на Руси таким густым наносным слоем в составе русского населения, который уже в IX в. распространился по главным городам тогдашней Руси и в некоторых даже закрыл собою туземцев, „первых насельников“: по мнению автора *Повести*, новгородцы, прежде бывшие Славянами, вследствие прилива варяжских „находников“ стали „людьми от рода варяжска“, а Киев, по одному преданию, будто бы и основан Варягами, которые были его первыми насельниками *).

Так правительственный класс, взявший в свои руки военно-торговые дела главных областных городов, составился из двух элементов, из вооружённых промышленников туземных и заморских. Этот класс создал в больших городах то военно-купеческое управление, которое много веков оставалось господствующим типом городового устройства на Руси. К главному городу, старшему или *великому*, как он назывался, тянула, как к своему политическому центру, более или менее обширная *земля* или *волость с пригородами*, младшими городами. Всё вооружённое население города делилось на десять рот или *сотен*, из которых каждая подразделялась на *десятки*; таким образом весь город составлял полк или *тысячу*. Этой тысячей командовал тысяцкий, как военный управитель города; ему подчинены были предводители частей тысячи, сотские, десятские. Замечательно, что только главные города старинных областей образовали полные тысячи; млад-

*) Полное Собр. Русск. Летописей, VII; стр. 268.

шие города или пригороды не были такими цельными полками или тысячами, хотя делились на сотни подобно старшим. Так Псков долго был новгородским пригородом и только с XIV в. стал самостоятельным главой особой волости; он также делился на сотни, но во всё время своей самостоятельной жизни не составлял тысячи и не имел тысяцкого в составе своей администрации *). Из преданий IX в. не запало в наши древние памятники ни одного намёка на то, как эти тысяцкие, сотские и другие городские власти назначались на свои должности. Но впоследствии на противоположных окраинах Русской земли, северной и южной, встречаем две правительственные формы, которые при всех своих местных особенностях были родственны по происхождению, обе отлились по типу древнего городового устройства: одна была в Новгороде, другая в казачестве. Там и здесь управление было выборное. Но казачество было чисто военным товариществом, и потому казацкий круг отличался демократическими привычками: при избрании войскового старшины там все выбирали и каждый мог быть выбран. На вечевой сходке в Новгороде также выбирали все, но далеко не из всех, а только из одного довольно тесного круга лиц. Это различие происходило оттого, что военное устройство Новгорода осложнялось действием торгового капитала. Собравшийся на вече город представлял собою верховную власть в пра-

*) С приобретением самостоятельности Псков стал выбирать двух посадников вместо одного, как было въ Новгороде: но должность тысяцкого не была учреждена, потому что Псков, как бывший пригород, не имел тысячного устройства. Впрочем, где правительственный порядок устанавливался князьями, а не самим городским обществом, там и пригороды, становясь стольными великокняжескими городами, устроялись в тысячи: так встречаем тысяцких в двух бывших ростовских пригородах, во Владимире на Клязьме в XIII в. и в Москве в XIV в. Тысяцкого имел и Новгород Нижний, когда стал великокняжеским городом. Сторожевое укрепление в Киевской земле Белгород, возникшее при св. Владимире из княжеского дворцового села, при Мономахе также было *тысячей*.

вительственных делах; но вне веча промышленными делами сограждан руководили крупные капиталисты. Из их круга державный город обыкновенно и выбирал свою правительственную старшину, что сообщало новгородскому управлению аристократический характер. Правительственный порядок в больших русских городах IX в., всего вероятнее, был ближе к позднейшему новгородскому, который из него прямо и развился. Едва ли тысяцкие и другие власти этих городов назначались где-либо хозарским правительством: с того времени как Печенеги, проникнув в область нижнего Днепра, поколебали хозарское владычество в южной Руси, Хозары не могли деятельно вмешиваться в управление подвластных им Славян, хотя и продолжали некоторое время брать с них дань.

Так до половины IX в. русский город пережил ряд экономических и политических переворотов. Возникнув среди разрушавшихся старых племенных и родовых союзов, из погоста, из незначительного, но счастливо помещённого сельского рынка, он превращался в средоточие нескольких таких рынков, становился сборным пунктом обширного промышленного округа. Успехи торговли создавали в нём круг торговых домов, которые ворочали оборотами округа, служа посредниками между туземными производителями и иноземными рынками, а внешние опасности заставили его потом вооружиться и укрепиться. Тогда его торговый округ превратился в подвластную ему область, а из его главных торговых домов, подкреплённых вождями заморских варяжских компаний, составилась военно-торговая аристократия, которая взяла в свои руки управление городом и его областью. Эту торговую аристократию городов начальная летопись в рассказе о временах князя Владимира и называет „нарочитыми мужами", а выходивших из неё десятских, сотских и других городских управителей „старцами градскими" или „старейшинами по всем градом". Таково было значение и происхождение городских старцев: это—образовавшаяся из купечества военно-правительственная старшина торгового города,

который внешние обстоятельства в IX в. заставили вооружиться и устроиться по военному *).

Но в конце X в., во времена князя Владимира, политическое положение городовой старшины было уже не то, как в первой половине IX в. До киевских князей класс, через эту старшину правивший городом и его областью, был здесь единственной правительственной силой. В X в. он уже должен был делиться выгодами власти с соперником, созданию которого сам более всего содействовал. Это были князь со своей дружиной, выделившиеся из той же военно-торговой аристократии больших городов. Это выделение было тесно связано с образованием Киевского княжества. Волостной город по его первоначальному устройству можно назвать вольной общиной, республикой, похожей на Новгород и Псков позднейшего времени. Им управляла местная военно-промышленная знать, у которой примесь заморского элемента не отнимала характера туземной аристократии. Но там, куда усиленно приливали вооружённые компании из-за моря, пришлый элемент в составе правительственного класса получал перевес, а где притом и внешняя опасность чувствовалась сильнее, там военные интересы брали верх над интересами мирного промысла. Тогда город со своей областью получал характер варяжского владения, военного княжества: из цен-

*) Как выбирались эти старцы, вечем всего города, или только нарочитыми мужами, собиралось ли тогда самое вече,—на эти и другие подобные вопросы можно отвечать только гадательно по сравнению с позднейшим новгородским управлением, которое, устанавливаясь на большом просторе, долго хранило в себе старинные докняжеские порядки, подавленные в других старших городах князем и его дружиной. Не здесь ли кроется ответ на вопрос, почему начальная летопись упоминает о старцах городских только при Владимире? Выросши в Новгороде и привыкнув там действовать об руку с местной городской старшиной, этот князь приблизил её к себе и в Киеве, где её значение было уже затёрто господством княжей дружины. Точно также Владимир поспешил восстановить в Киеве кумиры Перуна и других богов, ещё сильных на далёком севере, но уже начинавших терять своё обаяние на близком к Греции днепровском юге.

трального рынка округа он превращался в постоянный укреплённый лагерь, из которого реже выходили купеческие караваны, чем вооружённые толпы для набегов; вождь города из выборного тысяцкого превращался в военного властителя, варяжского конунга, а корм, который получал он со своей дружиной за военные услуги с оберегаемой области, заменялся данью или окупом, какого потребовали в 980 г. у Владимира посадившие его в Киеве Варяги, сказав князю: „ведь город-то наш, мы его взяли“. В IX в. встречаем четыре таких варяжских княжества: Рюриково в Новгороде, Труворово в Изборске, Синеусово в Белозерской земле, Аскольдово в Киеве; в X в. являются ещё два, Рогволодово в Полоцке и Турово в Турове. Да и до Рюрика бывали на Руси случаи варяжского властительства. *Повесть* о начале Русской земли знает один из них, чем и начинает свой рассказ о призвании князей из-за моря. Здесь читаем, что ещё до прихода Рюрика с братьями Варяги из-заморья брали дань на Славянах новгородских, Чуди и на других северных племенах, которые потом выгнали пришлых властителей и перестали платить им дань. Предание не помнило, когда и как основалось это варяжское владение, кто был вождём Варягов, долго ли продолжалось их владычество; но оно помнило последствия вторжения, дань, восстание данников и изгнание пришельцев. Сторонним наблюдателям эти варяжские владения на Руси казались делом настоящего завоевания: один из них писал, что „племена севера“, т. е. Норманны, завладели некоторыми из Славян и по сие время обитают между ними, даже усвоили себе их язык, смешавшись с ними *). При содействии этих военных варяжских княжеств внешняя оборонительная борьба, какую вели русские промышленные города, перешла в наступательную: по замечанию одной летописи **), Рюрик с братьями, как только

*) Еврей X в. Ибрагим в отрывках, приведённых у араба Ал-Бекри. *А. Куника и бар. Розена*, Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и Славянах, Ч. 1, стр. 46 и 54.

**) Полн. Собр. Русск. Летописей, VII, 268.

уселись на своих княжениях, „начаша воевати всюду". Ряд воинственных морских набегов Руси на далёкие черноморские и каспийские берега, начавшийся ещё в первой половине IX в. и закрывший собою мирные торговые сношения русских городов прежнего времени, имел тесную связь с этими сношениями: то были вооружённые рекогносцировки русского купечества с целью прочистить засорившиеся пути русской торговли и открыть доступ к приморским рынкам. Исходным пунктом этих смелых предприятий, сборным местом русских *витязей* *) был Киев: к этому городу, находившемуся, по выражению араба X в. Ибн-Даста, на самой границе страны Славян, сходились главные речные дороги Руси; всё движение русской промышленности прекращалось, как скоро перехватывалась врагами её водная днепровская артерия ниже Киева. Поэтому в Киеве издавна скоплялось много Варягов: не даром одно попавшее в летопись предание считает их первыми обитателями Киева, а по словам *Повести* о начале Русской земли Аскольд мог набрать здесь столько Варягов, что отважился напасть на самый Царьград. Поэтому же военно-торговая аристократия других промышленных городов готова была поддерживать и издавна поддерживала всякого вождя, направлявшегося к Киеву, чтобы отсюда восстановить старые пути русской торговли. Аскольд с Диром, отделившиеся от дружины новгородского конунга Рюрика, без борьбы утвердились в Киеве, не встретив препятствий на своём пути; шедшего по их следам преемника Рюрикова Олега днепровские города Смоленск, Любеч и тот же Киев также встретили без заметной борьбы. Конунг, сидевший в Киеве, держал в своих руках нити русской промышленности. Отсюда соперничество между конунгами за этот город. Бродячие искатели торговых барышей, хороших кормов за военныя услуги или военные добычи, они перебивали друг у друга ратных людей, доходные города выгодные торговые пути. Понятия и привычки, питавшие

---

*) Русская форма скандинавского *викинга*.

бесконечную усобицу русских князей XI и XII в. за города, за волости, родились ещё в IX в. Киев по своему значению для русской промышленности более других городов вызывал это соперничество. Олег новгородский за него погубил Аскольда и Дира киевских; потом другой новгородский конунг Владимир, истребив конунга полоцкого Рогволода с сыновьями, погубил другого конунга киевского Ярополка, собственного брата. Из этого соперничества вышла первая русская династия: сперва восторжествовал род Рюрика, истребив или подчинив себе своих соперников, других таких же конунгов; потом в роде Рюрика восторжествовало племя младшего его правнука Владимира. Эта династия, утвердившись в Киеве и пользуясь экономическим его значением, постепенно стянула в свои руки разрозненные дотоле части Русской земли.

Так первый опыт политического объединения Русской земли был делом того же интереса, которым прежде созданы были независимые одна от другой городовые области, делом внешней русской торговли. Киевское княжество, как и городовые области, ему предшествовавшие, имело не национальное, а социальное происхождение, создано было не каким-либо *племенем*, а *классом*, выделившимся из разных племён. Руководившая городовыми областями военно-торговая аристократия поддержала самого сильного из конунгов, помогла ему укрепиться в Киеве, а потом военными походами и торговыми договорами с Византией восстановить и обеспечить торговые сношения с приморскими рынками. Это общее дело разрозненных дотоле волостных торговых городов было завершением давних усилий русского промышленного мира, которому с начала IX в. враги начали загораживать торговые пути к Черноморью и Каспию. Та же аристократия помогла киевским князьям распространить свою власть из Киева. Этим содействием объясняется неодинаковый успех князей в подчинении разных племён. Где этот класс был сосредоточен в больших торговых центрах, как у Северян черниговских или переяславских, там вся область без борьбы или после лёгкой борьбы подчинялась киевскому князю,

увлекаемая своей старшиной, тянувшей к нему по единству интересов и частию даже по племенному родству. Напротив, Древлян и Вятичей, у которых, при отсутствии центрального властного города, этот класс ещё не сложился или был разбит на мелкие местные общества, киевским князьям пришлось завоёвывать по частям, долгой и упорной борьбой. Значит, военно-торговая аристократия больших городов была самою деятельною силой в создании политического единства Руси, которое тем и началось, что этот класс стал собираться под знамёнами вышедшего из его среды киевского князя. Но это политическое объединение класса было началом его социального разделения. Его прошлое сообщило ему двойственный характер: руководя торговыми оборотами городовых областей, он был для них и военно-правительственной силой. Теперь его боевые элементы начали переходить в дружину киевского князя, образуя новый правительственный класс *княжих мужей*, получавший уже не местное, а общерусское значение. Другие более мирные люди того же класса оставались на своих местах, продолжая руководить городскими обществами.

Так из правительственного класса больших городов выделился соперник, с которым он должен был поделиться властью. Впрочем, при первых киевских князьях соперничество обоих классов смягчалось памятью об их недавнем товариществе, о близком социальном родстве. В X в. между княжеской дружиной и городской торговой аристократией ещё не было значительного расстояния ни экономического, ни политического. В начальной нашей летописи слово *Русь*, этимологическое и историческое происхождение которого доселе остаётся необъяснённым, имеет изменчивое значение, то географическое, то племённое, то сословное: под ним разумеется и Киевская земля в тесном смысле, и пришлые Варяги в отличие от туземцев Славян, и высший класс, собравшийся вокруг киевского князя, без различия племенного происхождения. Отсюда можно заключить, между прочим, что начальная летопись рассказывает о временах, когда

в составе русского общества мешались племена и начинали разделяться сословия. Константин Багрянородный и арабские писатели X в. противополагали Русь Славянам, как господствующий класс простонародью, которое платило дань Руси. Но можно заметить, что арабы к этому господствующему классу по сходству экономического быта причисляли и городское купечество, не умея отличить его от княжеской дружины. Один из них знал Русь того времени, когда киевский князь со своими наместниками из Киева и других главных городов Руси завоёвывал славянские племена, ещё остававшиеся независимыми, продолжая дело, начатое городовой старшиной прежнего времени *). По его словам, Русь не имеет ни недвижимого имущества, ни пашен, и единственный её промысел—торговля мехами; но эта же торговая Русь „производит набеги на Славян, подъезжает к ним на кораблях, высаживается, забирает их в плен, отвозит к Хозарам и Болгарам и продаёт там“. Из договоров Руси с Греками X в. знаем, что князь киевский, его родня и бояре были тогда главные русские купцы, посылавшие с своими агентами торговые корабли в Византию. Но между тем как правительственный класс Руси торговал, торговая аристократия больших городов продолжала пользоваться правительственным значением. Городские общества оставались в её руках. Города и при князьях сохраняли своё прежнее военное устройство; их полки участвовали в походах княжеской дружины под начальством городовой старшины. Князь Владимир на свои воскресные пиры приглашал вместе с боярами и сотских, десятских и нарочитых мужей. Не принадлежа к княжеской дружине, эти сотники и десятники городов в X в. повидимому ещё выбирались своими горожанами. Но трудно сказать, что сталось с главным вождём городового полка, с тысяцким, который, по выражению летописей XI—XIII в., держал воеводство своей тысячи и

---

*) Ибн-Даста, писавший приблизительно в 930-х годах. *Г. Гаркави*, Сказания мусульм. писателей о Славянах и Русских, стр. 267 и сл.

„весь ряд“ *). Позднее, в XI и XII в., эта важная должность не была уже выборной: тысяцкого назначал сам князь из членов своей дружины, из своих „мужей“. В 1089 г. тысяцким в Киеве был Ян, который в рассказе киевского летописца является дружинником князя, влиятельным боярином. Отца этого Яна Вышату Ярослав I назначил в 1043 г. воеводой в походе на Греков, куда посланы были дружина князя и городовые полки. Но читая рассказ летописи об этом походе, легко заметить особенную близость Вышаты к этим полкам. Рядом с ним видим особого „воеводу Ярославля“, вероятно командовавшего собственно княжей дружиной. Когда бурей выбросило на берег несколько тысяч городского ополчения, никто из княжей дружины не хотел вести их домой; один Вышата сказал: „я пойду с ними; останусь ли жив, или погибну—только со своими вместе“. Это сообщает вероятность догадке, что Вышата был киевским тысяцким **). Может быть, Вышата по происхождению принадлежал к городской неслужилой знати, но служба в сане тысяцкого по назначению князя ввела его с сыном в княжескую дружину. Точно также новгородская знать XI—XII вв., занимая должности в местной администрации по назначению князя, получила значение и звание служилого боярства. Так прежняя старшина больших городов преобразовывалась в княжескую дружину. Назначая тысяцкого из среды городской знати, князь мог поручать эту должность и члену своей дружины, но с согласия города. Нечто подобное было с должностью киевского тиуна, городского судьи, в 1146 г., когда князь обещал киевлянам замещать её „по их воле“. Тем или другим порядком назначения тысяцкого могли примиряться и в X в. притязания обеих сил, деливших между собою власть над обществом. Эта политическая и экономическая близость двух господствующих классов и

*) Лаврент. 201 и 450.

**) Там же, стр. 201, 212, 271, 150. *Соловьёв*, I, 252, по 4-му изданию.

обозначилась присутствием городской старшины в совете князя Владимира рядом с княжеской дружиной, *старцев градских* рядом с *болярами*.

ГЛАВА II.

С XI в. правительственный совет при князе киевской Руси является односословным, боярским.

Пока новое правительство, князь с дружиной, не укрепилось и нуждалось в помощи городской знати, из которой оно само вышло, обе общественные силы стояли очень близко друг к другу. Весь X век они действуют дружно и остаются очень похожи одна на другую, вместе воюют и торгуют, вместе обсуждают в думе князя важнейшие вопросы законодательства. Но потом обе эти силы, столь родственные по происхождению, расходятся всё дальше. Это взаимное удаление обнаруживается с половины XI в., при детях Ярослава; оно было подготовлено разными обстоятельствами. Княжеское правительство, устроившись и укрепившись в административном и военном отношении, стало меньше нуждаться в содействии городового управления и городовых полков. Княжение Владимира, когда городские старейшины так часто появлялись в княжеском дворце рядом с боярами, было временем самой напряжённой борьбы со степью. Тогда киевское правительство всюду усиленно искало ратных людей. Но страшное поражение, нанесённое Ярославом Печенегам в 1036 г. под стенами Киева, на некоторое время развязало руки правительству с этой стороны. В то же время стало заметно расширяться политическое и экономическое расстояние между княжеской дружиной и городской аристократией. Служебные преимущества всё более сообщали первой значение дворянства, низводя последнюю в положение простых мещан. Торговые успехи распространили в стране значительный оборотный капитал, подняли денежные доходы правительственного класса насчёт дохода нату-

рой и ослабили его непосредственное участие в торговых операциях городов. Появление у бояр привилегированной земельной собственности, признаки которой становятся заметны с XI в., ещё более удалило этот класс от городского общества, владевшего торговым капиталом.

По памятникам X—XII вв. можно видеть, из каких элементов составлялся и как обособлялся служилый класс. В него переходили люди из городской знати и даже из городского простонародья: известно летописное сказание о скорняке, которого кн. Владимир сделал „великим мужем“ вместе с отцом его за то, что он одолел печенежского богатыря в 992 г. Обособлению класса от остального общества содействовал прежде всего племенной его состав. В дружину варяжского конунга, утвердившегося в Киеве, в первое время вступали преимущественно его соотчичи, прилив которых продолжался почти до половины XI в.; благодаря этому слово *боярин* долго сохраняло у нас преимущественное значение знатного служилого варяга *). В летописи сохранилось известие о вступлении одного печенежского князя на службу к Владимиру в 992 г. В дружине князей XI и XII в. встречаем людей из Финнов, Угров, Половцев, Хозар, Поляков,

*) В перечнях русских послов, заключавших договоры с Греками в X в., решительно преобладают скандинавские имена. В слове о смирении, одном из древних слов на св. Четыредесятницу сохранивших признаки принадлежности первым временам христианства на Руси, проповедник представляет современного ему русского боярина непременно человеком одного племени с киевскими мучениками-варягами. „Не хвались родом, благородный, поучает он, не говори: отец у меня боярин, *а мученики Христовы братья мне*“. Это намёк на варягов-христиан, отца с сыном, пострадавших от киевских язычников при кн. Владимире в 983 г., и ничего другого значить не может: в XI в. на Руси было распространено предание о мучениках-варягах, и русская служилая знать любила хвалиться племенным родством с ними, т. е. была в большинстве скандинавского происхождения или по крайней мере сама так думала. См. об этих словах в прибавлениях к твор. св. отцов, ч. XVII, кн. 1, стр. 34, и Опис. слав. рукоп. Синод. библ., отд. 2, прибавление, стр. 89.

Торков. Среди этих пёстрых по социальному и племенному происхождению элементов класса уже в XI в. заметны следы иерархического деления. Нося общее неопределённое название *дружины*, служилый класс распадался на дружину *старейшую* или *большую* и *молодшую*. Первую составляли *княжи мужи*. Если дошедший до нас текст договоров Руси с греками точно воспроизводит социальную терминологию X в., то старшая дружина уже тогда носила ещё название *бояр*; доселе не объяснено удовлетворительно этимологическое значение этого термина. В глазах простого неслужилого населения и младшая дружина считалась мужами, боярами; но летопись XI—XIII вв. называет её в отличие от настоящих бояр *боярцами* или боярами *молодыми* *). Старшая дружина отличалась от младшей не только правительственным и придворным своим значением, но и некоторыми юридическими преимуществами, сообщавшими ей характер привилегированного сословия. Главное из этих преимуществ состояло в более заботливом ограждении личной безопасности законом: за убийство княжа мужа закон грозил вдвое более тяжкой вирой, чем за убийство младшего дружинника и простолюдина. С другой стороны, всякий дружинник, старший и младший, пользовался некоторыми землевладельческими привилегиями, если приобретал землю в собственность. Благодаря этим разнообразным преимуществам, служебным, личным и хозяйственным, принадлежавшим не всем членам дружины в одинаковой мере, слово *боярин* с течением времени перестало быть синонимом *княжа мужа* и получило различные специальные значения в разных сферах жизни. Около половины XI в. ещё не было проведено точной и окончательной юридической межи между старшей и младшей дружиной. Так из Русской Правды знаем, что „конюх старый у стада", т. е. староста конюший князя впервые причислен был к привилегированным княжим мужам одним частным пригово-

*) Никон. I, 104. Лавр. 121, 256, 211, 361. 129 Ипат. (по изд. Археогр. Комм. 1871 г.), стр. 604.

ром кн. Изяслава Ярославовича, присудившего двойную виру за убийство своего конюха. Таковой же привилегией двойной виры пользовался и другой приказчик по дворцовому хозяйственному управлению, „тивун огнищный“ (дворецкий). Как видно из этих указаний Русской Правды, князья старались распространить права старшей дружины на своих дворовых слуг. Так расширен был первоначальный состав класса княжих мужей, к которому принадлежали собственно старшие военные сотрудники князя, а не дворовые слуги, заведывавшие его хозяйством и нигде не являющиеся в звании бояр. Это звание напротив сузилось, стало теснее класса княжих мужей: оно усвоено было верхнему слою этого класса, сановникам, занимавшим высшие военные и правительственные должности и преимущественно тем, которые составляли совет князя *). Но получив более тесное значение при княжем дворе, звание боярина расширилось вне правительственной сферы: на языке частных гражданских отношений боярами независимо от придворной иерархии назывались все служилые привилегированные землевладельцы и рабовладельцы по тесной связи тогдашнего землевладения с рабовладением. Таким является боярин в Русской Правде и с таким же значением проходит это слово по памятникам нашего права до самого XVIII в.

Под влиянием перемен, испытанных обоими господствующими классами, княжеской дружиной и городской знатью, в XI и XII вв. отношения между ними облеклись в своеобразные формы, которые существенно изменили состав думы при князе и самое её значение. Владимир Св. правил Русской землёй с советом своих бояр, в который иногда призывал и городских старейшин. Со смерти Владимира Св. в

*) В переводных произведениях XI–XII вв. термином *боярин* передаются греческие или латинские слова, означающие начальника, правителя, члена государственного совѣта (ἄρχων, praefectus, senator); *боярство*—сенат и правительственная должность вообще. См. эти слова в Словаре *Востокова*. Ср. *Калачова*, О значении Кормчей, стр. 61.

Киеве и других старших городах рядом с князем и его боярами, а иногда и против них всё заметнее выступает *вече*, общая городская сходка. Читая некоторые известия киевской летописи XI и XII в. можно подумать, что и при более деятельном участии городского веча в политических делах княжеский совет оставался в прежнем составе, представители городских миров сохраняли ту же близость к князю и его боярам, какая существовала между ними во время кн. Владимира. В 1096 г. князья Святополк и Мономах позвали Олега черниговского в Киев подумать вместе, „ряд учинить" перед епископами и игуменами, перед мужами отцов своих и перед „людьми градскими" о том, как оборонить землю Русскую от поганых. В важных или торжественных случаях великие князья звали к себе „киян" на совещание или пир, как делал св. Владимир *). Но эти кияне „люди градские" не были прежние городские старейшины, „старцы людские". Городовая старшина, т. е. те высшие сановники, тысяцкий с сотскими, которые сидели в думе кн. Владимира, теперь назначались князем из его дружины и не были уже представителями городских миров. О тысяцком летопись прямо указывает на это; о сотских можно так думать потому, что в немногих летописных известиях, их касающихся, они являются в составе княжеской администрации рядом с тысяцкими **). Этой переменой объясняется, почему с XI в. летопись не говорит о городских старейшинах: их места в городском управлении занимали уже члены княжей дружины, могли занимать и люди из городской знати по назначению князя; но такое назначение вводило их в состав княжей

*) Лаврент. 222. Ипат. 160, 288 и 290.

**) Ипат. 231, 527 и 198: тысяцкий Путята, брат упомянутого выше Яна Вышатича, является по летописи в числе „мужей", бояр кн. Святополка. См. там же стр. 180 и 186 в известном законе Мономаха о ростах, занесённомъ в Русскую Правду, тысяцкие названы „дружиной" князя. О сотских см. Ипат. 231 и 509. Излагаемые здесь соображения не относятся к Новгороду Великому, где с XII в. дела шли иным путём, как увидим далее в VIII главе.

дружины и лишало характера городских старцев. Обессилеваемая этими переходами и вытесняемая из городского управления княжей дружины, аристократия больших городов однако не утратила своего местного значения. Отдалившись от княжей дружины, она стала ближе к городскому простонародью, руководила вечем и в столкновениях последнего с князем являлась посредницей между ними. Такими посредниками и были те „кияне“, которые по временам приходили к князю на его двор говорить о политических делах. Они не были должностными лицами, являлись перед князем в качестве влиятельных вождей городской сходки, и потому летопись называет их не „старцами градскими“, а просто „лучшими людьми“. В событиях XII в. довольно явственно выступает такое значение этих лучших людей. В 1146 г. великий кн. Всеволод на пути в Киев из похода разболелся. Став под Вышгородом, он призвал к себе киевлян и предложил им в преемники брата своего Игоря. Те согласились. Явившись с ними в Киев, Игорь созвал „всех киян“, которые, собравшись на вече, присягнули новому князю. По смерти Всеволода все киевляне, собравшись на Ярославовом дворе, вторично присягнули Игорю, но потом, сошедшись на другом месте, позвали к себе князя. Последний, остановившись с дружиною поодаль от веча, послал туда брата своего Святослава. Киевляне начали жаловаться ему на тиунов Всеволода и потребовали обязательства, чтобы в обидах князь сам творил расправу. Святослав отвечал: „целую крест за брата, что не будет вам никакого насилия, будет у вас тиун по вашей воле“. Во время этих переговоров князь и присутствовавшие на вече горожане были на конях: то были переговоры военного общества, вооружённого города со своими вождями. Обе стороны, спешившись, скрепили взаимные обязательства крестоцелованием. Потом Святослав, взяв с веча „лучших мужей“ привёл их к дожидавшему его Игорю, который, также сошедши с коня, поцеловал им крест „на всей их воле“ и поехал обедать. Эти лучшие люди, очевидно, не постоянная городская власть, а де-

путаты веча, выбиравшиеся из городской знати особенно всякий раз, как являлась в них нужда: летопись иногда и называет их „послами". Их не видим в думе князя рядом с боярами: князь призывал их, чтобы через них сообщить вечу решение, принятое им на совете со своей братией князьями или с боярами, и через них же узнать ответ веча. Такими посредниками были и киевляне, призванные Всеволодом под Вышгородом. При смерти больной князь не мог много говорить с большой толпой; он только сообщил приглашённым своё распоряжение о преемнике, ещё за год перед тем обдуманное им сообща с его ближайшими родичами. Не „лучшие люди созывались на княжеский двор для совещания вместе с его боярами и дружиною под непосредственным председательством самого князя" *), а наоборот князь со своими боярами и дружиной иногда являлся на городской площади среди веча, чтобы сообща обсудить дело и уговориться. Известно несколько таких случаев, бывших в Киеве и Новгороде, где летопись ставит рядомъ дружину и горожан на княжеском совете, там следует видеть не одно, а два собрания, боярскую думу и вече горожан, действующие раздельно или соединённо **).

Летопись иногда очень наглядно изображает эти соединённые присутствия думы и веча, если можно так выразиться о сходке на городской площади с участием князя и его дружины. В 1147 г. Изяслав в Киеве созвал бояр своих, всю свою дружину и киевлян и „явил" им свою мысль, принятую по совету с братией, идти на дядю Юрия. Бояре и дружина молчали, т. е. соглашались на предложение своего князя;

---

*) Слова г. *Иловайского* в его Истории России, ч. 2, стр. 301. Ипат. 229 и след.

**) См., например, по Ипатьевскому списку летописи рассказ о борьбе Изяслава с Юрием Долгоруким под г. 1151, стр. 592: „Вячеслав же и Изяслав и Ростислав, съзвавше братию свою и почаша думати... Дружина же Вячеславля и Изяславля и Ростиславля и всих князей устягивахуть от того и кияне, наипаче же Черниш Клобуци... Вячеслав же, Изяслав и Ростислав, послушавши дружины своея и киян и Черных Клобуков"...

но киевляне возражали и, между прочим, заявили, что не могут поднять руки на Мономахово племя, т. е. на Юрия. Изяслав выступил в поход, ответив на возражение горожан: „а тот добр, кто за мной пойдёт". Несколько времени спустя он прислал в Киев посла, приказывая остававшемуся там брату своему, митрополиту и киевскому тысяцкому созвать киевлян на вече на двор к св. Софии. Здесь в присутствии Изяславова брата, владыки и тысяцких обоих князей посол от лица Изяслава напомнил собравшимся „от мала до велика" горожанам прежнее совещание, предложение князя и ответ киевлян на него и пригласил их исполнить данное ими на том же совещании слово пойти на Ольговичей черниговских. Очевидно, и прежнее совещание было такое же вече, только с участием самого князя, его бояр и всей дружины. Но летописец хорошо отличал боярскую думу князя от городского веча и других больших народных собраний. В 1093 г. в походе на Половцев князья Святополк, Владимир и Ростислав на берегах Стугны „созваша дружину свою на совет, хотяче поступити через реку, и начаша думати". На этом совете присутствовал и известный нам Ян. Он со „смысленными мужами" пристал к мнению Мономаха, который высказался за мир с Половцами. Но киевляне были против этого мнения, объявили, что хотят драться с погаными, и их голос одержал верх. Эти киевляне — киевский городовой полк, участвовавший в походе. Говоря о совете князей с дружиной, летопись не упоминает о киевлянах. Но пока князья думали с боярами, киевский полк „встал" вечем, сидя на конях, как он делал и в самом Киеве. Когда на этом вече сделалось известно предложение Мономаха, киевляне, вооружённая *тысяча*, „не вхотеша совета сего", разошедшись в этом случае даже с собственным командиром, если только Ян тогда ещё оставался в должности киевского тысяцкого, которую он занимал в 1089 г. *). В 1187 г. Ярослав Осмомысл, князь галицкий, почувствовав близость смерти созвал к себе в стольный город дружину „мужей своих",

*) Ипат. 243 и 246. Лавр. 300 и 212.

духовенство всех соборов и монастырей, нищих, словом, всю Галицкую землю, и три дня прощался со всеми. Но в это же время у князя разрешался вопрос о передаче стола галицкого младшему сыну Ярослава мимо старшего и разрешался с одними боярами: князь об этом государственном деле „молвяшеть мужем своим“ и только им. В рассказе летописи явственно выражается мысль, что собравшиеся в Галич всякие люди не участвовали в обсуждении этого дела, не составляли всесословного собора или земского веча ни законодательного, ни совещательного. Подобное явление встречаем и на суздальском севере. Решившись передать свой стол и старшинство младшему сыну Юрию, Всеволод III в 1212 г. созвал „всех бояр своих с городов и с волостей и епископа Иоанна и игумены и попы и купцы и дворяны и вся люди“ и заставил их присягнуть Юрию; но „думцами“, с которыми великий князь „смышлял“ об этом деле, которые после многих „словес“ и пререканий „сдумаша сия тако сотворити“, были только бояре князя да епископ Иоанн *).

Так дума и вече представляли собою не параллельные государственные ведомства и не разные правительственные инстанции, а два общественные класса, две различные политические силы, друг с другом соперничавшие. Эти учреждения различались между собою не столько правительственными функциями, сколько социально-политическими интересами. Отношения между обоими классами, интересы которых находили себе выражение в думе и на вече, в XII в. основывались на взаимном соглашении, на договоре или „ряде“.

*) Ипат. 442. Воскрес в Полн. Собр. летописей VII, 117. Никон. II, 311. Точно также Мстислав, получив Волынское княжество по завещанию от брата своего Владимира Васильковича в 1287 г., приехал в г. Владимир, созвал бояр и горожан, даже Немцев, и велел прочитать завещание умиравшего тогда брата. Когда все от мала до велика выслушали грамоту, епископ благословил Мстислава на княжение. Это не совещание земских людей с боярами и даже не городское правительственное вече в присутствии бояр и князя, а простое оповещение обывателей о распоряжении умиравшего князя, сделанном без их участия. Ипат. 596.

В старых городах киевской Руси этот договор не успел развиться в точно определённые постоянные условия, подобные позднейшим новгородским, в такие условия, которые везде имели бы одинаково обязательное значение: они определялись обстоятельствами, расширялись или стеснялись, даже иногда совсем исчезали, смотря по тому, на которую сторону склонялся перевес силы. Князь, садясь на какой-либо стол, должен был прежде всего „утвердиться с людьми“ обоюдным крестоцелованием: таково было господствующее мнение. По понятиям века все отношения князя должны были держаться на крестном целовании, на договоре с политическими силами времени, среди которых он вращался. „Бог велел вам так быть, говорили тогдашним князьям: творить правду на сем свете, по правде суд судить и в крестном целовании стоять“. К числу этих сил принадлежали и старшие стольные города: князь должен был „взять ряд“ с горожанами, чтобы укрепить свой стол под собою *). Необходимость этого вытекала из положения, какое занимали тогда обе стороны, старшие города и князья со своими дружинами. Первый опыт политического объединения Русской земли был делом дружных усилий торгового населения больших городов и военного класса, созданного в его среде внешними опасностями русской торговли IX в. Но это объединение разъединило прежних союзников и поставило их друг против друга. Эта перемена тотчас отразилась на составе правительственного совета при князе: представителей городской торговой знати, в X в. сидевших в думе рядом с боярами, не видим там в XI и XII в. Но политическая роль этой знати не пала, а только переместилась на другую сцену: перестав давать князю советников из своей среды, этот класс стал заправителем городского веча. Сами князья помогли ему найти это новое поприще. Политическое единство Руси, созданное совокупными усилиями обеих общественных сил, но ещё не упроченное, стало разрушаться по смерти Яро-

*) Ипат. 326, 360, 363, 365 и 375.

слава I. Княжеский род, шедший от Владимира Св., признавался носителем верховной власти, призванным творить правду в Русской земле, думать о земском строе и земской обороне, чем и были его равноапостольный родоначальник со своим сыном Ярославом Правосудом. Но в правительственном обиходе долго и после Ярослава князья, за исключением Мономаха, став уже степными наездниками, боронившими Русскую землю от поганых, во многом оставались верны привычкам и понятиям своих языческих предков IX и X в., морских викингов на русских реках, которые мало думали о земском строении. Двухвековою деятельностью в русском князе выработался тип, завязавшийся в самом её начале: это военный сторож земли, её торговых путей и оборотов, получавший за то корм с неё. Когда князей развелось много, они стали делиться сторожевыми обязанностями и выгодами, сторожевыми кормами, деля между собою и меняя области по очереди старшинства. Это очередное владение делало князя бродячим гостем области, подвижным витязем, каким он был два века назад. Тогда старшие города остались одни постоянными и привычными руководителями своих областей. Политические отношения начали локализоваться попрежнему: местные миры, стянутые к Киеву князьями X в., опять потянули к своим местным центрам; пригороды опять, как в старину, стали послушно принимать то, что решали на вече „старейшие“ города, и этими „старейшими“, „властями“, как их называет северный владимирский летописец XII в., являются в рассказе последнего те же самые города, которые стояли во главе областей ещё до объединения Русской земли киевскими князьями, Новгород, Смоленск, Киев, Полоцк *). Восстановив значение старших городов, как руководителей областных обществ, князья своим порядком владения указали и направление их руководящей деятельности. Этот порядок далеко не отвечал нуждам времени и создавал местным обществам

*) Лаврент. 350.

немало затруднений. Очередной князь-владетель нередко оказывался плохим правителем и защитником; самая очередь владения всё более запутывалась по мере размножения княжья; отсюда возникали споры и усобицы, подвергавшие страну внутренним и внешним бедствиям. Князьям приходилось улаживать свои раздоры взаимными договорами. Всё это, роняя авторитет княжеской власти, побуждало старшие города вмешиваться в княжеские отношения, с которыми не могли справиться сами князья, и в свои отношения к князьям вносить то же начало договора. Не отрицая державных прав целого княжеского рода, старшие города не признавали их полноты за отдельными родичами и считали себя в праве договариваться с ними, как они договаривались между собою, требовать, чтоб князья садились на их столы с их согласия, „взяв ряд“ с ними. Так при отсутствии постоянного закона, которого не умели выработать, случайный и изменчивый договор становился временной скрепой всех отношений, и князей к городам, и между самими князьями. Но по мере того как князья превращались в подвижных земских сторожей, перебивавших друг у друга волости, т. е. волостные кормы, как они поступали некогда, и волостные города всё решительнее выступали хозяевами-наёмщиками, разборчиво принимавшими или перебивавшими этих сторожей друг у друга. Город выражал свою волю на вечевой сходке. Как скоро старшие города стали руководителями своих областей, а княжие мужи вытеснили из городского управления их старшину, вече должно было стать на её место блюстителем городских и областных интересов. Наиболее обычным поводом, собиравшим вече, были замешательства в княжеских делах, когда либо князь обращался за содействием к городу, либо город находил нужным оказать противодействие князю. Потому со смерти Ярослава I веча появляются в летописи всё чаще и шумят всё громче. Здесь и нашла себе новое общественное дело городская знать „лучших мужей“, из которой выходила прежняя старшина: потеряв участие в княжеском управлении, она естественно ста-

новилась во главе городского простонародья, собиравшегося на вече. Так политические отношения XI—XII вв. во многом были возвратом к порядку, действовавшему до основания великого княжества Киевского. Русская земля первоначально сложилась из самостоятельных городовых областей помощию тесного союза двух аристократий, военной и торговой. Когда этот союз земских сил распался, составные части земли стали также возвращаться к прежнему политическому обособлению. Тогда знать торгового капитала осталась во главе местных миров, а аристократия оружия со своими князьями скользила поверх этих миров, едва поддерживая связь между ними. Борьба этих двух сил и была основным фактом, из которого развивались политические явление при Ярославичах: то была борьба двух прав, княжеского и городового, двух земских порядков, из коих один объединял землю посредством очередного княжеского владения, другой разбивал её на самостоятельные городовые волости. При тогдашнем положении обеих соперничавших сил договор, „ряд“ оставался единственным мирным выходом из этой борьбы двух порядков, единственным средством поддержания разрушавшихся земских связей. Он не вводил нового порядка взамен обоих боровшихся, а только помогал их восстановлению и примирению.

Так, правительственный совет при князе стал чисто боярским, служилым. Но начало договора, лежавшее в основании отношений князя к своей братии и к старшим городам, оказывало сильное действие и на отношения князя к его вольным слугам. Княжеские споры и распри за старшинство, за очередь владения, давали старшим городам возможность выбирать между соперниками, не выходя из-под власти русского княжеского рода. Точно также при переходах князей из волости в волость вольные слуги могли переходить от князя к князю, оставаясь на службе у русского княжья. Как выбор князя городом вёл к договору между ними, так и вступление вольного слуги на службу к князю вызывало соглашение между ними, обоюдные обяза-

тельства. В княжеских отношениях дружина является на ряду с господствующими общественными силами, с которыми приходилось считаться каждому князю, на ряду с князьями, высшим духовенством, старшими городами. Садясь на киевский стол, новый великий князь „брал ряд" с братией, дружиной и горожанами. Дружина отца, переходя на службу к сыну, целовала ему крест и при этом переходе иногда решала судьбу княжеского стола вопреки княжеской очереди. По смерти Святослава Ольговича в 1164 г. черниговский стол по старшинству принадлежал его племяннику Святославу Всеволодовичу. Но дружина покойного князя, именно „передние мужи" его, бояре, хотели посадить его сына Олега на опустевший стол и по думе с княгиней вдовой и местным епископом поцеловали Спасов образ, поклявшись не посылать за очередным владельцем до приезда Олегова. Последний добровольно уступил потом черниговский стол старшему двоюродному брату. Когда князья целовали крест друг другу, их клятва скреплялась крестоцелованием их бояр. На княжеских съездах дружина, бояре были необходимыми деятельными участниками совещаний, вступали в прения с князьями; не считалось возможным решить дело соглашением одних князей, без согласия их бояр. Мономах подговаривал великого князя Святополка на поганых. Святополк не возражал, но отдал дело на обсуждение своей дружине. Та, как и Мономахова дружина, была против похода. Святополк послал сказать двоюродному брату: „съедемся и подумаем о том с дружиною". На съезде Мономах держал сильную речь к своим и братним боярам, стараясь разбить их возражения, и только когда дружина согласилась с ним, великий князь заключил совещание словами: „я готов, брат, идти с тобою". Иногда, напротив, князья должны были принимать мнение дружины, отказываясь от своего, с которым она не соглашалась: так поступили даже настойчивый Изяслав Мстиславич с братом в 1151 г., во время борьбы с Юрием Долгоруким, когда против них высказалась дружина всех шести присутствовавших на совещании кня-

зей и была поддержана киевлянами и Чёрными Клобуками *).

Общественное мнение тогдашней Руси давало большую политическую цену боярскому совету и считало его необходимым условием хорошего княжеского управления. Если князь не советовался со своими боярами, если он „думы не любяшеть с мужми своими“, летописец XII в. отмечал это, как признак недоброго князя **). От свойства советников зависели политические успехи князя, его добрые или враждебные отношения к другим князьям. Среди житейских афоризмов, щедро рассыпанных в известном древнем *Слов̀ѣ* Даниила Заточника и заимствованных из запаса народной наблюдательности, читаем такую политическую притчу: „с мудрым думцею князь высока стола додумается, а с лихим думцею думает, и малого стола лишен будет“***). Бояре были ближайшими посредниками между князьями: через них последние улаживались в размолвке, разбирали свои взаимные счёты; крестоцелование князей скреплялось присягой их бояр на том, чтобы „между ними добра хотеть, честь их стеречь и не ссорить их друг с другом“. Боярин Давида Ростиславича Василь донёс своему князю, что Владимир Мстиславич, князь волынский, замышляет против своего племянника, великого князя Мстислава. Давид сказал об этом Мстиславу. Приехав в Киев, Владимир уверял, что это неправда. Мстислав сослался на Давида, который послал Василя уличать провинившегося князя, и началась „тяжа“, суд по форме. Василь явился с двумя приставами, Давидовым тысяцким и другим боярином; представителями обвиняемого на суде были два его боярина, которые спорили с Василём, отрицая взводимое на их князя обвинение; но по Василе „вылез послух“, который подтвердил его показание.

*) Ипат. 365, 357, 278, 191 (ср. Лаврент. 267), 295 и 368.

**) Там же 444.

***) В том же *Слове*: „Князь не сам впадает во многие вещи злые, но думцы вводят“; „умных дума добра, тех бо и полцы крепцы и гради тверды“ и т. п. Ср. Описан. слав. рукоп. Моск. Синод. библ., отд. 2, прибавление стр. 88.

Мстислав покончил тяжбу одним из видов суда Божия, предложив дяде поцеловать крест на том, что не умышлял лиха на племянника. Таким общественным значением бояр определялось политическое значение боярской думы для князя, которое, может быть, никогда в те века не выражалось в виде непременного условия, точно формулированного боярского права, но тем не менее служило основанием отношений между князем и его боярами. Советоваться с боярами было для князя не столько формальной обязанностью, сколько практической необходимостью. Боярин был не столько слуга, сколько правительственный сотрудник князя, ответственный свидетель и участник его политических дум и предприятий. Князь должен был „являть“ ему свою думу; в каждом важном деле предварительное соглашение князя с боярами предполагалось само собою. Бояре считали себя в праве отказать князю в своём содействии, если дело задумано без их ведома, а князя, действовавшего без бояр, общество встречало с недоверием. Князю принадлежал выбор советников; он мог изменять состав своего совета, но не считал возможным остаться совсем без советников, мог разойтись с лицами, но не мог обойтись без учреждения. Черты, которыми характеризовалось политическое значение бояр, как советников князя, особенно полно и осязательно выступают в дальнейшем рассказе летописи о тех же князьях Мстиславе и Владимире, между которыми шла описанная выше тяжба. Не смотря на данную племяннику клятву, Владимир без ведома своих бояр завёл сношения с Чёрными Клобуками, поднимая их на Мстислава. Уж после того как варвары обещали своё содействие, Владимир явил боярам „думу свою“. Но дружина сказала ему: „ты это, князь, сам собою замыслил, так не едем за тобою: мы того не ведали“. Взглянув на свою младшую дружину, на *детских*, князь отвечал боярам: „ну, так вот эти будут моими боярами“. Он поехал к Клобукам без бояр. Но те встретили его враждебно, сказав ему между прочим: „ты обманул нас, приехал один, без братии и без мужей своих“. С этими словами они принялись

стрелять в князя и перебили его детских. Мстислав отставил от службы двоих из своей дружины за то, что их холопы украли коней из княжего стада. Злобясь на то, оставленные бояре на походе князей в степь наговорили Давиду Ростиславичу, будто Мстислав хочет схватить его с братом. Ростиславичи поверили клевете и потребовали от Мстислава нового крестоцелования на том, что он не замыслит на них лиха. Мстислав обратился за советом к своей дружине. Та посоветовала ему согласиться на крестоцелование, но с тем чтобы Ростиславичи выдали ссорщиков. При этом она сказала своему князю: „ты прав перед Богом и перед людьми; тебе нельзя было того без нас ни замыслить, ни сделать, а мы все ведаем твою истинную любовь ко всей братии". Значит, бояре поставили себя в *послухи*, свидетели правоты своего князя в тяжбе его с братией *).

Князь XII в. часто думает с своей дружиной. Рассказ летописи об этих „думах" даёт понять важное политическое значение боярского совета; но его устройство и значение правительственное не раскрываются в этом рассказе с достаточной полнотой. Отношение боярской думы к князю ясно; но неясно её отношение к административному механизму, двигателем которого был князь с боярской думой. Главная причина этого в том, что мы знаем боярскую думу того времени почти исключительно по летописи, а летопись выводит бояр-советников почти только в походах князя на врагов и в отношениях его к другим князьям. То были чрезвычайные, хотя и частые случаи, так сказать, дела внешней политики князя. Ход внутреннего управления, течение ежедневных административных дел остаются у летописца в тени, в глубине сцены, на которой разыгрываются описываемые им события. Благодаря этому многое в устройстве и деятельности боярской думы тех веков остаётся необъяснимым.

Обозначая состав думы, летопись XI в. часто говорит, что князь думал со своей „дружиной". Но под этим неопреде-

*) Ипат. 278. О Мстиславе и Владимире там же под годами 1169 и 1170, стр. 366—371.

лённым выражением летописец разумел только верхний слой класса, носившего такое название, „старейшую“ или „большую“ дружину, „передних“ или „лепших мужей“, которые были обычными, постоянными советниками князя. Если князь предпринимал дело, „не поведав мужем своим лепшим думы своея“, летописец отмечал это, как необычное и неправильное явление *). В летописном рассказе о заседаниях княжеского совета эти обычные и постоянные советники чаще всего зовутся просто „мужами“ или „боярами“. В исключительных случаях, на походе, когда князь спрашивал мнения своей младшей дружины, летописец точно отличает последнюю от старших дружинников, замечая, что была дума не только с мужами, но и со *всей* дружиной **). Повидимому, *боярин* уже тогда получал специальное значение советника, постоянного княжего „думцы“ или „думника“: один князь XII в., герой *Слова о полку Игореве*, отличал „бояр думающих“ от „мужей храборствующих“, от военной дружины, не имевшей места в думе ***). Выше было рассказано, как кн. Владимир Мстиславич пригрозил своим несговорчивым боярам возвести в звание бояр своих *детских*, людей младшей дружины. Может быть, князь и не исполнил своей угрозы, не возвёл детских в бояре; но если он грозил этим, то, значит, считал пожалование боярского сана своим княжеским правом. Трудно сказать, чем руководились князья при этом пожаловании, были ли необходимы какие-либо личные или генеалогические качества, чтобы получить это звание. Очень вероятно, что к концу XII в. на Руси образовался уже круг служилых фамилий, члены которых, достигнув надлежащего возраста, служили боярами при многочисленных

---

*) Ипат. 357; дружина в думе—передние мужи; 250: „съзва дружину свою старейшюю и яви им“; 416. Св. Лаврент. 211 и 361.

**) Ипат. 252 и 266: Изяслав с братией „съзваша бояры свое и всю дружину свою и нача думати с ними“.

***) *Погодина*, О наследственности древних санов, в Архиве ист.-юр. сведений, *Калачова*, кн. 1, отд. 1, стр. 78 и 79. Ср. *Соловьёва*, Ист. Росс. III, 15 по 4 изд. Ипат. 508 и 525.

княжеских дворах того времени. По летописи известны случаи, впрочем очень редкие, когда даже в важной должности киевского тысяцкого являлись преемственно отец и сын, старший и младший брат. Но в составе дружины, даже в числе бояр, по крайней мере галицких, встречаем людей и неслужилого происхождения, не только из духовного звания, но и „от племени смердья“, по выражению летописца *).

Правительственный состав думы доступен изучению не более социального. Трудно сказать, каково было административное положение её членов, занимали ли все они какие-либо должности вне думы, или правительственное значение некоторых ограничивалось званием княжеских советников. В старых областях киевской Руси при княжеских дворах XII и XIII в. встречаем довольно значительный штат сановников. То были: *тысяцкий* с *сотскими*, обыкновенно командовавший полком стольного города, *дворский* или дворецкий, *печатник*, *стольник*, *меченоша*, *мечники*, *конюший*, *седельничий*, *покладник* или постельничий, *ловчий*, *ключники* и *тиуны* разных родов, *осменик* и *мытники*, *биричи*, *подвойские*. Некоторые из этих должностных лиц были очевидно дворцовые слуги невысокого ранга; другие, напротив, входили в состав того, что можно назвать высшим центральным правительством в княжестве того времени. Тысяцкий и дворский принадлежали к „великим боярам“ и в рассказе летописцев иногда являются самыми видными и влиятельными сановниками. Волынский летописец XIII в. причисляет к боярам вместе с дворским и стольника, который даже является у него потом в должности дворского, а при кн. Андрее Боголюбском в числе бояр и важным дипломатическим агентом встречаем мечника. Печатник и меченоша командовали полками, а первый кроме того является в одной провинции Галицкой земли с поручением от князей устроить местные дела и успокоить общество. Тиуны у князей, как и у бояр, служили по домашнему хозяйству в городе при дворце и в

*) Ипат. 434.

княжьих сёлах; принадлежа к штату простых дворовых слуг, они отличались от „мужей" родом службы, не входили в состав ратной дружины, хотя по личным правам Русская Правда ставит некоторых из них, например, тиуна конюшего, даже наравне с членами старшей дружины. Но были ещё правительственные тиуны, которым князь поручал суд и расправу, в городах своего княжества, даже в столице. Эти городовые судные тиуны были важные сановники с большою властью: киевляне в 1146 г. жаловались на тиунов, поставленных вел. кн. Всеволодом в Киеве и Вышгороде, говоря, что они неправдами своими „погубили" оба города; идя в Киев на великокняжеский стол, князь посылал туда наперёд своего тиуна. Если Татищев в своём повествовании о полоцких событиях 1217 г. и о княгине Святохне точно передал административную терминологию исчезнувшей летописи, из которой заимствован этот любопытный рассказ, то в г. Полоцке, как и в Новгороде, кроме тысяцкого был ещё *посадник*. Мало того: рядом с этими сановниками там в числе знатнейших вельмож и „главных советников князя" является ключник, называвшийся иначе *казначеем* *).

В думе князя XII и XIII в. имели место важнейшие из этих должностных лиц, служивших органами княжеского центрального и дворцового управления. Это можно сказать о дворском, печатнике, стольнике, меченоше, главном мечнике, казначее. Участие тысяцкого в княжеском совете известно по летописи; в смоленских актах 1284 г. боярами-советниками князя являются наместник, соответствовавший полоцкому посаднику, и *окольничий*, придворный сановник, который становится впервые известен по одной из этих грамот, а в другой, излагающей условия торгового договора с Ригой, рядом с боярами и другими советниками смоленского князя

*) Ипат. 518, 525, 529, 530, 230, 388, 389, 526, 274, 326, 365, 229. Лаврент. 413 и 433. Русская Правда, по изд. *Калачова*, II, 10 и 11. О значении осменика в Киеве XV и XVI в. см. Акт. Зап. Росс. I, №№ 120 и 170, и *Михалона Литвина* Отрывки в Архиве ист.-юр. сведений *Калачова*, II, отд. V, стр. 67. *Татищ*. III, 403—409. Никон. II, 207.

поставлен „таможник ветхий", повидимому соответствовавший киевскому осменику *). Почти всех этих сановников центральной и дворцовой администрации встречаем позднее и в совете князей северовосточной удельной Руси. Но в боярской думе на югозападе XII—XIV вв. была особенность, которая сближала её с польской и литовской радой: это — присутствие в ней представителей областной администрации. Из одной статьи Русской Правды видим, что в думе великого князя Владимира Мономаха, приговорившей ограничить размер роста по долгосрочным займам, присутствовали тысяцкие переяславский и белгородский вместе с киевским. Ещё значительнее этот элемент в составе думы галицко-волынского князя. Впрочем, состав галицко-волынского совета узнаём по памятникам довольно позднего времени, составленным накануне падения политической самостоятельности княжества. Это две сохранившиеся на латинском языке грамоты последнего галицко-волынского князя Юрия к великим магистрам Немецкого ордена о мире и дружбе. Здесь князь обращается к магистрам со своими „любезными и верными баронами" или „соратниками". Из семи баронов-советников князя, поименованных в одной из этих грамот, четверо были „палатинами", т.-е. воеводами или наместниками главных городов княжества **).

Эту особенность можно объяснить характером княжеского хозяйства и связанного с ним княжеского управления в древней киевской Руси. Там главными средствами княжеской казны были правительственные доходы князя, дани, судебные и другие пошлины. В летописях XII и XIII в. нахо-

---

*) Русско-Ливонск. акты, № 37. Собр. гос. грам. и договоров, II, № 3: „таможник ветхий", вероятно, был главный таможник, староста таможенный, как „конюх старый" Русской Правды был *тиун* или *староста конюший*. Ср. г. *Любавского,* Литовско-русский сейм, стр. 157.

**) Это были палатины: *бельзский* Михаль Елезарович, *перемышльский* Грицко Косачович, *львовский* Бориско Кракула и *луцкий* Ходор Отек. Обе грамоты, писанные въ 1334 и 1335 г., см. у *Карамзина,* IV, примеч. 276.

дим указания на дворцовые княжеские земли, дворы городские и загородные, сёла, целые волости и даже города, на то, что князья звали „своею жизнью". Но при тогдашней подвижности князей эти недвижимые дворцовые имущества не были значительны, не могли стать главным основанием княжеского хозяйства. Свой двор, свою дружину князь содержал преимущественно тем, что́ он получал, как правитель и военный сторож земли, а не как личный собственник, хозяин. Дворец ещё не был таким могущественным центром управления, каким он стал потом в удельных княжествах на верхневолжском севере, где дворцовая хозяйственная администрация слилась с центральным управлением, поглотила его и провела резкую административную и хозяйственную грань между дворцовыми и недворцовыми землями, взяв в своё непосредственное распоряжение первые и отдав последние в руки органов областной администрации, наместников и волостелей. В бродячей правительственной среде старой киевской Руси не могло образоваться такое резкое разграничение между дворцовым центром и наместничьей провинцией, уездом. Сев на новом столе, князь спешил рассажать по городам и волостям княжества своих мужей и детских, оставляя некоторых при себе для правительственных и дворцовых надобностей. Но общество всех этих больших и малых „посадников" не теряло характера лагеря, рассеявшегося по княжеству на торопливый и кратковременный „покорм" до скорого похода или перемещения в новое княжество. Советуясь со своими боярами на походе, князь не различал между ними дворцовых сановников и областных управителей; сидя в своём стольном городе, отдыхая между двумя походами, он для решения важного вопроса вместе с сановниками столичного правительства призывал к себе посадников или тысяцких и из пригородов, кого было нужно и можно призвать. Признаки некоторой устойчивости и сложности управления, следы развития дворцового штата становятся заметны уже с XIII в. преимущественно там, где князья выбивались из очередного порядка владения и дела-

лись более оседлыми правителями и хозяевами. Может быть, поэтому старший ключник полоцкого князя стал одним из знатнейших вельмож и главных княжих советников. К числу таких княжеств принадлежало и Галицкое. В летописи встречаем намёки на зарождавшийся там контроль над областными управителями: в 1241 г. кн. Данил с братом послали печатника расследовать незаконные действия, „исписати грабительства“ бояр, расхватавших части Галицкой земли в управление. Галицкий князь располагал такими административными средствами, что мог сосчитать, сколько погибло народа в его княжестве от Татар, в 1283 г. прошедших через Галицию, и сосчитать довольно точно, судя по обозначенной летописцем цифре 12,500*). Здесь же и дворцовые сановники, дворский и стольник, выступают видными управителями и советниками князя. Таким образом в составе боярской думы в Галицком княжестве XIII и XIV в. можно различить три административные элемента: это были областные воеводы или наместники, дворцовые сановники и наконец органы того, чтó можно назвать тогдашним центральным или столичным управлением. Сходный состав правительственного совета встречаем и в соседних с Галицией странах, в Польше, Литве и Молдавии. В литовской раде, как обозначается её обычный состав в актах XIV—XV вв., преобладали областные управители, воеводы, наместники и старосты, иногда соединявшие с этими должностями и придворные звания. Среди „жупанов“, составлявших совет молдавского господаря XV в., самым значительным элементом был сложный штат собственно дворцовых сановников**). Тот же элемент

*) Ипат. 526 и 589.

**) Это были: *великий дворник* (главный дворецкий), *вестиар* (казначей), *стольник, чашник* или *пахарник, комис* (конюший), *постельник*. Эти придворные являются в молдавских актах советниками господарей рядом с *спатаром* (меченошей), *логофетом* (печатником), областными *старостами* и другими жупанами или боярами. См. *Калужняцкого*, Documenta moldawskie i multanskie z archivum miasta Lwowa. 1878. We Lwowie. *Г. Любавского*, Литовско-русский сейм, стр. 25, 54, 320, 323 и сл.

получает решительное преобладание и в боярской думе северной Руси XIV и XV в.— знак, что не столько иноземное влияние, сколько постепенное изменение княжеского хозяйства и связанного с ним управления действовало на состав боярской думы в старых княжествах юго-западной Руси. На верхней Волге XIV и XV в., как и на Пруте и нижнем Дунае тех же веков, склад боярского совета был развитием того, что завязывалось в области среднего Днепра и верхнего Днестра XII в. Уже при дворе Владимира Мономаха, как видим из его *Поучения*, существовали эти „наряды“ ловчий, сокольничий и другие, из которых состоял дворцовый штат московского князя удельного времени.

Памятники XII и XIII в. дают немного черт для изображения ежедневной деятельности боярской думы. Летопись обыкновенно ограничивается кратким замечанием, что князь „сдума с мужи своими“, не указывая, сколько советников присутствовало на этих „думах“ или заседаниях. По другим памятникам видим, что обычные собрания боярского совета не были многолюдны. Дума, собранная вел. кн. Владимиром Мономахом в подгородном селе Берестове и постановившая ограничить росты, состояла из шести мужей, один из коих был представителем князя черниговского Олега. В 1284 г. смоленский князь Федор Ростиславич разбирал спор немца с русским: „а ту были на суде со мною, замечает князь в своём приговоре, бояре мои“ такие-то; их названо шестеро, в том числе наместник, окольничий и печатник, печатавший грамоту. В том же году смоленское правительство заключило торговый договор с Ригой. В трактате обозначены имена десяти человек смоленского правительственного совета, его заключивших: то были князь Андрей, родственник отсутствовавшего кн. Фёдора, наместник, печатник, таможник ветхий, 4 боярина, поименованные без обозначения их должностей, наконец наместник смоленского владыки и „Андрей поп“, может быть, духовник князя; двоих последних можно назвать экстренными членами со-

вета, присутствовавшими здесь только в особых случаях. В упомянутых выше галицких грамотах XIV в. названы советники князя, по семи в каждой; они не все одни и те же в обеих; одна из них в числе „баронов и соратников“ князя ставит и епископа Феодора; в обеих значится среди бояр дворский *).

Когда князь жил дома, совет собирался при нём повидимому ежедневно, рано по утрам. Если Владимир Мономах сам поступал так же, как в *Поучении* советовал поступать своим детям, то обыкновенно, встретив молитвой восход солнца, сходив в церковь, он садился „думать с дружиной“ и „оправливал людей“, судил. Преп. Феодосий, по рассказу его древнего жизнеописателя, раз на заре, возвращаясь в Печерский монастырь от великого князя Изяслава, встречал по пути бояр, которые уже ехали к князю. Но князь часто думал со своими мужами и в поле на походе или в стане под осаждённым городом. Поход обыкновенно сопровождался рядом совещаний с боярами; князь не делал шага, не расмыслив с дружиною, не поведав мужам думы своей и не спросив их совета **). Предметом совещаний, о которых рассказывает летопись, чаще всего служили военные дела и отношения князя к братии, к другим князьям. Как оборонить землю Русскую от поганых, предпринять ли поход в степь или в другую русскую волость против соперника,

*) *Judex curiae nostrae*, как называет его князь в грамотах. В латинском описании молдо-валахского двора, составленном в XVII в., judex curiae—*великий дворник*. *Калужняцкого*, Documenta, 33. Хотя количество советников в каждом заседании повидимому не имело значения, однако намеренного подбора их князем не одобряли в обществе. Намёк на это можно видеть в порицании летописцем великого князя Всеволода за то, что он под старость „нача любити смысл уных, совет творя с ними“ и пренебрегая старшей дружиной, если только под „юными“ разумеются младшие бояре, а не младшая дружина. Лаврент. 209. См. другое объяснение этого места у *Соловьёва*, II, 33.

**) Ипат. 347, 351, 461, 284, и сл., 335, 615, 326. Лаврент. 212, 238 и 242.

какою идти дорогой, мириться ли с врагами, как поделиться волостями: все эти вопросы князья решали, „сгадав с мужи своими“. В присутствии бояр князь творил суд и расправу, по совету с ними заключал договоры с иноземцами, издавал новые законы, делал предсмертные распоряжения о своём княжестве, изменял порядок княжеского преемства; князь черниговский в 1159 г. советуется с мужами своими и епископом даже о том, как похоронить тело митрополита Константина, выброшенное за город согласно с завещанием владыки *). Летопись иногда с живым драматизмом изображает ход думских совещаний, описывает поднимавшиеся на них прения, передаёт речи, какие держали бояре к князьям и князья к боярам, излагает возражения, какие вызывал князь со стороны думцев своим предложением. Князь или соглашался с боярами, или же ему „бяшеть нелюбо, оже ему тако молять дружина“, и он поступал по-своему. Рассказ летописи об одном случае такого несогласия вскрывает нравственные побуждения, которым иногда подчинялись политические планы, обсуждавшиеся в думе. Кн. Ярослав отнял Луцк у Данила Романовича. Данил в 1227 г. возвратил себе город и взял в плен самого Ярослава. Но не задолго перед тем Данил ездил в Жидичин помолиться Св. Николе. Там был и Ярослав, звавший Данила к себе в Луцк. Бояре Данила советовали ему воспользоваться случаем, схватить Ярослава и взять Луцк. Данил не согласился, сказав „не могу—я пришёл помолиться св. Николе“. Иногда совет разделялся, и высказывались различные мнения; князь выслушивал обе стороны и решал вопрос, присоединяясь к одой из

*) Ипат. 379, 412, 251, 422, 430, 459, 236, 442. Лаврент. 331, Никон. II, 311. Впрочем, судя по рассказу летописи о том, как в 1239 г. волынский князь наложил „ловчее“ на жителей Бреста за крамолу, можно подумать, что князь считал себя в праве вводить новые налоги, не советуясь о том с боярами. Князь только спросил бояр, есть ли ловчий в Бресте; получив ответ, что его не бывало от века, он продиктовал своему писцу уставную грамоту о новом налоге, указывавшую, сколько должны были платить обыватели крамольного города. Ипат. 613.

них. Ход дела осложнялся ещё влиянием или прямым вмешательством других политических сил, с которыми должны были считаться князь и его думная дружина, городского веча, духовенства, союзных или служилых инородцев Чёрных Клобуков, вожди которых в походах также иногда приглашались на совет вместе с боярами. В особо важных случаях, как мы видели, присутствовал в боярском совете местный епископ или его наместник. Раз, когда в Киеве не было митрополита, городское духовенство вмешалось в политическое дело и склонило князя на свою сторону. В 1127 г. кн. Всеволод выгнал из Чернигова дядю своего Ярослава. Великий князь киевский Мстислав, поклявшийся Ярославу посадить его в Чернигове̂, стал собираться в поход на обидчика. Всеволод начал умаливать Мстислава отложить поход, подговаривал и подкупал его бояр, упрашивая их действовать за него перед великим князем. Ярослав явился к Мстиславу и напомнил ему о крестном целовании. Игумен одного киевского монастыря, всеми уважаемый, никому не давал слова молвить в пользу похода, не позволял и Мстиславу идти на Всеволода, говоря: „меньше греха нарушить крестное целование, чем лить кровь христианскую". Он созвал „весь собор иерейский", который сказал князю: „мирись! берём на себя твой грех". Мстислав послушался собора и плакался об этом всю свою жизнь, прибавляет летописец *). Вообще в деятельности боярского совета, как изображает её летопись XII в., мало порядка, совсем незаметно канцелярских формальностей, за то много шума, говора, движения. Если сказанные в думе княжие и боярские речи хотя несколько похожи были на то, как их передала летопись, то можно почувствовать, как откровенно любили высказываться князья и их бояре, как они привыкали к устному слову и гласному обсуждению дел, какие были охотники и мастера поговорить. Но можно заметить также

*) Ипат. 286, 383, 430, 326, 461, 266, 501, 210. Лаврент. 211, 282. Ср. Полн. Собр. Русск. Лет. VII, 27,

что эта шумная и говорливая деятельность была довольно поверхностна, шла за текущими делами, не направляя их, обращалась к случайным вопросам и интересам, всплывавшим на поверхность жизни, не касалась существовавшего порядка, с трудом его поддерживая. В этом отношении она была резкой противоположностью деятельности боярского совета на удельном севере, тихой, молчаливой и кропотливой, какою является она в памятниках XIV и XV в.

Такой характер боярской думы в киевской Руси XII в. был отражением той подвижности, слабости связей с местными обществами, какой отличалась жизнь тогдашних князей и их дружин. Только с половины XII в., по мере того как падала очередь в княжеском владении и росла среди князей мысль о „моём", о *своей* волости, замеченная певцом *Слова о полку Игореве*, и в служилом классе становятся заметны признаки большей оседлости. Боярское землевладение делает некоторые успехи; боярство становится менее бродячим. Тот же очередной порядок княжеского владения, который производил эту бродячесть, содействовал и скоплению дружин в некоторых пунктах. Этот порядок приучал бояр менять волости, как меняли их князья, менять и князей, как меняли их волости. Когда соперник сгонял князя с лучшего стола на худший, дружине изгнанника выгоднее было остаться в прежней волости; когда князь переходил из худшей волости в лучшую, его слугам лучше было остаться при прежнем князе. Когда князь добирался наконец до вершины лествицы старшинства, до стола киевского, выгоды места побуждали его дружину здесь осесться. Новый великий князь волей-неволей должен был принимать в состав своей дружины оставшихся в Киеве слуг своих предшественников. Святополк Изяславич, став великим князем, привёл из Турова в Киев свою дружину. Летописец осуждает его за то, что он сначала не хотел думать „с большей дружиной" отца своего и дяди, советовался только со своими старыми туровскими боярами. Значит, эти последние вошли в ряды боярства, осаживавшегося в Киеве в продолжение

40 лет, при великих князьях Изяславе и Всеволоде *). Так к Киеву шёл постоянный прибой, который наносил на поверхность тамошнего общества один дружинный слой за другим. Это делало Киевскую область одною из наиболее дружинных по составу населения, если только не самой дружинной. Враждебные смены князей должны были противодействовать такому скоплению служилых людей в крае, заставляя часть туземной дружины убегать оттуда вслед за прогнанным князем. Но на киевском столе в продолжение 70 лет, со смерти Святослава Ярославича до смерти Всеволода Ольговича в 1146 г., не было насильственных смен. Притом бо́льшая оседлость служилых людей вела к более успешному развитию частного служилого землевладения, которое в свою очередь становилось новой связью, прикреплявшей землевладельцев к краю. Рассказ летописи о движении Изяслава к Киеву на дядю Юрия в 1150 г. вскрывает все эти условия, и помогавшие, и мешавшие дружине усаживаться в Киевской земле. С Изяславом шло много киевской дружины, которая бежала с ним, когда Юрий выгнал его из Киева, и теперь возвращалась на покинутые места. В думе на походе Изяслав говорил ей: „вы из Русской (Киевской) земли ушли за мною, потеряв свои *сёла* и жизни (движимое имущество), да и я не могу отказаться от своей дедины и отчины; либо голову свою сложу, либо добуду свою отчину и всю вашу жизнь“. Когда Изяслав приблизился к Тетереву, к нему пришло „многое множество“ дружины, которая „сидела“ по этой реке, имела здесь свою „жизнь“ и сёла **). Из этого рассказа видим, как служилые люди гнёздами усаживались в Киевской земле, и как княжеские усобицы разоряли эти гнёзда.

*) Один из этих киевских бояр Ян преемственно служил в Киеве великим князьям Святославу, Всеволоду и Святополку; брат его Путята служил там же Святополку, по смерти его в 1113 г. держал сторону черниговских Святославичей, за которыми была очередь княжить в Киеве, а отец обоих уже при Ярославе в 1043 г. является киевским воеводой. Лаврент. 211. *Соловьёв*, II, 36 и 85.

**) Ипат. 284 и 286.

У летописца находим другой намёк на то же скопление служилых сил в Киевской земле XII века: в 1136 г. он говорит о „боярах киевских“. Это не какие-либо особые *земские* бояре, а те же княжие мужи, составлявшие местный осадок, какой отлагался от дружины среди княжеского круговорота. Так складывалось в Киеве боярство, которое привыкло менять князей, чтобы не покидать своей волости, как другие меняли тогда волости, чтобы не покидать своих князей. По мере того как разгорались усобицы и линии княжеского рода обособлялись, замыкаясь по своим волостям, их старшие стольные города становились также пунктами, где осаживались служилые силы. С конца XII в. летопись говорит о боярах „владимирских“ на волыни и „галицких“, а *Слово о полку Игореве* поёт об удалых „черниговских былях“, или боярах, которые „без щитов с засапожными ножами одним кликом побеждают полки, звоня в прадеднюю славу; оно перечисляет даже шесть славных в то время фамилий этого черниговского быльства *).

Галицкое княжество принадлежало к числу тех русских окраин, которые рано выбились из круга областей, где действовал очередной порядок княжеского владения, стали отрезанными ломтями в семье русских княжеств. Там боярство сложилось в многочисленный и могущественный класс, который успешно соперничал с князем и не раз решительно торжествовал над ним. Там боярин на пиру плескал вином в лицо князю, из чванства ездил во дворец к князю запросто в одной рубашке и даже однажды попытался „вокняжиться“, посидеть на галицком столе. Но трудно сказать, как это преобладание боярства отражалось на политическом авторитете и устройстве галицкой боярской думы. Значение этого класса в Галицкой земле вскрывается среди борьбы с князем, а в борьбе трудно отличить случайность от нормы, факт от права, потому что право перестаёт действовать, а факт иногда принимает наружность права. Можно заметить, что

---

*) Там же 214, 416, 480, 486 и др.

боярство стремилось там поставить князя в такое положение, чтобы он только княжил, а не правил, отдав действительное управление страной в руки бояр: „бояре галицкие, замечает летописец, Данила князем собе называху, а саме всю землю держаху“. Они отменяли княжеское завещание, скреплённое их же крестоцелованием, призывали и прогоняли князей, вешали их, разбирали по рукам землю в управление, раздавали своим сторонникам волости и доходные казённые статьи, не спросясь у князя. Но трудно разобрать, где во всём этом кончалось право и начинался захват, крамола; по крайней мере ни князь, ни бояре не считали всего этого признанным, бесспорным боярским правом. В смутных обстоятельствах, когда внутри действовала боярская крамола, а извне грозили Венгры и Поляки, приближённые „великие“ бояре советовали княжившему в Галиче Мстиславу Удалому отдать Галич вместе с рукой дочери венгерскому королевичу, чтобы этим сдержать короля и прекратить смуту. Они говорили Мстиславу: „сам ты не можешь держать Галича, а бояре не хотят тебя“. Значит, при других обстоятельствах, когда бы князь мог держать Галич сам, обходясь без содействия недовольных бояр, их недовольство не было бы для него достаточным побуждением отказываться от власти. Повидимому всё зависело от изменчивого перевеса сил. Бояре, которые при случае обращались со своим князем так нахально, в другое время падали ему в ноги, прося милости и каясь: „согрешили мы, приняв чужого князя“ *). Самое основание политической силы боярства обозначается в летописи неясно. Класс вовсе не действовал дружно в одном направлении, делился на партии. Он стремился стать стеной между князем и народом, „простою чадью“; но народ склонялся более на сторону князя, видя в нём своего „держателя, Богом ему данного“. Незаметно также, чтобы бояре были сильны землевладением. Господствующим их интересом и средством влияния было управление.

*) Ипат. 525, 442, 500 и 518.

Они хлопотали о том, чтобы „держать всю землю", чтобы новый князь раздавал им правительственные должности, города и волости для „корма", отдавал им „весь наряд" земский. Вероятно, как областные управители, они имели при себе „свои" полки, с которыми восставали против князей *). Значит, они боролись с князем, не будучи представителями интересов народа, и хотели править народом, не держа в руках нитей народного труда. В этом отношении боярство Галича резко отличалось от знати другого аристократического города древней Руси, Новгорода Великого. Вообще господство галицкого боярства, как его изображает летопись XII и XIII в., производит впечатление боярской анархии, которой не удалось превратиться в прочный аристократический порядок. Потому, может быть, это господство не отразилось заметно на галицкой боярской думе. Она могла быть многочисленнее обычного боярского совета киевских князей, и могли быть точнее определены её состав и отношения к другим органам управления; но был ли определённее и выше её политический авторитет перед лицом князя, этого не видно из летописи. Последняя даже сравнительно редко упоминает о думе галицкого князя с боярами. В соседнем Волынском княжестве, очень близком к Галицкому по своему строю и историческим связям, боярская дума является с таким же политическим значением, какое она имела в других княжествах киевской Руси: и там князь многое делал без совета бояр, так же иногда слушался больше „молодых бояр", чем старых, и так же не всегда принимал мнение своих советников **).

Итак, боярскую думу в Киевской Руси XI—XIII вв. надобно отличать от двух других правительственных форм, в которых проявлялась тогда политическая деятельность разных классов общества, от совещания князя со всей дружиной и от городского веча, на котором иногда также по-

*) Там же 517, 514, 592, 444 и 490

**) Ипат. 611, 501, 495 и сл.

являлся князь со своей дружиной. Боярская дума была третьей формой, отличавшейся от двух других тем, что она была учреждением постоянным, действовавшим ежедневно. В обычном своём составе она была односословным советом, состоявшим из людей верхнего дружинного слоя, из бояр. Но в особых случаях в неё приглашались представители духовенства, местный владыка и даже священники. Всего труднее определить в думе то, чего не определяли сами действовавшие в ней лица, её политический авторитет. В ней обсуждались дела законодательного свойства; она была также высшим судебным местом. Имела ли она обязательный для князя и решающий голос, или была только совещательным собранием, к которому князь обращался за справкой, когда хотел, оставляя за собой решающее слово? Ответ на этот вопрос легче почувствовать, чем формулировать. Думаем, что не может быть речи ни о совещательном, ни об обязательном голосе. В отношениях между князем и боярами открывается совсем иной порядок понятий и побуждений, прежде всего надобно различать обязательность для князя самого совещания с боярами и обязательность для него мнения советников. Припомним политический характер обеих сторон, как он обнаруживался в большинстве князей и бояр XI и XII в. Весь княжеский род владел всей Русской землей по известному порядку; но каждый князь был лишь временным „держателем“ той или другой волости. Точно также дружинники были постоянными сотрудниками и слугами всего русского княжья; но отдельные лица обеих сторон связывались друг с другом только временным личным уговором. Этим уговором определялись обоюдные права и обязанности: боярин обязывался помогать князю в его предприятиях, за что князь платил ему жалованье или давал доходную должность при дворе либо в областном управлении. Но „сиденье в думе о делах“ едва ли могло входить в условия этого уговора: оно не сопровождалось прямыми осязательными выгодами для бояр, а дальновидное стремление посредством законодательства перестроить порядок в

волости согласно со своими интересами едва ли можно предполагать в людях, которые были временными дельцами в волости и выгоды которых были уже хорошо обеспечены общим порядком, действовавшим тогда на Руси. Но если обычай совещаться с боярами не мог считаться правом последних, то нарушение его создавало важные неудобства для обеих сторон. Общество не доверяло князю, который действовал без соглашения с боярами: не думая с ними, князь мог задумать дело, которому они не могли или не хотели содействовать. Значит, совещание с боярами было не *политическим правом* бояр или обязанностью князя, а *практическим удобством* для обеих сторон, не условием взаимного уговора, а средством его исполнения. Таким же образом определялось отношение князя к мнению советников. Прежде всего князь иногда „являл свою думу" боярам только к сведению: хозяин должен был наперёд дать знать своим наёмным сотрудникам, какое дело будут они делать. Трудное или важное дело нужно было обсудить сообща, чтобы уговориться, как лучше его сделать. Князь или принимал мнение советников, или отвергал его и объявлял своё. Разногласие разрешалось не общим обязательным правилом, а соображением обстоятельств минуты и обоюдных интересов. Собираясь в поход, великий князь спрашивал киевлян на вече, могут ли они идти за ним. Если они отвечали, что не могут, то князь или отлагал поход, или шёл с одной своей дружиной, когда надеялся справиться с врагом без киевского полка. В том и другом случае он оставался „держателем" Киева. Но бояре были не простые граждане, а наёмные сотрудники князя; отказывая князю в своём содействии, они разрывали свой уговор с ним. В случае столкновения мнений обе стороны соображали, стоит ли дело того, чтобы из-за него разрывать взаимные связи и расходиться. Так разногласие решалось не *обязательностью* мнений одной стороны для другой, а *возможностью* навязать своё мнение противной стороне. Из совокупности этих условий вытекала для князя и практическая *необходимость* со-

вещаться с боярами, и *возможность* не принять их мнение в ином случае. Смешивать политическую обязательность с практической необходимостью значит рисковать утратить самое понятие о праве. Многое, что часто *обходят*, не перестаёт быть обязательным; наоборот, многое, без чего обойтись нельзя, не считается обязательным и никогда не будет считаться, хотя всегда останется необходимым. То и другое—отношения совсем различных порядков, из которых каждый имеет свою историю, и прилагая к одному из них терминологию другого, мы только затрудним себе понимание обоих. Обязательность—понятие из области права, а необходимость—простой факт. Где действует постоянное обязательное право, там не остаётся места для личного уговора. Совещания князя с боярами было возобновлением их личного уговора в каждом отдельном случае, практическим приложением его к обстоятельствам минуты.

ГЛАВА III.

Военный сторож и подвижной вотчич всей Русской земли, князь с XII в. становится на севере сельским хозяином-вотчинником своего удела.

В XI и XII в. элементы государственного единства Руси были ещё очень слабы. В XIII и XIV в., когда господствовал так-называемый *удельный* порядок княжеского владения в северной Руси, этих элементов стало в ней ещё меньше, чем было прежде. Южные князья прежнего времени хотя в добрые минуты вспоминали, что они внуки единого деда. Свежее предание отцов и близость врагов поддерживали в них сознание необходимости, даже обязанности общими силами защищать землю Русскую, не давать поганым нести её розно, а ещё державшийся кой-как порядок владения частями Руси по очереди старшинства не позволял отношениям и интересам князей слишком локализоваться. Среди удельных князей северной Руси XIII и XIV в. незаметно и

этого: прежние чувства слабеют с исчезновением условий, их питавших. Размещаясь по своим „опричнинам", деля их между своими детьми, внуки Всеволода III повидимому гораздо скорее забыли своего деда, чем внуки Ярослава I— своего. Сидя по своим удельным гнёздам и вылетая из них только на добычу, беднея и дичая в одиночестве с каждым поколением, эти князья постепенно отвыкали от помыслов, шедших дальше заботы о птенцах. Наблюдатели-современники иногда будто невзначай отмечали в событиях черты, сопоставление которых живьём выдаёт перелом, совершившийся в промежуток двух близких друг к другу эпох. В конце XII в. в южной Руси правнуки Мономаха ещё говорили его внуку, своему дяде: „ты старший во Владимировом племени, так думай-гадай о Русской земле, о чести своей и о нашей". В начале XIII в. в северной Руси младшие сыновья того же Всеволода Юрьевича, к которому южные племянники обращались с сейчас приведенным приглашением, отвечают на предложение своего старшего родного брата поделиться мирно, как следует родным: „перемоги нас, и тогда вся земля тебе" *). В удельном князе XIV в. меньше земского сознания и гражданского чувства; в этом отношении он более варвар, чем его южный предок, какой-нибудь младший областной Ярославич XII в., и если он меньше последнего дерётся, то лишь потому, что он по воспитанию и вкусам больше мужик, малопривычный ко всякому бою, в сравнении со старым южным князем, ещё сохранившим наследственные привычки витязя. Из общественных чувств и понятий князя XII в. ещё можно было при благоприятных обстоятельствах составить кой-какое представление об охранителе общего земского блага; в понятиях и интересах удельных князей XIV в. труднее было найти какой-нибудь годный для того материал. Государство, национальное русское государство вышло из этого удельного порядка XIV в., а не из прежнего, но не потому, что прежний порядок был

---

*) Ипат. 461. Лаврент. 469.

более далёк от национально-государственного, чем удельный XIV в.: сами по себе оба они имели мало того, из чего складывается народное государство, и последний даже меньше имел этого, чем первый. Оба они должны были разрушиться, чтобы могло создаться такое государство; но последний гораздо легче было разрушить, чем первый,—и только поэтому одно из удельных княжеств, вотчина Даниловичей, стало зерном народного русского государства.

Хорошо известно, как всё это сделалось. Но прежде чем сложилось это национальное русское государство, на значительном пространстве Руси, разделённой на уделы, действовал довольно своеобразный общественный порядок, остатки которого долго жили под покровом новой формы политического быта, его сменившей.

Утрата Киевом прежнего значения для князей и земли, разрыв связей, соединявших с ним другие области, торжество степных поганых, признаки падения материального благосостояния общества, запутанность княжеских споров, ставших в XIII в. неразрешимыми, наконец уход значительной части приднепровского населения в другие края Руси— эти и другие явления, указывавшие на разгром установившегося порядка жизни, должны были сильно подействовать на русские умы, на общественное сознание. Одним из самых важных последствий этого общественного потрясения было то, что замутилось понятие о единой Русской земле, воспитанное в обществе политическими, экономическими и церковными связями прежнего времени. По крайней мере с половины XIII в. литературные памятники, особенно летописи, употребляют выражение *Русская земля* далеко не так часто и не с такою любовью, как это было в XII в. Общественные понятия людей сузились и локализовались, как те мелкие областные миры, на которые внешними и внутренними ударами разбивалась Русская земля Ярослава Старого и Мономаха.

Оскудение нравственно-гражданского чувства в удельных князьях XIII и XIV в. было одним из признаков этого общего

упадка земского сознания. Взаимное отчуждение князей становится заметнее; каждый из них всё более привыкает действовать особняком. Княжеские съезды, довольно частые в XII в., становятся очень редки в XIII и XIV в., при том теряют прежний характер и превращаются или в собрания подручных удельных князей, повелительно созываемых великим, или в те частные случайные соглашения, памятниками которых остались договорные грамоты князей XIV и XV в. Правительственный характер удельного князя соответствовал уровню его общественного сознания и его политическому одиночеству. Он всё более уединялся в своей отчине, переставал чувствовать себя звеном в родственной цепи князей, облегавшей кольцом всю землю Русскую. Но и в своём уделе он собственно был не правитель, а владелец; его княжество было для него не обществом, а хозяйством; он им не правил, не устроял его, а эксплоатировал, разрабатывал. Он считал себя собственником всей территории княжества, но только территории с её хозяйственными угодьями. Люди, свободные лица юридически не входили в состав этой собственности. Свободный человек приходил, работал и уходил, был экономической случайностью в княжестве. Князь не видел в нём подданного в нашем смысле этого слова, потому что и себя не считал государем. Этих политических понятий тогда не существовало; не существовало и отношений, из них вытекающих. Словом *государь* выражалась тогда личная власть свободного человека над несвободным, над холопом, и удельный князь подобно всякому землевладельцу считал себя государем только для своей челяди.

Итак, княжеское удельное владение по характеру своему приблизилось к простому частному землевладению, к той привилегированной собственности, которая на языке древнерусского права называлась *боярской*. На это сходство обоих видов владения, прежде столь различных, особенно указывают два признака, которые теперь стали общи им обоим: один из этих признаков назовём юридическим, другой хозяйственно-административным. Теперь уделы вообще насле-

дуются по завещанию, передаются по личному усмотрению завещателя, а не по какой-либо установленной очереди. Таков обычный порядок наследования частного имущества и по Русской Правде, по которой наследование по закону вступало в действие только при отсутствии завещания умершего хозяина. Удельный князь XIII и XIV в., не имея других ближайших наследников, мог передать свой удел или часть его князю-соседу, жене и даже дочери. Случаи таких передач известны. До XIII в. княжеские волости не переходили к женщинам. По Русской Правде право передать имущество дочери за отсутствием сыновей у владельца есть юридическая особенность, отличающая боярское владение от смердьего. Это значит не то, что тогдашнее право равняло князя со смердом, одинаково лишая того и другого привилегии боярского состояния, а только то, что имущество бессыновнего смерда отходило после него к местному волостному князю, а волость бессыновнего князя возвращалась в княжеский род, который отдавал её очередному наследнику; оба вида владения считались не частной, а государственной собственностью, как тогда её понимали. Теперь удельное княжеское владение усвоило себе юридическую особенность владения боярского—знак, что оно стало считаться полной частной собственностью владельца. Другой признак заключался в способе ведения удельного хозяйства. Исстари на Руси значительные хозяйства частных лиц управлялись посредством рабов; на это указывают иностранцы в своих известиях о русских купцах X в. Это до такой степени было в обычае, что самую службу по частному хозяйству без особого договора, „тиунство без ряду“, закон признавал источником рабства. Взгляд Русской Правды не чужд и Судебнику Ивана III: „по тиунству и по ключу по сельскому холоп“, гласит он, перечисляя источники рабства. Такое свойство службы по частному хозяйству сообщалось в некоторой степени и хозяйственной службе у князя: в духовной удельного серпуховского князя 1410 г. встречаем постановление, из которого видно, что свободные люди, кото-

рые купили земли, служа ключниками у князя, лишались этих земель, если покидали службу. Теперь, когда удельное княжеское управление усвоило характер поземельного вотчинного хозяйства, даже не всегда крупного благодаря измельчанию уделов в далёких поколениях суздальских Всеволодовичей, теперь согласно с чисто хозяйственными целями этого управления и органами его могли служить люди, бывшие хозяйственною принадлежностью княжеского дворца. У московских князей XIV в. на второстепенных должностях по дворцовому ведомству встречаем людей купленных, полных холопов, которых князья, умирая, отпускали на волю ради спасения души. В этой сфере, в должности начальника какого-нибудь хозяйственного департамента, холоп был даже удобнее свободного человека, мог оказать больше покорности, сноровки и даже больше охоты к делу, нежели вольный слуга, ратный человек в те века, когда всякая невоенная частная служба считалась холопской или приближалась к ней.

Таковы признаки, указывающие на перемену, какая произошла в характере княжеского владения, приблизив его к вотчинному владению частного собственника. Впрочем, утверждая, что удельный князь усвоил себе значение и владельческие приёмы простого вотчинника, не надобно думать, что вследствие этого он перестал быть политической властью для своего удела: с обычными правами собственника он соединял и настоящие государственные права, впоследствии отделившиеся и вошедшие в состав верховной власти, право суда, налогов, войны и проч. Но эта правительственная примесь нисколько не мешала князю оставаться простым вотчинником или очень похожим на него владельцем, не изменяла значения поземельного собственника удела, какое он себе усвоил: его верховные государственные права так сливались с владельческими, вытекавшими из поземельной собственности, что и сами рассматривались, как статьи простого поземельного хозяйства. Князь и поступал с ними, как с последними, дробил их, отдавал в частное пользование целиком или частями.

Характер личного хозяина удела с указанными сейчас особенностями выражался в отношениях князя к трём разрядам земель, из которых состояла его удельная вотчина. Это были земли дворцовые, чёрные и боярские, т. е. вообще земли частных собственников, светских или церковных. Различие между этими разрядами происходило от чисто хозяйственной причины, оттого, что к разным частям своей удельной собственности владелец прилагал различные приёмы хозяйственной эксплоатации. Дворцовые земли в княжеском поземельном хозяйстве похожи на то, чем была барская запашка в хозяйстве частного землевладельца: доходы с них натурой шли непосредственно на содержание княжеского дворца. Эти земли эксплоатировались обязательным трудом несвободных людей князя, дворовых холопов, *посаженных* на пашню, *страдников*, или отдавались в пользование вольным людям, крестьянам, с обязательством ставить на дворец известное количество хлеба, сена, рыбы, подвод и т. п. Первоначальной и отличительной чертой этого разряда земель было *изделье,* натуральная работа на князя, поставка на дворец за пользование дворцовой землёй. Чёрные земли сдавались в аренду, на оброк, отдельным крестьянам или целым крестьянским обществам, иногда людям и других классов, как это делали и частные землевладельцы; они собственно и назывались *оброчными*. Сложнее кажутся отношения князя к третьему разряду земель в уделе. Весь удел был наследственной собственностью своего князя; но последний разделял действительное владение им с другими частными вотчинниками. В каждом значительном уделе бывало так, что первый князь, на нём садившийся, уже заставал в нём частных землевладельцев, светских или церковных, которые водворились здесь прежде, чем край стал особым княжеством. Потом первый князь и его преемники сами уступали другие земли в своём уделе лицам и церковным учреждениям, которые были им нужны для службы или молитвы. Каким образом князь мог оставаться поземельным собственником всего удела рядом с этими также полными

земельными собственниками, которые владели частями того же удела? При слиянии прав государя и землевладельца в лице князя это не только было возможно юридически, но и доставляло князю важные политические выгоды. Вместе с правом собственности на землю в своём уделе князь уступал владельцу и свои государственные права в большем или меньшем размере, превращая его таким образом в своё административное орудие. Обыкновенно при этой передаче князь удерживал за собою дань и суд по важнейшим, т.-е. доходнейшим преступлениям. Но так как и эти правительственные права, которые князь удерживал за собою, считались владельческими и наравне с другими входили в юридический состав привилегированной земельной собственности, то появление в уделе земли, принадлежавшей другому владельцу, не мешало князю считать себя таким же собственником всего удела; тот и другой различались между собою не свойством прав, которые в сущности все были финансовые, хозяйственные, а их количеством. Поэтому, как бы много их ни уступал князь привилегированному частному землевладельцу, он не разрывал своей владельческой связи с приобретенной последним землёй, не терял её для своего хозяйства. Существенная особенность, которой этот разряд земель отличался от других, состояла в том, что с таких земель отбывалась ратная служба в пользу князя, обязательная или необязательная. Служилый человек, имевший вотчину в уделе одного князя, по действовавшему тогда междукняжескому праву мог состоять на личной службе у другого, не теряя ничего из своих вотчинных прав. Но очень понятные побуждения заставляли вольного слугу держаться на службе у того князя, в уделе которого он „жил“, т.-е. имел земельную собственность. Поэтому, чем больше земли в уделе отходило в собственность таких вотчинников, тем лучше обеспечивалось удовлетворение едва ли не самой важной и дорогой потребности княжеского хозяйства, какою была нужда в вольных слугах, хотя приобретаемая таким средством личная служба вольного слуги не была обязательна.

Частное землевладение доставляло князю не только личную, но и поземельную службу, притом обязательную. Это так называемая в договорных грамотах князей XIV и XV в. *городная осада*: когда нужно было защищать город, в обороне его обязаны были принимать участие все землевладельцы, владевшие землёй в уезде этого города, даже те, которые служили в другом уделе. От этой повинности были свободны только землевладельцы, которые занимали при князе некоторые должности по дворцовому управлению. Церковные учреждения, владевшие землями, также окупали перед обществом свои земельные богатства участием в военной защите страны, независимо от тех духовных и благотворительных задач, какие принимала на себя церковь, приобретая эти богатства. Поэтому все земли, составлявшие собственность частных лиц и церковных учреждений, в отличие от двух других разрядов можно назвать *служилыми*.

Таким образом, все земли в удельной вотчине, издельные, оброчные и служилые, различались существенно тем хозяйственным употреблением, какое делал князь из каждого их разряда. На этом хозяйственном различии держалось всё удельное устройство административное, судебное, финансовое, держалась вся внутренняя политика удела; им же определялось и юридическое положение классов удельного общества. Владение уделом, видели мы, довольно своеобразно разделено было между князем и другими вотчинниками, лицами и учреждениями, где они были. Князь отличался от этих вотчинников не как политический владетель территории от частных землевладельцев, а как общий вотчинник удела от частичных, на земли которых он сохранял некоторые вотчинные, хозяйственные права. Но предметом владения княжеского, как и боярского, одинаково была только земля, а не люди, т. е. не свободные люди. Так как понятия о политической связи подданного с государем помимо земельных отношений не существовало в уделе, то масса удельного населения, свободные обыватели городские и сельские, каково бы ни было их действительное положе-

ние, по праву, по выражавшимся в тогдашних юридических памятниках понятиям, были вольные арендаторы, снимавшие землю по гражданскому договору у князя или у частных землевладельцев. Политическая зависимость этих арендаторов была последствием их хозяйственной связи с удельным владельцем и прекращалась с разрывом последней, с отказом от пользования удельной землёй.

Так удельное княжеское владение сложилось по типу частной земельной вотчины, и князь стал наследственным землевладельцем, сельским хозяином своего удела. В киевской Руси XI и XII в. князь не имел такого значения в своей волости, не был её постоянным наследственным владетелем и не носил характера сельского хозяина-землевладельца в её управлении. Причин такой перемены надобно искать в самом происхождении удельного порядка княжеского владения.

ГЛАВА IV.

И общество удельного княжества на севере становится более сельским, чем оно было прежде на юге.

Когда северная Русь начала делиться на уделы, разрываемое ими общество состояло из тех же элементов, какие присутствовали в составе прежнего общества киевской Руси. Но теперь на севере они входили в иное сочетание, и этот новый склад изменил общежитие в том же направлении, в каком, видели мы, изменились порядок и характер княжеского владения. Чтобы объяснить причины и значение этой перемены как в княжеском владении, так и в складе общества, надобно припомнить ряд фактов, очень отдалённых от правительственного учреждения, нами изучаемого.

Удельный порядок княжеского владения, установившийся в продолжение XIII и XIV в. на севере и северовостоке от лесов древних Вятичей, имел довольно сложное происхождение. Он произошёл не оттого только, что среди князей

усевшихся в этом краю, понятие об отдельном наследственном владении восторжествовало над прежним княжеским представлением о земле Русской, как нераздельном дедовском достоянии, которым все внуки владеют сообща, т. е. по известной очереди. Говоря точнее, самое понятие об отдельном наследственном владении есть не причина, а скорее содержание, сущность удельного порядка. Первоначальные и важнейшие причины, его создавшие, лежали вне круга князей, не были прямо связаны с крепостью или ослаблением их родственного союза. Еслибы возможность владельческого обособления князей заключалась единственно в том простом факте, что исчезла родственная близость между князьями, то в суздальской Руси XIII в. понятию, на котором держался удельный порядок, было бы труднее возникнуть, чем в киевской Руси второй половины XII в.: ведь сыновья и внуки Всеволода III, разделившие свою заокскую отчину и дедину на уделы, были больше родня между собою, чем Мономаховичи и Ольговичи XII в., отделённые друг от друга троюродным, четвероюродным, если ещё не более далёким братством, что не мешало некоторым из них в самом конце этого столетия выражать мысль о нераздельности земли и о родственной связи князей, её владельцев, так ясно, как не выражали её никогда птенцы Всеволодова гнезда. Эти причины были не генеалогические, а географические и экономические. Они были вызваны к действию ходом русской колонизации по Оке, верхней Волге и северному Заволжью.

В широком, медленном и рассеянном движении, которое переносило массы из юго-западной полосы Руси на северо-восток в XII—XIV вв., можно различить два последовательные момента, из коих второй началом своим совпадает с концом первого. В первый из них поселенцы скучивались в треугольнике между Окой и верхней Волгой. То было время образования и возвышения владимирского края, возникновения в нём первых уделов, время экономического возрастания Москвы и её первых политических успехов: всё

это факты, имевшие тесную внутреннюю связь с колонизацией той страны. Такое скопление населения в междуречьи Оки и Волги было в значительной степени насильственным. Поселенцы, подвигавшиеся из-за Оки и Угры, здесь задерживались, потому что дальнейший путь в ту или другую сторону долго оставался закрытым. Восток и юговосток был заперт сперва Мордвой и волжскими Болгарами, а потом Татарами; за Волгой к северу и северовостоку колонистам перебивало дорогу ещё продолжавшееся напряжённое движение из Новгорода. Второй момент наступает по мере устранения этих задержек. Он совпадает с теми крупными шагами, какие стала делать Москва с половины XIV века в расширении своей территории на восток и северовосток, и трудно сказать, которое из этих одновременных движений шло за другим или вело за собою другое. Но несомненно, что приобретение Москвой обширных пустырей в захваченных сыном Донского княжествах Нижегородском, Муромском и Тарусском и в промыслах на север от верхней Волги открывало сравнительно густому населению московского и клязьминского края свободный путь в эти стороны, особенно на север за Волгу *). Русская колонизация Заволжья была продолжением процесса, заселившего центральное междуречье. Остановимся предварительно на её политических последствиях, чтобы лучше видеть, как в первые моменты этого процесса завязывался удельный порядок.

Эта колонизация создавала мир русских посёлков, послуживший готовой почвой для удельного княжеского владения. Заволжский север и северовосток и теперь не везде доступен заселению. Четыреста или пятьсот лет назад поселенец с великим трудом искал здесь твёрдого и чистого места, где бы можно было безопасно и с некоторым удобством поставить ногу. Стоя на возвышенном холму у стены какого-нибудь северного монастыря и рассматривая открывающийся перед нами широкий вид, мы часто удивляемся эстетическому

---

*) Некоторые подробности этого движения см. в приложении III.

чутью, которое указало основателю это место. При этом мы забываем, что четыре века назад этого ландшафта не было видно из-за леса и во всей окрестности этот холм был, может быть, единственным обитаемым пунктом. Местами, где прежде всего осаживалось население, естественно становились нагорные берега рек и сухие рамени по окраинам вековых непроходимых лесов. Так вытягивались жилые полосы, обитаемые острова среди дремучих теперь исчезнувших лесов и заросших или зарастающих болот. Первое поселение, возникавшее на таком острову, забиралось повыше, очищая окрестность, выжигая лес; новые займища, выставки, выселки, починки на лесе, заводимые новыми пришельцами со стороны или выходцами из старого поселения, сползали пониже, садясь по окрестным возвышениям и образуя более или менее правильную сеть пролагаемыми между ними соединительными тропами. Пришлое население, занимавшее эти полосы, было земледельческое; но в каждой из них была какая-нибудь местная природная особенность, открывалось какое-нибудь угодье, разработка которого, служа подспорьем к скудному хлебопашеству на верхневолжском суглинке, становилась основанием экономического быта всего географического округа, сообщала ему особый промышленный тип. Так возникали разнообразные местные промыслы бортников, огородников, садовников, рыболовов, зверогонов, лыкодёров и т. п. Эти промыслы издавна составляли характеристическую особенность центральной Великороссии и только с недавнего времени стали падать под давлением фабричной централизации промышленности. Такие промысловые специальности облегчали задачу администратора, приходившего в край, чтобы разделить его на административные части, станы и волости: административный округ обозначался сам собою экономическими гранями, как район экономический обозначался географическими межами обитаемой полосы *). Читая акты и

*) Один приход на Андоге тянулся по этой реке длинной и узкой полосой версты на 2—3 в ширину и на 20 вёрст в длину;

писцовые книги XV и XVI в., встречаем на всём пространстве тогдашнего Московского государства следы такого географического или промыслового, кустарного происхождения сельских административных округов, иногда отражавшегося в самых названиях Загорья, Заболотья, Залесья, Замошья, Раменейца, Раменки, Суходола, Вышелеса, Бортного стана, Соли и т. п. Развитие местных промыслов вызывало обмен; но мы ошиблись бы, если бы предположили, что уже в первую пору колонизации обмен достигал в этом краю той живости, какую делает возможной сеть великорусских рек при достаточной населённости страны. Первоначально экономическое общение в северном Заволжье долго ограничивалось соседними округами, наиболее удобно связанными друг с другом географически: поселения питательных ветвей, притоков, тянули к округу главной речной артерии. Так из экономических округов отдельных рек создавалась экономическая область или уезд целого бассейна.

Повидимому, в эту первую пору экономического общения стали появляться в колонизуемом краю многочисленные мелкие уделы княжеских линий ростовской и ярославской с их белозерскими, заозерскими и другими отростками. Небольшие бассейны рек того края, Суды, Кемы, Андоги, Ухтомы, Сити, Мологи, Кубены, Бохтюги, представляли такие недавно заселённые или только ещё заселявшиеся острова, открытые и сухие прогалины среди моря лесов и болот. Когда для счастливо размножавшихся князей упомянутых линий надобились отдельные участки в их отчинах, эти речные округа и области служили готовым основанием для удельных делений и подразделений. Так возникали в XIV и XV в. все эти мелкие княжества Кемское, Андожское, Ухтомское, Сицкое, Кубенское, Бохтюжское и многие другие, называвшиеся по именам речек, бассейнами которых, даже не всегда целыми бассейнами, огра-

---

из 26 составлявших его деревень 22 расположены были в линию по одной дороге на протяжении 20 вёрст. Новгор. Сборник, выпуск V, 1866 г.

ничивались их территории *). Можно найти некоторые признаки такого положения края в момент образования в нём этих уделов. Большая часть последних по свойству поселений носила чисто сельский характер, представляла мир сёл и деревень и не имела жилого места, которое можно было бы назвать городом в тогдашнем экономическом и административном смысле этого слова. На реке Андоге, среди тянувшихся по ней и её притокам сёл, селец и деревень, не было ни одного городка, а между тем здесь находились стольные места, резиденции трёх удельных княжеских династий: Андожской, Шелешпанской и Вадбольской. Далее на восток являются следы ещё большей простоты общественного склада. В духовных грамотах московских князей XIV и XV в. великокняжеские волости на Вологде и Костроме обозначаются просто именами рек: завещатель отдаёт наследникам Обнору, Сяму, Пелшму, Комелу—знак, что эти волости состояли из разбросанных деревень и починков, административным центром которых служило какое-нибудь поселение на главной реке округа. Не везде даже, быть может, успели возникнуть такие окружные центры, которые по своей населённости отличались бы от простой северной деревни того времени. На это есть намёк в договорных грамотах. Великий князь Василий Тёмный поделил бывшее Заозерское княжество (на северовосток от Кубенского озера) с верейским князем Михаилом Андреевичем: последний получил половину Заозерья и ещё 100 деревень из другой половины,—деревень и ничего больше, ни одного села. Самая резиденция иного удельного князя в этом краю имела вид простой боярской усадьбы, одинокого большого двора при погосте. В житии преп. Иоасафа Каменского есть маленькая, но очень изобразительная картинка местопребывания его отца, заозерского князя Димитрия Васильевича, одного из удельных князей ярославской линии (XIV—XV века): на реке Кубене стоял его княжеский двор;

*) Так по реке Андоге рядом с Андожским княжеством простирался ещё удел Вадбольский, в котором было 3—4 десятка деревень, составлявших не более двух приходов.

подле храм св. Димитрия Солунского, вероятно, им же и построенный в честь своего ангела; в стороне от княжеского двора „весь“ Чиркова, которая вместе с ним служила приходом этого храма: „весь же зовома Чиркова к нему прихожаше“.

Удельный порядок княжеского владения начался не этими мелкими заволжскими уделами и не в XIV—XV вв., когда они возникали. Но по их образованию можно наблюдать продолжение или даже конец того процесса, начало которого, менее для нас открытое, создало первые уделы в северной Руси, и многие явления, вскрывающиеся в истории заволжских уделов, были повторением того, что́ происходило раньше по сю сторону Волги. Первые князья, владевшие этой Русью в XII и начале XIII века (не говорим о тех немногих, которые прежде являлись туда на время), не были чужды если не чувств и понятий, то привычек и преданий, на которых держались отношения их южных отцов и дедов. Они иногда вспоминали о правах старшинства, о владении землёй по очереди, на нём основанной, пытались сделать из Владимира центр такого же княжеского круговращения, какое происходило прежде вокруг Киева. Но эти предания и привычки как-то плохо прививаются к действительным отношениям на севере и довольно скоро исчезают, уступая место удельному порядку. По владельческим понятиям и отношениям поколения князей здесь расходятся между собою гораздо дальше, чем по росписи родства; внуки Всеволода III чувствуют меньше взаимной близости, чем правнуки Ярослава I. Когда ищем причин этого, прежде всего останавливаемся на складе того общества, какое создавала в этом краю колонизация, на том действии, какое она производила на общественные и владельческие понятия здешних князей.

Колонизация колебала и разрывала общественные и экономические связи там, откуда выходила, и давала мало средств установить их в том краю, где понемногу осаживались переносимые ею массы населения. Отсюда происходило общее потрясение экономической жизни, невозможность рас-

считать взаимное материальное отношение частей колонизуемой страны. Значение каждой местности в народном хозяйстве зависело не от её внутренних постоянных средств, которые большею частью ещё оставались неразработанными, а от внешней случайности, от прилива и отлива бродячих рабочих сил, и изменялось вместе с передвижением последних. Общественная почва страны так же тряслась под ногами князей-устроителей, как зыбучая поверхность полузаросшего северного болота под ногами крестьянина-колониста. Каждый край для князя был экономическим вопросом. Во второй половине XIII в., когда Всеволодовы потомки ещё дорожили великокняжеской волостью Владимира на Клязьме, едва ли кто-нибудь из них предчувствовал скоро обнаружившийся быстрый экономический рост московского края: если бы они предчувствовали это, из тогдашних князей Москва досталась бы кому-нибудь постарше кн. Данила Александровича. К тому времени, когда южные князья завели очередное владение Русской землёй по старшинству, в широкой полосе по Днепру с его притоками экономический быт настолько установился и определился, что княжеская администрация могла взвесить сравнительную стоимость каждой волости, чтобы решить, какой степени на лествице княжеского старшинства она должна соответствовать. При этой оценке князья ошиблись разве только в двух волостях: в XI в. они не предвидели, что область южного Переяславля, слишком углублённая в опасную степь, скоро станет хуже других, поставленных ниже её в росписи старшинства, а окрайная Галицкая земля через столетие с чем-нибудь переростёт многие другие. За Окой в XIII в. нельзя было распределить волости с такою точностью, потому что их экономическое отношение иногда изменялось с быстротой человеческого возраста, и сын или внук младшего Александровича, поднявшись на лествице старшинства, едва ли променял бы охотно свою московскую область на какую-либо из старших, тверскую или ростовскую, после того как события первой половины XIV в. перетянули значительную часть населения из обеих этих областей в московский край.

В то же время ход дел, направляемый колонизацией, отвлекая внимание князей от общих интересов, сосредоточивал его на местных явлениях. Общество колонизуемой страны дробилось, отношения локализовались, обособлялись. Отсюда происходила другая резкая черта жизни, отличавшая северную Русь XIII в. от южной прежнего времени. Вследствие давнего и живого общения интересов между волостями этой последней общие условия жизни там могущественно действовали на положение местных дел, а местные явления действовали далее пределов своих местностей, отражались на общем благосостоянии. Засорится степь кочевниками близ русской границы, переймут они южные торговые пути, умрёт великий князь в Киеве и заспорят между собою его младшие родичи: каждое из этих событий почувствуется с большей или меньшей силой во всех волостях, скажется на всех рынках, спутает и расстроит множество дел и рассчётов. В этом отношении киевская Русь похожа была на нервный организм, в котором местная или даже совершенно внешняя неприятность производит общее болезненное расстройство: ведь эта Русь и выросла на бассейне одной реки, которая с своими идущими с разных сторон притоками представляла географический становой хребет Русской земли с его отростками. Северная Русь при сыновьях и внуках Всеволода III не была таким чувствительным организмом. Перемена в общем положении дел здесь слабо отражалась на местной жизни, как и местные явления мало изменяли общее положение дел; подвижность населения и производимая ею изменчивость отношений не давали установиться в стране одному центру ни политическому, ни экономическому, и разрывали нити, которые могли бы связывать этот центр с областями. Поссорятся князья-соседи, сойдутся со своими полками, потолкуют и разойдутся без боя; Татары нападут на какой-нибудь угол рязанского или нижегородского края—спасшееся население убежит в соседние края, а когда минует беда, воротится на прежние места, покинув большую или меньшую долю своей массы в бывшем убежище. Следовательно, как

на юге княжеское владение землёй по очереди старшинства было возможно только при тесной взаимной связи её частей, политической, экономической и географической, так на севере созданная природой страны и колонизацией разорванность населённых местностей и людских отношений давала готовое основание для удельного порядка владения.

Наконец, сосредоточивая внимание князей на местных интересах, колонизация производила на них впечатление, которое, быть может, составляло самую глубокую черту в характере удельного порядка и всего лучше объясняет его происхождение. На юге в продолжение трёх столетий сменилось много княжеских поколений в управлении Русской землёй. Каждое из них принималось за это дело с мыслию, что общественный порядок, среди которого оно действует, создался задолго до него, и ни один князь, умирая, не мог сказать, что он совершил коренное изменение земского строя, который он застал на Руси. Общество киевской Руси было старше своих князей; расширяя и обороняя Русскую землю, они могли считать её своим достоянием, которое отцы и деды их стяжали „трудом своим великим“; правя ею, они поддерживали в ней существовавший житейский порядок, определяли подробности земского строя, но не могли сказать, что они создали самые основания этого строя, были творцами общества, которым правили. Совсем иной взгляд складывался самым ходом вещей у князей северной Руси. Начиная с Юрия Долгорукого, оставившего своим детям столько новых городов и селений в Суздальской земле, каждый князь, правивший этой землёй или её частью, покидал своё владение далеко не таким, каким заставал его. Край оживал на его глазах: глухие дебри расчищались, пришлые люди селились на новях, возникли промыслы, новые доходы прибывали в княжескую казну, новые классы завязывались в обществе. Путём соблазнительной административной логики, которой не чуждались и позднейшие правители, гораздо более привычные к анализу явлений, князь, собираясь писать духовную и припоминая все

новости, совершившиеся при нём в его отчине, приходил к мысли, что всё это—его личное дело, создано им, его личными усилиями, и по праву может быть передано им жене и детям, мимо братьев и племянников. В половине XII в. один из южных князей, Изяслав Мстиславович волынский, считал себя в праве распоряжаться Киевом и Переяславлем помимо очереди старшинства только потому, что взял их с бою у соперников, „своей головой добыл“ эти города, как говорил сам в оправдание присвояемого им права. Если мысль о личной собственности возникала в голове этого князя из права завоевания у своих же родичей, то у северных князей она выростала из взгляда на своё княжество, подобного тому, каким хозяин смотрит на свой дом, им же построенный. Родоначальник домовитых суздальских князей-хозяев Юрий Долгорукий, так усердно обзаводивший свою волость новыми городами и деревнями, не успел ещё усвоить этот взгляд и отрешиться от наследственной привязанности, которая влекла его к Киеву. В детях его этот взгляд становится уже очень заметен. В нём надобно видеть истинный источник отчуждения Андрея Боголюбского от южной Руси и его стремления обособить от неё свою северную волость в политическом и даже церковном отношении. Он брал Киев своими полками, но не имел охоты садиться на его „златокованный стол“, предмет дум и желаний для южного князя XII в. Андрей прожил всю жизнь на севере и видел, как при отце его оживал этот край и выростала в нём новая Русь. На юге он бывал на короткое время с полками отца и в последнюю поездку бежал оттуда украдкой на свою Клязьму. По смерти отца он хвалился, что Суздальскую землю „городами и селами великими населил и многолюдной учинил“: он мог сказат, что это они с отцом сделали суздальскую Русь, и не имел охоты делиться ею с другими, вводить её в круг общего родового владения князей; он распоряжался ею, как „самовластец“, по выражению южного летописца, т. е. не обращая внимания на других князей и на обычные порядки управления. Подобно старшему брату поступал и

Всеволод, а их образ действий стал преданием, правилом для потомков последнего. Мысль: это моё, потому что мной заведено, приобретено, эта мысль, внушаемая колонизацией целому ряду княжеских поколений, сгладила самую существенную юридическую черту, отличавшую княжеское владение от частного, от простой земельной собственности; а удельный порядок зародился в тот момент, когда княжеская волость усвоила себе юридический характер частей вотчины привилегированного землевладельца.

Остаётся обозначить, какой вид приняло гражданское общество в рамках удельного порядка, под действием экономического быта, какой создавался в колонизуемой стране.

Каждый удельный князь подобно великому имел свой двор, свою дружину. Это были вольные слуги-землевладельцы— по крайней мере в таком двойственном значении рассматривают их договорные грамоты князей XIV и XV в., основные памятники междукняжеского права тех веков. Как вольные слуги, дружина и теперь составляла подвижную, бродячую ратную массу, кочевавшую по русским княжествам в силу права вольного слуги выбирать себе место службы любой из тогдашних княжеских дворов. Но как землевладельцы, эти вольные слуги уже тогда начинали складываться в земский класс, отбывавший финансовые и некоторые ратные повинности по земле и воде, по месту землевладения. По своим поземельным отношениям бояре и вольные слуги уже в XIV в. составляли уездные миры или землевладельческие общества, подобные тем, на какие делился класс городовых дворян и детей боярских XVI и XVII в. Вольный слуга, служивший великому князю московскому Димитрию Ивановичу, по вотчине своей мог входить в состав какого-нибудь уездного общества землевладельцев в серпуховском уделе князя Владимира Андреевича и в случае осады защищать свой уездный город.

Несмотря на такое простое определение своих служебных и поземельных отношений, этот класс бояр и вольных слуг среди удельного общества XIV в. в значительной сте-

нени был социальным и политическим анахронизмом. В его общественном положении находим черты, которые совсем не шли к удельному порядку, к общему направлению удельной жизни. Строгое разграничение служебных и поземельных отношений вольных слуг, какое проводят договорные грамоты князей XIV и XV в., мало согласовалось со стремлением удельного княжеского хозяйства соединить личную службу вольных слуг с землевладением в уделе, закрепить первую последним. Возможность для вольного слуги служить в одном княжестве и оставаться землевладельцем в другом противоречила стремлению удельных князей возможно более замкнуться, обособиться друг от друга политически. С этой стороны бояре и вольные слуги заметно выделялись из состава удельного гражданского общества. Положение остальных классов в уделе определялось более всего поземельными отношениями к князю, вотчиннику удела. Хотя землевладение теперь всё более становилось и для бояр основой общественного положения, однако они одни продолжали поддерживать чисто личные отношения к князю, вытекавшие из служебного договора с ним и сложившиеся ещё в то время, когда не на землевладении основывалось общественное значение этого класса. Такие особенности в политическом положении служилых людей не могли создаться из удельного порядка XII — XIV веков: они очевидно были остатками прежнего времени, когда господствовал очередной порядок княжеского владения и ни князья, ни их дружины не были прочно связаны с местными областными мирами; они не шли к тому времени, когда Русская земля распадалась на удельные опричнины, которые, переходя к детям по завещанию отцов, с каждым поколением подвергались дальнейшему дроблению. Самое право выбирать место службы, признаваемое в договорных грамотах князей за боярами и вольными слугами и бывшее одной из политических форм, в которых выражалось земское единство киевской Руси, теперь стало несвоевременным: этот класс и на севере попрежнему оставался ходячим представителем политического порядка, уже

разрушенного, продолжал служить соединительной нитью между частями земли, которые уже не составляли целого. Поэтому нельзя видеть ничего неожиданного в том, что в *Златой цепи* *) одно поучение уговаривает бояр служить верно своим князьям, не переходить из удела, считая такой переход изменой наперекор продолжавшемуся обычаю. В тех же договорных княжеских грамотах, которые признают за боярами и вольными слугами право служить в одном княжестве, оставаясь землевладельцами в другом, встречаем совсем иное условие, которое лучше выражало собою удельную действительность, расходившуюся с унаследованным от прежнего времени обычаем: это условие затрудняло для князей и их бояр приобретение земли в чужих уделах и запрещало им держать там закладней и оброчников, т.-е. запрещало обывателям уезда входить в личную или имущественную зависимость от чужого князя или боярина. С другой стороны, жизнь при северных княжеских дворах XIV в. наполнялась далеко не теми явлениями, какие господствовали при дворах прежних южных князей и на которых воспитывались понятия и привычки тогдашних дружин. В одном сказании о побоище на Калке читаем, что до нашествия Монголов было на Руси много князей храбрых и высокоумных, имевших многочисленную и храбрую дружину и величавшихся ею **). Теперь ход дел давал дружине мало случаев искать себе чести, а князю славы. Княжеские усобицы удельного времени были не меньше прежнего тяжелы для мирного населения, но не имели прежнего боевого характера: в них было больше варварства, чем воинственности. И внешняя оборона земли не давала прежней пищи боевому духу дружин северных князей: из-за литовской границы до второй половины XIV в. не было энергического наступления на восток, а ордынское иго надолго сняло с князей и их служилых людей необходимость оборонять юго-восточную окраину,

---

*) По редакции XIV в.

**) Полн. Собр. Лит. XV, 336.

служившую для южных князей XII в. главным питомником воинственных слуг, и даже после Куликовского побоища в эту сторону шло из Руси больше денег, чем ратных сил. Но всего чувствительнее была перемена, происшедшая в экономическом положении служилого класса. В давние времена X века он вместе с князьями собирал дань с подвластного населения натурой и этой данью выгодно торговал с Хозарами, с Византией. Потом, когда успехи торговли разлили в стране оборотный капитал по всем классам общества, князья стали заменять прежние поборы денежными налогами и давать своим боевым слугам денежное жалованье. С половины XII в. стало заметно, с конца ещё заметнее обеднение Руси. Оно обнаруживалось между прочим в постепенном вздорожании денег—знак, что одною из причин его был упадок внешней торговли, ослабивший прилив драгоценных металлов из-за границы. Русская ходячая гривна, так-называемая *гривна кун* становилась всё легковеснее: в начале XIII в. она содержала в себе только ¼ фунта серебра, а в 1230 г. равнялась в Новгороде даже 1/7 ф., тогда как в более раннее время ходили гривны в треть фунта и даже в полфунта *). Но в одном позднейшем летописном своде сохранилось размышление старого летописца XIII—XIV вв., который, ставя современным ему служилым людям в образец жизнь прежних дружин, замечает, что княжие слуги прежнего времени не говорили: „мало мне, князь, 200 гривен" **). Летописец-обличитель хочет сказать, что его ратные современники говорили это своему князю, и расположен видеть в этом следствие роскоши и „несытства" дружины своего времени. Вероятнее, что в этой дружинной жалобе сказалось обычное затруднение, испытываемое служащими людьми среди народно-хозяйственных переломов, когда прежний оклад служилого жалованья теряет на рынке прежнюю цену. Большинство князей XIII—XIV вв. не могло вывести дружину

*) См. приложение к этой странице.

**) Полн. Собр. Р. Лет. V, 87.

из этого затруднения. Они сами должны были тяжело чувствовать общее колебание отношений политических и экономических, каким характеризуется русская жизнь того времени. Тогда быстро изменялись княжеские состояния и за немногими исключениями изменялись к худшему: одни удельные хозяйства едва заводились, другие уже разрушались и ни одно не стояло на твёрдом основании; никакой источник княжеского дохода не казался надёжным. Изменчивость состояний заставляла служилый класс искать обеспечения в экономическом источнике, который был надёжнее других, хотя вместе с другими испытывал действие неустроенности общественного порядка, в землевладении: оно по крайней мере ставило положение боярина в меньшую зависимость от хозяйственных случайностей и капризов князя, нежели денежное жалованье и административное кормление. Так служилые люди на севере усвояли себе интерес, господствовавший в удельной жизни, стремление стать сельскими хозяевами, приобретать земельную собственность, населять и расчищать пустоши, а для успеха в этом деле работить и кабалить людей, заводить на своих землях посёлки земледельческих рабов-страдников, выпрашивать землевладельческие льготы и ими приманивать вольных крестьян на свои земли. И в киевской Руси прежнего времени были в дружине люди, владевшие землёй; там сложился и первоначальный юридический тип боярина-землевладельца, основные черты которого долго жили на Руси и оказали сильное действие на характер позднейшего крепостного права. Но, вероятно, боярское землевладение там не достигло значительных размеров или закрывалось другими интересами дружины, так что не производило заметного действия на её политическую роль. Теперь оно получило важное политическое значение в судьбе служилого класса и с течением времени изменило его положение и при дворе князя, и в местном обществе.

По сказанному выше об общественных вершинах можно уже судить, как и всё остальное общество северо-восточной, верхневолжской Руси XIII и XIV в. мало было похоже на

прежнее общество среднего Днепра. Две тесно связанные между собою черты, отличавшие его от этого последнего, особенно близко касаются изучаемого правительственного учреждения. Во-первых, это общество беднее прежнего южнорусского. Капитал, который создан был и поддерживался живой и давней заграничной торговлей киевского юга, на суздальском севере в те века является столь незначительным, что перестаёт оказывать заметное действие на хозяйственную и политическую жизнь народа. Соразмерно с этим уменьшилось и то количество народного труда, которое вызывалось движением этого капитала и сообщало такое промышленное оживление городам Днепра и его притоков. Это сокращение хозяйственных оборотов, как мы видели, обнаруживалось в постепенном вздорожании денег. Землевладельческое хозяйство с его отраслями, сельскими промыслами, теперь оставалось если не совершенно одинокой, то более прежнего господствующей экономической силой страны. Но очень долго это было подвижное, полукочевое хозяйство *на нови*, переносившееся с одного едва насиженного места на другое нетронутое, и ряд поколений должен был подсекать и жечь лес, работать сохой и возить навоз, чтобы создать на верхневолжском суглинке пригодную почву для прочного, оседлого земледелия.

Вместе с тем из строя общественных сил на севере выбыл и класс, преимущественно работавший торговым капиталом, тот класс, который состоял из промышленных обывателей больших волостных городов прежнего времени. В суздальской Руси ему не посчастливилось с той самой поры, как сюда стала заметно отливать русская жизнь с днепровского юго-запада. Старые города здешнего края Ростов и Суздаль, после политического поражения, какое потерпели они тотчас по смерти Андрея Боголюбского в борьбе с „новыми" и „малыми" людьми, т. е. с пришлым низшим населением заокского Залесья, потом не поднимались и экономически. Из новых городов долго ни один не заступал их места в хозяйственной жизни страны и никогда ни один не заступил

его в жизни политической, не сделался самобытным земским средоточием и руководителем местного волостного мира, потому что ни в одном обыватели не сходились „на вече, как на думу“, и в силу старшинства своего города не постановляли решений, обязательных для младших городов области. Это служит ясным знаком того, что в суздальской Руси XIII и XIV в. иссякли источники, из которых прежде старший волостной город почерпал свою экономическую и политическую силу. Вместе со вздорожанием денег падала политическая цена посадского человека сравнительно с горожанином киевской Руси. Последний в X в. стоит высоко над сельским смердом и приближается к мужам княжим, к большим людям общества. В XIV в. *посажанин* сливается в один класс с поселянином под общим названием *чёрного человека*: так грамоты великих и удельных князей того века говорят, что у чёрного человека нельзя покупать земли в селе и двора в городе. После, когда Московское государство устроилось, уездные и посадские люди, т. е. сельские и городские обыватели, в иных местах соединялись в одном и том же областном мирском учреждении, в *земской избе*, сливались в один уездный тяглый мир, как одинаково пассивные элементы государства; местные орудия центральной администрации. Язык московских канцелярий довольно выразительно отметил тягловое и экономическое различие и одинаковое политическое положение обоих этих элементов, назвав одних *чёрносошными* людьми, других людьми *чёрных сотен и слобод.* Вместе с выходом областного города из строя активных сил общества исчез из оборота общественной жизни и тот ряд интересов, который прежде создавался отношениями обывателей волостного города к другим общественным силам.

Итак, с XIII в. общество северо-восточной суздальской Руси, слагавшееся под влиянием колонизации, стало беднее и проще.

ГЛАВА V.

Согласно с политическим характером удельного князя на севере и удельное управление было довольно точною копией устройства древнерусской боярской вотчины.

Чтобы облегчить себе изучение боярской думы, какою является она при удельных и великих князьях на севере с XIII в., надобно припомнить в общих чертах механизм, посредством которого управлялось удельное княжество тех веков. В нашей исторической литературе этот механизм и особенно те его колёса, которые находились ближе к князю, не привлекли к себе всего внимания, какого они заслуживают по своему значению в истории нашего государственного устройства. Между тем именно эти ближайшие к князю центральные части административной машины удельного времени всего более делают понятным тот своеобразный характер, с каким является изучаемое нами учреждение при князьях XIV и XV в. Памятники того времени очень скудны и не воспроизводят с достаточною полнотой существовавшего в уделах правительственного порядка; но в московском государственном управлении долго сохранялись мелкие, иногда малозаметные черты, унаследованные им от этого удельного порядка. Надобно внимательно всматриваться в сложное и запутанное здание московской приказной администрации, чтобы разглядеть в ней остатки этой старой правительственной кладки удельных веков. Вот почему предпринимаемая попытка изобразить управление удельного княжества не могла освободиться отъ мелочных разысканий и наверное не свободна ни от недомолвок, ни даже от значительных обмолвок.

Администрация, действовавшая по уделам, везде имела одинаковые основания, различаясь в больших и малых княжествах разве только сложностью административного персонала. Она очень точно соответствовала характеру, какой сообщала колонизация удельному князю-вотчиннику, его удельному хозяйству и обществу, стоявшему под его управлением.

Наши привычные понятия о центральном и местном управлении мало приложимы к административному устройству удела. В нём действовали рядом два порядка учреждений, между которыми существовало отношение, совсем непохожее на то, какое мы привыкли представлять между органами центрального и местного управления. Один из этих порядков, который можно назвать тогдашним центральным управлением, составляло дворцовое ведомство; другим была администрация наместников и волостелей, которая по своему отношению к правительственному центру далеко не походила на нынешнее областное управление. Но между этими обоими порядками существовал ещё третий, посредствующий и смешанный, который не имеет ничего себе подобного в нынешнем управлении: это администрация частных привилегированных вотчинников. Указанные три ряда учреждений соответствовали трём разрядам, на которые делились земли в удельном княжестве по своему отношению к владельцу удела: первый ряд ведал земли дворцовые, второй—чёрные, третий—земли служилые.

Средоточием первого порядка удельных учреждений был дворец князя в широком смысле этого слова: это было обширное хозяйственное ведомство, в котором предметами управления были, во-первых, дворцовые земли, сёла, деревни и различные угодья с предметами дворцового потребления, потом дворцовые слуги и деловые люди с их разнообразными службами и изделиями на дворец. В этом ведомстве надобно различать два главные отделения, между которыми довольно своеобразно распределялись обозначенные сейчас статьи княжеского дворцового хозяйства: одним был *дворец* в тесном смысле, состоявший под управлением дворецкого; другое отделение составляли дворцовые *пути*. Начнём с последних.

Великие князья Василий Тёмный и Иван III, перечисляя в духовных грамотах областные города своих княжеств, различают в административном составе городовой области или уезда волости, *пути* и сёла: город обыкновенно является в

этих грамотах со своими „волостьми и с путьми и с селы“. Как известно, волости были административные округа, на которые разделялся уезд. Духовные разумеют под сёлами собственно дворцовые сёла, рассеянные по разным волостям и имевшие особое управление. Но что такое были *пути*? Великий князь Василий Димитриевич в своих духовных упоминает о Нерехте с варницами, бортниками и бобровниками, потом о переяславской волости Юлке „также со всеми людьми, которого пути в ней люди ни будут“ *). Значит, по путям распределены были разные дворцовые люди, так часто упоминаемые в княжеских духовных XIV и XV вв., все эти бортники, бобровники, садовники, псари и т. п. Уже в договорной грамоте сыновей Калиты 1341 г. названы три пути: *сокольничий, конюший и ловчий.* В актах XV—XVI вв. встречаем указания на состав и устройство каждого из этих ведомств. К ловчему пути принадлежали государевы бобровники и псари, к сокольничему сокольники и другие служители государевой птичьей охоты; в конюшем вместе с лошадьми и конюхами ведались и государевы луга, рассеянные по разным уездам государства. Но кроме трёх указанных путей в актах XVI в. встречаем ещё два: *стольничий* и *чашничий.* Уже в XIV в. при дворах великих и значительных удельных князей являются в штате придворных должностных лиц стольник и чашник. При московском царском дворе XVI—XVII вв. эти сановники уже не имели специального административного значения: стольничество превратилось в звание или служебный чин, а чашник стал простым обер-шенком без правительственной должности, „государю пить подносил“. Но в удельное время тот и другой управлял особым дворцовым ведомством, у того и другого был свой „путь“. Чашничий путь был ведомством дворцового пчеловодства и государевых питей; в нём ведались сёла и деревни дворцовых бортников, лесных пчеловодов вместе с бортными дворцовыми лесами. К стольничему пути

*) Собрание госуд. грам. и догов. I, стр. 202, 389, 81 и 84.

принадлежали дворцовые рыбные ловли и также, кажется, дворцовые сады и огороды с дворцовыми рыболовами, садовниками и огородниками. Уставная грамота 1555 г. говорит ещё о переяславских „рыболовах и всех крестьянах стольнича пути". В начале XV в. стольник в Московском княжестве был ещё судебно-административной властью для людей, земель и вод этого пути. Когда нужно было помочь частному владельцу заселить его пустые земли, на которые могли падать повинности этого ведомства или которые находились в пределах его административного округа, правительство давало землевладельцу жалованную грамоту, по которой ни наместник того уезда, ни *стольник*, ни посельский с их тиунами не могли ни брать с поселенцев тех земель своих поборов, ни судить их ни в чём кроме душегубства и разбоя с поличным *). Все эти ведомства, судя по указаниям позднейших актов, в удельное время были точно разграничены между собою и обособлены от других правительственных учреждений. Из одной грамоты Троицкого Сергиева монастыря 1599 г. узнаём, что находившийся в Муромском уезде царский луг Конюш остров управлялся Конюшенным приказом, а рыбные ловли в озерках на этом острове состояли в ведомстве приказа Большого Дворца. В начале XVI в. переяславские рыболовы стольнича пути, живя особою слободой на посаде г. Переяславля, не зависели от переяславского наместника, не тянули ни в чём с чёрными городскими людьми, а тянули „в поварню великого князя", управлялись особым „волостелем стольнича пути", были под-

*) Грамота 1423 г. в Акт. Арх. Эксп. I, № 21. По сотной выписи 1562 г. переяславские рыболовы ловили одну ночь „на стольника" (там же, № 261). Вероятно, это—особое пожалование какому-нибудь лицу, получившему „стольничество с путём", а не должностной административный доход стольника, тогда уже не управлявшего стольничим ведомством: по грамоте 1555 г. переяславских дворцовых рыболовов ведали судом и оброком московские казначеи. В уставной грамоте 1506 г. (там же, № 143) нет этой „ночи на стольника".

даны ему „судом и кормом“ и выбирали своего „старосту рыболовля“, без которого волостель не мог судить никакого суда. В составе городского населения Переяславля эта слобода была совершенно обособленным административным округом: о девице, выходившей из неё замуж на сторону, говорили, что она выходила „из стольнича пути на посад или в волость“. Но на том же посаде Переяславля стояло 20 дворов сокольников „сокольнича пути“: ещё новый мирок в административном составе города со своим управлением на месте и с особым пунктом прикрепления в центре, при дворце государя; этим пунктом служил *сокольничий*. Так посад небольшого города, в котором считалось всего 400 тяглых дворов во второй половине XVII в., разделён был в XVI в. между тремя особыми ведомствами, которые различались между собою не свойством административных отправлений, не родом правительственных дел, а родом управляемых лиц *).

Управление путей составляло особую административную систему, которая, исходя из княжеского дворца, перерезывала областное управление наместников и волостелей. По городам и сельским волостям княжества рассеяны были слободы, сёла и деревни, приписанные к тому или другому пути, находившиеся в очень слабой административной связи с общим областным управлением или даже совершенно от него обособленные. Каждый путь состоял из этих раскиданных там и сям клочков, иногда очень мелких: московский сокольничий ведал во всех делах кроме душегубства и разбоя с поличным дворцовых сокольников и на посаде г. Пере-

*) Акт. Арх. Эксп. I. №№ 242. 143 и 147; IV, стр. 349. Сборник грамот Троицк. Сергиева монастыря, составленный в XVII в. при архим. Дионисии, в библиотеке Тр. Серг. лавры, № 530, л. 942. Такое же административное значение имели чашник, стольник и другие упомянутые выше во II главе дворцовые сановники при дворе молдавских господарей XV века: так чашник управлял тем староством, где приготовлялось лучшее вино. *Калужняцкого* Documenta moldawskie etc., стр. 21, 28, 44 и др.

яславля, и в Авнежской волости Вологодского уезда, и везде, где ни находились поселения людей этого звания или промысла. Пути переплетались не только с общим областным управлением, но и между собою. В Бортном стану (Переяславского уезда), который самым названием своим указывает на принадлежность чашничу пути, в XVI в. Лихая Слобода входила в состав ловчего пути. Повельский стан был сельским административным округом Дмитровского уезда. В нём находилось село Куликово, по некоторым признакам дворцовое, составлявшее со своими многочисленными деревнями и пустошами особый сельский округ под вышним управлением великокняжеского дворецкого; но среди этих деревень замешались две деревни сокольнича пути и одна псарская, следовательно принадлежавшая ловчему пути. Несмотря на свою разбросанность, селения каждого пути соединялись в волости, которыми управляли особые волостели стольнича, чашнича или другого пути, отличные от обыкновенных непутных. Эти путные управители действовали посредством выборных старост отдельных путных сёл и слобод, бортных, рыболовлих и других. В половине XVI в. эти ведомства ещё носили старые удельные названия путей конюшего, чашнича, стольнича; область каждого из них делилась на части, называвшиеся по именам городов или уездов, в которых находились земли и селения, принадлежавшие тому или другому пути: так был стольнич путь костромской, переяславский и др. Отсюда необычайная дробность удельного управления, увеличивавшаяся ещё тем, что среди путного округа появлялись в свою очередь селения совсем других ведомств: в волостке чашнича пути Славцове Владимирского уезда, выделявшейся из местной уездной администрации под управлением путного великокняжеского волостеля, в 1504 году встречаем три деревни митрополичьи, не имевшие ни в чём кроме душегубства и разбоя с поличным никакого отношения ни к путной, ни к уездной администрации *). В

---

*) Сборн. гр. Тр. Серг. мон. № 530, л. 678. Акты Ист. I, № 295. Акты Арх. Эксп. I, №№ 215 и 139. *О. Горчакова*, О земельн. вла-

этой дробности управления удельного времени, унаследованной потом администрацией Московского государства, сказывался древний административный взгляд, столь непохожий на установившийся позднее. Позднейшее управление стремилось сосредоточить в известном ведомстве всё население, но только по некоторым административным делам; древнее напротив сосредоточивало в нём все дела, но не всего населения, а лишь какой-либо его части. Первое административно дробило лица, централизуя общество, если можно так выразиться; второе, дробя общество, щадило лицо, представляя его неделимой единицей со всеми его многообразными житейскими отношениями. В таком порядке было одно удобство, исчезнувшее в позднейшей администрации при большей сложности людских отношений: административная сосредоточенность управляемого лица позволяла ему хорошо знать, куда обращаться со своими делами.

Итак, *пути* были дворцовые ведомства, между которыми была разделена эксплоатация принадлежавших княжескому дворцу хозяйственных угодий. Но эти ведомства касались и недворцовых земель. Пути можно было бы назвать промысловыми регалиями, еслибы право эксплоатации путных угодий в княжестве принадлежало исключительно княжескому дворцу. Но акты удельного и московского времени не указывают на такую исключительность: промысловые угодья являются простою принадлежностью земельной собственности, и князь удельный или великий, передавая свою землю в руки частного собственника, обыкновенно вместе с нею передавал и право пользования находившимися на ней промысловыми угодьями, передавал её, по обычному выражению грамот, „и с лесом и со всеми угодьи". Так Иван, IV променял боярину кн. Кубенскому упомянутое село Куликово со всеми деревнями, между которыми были две сокольнича пути, и передача последних не оговорена в акте ничем, что показывало бы, что передавалась хозяйственная статья, со-

дениях митрополитов, патриархов и св. Синода, приложения, стр. 42. Арх. ист.-юр. свед., *Калачёва*, кн. 3, отд. 2, стр. 48, 55 и 59.

ставлявшая особенное и исключительное право казны. По актам XV и XVI в. борти встречаются и на землях частных владельцев, которые владеют ими на одинаковом праве с прочими своими землями, а из Уложения царя Алексея знаем, что частные лица владели на праве собственности бобровыми гонами, бортными ухожьями и другими угодьями не только в своих, но и в чужих, даже „государевых“ лесах. Великая княгиня Марья Ярославна в льготной грамоте 1453 г. на деревни Киржацкого монастыря в Переяславском уезде пишет, что в бортное дубьё, какое есть на тех монастырских землях, чашник княгинин и староста бортный не вступаются. Это не значит, что монастырь не мог пользоваться своим бортным дубьём без особого пожалования права на то со стороны удельного правительства. Отсюда видно только, что монастырские деревни находились в округе дворцовых бортников, с которым они до пожалования их монастырю составляли одно административное и хозяйственное целое, и что теперь понадобилось определить отношение прежнего начальства, чашника и старосты округа, к бортному угодью, отошедшему вместе с деревнями к новому владельцу. В княжеском хозяйстве бортничество было таким же путём, какими были рыбные ловли и луга, а эти статьи не были княжескими регалиями ни в удельное время, ни после *). Правда, доходные угодья, принадлежавшие част-

*) В особенных случаях, при переходе казённой земли в частные руки, право на некоторые угодья отделялось от права на землю. Из одной неизданной грамоты Троицкого Сергиева монастыря по городу Мурому узнаём, что в 1566 году отведены были Краснослеповым в обмен на их суздальскую вотчину казённые деревни в Муромском уезде, но с условием в государевы оброчные и откупные угодья не вступаться, государев бортный лес, находившийся в переданных Краснослеповым деревнях, „бортное деревье“ по полям, заполицам и лесам, с пчёлами и без пчёл, беречь, не сечь и не поджигать и пчёл не выдирать, чтобы тот государев бортный лес не запустел; за порчу леса назначен был штраф в пользу государя. Как видно из акта, меняли землю на землю так, чтобы вотчинники получили ровно столько же десятин пашни

ным землевладельцам, не были свободны от налогов. Вообще на земли владельческие и чёрные крестьянские падали разные путные сборы и повинности, которые взимались администрацией того или другого пути смотря по роду налога или подлежавшего ему угодья. На эти налоги косвенно указывают льготные грамоты XV и XVI веков, освобождавшие от них некоторые привилегированные земли. В договоре сыновей Калиты рядом с конюшим путём упомянуто о праве князя „кони ставити", т. е. ставить их на обывательский корм; из льготных грамот видно, что на Конюшенный приказ ясельничие сбирали с непривилегированных землевладельцев *туковые* деньги, что крестьяне кормили государева коня, косили сено на государевых лугах, ловчие с государевыми бобровниками и псарями, проезжая по частным землям на своё дело, брали у крестьян кормы себе и собакам, брали людей и подводы на медвежьи и лисьи поля, что в пользу стольнича пути взималось *езовое*, сбор с рыбных ловель и т. п. Но всё это не сообщало путям характера регалий: угодья и доходные сельские промыслы подлежали путным налогам и повинностям наравне с другими доходными статьями городского и сельского хозяйства. Хлебопашество не было регалией; однако с хлеба в земле или на корню казна взимала, как известно, пошлину или подать, „доколе рожь из земли выйдет" или „по кои места была рожь в земли", по выражению актов XVI века *). Так администра-

---

и сенокоса, сколько значилось в их прежней вотчине; но в последней не было такого бортного леса, таких разработанных и доходных угодий, какие находились в вымененных Краснослеповыми муромских деревнях, и мена не была бы равномерна, еслибы вместе с землёй им уступили и эти угодья. Сборн. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 951.

*) А. А. Э. I, №№ 53, 21 и 215. А. И. I, № 74. *Уложение*, X, 214, 239—243. Собр. гос. гр. и догов. I, № 23. В XVII в. одному царю принадлежало право охоты в подмосковных лесах вёрст на 30 во все стороны от столицы, и владельцам этих лесов запрещено было рубить их. Существовали ли такие местные регалии в удельное время, неизвестно. *Котошихин*, стр. 69.

ция каждого пути слагалась из двух главных отправлений: она заведовала эксплоатацией известного хозяйственного угодья на дворцовых землях князя и взиманием известных налогов и повинностей, падавших на недворцовые земли, если они не были освобождены от того особыми льготными грамотами.

По актам удельного времени управители дворцовых путей вместе с дворецким всего чаще являются при князе, как его правительственные сотрудники; почти только из них и состояло высшее центральное управление в северном удельном княжестве. К ним можно разве присоединить ещё казначея с печатником да тысяцкого с наместником, где они были *). В этом поглощении центрального управления княжеским дворцом всего явственнее сказался политический характер северного удельного князя, хозяина-землевладельца, для которого дворцовое хозяйство стало главным предметом правительственных забот. Но были ли пути, как отделение дворцового хозяйства, подчинены дворецкому, как главному управителю дворца, на это не дают прямого ответа ни удельные, ни позднейшие памятники. Вероятнее, что пути были самостоятельные ведомства. Московская дворцовая администрация XVI и XVII в. довольно крепко держалась обычаев и форм удельного управления, из которого она развилась. Но в XVI в. дворецкий московский не был первым придворным сановником: управитель одного из путей, конюший боярин был „чином и честию" выше его. Удельные пути потом превратились в дворцовые приказы; но в XVII в. не все прежние путные ведомства вошли в состав приказа Большого Дворца, которым управлял дворецкий. Притом, судя по остаткам удельного административного языка, уцелевшим в позднейших актах, можно думать, что ведомство дворецкого не только не сосредоточивало в себе

*) К числу высших придворных сановников удельного времени принадлежал ещё *окольничий*; но на его ведомство нет указаний в памятниках того времени.

всех путей, но само считалось одним из них *). Наконец, удельной администрации вообще было чуждо стремление сосредоточивать ведомства; напротив, в ней заметна наклонность дробить власть и управление, обособляя административные части, центральные и областные, в самостоятельные учреждения.

Но если дворецкий не был высшим управителем всего дворцового хозяйства, значит, в его управлении сосредоточивался какой-нибудь специальный круг дел по этому хозяйству. Кроме дворовых слуг дворецкий ведал дворцовые земли с жившими на них крестьянами и несвободными людьми. Начальники путей также ведали крестьянские поселения с их пашнями, но только тогда, когда они служили орудием эксплоатации того или другого угодья, принадлежавшего дворцу. Раздельная черта здесь проводилась свойством княжеского дохода: с земель, управляемых дворецким, этот доход шёл земледельческими произведениями, а с путей продуктами угодий или промыслов, мёдом, рыбой, мехами и пр. На землях ведомства дворецкого были устроены княжеские дворцовые пашни, поля, засеваемые на князя; люди, жившие на путных землях, пахали только на себя. Говоря короче, дворецкий заведовал дворцовым хлебопашеством, а управители путей дворцовыми промыслами.

В таком виде является центральное или, говоря точнее, дворцовое управление в значительном княжестве XIV и XV в. Другой правительственный порядок простирался на всё, что

*) Чашничий путь преобразился в Сытенный двор или приказ, а стольничий разделился на два двора, Кормовой и Хлебенный, и все три были подчинены приказу Большого Дворца, составляли его департаменты. Но конюший путь стал самостоятельным приказом. Государева птичья охота, которую ведал прежде сокольничий, отчислена была к приказу Тайных Дел, а звериная, которой заведовал ловчий, входила в состав Конюшенного приказа. *Котоших.* 69—82. В жалованной грамоте В. В. Бутурлину 1654 г. доходы с дворцовых ярославских рыбных слобод названы „дворецкого пути“ доходами. Древн. Росс. Вивл. XV, 225. Полн. Собр. Зак, № 125.

не было прямо приписано к княжескому дворцу: это были земли тяглых или чёрных людей, городских и сельских, и земли частных владельцев, церковных и светских. Это сфера областного управления.

Может показаться, что обе сферы удельного управления были неодинаковы по самому своему политическому характеру, что среди своих дворцовых земель и угодий князь был частным владельцем-вотчинником, тогда как в отношениях своих к другим частным землевладельцам и к чёрным тяглым людям он являлся с физиономией и характером государя в настоящем политическом смысле этого слова. Разница существовала; но она была не политическая, а административно-хозяйственная. В обеих половинах своего княжества, в дворцовой и недворцовой, князь одинаково был верховным правителем, установителем общественного порядка и блюстителем своего и общего блага; но неодинаково совершал он эти государственные функции в той и другой половине. Если нужно обозначить эту разницу применяясь к терминологии государственного права, можно сказать, что в дворцовом управлении князь был вотчинником с правами государя, а в областном являлся государем с привычками вотчинника. Это значит, что там и здесь власть его была одна и та же, только действовала различно. Для объяснения этого различия надобно сопоставить удельное управление с хозяйственной практикой древнерусского землевладения. Центр и провинция в удельном княжестве, дворец и уезд наместника с волостелями—это почти то же, что в частной вотчине XV в. боярская запашка и земля, отдаваемая в оброчное пользование. Дворцовые имущества княжеский дворец эксплоатировал сам на собственное содержание; остальные владения свои князь отдавал эксплоатировать другим лицам, боярам и слугам вольным. Механизмом, посредством которого совершалась хозяйственная эксплоатация дворцовых владений, и было то, что можно назвать центральным управлением в княжестве удельного времени, и мы видели, какой это был по своей конструкции сложный и дроб-

ный механизм при видимой простоте своих отправлений. Всё остальное, чего дворец не эксплоатировал сам, предоставлено было местному управлению. Органы этого местного управления, наместники и волостели со своими тиунами и доводчиками, были правительственными арендаторами у князя-хозяина, подобно тому как перехожие крестьяне были поземельными арендаторами у вотчинника XV в. Сходство аренды того и другого рода простиралось даже на её условия. Известно, что в древнерусском землевладении господствовал обычай отдавать землю в наём *исполу* и господствовал в такой степени, что крестьянин-наниматель звался *половником* даже и в том случае, когда обязывался по контракту платить землевладельцу за пользование его землёй гораздо меньше половины валового дохода с арендуемого участка. Великий князь московский Семён Гордый, отказывая свой удел жене, в духовной делает распоряжение по областному управлению, чтобы бояре великого князя, которые останутся на службе у его княгини и будут править волостями, отдавали ей *половину* дохода с управляемых ими округов *). На таком или ином условии князь передавал такому правительственному арендатору, наместнику или волостелю, все права своей власти на арендуемый участок территории, какие были необходимы для правительственной его эксплоатации, суд и расправу, прямые и косвенные налоги. Если измерить широту власти, какой обыкновенно пользовался тогда областной администратор, и припомнить, что он обыкновенно сам создавал и весь штат подчинённых ему орудий управления

*) Собрание госуд. грам. и дог. I, № 24. Это условие действовало и в кормлениях или *путях*, какие давались в награду за службу чиновникам по дворцовому управлению даже в XVII в. Боярин В. В. Бутурлин в 1654 г. пожалован был *дворечеством* с *путём*: в *путь* ему даны были дворцовые ловецкие слободы на посаде и в уезде г. Ярославля с тем, чтобы он получал *половину* всех денежных дворцовых доходов, оброчных, таможенных и других, какие шли с тех слобод, да из печатных, откупных и судных пошлин, какие сбирались в приказе Большого Дворца, Бутурлину назначено было $^2/_3$. Древн. Росс. Вивлиоф. XV, 225 и сл.

из своих же дворовых людей, что до половины XV века со стороны центрального правительства почти не заметно попыток регулировать и подчинить постоянному контролю действия областной администрации—тогда и самое дворцовое ведомство представится нам своего рода областью, одною из единиц местного административного деления, более обширной и важной для князя, чем другие единицы, но изолированной от них и обнаруживавшей мало действительного на них влияние. В этом отношении наместник удельного времени вовсе не был похож на своих административных преемников, воеводу и губернатора: последние служили звеньями административной цепи, связывавшей область с правительственным центром; первый напротив разрывал эту цепь, изолируя область от центра. Таким образом, областное управление удельного княжества нельзя подвести ни под один из двух административных порядков, господствовавших в последующее время: это не была ни система централизации, ни система местного самоуправления. Кажется, всего лучше характеризовать этот порядок, назвав его *локализацией* управления.

В этом можно видеть действительную особенность, отличавшую удельное управление от позднейшего государственного. Со временем, когда вместе с правительственными задачами становились сложнее и приёмы управления, образовались постояные связи, соединявшие местную администрацию с правительственным центром. Эти связи большею частию обозначались уже в то время, когда удельный порядок уступал место государственному московскому. Но тогда и центральное управление существенно изменилось в своём характере, вышедши далеко за пределы дворцового ведомства. Впрочем, изложенное выше описание удельного управления изображает последнее в первоначальном и чистом, так сказать, математическом его виде. В сохранившихся памятниках, большею частию очень близких ко времени торжества московского государственного порядка, удельная администрация обыкновенно является уже с некоторою при-

месью: в ней можно заметить одну черту, которая проходила связующею нитью между областью и дворцовым центром, противодействуя указанной выше локализации управления, хотя эта черта сама выходила прямо из той же локализации. Эта своеобразная нить сплеталась из землевладельческой привилегии.

Князь правил с двумя классами, господствовавшими в обществе, военно-служилым и духовным. В руках этих классов сосредоточивалась частная земельная собственность, и землевладение всё более становилось главным экономическим средством обеспечения их общественного положения. Привилегии, бывшие последствием их господствующего положения в обществе, теперь также переносились на эту экономическую основу, становились опорой главного хозяйственного их интереса, как прежде, когда землевладение не было ещё таким интересом, они цеплялись за операцию с движимым имуществом, более всего за главную статью домашнего и промышленного хозяйства в древней Руси, за рабовладение. Привилегированный рабовладелец X и XI в. теперь превратился в привилегированного землевладельца. Привилегии эти состояли в том, что князь передавал землевладельцу правительственную власть, похожую по своему составу на ту, какой облекал он областного правителя, именно право суда и обложения в известной мере. Привилегированная вотчина сохраняла лишь слабую зависимость от управителя административного округа, в котором она находилась: эта зависимость обыкновенно ограничивалась тем, что местный управитель удерживал за собой право судить подвластное вотчиннику население в важнейших уголовных делах, часто даже только в делах о душегубстве. Как известно, власть наместника города простиралась в полном своём объёме не на весь уезд этого города, а только на подгородные станы. Все остальные сельские волости управлялись до введения земских учреждений XVI в. своими особыми волостелями независимо от наместника. Обыкновенно, но не всегда, только важнейшие уголовные дела по этим волостям

и чаще всего только дела о душегубстве были подсудны наместнику. Таким образом, вотчина привилегированного землевладельца становилась в административном составе своего правительственного округа тем же самым, чем была сельская волость в административном составе своего уезда. Местное управление, разбившееся, под влиянием удельной наклонности дробить власть, на городские и сельские округа, наместников и волостелей с указанным выше отношением к центру, локализовалось ещё более благодаря землевладельческой привилегии: привилегированная вотчина сама становилась административным округом, волостью в волости. Предоставляя землевладельцу правительственную власть над людьми его вотчины, удельное управление совершенно последовательно освобождало самих таких властителей-вотчинников с их правительственными помощниками, приказчиками, от подсудности местной власти: в исках на них они судились князем или его „боярином введённым“, обыкновенно тем из бояр, который управлял княжеским дворцом, т. е. дворецким. Вследствие этого в правительственном округе наместника или волостеля с течением времени, по мере развития привилегированного землевладения, появлялось всё больше земель, куда, по выражению жалованных грамот, „наместницы мои и их тиуни не всылают дворян своих ни по что“. Этим же объясняется, почему впоследствии, когда в московском управлении выступила целая система приказов, носивших характер настоящих центральных учреждений, привилегированные землевладельцы и между ними монастыри ведались по своим землевладельческим делам в Дворцовом приказе: в удельное время, прежде чем сложилась эта система центрального управления, отдельная от дворцового ведомства, значение центрального правительства имело преимущественно это последнее ведомство.

Значит, дальнейшая локализация удельного управления путём привилегии вызвала и реакцию против себя, повела к тому, что известный слой областного общества и известный круг местных общественных отношений ускользали из-

под рук областной администрации и привязывались прямо к княжескому дворцу, как средоточию центрального управления. Но такая же реакция возникла и с другой стороны, хотя из того же источника, из землевладельческой привилегии. Оба Судебника, говоря о местном управлении, различают наместников и волостелей „с боярским судом“ и местных управителей „без боярского суда“. Этот термин толкуют двояко: одни думают, что наместник или волостель с боярским судом имел кроме обычных составных частей власти областного управителя ещё право такого суда, какой производили в Москве назначенные для того великим князем бояре „введённые“; другие утверждают, что „боярским судом“ назывался суд областных управителей, подобный суду бояр в их вотчинах *). Но делами, подлежавшими „суду боярскому“, далеко не ограничивалась компетенция бояр введённых, а с другой стороны, эти именно дела и не подлежали суду бояр-вотчинников. Судебник 1550 г. очень точно определяет сферу этого суда: „а суд боярский тот: которому наместнику дано с судом с боярским, и ему давати полные и докладные (грамоты на холопство), а правые и беглые давати с докладу, а без докладу правые не дати“. Статья эта, очевидно, уже ограничивает объём боярского суда, в который первоначально входили, надобно думать, и те дела о холопстве, решение которых излагалось в правых и беглых грамотах и которые по этой статье окончательно решались не областным правителем, а по его докладу центральными учреждениями. Кажется, точнее будет такое определение „боярского суда“, что это был суд по *боярским* делам: значит, в термине этом заключается указание на предметы подсудности, а не на судью, которому они подсудны. *Боярским* назывался собственно суд по делам о холопстве. Эти дела были первоначальным и существенным

*) Первое мнение высказано *г. Ланге*, второе *Костомаровым*. См. их статьи в Русск. Вести. 1876 г., № 5, и Вестн. Европы 1876 г., № 9. Значение бояр введённых объяснено в следующей главе.

содержанием привилегированного русского землевладения, так как рабовладение было юридической и экономической основой боярской вотчины. Частное привилегированное землевладение в древней Руси развилось из рабовладения. Вотчина частного владельца юридически и экономически зарождалась из того, что рабовладелец сажал на землю для её хозяйственной эксплоатации своих холопов: земля прикреплялась к лицу, становилась его собственностью посредством того, что к ней прикреплялись люди, лично ему крепкие, составлявшие его собственность; холоп становился юридическим проводником права владения на землю и экономическим орудием хозяйственной эксплоатации последней. На языке древнерусского гражданского права *боярин* от времён Русской Правды и вплоть до указов Петра Великого значил не то, что при дворе древнерусского князя и московского царя: здесь он был высшим служилым чином, а там служилым привилегированным землевладельцем и рабовладельцем; холоп назывался *боярским*, село *боярским селом*, работа на пашне землевладельца *боярским делом*, *боярщиной*, независимо от того, носил ли землевладелец при дворе звание боярина, или нет. На сельском холопе выработалось прежде всего и вотчинная власть древнерусского землевладельца, который иногда с успехом распространял её рабовладельческие права и приёмы и на вольнонаёмных крестьян, как видно из того полусвободного состояния, в каком является „ролейный закуп", вольнонаёмный рабочий земледелец, на земле частного владельца по Русской Правде. Вот почему суд по указанным в Судебниках делам о холопстве получил название „боярского суда". Суду областных правителей Судебники противополагают суд великого князя, суд высших центральных органов княжеской власти, следовательно и суд над привилегированными лицами, изъятыми из подсудности наместникам и волостелям. Надобно думать, что первоначально в удельном управлении, любившем дробить власть и обособлять её части, указанные дела о холопстве вполне принадлежали всем без различия наме-

стникам и волостелям, которые все были управителями „с боярским судом". Но с развитием боярских землевладельческих привилегий и „боярский суд" наместников и волостелей подвергся ограничению: он остался за некоторыми высшими или наиболее доверенными областными правителями, а для остальных введён был *доклад*, контроль или ревизия со стороны центрального правительства, как тогда понимали контрольный и центральный порядок делопроизводства *). Значит, вслед за делами о привилегированных землевладельцах к центральному правительству стали стягиваться и дела об их людях, холопах и крестьянах, ускользая из-под юрисдикции областных управителей или подчиняя её надзору центральной власти. Изучая деятельность боярской думы при князе удельного времени, мы увидим, что весь круг развивавшихся поземельных отношений прикрепился к центру, составив главный предмет его правительственных забот. Так, княжеское правительство выступало постепенно из тесной сферы дворцовых дел, дворцового хозяйства. Землевладельческая привилегия была причиной ограничения не только территориального пространства, но и политического объёма власти областного управителя; она не только сообщала дворцовому ведомству первые черты характера центрального правительства, но и противодействовала удельной локализации управления, сообщая наместнику и волостелю,

*) Этим можно объяснить то место жалованной грамоты 1494 г., где великий князь Иван III, освобождая игумена Троицкого Сергиева монастыря с людьми монастырских сёл в Бежецком уезде от подсудности бежецким наместникам, говорит, что эти наместники „игуменова приказчика ни *моим* судом великого князя, ни *боярским* судом не судят их (монастырских) людей". Эта слишком сжато выраженная формула значит, что наместники не судят игуменова приказчика судом, каким судились привилегированные лица и который принадлежал князю, а людей монастырских не судят боярским судом, какому подлежали дела о холопстве. Здесь суд над монастырскими крестьянами назван уже „боярским судом", т. е. судом по делам о холопстве, как потом дела о крестьянах являются в ведении Холопьего приказа. А. Арх. Эксп. I, № 131.

правительственным арендаторам князя, характер местных органов центрального правительства, которые стоят под некоторым надзором последнего.

Изучение характера удельного княжеского владения привело нас выше к мысли, что оно сложилось по юридическому типу частной земельной вотчины. Рассматривая политическое устройство княжества удельного времени, находим в этом устройстве такое же сходство с хозяйственным управлением той же боярской вотчины. Дворцовое ведомство княжества соответствовало *дворцу* боярской вотчины с его боярской запашкой и дворовыми рабочими, *делюями*, а областное управление—боярским землям, сдаваемым в аренду обыкновенно крестьянам, с заведовавшими этим населением приказчиками; наконец, земли частных привилегированных землевладельцев некоторыми чертами своего положения в княжестве напоминали те участки в составе крупной древнерусской вотчины, которые отдавались во владение *дворянам*, приказчикам или тиунам и тому подобным дворовым слугам вотчинникам за их службу.

ГЛАВА VI.

Боярская дума при князе удельного времени является советом главных дворцовых приказчиков, бояр введённых, по особо важным делам.

Согласно со всем строем управления в княжестве удельного времени и боярская дума при тогдашнем князе является с такими особенностями, которые во многом отличают её от позднейшего боярского совета московских государей, хотя последний развился прямо из первой. К сожалению, трудно решить, насколько эти особенности новы, т.-е. перешли ли они в северные княжества XIII и XIV в. по наследству с киевского югозапада, или впервые возникли при княжеских столах на северовостоке. Трудность решить это происходит от того, что мы узнаём княжескую думу в обеих этих по-

ловинах Руси или, точнее, в оба эти периода нашей истории, киевский и удельный, по историческим памятникам совершенно различного характера и следовательно узнаём её не с одинаковых сторон. В рассказе южной летописи XI и XII вв. княжеская дума является преимущественно в решительные, торжественные минуты, когда обсуждался вопрос особенно важный для князя и общества; но мы можем только догадываться о том, как велись текущие дела управления в тех ежедневных утренних её заседаниях, о которых говорит Владимир Мономах в своём *Поучении*. Напротив, северный летописец XIII и XIV в. очень редко и большею частью мимоходом упоминает о княжеской думе; мы знаем её больше всего по частным актам XIV и XV в., в которых отражается ежедневный, будничный ход высшего управления. Впрочем черты, которыми обозначаются в этих актах характер и деятельность удельной думы, не перестают принадлежать ей, если даже не ею самой созданы, а достались ей по наследству от Руси других веков и других географических широт. Притом перемена, происшедшая во всём складе русской жизни с отливом её на северовосток из среднего Поднепровья, поможет нам заметить по актам деятельности боярской думы, в каком направлении должно было измениться это правительственное учреждение. Теперь благодаря удельному уединению северных князей у них реже, чем у их южных предков, бывали решительные, торжественные минуты, и мелкие будничные дела хозяйственной администрации княжества становились для них важнее прежних воинственных занятий и генеалогических счётов.

Прежде всего попытаемся рассмотреть состав думы. И на удельном северовостоке встречаем случай, напоминающий те времена старой киевской Руси, когда социальное расстояние между обеими аристократиями, служилой и торговой, не успело значительно раздвинуться и люди последней часто переходили в первую, становились боярами. Сохранились поздние списки двух „местных грамот“, в которых великий князь нижегородский Димитрий Константинович († 1383 г.,

указывает, как, в каком порядке сидеть его боярам *). В уцелевшем отрывке нижегородской летописи под 1371 г. есть рассказ о набольшем нижегородском госте Тарасе Петрове, который выкупил в Орде множество пленников, „всяких чинов людей", и у своего великого князя купил вотчины на реке Сундовике за Кудьмой. В упомянутых местнических грамотах встречаем среди нижегородского боярства и служившего казначеем у кн. Димитрия Константиновича боярина Тарасия Петровича Новосильцева, о котором грамоты рассказывают, что он два раза выкупил из плена своего великого князя и один раз великую княгиню, за что был пожалован в бояре и даже повидимому не один: рядом с нашим Тарасом поставлен, очевидно, брат его Василий Петрович Новосильцев, тоже боярин. Из этого случая, повидимому довольно исключительного, можно извлечь по крайней мере то заключение, что в XIV в. высший служилый чин боярина был доступнее для людей, поднимавшихся из среды городского промышленного класса, чем стал он впоследствии: два с половиной века спустя земляк Новосильцева и подобно ему купец Кузьма Минин за свой великий патриотический подвиг удостоен был только звания думного дворянина, т. е. чина 3-го класса.

Высший правительственный класс или, точнее, личный состав высшего управления в княжестве удельного времени обозначается в княжеских грамотах XIV и XV в. названием бояр *введённых* и *путных* или *путников*. Значение этих терминов не указывается в актах с достаточной ясностью и толкуется сбивчиво. Одна из причин этого в том, что на древнерусском деловом языке смысл слова *путь* колебался. Договорные грамоты князей обыкновенно упоминают о боярах введённых и путных в связи с одной привилегией, кото-

*) Один список найден *Соловьёвым* в деле об А. П Волынском (напечатан в Истории России. XX, 484). Другой оказался недавно в рукописи XVIII в. из Мазуринского собрания в Моск. арх. мин. ин. дел (№ 822, л. 57—59). Некоторые соображения об этих документах см. в приложении к этой странице.

рою они пользовались и которой не имели остальные бояре и служилые люди. По обычному условию княжеских договоров служилый человек отбывал ратную службу в пользу того князя, которому он служил, хотя бы его вотчина находилась в другом княжестве. Но повинность *городной осады* временно отдавала такого служилого человека в военное распоряжение чужого князя, в чьих владениях была вотчина слуги: в случае неприятельского нашествия он со своими людьми обязан был садиться в осаду для защиты города, в уезде которого владел землёй, „жил", по техническому выражению грамот. От этой повинности, очень тяжёлой по обстоятельствам того времени, были свободны бояре введённые и путные. Отсюда следует, что существовала какая-то связь, привязывавшая таких бояр к князю теснее, чем остальных, не позволявшая им отрываться от *личной* службы для несения ратной *поземельной* повинности. В договоре в. кн. Димитрия Донского с удельным серпуховским Владимиром Андреевичем 1388 г. читаем условие, что когда первый возьмёт дань на своих боярах, на *больших* и на путных, тогда и второй должен взять дань на своих боярах „так же по кормленью и по путем" и передать собранные деньги великому князю. Другие договорные грамоты говорят не о *больших* и путных боярах, а о боярах *введённых* и путных: можно думать, что введённые назывались ещё большими. С другой стороны, в некоторых старинных бумагах встречаем замечание об ином служилом человеке XIV—XV вв., что он был у своего князя „боярин введённый и горододержавец", держал такие-то города без отнимки. Зная, что значили пути на языке дворцовой хозяйственной администрации удельного времени, можно прежде всего подумать, что введённые или большие бояре были городовые наместники князя, пользовавшиеся доходами со своих административных округов, как кормлением, а путные управляли путями, известными ведомствами центрального или дворцового хозяйства, получали содержание из доходов этих ведомств и считались меньшими боярами сравнительно со введён-

ными *). Но такое толкование возбуждает ряд затруднений. Во-первых, непонятно, почему областные управители считались большими боярами по отношению к главным управителям центральных ведомств, *путей*, а не наоборот. Во-вторых, очень важных сановников дворцовой администрации, окольничего, казначея, может быть, самого дворецкого, такое толкование ставит вне разряда: это ни большие, ни меньшие бояре, потому что они не были ни наместниками, горододержавцами, ни управителями дворцовых путей. Притом пути в значении кормления, т.-е. дворцовые земли в пользование за службу давались не только меньшим слугам князя, но и большим боярам, не только управителям известных путных ведомств, но и дворцовым сановникам, ведомства которых не назывались путями: в актах XVI в. встречаем постельничих, крайчих, даже ключников „с путём". Вот почему и княжеские договорные грамоты XV в. не различают строго званий бояр введённых и путных: здесь свободными от повинности городной осады являются то бояре введённые и путные, то одни путные, но никогда одни введённые. Отсюда следует, что эти звания не были ни несовместимы друг с другом, ни вполне тожественны. Они не исключали одно другого; но и не совпадали одно с другим, а только соприкасались: введённые обыкновенно пользовались известными дворцовыми землями или доходами „в путь", на правах кормления, и потому считались путными боярами; но не все путники, пользовавшиеся такими кормлениями, были бояре введённые. Далеко не все служилые люди, получавшие пути в кормление, носили даже боярское звание. Намёк на это можно видеть в договорной грамоте можайских князей с Василием Тёмным, написанной около 1433 г., где от городной осады освобождаются не бояре введённые и путные, а „бояре и путники" **).

Боярин введённый, как должностное лицо, обыкновенно является в тех жалованных грамотах, которыми землевла-

*) *Соловьёва*, Ист. Рос., IV, стр. 200 по 3-му изданию.

**) Собр. гос. гр. и дог. I, №№ 45, 37 и 46.

дельцы церковные или светские освобождались от юрисдикции областных управителей, наместников и волостелей, и подчинялись прямо суду самого князя, ставились в непосредственную зависимость от центрального правительства. Привилегии, какие получали такие землевладельцы, обыкновенно завершались в грамотах постановлением, что в случае чьего-либо иска на привилегированном лице „ино сужу его яз, великий князь, или мой боярин введёной“. Иные грамоты вносят в эту обычную формулу любопытный вариант: вместо боярина введённого является дворецкий. Объяснение этого варианта встречаем в одном акте Троицкого Сергиева монастыря. У древних наших великих княгинь и цариц был свой особый „дворец“, особое дворцовое ведомство со своим служебным и административным штатом, со своими дворцовыми землями, которые преемственно переходили от одной к другой. В 1543 г. „богомольцу матери великого князя“, игумену приписного к Троицкому Махрищского монастыря дана была в память покойной государыни жалованная грамота, в которой читаем: „кому будет чего искати на самом игумене или на братье и на их людех и на крестьянех, ино их сужу яз, князь великий, или мой боярин введёной, у которого будет матери моей великой княгини *дворец* в приказе“. Монастырь подчинён юрисдикции дворецкого великой княгини, вероятно, потому, что значительное количество его земель находилось в Марининской волости Переяславского уезда, а эта волость принадлежала к дворцовым землям великой княгини Елены, матери Ивана IV. Таков был обычный порядок: и в церковном управлении привилегированные лица и учреждения церковного ведомства в XVII в. освобождались от суда местных десятников и судились самим патриархом или его дворецким *). Значит, дворецкий был тот боярин введённый, который служил органом непосредственного княжеского суда, дворцовой юрисдикции для тех, кто освобождался от подсудности местным властям. Но дворецкий не был единствен-

*) Сборн. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 796 и 775. *Иванова*, Опис. Архива Стар. Дел, стр. 244.

ным органом этой дворцовой юрисдикции. Слуги и крестьяне, приписанные к разным дворцовым путям, также освобождались от суда областных управителей и подчинялись княжеской юрисдикции. Органами этого суда при дворце князя были управители дворцовых путей. По грамоте 1540 г. оброчных дворцовых сокольников Авнежской волости областные управители не судили ни в чём кроме дел высшей уголовной юрисдикции. Иски на них сторонних людей разбирались тем же порядком, какой был установлен для привилегированных лиц, освобождавшихся от подсудности наместникам и волостелям, т. е. их судил сам великий князь или его боярин введённый; только этим боярином, органом непосредственного княжеского суда, был не дворецкий: „ино их яз сужу сам, князь великий, или мой *сокольничей* *)“. Таким же органом княжеского суда, дворцовым судьёй был, как мы видели выше, стольник для людей, которые жили на землях, подведомственных стольничу пути.

Так объясняется правительственное значение бояр введённых. Это были управители отдельных ведомств дворцовой администрации или дворцового хозяйства, дворецкий, казначей, сокольничий, стольник, чашник и проч. Можно понять, почему в княжеских договорных грамотах бояре введённые то подразумеваются под общим названием бояр путных, то отличаются от путников, как большие бояре. Путными назывались все дворцовые чиновники, высшие и низшие, получавшие за службу дворцовые земли и доходы в путь или в кормление. Боярин введённый был вместе и путным, потому что обыкновенно пользовался таким жалованьем; но как большой боярин, он возвышался над простыми путниками, которые не были главными управителями отдельных ведомств дворцового хозяйства. Занятые постоянно текущими делами дворцового управления, бояре введённые и путные со своими людьми не могли отрываться от своих должностей для несения поземельной повинности городной

---

*) Акты Ист. I, № 295. С. Акт. Арх. Эксп. I, № 147.

осады, и потому князья в своих договорах освобождали их от этой обязанности *).

Из начальников отдельных ведомств дворцовой администрации, из этих бояр введённых собственно и состояла боярская дума удельного времени. Указания с двух сторон говорят в пользу этого. Во-первых, на это указывает позднейший административный язык московских канцелярий. Термин, о котором идёт речь, здесь держался едва ли не до конца XVI в., и можно заметить, что в актах этого времени название „введённого“ было уже устарелым словом, под которыми разумели *думного* человека. В некоторых актах 1571 г. дьяк В. Я. Щелкалов называется „дьяком введённым“, а в 1570-х годах этот дьяк был уже думным. Бояре введённые, как мы видели, в грамотах удельного времени зовутся ещё „большими“; точно так же и в позднейших московских актах думные дворяне отличались от простых званием „больших дворян“. Боярину введённому удельного времени в XVI в. соответствовало также название „старейшего человека“ **). Административный архаизм, каким был в XVI в. титул „введённого“, повидимому служил уже тогда почётным отличием и для членов думы, так что не всякий думный человек, а только наиболее приближённый к государю из думных носил это звание. Упомянутый дьяк введённый Щелкалов в дипломатических делах является со зва-

*) Труднее объяснить происхождение самого названия бояр *введённых*. Вероятно, в нём скрывается намёк на то, что князь назначая их главными распорядителями своего дворцового хозяйства, поручая им своих домовых слуг и свои домашние дела, как бы *вводил* их в свой дворец, так что они считались как бы живущими во дворце. В таком случае этот термин был близок по значению к позднейшему званию бояр *комнатных* или *ближних*.

**) Акты Ист. I, № 180. Дела, неподсудные областным управителям, в удельное время докладывались самому князю или его боярину введённому. В 1520 г. тиун наместника перевитского с Рязани, разбирая дело, превышавшее его компетенцию, сказал тяжущимся, что он доложил о нём „государя великого князя или человека старейшего“. *Пискарёв*, Древн. грамоты Рязанск. края, № 13.

нием „дьяка ближнего“. В 1587 г. он вместе с другим думным дьяком Дружиной Петелиным, управителем Казанского Дворца, отправлен был в числе великих московских послов хлопотать на польском избирательном сейме об избрании царя Фёдора на престол Польши и Литвы; но Петелин назывался просто думным дьяком, а Щелкалов *ближним*. В XVI в. не все ближние люди были думными и наоборот; но ближние и вместе думные люди, как увидим, преимущественно занимали высшие должности по дворцовому управлению, а высшие дворцовые сановники, даже не принадлежавшие к числу думных, входили в состав особого интимного совета, очень похожего на думу удельного времени. Значит, в XVI в. удельное звание *введённого* разложилось на два понятия, прежде в нём сливавшиеся: это не всякий думный и не всякий ближний человек, но только ближний из думных, а такими обыкновенно были высшие сановники дворцового управления. Другое указание находим в самых актах удельного времени. Когда известное дело решалось самим князем с его боярским советом, в грамоте обыкновенно обозначались имена бояр, присутствовавших на совете. К сожалению, при этом не всегда указывались должности, какие занимали участвовавшие в деле советники князя. Там, где эти должности отмечались, мы чаще всего встречаем окольничего, стольника, чашника, иногда казначея, а это всё бояре введённые, ближайшие к князю придворные сановники, начальники отдельных ведомств дворцовой администрации *).

Итак, правительственный совет князя удельного времени состоял из главных дворцовых приказчиков: так можно назвать бояр введённых, и такое название поддерживается языком актов древней Руси. В жалованных грамотах привилегированным лицам обычное выражение удельного времени: „сужу их яз, великий князь, или мой боярин введённый“ в XVI в. иногда заменялось однозначащею формулой: „сужу их яз, царь и великий князь, или кому *прикажем*“.

*) Памятн. дипл. снош. I, стр. 544 и 1183. *Флетчер*, гл. 10. О ближних людях см. ниже в гл. XIII.

Теперь обратимся к актам удельного времени, в которых дела решаются не единолично князем или боярином, а советом бояр с князем во главе или князем в присутствии совета. Таких актов уцелело довольно много от удельных веков, и по ним можно составить понятие о том, с каким характером и в каком составе являлась боярская дума в правительственной практике. В северо-восточной Руси XIII—XVI вв., в княжествах по Оке и верхней Волге, нельзя ожидать установившихся политических форм и отношений, сложного правительственного механизма. Многие из здешних княжеств, как младшие ветви, только ещё выделялись из старших по мере разветвления княжеских линий. Это постепенное удельное дробление вместе с политическими границами колебало и политические порядки. Впрочем, и здесь в составе и деятельности боярского совета можно заметить черты, напоминающие боярскую думу, какую мы видели на Днепре и Волыни XII и XIII в. По одной грамоте великий князь рязанский Олег Иванович во второй половине XIV в. продал селище Солотчинскому монастырю, „поговоря“ с зятем своим (по сестре), рязанским боярином Ив. Мирославичем, и в присутствии двух бояр, из которых один был стольником, а другой чашником. Тому же князю принадлежит другой подобный акт частного характера. Олег дал село Ольгову монастырю, „сгадав“ с епископом рязанским и со своими боярами, которых поименовано девять и притом один „с братьей“, не перечисленной в грамоте; в числе этих советников князя встречаем его дядьку, окольничего и чашника. В других случаях при князе, у которого можно предполагать значительное по числу боярство, боярский правительственный совет является в составе ещё более ограниченном. У преемников Олега, великих князей рязанских, был большой двор, не было недостатка в боярстве; от них сохранилось значительное количество актов с обозначением присутствовавших при их совершении советников князя, и почти каждый раз этот совет составляется всего из двух бояр. Внук Олега вел. кн. Иван Фёдорович (1409—1456) дал дворцовое село

Солотчинскому монастырю, „поговоря“ со своим дядей, сыно упомянутого выше Мирославича, боярином Григорием Ивановичем, и в присутствии четырёх других бояр. Но жалуя самому этому дяде землю со льготами, тот же князь имел при себе только двух бояр. Иван Селиванович Коробья, сын рязанского боярина и родоначальник рязанской боярской фамилии Коробьиных, купил село и сам об этом докладывал своему вел. кн. Василию Ивановичу (1464 — 1483), прося утвердить покупку: „а тогда были у великого князя бояре“ такие-то, прибавляет докладная грамота, называя двух бояр. В 1519 г. рязанский вел. кн. Иван дал деревню детям боярским Ворыпаевым даже с одним только боярином Ф. И. Сунбулом. То же встречаем и при другом большом дворе. Служилые люди Подосёновы продали свою землю, „доложа вел. кн. Михаила Борисовича“ (тверского 1461—1485); в докладной грамоте, сохранившейся в Троицком Сергиевом монастыре. обозначены имена двух бояр, которые „у доклада были у великого князя“. Даже вел. кн. московский Василий Тёмный, меняясь сёлами с Троицким Сергиевым монастырём, пишет в меновой грамоте: „а туто были на мене бояре мои“, которых названо трое. Такой же состав имел в ежедневной правительственной практике и совет значительного удельного князя. Дума князя верейского около половины XV в. составлялась по одному делу из трёх, по другому из двух бояр, а когда этот князь, выслушав доклад о размежевании своей земли с землёй Троицкого Сергиева монастыря, велел дать монастырскому поверенному межевую или *разъезднуго* грамоту, „туто был у него“ всего один боярин кн. В. В. Ромодановский *).

Из перечисленных актов видно, что боярский совет при

*) Акты Вердеревских и Ворыпаевых в Родословной *Иванова* (рукоп. Моск. Арх. мин. юстиции; напечатаны в Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс. 1898 г. кн. 2, отд. 1, №№ 2, 11 и 110. Акт. Ист. I, №№ 2 и 36. *Пискарёва*, Др. гр. Ряз. края, №№ 3 и 4. Акты, относ. до юр. быта, II, № 156, VIII. *Калачова*, Арх. ист.-юр. свед., кн. 2 полов. 1, отд. 3, стр. 129. Сборн. гр. Тр. Серг. мон. № 530, л. 269 и 360.

князе удельного времени не имел постоянного состава. Советниками князя были все его бояре введённые. Одна из упомянутых выше „местных“ нижегородских грамот XIV в., перичисляя советников в. кн. Димитрия Константиновича, называет восемь лиц, в том числе тысяцкого княжеской столицы и казначея; по другой их можно предполагать до пятнадцати. На одном заседании совета современника Димитриева вел. кн. рязанского Олега присутствовало более 9 бояр; даже у Владимира Андреевича, удельного серпуховского князя того же времени, было 10 бояр введённых и путных, не говорим уже о боярах великого князя московского. Но обычные заседания совета составлялись далеко не из всех бояр, и трудно отгадать, чем определялся этот состав. Иные дела князь решал, „сгадав“ с довольно значительным числом советников, даже иногда при участии высшего местного представителя церковной иерархии; при решении других повидимому столь же важных или столь же неважных дел присутствовало всего два-три боярина даже при таких дворах, где их всегда можно было собрать гораздо больше.

Объясняя, почему состав боярской думы удельных веков был так изменчив, надобно коснуться политического значения тех актов удельного времени, которые исходили от князя с его боярским советом. Акты эти в большинстве частного характера; это всё жалованные, докладные и тому подобные грамоты. Но в таких именно актах и выражалось княжеское законодательство того времени. Оно не знало основных законоположений, общих регламентов; точнее говоря, при установлении правительственного и общественного порядка оно шло не от таких законоположений и регламентов, определяя ими частные случаи, а наоборот. Каждый частный случай, разрешённый в известном смысле по указанию опыта или потребности данной минуты, становился прецедентом; приговор правительства по частной просьбе служил примером, образцом на долгое время для многих однородных ходатайств. Так мозаически складывался общий порядок. Значит, частные акты, исходившие от князя с его боярским

советом, имели учредительное значение, как бы ни были маловажны определявшиеся ими отношения. Читая все эти жалованные, докладные и другие грамоты, в значительном количестве уцелевшие от удельного времени, мы присутствуем при строении удела, следовательно при закладке оснований правительственного и общественного порядка в Московском государстве, строй которого был последовательным развитием удельного. Такой ход дел был неизбежным последствием процесса, которым создавалась удельная Русь. Удел в ту минуту, когда на нём садился тот или другой князь, не был готовым обществом с установившимися отношениями, с достаточно устроившимся правительственным, общественным и экономическим бытом, который оставалось бы только скрепить общими законоположениями. Всё только что завязывалось, только ещё прокладывало себе дорогу; однородные явления определялись законодательством по мере того, как возникали одно за другим. Как с развитием колонизации из нового села, постепенно обраставшего новыми деревнями, возникал новый административный округ, волость, так по мере успехов хозяйственной эксплоатации княжества в центральном его управлении появлялись новые ведомства. Дворец князя был первичным зерном, из которого выросло всё, в значительных княжествах довольно сложное, центральное управление удельного времени, как дворецкий был первообразом центрального администратора, боярина введённого и потом судьи московского приказа. Где на дворцовых землях достигала значительных размеров разработка „бортных ухожьев", рыбных ловель и других угодий стольнича пути, там рядом с дворецким становились стольник и чашник, даже два стольника и чашника. В больших княжествах очень рано должны были явиться около дворецких окольничие, казначеи, конюшие, стольники, чашники, ловчие и пр.; в мелких уделах штат дворцовой администрации и в позднейшее время не достигал такой полноты и развития. Образование постоянных отдельных ведомств дворцового управления, установление однообразного порядка текущего делопроизводства

вызывались постепенным накоплением или частым повторением однородных правительственных дел, а это накопление или повторение было следствием успехов развития известных общественных отношений и интересов. Но прежде чем эти отношения и интересы проторили себе привычную дорогу в удельном управлении и улеглись в известных ведомствах, они являлись перед удельным правительством экстренными делами, которые разрешались таким же экстренным способом. Здесь начало тех правительственных поручений, временных и случайных, посредством которых вершились дела, прежде чем образовались для них постоянные учреждения. Такой порядок ведения дел был заметен в разных отраслях московского управления даже XVI века. Чиновника, заведовавшего той или другою частью дворцового хозяйства, иногда встречаем за правительственным делом, не имевшим, по-видимому, ничего общего с тем ведомством, к которому он принадлежал по своей должности; дворцовый дьяк ездил посланником к императору германскому, а казначей назначался „в ответ" для переговоров с иностранным посольством, приехавшим к московскому государю, или вместе с дьяком Казанского Дворца посылался на съезд со шведскими послами для заключения мира. В удельном княжестве северо-восточной Руси, только ещё устроявшемся, правительству на каждом шагу встречались дела, которые не укладывались в существовавшие постоянные учреждения. Самый язык старинных актов долго хранил на себе следы того, что в высшей удельной администрации для многих правительственных дел не существовало специальных постоянных должностей или учреждений, а делались особые временные назначения. Выше было уже замечено, что жалованные грамоты XIV и XV в., определяя подсудность привилегированного землевладельца, обыкновенно говорят, что судит его сам князь или его боярин введённый, не указывая, какой именно по должности, как бы разумея того, который будет нарочно назначен для этого. Позднее, когда ведомства в центральном управлении разграничились, грамоты стали точнее обозначать этого боя-

рина введённого, говоря, что жалуемое лицо судит сам князь или его дворецкий.

Все чрезвычайные для тогдашнего управления дела, случавшиеся однако довольно часто, восходили, разумеется, к самому князю и решались тем же способом особых поручений. Вопрос об этом способе представляет некоторый исторический интерес, потому что касается происхождения центральных правительственных учреждений, действовавших в Московском государстве XVI и XVII в. Порядок поручений не всегда был одинаков. На это различие указывают жалованные грамоты, когда говорят, что привилегированного землевладельца судит сам князь или его боярин введённый. Слова этой формулы не значат, что всё равно, судил ли в этом случае сам князь, или боярин введённый: суд того и другого—это различные виды дворцового или центрального суда, которые иногда прямо различаются и в актах. Великий князь Иван III дал в кормление волость Бель Кушальскую в Тверском уезде дмитровскому наместнику Еремееву и в жалованной грамоте прибавил, что в случае иска на людях той волости со стороны „введённые мои бояре не судят, а судит их наместник наш, или их сужу яз сам, великий князь". Частное привилегированное лицо подлежало суду самого князя или его боярина введённого. Но наместник не частное лицо: по своим правительственным полномочиям он сам становился в положение боярина введённого, над которым стояла одна власть князя, и потому дела, переносившиеся из наместничьей волости в центральное управление, восходили к самому князю помимо того или другого боярина введённого *). Значит, в рассматриваемом выражении

*) Временник Общ. Ист. и Древн. Росс., кн.20, смесь, стр. 23. Такое отношение наместника к центральному правительству можно сопоставить с 75-ю статьёй Судебника 1550 г., по которой вызывать наместника из его округа раньше, чем он „съедет с жалованья", можно было только по такой записи, „которую запись велят дати бояре, приговоря вместе, а одному боярину и дьяку пристава с записью не давати". Вызвать наместника могла только боярская дума, т. е. сам государь, а не боярин, управлявший тем или другим приказом.

жалованных грамот о подсудности самому князю или его боярину введённому различаются суд боярского совета при князе и единоличный суд того боярина, которому князь поручал дело. Обычная формула жалованных грамот, определяющая подсудность привилегированных лиц, можно думать, идёт от того ещё времени, когда в центральном управлении княжества впервые начали разграничиваться правительственные инстанции, какими впоследствии являются московский приказ и московская боярская дума.

Если такое объяснение указанной формулы жалованных грамот заслуживает вероятия, то по частным актам, уцелевшим от удельного времени, мы застаём боярскую думу в её первоначальном, ещё неотверждённом состоянии и можем следить, как из княжеского совета, случайного и изменчивого по составу и кругу дел, она превращается в учреждение с твёрдыми формами и определённым ведомством. С течением времени всё большее количество дел, превышавших компентенцию областных правителей, но имевших уже прецеденты, ставших обычными, решал тот или другой боярин введённый по особому поручению князя или в качестве начальника особого постоянного ведомства. Но в своё время подобные дела имели значение экстренных, и тогда каждое такое дело восходило к самому князю. Последний призывал к себе для его решения некоторых из своих бояр, имена которых и прописывались в акте, излагавшем приговор совета; так в иной грамоте читаем, что на докладе об известном деле у князя были такие-то бояре, что князь пожаловал известное лицо окольничим и чашником или с окольничим и чашником такими-то. Состав такого совета зависел от усмотрения князя. При недостатке знакомства с подробностями административных отношений времени и места этот состав кажется совершенно случайным; притом грамоты не всегда обозначают должности бояр, составлявших совет князя при решении дела. В большей части случаев нет возможности догадаться, почему на совете у князя присутствовали такие, а не другие бояре, почему однородные повиди-

мому дела решались то в присутствии окольничего и чашника, то стольника и двух чашников. Но некоторые грамоты наводят на мысль, что состав таких советов в иных случаях определялся известными административными соображениями. Грамоты рязанского князя Ивана Фёдоровича, утверждая служилых людей Бузовлей во владении наследственным селом, жалует им при этом обычные землевладельческие льготы *). В акте обозначены имена двух бояр, присутствовавших при его совершении, окольничего и чашника. Трудно объяснить присутствие первого; но второй имел прямое административное отношение к делу, потому что к селу, о котором говорит грамота, принадлежала „земля бортная“, а доходы князя с частных бортных угодий, если последние не были освобождены от налогов особым пожалованием, ведал чашник. Здесь надобно искать причины, почему князь, обладавший значительным боярством и решавший мелкие частные дела с двумя, даже иногда с одним боярином, по делам особенно важным созывал многочисленный совет. Великий князь рязанский Олег Иванович, жалуя Ольгову монастырю село Арестовское, подтвердил право обители на владение обширною вотчиной, приобретенной ею от прежних рязанских князей и бояр и состоявшею из многих бортных земель и погостов с озёрами, бобровыми ловлями, перевесищами и со всеми пошлинами: всё это касалось многих ведомств княжеской администрации. Притом Олег отдавал богатую обитель в пожизненное управление игумену Арсению с правом назначить себе преемника, а это прямо касалось епархиального рязанского архиерея. Такое важное и сложное дело великий князь решает, „сгадав“ с отцом своим владыкою Василием и со многими боярами, в числе которых названы и окольничий с чашником; но в акте нет и намёка на то, чтоб это было общее собрание всех советников князя. Па-

*) Акты рода Бузовлевых в упомянутой выше рукописной Родословной *Иванова*. Чтен. в Общ. Ист. и Др. Росс. 1898 г. кн. 2, отд. 1, № 8.

мятники удельного времени не дают возможности видеть, насколько правильно и последовательно проводился такой правительственный подбор советников в боярских советах разных княжеств. Он был, разумеется, возможен только там, где центральное дворцовое управление достигало некоторого развития и расчленения, некоторого отверждения ведомств. Благодаря такому подбору боярский совет при князе, первоначально случайный и изменчивый по составу, потом, оставаясь изменчивым попрежнему, становился менее случайным по крайней мере в значительных княжествах, состовлялся из тех бояр введённых, которых наиболее касалось известное дело по роду управляемых ими ведомств. Такие боярские советы, составлявшиеся особо для каждого дела или для нескольких дел из прикосновенных к ним управителей, на современном административном языке можно было бы назвать правительственными комиссиями, еслибы только при комиссии не предполагалось общее собрание, на утверждение которого восходят её решения. Вопрос о существовании общих собраний княжеских советников рядом с тесными и частными советами едва ли приложим к правительственным порядкам и понятиям того времени, и мы нигде не находим намёка на них. Правительственная практика была ещё так проста, что не возбуждала в правителях мысли о различии между общим собранием боярской думы и думскою комиссией. Обыкновенные ежедневные советы, какие являются при князе по актам удельного времени, скорее можно было бы назвать отделениями или департаментами боярской думы, еслибы встретились в памятниках указания на то, что одни дела князь постоянно решал, например, со стольником и чашником, а другие всегда с дворецким, окольничим и т. п. При отсутствии таких указаний остаётся признать, что боярская дума, смотря по важности дела, собиралась в более полном или в менее полном составе; но состояла ли она из двух бояр, или из десяти, даже с представителем местной церковной власти, в том и другом случае эта была всё та же обыкновенная боярская дума под председательством

князя, и её постановление считалось окончательным приговором самого князя. В правительственных соображениях последнего могло быть место вопросу, кого из наличных бояр призвать на совет по известному делу; но трудно себе представить, что могло побудить его думать о том, сколько их призвать.

Два обстоятельства должны были мешать развитию мысли о правительственном значении числа, о политической арифметике, вообще о составных элементах боярского совета при князе. Во-первых, мы ошиблись бы, еслибы стали представлять себе боярскую думу того времени законодательным или совещательным собранием государственных советников, всё правительственное назначение которых только в том и состояло, чтобы собираться и вотировать законы или давать князю полезные советы. Звание боярина ещё не получило такого специального правительственного значения. Он был просто старшим служилым человеком князя и удовлетворял различным потребностям княжеского управления. Он водил полки своего князя въ походы, был въ то же время боярином введённым, т.-е. занимал какую-нибудь должность по центральному дворцовому управлению; он же служил орудием областной администрации, получал какой-либо город в кратковременное кормление за свою службу. Всё это должно было сообщать кругу наличных советников князя в значительном княжестве характер подвижного и изменчивого общества. Все бояре, занимавшие должности по военному, дворцовому и областному управлению, считались советниками князя. Но чем сложнее становилось управление, тѣмъ более должно было увеличиваться количество бояр, которые по делам службы не присутствовали в княжеском совете, и тем труднее было возникнуть мысли о постоянном или нормальном численном составе боярской думы. С другой стороны, боярство в княжестве удельного времени не составляло плотной и устойчивой местной корпорации привилегированных землевладельцев, в силу этого руководивших управлением княжества в качестве советников князя. Боярин был такою же слу-

чайностью в княжестве, где служил, как и всякий другой свободный обыватель. Он свободно переходил от князя к князю, мог иметь и не иметь земельной собственности там, где служил, и часто имел землю не там, где служил. Его служебные отношения, его правительственное значение не были связаны с землевладельческим его положением: он был советником князя потому, что был его слугой, а не потому, что был землевладельцем в его княжестве, как не был слугой его потому, что имел вотчину в пределах его владений, хотя часто становился вотчинником в княжестве потому, что служил его князю. Поэтому в истории боярской думы не заметно многих явлений, какие встречаем в истории подобных учреждений там, где верховная власть имела дело с такими обществами привилегированных землевладельцев. Так средневековые короли Франции должны были вести с ними борьбу по вопросам о составе высшего центрального управления и в частности своего правительственного совета. Не без труда удавалось им превратить какой-либо придворный сан, наследственно связанный с известным леном, в правительственную должность по королевскому назначению (dignitas non propria, sed mandata), как это было с великим сенешалом при Капетингах. Они должны были одолеть сопротивление главных феодалов королевства, чтобы слить совет пэров с советом главных сановников королевского дворца *). Точно также нужны были усилия, чтобы дать место и значение в королевском совете или парламенте рядом с баронами и прелатами приказному элементу, если позволено так назвать легистов, знатоков римского права, с их теорией королевской власти и стремлением к политической централизации. В боярском совете русского князя, даже такого значительного, каким был московский в начале XV в., не встречались элементы, столь разнородные по про-

*) Ministeriales palatii domini regis, наши бояре введённые. Те и другие носили почти однозначащие должностные звания: *connétable* наш конюший, *grand maître* дворецкий, *grand chambrier* казначей, *panetier* стольник, *bouteiller* или *échanson* чашник.

исхождению и политическому характеру. Боярин введённый обыкновенно был крупным землевладельцем в княжестве; но занимая должность по дворцовому управлению, он действовал исключительно по полномочию, полученному от князя, имел значение его большого приказчика. Он был в то же время и привычным авторитетом для подчинённых, знатоком правительственного делопроизводства. В среде боярского совета русскому князю не приходилось различать советников наследственных и пожалованных (les conseillers nés et les conseillers faits, пэры и коронные сановники) и противопоставлять одних другим. В больших княжествах удельного времени встречаем боярские фамилии, как будто наследственно пользовавшиеся известными правительственными должностями. Так, родословная тверских бояр Шетневых говорит о деде, отце и внуке, преемственно занимавших в Твери XIII—XIV вв. должность тысяцкого; ту же должность занимали в Москве при Иване Калите и его преемниках родоначальник Вельяминовых Протасий Вельямин с сыном и внуком. Но это было следствием правительственных соображений князя, а не какого-либо независимого от него политического значения фамилии среди местного общества. Значит, советники князя были простыми административными его орудиями, а не политическими голосами: их не было нужды считать при решении дел и редко приходилось считаться с ними в политических затруднениях.

Сравнение севернорусской боярской думы удельного времени с правительственным советом средневековых французских королей помогает лучше видеть, чем не была и не могла быть первая. Сопоставление её с правительственным советом другого ближайшего к Москве и притом полурусского государства поможет рассмотреть, чем она была на самом деле и что̀ значили её члены в ежедневном правительственном обиходе. Встречая под какой-либо жалованною грамотой князя удельного времени перечень имён двух или трёх бояр, присутствовавших у князя при совершении акта, в первую минуту недоумеваешь, заседание ли это боярской

думы, или что иное. Великий князь московский Василий Димитриевич променял митрополиту Киприану слободу Святославлю на митрополичий город Алексин *). Обе власти совершили мену со своими боярами, и под актом подписаны были имена шести бояр великокняжеских и пяти митрополичьих. Частная ли эта сделка с обозначением свидетелей, или соединённое заседание двух дум и двух ли дум, или только их комиссий? И то и другое в известном смысле: и частная сделка при свидетелях по форме, и акт двух правительственных советов по существу, хотя мы не можем сказать, состоялся ли он на соединённом заседании обоих, или как иначе. Князь удельного времени был государь с правами верховной власти, и собиравшийся при нём совет бояр был государственный совет в тогдашнем смысле этих слов. Но управление в княжестве того времени складывалось по типу частной привилегированной вотчины и заимствовало формы из круга частных юридических отношений. Такой политический акт, как передача княжества наследникам, совершался посредством духовной грамоты, по форме сходной с завещанием частного лица. В XV в. политический быт и общественные отношения обеих половин Руси, западной литовской и восточной, объединявшейся под властью Москвы, представляли ещё много сходного. Жалованные грамоты великих князей литовских, как и наших, обыкновенно оканчиваются перечнем советников, в присутствии которых совершался акт, и этот перечень начинается почти теми же словами: „а при том были“ такие-то паны. Известны две жалованные грамоты в. кн. Свидригайла, написанные в 1438 году на расстоянии менее чем трёх месяцев. Личный состав великокняжеского совета не мог измениться значительно в такой короткий промежуток времени; между тем под первым актом обозначены имена одиннадцати панов, под вторым восьми, и из всех этих имён только три стоят в обоих актах. Ещё скромнее по составу правительствен-

---

*) Акты Ист. I, № 215.

ный совет, из которого исходили жалованные грамоты короля польского и великого князя литовского Казимира: в этом отношении они близко напоминают акты рязанских князей XV в. Из двух грамот 1450 г. одному и тому же пану под одной, данной в Вильне, значится четыре панских имени, а под другой, написанной в Гродне всего неделю спустя, только три, и имена эти в обоих актах все разные кроме одного. Кажется, и там, как у нас, количество советников, призываемых для решения дела, зависело от политической важности последнего: для жалованной грамоты простому пану на вотчину считали достаточным присутствие трёх или четырёх думных людей, а при утверждении за кн. Ф. Воротынским наследственного обладания данными ему в вотчину волостями в 1455 г. присутствовали виленский епископ, четыре сановника, поименованные в акте, „и иные панове вси старшие"; в заключении Свидригайлом союза с Орденом в 1431 г. участвовали 3 епископа, 8 князей и 9 панов. Однако, каждое из указанных собраний, столь изменчивых по составу и иногда столь малочисленных, считалось настоящим правительственным советом, *радой* великого князя: в одной из грамот 1438 г. Свидригайло пишет, что он дал её, „порадивше с нашими князи и с паны и с нашею верною радою"; точно так же и Казимир пожаловал пана, „подумавши с князьми и с паны, с верною радою", хотя эта рада состояла всего из четырёх панов, из которых ни один не носил княжеского титула *).

Любопытнее всего то, что в этих русско-литовских актах члены правительственного совета обозначаются термином, прямо взятым из круга частных юридических отношений; великий князь обыкновенно говорит, перечисляя

*) Акты Зап. России I, №№ 36, 37, 54, 57. Ср. там же №№ 53, 70, 77, 129 и 170. Русск. Ист. Библиотека, изд. Археогр. Ком., II, № 17. О раде короля Казимира 1463 г. и о думе кн. Димитрия Ольгердовича 1388 г. см. *Срезневского,* Свед. и зам. о малоизвестн. пам. №№ X и LIII. *Григоровича,* Белорусск. Архив, I, № 6. *Г. Любавского,* Литовско-русский сейм, стр. 324 и след.

своих советников: „а притом были *сведоки*, рада наша“. Думаем, что этот термин указывает на первоначальное простейшее значение, какое имел княжеский советник в удельное время: он был не более как свидетелем, который скреплял своим присутствием акт верховной власти. Памятники права, обращавшиеся в древней Руси, дают и с другой стороны указание на ту же близость терминологии высшего княжеского управления к языку частных юридических отношений. Слово *советник* старинный термин, известный на московском придворном языке в смысле боярина уже по актам начала XVI в., но вероятно употреблявшийся и ранее. Древнерусский *послух*, свидетель, часто становился на место тяжущейся стороны, в пользу которой показывал, принимал на себя такую ответственность за её дело, что оно становилось его собственным делом. В этом отношении послушество имело некоторое сходство с порукой за чужой долг перед кредитором. В старинном славяно-русском переводе византийского *Прохирона* имп. Василия Македонянина, вошедшем в состав нашей Кормчей под названием *Градского Закона*, останавливает на себе внимание один вид поручительства за должника: отвечающий за взятые взаймы деньги (constitutae pecuniae reus, ἀντιφωνητής) назван в переводе „советником“*). Таким образом, если правительственный советник являлся в актах с названием свидетеля, то и ответственный перед заимодавцем свидетель займа назывался советником должника. Как бы оправдывая такое сродство терминологии государственного и гражданского права, по актам как западной, так и восточной Руси боярский совет иногда является в таком виде, что боярин-советник очень походит на частного случайного свидетеля акта, по крайней мере сидит с ним рядом. В первой половине XV в. правил Киевом в качестве наместника великого князя литовского внук Ольгерда Александр (Олелько)

---

*) *Zachariae*, Prochiron, tit. XVI, cap. 10 ср. с соответствующим местом 48-ой главы печатной Кормчей.

Владимирович, а преемником его был сын его Семён. Наместники в Литве тогда действовали ещё, как удельные князья: Олелько и его сын имели своих служилых князей и бояр, раздавали земли в управляемой области. Жена князя-наместника Олелька была московка, дочь великого князя московского Василия Димитриевича Настасья. По смерти мужа она вспомнила свою далёкую родину и пожертвовала в обитель преп. Сергия две волости, Передол и Почап, в тогдашнем Малоярославском уезде. Этот частный акт личного усердия к монастырю княгиня-вдова облекла в торжественную форму приговора киевской боярской думы, в которой она сама является председательницей, а сын-правитель одним из советников рядом с архимандритом печерским. В одной неизданной грамоте Троицкого Сергиева монастыря читаем: „Милостию Божиею мы, княгини Александровая Настасья киевская, подумавши есмь с своими детьми, со кн. Семёном Александровичем и со кн. Михаилом Александровичем, и с нашим отцем с архимандритом печерским Николою и с нашею верною радою, с князьми и с паны, придали есмя у дом св. Троицы к монастырю Сергиеву две волости наших, „Передол и Почап“ *). Ещё своеобразнее было одно заседание

*) Сборн. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 315. Подлинной грамоты Настасьи не могли уже найти в монастыре при архимандрите Дионисии, когда приводили в порядок монастырские акты. Но при Грозном эта повидимому грамота хранилась в одном из ящиков царского архива. Акт. Арх. Эксп. I, стр. 346. Дата (6907 г., индикта 7) передана в копии неверно: вероятно, пропущена цифра десятков. Число индикта показывает, что это могъ быть или 6937 или 6967 год. Вероятнее последний: в 1429 г. Николай ещё не был печерским архимандритом и, кажется, был ещё жив Олелько. *Строева*, Списки иерархов, стр. 12. О Настасье наши летописи упоминают в 1447 г. Об Олельке и Семёне см. Акт. Зап. Росс. I. №№ 8 и 77. *Соловьёва*, Ист. Росс. IV, прим. 39. Опис. Киевопеч. Лавры, стр. 20: митр. *Евгений* называет Семёна Олельковича князем слуцким, может быть, смешивая его с племянником Семёном Михайловичем, который в наших старинных родословных носит этот титул. Врем. Общ. Ист. и Др. Росс., X, II, 83 и 139.

думы другого служилого литовского князя Андрея Владимировича, деверя упомянутой киевской княгини-москвовки. Приехав с семьёй и двором в Киев в 1446 г., он написал духовную, в которой отказал жене и детям „свою отчину и свою выслугу“, где он правил, как удельный князь. Он совершил этот акт, подумавши со своей княгиней, с архимандритом печерским и со святыми старцами, также со своими боярами: на заседании присутствовали вместе с архимандритом уставщик, ключник, келарь монастыря „и иных господы нашее старцев много“; наконец „при том были“ три боярина и „моршалка“ завещателя, обозначенные поимённо, из них один князь, „и иные бояре наши и слуги при том были“, прибавляет завещатель в заключение перечня. Служилые литовские князья-братья Бабичи-Друцкие в 1460-х годах пожертвовали основанному смоленским епископом Михаилом монастырю свои вотчинные сёла. Как частные лица, совершившие частный акт, они потом лично подтвердили, „очивисте вызнали“ свои вкладные записи на докладе перед королём Казимиром. Как частный акт, каждая вкладная скреплена свидетелями, которые „при том были“; этими свидоками были собственные бояре вкладчиков и рядом с ними сторонние лица, священники, государственный чиновник, маршалок епископа и даже сторонние князья, такие же служилые, как сами Бабичи, притом один так же со своими боярами *).

В восточной Руси политическая централизация шла быстрее и действовала исключительнее. У служилых князей здесь не видим ни бояр, ни боярских советов, как скоро они теряли удельную самостоятельность и становились простыми землевладельцами. Но в церковном управлении долго и по исчезновении уделов держались удельные формы и порядки. У митрополита и епархиальных архиереев были свои бояре, миряне или иноки, и свои дьяки введённые; те и другие составляли думу владыки, и известные акты этой думы ни по

*) Акты Зап. Росс. I, № 46; III, № 101.

форме, ни по содержанию не отличаются от большей части грамот, какие исходили от князя с его боярским советом. Митрополиту докладывали поземельные дела кафедры и монастырей, непосредственно ей подчинённых; на докладных помечалось, что „на докладе были у господина митрополита его бояре“ такие-то, обыкновенно двое или трое, и грамота подписывалось его дьяком думным или введённым. Жалованная грамота ростовского архиепископа Виссиана 1468 г. Кириллову монастырю оканчивается обычной формулой: „а пожаловал есмь своими бояры“, которых было трое на заседании епархиальной думы по этому делу. На отписи одного из Вассиановых преемников Кирилла митрополиту Даниилу о взаимном невмешательстве в рыбные ловли обоих на Шексне приписано: „а у архиепискупа в ту пору были бояре“ Писемский да Плишка. Но в поземельных сделках, однородных с теми, на докладе о которых при митрополите присутствовали его бояре в качестве советников, те же бояре писались в актах простыми свидетелями, „послухами“. Окольничий великого князя Ощера в 1486 г. взял в пожизненное пользование село митрополичьего домового монастыря Новинского с доклада митрополиту и его боярам. В 1499 г. кафедра поменялась землями с другим митрополичьим домовым монастырём, и те же самые бояре, которые на докладной 1486 г. обозначены, как советники владыки, здесь являются простыми „послухами“, хотя скорее можно было бы ожидать наоборот, что они явятся советниками кафедры в сделке с подчинённым ей церковным учреждением, а свидетелями в соглашении с посторонним лицом, сановником великого князя. Ещё замечательнее то, что когда сделка кафедры совершалась с разрешения или доклада великого князя, послухами являлись рядом с митрополичьими и великокняжские бояре. Поэтому, читая грамоту, в которой князь верейский Михаил Андреевич пишет, что он поменялся землями с некоим Алёшкой Афанасьевым и что „туто были“ такие-то лица, которые по другим грамотам известны, как бояре этого князя, трудно разобрать, в качестве ли совет-

ников, или простых свидетелей частной сделки своего князя обозначены здесь эти верейские бояре *).

Следовательно и на востоке Руси боярин имел значение, близко подходившее к названию свидетеля, какое дают государственному советнику, члену рады, русско-литовские акты XV в. В грамотах князей удельной Руси мы застаём политическую роль боярина ещё не вполне выделившейся из круга отношений частного гражданского права: это черта боярской думы удельных веков, наиболее заслуживающая внимания. И в старой киевской Руси XII в. боярин иногда являлся при князе с характером ответственного свидетеля. Но это частное значение тогда закрывалось политическим: боярин прежде всего был правительственным сотрудником и постоянным, необходимым советником князя. Теперь это частное значение выступило вперёд, как самая характерная черта в правительственном положении боярина. Следовательно роль последнего, как и всё на удельном севере, стала проще. Такая перемена в значении боярина вполне отвечала политическому характеру князя удельного времени. Главный землевладелец удела и его государь вместе, этот князь плохо отличал свои частные землевладельческие операции от правительственных отправлений. К свободным обывателям княжества он относился не как к своим подданным, а как к людям, вступавшим к нему в добровольные гражданские отношения по земле или службе, которые они так же добровольно могли разорвать и перейти в другое княжество. Правительственный сотрудник князя и вместе посредник между двумя гражданскими сторонами, боярин обыкновенно сам землевладелец, юридически являлся свидетелем в их взаимных сделках, вытекавших из поземельных отношений хозяина удела к нанимателям его земли. Политическое значение государственного советника при князе сливалось с гражданским *послушеством*, потому что госу-

*) Акт. Арх. Эксп. I, № 85. Акты, относящ. до юрид. быта др. Росс. I, № 69; II, №№ 183, 147 (грамота 17-я) и 156.

дарственная власть в лице князя ещё не отделилась от прав и отношений землевладельца. Потому же и правительственные действия князя с его советом иногда были так похожи на юридические акты частных лиц. Последние в сделках друг с другом или в предсмертных распоряжениях своим имуществом призывали свидетелей из лиц, им знакомых и знавших их дела, и эти свидетели брали на себя известную ответственность за акт, совершённый в их присутствии. Со значением подобных ответственных свидетелей являлись и бояре введённые в думе своего князя. Сущность юридического и нравственного обязательства, вытекавшего из такого послушества, просто и ясно выражена в дарственной записи княгини Збаражской, урождённой княжны Мстиславской, которая, перечисляя панов, призванных ею в качестве сведоков, пишет: „а туто были и того добре сведомы“ такие-то паны. Читая в конце второй духовной великого князя Димитрия Донского, что когда она писалась, „туто были“ десять бояр вместе с двумя игуменами, духовными отцами завещателя, мы имеем перед собою и собрание советников князя по поводу важного государственного акта, даже довольно полное собрание, и обычных при составлении таких грамот свидетелей, „послухов“, как они и названы в первой духовной того же князя *).

Представим себе теперь какого-нибудь князя XIII или XIV в., который садился на новый ещё не обсиженный стол в значительном краю верхневоложской Руси, выделенном ему по духовной отца, среди населения, бо́льшая часть которого только-что села или садилась „ново“, на „сыром корню“. Собрав рассеянные по памятникам указания, можно без особенных усилий воображения уяснить себе, как складывалась в таком княжестве боярская дума, как определи-

*) Акт. Зап. Р. III, № 36, 1564 г.; буквально сходной формулой скреплён и сеймовой приговор о выдаче бельского привилея того же года. Лит. Стат. во Времен. Общ. Ист. и Др. Р. кн. 22, стр. 10, Собр. гос. гр. и дог. I, №№ 30 и 34.

лись её состав и политическое значение её членов. Когда князь садился на свой стол, у него не было под руками ни думы, ни приказов, но был круг бояр и слуг, данных ему отцом или вызвавшихся служить ему, с которыми он будет думать и которым станет приказывать разные дела. Он будет вместе с ними делать эти дела; но не было нужды всем им вместе делать одно и то же дело. Одних бояр князь посылал в города и волости на кормления, других удерживал при себе для дворцовых дел. Это ближайшие к нему люди, его бояре введённые: одному из них поручал он ведать дворовых слуг и земли, отведённые на содержание дворца, другому хранить домашний скарб, домовую казну, третьему править конюшнями с приписанными к ним слугами и лугами и т. п. Но всё это кратковременные поручения: через год или меньше одни возвращаются с кормлений, другие едут на их места покормиться после дворцовой службы, и наличный штат бояр введённых изменяется. С другой стороны, казначея с дворцовым дьяком назначают в посольскую поездку или на съезд с боярами соседнего удела для улажения пограничного спора, а управителю дворцовых слуг и земель поручают разобрать тяжбу игумена из дальнего уездного города с посадскими людьми. Этот игумен вместе с жалобой на ответчиков положил перед князем данную ещё отцом последнего *несудимую* грамоту, освобождавшую монастырь в тяжбах со сторонними людьми от подсудности наместникам и волостелям; при этом настоятель, очутившийся под властию нового правительства, просил сына подтвердить грамоту отца, подписать её на своё имя. В акте поименованы два боярина, присутствовавшие при его совершении, и один из них служил теперь при дворе князя-сына. Справка подтвердила действительность отцовского пожалования. Но вот слуга вольный бьёт челом о такой же жалованной грамоте на купленную им или данную князем вотчину, прося 5 лет льготы от дани, яма и всякой тягости для крестьян старожильцев и 10 лет для новоприходцев, которых он перезовёт к себе „с иных сторон“; он просит

при этом, чтобы „в его околицу“ не въезжали ни за чем ни волостели, ни бобровник, ни закосник и т. п. Дело новое, разрешение которого станет прецедентом для многих других. Князь властен и один разрешить его; но он призывает для этого двух-трёх бояр, которым, по его мнению, ближе других ведать о том надлежит, имена которых и прописываются в акте вместе с именем дьяка, его писавшего. По смерти князя, в случае просьбы о подписании грамоты, или даже при жизни его, в случае жалобы на нарушение льготы новым волостелем, эти имена укажут, на кого сослаться или у кого навести справку для проверки дела и восстановления силы акта: ведь грамота едва ли тогда записывалась в какую-нибудь книгу исходящих бумаг и руки князя под ней не было, он и писать не умеет, „книгам не учен беаше“, а только „книги духовные в сердце своем имяше“. Это и есть боярская дума в её простейшем составе, какою она является по актам удельного времени в ежедневном правительственном обиходе. Ни князю, ни боярам не было нужды настаивать, чтобы все они, сколько их было налицо при дворе, присутствовали при решении таких частных актов: дело шло не о власти, не о политических правах той или другой стороны, а об административных удобствах, о средствах устроиться и завести порядок. Заболев тяжко, князь велит писать духовную. Частные люди в этом случае, как и в сделках друг с другом, призывали свидетелей из лиц им знакомых. Князь собирал к себе бояр, с которыми привык делать всякие дела, „веселился и скорбел, отчину соблюдал и укреплял, под которыми города держал и великие волости“. Князь мог желать, чтобы „туто было“ возможно больше его сотрудников. В его „душевной грамоте“ описывается весь полуустроенный им правительственный и хозяйственный порядок, который поддерживать и довершать завещатель поручает детям. Бояре, как люди, ведавшие правительственные дела, должны были знать эти распоряжения и не только знать, но присутствием своим обязаться юридически и нравственно исполнять их, служа вдове и детям. „Припомните, говорил им

князь при этом, на чём вы дали мне слово некогда—положить головы свои, служа мне и детям моим: и вы, братия моя бояре, послужите им от всего сердца, в скорби не оставьте их, напоминайте им, чтобы жили в любви и княжили как я в грамоте душевной указал им, как разделил между ними свою отчину". Так говорят, умирая, великие князья Димитрий Донской и Михаил Александрович тверской в составленных современниками сказаниях о них. В этих словах картина торжественного заседания боярского совета при князе и лучшая политическая характеристика боярина-советника. По условиям русской жизни тех веков он не был ни представителем сплоченного местного общества привилегированных землевладельцев, который в силу этого, независимо от князя, имел политическое значение, ни учёным законоведом с выгодной для князя политической теорией, призываемым на совет в качестве эксперта для разрешения важных государственных и юридических вопросов. Но он большой, „старейший человек" в земле, „старец земский", который служа то в том, то в другом княжении по личному „ряду" с князем, везде становясь у важных дел, как „нарочитый поставленник" князя, изведал правительственные порядки, приобрёл навык в искусстве строить и водить полки, судить и рядить людей. Он правительственный „сведок" и „знахарь", ответственный свидетель и сотрудник князя по делам управления, давший ему слово на том и крест целовавший. Князь слушает его и думает с ним „добрую думу, коя бы пошла на добро", потому что он лучше других знает „добрые нравы и добрую думу и добрые дела", ведает, как князю „безбедно прожити" и „како княжити", чтобы его христианом малым и великим было добро" *).

Первый князь, умирая, вероятно ещё не мог завещать детям вполне устроенного центрального управления, ни постоянных отдельных ведомств, ни постоянной организован-

*) Пол. Собр. Р. Лет. IV, 353 и 359. Собр. гос. гр. и дог. II, № 15. Ср. Никон. V, 27—29.

ной боярской думы во главе их. При дворе его по утрам всегда можно было встретить несколько думных людей, бояр введённых, которым давались временные и случайные поручения по текущим делам и из которых составлялся совет князя по отдельным экстренным случаям; но этот совет не имел ни определённого круга дел, ни постоянного состава. Притом и весь двор князя разбивался после его смерти: старые бояре и слуги отца, с разделением отчины между сыновьями, расходились по дворам молодых князей. Но где жизнь устроивалась, там отверждалось, расчленяясь, и управление: текущие дела, усложняясь, распадались на отдельные постоянные ведомства; случайные и изменчивые поручения превращались в постояные *приказы* пока ещё только в смысле постоянных правительственных должностей, а не сложных правительственных присутствий и канцелярий. Тогда и боярин введённый, которому по обстоятельствам минуты поручались разные дела, становился приказчиком князя по какому-либо одному разряду дел дворцового хозяйства. Военное управление стольным городом, устроенным в *тысячу*, поручалось тысяцкому; в других делах ведал столицу наместник. С развитием бортного промысла в дворцовых лесах князя эти леса вместе с посёлками бортников выделялись из круга дворцовых земель в особое ведомство, которое поручалось чашнику. Так при значительных дворах складывался штат высшей центральной администрации: то были *тысяцкий, наместник* столицы, *дворецкий, казначей, окольничий, конюший, стольник, чашник, сокольничий, ловчий*. К членам думы надобно причислить и *печатника*, которым бывало иногда духовное лицо, монах или белый священник. При больших дворах некоторых из этих сановников бывало по двое. Привычка и другие административные удобства вели к тому, что эти должности подолгу оставались в руках одних и тех же лиц, даже иногда переходили от отца к сыну прямо или через известный промежуток времени. Так можно думать по известиям о тверских и московских тысяцких XIV века: подобное было в Рязани

с должностью чашника, как можно догадываться по именам лиц, занимавших её в XV в.; после московские великие князья любили назначать казначеев из фамилии Ховриных-Головиных. С образованием административных ведомств, с превращением поручений в постоянные должности, в кругу думных людей при дворе князя, располагавшего значительным боярством, должны были обозначиться два элемента: должностные лица и бояре, не занимавшие постоянных придворных должностей. Эти последние, кажется, преимущественно получали назначения по областной администрации, образуя подвижной кружок бояр, которые то действовали при дворе, то сидели на кратковременных кормлениях по городам и волостям. Боярам этого круга, надобно думать, поручались при дворе текущие дела, которые ещё не нашли себе постоянного места в существующих центральных учреждениях и велись старым порядком временных поручений. Указанными переменами в центральном правительстве обозначился второй момент в развитии боярской думы. Она осталась советом князя по чрезвычайным делам, попрежнему не имела определённого числа членов, и попрежнему не возникало вопроса о политическом значении численного её состава; но теперь получает значение административный подбор этого состава для каждого заседания. Чрезвычайными делами были теперь те, которые превышали компетенцию отдельных центральных ведомств или касались многих из них. Для решения такого дела князь призывал управителей дворцовых ведомств, которых оно касалось, и к ним присоединял иногда недолжностных бояр, присутствие которых почему-либо считалось нужным; могло, например, понадобиться присутствие боярина, бывшего наместником в городе, откуда поступило разбиравшееся князем дело. Наконец, и представители местного духовенства, епископ, даже архимандрит, являлись в числе советников князя, приглашались принять участие в деле, которое касалось Церкви или признавалось особенно важным.

Таковы два момента, обозначающиеся в истории боярской

думы удельного времени; если следить за её деятельностию, как она отразилась в уцелевших актах тех веков. По скудным известиям трудно представить себе обычное течение правительственного дворцового делопроизводства в его ежедневной обстановке. Можно думать, что чем проще мы представим его себе, тем станем ближе к действительности. Все дела велись во дворце, куда по утрам собирались правительственные лица. Дьяки докладывали боярам текущие дела по ведомству каждого и писали грамоты: у каждого дьяка были свои „ларцы“ для хранения судных списков и других актов. Текущих дел не могло быть слишком много, как и дел особо важных, которые не могли быть разрешены одним боярином и докладывались самому князю. Доклад и решение такого дела происходили при двух или более боярах, которых тут же приглашал к себе князь по указанным соображениям из числа присутствовавших во дворце. И частные лица со своими просьбами допускались не только в дворцовые палаты или „избы“, где бояре с дьяками творили суд и расправу, но и к самому князю с его боярским советом. Сохранился ряд грамот XV в., которые изображают очень живо и иногда с наивностью, исчезающей в позднейших актах, как вершились дела самим князем, как челобитчик излагал свою просьбу перед ним и его боярами, как князь опрашивал „обоих истцов“, ищею и ответчика, с их свидетелями, послухами или знахарями, и как, разобрав дело, приказывал дать той или другой стороне грамоту со своим приговором и с обозначением имён „туто“ бывших бояр *). На такой порядок дворцового управления при его обычном ежедневном ходе указывает повидимому и краткая, но любопытная заметка, сделанная автором жизнеописания тверского великого князя Михаила Александровича **). Биограф рассказывает, что незадолго до смерти князя

*) Из актов, изданных см. Акт. Юр. стр 8, 13, 25, 27; Акты. относящ. до юр. быта, I. стр. 169 и 639; Арх. ист.-юр. свед., *Калачова,* II, отд. 3, стр. 129.

**) Никон. IV, 289.

(в 1399 г.) дети его утром были у больного отца, „прочим же князем и боярам и всем людем ждущим и ходящим прийти к нему обычного градского ради управления“; но князь уже готовился к смерти и никого не принял. Сложного канцелярского делопроизводства не заметно ещё в половине XV в., по крайней мере в удельных княжествах. К удельному верейскому князю Михаилу Андреевичу является ответчик по одному земельному делу и бьёт челом: „назначил ты мне господарь, словесно срок на Сборное воскресенье стать перед тобой, чтобы отвечать по делу, а вот истец не стал на срок, послуха не поставил и купчей на спорную землю не положил“. Князь припомнил, что действительно был назначен словесно такой срок, и отправил ответчика, велев выдать ему правую бессудную грамоту. При такой простоте делопроизводства едва-ли могли точно обозначиться пределы ведомства думы и её деловые отношения к князю и другим учреждениям. Она была высшим правительственным местом по делам дворцового хозяйства, высшим судебным учреждением, советом князя по всем делам, которые не могли быть решены низшими учреждениями и восходили к князю. Но по сохранившимся памятникам трудно разобрать, насколько точно было определено, какие дела должны восходить к князю, какие он решал один и какие с боярами. Видно только, что одни дела он поручал решать своим боярам, одному или двоим, другие решал сам в присутствии одного, двух или более бояр, а при решении третьих вовсе не заметно присутствия бояр. В делах важных или касавшихся Церкви в думу призывали церковных иерархов. Но при вел. кн. Димитрии Донском самые важные вопросы церковного устройства и управления решались иногда без участия духовных властей. По смерти митрополита Алексия архимандрит Митяй, объявил себя кандидатом на митрополию только „по совету великого князя и бояр его“. Когда Митяй, ссылаясь на церковные правила, предложил, чтобы его рукоположили в сан митрополита, русские епископы независимо от патриарха цареградского, великий князь и бояре „восхотеша тако быти“.

Переворот в церковном порядке был решён князем и боярами: потом уже созваны были русские епископы, чтобы посвятить Митяя. Сохранилось сказание о ростовском епископе XIV в. Иакове, которое даёт почувствовать неопределённость правительственных отношений в удельное время. Ростовский князь с советом бояр судил женщину, захваченную на месте преступления, и осудил её на смерть. Дело, повидимому, семейное, касалось и церковного суда. Неизвестно, присутствовал ли епископ в думе при его решении. Осуждённая обратилась к владыке с мольбой о помиловании, и он разрешил её от казни. Князь и бояре рассердились на владыку за отмену их приговора, подняли на него город и выгнали его из Ростова *). Приговоры думы по текущим делам излагались в грамотах, которыми разрешались спорные дела, утверждались за лицами и обществами приобретенные права, жаловались им льготы или устанавливались их обязанности к правительству.

ГЛАВА VII.

Московская боярская дума уже в XV веке, с образованием в Москве более плотного боярства, становилась дворцовым советом по недворцовым делам.

Трудно определить, шло ли развитие думы в северных княжествах удельного времени дальше второго из указанных моментов. Только в княжестве Московском заметны признаки значительных дальнейших успехов в её устройстве и политическом значении, достигнутых прежде, чем исчезли немосковские уделы.

Оставаясь в ежедневной деятельности советом по экстренным делам дворцового управления, который составлялся

*) Никон. IV, 70 и 233: биограф преп. Сергия считал выбор Митяя „мирским избранием и хотением". Иерархи Рост.-Яросл. паствы, стр. 69. Арх. ист.-юр. свед. II, отд. 3, стр. 131.

то из тех, то из других дворцовых сановников, смотря по свойству восходивших к князю дел, дума и в других княжествах могла во многом изменить первоначальный порядок удельной администрации. Прежде всего можно заметить, что её деятельность начинала точнее определять отношения центрального правительства к областному управлению, ослабляя удельную локализацию последнего. В ведомство областного управителя по самому значению кормленщика входили текущие доходные дела: наместник и волостель ведали и судили обывателей и доходы с них брали по наказному списку, как выражаются *ввозные* грамоты на кормления XV в. Потому дела новые, не дававшие указного дохода, вопросы законодательного свойства стояли вне компетенции областной администрации. Важнейшими из них были дела по землевладению. В истории восточной Руси XIV и XV века были временем устройства нового порядка поземельных отношений; на этих отношениях держался общественный и политический строй княжества удельного времени. Поземельные дела идут из уезда в центральные учреждения и обратно мимо областных властей, или последние в таких делах служат только вспомогательными орудиями органов центрального правительства. По актам этого рода мы более всего и знаем о правительственной деятельности думы того времени: купчие, межевые, жалованные и тому подобные грамоты исходят от самого князя с его советом или ими утверждаются. В делах о *разъезде*, размежевании спорных земель, землевладельцы били челом князю дать им *разъезжиков*, которые, как впоследствии писцы, переписывавшие земли в книги сошные, оброчные и другие, разбирали при этом и поземельные тяжбы, докладывая о них для окончательного решения самому князю или одному из бояр при его дворе помимо областных управителей. Один фамильный акт кашинских дворян Бедовых начала XVI в. указывает, как действовало центральное правительство при устройстве поземельных отношений в удельном княжестве. В 1511 г. дмитровский князь Юрий Иванович послал своего боярина

кн. Давида Даниловича в отчину свою в Кашин „для смотрения сёл“. Предпринят был в уезде большой „земляной развод“ или разъезд, и для него учреждена целая межевая комиссия, во главе которой стал боярин, а товарищем к нему назначен кашинский разъезжик Бедов; кашинским наместникам и тиунам велено их слушать и почитать, а двоим детям боярским быть докладчиками у обоих уполномоченных. Так как при межевании предвиделось много поземельных тяжеб, которые должна была разобрать комиссия, то половина „присуда“, судебных пошлин от этих дел, назначена боярину, четверть его товарищу, а остальная четверть докладчикам с тиунами и другими чиновниками кашинских наместников *). В удельное время не заметно контроля центрального правительства над областными правителями по делам кормления, и в этой сфере администрации они не похожи на орудия центральной власти, ведали дела больше на себя, чем на князя. Но чрезвычайные дела по устройству землевладения, которые ведал сам князь с боярскою думой, давали много случаев пользоваться областным управлением, если не как прямым и постоянным органом, то как временным пособием централизации. Вслед за новыми поземельными делами, не входившими в ведомство областных правителей, к центральному правительству отошли путём доклада и некоторые дела старые, связанные с землевладением и прежде вершившиеся в уезде. Вслед за судом над землевладельцами, которых привиллегия подчиняла прямо юрисдикции князя или его боярина введённого, к этой юрисдикции отошло вершение важнейших поземельных тяжеб непривилегированных лиц, как и решение дел о холопстве, возникавших в административных округах, управители которых держали кормления „без боярского суда“. В XIV—XV вв. князья, освобождая монастырских крестьян от подсудности наместникам и волостелям во всех делах кроме душегубства, просто замечают в грамотах, что тех крестьян судит игумен; иногда они при-

*) См. род Бедовых в Родословной *Иванова*.

бавляют оговорку, что какого суда игумен не захочет судить, он должен послать людей к князю, который их рассудит. По Судебнику 1497 г. за областными правителями „с боярским судом“ оставалось право судить без доклада татей, душегубцев и всяких лихих людей; другие областные судьи не могли судить таких дел без доклада. По грамоте 1498 г. в Волоцком княжестве крестьян привилегированного монастыря наместник князя также не судил ни в чём кроме душегубства, а судил их игумен; но в делах о разбое и татьбе с поличным для него обязателен был доклад князю или его боярину введённому *). Так благодаря тому, что устройство землевладения стало главным предметом устроительной деятельности думы, именно развитие поземельных отношений прежде всего выводило слишком локализованную областную администрацию из её удельного обособления: согласно со всем строем тогдашнего княжества землевладение стало первым проводником и административной централизации.

Содействуя централизации управления, боярская дума по своему удельному складу должна была сама становиться в иных случаях более сосредоточенной. В ежедневном правительственном обиходе боярский совет составлялся из бояр, которых наиболее касалось то или другое экстренное дело. Но в исключительных случаях, касавшихся всех одинаково, в вопросах, стоявших выше каждого отдельного ведомства, князь должен был призывать к себе на совет всех наличных советников. Такие случаи чаще всего вызывались внешнею политикой князя, взаимными княжескими отношениями и столкновениями. Политический характер бояр-советников делал для князя необходимыми в этих случаях такие большие советы. Теперь, как и в старой Киевской Руси, боярин был не подданный, а вольный сотрудник князя, служивший ему по *ряду*, уговору. В делах, требовавших содействия всех бояр, решение, принятое „всех общею думою“, имело значение кругового обязательства со стороны бояр дружно

*) Акт. Ист. I, 106.

помогать князю в предпринятом с их согласия деле. Такие большие советы можно видеть в тех совещаниях князя с боярами при исключительных обстоятельствах, о которых изредка рассказывает летопись XIV и XV веков: только о таких исключительных совещаниях она и рассказывает, умалчивая об обычном ходе управления при княжеских дворах. Летописный рассказ о последнем совете нижегородского князя с своими боярами в 1390 г. наглядно изображает такое значение думы князя со всеми боярами. Когда великий князь московский Василий, выхлопотав себе в Орде Нижегородское княжество, послал в Нижний бояр с послом татарским, нижегородский князь Борис созвал своих бояр и молил их „с плачем и со слезами“, говоря: „господа и братья, бояре и друзья! попомните своё крестное целование ко мне и нашу к вам любовь“. Старейший боярин Румянец, тайный сторонник Москвы, уверял Бориса в единомыслии всех бояр с своим князем и посоветовал ему впустить московских послов в город, сказав: „что они могут сделать? мы все за тебя“. Когда посланцы Василия, вступив в город, велели звонить в колокола, Борис опять обратился к своим боярам, прося их не выдавать его врагам. На этот раз тот же Румянец отвечал ему за всех своих товарищей: „не надейся на нас, господин князь! теперь мы не твои и не за тебя, а на тебя“ *).

Оба процесса, и определение отношений правительственного центра к области, и сосредоточение состава думы, в Москве шли дальше, чем в других княжествах. Во-первых, здесь дума стала более замкнутым советом. И на удельном севере заметны некоторые следы того, что мы видели в думе киевских и галицких князей, как и в литовской раде. На обычных заседаниях последней большинство членов, как

*) Никон. IV, 240. Ср. рассказ о том, как Шемяка, „обдумав с бояры своими“, освободил взятую им в плен мать Василия Тёмного Софью, свою тётку. Там же, V, 214. Иногда удельный князь советовался не только с своими боярами, но и со всей дружиной, как это бывало и в Киевской Руси. Там же, III, 81.

они обозначаются в актах XV—XVI вв., состояло из сановников двух разрядов: одни были областные управители, воеводы, наместники, старосты; другие с этими должностями соединяли придворные должности канцлера, маршалка дворного, маршала земского, подчашего и др. Нечто подобное встречаем в Московском и других княжествах XIV—XV вв. В 1572 г. думный дворянин Олферьев писал про одного из своих предков, служившего около половины XV в. у верейского князя, что он был у этого князя дворецким, „а было за ним княжего жалованья Белоозеро да Верея и иные жалованья". Ближайший смысл этих слов Олферьева тот, что его предок правил городами, оставаясь боярином введённым, дворецким. Так, повидимому, надо понимать и известия о служилых людях XIV и XV в., которые были „боярами введёнными и горододержавцами" *). В 1420 г. наместником великого князя московского в Новгороде был князь Фёдор Патрикеевич, сын выезжего из Литвы Гедиминовича и родоначальник князей Хованских; в то же время кн. Фёдор оставался чашником великого князя. Другой пришлец из Литвы, пан Судимонт является у великого князя Ивана III боярином введённым и наместником в Костроме, потом во Владимире, так что и о нём можно сказать: „был он боярин введённый и городедержавец, а было за ним княжьего жалованья Кострома да Владимир". Так областные управители удерживали придворные звания; с другой стороны, бояре, действовавшие при дворе, носили иногда звания областных правителей. Известно, что московские думные люди, назначавшиеся для переговоров с иностранными послами в XV и XVI в., писались в дипломатических бумагах наместниками московским, новгородским, коломенским и т. п. Повидимому эти звания уже при Иване III были только почётными ти-

*) Акт. Зап. Росс. I, №№ 118, 189, 191 и другие, указанные в предыдущей главе; ср. № 192, стр. 267. Разрядн. книга в Моск. Архиве мин. иностр. дел № $^{99}/_{131}$, л. 468 и сл. Родословная роспись рода Кикиных в Синбирск. Сборн. *Валуева*, стр. 3 Полн. Собр. Лет. VIII, 161.

тулами. Из грамоты Ивана III пану Судимонту видно, что иногда этот наместник, правя Костромой, приезжал в Москву: вероятно, он появлялся тогда и в боярском совете, как боярин. Собираясь на Новгород в 1471 г., Иван III сначала посоветовался с митрополитом, с своею матерью и „сущими у него боярами", а потом „розосла по всю братию свою и по все епископы земли своея и по князи и по бояре свои и по воеводы". Этому многолюдному собранию сановников, вызванных из областей, великий князь явил свою мысль идти на Новгород и предложил на обсуждение вопрос: идти ли летом, или дождаться зимнего пути? Однако можно заметить, что призыв в думу областных управителей плохо прививался в Москве и прекратился, не сделавшись обычаем. Намёк на это встречаем уже в летописи начала XV в., в рассказе о размирье вел. кн. Василия Димитриевича с тестем Витовтом (1406—1408 г.). Когда Эдигей, подстрекая зятя на тестя, прислал в Москву с предложением своей помощи, Василий собрал своих думцев, князей и бояр, и „поведа им такая словеса". Думцы с радостью приняли татарское предложение. Этими думцами были „юные" бояре, которые, по словам летописца, тогда советовали обо всём, радуясь размирию и кровопролитию, а князь слушал их и не выступал из их думы. Но опытные старики в Москве не одобряли такой политики, говорили: „не добра дума бояр наших, что татар приводят к себе на помощь". И в известном письме Эдигея великому князю даётся совет не слушать молодых, а собрать старых бояр и с ними думать добрую думу. Причиной такого господства молодых бояр было то, что на ту пору не случилось в Москве старых. Всего вероятнее объясняется их отсутствие тем, что они сидели наместниками по городам или стояли с полками на границах. Если это было так, то в рассказе летописи вскрываются и желание московского общества, чтобы в важных делах князь призывал в думу всех бояр, даже правивших областями, и привычка князей московских думать только с теми советниками, какие были под рукой. Иван III в грамоте своей за-

прещает Судимонту ездить в Москву из Костромы без предварительной „обсылки“. После бояре, правя областями, иногда сохраняли придворные должностные звания, но не появлялись в думе, пока сидели на своих областных кормлениях *).

Так в Москве дума по своему личному составу обособилась от областной администрации в то самое время, когда последняя стала подвергаться более деятельному контролю со стороны центрального правительства. Между боярским советом и боярином-наместником стал московский *приказ*, и мы не видим в Москве явлений, какие бывали в Литве, где в числе трёх членов рады, из которой в 1494 г. вышла одна грамота на имя смоленского наместника, присутствовал на заседании этот самый наместник. С другой стороны, если в других княжествах только исключительные случаи внешней политики выводили боярскую думу из её обычного тесного состава, то в Москве она превращалась в постоянный совет всех наличных бояр благодаря последовательному развитию внутреннего управления. Дума ведала все новые, чрезвычайные дела; но по мере того как последние, повторяясь, становились обычными явлениями, они отходили в состав отдельных центральных ведомств, старых или особо для них учреждавшихся. Центральные ведомства формировались, так сказать, из административных осадков, какие постепенно отлагались от законодательной деятельности думы по чрезвычайным делам, входя в порядок текущего делопроизводства. Так складывались дворцовые ведомства удельного времени. Вслед за первоначальными дворцовыми ведомствами тем же самым путём шло образование позднейших московских приказов. Таким ходом дела объясняются некоторые особенности в системе московского центрального управления, которые на первый взгляд кажутся странными. Впоследствии, несмотря на чрезвычайное усложнение своих занятий, боярская дума не обнаруживала наклонности распасться на от-

*) Полн. Собр. Р. Лет. IV, 119. Русско-Лив. Акты, стр. 175: в немецком тексте договора 1420 г. кн. Фёдор Патрикеевич назван *мундшенком* великого князя. Акт. Ист. I, № 110. Никон. V, 21.

деления, постоянные департамены, и не смотря на развитие канцелярского делопроизводства в нескольких десятках подчинённых ей приказов одна не имела особой канцелярии. С другой стороны, самые важные из этих приказов по своим ведомствам, Разрядный, Поместный и Посольский, почти до 1670-х годов управлялись не людьми высших чинов, не боярами, окольничими или думными дворянами, как другие приказы, а только дьяками (за исключением немногих случаев, в том числе когда первые дьяки этих приказов вводились в звание окольничих или думных дворян). Эта видимая несообразность объясняется тем, что обыкновенно первые дьяки этих приказов были и думными дьяками, государственными секретарями. Приказы эти именно потому, что были важнее других, долго не обособлялись в самостоятельные ведомства, министерства, а служили только отделениями канцелярии государственного совета, секретари которых были непосредственными докладчиками и секретарями думы. Вот почему, ведая „всякие воинские дела“, дьяк Разряда был в то же время ближайшим делопроизводителем думы: он приказывал рассылать думным людям повестки о чрезвычайных её заседаниях и передавал другим приказам касающиеся их распоряжения боярского совета вовсе не военного свойства.

История Посольского приказа наглядно указывает на ход образования таких отделений думской канцелярии. Не смотря на многостороннее развитие дипломатических сношений московского двора со времени Ивана III долго не заметно особого заведовавшего ими учреждения: их вёл непосредственно сам государь с думой. В 1565 г. построено было особое здание для этого учреждения на том месте в Кремле, где его находим и в XVII в. Это учреждение зовётся в актах *Посольной палатой*, *Посольской избой* или *Посольским приказом*. Но оно остаётся очень близким к государю учреждением, как бы его собственной канцелярией по иностранным делам: выезжая из Москвы, царь берёт с собой его или скорее его отделение вместе с управлявшим

ным дьяком А. Щелкаловым *). Из описи царского архива времени Грозного и из посольских книг его отца и деда видно, что при московском дворе ещё до Ивана III накопился значительный запас дипломатических бумаг, потом всё более увеличивавшийся; эти бумаги хранились в ящиках, которые по роду дел назывались „немецким“, „волошским“, или обозначались именами дьяков, при которых велись дела. Уже при деде Грозного в конце XV в. дипломатические документы передавались казначею для хранения в его приказе вместе со всякой домовою казною государя. С этим в связи надобно поставить и то, что в конце XV и во весь почти XVI век дипломатические поручения очень часто возлагались на казначеев; трудно только решить, что здесь было причиной и что следствием, бывал ли казначей дипломатом, потому что хранил дипломатические дела в своём приказе, или наоборот. Другим важным дельцом по дипломатическим делам является в XVI в. печатник. Этим об'ясняется тесная административная связь двух столь различных учреждений, как Казённый Двор и ведомство иностранных дел: казначей в XVI в. бывал в то же время и печатником, а думный дьяк А. Щелкалов, правя Посольским приказом, занимал должность казначея. Первоначально приказ казначея служил архивом и канцелярией думы по иностранным делам, а потом, при осложнении дипломатических сношений, для них образовали особое отделение думской канцелярии, при чём однако не перенесли всех дипломати-

*) Русск. Ист. Библ. III, 264: новое здание летопись называет „полатой Посольской“. Акт. Арх. Экс. I, стр. 336: *Посольная палата* в 1567 г. Русск. Ист. Сборн. под редакцией *Погодина*, II. 80: *Посольская изба* в 1572 г. Памятн. дипломат. снош. 1, 505: *Посольский приказ* в 1576 г. Ср. *Неволина*, Полн. собр. сочинений VI, 172. Опись царского архива упоминает о какой-то *походной палате*, куда в 1564 г., до постройки здания Посольского приказа, взяты были некоторые дипломатические бумаги из этого архива, если только не вследствие опечатки эта палата названа „походной“ вместо „посольной“. Акт. Арх. Эксп. I, стр. 346. *Т. Лихачёва*, Дипломатика, стр. 101 и сл.

ческих дел из Казённого приказа в новое учреждение и потому иногда поручали посольскому дьяку управление и Казённым приказом *). Посольский приказ подобно Разрядному и поместному вёл дела, не входившие в первоначальный состав дворцового управления удельного времени. Их ведал сам князь с своею думой, а канцелярское их производство в первое время распределяли, как могли, по наличным дворцовым ведомствам. Но когда последним становилось трудно справляться с ними, для них создавались сперва только отделения думской канцелярии под управлением дьяков, а потом, когда такие дела переставали быть исключительными, экстренными, отделения эти превращались в особые ведомства с боярами и окольничими во главе и с более широкою компетенцией. Подобным образом, вероятно, складывались и некоторые другие новые приказы в XV—XVII веках, например Холопий, Казанский.

Может показаться, что этот процесс был только повторением или продолжением того, которым образовались и первоначальные дворцовые ведомства дворецкого, казначея, конюшенного и т. д. Но теперь этот процесс совершался над делами далеко не прежнего дворцового характера, и возникновением новых приказов обозначился новый политический момент в истории боярской думы. Его трудно определить хронологически; но можно предполагать, что он имел место в истории только московского управления: другие княжества повидимому исчезали, не дожив до него. Дума удельного времени была советом управителей, ведавших текущие дела дворцового хозяйства, но советом по вопросам управления, выходившим из ряда текущих. Такие вопросы впрочем были более или менее связаны с дворцовым хозяйством в его удельном объёме. Но пока эти экстренные дела, становясь обычными, укладывались в существующие дворцовые ведомства, в управлении вместе с успехами московского объеди-

*) Др. Росс. Вивлиоф. XX, 364. Дело о печатнике и казначее Олферьеве в указанной выше Разрядной под 1572 г.

нения Руси накоплялись задачи, выходившие далеко за пределы дворцовой администрации. Они сначала задавали ряд новых отправлений, лишних работ старым правительственным местам, а потом вызывали ряд новых правительственных учреждений. Вместе с тем боярская дума становилась советом дворцовых сановников по недворцовым делам. С этой минуты должен был измениться её удельный склад. Прежде она составлялась обыкновенно или преимущественно из управителей ведомств, которых касалось дело, подлежавшее обсуждению; теперь этому обсуждению большею частию подлежали дела, не касавшиеся ни одного из них или касавшиеся всех одинаково. Думаем, что с этой минуты стали входить в обычай собрания всех наличных советников независимо от специального ведомства каждого, вытесняя постепенно прежние обычные собрания то тех, то других из них. Значит, в Москве последовательный рост администрации сделал обычным порядком то, что прежде было исключительным случаем как здесь, так и в других княжествах. В памятниках деятельности московского центрального правительства такой порядок открывается уже в XVI в., не раньше; но едва ли ошибёмся, если отнесём его завязку ещё ко временам до княжения Ивана III. С одной стороны, в Москве чаще, чем при других дворах, повторялись исключительные случаи, заставлявшие князя думать со всеми его наличными думцами, благодаря разностороннему развитию её внешних сношений и столкновений, вообще благодаря более широкому поприщу деятельности, на какое она выступила уже в XIV веке. С другой стороны, внешние успехи Москвы должны были рано осложнить её внутреннее управление настолько, чтобы вывести центральное правительство из тесного круга дворцового хозяйства. Так уже в летописном рассказе о событиях княжения Ивана III открываются следы такого устройства службы многочисленного служилого класса и служилого землевладения по месту службы, что если не самые приказы Разрядный и Поместный, то дела, которыми они потом заведовали, должны были завязаться раньше этого княжения.

Так московская боярская дума, строясь на одинаковых основаниях с боярскими советами других княжеств, ещё в удельное время вышла непохожей на них во многом. Она отличалась от них и количеством думных людей, и более ранним выходом из тесного круга дворцового хозяйства, и более раннею выработкой постоянной формы; думаем, что она отличалась от других и общественным характером своих членов. Если припомним общественное положение и служебные нравы тогдашних бояр, их бродячесть, недостаток прочных связей между собою и с местными обществами, привычку служить князьям по личному временному договору, то поймём, что люди, которым князь поручал высшее управление своею вотчиной, были для него собственно чужие, сторонние люди, его случайные гости или, точнее, наёмные сотрудники. Вся совокупность этих людей, рассеянных по княжествам, составляла слой, отличавшийся от остального общества богатством, влиянием, родом деятельности, может быть, даже понятиями; но при каждом дворе это был не общественный класс, а изменчивый круг одиноких лиц, случайно встретившихся друг с другом. Такое положение думного боярства было отражением общего состояния Руси, создавшего те великие и удельные княжества, по которым служили бояре. Тогда всё здесь дробилось, обособлялось. Складывался великорусский народ; но он оставался пока единицей этнографической и церковной, не став ещё целым ни экономическим, ни политическим. Только в Москве обстоятельства начали соединять эти одинокие лица в нечто целое, в плотный общественный класс. Уже в XIV в. московская служба представляла выгоды, каких боярин не находил при других дворах: отсюда и усиленный прилив служилых людей в Москву, и сравнительно меньшая наклонность московских бояр переезжать к другим князьям. Уже около половины XV в. московское боярство по происхождению своему представляло собою всю Русскую землю, состояло из многочисленных фамилий, родоначальники которых сошлись в Москву чуть не из всех углов Руси, даже из таких, где тогда ещё слабо

пахло Русью *). Это сообщало здешнему боярству бо́льшую устойчивость, его положению и отношениям бо́льшую определённость. Выгоды московской службы росли вместе с политическими успехами Москвы: отсюда дружное содействие, какое московский великий князь XIV века находил в своих и иногда даже в чужих боярах. Это приучало московских бояр действовать в одном направлении, воспитывало в них твёрдые политические привычки и сочувствия, политическое предание. Из событий XIV в., в которых они играли такую деятельную роль, они должны были вынести и больше сословной сплоченности, и больше политической выправки сравнительно со своей братией других княжеств; надобно думать, что они крепче последней привязывались к месту своего служения и нитями экономическими благодаря более успешному развитию боярского землевладения в Московском княжестве. Теснее связанные между собою и с князем, московские бояре переставали быть случайными това-

*) Это боярство представляло собою Русскую землю не только в тогдашнем этнографическом, но и в нынешнем географическом значении этого слова. В половине XV в. в Москве обособились или только начинали отделяться от родословных своих стволов фамилии, которые по месту происхождения родоначальников можно распределить на такие местные группы: с Волыни шли *Волынские*, из Киева *Квашнины*, *Разладины*, из Чернигова и княжеств черниговской линии *Плещеевы*. *Фомины*, *Игнатьевы*, князья *Звенигородские* и *Оболенские*, из Смоленска *Фоминские*, *Всеволожские*, из Мурома *Овцыны*, из Твери *Нащокины* с позднейшими ветвями *Олферьевыми* и *Безниными*, из Стародубского удела на Клязьме князья *Ряполовские* и *Палецкие*, из Орды *Сабуровы* с *Годуновыми*, *Старковы*, *Сорокоумовы* и *Белеутовы*, из Крыма *Ховрины-Головины*, из Литвы князья *Патрикеевы* с позднейшими отраслями *Голицыными* и *Куракиными*, из Пруссии *Кошкины* с отраслями своими *Захарьиными*, *Беззубцевыми* и с родичами *Колычовыми*, *Беклемишёвы* и др. Фамилии различного происхождения, первые поколения которых некоторое время кружились по северной Руси, пока не уселись в Москве к половине XV в.: *Вельяминовы* с *Воронцовыми*, *Морозовы* с обозначившимися при Иване III ветвями *Скрябиными*, *Поплёвиными*, *Шеиными* и *Тучковыми*, *Бутурлины*; *Челяднины* и мн. др.

рищами по службе, подвижными правительственными наёмниками. Всё это должно было отразиться на значении московского боярина, как советника княжеского. В думе с князем он был нужен последнему не столько как приказчик, заведующий известною частью дворцового хозяйства, или как приезжий вольный наемник, которого надобно было связать словом в пользу известного предприятия: здесь он был важен для князя больше как хранитель местной политической пошлины, как старый и верный отцовский слуга, радевший княжескому дому и его отчине, связанный с ними одинаковыми постоянными интересами. Отсюда большое политическое влияние, с каким является московское боярство при своём князе в событиях XIV и XV в. Князь того времени едва ли мог ещё сказать своим боярам, что говорил потом отец Грозного своим: „мы вам государи прирожденные, а вы наши извечные бояре“. Но московский князь XIV в. говорил им: „вы звались у меня не боярами, а князьями земли моей“. Современник біограф, вложивший эти слова в уста умиравшего великого князя Димитрия Донского, заставляет его сказать своим детям: „бояр своих любите, без воли их ничего не делайте“; а дядя Донского великий князь Семён в своей духовной даёт завет братьям: „слушали бы есте отца нашего владыки Олексея, такоже старых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам“. Согласно с заветом отца сын Донского давал своим боярам такое широкое и деятельное участие в управлении, что московская политика при великом князе Василии Димитриевиче представлялась обществу прямо делом его бояр.

Так, когда московская боярская дума начала выступать из тесной сферы дворцового хозяйственного управления, и московский боярин из дворцового приказчика князя стал превращаться в государственного советника, приближавшегося по своему значению к тому, что потом разумели при московском дворе под этим словом. Вместе с тем стал изменяться и характер всего управления, а за ним и характер самой правительственной среды. Удельный князь правил соб-

ственно посредством *лиц*, случайных, слабо связанных и с ним, и между собою; московский князь ещё прежде, чем стал во главе объединённой северовосточной Руси, правил уже посредством довольно плотного *класса*.

Это был факт новый, может быть, первый, которым обозначился выход верхневолжской Руси из состояния удельного дробления. Потому он раньше и заметнее чем где-либо обнаружился в княжестве, которое положило конец этому состоянию. Он сообщил московской думе характер, отличавший её от боярского совета как в старой киевской Руси, так и в северных удельных княжествах. Бояре были вольные слуги, служившие тому или другому князю по вольному уговору. Князь должен был обдумывать дела сообща с ними, чтобы заручиться их содействием в задуманном предприятии. Так было в удельное время; так же было и в старой киевской Руси в период очередного княжеского владения. Но при сходстве политических побуждений, вызывавших такие советы в то и другое время, была разница в характере их деятельности и в отношении советников к обществу. Подвижные князья прежнего времени со своими дружинами были связующим элементом для общества среди городовых волостей, на которые распадалась киевская Русь: не привязываясь прочно к почве, князья скользили по поверхности этих земских миров, противодействуя их местному обособлению, вытягивая из них своих слуг и сотрудников. Теперь в верхневолжской Руси, напротив, князья со своими дворами были силой, разъединявшей общество: они крепко ухватились каждый за свою вотчину, и мимо них шло народное движение, увлекавшее все классы, которые не хотели знать политических перегородок, какие ставил удельный порядок княжеского владения. Вся внутренняя политика князей теперь состояла в том, чтобы остановить это народное движение, задержать текучие силы в своём княжестве административными и хозяйственными плотинами, усадить на месте. Служилые люди были также захвачены этим потоком, и правительственное искусство князя состояло теперь в том, чтобы поймать

и удержать при себе служилого человека, как прежде оно состояло в уменьи вырвать его из местного общества и увлечь за собой. Лучшим средством удержать при себе вольных слуг было для князя развитие служилого боярского землевладения: через него не только сам слуга привязывался к княжеству, но и становился орудием привязи для низшего населения. Потому князь щедро наделял своего боярина поземельными льготами с тем, чтоб он привлекал на свою землю и удерживал на ней вольных поселенцев. Этим общим экономическим интересом обеих сторон сменился прежний политический. Совет с боярином оставался и теперь необходим для князя; но он надобился теперь чаще по другим делам. Борьба за столы, за старшинство или очередь сменилась борьбою за земли, за рабочие тяглые руки. Поэтому не было случайностью и свойство исторических памятников удельного времени, по которым мы узнаём деятельность боярской думы не с той стороны, с какой изображает её древняя летопись. Думу XI—XII вв. мы встречаем преимущественно в летописном рассказе о важных, торжественных минутах, когда для князя решался вопрос власти, чести, даже иногда жизни, а деятельность удельной думы открывается преимущественно из мелких ежедневных случаев управления, по актам поземельным, жалованным, купчим, межевым и т. п.

Повидимому, в удельное время положение боярина, как и его значение, осталось прежнее. Прежде он вместе с князем бродил по земле среди населения, разбивавшегося на замкнутые политически областные миры; теперь он бродил вместе с населением среди князей, стремившихся замкнуться в удельные гнёзда. Прежде значение боярина выражалось в словах к князю: „ты это без нас задумал, так не *идём* с тобой“. Теперь бояре могли сказать князю: „ты без нас думаешь, так не хотим *сидеть* с тобой в твоём уделе“. Но характер политической деятельности думы значительно изменился. Прежде она устрояла преимущественно внешние дела князя, его отношения к другим князьям, к волостным горо-

дам, к внешним врагам или союзникам. Тепер она преимущественно устрояла домашние хозяйственные дела князя, управление вотчиной, отношение к обывателям. Среди этой перехожей деятельности при неподвижных князьях выгоды службы потянули боярство к одному из них, и под рукой этого князя оно стало могущественным орудием политического объединения Русской земли. С превращением московского удела в государство Русской земли и удельная работа думы превратилась в земское строение. Но теперь изменилось и положение боярина. Эту перемену он мог обозначить словами: „теперь *уйти* стало некуда, так надобно подумать, как нам *сидеть* со своим государем". Благодаря такой перемене московская боярская дума вынесла из удельного времени две задачи, важные для дальнейшей судьбы представляемого ею класса: она должна была строить объединявшуюся землю вместе с государем и устроить отношения своего класса к этому государю.

ГЛАВА VIII.

В Новгороде и Пскове XIII—XV вв. боярская дума при князе превратилась в исполнительный и распорядительный совет выборных городских старшин при вече.

Изучив устройство и деятельность боярской думы при князе удельных веков, коснёмся мимоходом учреждения, которое соответствовало ей по своему правительственному значению, но развивалось при других обстоятельствах и из других общественных элементов. Это учреждение складывалось и действовало в те же удельные века, но погибло прежде, чем в московской Руси исчезли последние уделы. Мы говорим о боярском совете в вольных городах Новгороде и Пскове. Мы остановимся на этом местном явлении лишь для того, чтобы видеть, какова была дальнейшая политическая судьба древних „старцев градских" там, где они уцелели при установлении нового порядка князьями киевской Руси и

даже пережили этот порядок, сгубивший или принизивший их собратьев в других волостных городах.

И в вольных городах люди местного правительственного класса обозначались одинаковым социальным термином с советниками князей удельного времени, назывались боярами. В основе различных значений, какие имело слово *боярин* на древнерусском языке, оставалась та мысль, что это „княж муж“, служилый человек, ближайший сотрудник и советник князя, пользующийся за то известными преимуществами. Древнейшие памятники нашей письменности, ни оригинальные, ни переводные, не указывают в этом термине другого более раннего или более общего значения: не видно, например, чтобы этим званием отличались все вообще знатные люди независимо от того, приобреталась ли эта знатность службой, правительственною деятельностью, или другим путём. Отсюда возникает вопрос, как образовалось боярство в Новгороде и Пскове, где политическое положение людей этого звания определялось не княжескою службой, где князья были сторонней, пришлой и постоянно менявшеюся силой, приходили туда со своими особыми боярами и не входили с ними органически в жизнь местного общества, заботливо устраняемые от того самим местным боярством. Различные решения этого вопроса строятся на той мысли, что боярство родилось на Руси не с княжескою властью, что и до князей, и долго при них у нас существовали в старинных волостных городах местные бояре, не принадлежавшие к „княжим мужам“, к служилой дружине; этих неслужилых бояр в отличие от княжих принято называть *земскими*. Это, по мнению исследователей, влиятельные и богатые граждане-землевладельцы, члены знаменитых фамилий, составлявших коренное, старшее население городов, высшие представители земщины и т. п. Но кроме Новгорода и Пскова древние памятники нашей истории нигде не знают подобного боярства. Там, где древние летописи говорят о местных боярах, они ни одною чертой не намекают на такой земский их характер: это обыкновенные служилые бояре, плотнее других

усевшиеся в известной волости или княжестве среди общего кочеванья князей и их слуг, но оставшиеся теми же княжими боярами. Напротив, неслужилых влиятельных людей, имевших значение в том или другом местном обществе кроме Новгорода и Пскова, ни летописи, ни другие памятники нашей древней истории не называют ни земскими боярами, ни просто боярами. Самое выражение *земские бояре* не было чуждо языку древней Руси; но оно становится известно довольно поздно и означает явления, вовсе непохожие на то земское боярство, о котором идёт речь. Боярам, которые не были зачислены в опричнину и остались во главе управления земщиной, Московским государством, царь Иван Грозный, по словам летописи, „велел быть в земских". В договорных грамотах Новгорода и Пскова с ливонскими Немцами XV в. земскими боярами называются посылавшиеся для переговоров рыцари, сановники Ордена, в отличие от бургомистров и ратманов, приезжавших уполномоченными от ливонских городов. Но из этого термина, передававшего понятие о немецких Landesherren, нельзя заключать о существовании на Руси класса, специально им обозначавшегося, как из того, что те же рыцари назывались у нас „слугами Божиими" и „Божиими дворянами", нельзя заключать о существовании на Руси класса, носившего такие названия. *Земский боярин*—термин, искусственно составленный, а не взятый из живого общественного словаря, и псковской летописец XV в., хорошо знакомый с неслужилым боярством своего города, однако, плохо понимает это выражение: одного из дерптских послов, названного земским боярином в заключённом ими со Псковом договоре 1474 г., этот летописец зовёт то „бояриным земным", то просто „Иваном земским", без титула боярина. Это потому, что и бояре вольных городов, не принадлежавшие к княжим служилым людям, однако не назывались земскими боярами, а мелкие новгородские и псковские землевладельцы, известные под названием *земцев*, ни в одном памятнике не причисляются к местному боярству. Но если бояре вольных городов, не вхо-

дившие в состав княжеской дружины, не являются с названием земских, то местное боярство других областей Руси, в котором находят признаки земского характера, оказывается обыкновенною княжеской дружиной. Как на образчик такого боярства, подобного новгородскому, обыкновенно указывают на бояр ростовских, поднявших известную шумную борьбу по смерти кн. Андрея Боголюбского против его младших братьев. Но, во-первых, современный местный летописец выводит двигателями этой борьбы не ростовских городских бояр, а „ростовцев и бояр", всюду в своём рассказе строго отличая последних от горожан Ростова и Суздаля и иногда противополагая их этим горожанам, как членов княжеской дружины. Во-вторых, одно случайно уцелевшее известие показывает, что так-называемые земские ростовские бояре не только были обыкновенными княжескими дружинниками, но не все принадлежали к местному земству и по происхождению, не все были из туземцев. Вместе с этими боярами действовал против братьев Андрея и воевода последнего, являющийся во время борьбы на службе у рязанских князей, некто Борис Жидиславич. Нашёлся памятник, из которого узнаём, что этот Борис был внук Славяты, служившего великому князю киевскому Святополку и известного по летописи участием в избиении половцев в Переяславле по поручению Мономаха в 1095 году. Там, в южном Переяславле, жила сестра Бориса, игуменья основанного их дедом монастыря; там, вероятно, служил Мономаху отец их Жидислав Славятинич и оттуда, может быть, пришёл на суздальский север служить сыну или внуку Мономаха и Борис Жидиславич *).

Тот класс общества, который назывался в древней Руси боярами, был везде служилым по происхождению и значе-

---

*) О земских боярах см. например у *Беляева* в лекциях по ист. русск. законод., стр. 51, 167 и др. *Пассек* в соч. „Новгород сам в себе" характеризирует их названием „докняжеских бояр". Акты Зап. Росс. I, №№ 69 и 75. Полн. Собр. Лет. IV, 246 и 248; ср. 201. Точно так же шведско-ливонского ландрата московские кан-

нию, создан был княжескою властью и действовал, как её правительственное орудие. Такое же служилое происхождение имело и боярство вольных городов; только здесь оно складывалось несколько иначе, чем в других областях древней Руси, и со временем утратило служилый характер, перестав быть правительственным орудием князя.

Мысль о земских, докняжеских или некняжеских боярах есть предположение, не поддерживаемое историческими свидетельствами, в котором притом нет никакой научной нужды. При киевских князьях долго сохранялись следы общественного порядка, который задолго до них начал устанавливаться по большим городам Руси. По этим следам можно разглядеть тот класс, который руководил этим порядком. То было вооружённое купечество, составившееся из туземных и пришлых заморских элементов. Из его среды выходила городовая старшина, правившая городовыми волостями, эти тысяцкие, сотские, старосты и другие власти. Остатки этой военно-правительственной городовой старшины являются, как мы видели, ещё влиятельною силой при киевском князе X века под именем „градских старцев". Но эти старцы нигде не называются боярами; напротив, древний летописец, указывая на политическую близость их к боярам, ясно отмечает социальное различие между теми и другими, как между классом земских и классом служилым, между старейшинами „людскими" и княжими мужами. Князья вытеснили из управления эту старшину своими слугами, приняв впрочем некоторую часть её в состав дружины. Остальные люди этого класса являются на городовых вечах под именем „лучших мужей" с политическим влиянием, но без оффициального правительственного значения.

Так было во всех областях Русской земли. Только в Новгородской волости старая городовая старшина уцелела.

целярии XVII в. называли „земским думным". Дворц. Разр. III, 915. О Борисе Жидиславиче см. в „Сказ. о чудесах Владимирской иконы Божией матери XII в., изданном пишущим эти строки для Общества любителей древней письменности.

Разные обстоятельства помогли этому. Во-первых, здесь дольше чем где-либо продолжался процесс, которым образовались старинные городовые волости на Руси, вооружённое распространение и укрепление границ промышленного округа, тянувшего политически и экономически к главному городу. Новгородцы и при князьях в продолжение многих столетий раздвигали пределы своей волости большею частью собственными средствами, без поддержки со стороны князей, своими „молодцами“. Вооружённый торг оставался одним из самых напряжённых нервов новгородской жизни, и далёкие военно-промышленные походы были обычными в ней явлениями. Это поддерживало и питало сложившийся в местном обществе ещё до князей круг влиятельных руководителей этого вооружённого промысла, тогда как в других областях, с переходом военного управления и вооружённой охраны рынков и торговых путей в руки князей с их дружинами, эти руководители оставались без дела и теряли главное средство влияния на местные общества. Сверх того, вытесненный из управления старый правительственный класс в других волостных городах встретил опасных соперников и в экономической жизни, на внутренних рынках, которыми он руководил прежде. В XII в. становятся заметны успехи частного землевладения на Руси. Князья и их слуги преимущественно старались овладеть этой экономической силой, особенно в приднепровских областях. Таким образом село, откуда торговые дома больших городов снабжались для своих заграничных оборотов, ускользало из их рук: новые землевладельцы ослабляли их промышленное влияние на сельский мир. Служилые вотчинники начали плотными гнёздами усаживаться по волостям, служа готовой опорой князьям в их столкновениях с волостными городами, отбивая у высшего городского класса власть и влияние, частью даже внутренние рынки, в то время как половцы всё успешнее отбивали у них рынки заграничные. Новгородская волость не отставала от других в развитии частного землевладения. Но это было, так сказать, землевладение неземледельческое, которое держалось не

столько хлебопашеством, сколько разработкой промысловых угодий. Оно требовало особых хозяйственных приёмов, непривычных южнорусскому служилому человеку, прежде всего требовало непосредственного руководства знатока-промышленника. Потому на него обратились усилия городских капиталистов; но оно не привлекало к себе князей и их слуг в то время, когда Новгород ещё не ставил препятствий приобретению земель в его волости князьями и их служилыми людьми. Так в Новгородской земле не завелось гнезда служилых землевладельцев, которые так стесняли влиятельных горожан в других волостях. Князь и его дружина всегда являлись там пришлым элементом, лишь механически входившим в состав местного общества. Это же было одною из причин, почему ни одна княжеская линия не основалась в Новгородской волости. Но всего важнее было то обстоятельство, что в Новгороде прежняя правительственная старшина не была вытеснена из управления. По разным причинам, исчислять которые здесь не место, князья, правившие Новгородом, не могли или не хотели удовлетворять потребностям местного управления одними собственными административными средствами, замещая все должности своими служилыми людьми. Гораздо раньше, чем высшая новгородская администрация стала выборной, она становилась уже туземной по происхождению своего личного состава: князья часто назначали на иные правительственные места местных обывателей, а не людей из своей дружины. В начале XII века туземный элемент повидимому если уже не преобладал, то был очень значителен в составе новгородского управления. Впоследствии новгородцы в договорах с князьями ставили им условие волостей новгородских „не держати своими мужи, но держати мужи новгородскими“. Это условие было лишь закреплением обычая, который завёлся задолго до этих договоров. Можно даже заметить, что уже при детях и внуках Ярослава I в Новгороде успел обозначиться известный круг лиц или фамилий, из которого выходили новгородские сановники, ещё не будучи или не став окончательно выборными. Сопоставляя уцелев-

ший список новгородских посадников с рассказом древней местной летописи, видим на должности посадника в первой половине XII века ряд туземцев, отцы или деды которых занимали эту должность по назначению князя в XI и в начале XII века. Не будет слишком смелою догадкой мысль, что эта новая правительственная знать была лишь преемницей городовой военной старшины, некогда правившей городом и его областью. Присутствие там этой старшины при первых киевских князьях ощутительно даже по кратким и отрывочным известиям летописи о том, что делалось на северной окраине Русской земли. В X и XI вв. эти князья не раз обращались за помощью к новгородским ополчениям; сотские, старосты и другие военачальники, которые водили эти полки на юг, были, как можно думать, все или в большинстве из местных „нарочитых мужей", „славных воев", о которых говорит летопись, описывая события XI века*).

Этим важным обстоятельством объясняется и происхождение новгородского боярства. Впоследствии занятие должности посадника, тысяцкого или сотского в Новгороде не сообщало лицу значения служилого княжего человека, потому что эта должность была выборной, поручалась лицу согражданами, а не князем. Но в XI и в начале XII в., когда живее чем потом помнилась ещё прежняя социальная близость княжеской дружины к верхнему слою городского населения, назначение влиятельного новгородца князем на правительственную должность, какую в других волостях обыкновенно занимал большой княж муж, сообщало назначенному служилый характер, вводило его в круг княжих мужей, бояр. Два указания, близкие друг к другу по времени, поддерживают такое объяснение дела. В 1118 г. Мономах вызвал к себе в Киев всех нарочитых мужей новгородских. Они являются здесь какими-то представителями своего города. Повидимому это были лица должностные или по крайней

*) Новгор. лет. по академ. списку в Продол. Др. Росс. Вивл. II, 317.

мере пользовавшиеся влиянием на местное управление: великий князь для чего-то приводит их к присяге; на некоторых он рассердился за произведенное ими в Новгороде самоуправство; в числе опальных прямо назван один сотский. Рассказывая об этом случае, местная летопись впервые называет нарочитых мужей Новгорода новгородскими *боярами*. Внук Мономаха Всеволод в данном Новгороду церковном уставе, который по сличении с летописью всего вероятнее можно отнести к 1135 г., упоминает и о сотских в числе своих советников, призванных в думу по этому делу. Князь отличает их от „своих бояр“, но в конце устава называет *своими* мужами: „та вся дела приказах св Софеи и всему Новуграду, *моим* мужем десяти соцким“. На юге повидимому уже раньше привыкли смотреть на новгородскую знать, как на княжих мужей, если древнему киевскому летописцу принадлежит известие начальной летописи 1018 г., где эта знать названа боярами *).

Если бы в Новгороде утвердилась какая-нибудь постоянная линия княжеского рода, то смотря по направлению, какое приняла бы местная политическая жизнь, новгородское боярство, слившись с княжескою дружиной и резче отделившись от местного земства, вышло бы или соперником строптивых горожан, готовым всегда поддерживать против них своего князя, как в большей части других областей Руси, или соперником и горожан, и князя подобно галицкому боярству, сдерживавшему власть последнего и не допускавшему до власти первых. Но политические отношения в Новгороде сложились несколько иначе. Взаимные споры и частые смены князей в Новгороде вызывали столкновения его с князьями, побуждая его действовать против одного, чтобы приобрести или удержать у себя другого. При этих столкновениях во главе города естественно становились люди того влиятельного круга, из которого выходили туземные сановники местной администрации. Этот класс стал привычным

*) Митроп. *Макария*, Ист. Р. Церкви, II 362. Лаврент. 140.

политическим руководителем местного общества ещё прежде, чем должностные члены этого круга начали получать свои полномочия от местного веча, сделались выборными. Новгородцы стали успешно добиваться этой перемены, как только упала тяжёлая рука, их сдерживавшая: вслед за смертью Мономаха в Новгороде появляются выборные посадники, некоторое время впрочем ещё чередовавшиеся с назначенными князем. Любопытно, что первый посадник, о вступлении которого в должность местная летопись выражается так, как она потом обыкновенно говорит о выборных посадниках, был сын новгородца, посадничавшего по назначению князя, принадлежал к местному боярскому кругу *). Перенесение права замещать высшие правительственные должности в Новгороде на вече, к „сонмищу людскому", на котором не раз являлась решительницей политических вопросов „простая чадь", нисколько не уронило политического значения этого боярского круга, людей которого город привык видеть во главе своего управления; напротив, эта перемена ещё более обособила его и сделала необходимым для сограждан. Занятие должности посадника или тысяцкого требовало богатства, влияния, политического навыка и предания, условий, которые соединялись только в этом кругу; зато последний теперь избавился от соперничества княжих бояр на правительственном поприще. С появлением выборной администрации правительственный класс в Новгороде, несмотря на зависимость от демократического веча по выборам, даже как-будто становился более прежнего замкнутым и олигархичным. Народ иногда жестоко расправлялся с неугодным или провинившимся сановником, мог разграбить его дом, распродать его сёла и челядь, самого „казнить ранами близ смерти" и даже сбросить с моста

*) Полн. Собр. Р. Лет. III, 5: „*вдаша* посадницьство Мирославу Гюрятиницю" в 1126 г. Гюрята, тот самый, который рассказывал киевскому летописцу о дальнем севере, посадничал в начале XII в., раньше смерти Мономаха, судя по его месту в списке новгородских посадников.

в Волхов, „яко разбойника“; но он должен был на место низложенного выбирать другого из того же круга: отняв посадничество у знатного и богатого боярина Михалка Степанича, он передавал должность не менее знатному и богатому боярину Мирошке Нездиничу. Произвол капризного и недоверчивого к знати веча не помешал ей даже завести известную очередь старшинства в занятии выборных должностей, подобную той, какую князья XI и XII вв. старались установить между собою в занятии столов, и вече сообразовалось с этой очередью при выборах. Во второй половине XII в. в Новгороде пользовались большим влиянием два боярина, упомянутый выше Михалко и Якун Мирославич, сын того Мирослава, которого можно считать первым выборным новгородским посадником. Оба они неоднократно избираемы были в посадники; Якун даже породнился с князьями и был тестем одного из племянников Андрея Боголюбского. Он был гораздо старше Михалка, был уже избран в посадники в 1137 г., тогда как Михалко в первый раз посадничал в 1180 г. В 1209 г., когда сына Якунова не было в Новгороде, посадничество дали Михалкову сыну Твердиславу; но как скоро в 1211 г. Якунич воротился в город, Михалкович „по своей воле“ уступил ему должность как старшему, и вече уважило это новгородское боярское *отечество*; выбрало посадником старшего *).

Так создавалось политическое положение новгородского боярства. Это боярство переродилось из древней городской знати, правившей городом ещё до князей. Военные дела Новгорода поддерживали местное влияние этой знати при первых князьях; административная служба по назначению князя дала ей звание и значение боярства; боярский авторитет и правительственное влияние помогли ей стать руководительницей местного общества в его столкновениях с князьями и при содействии веча превратить высшую местную администрацию в выборную, а избирательность должностей

*) Полн. Собр. Р. Лет. III, 31.

обеспечила за ней, так сказать, правительственную монополию и теснее прежнего сомкнула её в местный правительственный класс. Экономическое положение боярства определялось в связи с политическим. Этот класс был руководителем промышленной жизни края ещё прежде, чем стал называться боярством; он остался таким руководителем и после, получив это новое значение. В Новгороде были очень крупные землевладельцы *). Но не в землевладении заключалась главная экономическая сила здешнего боярства. Представление о богатейшем купце соединилось с мыслью о боярине в северной новгородской былине, которая поёт о добром молодце, задавшемся „к купцу, купцу богатому, ко боярину“. Но чем более входило это боярство в правительственные дела края, тем меньше могло оно принимать непосредственное участие в купеческих оборотах. Значительная часть его, если не большинство, со временем превратилась в капиталистов, отдававших свои капиталы купцам, по техническому выражению древнерусской торговли, „на торговлю в куны“. Новгородская летопись и легенда согласно отмечают такое значение правительственной знати города в местной торговле. Разграбив в 1209 году дом посадника Дмитра Мирошкинича, народ нашёл у него долговые „доски“, на которых значилось отданного взаймы „без числа“, и новгородская толпа как будто даже относилась к этим доскам с бо̀льшим уважением, чем к остальному имуществу опального посадника: расхитив его сокровища, распродав сёла и рабов, она не уничтожила досок, а передала их князю. Известное сказание о богатом посаднике Щиле, который занимался тем, что давал многим купцам деньги в лихву, свидетельствует о необыкновенной дешевизне новгородских боярских капиталов. Если легенда хотя в некоторой степени отражает действительное состояние новгородского денежного рынка, по ней можно

---

*) *Ланнуа* пишет о Новгороде в начале XV в.: Y a dedans la dicte ville molt grans seigneurs qu'ilz appellent *bayars*; et y a tel *bourgeois* qui tient bien de terre deux cens lieues de long, riches et puissans à merveilles. Voyages et ambassades, p. 20.

видеть, в каком изобилии предлагались эти капиталы местной торговле. Посадник собрал „многое множество“ имения, взимая роста по 1 деньге в год на новгородский рубль, т. е. всего по $^{1}/_{2}\%$, тогда как даже древнерусские церковные поучения, горячо восстававшие против отдачи денег в лихву, считали лёгким и нравственно-простительным ростом 7 резан на гривну кун или 14% *). Такое употребление торгового капитала ставило в зависимость от боярства массу горожан и надёжнее обеспечивало общественное его значение, чем крупные боярские вотчины, населённые обыкновенно челядью и получавшие значение в хозяйстве того края только при помощи того же капитала.

Такое своеобразное положение создало себе новгородское боярство. В других областях Руси боярство или стояло одиноко между князем и городом, или зависело от князя, соперничая с городом. В Новгороде оно действовало то против князя, опираясь на город, то против города, опираясь на князя. Оно и зависело от местного общества, и господствовало над ним: зависело, как правительственный класс, от него получавший полномочия и перед ним ответственный, господствовало, как класс, державший в своих руках главный рычаг хозяйственной жизни края.

Теперь посмотрим, в каких формах выражалась политическая деятельность этого правительственного класса в Новгороде и во Пскове, который долго входил в состав волости первого, как его пригород, и став вольным городом в XIV веке, устроился по образцу своего старшего брата. В местных летописях и актах XIII—XV веков эти формы являются довольно разнообразными. Во-первых, бояре и выбранные из их среды городские сановники или одни са-

*) Известная редакция сказания о Щиле сложилась уже в то время, когда в новгородском рубле считали 14 гривен и 4 деньги или 200 денег, т. е. уже после присоединения вольного города к Москве, в конце XV или в начале XVI в. Памятн. стар. русск. лит., *Пыпина* и *Костомарова*, I, 21. Поучение из Златоуста у *Срезневского* в Сведен. и заметк. о малоизвестн. памятн., ст. LVII.

новники действуют вместе со всеми горожанами, входя в состав городского собрания или даже становясь во главе его. Посадники и „весь Псков“ бьют челом уезжавшему князю не покидать княжения; посадник и с ним много „бояр добрых людей“ едут послами от Пскова звать другого князя на псковской стол; князь псковской, „сдумавши с посадники и с бояры и со псковичи на вече“, посылает гонца к великому князю московскому просить помощи на немцев. В деле церковном посадники являются на вече вместе с представителем церковной власти и духовенством города: в 1442 г. князь псковской, посадник, псковской наместник митрополита и попы всех трёх соборов, „погадавше с псковичи“, поставили новую церковь по случаю мора. Но летописи хорошо отличают участие бояр и городских сановников в вечевых совещаниях от правительственных действий тех же бояр и сановников, при которых не присутствовало вече и на которые оно иногда не давало даже особых полномочий. При от'езде из Пскова московского воеводы, которого великий князь в 1463 г. присылал на помощь городу против немцев, его провожали посадники и „все бояре псковские“. Перед смертью новгородского архиепископа Далмата в 1274 г. посадник с „мужи старейшими“ спрашивали владыку, кого он благословит на своё место, и когда Далмат назвал кандидатов, из которых город должен был выбрать ему преемника, посадник созвал вече и объявил народу волю владыки. В 1375 г. новгородцы с веча послали великокняжеского наместника, посадника, тысяцкого „и иных многих бояр и добрых муж“ просить владыку не оставлять епископии. Когда архиепископ новгородский посещал свою псковскую паству, его в случае доброго согласия между обеими сторонами выезжали встречать, чествовали и дарили от всех концов местный князь, посадники и бояре без особого вечевого приговора о том. Наконец, в иных случаях сановники города действуют одни, без веча и без бояр.

Таковы три формы, в которых проявлялась деятельность высшей администрации вольного города. Легко заметить, что

бояре не были постоянными правительственными сотрудниками местного князя и посадников. Такие же дела, при отправлении которых бояре становились рядом с городскими правителями, иногда делались последними и без них. Бояре присоединялись к высшим должностным лицам, когда обстоятельства сообщали делу особенную важность или когда желали придать ему особенно торжественный характер. Так бывало чаще всего в посольствах или при заключении договоров. Но тогда призывались к делу обыкновенно не все или не безразлично какие-нибудь бояре, а специально на тот случай уполномоченные представители от городских концов. Каждый конец в таких случаях выставлял по одному, по два или по три боярина. Так в 1499 г. Псков послал к великому князю Ивану III трёх посадников и по три боярина от конца по поводу назначения сына Иванова Василия князем Новгорода и Пскова. Такие бояре иногда действовали и одни без посадников, исполняя поручения веча. Так в 1476 г. Псков посылал своих бояр из всех концов жаловаться великому князю на его „злосердого“ наместника кн. Оболенского. Но подобные поручения возлагались не на одних бояр, а иногда вместе с ними или даже без них и на людей других классов. Так в 1386 г., после неудачной поездки владыки к шедшему на Новгород войной Димитрию Донскому, новгородцы послали к нему с поклоном и челобитьем о мире архимандрита, семь священников и по человеку от конца *житьих* людей, класса, стоявшего ниже бояр в общественной иерархии города. Значит, бояре от концов были не особыми и постоянными должностными лицами при посадниках, а только временными депутатами от частей города в экстренных случаях. Поэтому в текущих делах управления или когда обыватели обращались с важным делом к постоянному правительству города, при посадниках и других властях не встречаем бояр. В Пскове князь и посадники распоряжаются закладкой новой городской стены, посылают одного из посадников восстановлять сгоревший город Опочку, посылают в Выборг судью выкупать у шведов пленных

псковичей, собирают ратных людей из пригородов и сельских волостей, готовясь к походу на немцев. Священники, которые не входили в состав существовавших трёх псковских соборов, в 1453 г. обращаются с челобитьем о четвёртом соборе к князю, степенному посаднику и ко всем посадникам псковским, и тогда эти власти идут к навестившему Псков епархиальному новгородскому архиерею с ходатайством о позволении учредить новый собор*).

В устройстве высшего управления Новгорода и Пскова многие подробности остаются ещё не разъяснёнными. Причина этого в том, что администрация вольных городов вовсе не отличалась простотой. Новгородское и псковское общество мозаически сложено было из множества мелких местных миров, которые входили в состав более крупных, а из последних составлялись ещё более крупные союзы. Каждый из них пользовался известною долей самоуправления, имел свою администрацию, своего старосту. Так Новгород независимо от административно-топографического деления на концы, сотни, улицы, слободы и посады, делился ещё на социальные слои, представлявшие подобие сословий, также с признаками особого управления у каждого из них. Из всего этого сплеталась сложная и довольно запутанная сеть властей мелких и крупных, местных и общих, взаимные отношения и значение которых очень трудно разобрать. В этой сложности общественного склада и административного устройства вольного города источник затруднений с которыми сопряжено изучение постоянного правительственного места, стоявшего во главе его управления.

Церковный устав кн. Всеволода Мстиславича описывает это учреждение, каким оно было в Новгороде XII в., в ту эпоху, когда высшая администрация города становилась выборной. Для обсуждения устава князь призвал на совет кроме местного епископа и своих бояр ещё десять новгород-

*) Полн. Собр. Р. Лет. IV, 216, 213, 274, 212, 226, 271, 251, 211, 224, 215; III, 63, 90; V, 241.

ских сотских, бирича и двух старост *). Это, очевидно, та же старинная боярская дума при князе с участием местной городовой старшины, какая собиралась, по рассказу древней летописи, при киевском князе X в. Из этой боярской думы при князе развился боярский совет, впоследствии руководивший делами Новгорода под надзором веча, а по новгородскому образцу устроился такой совет и в Пскове. Но при своём развитии в продолжение удельных веков боярский совет вольных городов, присутствие которого в старшем из них подозревал уже Рейц, потерпел существенные перемены, коснувшиеся его состава и политического положения **).

Непременными членами его и после видим высших городских сановников, степенных посадника и тысяцкого в Новгороде, одного или двух посадников в Пскове, где не было тысяцкого. Сотские также принадлежали к его составу: они всегда причислялись к „добрым людям“ или „лучшим мужам“, к высшему правительственному классу, и по местным летописям не раз являются при князе и посадниках участниками важнейших правительственных дел. Биричи, исполнительно-полицейские чиновники, объявлявшие народу распоряжения правительства и руководившие исполнением некоторых из них, вероятно, и после присутствовали в правительственном совете: по крайней мере эту должность занимали люди высшего круга общества, и один бирич XII в. Незда был родоначальником знатной боярской фамилии Нездиничей, игравшей видную роль в истории Новгорода. В одном немецком донесении (1331 года) рижскому городскому совету о ссоре новгородцев с немецкими купцами упомянуты

*) Не упомянуты в уставе ни посадник, ни тысяцкий, первый вероятно потому, что занимавший эту должность Мирослав во время составления устава (в 1135 году) был на юге по одному политическому делу, а второй, может быть, по какой-нибудь подобной же причине или же потому, что его должность ещё не сделалась выборной и он разумелся в числе княжих бояр, призванных на совет.

**) *Рейца*, Опыт истории росс. законов, в перев. *Морошкина*. § 43, примеч. 2.

„позовники при совете господ“, то-есть биричи *). В русских памятниках мы не знаем прямых указаний на кончанских старост, как членов высшего правительственного совета в Новгороде и Пскове. Но из другого немецкого донесения узнаём, что в начале XV в. иноземный посол, имевший дело до высшего новгородского правительства, обращался к архиепископу, посадникам, тысяцким и пяти старостам от пяти концов **). Этим свидетельством объясняются некоторые косвенные указания новгородских памятников. Сохранившаяся грамота Соловецкого монастыря на владение Соловецкими островами составлена около половины XV века от имени всего Новгорода, который „на веце на Ярославле дворе“ пожаловал обитель теми островами. Но древний биограф основателей монастыря рассказывает, что грамота дана боярами, собравшимися для того по приглашению владыки, то-есть правительственным советом, разумеется, по докладу о том на вече. К акту приложено восемь печатей: то были печати новгородского владыки, посадника, тысяцкого и ещё „пять печатей, с пяти концов града того по печати“. Поэтому, читая рассказ летописца о том, что в 1478 году к присяжной записи новгородцев на подданство Ивану III по воле великого князя приложены были и печати от пяти концов вместе с владычней, можно думать, что прикладывали эти печати не особо для того избранные „бояре изо всех концов“, а кончанские старосты в боярском совете, куда эту запись принёс подьячий великого князя ***). По псковской летописи

---

*) Roperen bi der heren rade. Русско-Лив. Акты, стр. 61. Из действующих лиц, поименованных в этом любопытном донесении, по крайней мере троих можно признать такими *Roperen* или биричами. Они являются к немцам для переговоров как от веча, так и от посадника и называются в донесении ещё посланцами (boden). Один из них носил звание старосты (olderman).

**) To vif olderluden van vif enden. *Bunge*, Urkundenbuch, IV, 531. Это место донесения приведено у *Никитского* в Очерках из жизни В. Новгорода (Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г., № 10, стр. 301).

***) Полн. Собр. Р. Лет. VI, 217 и сл. Соловецкая грамота у архим. *Досифея* в Опис. Солов. монастыря, I, 48, и в Акт. Арх. Эксп. I, № 62.

в составе высшего городского правительства рядом с князем, посадниками, боярами и сотскими иногда являются ещё „судьи". По псковской Судной грамоте известен состав, в каком собирался суд у князя на сенях в XV в.: он состоял из князя, степенных посадников и сотских; таким же является он и в одном уцелевшем судебном деле 1483 г. Значит, псковской суд при князе состоял из членов обычного боярского правительственного совета*). Ни в летописи, ни в Судной грамоте слово *судья* не имело постоянного точного значения. Последняя в одной статье называет судьями всех членов суда, и посадников, и сотских, в другой отделяет судей от князя и посадников, как бы разумея под ними одних сотских, а летопись отличает судей от сотских, следовательно разумеет под ними посадников, рассказывая, что в 1461 г. перемирие с немцами скрепили крестоцелованием „судьи и сотские", хотя в другом месте она же отличает судей от посадника, бояр и сотских, а в третьем называет судьёй одного псковского сотского. Но в Пскове и кроме посадников с сотскими были должностные лица, которые носили или могли носить общее звание судей. В псковской судебне присутствовали два „подверника" или придверника, один от князя, другой от Пскова. По некоторым признакам их значение в местном суде и управлении было важнее, чем можно думать, судя по их званию: подобно посадникам и сотским они при вступлении в должность целовали крест на том, что им „правого не погубити, а виноватого не оправити"; подобно князю и другим судьям они брали свою пошлину со всякого судного дела. Есть известие об одном сотском, „старом придвернике", которого в 1491 г. вместе с боярином послало вече описать одну слободу псковского Печерского мона-

*) Акты Юр. № 2. В Новгороде тяжба сельского Княжостровского общества с одним из его членов, не хотевшим „давать разруб", платить с другими, решена была двумя посадниками с одним сотским. См. снимок с правой грамоты в *Ниве* 1881 г., № 28, стр. 618. Судя по имени одного посадника, акт относится к последним годам новгородской вольности.

стыря. Это неясное указание значит, что подверником от города бывал один из городских сотских, как в Новгороде биричи при совете господ иногда занимали и должность старосты. Наместник новгородского владыки в Пскове кроме своего церковного суда имел ещё место в псковской судебне рядом с князем и другими судьями. Это бывало в случаях *смесного* или общего суда, когда сторонами являлись лица разных подсудностей, княжеской и владычней. Наместник действовал вместе с владычним печатником; оба они с половины XIV в. обыкновенно и даже обязательно назначались владыкой из местных обывателей, принадлежали к местному правительственному кругу, были для него своею братией и наравне с другими сановниками города исполняли поручения местного правительства вовсе не судебного свойства. Так в 1445 г. псковской князь и посадники послали наместника Прокофья выкупать пленных у шведов. Как лица судебного ведомства, все эти должностные люди носили общее звание судей: судьёй и называет летопись упомянутого сейчас владычнего наместника Прокофия. Как людей местного правительственного круга, их призывали на совет высших властей города, когда того требовало дело. Так можно понимать рассказ псковской летописи об одном действии местного правительства 1472 г., в котором рядом с посадником, боярами и сотскими участвовали ещё „судьи“ *).

Но это повидимому не были постоянные члены боярского совета, как и бояре от концов. Появление таких временных советников было одной из тех перемен, какие испытала старая боярская дума при князе в вольных городах. Две из них оказали здесь особенно сильное действие на судьбу и характер этого учреждения. Во-первых, в составе его с

*) Полн. Собр. Р. Лет. IV, 220, 222 и 226, 212 и 215, 243. *Востокова*, Опис. рукоп. Рум. Муз. 87 и сл. Наконец, может быть, и в Пскове были при правительственном совете или при высших сановниках судебные заседатели, не входившие в обычный состав боярского совета, какие являются в новгородских актах накануне падения вольного города. См. приложение к этой странице.

XIII в. появляется элемент, которого прежде не было заметно: это *старые*, т. е. бывшие посадники в Пскове, *старые* посадники и тысяцкие в Новгороде. *Степенные* посадник и тысяцкий, слагая с себя должности, „слезая с степени", удерживали за собой свои должностные звания и сохраняли правительственное значение, оставаясь советниками и товарищами своих преемников, новых степенных посадников и тысяцких, разделяя с ними правительственные труды; местные летописи, как и местные канцелярии, даже не всегда различают тех и других, редко отмечают, кто степенный и кто старый. Трудно угадать побуждения, заставлявшие удерживать правительственный авторитет за бывшими высшими сановниками. В псковской Судной грамоте есть постановление, в силу которого посадник, сложив с себя должность, обязан был покончить сам судебные дела, начатые в его управление: может быть, это заставляло удерживать звание посадника за сложившим эту должность *). Может быть, источник явления скрывается во всём строе управления вольных городов. По новгородским актам XV в. видно, что дипломатические поручения Новгорода иногда исполняли в качестве бояр от концов старые посадники и тысяцкие. Значит, уполномоченными отдельных городских миров являлись люди, которые и без этих местных кончанских полномочий имели место в общем городском управлении, были членами высшего правительственного совета. В этом можно видеть указание на тот путь, которым отставные сановники вошли в состав боярского совета. Посадник, сложив с себя должность, продолжал пользоваться влиянием в своём конце по месту жительства. К нему, как к привычному руководителю, вероятно, чаще всего обращалось общество, когда требовалась депутация от конца. Ещё вероятнее, что его обыкновенно выбирали в старосты конца, и вот почему, может быть, туземные памятники не указывают кончанских старост в числе членов

---

*) Замечание это принадлежит *Костомарову*. Северно-русск. народопр., II, 50.

совета: они сидели там, но обозначались более почётным званием старых посадников и тысяцких. Частое появление в совете в качестве ли кончанских старост, или временных уполномоченных от концов, постепенно превратило обычное явление в постоянный обычай. Как бы то ни было, вступление в совет старых посадников и тысяцких значительно расширило его состав. Судя по списку новгородских посадников, в старое время, когда их назначал ещё князь, они подолгу занимали должность. Но с установлением избирательности высших должностей и с развитием политических партий посадники и тысяцкие сменялись очень часто; французский путешественник Ланнуа, посетивший Новгород в начале XV в., говорит даже, что эта смена происходила ежегодно. Это содействовало накоплению старых сановников в боярском совете. В 1471 г. псковская сила пошла против Новгорода на помощь Ивану III под начальством 14 псковских посадников, а в 1510 году их поехало к великому князю в Новгород 11 человек. Ещё больше было их в Новгороде: по летописному рассказу о приезде великого князя в вольный город в 1476 году можно насчитать более 20 старых посадников и 5 тысяцких сверх степенных *).

С другой стороны, элемент, господствовавший в боярской думе при князе, княжеское боярство, с XIII в. падал постепенно и почти исчез из боярского совета вольных городов. Это падение легко заметить, читая местные летописи. Всюду действуют, всем руководят посадники и другие городские власти с местным князем или без него. Изредка упоминается наместник князя; но княжих бояр совсем не заметно. Иногда как-будто обнаруживалось стремление поддержать равновесие между обеими сторонами: в конце XIII в., чтобы выслушать посольство, приехавшее в Новгород от ганзейских городов, князь назначил со своей стороны наместника и трёх бояр, а с новгородской тысяцкого и столько же местных бояр, и

*) Акт. А. Эксп. I, №№ 57, 58, 90, 91. Полн. Собр. Р. Лет. IV, 240, 273 и 284; VI, 200 и сл.

все эти уполномоченные заявили посольству, что они „очи, уши и уста" своего князя. В XV в. новгородский князь посылал к ливонским немцам послами для заключения договоров по боярину от себя и от Новгорода или своего наместника и одного боярина с двумя посадниками и тремя боярами от Новгорода. Но в дошедшем до нас немецком тексте одного такого договора даже не обозначено имя участвовавшего в его заключении княжеского боярина. Напротив, нелюбье между обоими правительственными элементами иногда выражалось в очень резких формах. В 1384 г. приехали в Новгород за ордынскою данью бояре великого князя московского. Новгородские бояре ездили на княжий двор „тягаться с княжими боярами о обидах", и тяжба эта приняла такой характер, что многие из москвичей поспешили бежать в Москву. На ход управления в Новгороде и Пскове княжеские бояре не оказывали заметного действия и в XV в. едва ли присутствовали в обычных собраниях боярского совета того и другого города. Вместе с княжескими боярами из состава этого совета вышел и другой элемент, представлявший уже не пришлую стороннюю силу, а часть местного общества. В XII в. князь Всеволод по делу о церковном уставе для Новгорода призвал на совет вместе с сотскими и своими боярами старосту образовавшегося тогда здесь купеческого союза. В XV в. существовало уже много купеческих старост в обоих вольных городах. Псковская летопись рассказывает, что из Пскова в 1510 г. поехали к великому князю со своими жалобами „купецкие старосты всех рядов". Эти ряды были, вероятно, похожи на ряды или сотни гостинную и суконную в позднейшей Москве: „*суконники*" были и в Пскове, как видно из местной летописи XV в. Потому в псковских рядских старостах надобно видеть представителей местных купеческих гильдий. Следы торговых гильдейских сотен, подобных московским с их старостами, заметны и в древнем Новгороде: уже в XIII в. там существовало „купецкое сто", не входившее в число тех десяти военно-административных сотен, на которые делился город. По распорядку обществен-

ных слоёв здесь, как и в Пскове, купцы принадлежали к меньшим, *молодшим* людям, стояли ближе к низшему чёрному населению, чем к боярам, отделяясь от последних промежуточным слоем житьих людей. По местным летописям купеческие старосты не являются в составе высшего правительства вольного города рядом с посадскими и сотскими: повидимому в XIV и XV веках они не имели места в боярском совете ни в Новгороде, ни в Пскове. Это предположение поддерживается одним немецким известием. В Новгороде произошло одно из обычных столкновений туземцев с немецкими купцами. Совет одного немецкого города, имевшего торговые дела с Новгородом, в 1412 г. писал по поводу их к тамошнему правительству. Но жившие в том городе новгородские купцы заявили совету, что новгородский владыка, посадник, тысяцкий и бояре скрывают подобные бумаги от своего купечества и народа. Поэтому немцы обратились с новым посланием уже не к боярам, а прямо к купеческим старостам Новгорода, которые, значит, не входили в состав боярского совета*).

Так этот совет сжался сверху и снизу, обособился и от княжеского боярства, и от представителей собственных сограждан, не принадлежавших к местному боярству; по мере удаления от князя он становился более замкнутым и однородным по своему составу. После указанных перемен этот совет состоял в Новгороде из князя, когда он жил там, и его наместника, из владыки архиепископа, степенных посадника и тысяцкого, старых посадников и тысяцких, старост концов и сотских; при совете состояло ещё несколько биричей. Остаётся неясным, принадлежал ли к составу совета дворецкий князя, который при содействии посадников специально заведывал княжескими доходами в Новгородской области, а также был ли вечевой или „вечный" дьяк в Новгороде и секретарём совета, или у последнего была особая

---

*) Полн. Собр. Р. Летоп. IV, 91, 284 и 225. *Никитского*. Очерк внутр. ист. Пскова, 146 и сл. *Bunge* Urkundenbuch, I, 682. Русско-Лив. Акты, 167 и 175; ср. П. С. Лет. IV, 119.

канцелярия. В Пскове не было ни епископа, ни тысяцких, но выбирались обыкновенно два степенных посадника. Трудно решить, был ли здесь наместник новгородского владыки постоянным членом боярского совета, или только приглашался в особых случаях. Таков был правительственный боярский совет в собственном смысле, в постоянном своём составе. Если предположить, что когда-нибудь на заседания приходили все члены совета, то зная, как иногда много бывало старых посадников и тысяцких, в полном собрании новгородского совета около половины XV в. можно было насчитать до 50 присутствующих. В пользу такого численного состава совета повидимому говорит одна подробность, отмеченная современным летописцем в рассказе о падении Новгорода. В 1478 г. новгородцы должны были выдать московским боярам и ту грамоту, по которой они обязались всем городом стоять против великого князя. Грамота была скреплена 58 печатями, а подобные акты обыкновенно скреплялись печатями высших городских сановников, составлявших правительственный совет. Это было полное собрание совета по особо важному делу. Текущие дела велись немногими лицами, обыкновенно степенными посадником и тысяцким с пятиконецкими старостами под председательством владыки *). Иногда этот совет расширялся призывом в него бояр от концов и других сановников, которых псковской летописец обозначает неопределённым названием „судей“. Впрочем, бояре от концов часто были те же старые посадники или тысяцкие. Притом они обыкновенно присоединялись к посадникам для содействия им в исполнении вечевых постановлений или для того, чтобы придать известному действию правительства более торжественный характер: их посылали с посадниками закладывать городские укрепления, построить которые приговорило вече, встречать и провожать владыку, князя или его воеводу; с посадниками или без них, но иногда с представителями житьих людей

*) О численном составе совета см. ещё разбор немецкого донесения 1331 г. в приложении к этой странице.

также по концам, они ездили вести дипломатические переговоры и заключать трактаты, жаловаться великому князю от имени сограждан на его наместника и т. п. Не встречаем в памятниках Новгорода и Пскова постоянного специального термина, которым назывался этот боярский совет; местные летописи и акты обыкновенно обозначали его перечнем сановников, входивших в его состав. Слово *дума* и там значило совет в смысле не правительственного учреждения, а его отдельного акта, постановления или совещания. Но правительственный совет имел тесную связь с местным судом; в Пскове высший городской суд был тот же правительственный совет, только в тесном составе, и псковская судебня у князя на сенях служила местом собраний того и другого учреждения. Точно так же и в Новгороде боярский совет заседал „у владыки в полате" или во „владычне комнате", где судили и посадник с княжеским наместником. Судебная коллегия в Пскове называется в псковской Судной грамоте *господой*. Это название не имело специального технического значения, не принадлежало исключительно этому учреждению: вольные города называли так князей, а отдельные лица сограждан, собравшихся на вече. Можно думать, что так называли и боярский совет; по крайней мере название, какое давали ему Немцы в XIV в. (heren rad или просто heren), является близким переводом этой *господы* *).

*) Назывался ли совет бояр *малым* вечем, на это нет прямых указаний. Новгородцы, грубя Ивану III перед разрывом с ним в 1471 г., „на двор великого князя на Городище с *болшего* веча присылали многих людей, а наместником его да и послу в. князя лаяли и бесчествовали" (Полн. Собр. Р. Лет. VI, 3). Но это пишет не новгородец, а москвич, который мог по-своему называть новгородские учреждения. Притом он мог считать малым вечем не боярский совет, а эти шумные переговоры вечевых уполномоченных, „многих людей", с наместниками и послом великого князя. Когда пал Псков в 1510 г., оттуда увезены были в Москву оба политические колокола, „вечевой", которым созывали вече, и „Корсунский *вечник*, что на сени в него звонили, как вечье было", замечает местная летопись 8 лет спустя после падения Пскова. Это значит по нашему

Перемены в составе боярского совета сопровождались изменением его политического значения и характера его правительственной деятельности. Изменение того и другого было связано с ходом отношений совета к князю и вечу. Новгород и Псков с успехом шли к цели, которой не успели достигнуть другие волостные города древней Руси, к восстановлению того значения, какое имели князья на Руси в давнее время образования первых городовых волостей. Пока московский государь не взял всей своей воли над вольными городами, князь был для них наёмный оберегатель их владений и промышленных оборотов, служивший за „кормлю", „воевода и князь кормлёный, о ком было им стояти и боронитися", как выражается псковской летописец о В. В. Шуйском, последнем таком князе в Новгороде. Пока эти города принимали князя „по своим старинам, кой нам люб", князь среди местного боярства не мог быть тем, чем он был среди своей боярской думы в княжествах удельной Руси: там он превратился в простого председателя собрания городских сановников, не от него получавших свои полномочия и не ему отдававших отчёт в своих действиях. Местные летописи вообще мало занимаются отношениями этих князей к выборным властям своих городов. По рассказу псковского летописца, местный князь, обыкновенно посаженный „из руки" великого князя московского, в своей правительственной деятельности мало выделялся из ряда высших городских санов-

---

мнению, что во время вечевой вольности в Корсунский колокол звонили, чтобы созвать бояр на сени, т. е. на княжий двор, где обыкновенно заседал правительственный совет Пскова. Вел. князь Василий потом прислал два других колокола вместо увезённых „болшой и меншой". Но из того, что совет „на сенях" собирался по звону Корсунского вечника, нельзя заключать, что и этот совет назывался *вечем* и ещё менее можно заключать, что он назывался *малым* вечем: великий князь прислал „меншой" колокол вместо Корсунского; но псковская летопись не называет Корсунского *меньшим* вечником, а только говорит о нём, как о „другом" колоколе, увезённом в Москву. Полн. Собр. Р. Лет. IV, 286, 288, 291 и 292.

ников, составлявших боярский совет: вместе с посадниками и боярами он исполнял поручения веча, ездил по дипломатическим делам, вместе со всеми посадниками ходил по просьбе духовенства бить челом архиепископу об учреждении нового собора. Удобно обходясь в текущих делах управления без князя, боярский совет иногда и при нём действовал против него. Донесение ганзейского посольства конца XIII в. живо рисует отношения князя с его боярами к новгородской господе. В Новгороде отняли что-то у немцев, вероятно, товары, в чём участвовали, кажется, и некоторые новгородские сановники, члены совета, разделившие отнятое с „своими смердами". В княжих хоромах две недели шли шумные совещания новгородских сановников с князем и его боярами по поводу заявленных послами жалоб. Князь хотел быть без греха в этом деле, настаивал на удовлетворении немцев; по его поручению бояре шесть раз просили о том новгородцев, сам князь лично умолял (supplicuisset) их о том же и очень сокрушался об их упрямстве. Послы обращались после того к одному старосте, также к посаднику и тысяцкому, но ни от кого не получили удовлетворительного ответа. Тысяцкий даже высказался прямо, без обиняков, с досадой заметив послам: „что это вам не сиделось дома, да зачем было и князю на этот год приезжать в Новгород?" По поводу этого отказа в ответе на глазах послов произошла горячая сцена между новгородским старостой и одним из бояр князя. Но особенно характерен совет, какой послал князь уже выехавшим из города немцам вместе с продовольствием и подарками. Умыв руки во всём, что сделали новгородцы, князь велел сказать послам по секрету без переводчика: „если вы мужи, отплатите им хорошенько тою же монетою". Весь этот случай был опровержением ответа, данного послами на это любезное приглашение князя, что возмездие за обиду его дело и он вполне может сделать его в силу своей верховной власти *).

*) *Bunge*, Urkund. I, 682—685.

Господа тяготела к вечу, а не к князю. Вече избирало её; к вечу обращалась она за разрешением политических вопросов, ему отдавала отчёт в своих правительственных действиях; вече её судило и наказывало. Русские и немецкие памятники сохранили несколько черт, рисующих обычный порядок её деятельности и её отношения к вечу. Боярский совет созывался князем или посадником, иногда владыкой; ни откуда не видно, чтоб у него было урочное время для заседаний. Житие преп. Зосимы рассказывает, как состоялось заседание новгородского боярского совета по делам Соловецкого монастыря. Пришедши в Новгород, Зосима жаловался владыке и боярам на обиды, какие терпит братия на острову от окрестных обывателей, холопов и крестьян, „насельников" боярских земель. Владыка обещал „оповедать об этом „боляром первым, содержащим град". Несколько времени спустя архиепископ созвал к себе бояр и сказал им о насельниках, „пакости деющих преподобному". Все бояре „со множем обещанием изволиша помогати монастырю его". Следствием этого ходатайства была грамота монастырю на владение Соловецкими островами, скреплённая восемью оловянными печатями владыки, посадника, тысяцкого и пятиконецких старост. В XIV в. одно немецкое посольство обратилось со своими жалобами прежде всего к владыке, который послал его с своим приставом к посаднику, а последний сказал послам, что созовёт „господ" и с ними поговорит о деле. В Пскове, как замечено выше, совет созывался особым для того назначенным колоколом. В Новгороде князь созывал совет на Городище, своём загородном дворе. Без него бояре обыкновенно собирались „у владыки в полате", во дворце архиепископа на Софийской стороне города. В отсутствие князя владыка был первенствующим членом новгородского совета, председательствовал в нём, какие бы дела там ни обсуждались *). Так иноземные посольства

---

*) *G. de Lannoy* (Voyages et ambassades, p. 19) говорит о новгородском владыке в 1412 году: s'y ont ung évesque, *qui est comme leur souverain.*

правились всегда владыке и Новгороду, т.-е. прежде всего правительственному совету с владыкой во главе. Иногда впрочем правительственный совет, по крайней мере в Пскове, совершал свои акты на самом вече, в присутствии собравшегося народа. Псковской летописец рассказывает, что князь, посадники и сотские на вече „перед всем Псковом" скрепляли крестоцелованием договор с находившимися здесь же немецкими уполномоченными. Народное собрание в этих случаях оставалось простым зрителем или свидетелем действий своего правительства. Точно так же псковское духовенство в 1469 г., решив установить у себя церковное самоуправление помимо владыки, на вече перед всем Псковом составило грамоту или устав, ухитрившись как-то основать его на Номоканоне, положило акт в государственный архив, в „ларь" при Троицком соборе, и тут же выбрало в блюстители нового порядка двух священников: вече только смотрело на эти действия и одобряло их. По политическому складу вольного города правительственный совет должен был иметь самые близкие отношения к вечу: по каждому вопросу, которого не могли разрешить правители, они обращались к вечу с докладом. Во время переговоров с Иваном III в 1478 г. новгородский владыка, посадники и другие представители города на каждое новое предложение великого князя давали один ответ: „скажем то, господине, Новугороду". Иностранный посол в Новгороде обращался со своим делом иногда прямо в совет к владыке, посадникам, тысяцким и пятиконецким старостам; собравшись на владычнем дворе и рассмотрев дело, они объявляли, что „поговорят с Великим Новгородом" и сообщат послу его приговор. В начале XV в. немецкие послы в Новгороде с просьбой дать им путь в Псков обратились к степенным посаднику и тысяцкому, те чрез несколько времени дали им ответ, что говорили о деле „с своим отцом владыкой, с господами и с Новгородом". После драки Немцев с новгородцами в 1331 г. первые принесли тысяцкому свой проект мировой записи; тысяцкий доложил его посадникам и господам (den borchgreuen und den heren). Точно опреде-

лённого порядка ведения дел, очевидно, не существовало; но хорошо различались три правительственные инстанции: *степенные* посадник и тысяцкий, которые вели текущие дела, *совет господ* с владыкой во главе, предварительно обсуждавший дела по докладу этих исполнительных сановников, и наконец *вече*, которое обыкновенно созывали те же сановники для окончательного приговора. Иногда совет и вече как-будто собирались одновременно по одному и тому же делу, но в разных местах. В 1495 г. Псков, собирая ратных людей для похода на Шведов по зову великого князя, положил сбор и на церковные земли. Духовенство восстало, ссылаясь на правила св. отцов, на Номоканон. Степенные посадники были с вечем против освобождения церковных земель от ратной повинности; но в совете, заседавшем у князя на сенях, повидимому были сторонники духовенства *). Посадники много раз ходили с веча на сени и с сеней на вече, „лазили многажды на сени и в вечье", хотели попов кнутом избесчествовать и двоих постановили на вече в одних рубашках, иссоромотили всех попов и дьяконов. Однако при поддержке в совете духовенство отстояло свою привилегию.

Боярский совет был страдательным орудием веча, исполнителем его постановлений: таким может он показаться по оффициальным формам своей деятельности, по заведённому порядку своих отношений к вечу. Но по самому своему устройству вече не могло постоянно и последовательно руководить управлением, не было способно к правильной, последовательной законодательной работе. На деле совет был часто руководителем веча, направлял его решения. Вопросы текущего законодательства предварительно обсуждались в совете. Он вёл дипломатическую переписку, и купцы в начале XV века жаловались, что совет не всё доводит до сведения народа; следовательно совет же решал, доложить ли обсуждаемое

*) Говорим это в том предположении, что местная летопись разумеет здесь сени на дворе князя, а не при Троицком соборе, где в ларе вместе с государственными актами мог храниться и список Номоканона, понадобившийся теперь властям для справок.

дело вечу, или покончить без него. Когда Иван III в 1478 году предъявил владыке и другим властям Новгорода запись, на которой все новгородцы должны были целовать ему крест, власти просили явить её всему Новгороду. Иван послал запись с подьячим, велел явить её Новгороду у владыки в палате, где заседала новгородская господа. Дьяк владыки списал запись, владыка подписал её и приложил к ней свою печать; приложили также печати пяти концов: о вече всего Новгорода повествователь и не упоминает. В исключительных случаях боярский совет облекался чрезвычайной властью, как высшее правительственное учреждение. В 1230 г. был голод в Новгородской земле; многие из простонародья ели конину, псину, кошек, мертвечину, даже резали живых людей и съедали. Виновных разыскивали и казнили, одних сожигали, другим рубили головы, третьих вешали. Из одной летописи узнаём, какая власть производила эти розыски и казни: то были *бояре*. Есть намёк и на участие боярского совета в законодательстве. По псковской Судной грамоте *господа*, т. е. князь с посадниками и сотскими, судит, но не законодательствует: посадники только докладывают Пскову на вече о новых законах, новых „строках". Но в одной статье грамоты читаем, что если случится бой без грабежа и этот бой видели многие люди, „а ставши перед *нами* человеки четыре или пять", подтвердят это, битому выдать того, кто бил его. Значит, одна и та же господа правила городом, в тесном составе своём судила и сверх того составляла проекты законов, даже не скрывая этого в их тексте *).

Распорядительное, руководящее значение совета должно было ещё с большею силою сказываться в его отношениях к властям отдельных частей города. Эти отношения наиболее тёмная сторона административного устройства обоих городов. Есть два акта XV в., бросающие на неё некоторый свет, но сохранившиеся подобно многим другим в неисправ-

*) П. С. Р. Лет. IV, 225 и 226, 232, 269. 292; VI, 216 и 218. *Bunge*, Urkund. IV, 531 и 755; III, 298. Полн. Собр. Р. Лет. III, 47 Арханг. лет. 56.

ных списках. Преп. Савва обратился в Новгород с просьбой о земле, на которой он в начале XV в. основал монастырь недалеко от города (на р. Вишере). Посадники и тысяцкие, степенные и старые, пожаловали старцу эту землю, лежавшую в округе Славенского конца. По смерти Саввы понадобилось определить границы этой земли и уладить спор монастыря с двумя соседними землевладельцами. То и другое сделано управлением конца в двух уцелевших грамотах: первая дана посадниками „великого конца Славенского", боярами, житьими людьми и всем „господином" великим концом Славенским, а вторая одними посадниками конца, которых поименовано восемь. Эти кончанские посадники были обыкновенные старые посадники Новгорода, составлявшие по месту жительства управление конца; между ними, вероятно, скрыт под общим званием посадника и староста конца *). Вторая грамота имеет характер исполнительного листа по отношению к первой, „данной": на основании её отводилась монастырю земля, утверждённая за ним приговором конца. Перечисленные в ней старые посадники с старостой конца составляли коллегию, которая вела текущие дела конца под надзором кончанского схода. Значит, каждый новгородский конец был тот же Новгород в малом виде, имел свою исполнительную управу и своё распорядительное вече, где присутствовали те же общественные элементы, какие являлись в высших учреждениях. Через эти кончанские веча и управы действовал боярский совет, возлагая на них практическую разработку и исполнение своих и вечевых постановлений. Далеко не все наличные бояре входили в состав боярского совета: но остававшиеся вне его не оставались вне управления, заняты были в разнообразных местных мирах, не теряя связи с высшим правительством. Бояре от концов призывались содействовать членам совета; в свою очередь члены совета, старые посадники, действовали в кон

---

*) Ист. Росс. Иер. III, 559. Некоторые из этих 8 посадников известны и по летописям.

цах, сотнях и т. д. Руководящий голос на вече, разумеется, принадлежал тем же местным и общим властям. Весь этот должностной персонал от старосты улицы до степенного посадника, захватывая не только боярство, но и часть примыкавшего к нему слоя житьих людей, иногла выступал против самого веча сомкнутым правительственным классом под руководством посадников. Так было в Пскове в 1484—1486 гг. Посадники с князем-наместником московским, не спросясь у веча, составили и положили в ларь важный акт, определявший повинности смердов, государственных крестьян, с ущербом для Пскова. Вече разделилось: „чёрные молодые люди“ восстали и начали расправу с виновными; но посадники, бояре и житьи люди стали заодно против чёрных и поддержанные великим князем восторжествовали. Отказывая своим властям в доверии, чернь однако должна была выбирать послами в Москву тех же посадников и бояр*). И в Новгороде правительственный класс выделялся на вече из остальной массы, как её руководитель: в ссоре с Немцами в 1331 году он является посредником между враждующими сторонами, ведёт переговоры с иноземцами чрез своих посланцов, сдерживает вечевую толпу и улаживает столкновение новымъ трактатом. Так боярство покрывало общество сетью учреждений, в которой переплетались местные правительственные дела и власти с общими и концы которой сосредоточивались в боярском совете, завязывавшем их в один общий узел. Послушное повидимому орудие веча, совет был деятельным рычагом, часто двигавшим самое вече.

В этом двойственном характере учреждения отражалась двойственность положения класса, в нём и чрез него действовавшего: завися от массы по политическому устройству вольного города, этот класс господствовал над ней в экономической жизни.

---

*) Полн. Собр. Лет. IV, 236; V, 43.

ГЛАВА IX.

Из рассеянных по уделам князей и их слуг с XV в., вследствие московского собирания Руси, складывается в Москве правительственная аристократия.

В то время как вотчина московских Даниловичей, расширяясь во все стороны, превращалась в государство Московское и всея Руси, в составе и положении господствующего класса московского общества происходила очень важная перемена. В половине XV в. двор московского великого князя был уже наиболее боярским из всех великокняжеских дворов на Руси того времени. Но вопрос о политических отношениях к князю, о власти независимо от службы ещё не возбуждался. Московские бояре усердно поддерживали своего князя в его стремлениях; князь делился с ними плодами своих успехов, награждая их за усердную службу почётом, влиянием, доходами, льготами: отдельные личные столкновения разрешались попрежнему разрывом отношений, боярским отъездом. Самые поземельные льготы имели ещё характер личного пожалования, не успев обобщиться и стать сословными привилегиями. Обстоятельства, которыми сопровождались дальнейшие политические успехи Москвы, вызвали и этот политический вопрос.

С половины XV в. изменился прежде всего генеалогический состав московского боярства. Если в боярской родословной книге, составленной в конце XVI в., можно видеть полное собрание генеалогических деревьев, процветавших тогда в Москве, то по ней нетрудно заметить, что старинное московское боярство, с которым внук Калиты „мужествовал на многие страны“, с XV в. было если не подавлено, по крайней мере закрыто массой пришельцев. В этой родословной книге перечислено около 200 *родословных*, т. е. родовитых фамилий, успевших достаточно обособиться и упрочить своё положение в высшем слое служилого общества. Из них едва ли наберётся более 40 таких, о которых с большей или меньшей уверенностью можно было бы сказать,

что они в начале XV в. уже действовали в Москве; притом многие и из этих фамилий тогда были ещё недавними отсадками от старых генеалогических стволов. Такой наплыв пришельцев сам по себе не был новостью для московской служилой знати: посредством таких же мелких приливов складывалось московское боярство и в XIV в. Но с половины XV в. этот боярский прилив стал сопровождаться явлениями, которых не было заметно прежде.

Двор московского князя уже в XIV в. был наполнен плотнее других княжеских дворов. Выгоды московской службы привлекали к ней сравнительно большее количество слуг; но это не мешало соседям по имению, даже членам одной фамилии служить при разных дворах. Так устанавливалось служебное, т. е. политическое отчуждение между людьми, связанными экономически или происхождением. К концу XVI в. все наличные служилые силы, рассеянные дотоле по отдельным княжествам, стали рядом в распоряжении одной власти, под действием одного государственного порядка; даже люди, разъединённые между собой экономическими отношениями и фамильными счётами, теперь по крайней мере политически пришли во взаимное соприкосновение, если и не сплотились тотчас в цельный и единодушный класс. В некоторых сферах государственной жизни того времени довольно ясно отражался процесс этого политического сближения. В первое время по присоединении удельных княжеств к Москве дворы их ещё не сливались с московским, оставаясь особыми местными группами, военными и административными. По разрядным книгам, т. е. походным росписям тогдашнего главного штаба в Москве, видно, что при великом князе Иване III, много лет спустя по присоединении к Москве Воротынска, Белёва и Одоева, военные силы этих уделов ещё не вводились в общий распорядок московских полков большого, передового и других. Владельцы этих уделов, теперь служилые московские князья, составляли со своими дворами особые полки, и московский Разряд предоставлял им в походе становиться подле того или другого московского

полка, справа или слева, „где похотят". Впрочем уже в последние годы княжения Ивана III они не присоединяются к московским корпусам со своими удельными вспомогательными отрядами, а сами становятся во главе того или другого московского полка, но только когда другими частями той же армии командуют служилые князья, которые сравнительно со старым боярством Москвы ещё недавно, как и они сами, признали себя слугами московского государя. В княжение Иванова сына исчезает и этот остаток прежней удельной особенности служилых князей. Тот же самый кн. Василий Семёнович Шпих-Одоевский или кн. Иван Михайлович Воротынский, которые или отцы которых командовали своими удельными полками в московских походах, теперь водили московские полки по росписи не только вместе с кн. Данилом Васильевичем Щенятем, литовские предки которого уже с начала XV в. служили Москве, но и с такими представителями старинного нетитулованного московского боярства, как Яков Захарьевич Кошкин, Андрей Васильевич Сабуров или Иван Андреевич Колычов. Это значит, что пришельцы нашли себе наконец определённое и постоянное место в рядах московской знати. Такой же процесс совершался на всех ступенях тогдашней служилой иерархии от верхнего слоя бывших удельных князей и до низшей ступени уездных детей боярских; только сохранившиеся памятники не позволяют нам наблюдать его внизу также легко, как он заметен наверху. Князь В. В. Ромодановский, потомок утративших удельную самостоятельность князей Стародубских, служил *боярином* у удельного верейского князя Михаила Андреевича. Много лет спустя по смерти своего государя, именно в 1501 г., этот титулованный удельный боярин является в списке думных людей Московского государства; но он стоит здесь чином пониже, т. е. в звании *окольничего,* в котором и умер, не дослужившись до боярства. Можно отметить ещё случай, показывающий, как шло слияние дворов других княжеств с московским. Ив. Никит. Жито-Бороздин, член знатного боярского рода Твери, перешедший

на московскую службу лет за 9 до падения Тверского княжества, является потом боярином и в московском списке. Сын его Пётр Иванович Житов едва ли успел получить боярство ещё в Твери, до эмиграции отца в Москву. В московской разрядной росписи 1509 года, спустя 33 года после этого переселения и 24 года после падения Твери, Пётр Иванович Житов прописан *тверским боярином*; между тем в Москве он служил и умер в звании *окольничего*. Значит, тверской эмигрант служил по двум спискам, боярином по тверскому, окольничим по московскому. С половины XVI в. такое чиновное двоение исчезает. Таким образом удельные ручьи, вливавшиеся в московский служилый водоём, некоторое время текли ещё отдельными струями, которые заметно отличались от воспринимавшей их массы, пока не исчезали в общем водовороте *).

И до XV в. московское боярство отличалось сбродным составом, слагалось из единиц различного происхождения, прибывавших в Москву при различных обстоятельствах. Политические бури, которые неслись тогда на Русскую землю с востока, юга и запада,—да простят нам это новое риторическое сравнение, наглядно изображающее исторический факт,—эти бури, сокрушая общественные вершины по окраинам, чаще всего заносили сорванные ветки в центральное междуречье Оки и верхней Волги, на берега реки Москвы. Не раз сюда попадал пришлец из какой-нибудь далёкой нерусской страны, из Прусской земли, из „Волошского" или „Теврижского" государства, даже из Орды. Таким образом уже ко времени Василия Тёмного среди суздальского крестьянского чернолесья в Москве поднялось десятка два-три красных генеалогических деревьев. Во время беспорядков в Литве в 1378 г. князь трубчевский Димитрий

*) См. боярский список в Древн. Росс. Вивл., т. XX. И. В. Ощера, служивший до 1472 г. боярином у удельного дмитровского князя Юрия, в Москве более 10 лет числился окольничим и умер, не дослужившись до полного боярства. Собр. гос. гр. и дог. I, № 96.

Ольгердович приехал в Москву, как говорит летопись, „в. ряд к великому князю Димитрию Ивановичу и урядися у него в ряд и крепость взя“. Великий князь дал ему крепость и ряд, принял с честию великою и со многою любовию столь знатного слугу и пожаловал ему город Переяславль со всеми пошлинами*). Подобным образом определялось в Москве положение и других менее знатных пришельцев: они также рядились с великим князем и брали крепости, образчики которых можно видеть в некоторых сохранившихся жалованных грамотах, которые давали московские князья приезжим слугам своим „на приезд“ в XIV и XV в. По этим грамотам можно видеть, что каждый гость принимался в Москве охотно по личному уговору с князем, получал место по личным качествам, как они тогда ценились в Москве, держался на этом месте, падал или поднимался по личным заслугам или личной удаче, вообще вступал в личные отношения к принявшему его хозяину. Приехавшая служилая единица со временем становилась единицей фамильной, родословной; но к последней переходила по наследству та случайность отношения, которая господствовала в положении её родоначальника среди московского служилого люда. В XV и XVI в. новые слуги приливали в Москву целыми массами, а не единицами. Под рукой московского князя собиралось всё наличное количество служилых людей, рассеянное дотоле по разным княжествам, с прибавкой людей, которые прежде не служили, а сами имели вольных слуг. Московский государь не уговаривался с каждым лицом, которое Разрядный приказ заносил в московские списки; на место личного *ряда* в определении положения нового слуги должно было явиться *уложение*, общая норма. Образчики таких уложений находим в тех определениях княжеских договорных и духовных грамот того времени, которые касаются служилых князей и вольных слуг.

Одна важная перемена успела к половине XVI в. обо-

---

*) Никон. IV, 84.

значиться в том положении, какое создано было для московского боярства событиями последних ста лет. Это был иерархический порядок, в который стали складываться служебные отношения людей этого класса. Прилив новых слуг в Москву целыми массами с половины XV в. возбудил в служилой среде множество казуистических вопросов, без которых обходилось московское боярство прежде при своём более простом составе. Все эти вопросы касались того, как разместиться на московской иерархической лестнице, в государственном управлении и за великокняжеским столом, как разместиться здесь людям, столь непохожим друг на друга по характеру, происхождению и по прежнему общественному положению, которые до той поры не имели между собой ничего общего и теперь встретились в передней палате московского дворца. По местническим столкновениям московских бояр с конца XV в. можно следить за тем, как устанавливалась эта новая боярская иерархия в Москве. Кажется, прежде всего восторжествовало общее правило, что бывший удельный князь становится и садится выше нетитулованного боярина, хотя бы первый был вчерашним слугой Москвы, а последний мог указать в своей родословной несколько поколений знатных предков, ей служивших. Известен местнический случай, в котором сам Иван III выразил мысль о служебном преимуществе служилого князя перед простым, хотя бы и родовитым московским боярином. Юр. Зах. Кошкин в литовском походе на Ведрошу не хотел командовать сторожевым полком под воеводой большого полка кн. Дан. В. Щенятем. Великий князь, объяснив ему неприличие его жалобы с политической точки зрения, напомнил ему один служебный случай из первых лет своего княжения: боярин Ф. Дав. Хромой, одного корня с старинными московскими фамилиями Бутурлиных и Челядниных, командовал сторожевым полком, когда главным воеводой был последний великий князь ярославский, только в 1463 г. с своими удельными родичами бивший челом на московскую службу. Великий князь хотел сказать Захарьичу этим слу-

жебным напоминанием, что прежде боярин из фамилии родовитой не менее Кошкиных не обижался, отступая на низшее место перед князем ярославским, гораздо менее давним московским слугой, чем потомок Гедимина кн. Щеня-Патрикеев. Так генеалогической знатности стали жертвовать давностью службы. Этим объясняется явление, резко бросающееся в глаза при чтении московских разрядных книг с конца XV века: везде на первых местах государственного управления стоят почти одни служилые князья, и только какой-нибудь Воронцов из старой первостепенной боярской фамилии Москвы Вельяминовых да столь же знатные Кошкины ещё держатся кое-как на поверхности служилого потока. Выражавшийся в этом служебном явлении взгляд сделался местническим преданием, которое крепко держалось в московских служилых умах и тогда, когда уже с успехом стала пробиваться совсем иная оценка сравнительного достоинства служилого человека. Вельяминовы-Зерновы, не Воронцовы, начали служить в Москве гораздо раньше князей Вяземских. В XVII в. один из этих князей, доказывая своё служебное превосходство перед Вельяминовым, говорил на местническом суде: „да и по степени мы выше Вельяминовых, потому что пошли от старшего Мономахова сына, а Вельяминовы из Орды пришли, а не от великих и не от удельных князей: так мы больше Вельяминовых". Правило, которым определялось общее отношение по службе между служилым княжьем и простым боярством, легло в основание распорядка служебных отношений и между самими князьями. Здесь было признано, что последние расстанавливаются в рядах московской служебной иерархии по качеству столов, на которых сидели их владетельные предки: потомок княжеской ветви, занимавшей старший из столов известной линии, ростовской, ярославской или тверской, по этому самому становился выше своих родичей, предки которых пришли в Москву с младших удельных столов тех же линий. По разрядным росписям с конца XV в. можно заметить, что всякий раз, когда кн. Дан. А. Пенку (правильнее Пеньку) или его

сыновьям приходилось идти в поход воеводами вместе с их ярославскими родичами, князьями Сицкими, Ушатыми, Курбскими, Дуловыми, Прозоровскими, они становились выше последних иногда на много иерархических степеней. Фамилия князей Пенковых пошла от упомянутого выше последнего великого князя ярославского Александра Фёдоровича, и об ней родословная книга замечает: „и потому княж Данилов род Пенков в своём роду (в ярославской княжеской линии) большой, что до отца его были они на Ярославле на большом княжении“. Князья Сицкие, Прозоровские, Ушатые, Дуловы напротив шли от родоначальника, сидевшего на одном из ярославских уделов, на Мологе *). Последовательное применение того же правила приводило и к одному исключению из него. Когда служилый класс в Москве начал расставливаться по общему *уложению*, а не по личному уговору нового слуги с великим князем, тогда на служебную карьеру фамилии стало оказывать решительное действие то общественное положение, какое занимала она или её родоначальник в минуту перехода на московскую службу. С этим в связи стоит и то известное в московском местничестве явление, что в Москве считались отношениями предков, имевшими место ещё до перехода последних на московскую службу в исчезнувших уже княжествах. Удельный князь, делаясь слугой Москвы, потому и становился выше старин-

*) Замечательно, что это служебное преимущество Пенковых вовсе не было основано на их родовом старшинстве среди линии ярославских князей. В этом отношении князья Курбские, пришедшие из другого ярославского удела, были выше Пенковых, потому что шли по прямой линии от князя, который был старшим братом родоначальника князей Пенковых. Но этот старший брат не сидел на великом княжении в Ярославле, а младший, отец кн. Александра Фёдоровича, сидел. Отсюда произошло любопытное явление в московском местничестве, само по себе противоречившее первоначальному основанию местничества, различие между старшинством родовым и служебным, так что члены некоторых фамилий имели двоякое местническое *отечество*, по „родословцу“ и по „разрядам“.

вого московского боярина, что последний служил, когда первый сам был государем, имевшим таких же своих слуг. Но к началу XVI в., когда исчезали последние самостоятельные княжества, в списках московского штаба накопилось много таких удельных князей, которые перешли в переднюю московского дворца не прямо с удельных столов: раньше этого они успели уже сделаться слугами других таких же удельных князей, какими были прежде сами. Строгое применение указанного выше правила к такому случаю уничтожало иерархические преимущества, вытекавшие из княжеского происхождения: нетитулованный боярин, служивший московскому *великому* князю, становился выше князя, служившего до перехода в Москву князю *удельному*, как становился он выше и простого удельного боярина. Нащокины старинная боярская фамилия, усевшаяся в Москве ещё до половины XIV в. Она потом захудала, и только в XVII в. знаменитый Аф. Лавр. Ордин-Нащокин напомнил, что некогда его предки служили боярами у потомков Калиты. В 1572 г. член этой фамилии, думный дворянин Ром. Вас. Олферьев-Безнин был назначен товарищем казначея кн. В. В. Литвинова-Масальского, потомка черниговских-карачевских князей. Олферьев жаловался на унижение и представил судившим его боярам родословную роспись своей фамилии вместе с росписью князей Масальских. В числе доказательств служебного превосходства своего рода перед этими князьями, даже главным доказательством Олферьев приводил в своей челобитной царю такое соображение: „мы, холопи твои, искони вечные ваши государские, ни у кого не служивали окромя вас, своих государей, а Масальские князи служили Воротынским князем, кн. Ив. Масальский-Колода служил кн. И. Воротынскому, были ему приказаны собаки“, т.-е. он был у него ловчим или, выражаясь языком удельного времени, путным боярином ловчего пути. Кн. Масальский признал силу этого доказательства, заявив на суде, что Роман человек великий, а он человек молодой и счёту с Романом не держит никоторого.

*

Так вскрывается целый слой общественных понятий, принесённых в Москву вместе с родовитыми именами, которые с половины XV в. в таком множестве нахлынули в служилые списки московского Разряда. Эти понятия заметно подействовали на правительственный порядок, какой с того времени устанавливался в Москве. Они главным образом создали не самое местничество, следы которого становятся заметны гораздо прежде, а ту особую эпоху в его истории, какой было столетие с княжения Ивана III до перемен, внесённых в местничество московской боярской думой при его внуке, потому что надобно строго отличать старинные общие основания местничества от своеобразного строя местнических отношений, сложившегося в служилом обществе Московского государства. Благодаря тем же понятиям разнообразные элементы, из которых составилось служилое московское общество, распределились на несколько иерархических разрядов, которые довольно явственно обозначились в XVI в. Первый разряд, который тонким слоем лёг на поверхности московского боярства, составили высшие служилые князья, предки которых приехали в Москву из Литвы или с великокняжеских русских столов: таковы были потомки литовского князя Юрия Патрикеевича, также князья Мстиславские, Бельские, Пенковы, старшие Ростовские, Шуйские и другие; из простого московского боярства одни Кошкины с некоторым успехом держались среди этой высшей знати. Затем следуют князья, предки которых до подчинения Москве владели значительными уделами в бывших княжествах Тверском, Ярославском и других, князья Микулинские, Воротынские, Курбские, старшие Оболенские; к ним присоединилось и всё первостепенное нетитулованное боярство Москвы, Воронцовы, Давыдовы, Челяднины и другие. В состав третьего разряда вместе со второстепенным московским боярством, с Колычовыми, Сабуровыми, Салтыковыми, вошли потомки мелких князей удельных или оставшихся без уделов ещё прежде, чем их бывшие отчины были присоединены к Москве, князя Ушатые, Палецкие, Мезецкие, Сицкие, Прозоров-

ские и многие другие. Этот иерархический распорядок был основан на происхождении, мало поддавался действию личных заслуг, как и действию произвола московских государей, и делал большие успехи в стремлении стать наследственным. На этом распорядке держалось и местническое боярское *отечество*, т.-е. созданное предками и переходившее по наследству к потомкам служебное отношение лица и фамилии к другим служилым лицам и фамилиям. Иерархию должностных лиц, выстраивавшуюся на таком основании, нельзя назвать иначе, как правительственной аристократией, как бы строго, т.-е. узко ни понимали мы это слово. У нас не любят называть им старое московское боярство, и в приложении к последнему оно звучит парадоксом. Но те, кому не жаль тратить слова, доказывая невозможность аристократии при такой неограниченной власти, какую имели московские самодержцы XVI и XVII в., забывают или не хотят припомнить, что само московское правительство прямо признавало боярское *отечество* независимым ни от служебных успехов, ни от воли государя и редко нарушало эту независимость даже при таких государях, которые совсем не были склонны высказывать такое признание. В 1616 году кн. Ф. Волконский жаловался, что ему *по своей службе* обидно быть меньше боярина П. Н. Головина. Кн. Волконский был человек „неродословный" и мог сослаться только на свою личную службу, а не на предков. Бояре, разбиравшие дело по приказу царя, послали князя в тюрьму за то, что он своим бездельным челобитьем обесчестил и опозорил Головина и его „родителей". На допросе бояре напомнили кн. Фёдору, что по государеву указу неродословным людям с родословными суда и счёту в отечестве не бывало, а что касается до его службы, то *за службу жалует государь поместьем и деньгами, а не отечеством* *). Феодальный барон едва ли сумел бы аристократичнее формулировать одно из основных воззрений политической аристократии.

---

*) Книги Разр. I, 206.

Итак, когда правительственные силы, рассеянные по уделам, собрались в Москве и вошли в состав здешнего боярства, в нём установился распорядок лиц и фамилий, отличавшийся аристократическим характером. Это была главная перемена, происшедшая в положении московского боярства при его новом составе. Она даёт возможность определить, что такое было московское боярство в этом составе, который, изменяясь, сохраняет свои основы до конца XVII в., до отмены местничества. В памятниках тех веков не находим такого определения. Тогда различали людей *родословных* и *неродословных;* но бояре, как отдельные сановники, не все были родословные люди, а родословные люди далеко не все бывали боярами. Слово *боярство* тогда значило чин боярина, а не класс. Чтобы не слишком расходиться с тогдашним социальным делением, можно дать боярству, как классу, условное значение круга московских фамилий, считавшихся в XVI в. родословными. В определении этой родословности надобно различать её источники и её признаки, показатели. В местнических делах трудно найти точные и полные указания на источники по их разнообразию; наиболее обычными доказательствами родословности служили её признаки, на которые ссылались местники, спорившие о местах. Основным и общим источником можно признать происхождение от лица титулованного или простого, состоявшего на московской службе в звании боярина или окольничего приблизительно до XVI в. С начала этого века, сколько известно, только знатные князья, принятые на московскую службу, каковы Мстиславские, Черкасские, Урусовы, Сулешовы, начинали собою родословные московские фамилии. Осязательнее признаки родословности: они были убедительнее и чаще надобились. В сложных местнических делах эти признаки постепенно по мере движения процесса выступают с обеих тяжущихся сторон, как исковые „доводы", доказательства, или как ответные „встречи", возражения. Затевая иск родословный „местник" прежде всего искал в *разрядных книгах* „случая", такого должностного назначения из преж-

них лет, которое дало бы ему возможность определить родословную „меру“ своего „совместника“, соперника, кого он больше или меньше и кому „в версту“, т. е. кому ровня. В этих книгах из году в год записывались высшие военные и другие служебные назначения, которые преимущественно принимались к местническому учёту родовитости. Если там не оказалось никого из предков и старших родственников учитываемого лица, значит, это человек „неразрядный“. В противном случае надобно было брать хранившийся в Разрядном приказе официальный родословец с поименными росписями поколений боярских родов и по ним искать, в каком генеалогическом отношении стоит это лицо к его предку, найденному в разрядной книге *). Если у этого лица в родословце не имелось такой росписи его рода, значит, это человек „неродословный“: родословные люди собственно потому так и назывались, что такие поимённые росписи их родов помещались в общем боярском родословце. Тогда можно было возразить в споре, что предки соперника в родословце поимённо не описаны, служили где-то „с городом“, в провинциальной глуши, и про них почему знать, „сколько их там плодилось и кто у них большой и меньший брат и как с ними считаться по роду“? Наконец, в ответ на возражение противника, оказавшегося и неразрядным, и неродословным, могла понадобиться справка о его чиновной „чести“, в каких государевых чинах бывали его предки и сколь „стара“ их честь. В XVI в. было немало служилых фамилий, ответвившихся от родовитых деревьев, но потом захудавших, первые поколения которых перечислялись в боярском родословце, а родоначальники бывали где-нибудь даже боярами введёнными и горододержавцами, что̀ придавало фамилии родословный вид. Люди таких палых фамилий любили, особенно после Смуты, задирать родослов-

*) Об этом „Государеве родословце“ XVI в. см. в Известиях Русск. Генеал. Общ., вып. I, отд. 1, стр. 49 статью *г. Лихачёва* Государев родословец и Бархатная книга. Автор относит составление этого родословца к 1555 г.

ных людей местническими кляузами. Им надо было показать, что их отцы и деды ни в какой чести не бывали, ни в окольничих, ни в стольниках, что сами они просто „молодые детишки боярские", а потом их, смотря по степени генеалогической дерзости, посылали в тюрьму либо секли кнутом и выдавали головою тем, с кем они так неосторожно вздумали меряться отечеством. Таковы наиболее явственные признаки принадлежности к тому кругу фамилий, который принято называть московским боярством. Применяясь к языку местничества, эти признаки можно обозначить словами: *разрядность, родословность* и *чиновность*.

ГЛАВА X.

В составе московской боярской думы XVI в. отразились довольно точно перемены в составе московского боярства с половины XV в.

Появление у московского правительственного механизма многочисленного класса с таким аристократическим складом было естественным последствием успешного собирания Руси московскими князьями. Однако явление это было довольно неожиданно: его едва ли предвидели и наверное не пожелали бы, еслибы предвидели сами собиратели Руси, когда сосредоточивали в своих руках разбитую на части Русскую землю с таким терпеливым усердием и с такою изобретательностию в способах действия.

Посмотрим, как отразился этот неожиданный факт на составе изучаемого правительственного учреждения. Для этого мы разберём погодный список думных московских сановников, которые с начала XVI и почти до конца XVII в. приходили одни за другими в переднюю государевых кремлёвских хором, чтобы под председательством государя или

без него „посидеть о делах“ *). Разбирая этот список, мы пересчитаем особо людей каждого из трёх чинов, составлявших иерархию думы, т. е. бояр, окольничих и думных дворян, пока не касаясь служилого значения этих чинов. Берём хронологическое пространство в 176 лет, с 1505 года, когда сел на великокняжеский стол Василий Иванович, и до смерти царя Феодора Алексеевича в 1682 году, то-есть до эпохи, с которой пошла усиленная ломка вековых порядков и понятий в Московском государстве и обществе. Делим это пространство на две равные половины, по 88 лет в каждой, и фамилии людей, присутствовавших в думе в ту и другую половину, сортируем по их происхождению и *отечеству*.

С 1505 года до 1593 включительно насчитываем до 70 фамилий, члены которых перебывали в московской государевой думе в звании бояр. Из них слишком 40 носили княжеский титул; остальные были простые боярские фамилии. Пересчитывая бояр того и другого разряда поголовно, находим, что из двух сотен бояр, посидевших в думе в этот период времени, было почти 130 князей и только 70 лиц с чем-нибудь некняжеского происхождения. Пользуясь наиболее обычным способом обозначения количественных отношений, можно сказать, что княжеских фамилий, члены которых сидели в думе боярами, было около 61,5%, а некняжеских около 38,5%. Считая лица, а не фамилии, видим, что титулованная знать выслала в думу в звании бояр около 65%, а нетитулованная около 35%. Значит, княжьё численно преобладало в составе думы великого князя Василия, его

*) Др. Росс. Вивл. ч. XX. Список этот не совсем исправен. Проверив его, сколько было возможно, с помощию летописей, *разрядных* и *боярских* книг и списков, изданных и рукописных, мы могли заметить, что с княжения Василия Ивановича неисправность списка состоит не столько в неполноте перечня, сколько в неверности хронологических показаний: многие бояре и окольничие были пожалованы в эти звания раньше, чем показано в списке. Ср. этот список с помещённым в Архиве ист.-юр. свед. кн. 2, половина 1, отд. 2, стр. 121. Разумеется, в выводах, излагаемых далее, нельзя искать полной точности.

сыне и внука. Это княжьё почти всё состояло из лиц, которые или отцы которых покинули свои княжеские столы для московской службы недавно, при Иване III или его сыне. Притом уже в XVI веке заметно действие привилегии, которая делила боярские фамилии на два разряда, высший и низший: члены одних достигали боярства, проходя предварительно звание окольничего, а члены других становились прямо боярами, минуя эту ступень. К привилегированному слою принадлежат всё те же недавние московские слуги с громкими удельными титулами, князья Ростовские, Пенковы-Ярославские, Пронские, Микулинские, Шуйские, Воротынские, Мстиславские, Глинские, Щенятевы и их родичи Булгаковы со своими ветвями, Голицыными и Куракиными, Оболенские-Репнины и Оболенские-Серебряные. Из фамилий старого московского нетитулованного боярства этим служебным преимуществом пользуются лишь некоторые из Воронцовых, Бутурлиных и Челядниных, Яковлей и Юрьевых, двух ветвей фамилии Кошкиных, если только здесь не обманывает нас неполнота списка, не обозначившего, когда бояре этих фамилий были окольничими. С 1594 года до смерти царя Фёдора Алексеевича в 1682 году слишком 60 фамилий попали в список бояр думы: из них княжеских было до 40, около 62%. Но мы ошиблись бы, подумав на основании этого процента, что боярская дума и в XVII в. сохраняла свой прежний родовитый состав, даже стала немного аристократичнее сравнительно с думой предшествующего столетия. Напротив, с точки зрения родословной знати XVI в. можно сказать, что по прекращении старой династии московская боярская дума „захудала“, стала наполняться „молодыми людьми“, дворянскою демократией. Хотя процент княжеских фамилий в высшем думном чине теперь несколько поднялся, зато численное отношение бояр-князей ко всему количеству бояр думы значительно упало: теперь титулованные фамилии выставили в думу около 110 человек почти на 200 бояр, отмеченных в списке членов думы, т. е. около 56% вместо 65%, как приблизительно было в продолжение

88 лет до 1594 года. Следовательно нетитулованное боярство в думе выиграло у князей в XVII в. до 9%. Притом княжеские фамилии, представители которых сидели боярами в думе с 1594 года, в значительном большинстве были уже далеко не те, какие то-и-дело мелькают в списке бояр прежде. До 20 княжеских фамилий XVI в. исчезли для думы XVII века: ни одного члена их не встречаем в числе московских государевых советников, которым сказано боярство после 1593 года. На место этих выбывших фамилий появляются до 17 новых, из которых никто не бывал боярином до 1594 года. Справившись по родословным о происхождении этих новых думных фамилий, находим, что большею частью это были младшие отпрыски генеалогических стволов, старшие ветви которых наполняли своими именами списки думных людей XVI в. Не появляются более в думе боярами ни князья Пенковы, ни князья Курбские, ни князья Шастуновы, ни Кубенские, большие роды ярославской княжеской линии; на смену им приходят люди младших родов той же линии, князья Прозоровские, из которых было 6 бояр с 1613 года, князья Шаховские, князья Львовы. То же явление можно заметить и в других боярских фамилиях, не только княжеских, но и простых. В списках бояр нет более Поплёвиных, старшей линии Морозовых; но вторая линия Салтыковых, появляющаяся в думе довольно поздно, уже во второй половине XVI века, в XVII в. проводит туда более 10 бояр. Не встречаем в думе XVII в. и людей четвёртой линии того же старого боярского рода Москвы Тучковых, строптивых некогда свойственников князей Курбских; но пятая линия Шеиных, появившаяся в думе гораздо раньше Салтыковых, держится в ней и в XVII в. Точно так же исчезают старшие линии фамилии, шедшей от боярина XIV в. Акинфа Великого, Чоботовы и Давыдовы-Челяднины; но младшие Бутурлины остаются в думе, а совсем невидные до XVII в. родичи Акинфовичей Пушкины, которые прежде не бывали боярами, теперь проводят в думу троих из своей фамилии в звании бояр. Вообще до 15 простых боярских

фамилий XVI века, большею частию старинных, выбыло из списка бояр в XVII веке; на их место явилось до дюжины таких неродословных сравнительно с Челядниными или Яковлями фамилий, как Стрешнёвы, Милославские, Нарышкины и др.

Особый служебный мир открывается перед нами, когда рассматриваем список окольничих. Окольничество для одних служилых лиц и целых фамилий было переходною ступенью к боярству, для других составляло вершину почестей, высший предел чиновной карьеры. Если список бояр наполнялся именами знатного княжья, которое здесь своей численностью давило нетитулованную знать, то окольничество служило приютом для этой последней. С 1505 по 1594 год насчитываем в составе боярской думы до 140 окольничих; из них князей было всего с небольшим 30, менее 23%. Следовательно нетитулованной знати в этом чине было гораздо больше, приблизительно на 12%, чем знати титулованной в чине бояр. Притом князья, появлявшиеся в звании окольничих, большею частью далеко не принадлежали к первостепенной знати: то были князья Ушатые, Сицкие, Ноздроватые-Звенигородские, Великого-Гагины (ветвь Шастуновых-Ярославских), Хворостинины и т. п. Значительное большинство этих князей даже и не дослуживалось до боярства, оканчивая своё служебное поприще в чине окольничих, тогда как настоящие титулованные бояре возводились в высший чин прямо, не бывав окольничими. Припоминая родословную нетитулованных окольничих XVI в., видим, что это почти все люди из фамилий старинного московского боярства: из них вышло в этот период времени не менее 85 окольничих, т. е. около 62%, так что на остальные некняжеские роды досталось только 14—15% всего количества окольничих. Всего чаще появляются в списке людей этого чина немногие коренные фамилии старого московского боярства с их ветвями, Морозовы с Тучковыми, Салтыковыми и Шеиными, Захарьины-Кошкины с Беззубцевыми, Яковлями и Шереметевыми, Акинфовичи-Давыдовы с Жулебиными, Бутурли-

ными и Чоботовыми, Сабуровы с Годуновыми, Колычовы, Плещеевы, Головины. Так в списке окольничих XVI в. вскрывается само собою коренное гнездо старого московского боярства, свившееся ещё в XIV в., при первых московских князьях. Оно уцелело среди потока нахлынувшего в Москву знатного княжья; придавленное им на верху, вытесняемое с высшей служебной ступени, это боярство отстояло вторую ступень и господствовало на ней в XVI в., стараясь в свою очередь придавить и пришлое боярство из уделов, и второй слой бывшего удельного княжья, пробивавшийся на верх к своим старшим родичам. Но и это удавалось ему только до конца XVI в. С начала XVII в. в списке окольничих обнаруживаются явления параллельные тем, какие мы заметили при разборе списка бояр. Некоторое время с 1594 г. окольничие в значительном количестве выходят всё из тех же коренных московских фамилий Бутурлиных, Годуновых, Головиных и др. При новой династии из этих фамилий в списке остаются только четыре: Салтыковы, Бутурлины, Головины и Колычовы, да и те дают всего 11 на 114 окольничих, занесённых в список с начала царствования Михаила Фёдоровича. Зато список окольничих с этого времени поражает множеством и разнообразием фамилий, которых на пространстве 70 лет с 1613 года обозначено больше, чем в продолжение 88 лет с 1505 года. Очень многих из этих фамилий нельзя даже найти в боярских родословных XVI в., и большинство их, все эти Чоглоковы, Соковнины, Нарбековы, Матюшкины, Чириковы, Чаадаевы, Хлоповы, теперь впервые появляются среди думных фамилий, чтобы занести в их список по одному, много по два окольничих. Видно, что прежнего окольнического класса уже не существует; плотный круг фамилий, представители которых прежде чаще других являлись в звании окольничих, разбился, и служебный или придворный случай вырывал теперь снизу одну за другой неизвестные фамилии, которые скоро исчезали опять, оставив по себе след в списках думных людей одним или двумя именами.

Так на обеих высших ступенях чиновной лествицы замечаем следы одной важной перемены, испытанной московским боярством. В XVII в. генеалогический состав этого боярства далеко не тот, какой был в XVI в.: „прежние большие роды многие, по выражению Котошихина, без остатку миновались". Трудно уловить все причины, которые произвели этот генеалогический переворот. Одни большие фамилии XV—XVI вв., как например князья Щенятевы, Дорогобужские, Микулинские, Холмские, Пенковы, вымерли естественною смертью; другие извелись от казней и побегов в Литву во время страшной развязки, какою разрешилась во второй половине XVI в. размолвка московских государей с своим притязательным боярством. Но можно заметить и следы причин менее понятного свойства. Некоторые боярские фамилии исчезают из думы, не дают ей ни бояр, ни окольничих. Но они остаются живы: их членов иногда в значительном числе встречаем в чинах, следующих за думными, в стольниках и дворянах московских. Может быть, и их думные предки XVI в. начинали служебную карьеру в этих же чинах; но теперь прямые их потомки почему-то не поднимаются выше на думные места отцов или поднимаются очень редко. В неисчислимом роде князей Оболенских уже в XVI в. можно насчитать до 20 обособившихся фамилий. К концу этого столетия старшие линии одна за другой вымирают с быстротой, какая могла только радовать царя Ивана Грозного. В два-три поколения исчезают Курлятевы, Нагие, Телепнёвы, Поготковы, Горенские. Уже при Грозном выбывает из думы только-что поднявшаяся при отце его младшая линия кн. Димитрия Щепы, князья Серебряные; старшие Золотые как-то не пошли в ход уже в XVI в. На место их из глубины титулованной служилой массы с XVI в. пробираются в думу младшие птенцы этого плодовитого родословного гнезда, князья Лыковы, Долгорукие, Щербатые. Один из Долгоруких был окольничим во второй половине XVI века; но в числе бояр они появляются вместе с Лыковым только с начала XVII в. Щербатые и их дальние ро-

дичи Барятинские попадают в думу ещё позднее, уже во второй половине XVII в. Причиной этого вовсе не было то, что они не успели отделиться от родословного ствола, когда уже процветали в думных чинах старшие его ветви, князья Стригины, Пагие или Репнины. Напротив, в поколенной росписи эти фамилии Барятинских, Долгоруких и Щербатых появляются даже раньше Курлятевых, Стригиных и Репниных на одно или на два поколения: последние фамилии старше первых по происхождению, но позже их принимают свои фамильные прозвания; некоторые из Барятинских и Долгоруких встречаются уже в актах XV в. Стоит заглянуть в боярскую книгу 1627 года: там в чинах непосредственно следовавших за думными, в стольниках и дворянах московских, встречаем 9 князей Щербатых, 11 Барятинских и 12 Долгоруких. Они стоят у самых дверей думы, ожидая своей очереди, пока ещё не имеют возможности протесниться в думу сквозь густые ряды более родовитого княжья и проходят туда по мере того, как эти ряды редеют. Между тем живут ещё остатки некоторых старших ветвей: князья Черные-Оболенские, князья Тюфякины, прямые предки которых в XVI в. бывали боярами и которым как по родословцу, так и по службе отцов не следовало бы, кажется, стоять ниже своих родичей Лыковых или Долгоруких, нередко мелькают в списках тех же стольников и дворян московских XVII в., но не дослуживаются ни до боярства, ни даже до окольничества. Точно так же до 1613 года в думе не находим никого из Прозоровских, принадлежавших к числу младших ветвей огромного рода князей Ярославских, который успешнее других соперничал с Оболенскими обилием лиц и фамилий. Между тем уже Грозный писал кн. Курбскому, что у него и у его батюшки Прозоровских было „не одно сто"; следовательно они долго ждали, и когда не стало в думе старших фамилий линии, ни Пенковых, ни Курбских, ни Кубенских, они вместе со своими родичами князьями Львовыми пришли занять опустелые места. Иные знатные фамилии XVI века не выбывают из думы и в следующем

столетии; однако и по их судьбе можно заметить, что служебное счастье не везёт попрежнему старым большим боярским родам. При царе Иване Грозном в московской служилой иерархии немного можно было найти фамилий выше князей Воротынских. Кн. И. М. Воротынскому, сыну одного из самых заслуженных и доблестных воевод времён Грозного, сказано было боярство по списку в 1592 году. До смерти своей в 1627 г. он оставался единственным представителем своей фамилии в думе. После него здесь не было никого из Воротынских до 1664 года, когда пожаловали в бояре его внука: ни брат, ни сын, ни правнук этого Ивана Михайловича не попали в бояре, тогда как отец его и двое дядей были ими и несколько лет сидели вместе в думе царя Ивана. Сабуровы не принадлежали к первостепенной московской знати XVI в. Однако, следя за ними по разрядным росписям до XVII в., легко заметить, что это были люди очень „великие“: немногие из старинного нетитулованного боярства Москвы становились выше их, и члены не всякой княжеской фамилии могли безнаказанно держать с ними счёт. В XV и XVI в. этот старый боярский род выслал в думу длинный ряд представителей в звании бояр. Последним из них был Михаил Богданович, которому по списку сказано боярство в 1606 г. С тех пор никто более из Сабуровых не был пожалован в бояре до смерти царя Фёдора. Между тем родословная, составленная в конце XVII в., выписывает вереницу дальнейших поколений этой фамилии, а в боярских и разрядных книгах при царях Михаиле и Алексее находим много Сабуровых между стольниками, дворянами московскими и даже ниже *).

Итак, рядом с боярскими фамилиями, вымиравшими естественною смертью, встречаем ряд других, которые подвергались, так сказать, политическому вымиранию. Одни, не успев разветвиться, исчезали без остатка; в других выбы-

*) Боярская книга № 1, 1627 г., в Моск. Архиве мин. юстиции. Бархатная кн. I, 241 и сл.

вали из служилых рядов старшие ветви, уступая свои места поднимавшимся младшим отросткам одних с ними родословных корней; наконец в третьих старшие линии менялись положением с младшими, падая сами, пускали их на верх, начинали „худать" прежде, чем изводились, передавая другим своё прежнее политическое дородство. Причины этой политической худобы остаются неясны, как неясен во многом весь этот процесс генеалогического обновления московского боярства. Полного разъяснения этого процесса едва ли не следует искать преимущественно в том социально-экономическом перевороте, который тихо совершился под шум политических событий XVI и XVII в., захватив весь служилый класс, а не один его боярские вершины, подготовив тот склад нашего дворянства, в каком видим его в XVIII в. В дальнейшем изложении мы коснёмся мимоходом некоторых явлений этого переворота.

Пересчитав фамилии московского боярства, члены которых с начала княжения Ивана III до конца царствования Ивана IV сидели в думе боярами или окольничими, найдём, что таких фамилий было около ста. Но в боярской родословной, составленной во второй половине XVI в., обозначено около 200 боярских фамилий, т. е. таких, члены которых служили некогда боярами в разных великих и удельных княжествах или сами сидели на великих и удельных княжеских столах. Следовательно к концу XVI века должно было оказаться, что целая половина московского боярства при его новом составе в продолжение ряда поколений не имела доступа в думу и была лишена политического признака, который преимущественно сообщал служилому роду характер боярской фамилии. В число таких родов, оставшихся за думным штатом, попадали и некоторые старые московские боярские фамилии; но чаще всего такая участь постигала нетитулованные боярские роды, пришедшие из других княжеств, и некоторые ветви княжеских родов. Так начал складываться особый слой в составе московского служилого класса, непосредственно следовавший за боярством

он был боярским по происхождению, по родословному *отечеству*, но переставал быть им по службе, *по разрядам*, и долго обозначался названием *детей боярских* *). Причиной появления этого слоя было то же обилие знатных титулованных фамилий, нахлынувших в Москву и затеснивших не только пришлое удельное, но и старое московское боярство. Московская судьба тверского боярского рода Бороздиных наглядно показывает ход этого служебного принижения простого боярства. При Иване III, вскоре по переходе на службу в Москву, когда служилое княжьё не успело затопить простое боярство, Бороздины держатся ещё в звании бояр. В княжение Иванова сына и внука они уже не поднимаются выше окольничества, а в первой половине XVII в. обеих ветвей этого рода, ни Борисовых, ни Житовых, нет в думе, а надобно их искать в самом конце длинного списка дворян московских. Но и этот захудалый слой не совсем пропал для боярской думы. Не говоря теперь о происхождении возникшего в XVI веке третьего разряда в чиновном составе думы, чина *думного дворянства*, укажем пока на ту черту его, что первые попавшие в думский список имена думных дворян принадлежат именно таким упавшим фамилиям московским и пришлым. Олферьев и Безнин были представители двух ветвей старинного московского служилого рода Нащокиных, Зюзин и Нагой—члены двух фамилий прежнего тверского боярства. Это думные дворяне времени Ивана Грозного, а в царствование его сына в этом чине являются

---

*) Говоря это, мы хотим обозначить не происхождение всего сложного класса, носившего это название в XVII в., а только один из многих его элементов, самый видный в XVI в. и по происхождению своему тесно связанный с историей московского боярства того времени. Таких захудалых „княжат", иногда упоминаемых в памятниках рядом с *детьми боярскими*, к концу XVI в. накопилось так много, что Флетчер в своём перечне общественных состояний в России сделал из них особую, низшую степень знати, прибавив преувеличенно, что их считают за ничто и что нередко можно встретить князей, готовых служить простолюдину за 5 или за 6 руб. в год (гл. 9).

два члена успевшей захудать титулованной фамилии князей Буйносовых-Ростовских.

Так в списке трёх чинов московской боярской думы XVI в. открываются следы трёх различных слоёв московского боярства. Эти слои не отделяются один от другого глубокой политической межой. Звания бояр, окольничих и думных дворян не были замкнутыми, неподвижными политическими состояниями: члены одной и той же фамилии и в одно время служили в разных думных чинах; думный дворянин повышался в окольничие, окольничий дослуживался до боярства. Но думные чины ещё не превратились в простые служебные ранги: между ними заметно в XVI в. некоторое социальное различие, уже начавшее исчезать в следующем столетии. За каждым из них стоял особый генеалогический круг. Бояре выходили преимущественно из знатнейших княжеских родов, к которым примыкали немногие нетитулованные фамилии старинного московского боярства. Окольничество принадлежало преимущественно тем фамилиям этого боярства, которые успели спасти своё положение при наплыве новых титулованных бояр; к ним примкнуло второстепенное княжьё с немногими фамилиями удельного боярства. Наконец думное дворянство было убежищем выслужившихся лиц смешанного класса, который составлялся из упадавших старых московских фамилий, из массы пришлого удельного боярства, даже частию титулованного, и некоторых других элементов. Легко заметить, что эта чиновная иерархия думных людей была тесно связана с тою генеалогической иерархией, в какую, как мы видели, сложилось новое московское боярство в XV и XVI в., и чиновный состав боярской думы был лишь отражением этого аристократического склада боярства.

ГЛАВА X.

Вместе с тем московская боярская дума стала оплотом политических притязаний, возникших в московском боярстве при его новом составе.

Самый важный факт, открывающийся при разборе списка членов боярской думы, тот, что до конца XVI в. в московском государственном совете преобладали старшие по происхождению боярские фамилии, а в XVII в. количественный перевес решительно склонился на сторону младших. Представив себе количество старших боярских родов, уступивших в XVII в. свои места в думе младшим, и количество новых неизвестных дотоле фамилий, пришедших со служилого низа занять места выбывших знатных, мы поймём, что разница в составе боярской думы того и другого века была слишком значительна, чтоб её последствия не шли далее родословной московского боярства. Сменились не только поколения одного и того же класса, сменились самые классы, и если бы гордому своим происхождением кн. А. М. Курбскому показать список членов боярской думы XVII в., он наверное покачал бы головой и сказал: да, правду писал мне в Литву князь великий московский Иван Васильевич, по своей привычке злоупотребляя словами Св. Писания, что „может Бог и из камней воздвигнуть чад Аврааму“. Выходя за пределы генелогии боярства, этот факт должен был отразиться на политическом его настроении. Старшие знатные фамилии были преимущественными хранительницами тех правительственных понятий и обычаев, под влиянием которых складывались политические отношения в Москве с половины XV в. Изучая значение этого факта, надобно помнить одно свойство московских умов того времени. Отношения и стремления людей, правивших тогдашним обществом, управлялись гораздо более привычками, преданием, нежели идеями. Предание хранится в памяти и нравах, поддерживаемое напоминающею его житейскою обстановкой, которая вместе с ним сложилась. Иные явления московской государственной

старины кажутся нам непонятными лишь потому, что мы предполагаем обдуманные цели, политические задачи там, где действовали только передаваемые по наследству политические привычки. О времени царя Ивана Грозного преимущественно можно сказать, что люди тогда действовали так, а не иначе, не потому, что известным образом предначертали себе будущее, а потому, что не умели достаточно отвыкнуть от прошедшего.

Помня, с кем имеем дело, от поколенных боярских росписей и разрядных книг обратимся к документам, изображающим экономическую обстановку московского боярства в XVI в. Если бы сохранились в достаточной полноте писцовые книги московской Руси от конца XV и первой половины XVI в., по ним без труда можно было бы видеть одну черту этой обстановки, которую без них надобно восстановлять по отрывочным мелким указаниям. Легко было бы заметить, что в начале XVI в., когда было уже снесено столько перегородок, деливших северную и центральную Русь на удельные большие и малые клетки, всюду ещё видны были следы недавнего удельного дробления. Масса князей и бояр, перестав быть удельными, оставалась ещё простыми земельными владельцами в своих бывших уделах. Это понятно само по себе и едва ли нуждается в пространных доказательствах: порядок, действовавший три века, не мог исчезнуть без следа в одно или два поколения. Мы ограничимся немногими указаниями, наиболее выразительно рисующими хозяйственную обстановку нового боярства, заимствуя их преимущественно из неизданных актов. Князь Курбский в своей истории Ивана Грозного, рассказывая о гибели двух бояр его, князей М. И. Воротынского и Н. Р. Одоевского, замечает, что эти княжата в то время, т. е. в 1570-х годах, ещё сидели на своих уделах и огромные отчины под собою имели. По духовной царя Ивана, написанной в 1570 г., князь М. И. Воротынский ещё владел третью г. Воротынска. Выше было указано, что по разрядным росписям конца XV в. князья Воротынские и Одоевские ходили в москов-

ские походы со своими особыми удельными полками. В одной разъезжей (межевой) грамоте конца XV в. по уезду Малого Ярославца является свидетелем наместник княгини Тарусской: эта княгиня не только оставалась землевладелицей в прежнем Тарусском уделе, но и продолжала пользоваться некоторыми удельными правительственными правами. Из тяжебного дела о земле между Троицким Сергиевым монастырём и одним из князей Воротынских того же времени видно, что в тогдашнем Малоярославецком уезде речка Ичея служила межой, отделявшей почапские и другие земли монастыря от владений *всех* князей Оболенских кроме кн. Д. С. Щепы. Очевидно, владения этой фамилии составляли здесь сплошное пространство, целый округ, средоточием которого был фамильный город, потому что на вопрос судьи, отчего монастырь не напоминал ответчику кн. Оболенскому о захвате, старец, представлявший интересы истца, отвечал, что напоминали об этом ежегодно, но что „пристав государя великого князя к *ним* в Оболенеск не въезжал“. Значит, бывшие удельные князья сохраняли ещё долю своей удельной независимости в виде землевладельческих привилегий. Ещё в начале второй половины XVI в. некоторые из князей Оболенских отказывают в тот же монастырь по душе свои вотчинные сёла с деревнями в уезде города Оболенска. Между тем Татищев по поводу одного дополнительного указа к Судебнику 1550 года о княжеских вотчинах в бывших уделах замечает, хотя недостаточно ясно, что он видел у князя Д. М. Голицына, известного верховника, договорную грамоту, по которой князья Оболенские продали великому князю Ивану III за 2 села и 5.000 руб. своё право собственности на Оболенское княжество в случае пресечения мужской нисходящей линии в их роде. Таким образом и другим ветвям обширного черниговского племени, родственным кн. М. И. Воротынскому и кн. Н. Р. Одоевскому, вотчинные приказчики до самой половины XVI в. ещё живо напоминали своими хозяйственными отчётами минувшие удельные времена, несмотря на то, что например князья Обо-

ленские задолго до Ивана III стали записываться на московскую службу. То же видим в двух других многочисленных ских линиях, ярославской и белозерской. Акт 1564 г. указывает вотчины множества князей Сицких и Прозоровских по обе стороны р. Мологи. Очевидно, древний Моложский удел и теперь оставался в руках потомков его основателя, которые сплошными гнёздами сидели ещё здесь на своих вотчинах сто лет спустя по присоединении ярославских уделов к Москве. Князья Кемские, Согорские, Ухтомские, Шелешпанские, уже в XIV в. утратившие удельную самостоятельность, в первой половине XVI в. всё ещё сидят на своих бывших миниатюрных уделах по Кеме, Ухтоме и другим рекам, иногда по нескольку на одном, правят и хозяйничают попрежнему, иные в качестве наместников великого князя московского, межуются землями друг с другом или с Кирилловым монастырём и хоронятся в этом монастыре или у своих вотчинных церквей, как видно из ряда похоронных записей на одной рукописи местного происхождения*). В той же духовной царь Иван отдаёт старшему сыну бывший тверской удельный город Микулин с вотчиною кн. Семёна Микулинского, „которая не отдана". Князь Семён Иванович Микулинский был известный боярин 1550—60-х годов. Находим две вкладные грамоты, по которым вдова этого боярина и вдова его брата кн. Д. И. Микулинского, погибшего при осаде Казани, первая в 1567 г., вторая в 1557 г., отдали в Сергиев монастырь по приказу мужей несколько их вотчинных сёл с десятками деревень в Тверском и *Микулинском* уездах, а первая присоединила к этому целую дюжину дворов в самом г. Микулине, может быть, ещё уцелевших от того времени, когда предки её мужа сидели на уделе в этом городе.

---

*) Духовн. Ивана IV в Доп. к Акт. Ист. I, № 222. Сказ. кн. *Курбского*, изд. 2, стр. 99. Судебник, изд. *Татищевым*, изд. 2, стр. 166. Акт. Арх. Эксп. I, № 269. Акт. Юр. №№ 140, 146, 147 и 152 Церк. устав XVI в., рукоп. *Е. В. Барсова*.

Обратимся ещё раз к той же любопытной, но не везд ясной духовной царя Ивана, чтобы заметные в ней следы изучаемого факта пояснить указаниями других документов того века. Завещатель пишет, что он дал упомянутому выше боярину кн. М. И. Воротынскому взамен взятой у него старой вотчины Стародуб Ряполовский на Клязьме, бывший удел князей этого имени. В другом месте царь отдаёт старшему своему сыну бывшие вотчины князей Стародубских в Стародубе Ряполовском, замечая, что они остались за ним, царём, у кн. М. Воротынского. Здесь он пересчитывает до 30 князей и княгинь стародубской линии и до 40 принадлежавших им сёл с деревнями в бывшем Стародубском уделе. Перебирая фамильные акты многочисленных князей этой линии, уцелевшие среди грамот Троицкого Сергиева монастыря, встречаем длинный ряд межевых, вкладных и духовных, в которых разные князья Стародубские, Пагаевы-Ромодановские, Тулуповы, Осиповские являются ещё повидимому полными владельцами своих измельчавших вотчин в бывшем уделе Стародуба Ряполовского, распоряжаются ими свободно. Эти акты относятся к 1554—1574 годам, и в них названы некоторые из тех самых лиц и сёл с деревнями, которые пересчитываются в духовной царя Ивана. Потомки удельных бояр и в XVI в. едва ли ещё не в большей целости, чем дети и внуки их бывших удельных государей, сохраняли за собою старые вотчины своих отцов и дедов. Бороздины, Кондырёвы и Пагие, старые боярские роды Тверского княжества, во второй половине XVI в., сто и больше лет спустя по присоединении Тверского княжества к Москве, ещё продают и отказывают в монастыри по душе свои вотчины „старинные“, „благословение отцов и прародителей“, в уездах Тверском и Старицком*).

Обилие таких указаний в актах, случайно подвернувшихся под руки, освобождает от обязанности увеличивать их пере-

*) Сб. гр. Тр. С. мон. № 530, л. 326. 1093 - 1128; сб. № 532, грам. по г. Твери №№ 2, 12, 13, 28 и др.

чень. Если с их помощью представим себе московское боярство конца XV в., когда в среде его многие хорошо помнили, как они сидели на своих уделах, а многие ещё не успели забыть, как хозяйничали там их отцы, нам станет ясно, как много удельного должно было тогда оставаться в ежедневных делах и помыслах большей части бояр. Приезжая во дворец, они входили в круг отношений, к которым не могла приучить их прежняя жизнь на уделе; но в своих вотчинах и на московских подворьях они видели себя в обстановке, чувствовали в своих руках нити отношений, которые возвращали их к мыслям и привычкам прежнего времени. Эти привычки и мысли отразились в литературных памятниках XVI в., чужих и своих. Читая в записках барона Герберштейна рассказы, слышанные им в Москве, чувствуешь, в какой водоворот политических сплетен и толков попадал иноземный посол, приезжавший в Москву в первые десятилетия того века. Эти толки и сплетни касались преимущественно уделов исчезавших, исчезнувших или ждавших своей очереди исчезнуть. Читая рассказ кн. Курбскаго об Иване IV и переписку между ними, видишь, что головы обоих корреспондентов, отдалённых потомков удельных князей, ещё полны свежими удельными воспоминаниями, от которых они не умеют отрешиться даже тогда, когда замечают, что установившаяся действительность даёт мало опоры этому запоздалому археологическому грузу памяти.

Ещё важнее то, что само московское правительство Ивана III и его сына не только отлично помнило удельный порядок, но повидимому охотно признавало в своей практике некоторые его остатки или последствия, прямо из него вытекавшие. Не видно с его стороны желания мешать тому участию, какое получили удельные генеалогические предания в установлении боярского служебного старшинства и власти, разбиравшие в 1576 г. местнический спор двух потомков тверских бояр, Зюзина с Нагим, не возражали одному из тяжущихся, когда он в ответ сопернику, указывавшему на „случаи“ своей московской службы, заявил, что ему нет

дела до московских разрядов, что он знает только отношения, бывшие между их предками в Твери, и лишь ими желает считаться с соперником. Служилый князь Одоевский или Воротынский шёл в поход со своим особым удельным полком, как будто эти князья были удельными союзниками московского государя, а не такими же слугами-воеводами, как кн. Щеня или боярин Яков Захарьич. Политическое объединение не сопровождалось немедленно административным. Центральная администрация Московского государства долго носила на себе отпечаток пестроты частей, вошедших в состав его территории. Присоединённые к нему княжества и вольные города по многим делам долго управлялись особо; местные их учреждения только переносились в Москву, становились местными приказами, не сливаясь с центральными учреждениями прежнего Московского княжества. Так в XVI в. в Москве действуют особые *дворцы* или дворцовые приказы Новгородской, Тверской, Дмитровский, Ростовский, Нижегородский и Мещерский, Рязанский, все со своими дворецкими; остались также следы местных *разрядов* или военно-административных учреждений, действовавших из Москвы. В областном управлении Московского государства при Иване III и его сыне также найдём следы этой политической осторожности, старавшейся смягчить боль удельных обществ от операции государственного объединения. Как скоро московскому великому князю удавалось оружием или сделкой водворить свою власть в известном княжестве, из Москвы не поднимали нетерпеливого гонения ни против обычаев, ни против персонала прежнего управления и даже готовы были оставить за прежним князем часть его правительственной власти, если он умел мириться со своей зависимостью. Выше был уже указа́н акт, из которого видно, что в исходе XV в. у княгини Тарусской всё ещё оставался наместник в крае, который перестал уже быть Тарусским уделом. В 1463 г. князья ярославские отдались московскому государю со всеми своими вотчинами. В повести об открытии мощей предка их кн. Феодора Чёрного в том же году есть указания на то,

что тогдашний глава ярославской княжеской линии Александр Фёдорович, перестав быть великим князем в Ярославле, остался здесь наместником московского государя, „старейшиной града“, как называет его повествователь. Летопись косвенно подтверждает это указание известием, что бывший великий князь ярославский умер в Ярославле и погребён в монастыре, где лежали новоявленные мощи его предка. Сын этого Александра князь Данил Пенко вырос уже московским слугой; однако в 1497 г., 26 лет спустя по смерти отца, он подтверждает жалованною грамотой Спасо-Каменному монастырю вклады деда и отца, жалует обитель землями в своей ярославской вотчине, даже с посаженными на них крестьянами, „по старине, как жаловал дед мой и отец мой“, и по выражениям грамоты трудно догадаться, что её писал не владетельный князь, а московский боярин. Казалось, особенно непримиримо относилась Москва к быту вольного Новгорода, стараясь разбить не только его политический строй, но и самое население, особенно боярский правительственный класс; однако и после падения города договор с ливонским магистром в 1481 г. скрепляют крестоцелованием „новгородские бояре“, как бывало в вольную старину. Лет 60 спустя после падения Тверского княжества потомки тверских удельных князей и бояр всё ещё являются при московском дворе особым разрядом служилых людей, который в приказных бумагах зовётся „двором тверским“ или „боярами с Тверской земли“, а в упомянутом местническом споре потомков тверских бояр Нагого и Зюзина последний показывал, что, взяв Тверь, великий князь Иван отдал её сыну своему Ивану, который „бояр прежнего государя Михаила Борисовича и у себя пожаловал, в боярех учинил и грамоты свои на вотчины их тверские им давал и велел их писать в грамотах своими боярами“. Одна половина Ростовского княжества, как известно ещё до княжения Ивана III была присоединена к Москве, другая находилась под сильным её давлением ещё прежде, чем была куплена Иваном. Великий князь Василий Тёмный отказывая Ростов своей княгине, пишет в духовной 1462 г.:

„а князи ростовские что ведали при мне, ино потому держат и при моей княгине, а княгиня моя у них в то не вступается“. Сын Тёмного Юрий, к которому имел перейти Ростов по смерти княгини, должен был по этой духовной точно так же поступать с местными князьями: „что они ведали свое, ино потому же держат“ *). Благодаря такой политике осторожности создавалось переходное среднее состояние между удельным князем и простым служилым боярином, которое можно назвать состоянием *служилого князя на уделе.* Если владетельный князь добровольно подчинялся Москве, его обыкновенно оставляли владельцем всей его прежней вотчины, и там новый московский слуга пользовался значительною долей своих прежних владетельных прав, оставался в кругу старых политических обычаев и отношений, заведённых самостоятельными отцами. В 1493 г., когда московские воеводы взяли у Литвы Вязьму и князей Вяземских привели в Москву, великий князь их „пожаловал их же вотчиною Вязьмою и повелел им себе служити“. Так же поступил он с приехавшим тогда служить ему кн. М. Мезецким; но братья последнего, насильно привезённые им в Москву, были посланы в заточение. Иноземный наблюдатель отметил довольно точно самое время, когда стал исчезать удельный порядок. Английскому послу Флетчеру, приехавшему в Москву в 1588 г., рассказывали, что ещё недавно были в Москве лица из древнего дворянства „которые владели по наследству различными областями с неограниченной властью и с правом судить и рядить все дела в своих владениях без апелляции и даже не отдавая отчёта царю“. При Грозном ещё можно было застать таких владельцев; но

---

*) Этим объясняется сообщение Татищева, который видел в архиве кн. Д. М. Голицына акты, свидетельствовавшие о том, что великий князь Василий Тёмный „велел ростовским боярам судить по их старым законам“, что Иваном III, при котором Рязань не была ещё окончательно подчинена Москве, подобное дозволение дано было и рязанским боярам по их ходатайству. Продолж Др. Росс. Вивлиоф. I, 6.

при сыне его, после опричнины, они были уже только предметом воспоминаний *).

В перечисленных мелких явлениях вскрываются политические понятия, которыми руководились люди, правившие Московским государством в XV и XVI в. Ход политического объединения Руси Москвой становится ясен. Это не был крутой и быстрый перелом, каким он иногда кажется. Покорив новую область, Москва не спешила разрушить действовавший там старый привычный порядок, чтобы заменить его своим московским „обычаем“. Напротив, не только этому порядку, но и старым привычным охранителям его, прежним властям, она предоставляла некоторое время действовать попрежнему, пользуясь ими для своих целей. Власть московского государя становилась не на их место, а над ними, и новый государственный порядок являлся там, так сказать, новым слоем отношений и учреждений, который ложился поверх действовавшего прежде, не разрушая его, а только возлагая на него новые обязанности, указывая ему новые задачи. Можно думать, что большая часть удельных князей и бояр перенесла без особенной боли перемену в своём положении, переезд из удела в Москву. Это перемещение не было для них разгромом; с ним они далеко не теряли всего, что имели в уделах. Они ведь и здесь имели не особенно много и не подчинились бы Москве так легко и охотно, если б имели много. Большая часть их уже до этого утратила некоторую долю прав и привычек власти, а остаток

---

*) Русск. Ист. Сб. V, 2 и 3. Дела Польские в Моск. Архиве мин. ин. дел, № 3. Там же Разр. кн. № 99/131. Доп. к Акт. Ист. I, № 21. П. С. Р. Л. VI, 135; IV, 162. Акты З. Р. I, № 75. Собр. гос. и гр. и дог. I, стр. 204; ср. №№ 30 и 81. *Флетчер*, гл. 7. В указанной Разрядной под 1500 г. замечено, что когда князья С. И. Можайский и В. И. Шемячич приехали к великому князю служить с вотчинами, великий князь их пожаловал, „подавал им уделы“. Эти и подобные им князья и по вступлении на московскую службу в отличие от других служилых князей продолжали оффициально называться „удельными“.

этих прав вместе с удельными понятиями и воспоминаниями сначала щадили и в Москве, не чувствуя ни надобности, ни охоты добивать их, пока они ничему не мешали. Главным политическим достоянием, которым они дорожили больше всего, были их удельные землевладельческие хозяйства и их генеалогические счёты и споры о старшинстве. За бывшими удельными державцами в Москве оставляли вотчины в их прежних уделах с обширными привелегиями; их иногда даже назначали наместниками в города, где недавно были их княжеские столы; наконец, нисколько не стесняли их неумеренной привязанности к генеалогической археологии, предоставляя им изучать в волю свои удельные родословные и на основании их высчитывать друг другу служебное старшинство в Москве. Пока хранились остатки удельной житейской обстановки, не могли погаснуть и удельные понятия и предания, которые были с нею связаны, ею воспитаны.

Но самый тот факт, что удельные владельцы или их ближайшие потомки теперь принуждены были ежедневно видаться друг с другом в московском Кремле, сообщал запасу удельных преданий и отношений, уцелевших от крушения при перевозке в Москву, иное направление, какого они не могли получить при прежнем удельном уединении князей. Прежде каждый из них сознавал себя бесспорным, наследственным и пожалуй даже полновластным владетелем части Русской земли, и это сознание господствовало в умах, подавляя мысль о совокупности таких владельцев и таких частей, о генеалогической или народной связи между ними. Теперь чувство этой связи было ежедневным впечатлением, какое привозилось из Кремля, выносилось из каждого служебного столкновения. С минуты своего подчинения Москве бывший удельный князь привыкал сознавать себя если не самостоятельным владельцем известной части Русской земли, каким он уже перестал быть на деле, то частью многочисленного класса, который под руководством московского государя правил всей Русской землёй, ему повиновавшейся. Предание власти не прервалось, а преобразилось: власть эта стал

теперь собирательной, сословной и общеземской, перестав быть одиночной, личной и местной.

Верхи этого класса, составившегося из удельных элементов, сидели в боярской думе и двигали правительственною машиною государства. Непрерывность правительственного предания, шедшего из уделов, должна была чувствоваться здесь ещё живее, чем в других слоях того же класса, если припомнить, каково было по происхождению большинство бояр в думе XVI в. То были потомки удельных державцев; рядом с ними появлялись иногда потомки удельных бояр, гораздо чаще люди больших и старинных боярских фамилий Московского княжества. Глядя на такой состав боярской думы в первой половине XVI века, приказный московский публицист, умевший „воротить" летописцами и родословными, мог основательно сказать: то всё старинные, привычные власти Русской земли, те же власти, какие правили землей прежде по уделамъ; только прежде они правили ею по частям и поодиночке, а теперь, собравшись в Москве, они правят всею землёй и все вместе, в известном порядке старшинства расстанавливаясь у главных колёс правительственной машины. Но если московское боярство своим новым составом могло производить такое впечатление на общество, то его правительственное положение давало и ему право сказать: мы, советники государя московского и всея Руси, потому и призываемся к власти, в думу, что мы сами по себе власти всей Русской земли; теперь государь правит Русской землёй с нами именно потому, что мы, то есть наши отцы, правили ею и без него. Нечто подобное таким умозаключениям стало проникать в среду тех пришлых фамилий, главы которых сидели в московской боярской думе, в умы удельного княжья и боярства, когда оно увидело себя в сборе вокруг московского Кремля. Окружённые остатками удельных отношений, не видя со стороны московского государя решительного отрицания удельных преданий, встречая напротив прямое признание их во многом, эти люди взглянули на своё общество, как на собрание подчинённых государю властей Русской

земли, а на боярскую думу, как на сборное место, откуда они будут продолжать править Русскою землей, как отцы их правили ею, сидя или служа по уделам. Следы этого взгляда встречаем в памятниках, где находили себе выражение боярские политические суждения XVI в.; на него указывает аристократический характер, каким отличался состав думы в этот век; наконец, этот взгляд с вытекавшей из него мыслью, что так составленная дума есть необходимая и естественная посредница между государем и землёй, был прямо признан царём Иваном IV в самый разгар его борьбы с боярством.

Так боярская дума в Москве с половины XV в. является или стремится стать оплотом политических притязаний, какие сами собою возникали в служилой и землевладельческой московской аристократии под влиянием обстоятельств, при которых она складывалась из удельных элементов. Собравшись в Москве, люди этого класса стали смотреть на себя, как на властных представителей Русской земли при князе, который некогда был одним из них, таким же князем, как их предки, но потом благодаря счастью собрал землю и потомков бывших её правителей призвал управлять ею.

ГЛАВА XII.

Политические привычки и стремления московских государей не противоречили этим притязаниям по крайней мере до половины XVI в.

Сущность этих притязаний состояла в требовании, чтобы центральным и областным управлением руководили вместе с государем люди известного класса, расстанавливаясь согласно с местническим отечеством, в порядке родословного старшинства лиц и фамилий.

В запасе правительственных привычек и понятий, доставшемся Ивану III и его преемникам по наследству от предков, не было ничего непримиримого с такими притязаниями. Московские князья XIV и XV в. даже более других великих князей привыкли действовать дружно со своими боярами

Из всех великокняжеских городов тогдашней Руси ни один не был в такой степени боярским, как Москва, по числу и знатности действовавших здесь боярских фамилий, и нигде великокняжеская власть не была больше обязана своими успехами людям этого класса.

Правда, с половины XV в. стал обнаруживаться один новый факт, который стоит лишь назвать, чтобы понять его политическую важность. Московское княжество становится великорусским государством: пределы его, доселе определявшиеся случайными успехами князей-собирателей, которые раздвигали их в ту или другую сторону, уже в первой половине XVI в. встретились наконец с границами народности, незаметно образовавшейся сложным и медленным движением колонизации на север и юг от верхней Волги. Эта народность, среди удельного дробления остававшаяся явлением этнографическим, теперь впервые получила политическое значение. Московское княжество, удельное по происхождению, в XIV в. ставшее великим по своим успехам, сделалось национальным великорусским государством по своим территориальным границам при Иване III и его ближайших преемниках: таков коренной и даже единственный факт, оправдывающий привычку нашей историографии класть грань нового исторического периода в начале княжения Ивана III. Все новые политические явления нашей истории, внешние и внутренние, обнаруживающиеся с той поры, суть прямые или отдалённые последствия этого факта.

С распространением удельной политической формы на целую народность в круг хозяйственных прав и отношений московского государя, из которых собственно и состояло государство удельного времени, стал входить ряд новых политических соображений, которые должны были изменить прежние понятия о государстве и государе. По, во-первых, люди, с появлением которых в московской боярской думе обнаруживаются новые политические притязания со стороны боярства, с конца XV в. много, если не более всего, содействовали успеху указанного факта. Все эти князья Одоев-

ские, Воротынские, Мстиславские, Микулинские, Ярославские и другие, которые занимали первые места и в думе, и за государевым столом, и в полках, добровольно, по крайней мере, без прямого принуждения с московской стороны стали слугами московского государя и этим помогли ему как овладеть соседними великими княжествами по верхней Волге, так и раздвинуть свои владения на югозапад до верховьев Оки и до Днепра. Их появление при московском дворе всего более и сообщило здешнему хозяину значение национального государя всея Руси и блеск князя всех русских князей. Они явились сюда не побеждёнными врагами и не случайными наёмниками, а добровольными и усердными поборниками идеи, бывшей преданием, заветным помыслом московского княжеского дома. Допущенные к власти, они не могли внести в правительство стремлений враждебных тому, во имя чего они пришли в Москву со своими вотчинами, пожертвовав удельною самостоятельностью или привольной литовской зависимостью. Они следовательно продолжали образ действий московских бояр XIV в. Применяя к обстоятельствам своего времени слова духовной великого князя Семёна, завещавшего братьям слушаться старых бояр, которые хотели добра их отцу и им, Иван III не погрешил бы против истины, если бы написал в своём завещании сыну: и *новых* бояр слушайся, потому что они не меньше старых хотели добра отцу моему и мне. Притом новое национальное значение московского государя в первое время внушало больше неясных чувств, чем определённых политических понятий, выражалось не столько в новых правительственных учреждениях, в перестройке государственного права, сколько в стремлении создать новую обстановку придворной жизни, завести новый церемониал, построить новый дворец и собор при нём лучше и просторнее прежних, достать жену знатного, настоящего царского корня, прибавить к своему имени новый пышный титул, скрепить на значение преемника торжественным церковным венчанием. Новое положение указало одну новую цель, удивительно ясно сознанную и твёрдо

поставленную в московской политической программе. Но и эта цель касалась внешней, а не внутренней политики: обладая Великою Русью, московский великий князь с чисто московским, великорусским постоянством стал добиваться обладания и всею Русью, какая ещё оставалась в чужих руках. Но обрусевшие и приехавшие в Москву служить Гедиминовичи, князья Бельские, Мстиславские, Патрикеевы, всё большие люди в новом московском боярстве, могли только оправдывать и поощрять эту национальную политику московского государя.

Значит, ни московское правительственное предание, ни политические задачи, стоявшие у московского государя на очереди, ни отношение к ним нового боярства не давали повода к решительному противодействию боярским политическим притязаниям. Мысль о неосуществимости этих притязаний чаще всего подсказывается одним термином в титуле московского государя. Чтобы выразить особое почтение, наших князей и прежде иногда величали „самодержцами". С Ивана III это слово было оффициально введено в постоянный титул московского государя и освящено церковным обрядом, благословением духовной власти. При венчании Иванова внука Димитрия на великое княжение в 1498 г. митрополит называл великого князя-деда „преславным царём самодержцем". Разжаловав потом внука, Иван перенёс этот титул на нового наследника, благословил и посадил сына своего Василия на великое княжение „самодержцем" по благословению митрополита, и великий князь Василий писался самодержцем по смерти отца даже в жалованных грамотах частным лицам, где обыкновенно употреблялся не полный торжественный, а малый будничный титул государя. Но не следует думать, что в этом термине уже тогда сказалась ясно сознанная мысль, отрицавшая всякий раздел правительственной власти московского государя с какою-либо другой внутренней политической силой. Политические термины имеют свою историю, и мы неизбежно впадём в анахронизм, если, встречая их в памятниках отда-

лённого времени, будем понимать их в современном нам смысле. Более ста лет спустя после венчания на царство Иванова внука вступил на московский престол царь Василий из фамилии князей Шуйских с формально ограниченною властью; но в грамоте об его вступлении на престол, разосланной по областям государства, боярская дума и все чины называют нового царя самодержцем. Не одно свидетельство XVII века говорит также о том, что первый царь новой династии не пользовался неограниченною властью; однако он не только писался в актах самодержцем подобно предшественникам, но и на своей печати прибавил это слово к царскому титулу, чего не делали его предшественники, власть которых не подвергалась формальному ограничению. С другой стороны, трудно подумать, чтобы для людей тех веков этот термин был простым титулярным украшением, чтоб они не соединяли с ним никакого политического понятия или соединяли понятие прямо противоположное действительности. Это слово, перевод известного греческого термина, сделанный очевидно старинными книжниками, судя по его искусственности, стало входить в московский официальный язык, когда с прибытием „царевны цареградской" Софьи к московскому двору здесь робко начала пробиваться мысль, что московский государь и по жене, и по православному христианству есть единственный наследник павшего цареградского императора, который считался на Руси высшим образцом государственной власти вполне самостоятельной, независимой ни от какой сторонней силы. Эта мысль высказывалась в подробностях придворного церемониала, в новом государственном гербе, даже в попытке создать новую родословную московских государей, дав Рюрику прямого предка в лице Августа, кесаря римского. *Самодержец* входит в московский титул одновременно с *царём*, а этот последний термин был знаком того, что московский государь уже не признавал себя данником татарского хана, которому доселе Русь преимущественно усвояла название царя. Значит, словом *самодержец* характеризовали не внутренние по-

литические отношения, а внешнее положение московского государя: под ним разумели правителя, не зависящего от посторонней, чуждой власти, самостоятельного: самодержцу противополагали то, что мы назвали бы вассалом, а не то, что на современном политическом языке носит название конституционного государя. Так и смотрели на московского государя современники Ивана III: они видели в нём „русских земль государя", независимого главу православного русского христианства. Какой пророк пророчествовал, спрашивал архиепископ ростовский Вассиан в послании к Ивану III на Угру, какой апостол учил, чтобы ты, „великий русских стран христианский царь", повиновался басурманскому царю? С понятием о самодержавии общество соединяло мысль о внешней независимости страны: вопрос о внутренних политических отношениях ещё не возбуждался. Во второй половине XVI в., уже в эпоху горячего столкновения государя со своим боярством, в Москве стали задумываться над этим термином, разбирать его и со стороны внутренних политических отношений. Царь Иван старался понять его возможно проще, в прямом этимологическом смысле. „Како же и самодержец наречется, аще не сам строит?" возражал он Курбскому, отстаивая власть царя от притязаний боярства. Но если царь этим словом колол глаза боярству за его политические притязания, то боярская сторона в свою очередь этим же словом колола глаза самому царю за ту власть, какую он давал монашеству, наделяя его землями и землевладельческими привелегиями. *Беседа* валаамских чудотворцев, известный политический памфлет XVI века, тесно связана по своему происхождению с лагерем оппозиционного боярства и направлена против монастырского землевладения, которое опустошало боярские вотчины. „А сёлами и волостями с крестьянами, читаем в этом памятнике, царям не подобает жаловать иноков, и непохвально делают так цари. Пишутся они в своих титулах самодержцами: таким царям никак не следует писаться самодержцами, потому что не сами собою держат они Бо-

гом данное им царство и мир и не с *приятелями* своими, князьями и боярами, а владеют им и советуются с непогребенными мертвецами. Лучше сложить с себя сан и венец царский, оставить царский жезл и не сидеть на царском престоле, чем отвращать иноков от душевного спасения мирскими суетами“. Но это были усилия мысли отдельных публицистов, к числу которых принадлежал и Иван Грозный. Оффициальный язык московского правительства и после того сохранял первоначальное историческое значение этого термина, которое не мешало прилагать его к царям, вовсе не пользовавшимся самодержавною властию в современном нам смысле этого слова.

Нет никакой нужды предварять исторический ход явлений, приписывая московским государям XV и XVI в. политическое самосознание, которое с великим трудом выработалось лишь позднее. Иностранцы, наблюдавшие политический быт Москвы при отце Грозного, замечали, что московский государь властию своею над подданными превосходил всех монархов в свете. Не нужно было особенной наблюдательности, чтобы заметить это. Такая власть была здесь не вчерашним явлением: она прямо развилась из значения удельного князя-хозяина, окружённого дворовыми слугами, холопами. Но именно потому, что она имела такой источник, в ней был один существенный пробел. Московский государь имел обширную власть над лицами, но не над порядком, не потому, что у него не было материальных средств владеть и порядком, а потому, что в кругу его политических занятий не было самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядком, как лицами. Великий князь Василий Иванович бранил своих советников смердами и прогонял их из думы с глаз долой, но в полковых росписях какого-нибудь неблагонадёжного политически кн. Горбатого-Шуйского назначал на много мест выше вернопреданного потомка старинных московских бояр Хабара-Симского или Лошакова-Колычова. Если бы тому же великому князю какой-нибудь политик стал доказывать, что несогласно с его державным

достоинством вверять управление строптивым боярам, жаловать в боярское звание знатных людей только потому, что их отцы носили его, ставить их выше усердных неродовитых слуг только потому, что так следует по боярскому местническому отечеству: великий князь едва ли понял бы подобные рассуждения или понял бы только, что эта такая же безлепица, как спать перед обедом, обедать до обедни, играя „в шахи", ходить с чёрной клетки на жёлтую и т. п. Всё это можно и легко сделать, да так не повелось, и сделать так значило бы показать не самодержавную власть свою, а только своё неуменье жить с людьми и играть в шахи. Московские государи всего менее поддавались соблазну такого самодержавия. Они предоставляли делам идти своим чередом, только высматривая в заведённом порядке обстоятельства, которыми можно было бы воспользоваться с выгодой, и именно потому, что этот порядок часто давал им в руки такие выгодные обстоятельства они не любили ломать его или круто повёртывать в свою сторону. Это был их фамильный упорный консерватизм предания; в нём было много наблюдательности и практической сноровки, но очень мало творческих идей, или, что то же на изнанку, торопливой наклонности всё рвать и кроить посвоему. До Ивана Грозного они всё копили, собирали, были, по изысканному выражению этого царя, „в закосненных прародительствиях земли обрегатели", одолевали соперников и готовили средства для освобождения себя и своей Руси от татарской власти, и когда наконец выбились из неволи, охотно приняли подсказанный духовенством титул царей и самодержцев, как знак внешней независимости, а не как девиз внутренней политики, подобно тому как церковным венчанием на царство они заменили прежнее посажение на великокняжеский стол татарским посланцом. Среди внешних хлопот они ещё не успели хорошенько обдумать ни значения этого титула, ни внутреннего политического содержания своей власти, созданной новым положением, и ещё менее спели подумать возвести этот титул в политическую теорию

и согласно с этой новой властью перестроить свои внутренние политические отношения и весь правительственный порядок. Между тем политические успехи собрали вокруг московского государя целый сонм новых слуг. Передние ряды его состояли всё из владетельных князей или их сыновей, которые или отцы которых так же самостоятельно владели своими отчинами, как московские князья своей. В большинстве они добровольно пришли в Москву, много помогли её успехам и считали себя в праве надеяться, что за ними оставят если не все, то часть их прежних вотчин и вотчинных прав с долей прежней правительственной власти. Всё это и признали за ними московские государи, не торопясь точно определить новое положение сторон, не заботясь о противоречиях, какие это признание вносило в их отношения. До сих пор они всё старались овладеть возможно большим количеством князей и княжеств и, не задумываясь много над новою системой управления приобретёнными княжествами, стали править ими посредством приобретённых князей. Это открывало обширный простор обоюдным недоразумениям, которые вызывали столкновения между обеими сторонами; но это было совершенно согласно с фамильными политическими преданиями московских государей, привыкших действовать по старине, по указаниям опыта и текущей минуты, пользуясь ближайшими наличными средствами.

В этом отношении московское общество, кажется, опередило своих государей и вынесло из пережитого более цельное впечатление. Оно раньше их вывело политические итоги из совершившихся перемен и составило совершенно отчётливое понятие о верховной власти, отождествляя волю государя с волею Божией, а „свою волю“ новгородцев с отсутствием правды и всякого порядка, считая себя и всё своё полною собственностью государя, не признавая кроме его никакой другой власти в государстве, называя его наместником Бога на земле, постельником Божиим и т. п. Выражение таких воззрений встречаем в своих и чужих памятниках уже при деде и отце Грозного, а сам Грозный, как

увидим, даже несмотря на свои опыты в непривычной для его предков философии власти, не только не мог отрешиться от удельных преданий, но и признал важнейшие из притязаний своего боярства, с которым так долго воевал и пером, и палачом.

ГЛАВА XIII.

Однако перемены в устройстве боярской думы XVI в. вышли не из этих боярских притязаний.

Можно было бы ожидать, что на правительственном устройстве боярской думы в такой же степени отразятся политические притязания нового московского боярства, в какой на её составе отразился изменившийся состав этого класса.

Некоторые явления заставляли предполагать, что перемены в устройстве учреждения примут именно направление, согласное с этими притязаниями. Уже к началу XVI в. боярство нового состава образовало из себя класс, заметно стремившийся обособиться от низших служилых слоёв. В XVI веке новое боярство всюду является в управлении на первом плане. Люди родовитых фамилий, начавших служить в Москве не раньше XV века, давят старинное боярство московское и своей численностью, и важностью занимаемых ими должностей. Огромное большинство этих людей составляют князья. И в думе, и в высшей военно-походной администрации встречаем сходные явления. Как там первый думный чин, так здесь места первых полковых воевод принадлежат преимущественно знатному княжью; даже количественные отношения разных генеалогических слоёв служилого класса там и здесь довольно близки друг к другу *).

---

*) Берём на удачу два года из двух смежных царствований, 7021 (с сен. 1512 по сен. 1513 г.) и 7056, и сосчитываем по разрядной книге всех воевод, посланных с полками на разные границы государства. Находим, что князей было в первый год 32 из 57 вое-

Между фамилиями, которые составляли московское боярство, и даже между отдельными членами этих фамилий установился довольно точно определённый иерархический распорядок. В разрядных росписях походов иногда по имени первого воеводы большого полка можно приблизительно рассчитать, какие имена могли следовать за ним на местах его товарищей и воевод остальных полков. Боярские служебные понятия, вскрывающиеся в местнических тяжбах, обличают в знатнейших фамилиях боярства даже стремление замкнуться в тесную недоступную касту. В продолжение XVI в. круг первостепенной московской знати гораздо меньше принял в свой состав поднявшихся подсадков со стороны, чем отбросил собственных засохших, захудалых сучьев. С тех пор, как прекратился усиленный прилив в Москву знатных выходцев из уделов и из-за границы, живо чувствуется эта наклонность боярства подчищаться. С половины XVI в. в списках уездных дворян и детей боярских с каждым поколением является всё больше громких родовитых имён, носители которых канули на дно служилого общества, не выходят из низших служилых чинов, и более счастливые родичи их, уцелевшие на родословном дереве, смотрят на них свысока, как на людей „обышных неродословных, городовых“, запрещают им считаться своим родством, чтобы не „худить“ старших или более сановных однофамильцев. До половины XVII века неродовитому человеку было всё ещё трудно пробиться к высшим служилым чинам, несмотря на сильно поредевшие ряды старой знати. Происхождение, родословное предание брало верх над дарованием, личною заслугой, даже личною выслугой. Важнее всего было то, что этот родовитый круг чрез своих думных представителей вёл текущее законодательство государства в то самое время, когда оно

вод, во второй 55 из 92; членов фамилий, простых или титулованных, начавших служить в Москве с XV века, в первый год было 39, т.-е. около 68%, во второй 68 или почти 73%, а членов фамилий, вступивших на московскую службу с княжения Ивана III, в тот и другой год было по половине всего числа воевод. Ср. выше стр. 229 и сл.

устроялось в своих новых границах и в новом общественном составе.

Казалось бы, при таком настроении и в таком благоприятном положении думное боярство прежде всего будет добиваться двух перемен в устройстве думы: во-первых, подчистившись и замкнувшись возможно более, попытается оставить двери думы открытыми лишь для немногих избранных фамилий, преимущественно титулованных; во-вторых, поспешит взять в свои руки направление, инициативу законодательства. Посмотрим, насколько перемены, совершившиеся в устройстве боярской думы Московского государства, соответствовали этим предположениям.

С образованием Московского государства произошли важные перемены в центральном московском управлении. Эти перемены были делом административного процесса, начавшегося ещё в удельное время. Он состоял, как мы видели, в том, что дела новые, возникавшие в центральном управлении, сперва разрешались дворцовой думой, как экстренные, а потом, теряя такой характер от частого повторения, отходили в особые постоянные центральные ведомства, для них создававшиеся. Накопление правительственных дел, выходивших из круга дворцового хозяйства, вызвало с течением времени сложную систему приказов, ведавших государственные недворцовые дела. В удельное время центральное управление состояло собственно из высших дворцовых учреждений. Теперь эти последние всё более тонули в увеличивавшейся постепенно массе этих новых недворцовых ведомств. В удельное время центральное управление было по преимуществу боярским, велось боярами введёнными. Оно остаётся боярским и теперь. Судебник Ивана III представляет думных людей, бояр и окольничих, начальниками отдельных центральных приказов по преимуществу: говоря о высшем центральном суде, он постановляет, что судят бояре и окольничие, из коих каждый обязан давать управу всем истцам, „которым пригоже“, т. е. дела которых ему подсудны и не превышают его компетен-

ции, а кого ему будет „непригоже управити“, о том он докладывает великому князю или посылает истца к тому, „которому которые люди *приказаны* ведати“, т. е. направляет к боярину другого приказа по подсудности. Но оставшись боярским, центральное управление перестало быть управлением бояр введённых, т. е. дворцовым. Когда рядом со старыми дворцовыми ведомствами явилось много новых недворцовых, дворцовое управление стало отличаться от боярского и не входило в круг последнего, как его органическая часть, а составляло особую параллельную ему администрацию. По одной неизданной грамоте Троицкого Сергиева монастыря царь в 1551 г. пожаловал двух своих певчих дьяков „дальным приставством“ этого монастыря, дав им право в случае тяжбы назначать срок стать перед царём, перед боярами и дворецкими „тех городов людям, которые городы у которых *бояр* и у *дворецких* в приказе будут“. Вместе с разделением центральной администрации на два порядка учреждений и в высшем правительственном классе обозначаются две иерархии, придворная и дворцовая. В составе обширного придворного круга образуется особый штат, имевший ближайшее отношение к дворцу: это *комната,* которую составляли *ближние* или *комнатные* люди. Ближними они назывались в дипломатических актах, в сношениях с иноземцами, а в домашнем, дворцовом обиходе обыкновенно носили звание комнатных. Так объясняет значение этих терминов Котошихин, и его объяснение, говоря вообще, оправдывается терминологией старых московских дипломатических и дворцовых книг и актов. Но Котошихин недостаточно ясно и точно определяет состав комнаты, когда говорит, что людей, в молодости служивших спальниками у государя, живших в его комнате, потом жаловали в комнатные бояре или окольничие, смотря по родовитости каждого. Звание ближних или комнатных носили не одни бояре и окольничие, но и люди менее чиновные, стольники и дворяне. Даже такие родовитые вельможи, как князья Голицыны, возводились в бояре уже из комнатных стольников,

а не прямо из спальников. Наконец „в комнату“ жаловали людей, и не бывавших спальниками у государя. Котошихин говорит, что бывшие спальники назывались ближними боярами или окольничими, „потому что от близости пожалованы“. Пародируя его слова, можно сказать, что ближним человеком становился не только тот, кого от близости жаловали в службу, но и тот, кого за службу жаловали в близость. *Комната* давала не прибавочное только звание к служебному чину, напоминавшее, что человек вырос на глазах у государя: она была „честью“, отличием, возвышавшим служебный чин и открывавшим доступ к государю, дававшим право „видеть государевы очи“ в такое время, когда другие его не имели. Комнатный боярин или стольник был выше простого, „рядового“, потому простых бояр и стольников жаловали иногда в комнатные. До половины XVII в. в приказных бумагах не находим достаточных указаний на численный и генеалогический состав комнаты. В спальники брали, разумеется, преимущественно молодёжь из знатных фамилий, „детей больших бояр“, говоря словами Котошихина. Но в XVII в. и комната вместе со всем правительственным классом повидимому теряла свой аристократический состав; делаясь менее родовитой, она становилась всё многочисленнее. По списку 1670 г. числилось 18 одних комнатных стольников, и большинство их состояло из людей второстепенной знати или совсем незнатных. К 1708 г. комнатных стольников накопилось уже 125, и между ними являются люди всяких фамилий. Ближние люди занимали особое положение в чиновной московской иерархии: они и входили в её состав, образуя одну из ступеней чиновной лествицы, и как будто выделялись из неё, составляя особую иерархию. В перечнях придворных чинов они следуют за думными людьми и предшествуют стольникам; но ближними людьми бывали и члены думы, бояре с окольничими, и стольники, и дворяне московские. Такая двойственность положения ближних людей происходила от того, что они преимущественно занимали должности по дворцовому ведомству,

а эти должности теперь, обособившись от центральной государственной или *боярской* администрации, образовали особую иерархию, параллельную последней. Это обособление всего явственнее обнаруживалось в отношении высших дворцовых должностей к думным чинам. В XVII в. по Котошихину казначей сидел в думе выше думных дворян; но в XV и XVI в. казначеями бывали и дьяки, и бояре, люди, стоявшие и ниже, и выше думных дворян, а в XVII в. казначеев иногда возводили в окольничие. Точно так же ясельничий, управлявший Конюшенным приказом со времени упразднения должности конюшего, был по Котошихину честию выше думных дворян „и в думе сидел с царём и с боярами вместе“. Однако это не было постоянным правилом: в XVII в. иные ясельничие получали эту должность, ещё не имея думного дворянства, а другие на этой должности из думных дворян дослуживались до боярства. Дворцовый сановник, занимая одну и ту же должность, повышался из чина в чин подобно управителям других ведомств. Но иногда дворцовая должность не соединялась ни с каким чином боярской иерархии и сама получала значение чина. В XVII в. иногда жаловали в кравчие из комнатных стольников и в боярских списках ставили кравчего выше окольничих, но при этом не давали ему ни окольничества, ни думного дворянства. В этом значении дворцовые должности составляли особую иерархию, параллельную боярской, хотя отдельные степени её не соответствовали точно степеням последней. По словам Котошихина, постельничий и стряпчий с ключом, ведавшие царский гардероб, оба считались честию „против окольничих“, следовательно по своему положению на общей чиновной лестнице были равны один другому. Но в дворцовой иерархии стряпчий с ключом стоял ниже постельничего, был его товарищем по управлению царской Мастерской палатой и за службу обыкновенно возводился в сан постельничего. Притом в XVII в. встречаем стряпчих с ключом, которые и по достижении сана постельничего не имели чина не

только окольничего, но и думного дворянина, хотя писались выше думных дворян.

Таковы перемены, происшедшие в центральном управлении: дворцовая администрация обособилась от боярской; в составе высшего правительственного класса образовались два штата, рядовой боярский и комнатный дворцовый; в последнем стала складываться особая иерархия, параллельная боярской. Вследствие этих перемен прежнее введённое боярство, составлявшее центральное управление в удельные века разложилось на свои составные элементы. Введённый штат теперь преобразился в комнату и остался во главе дворцового управления; но не все комнатные люди теперь были боярами. Бояре остались руководителями новой центральной недворцовой администрации; но далеко не все они входили в состав комнаты. Благодаря этому разложению удельного учреждения бояр введённых существенно изменился и правительственный состав боярской думы. В удельные века она была советом бояр введённых, главных сановников по дворцовому управлению. Теперь эти бояре введённые составляют малозаметный элемент в составе думы. Одни из прежних дворцовых должностей превратились в простые чины, не дававшие места в думе: таковы были должности стольника и чашника. Окольничий остался в думе, но также утратил значение дворцового управителя, стал чином. Остальные дворцовые сановники являются непостоянными, случайными членами думы, потому что их должности не были связаны непременно с думными чинами. Сокольничий и ловчий изредка являются думными дворянами, а обыкновенно носили недумные чины и не сидели в думе. Конюшими также бывали в XV в. люди, не имевшие думного чина. Даже дворецкий не всегда был думным человеком и иногда много лет исправлял свою должность, прежде чем вступал в думу в звании окольничего или боярина. В удельное время все эти должности были соединены с званием боярина введённого, члена думы. Другие дворцовые сановники, которых в удельное время не заметно среди бояр введённых, ясель-

ничий, кравчий, постельничий, ещё реже появлялись в думе. Именам этих сановников давали в списках почётные места среди думных людей; в поместных окладах их уравнивали с думными дворянами. Но постельничий вступал в думу путём особого пожалования в сан „постельничего думного"; точно так же особым указом иногда велели кравчему „ходить в палату и сидеть с бояры". Обыкновенно тот и другой были „не в думе"; стряпчий с ключом, по словам Котошихина, никогда не сидел в думе, даже когда бывал честию равен окольничему. Однако и теперь не утратило своего действия начало, которым определялся состав думы в удельное время: она состояла преимущественно из управителей центральных ведомств. Но так как на старом дворцовом управлении теперь наросла сложная администрация недворцовых приказов, то думу теперь и наполнили начальники этих новых государственных учреждений, явившиеся на смену прежних дворцовых приказчиков, бояр введённых. С тех пор как управители этих приказов образовали главный элемент в правительственном составе думы, можно сказать, что она из государевой дворцовой думы при князе удельного времени превратилась в государственный совет при государе московском и всея Руси. По некоторым признакам можно заметить, что такое превращение совершилось ещё до XVI века *).

Вместе с этою переменой в правительственном строе московской думы замечаем и другую. В удельное время все советники князя, управлявшие разными отраслями дворцового хозяйства, носили одно общее звание бояр, различаясь

---

*) Дв. Разр. IV, 345, 456, 298, 196, 174, А. З. Росс. IV, 328, *Калачёва*, Арх. ист.-юр. свед. кн. II, 2, стр. 140. Др. Росс. Вивл. XX, 55, 61, 93, 94, 99 и 108. Ср. Книги Разр. I, 1368; II, 303. Боярск. кн. в Моск. Архиве мин. юст. №№ 1 и 55. Боярск. спис. № 6 там же Пам. дипл. снош. с Лит.-Польск. госуд., изд. Карповым в XXXV т. Сборн. Русск. Ист. Общ., стр. 163 и сл. Пам. дипл. снош. с имп. Римск. I, 413. *Котош.* 59, 67, 23, 88. Сб. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 660. П. С. Зак. №№ 856 и 865.

только должностями. Теперь члены думы разделяются ещё по чинам на *бояр* и *окольничих*. Можно с некоторою точностью обозначить время, когда началось это разделение. В удельные века окольничий принадлежал к числу бояр введённых; но недостаточно известно, в чём состояла его дворцовая должность. Из позднейших указаний видно только, что окольничий был ближайший к князю человек его свиты, согласно со своим званием находился постоянно *около* него, в поездках государя ехал впереди его, приготовляя всё нужное для пути по станам, во дворце распоряжался приёмом послов и т. п. С XVI века постоянной должности окольничего не заметно, а его обязанности исполняли, когда это надобилось, люди разных званий, как и в XVII веке, когда царь ездил к Троице, „в окольничих перед государем" бывали даже дворяне московские, которые по своему чину стояли несколькими ступенями ниже думных окольничих. Подобно этому при торжественных обедах во дворце иногда „чашничали стольники". С другой стороны, в начале XVI в. некоторые советники государя называются просто боярами, другие боярами-окольничими *). Этим колебанием в значении звания повидимому и обозначился переход прежней постоянной должности окольничего во второй думный чин, который в начале XVI века ещё очень мало отличался от первого, от звания боярина, может быть меньше, чем теперь отличается тайный советник от действительного тайного. Разбирая список бояр и окольничих XVI века, мы заметили, что эти звания имели тогда значение не только простых служебных чинов, но и генеалогических слоёв боярства. Полагаем, что в этом заключалась главная причина разделения личного состава думы на чиновные разряды. В удельное время отдельные лица в кругу советников князя разли-

*) *Герберштейн* в переводе *Анонимова*, стр. 85. Дворц. Разр. I, 491 и 615. П. С. Р. Лет. VIII, 248 и 250. В 1502 г. грамота московской думы к литовской раде писана „от всех князей и от бояр и от *окольничих*, рады Иоанна государя всея Руси". Сборн. Русск. Ист. Общ. XXXV, 336.

чались между собою положением при дворе, местами в думе и за княжим столом; но они все носили одинаковое звание бояр. Теперь в новом составе московского боярства обозначилось различие не только между отдельными лицами класса по их положению, но и между целыми слоями боярских фамилий по их происхождению. Если люди первостепенных родов вступали в думу прямо боярами, то для членов второстепенной знати понадобилось создать второй думный ранг, которым и стало звание окольничего, служившее для одних лишь переходною ступенью к боярству, а для других пределом служебного движения к какому они были способны по своему „отечеству“.

Мысль о таком происхождении думных чинов поддерживается историей третьего чина, появившегося в составе думы вслед за окольничеством, *думного дворянства*. В списке членов боярской думы думные дворяне появляются уже во второй половине XVI века, с 1572 года. Но учреждение это возникло гораздо раньше. Ещё в малолетство Ивана IV, в 1536 и 1537 годах, когда польские послы представлялись великому князю, при нём вместе с боярами, окольничими и дворецкими находились „дети боярские, которые живут в думе, и дети боярские прибыльные, которые в думе не живут“. Точно так же в 1542 году, во время приёма литовского посольства, в избе при великом князе кроме бояр были ещё, как замечено в приказной записи, князья и дети боярские, которые в думе живут и которые в думе не живут. *Жить* в думе значило присутствовать там или быть туда приглашаемому *). Этим можно объяснить одно известие в рассказе летописи о том бурном заседании думы при больном царе в 1553 году, на котором шла речь о присяге бояр маленькому наследнику царя Димитрию. Сказав, что к

---

*) Так о наместниках и других гражданских судьях, присутствовавших на суде епархиального архиерея новгородского в известных *смесных* делах, грамота 1598 года говоритъ, что судит эти дела митрополит новгородский, а государевы судьи „у митрополита сами в суде живут“. Доп. к Акт. Ист. I, № 148.

вечеру поцеловали крест некоторые бояре, летопись продолжает: „да которые *дворяне* не были у государя в думе, Ал. Фёд. сын Адашев да Игн. Вешняков, и тех государь привёл к целованию в вечеру же“. В списке членов боярской думы Алексей Адашев является прямо окольничим в 1555 году. Быв прежде спальником у молодого царя, он потом стал, как видно по разрядной книге, постельничим, которым оставался и в 1553 году, по словам князя Курбского. Но ещё в 1550 году царь поручил ему „челобитные принимати от бедных и обидимых“, т.-е. назначил Алексея управителем новоучреждённого Челобитного приказа. Так как прошения, подаваемые самому царю, последний разбирал с боярами, то начальник этого приказа становился в очень близкие отношения к думе. Надобно полагать, что с того времени А. Адашев стал *жить в думе*, сделался думным дворянином. Эта догадка поддерживается разрядною росписью царского похода в Коломну в 1553 году: тогда А. Адашева, ещё не бывшего окольничим, назначили в „стряпчие у царя с бояры“ вместе с тем самым Вешняковым, который является в летописи дворянином, подобно Адашеву не случившимся у государя в думе при обсуждении дела о присяге. Всем этим объясняется, каким образом человек такой совсем неродословной фамилии, как Адашевы, которому царь при назначении на должность в 1550 году говорил, что взял его „от нищих и от самых молодых людей“, по списку является в думе прямо окольничим подобно членам знатных родов старого московского боярства: предварительно он много лет состоял дворянином в думе, и на это думное звание его намекает царь в письме к Курбскому, говоря, что взял Алексея „от гноища и учинил с вельможами, чая от него прямой службы“. Следы заводившегося обычая призывать в думу людей, не носивших ещё звания ни боярина, ни окольничего, заметны уже при отце Грозного. Известный И. Н. Берсень-Беклемишев бывал в совете великого князя Василия, раз что-то возражал ему по делу о Смоленске и за то подвергся опале. Но он нигде не

является ни боярином, ни окольничим, и самая фамилия его не принадлежала к таким, из которых выходили люди этих званий в первой половине XVI века: это „добрый“ род, но стоявший несколько ниже „средних“ при тогдашнем составе московской знати. Берсень стоял уже на виду при дворе Ивана III и был, кажется, особенно близок к его сыну Василию, двор которого при жизни отца не отличался родословным блеском своего состава: беглый сын удельного верейского князя Михаила около 1493 года именно к Берсеню обратился из Литвы с просьбой бить челом Василию, чтобы тот похлопотал за него перед великим князем. Но при этом, как и в других известных случаях, Берсень является в звании сына боярского. Отец, кажется, ещё успел добраться до чина боярина или окольничего; но сын, как видно, носил в думе только звание сына боярского, в думе живущего, а опала помешала его дальнейшему возвышению *). Стоит лишь просмотреть список думных дворян XVI и XVII веков, чтобы заметить двоякое происхождение этого звания, социально-административное. С одной стороны,

*) Акт. Зап. Росс. II, 252 и 268. Дела Польск. в Моск. Арх. мин. ин. дел, № 3, л. 7—10 (в сокращении у *Соловьёва* VI, 73); к сожалению, в записи здесь не поименованы князья и дети боярские, в думе живущие. Царств. кн., стр. 342. *Карамз.* VIII, прим. 184. Сказ. кн. *Курбского*, 42 и 187. Разр. книга, указанная выше, л. 262. Сб. Русск. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 82. Крымск. дела в Моск. Арх. мин. ин. дел, № 1: здесь под 1474 г. отец Берсеня назван боярином, даже ближним, а в летописном рассказе оффициального происхождения под 1476 г. он же является в числе детей боярских. П. С. Лет. VI, 203. Ср. там же стр. 271: вел. кн. Василий перед смертью, призвав к себе всех своих бояр, во время совещания обращается с речью не к одним боярам, но и к детям боярским и княжатам. Может быть, это дети боярские, в думе живущие, одним из коих был прежде и Берсень. Кажется, указание на тот же чин в составе удельной думы даёт летопись в рассказе о восстании кн. Андрея старицкого в 1537 году: вместе с 4 боярами этого удельного князя тогда пострадали и князья и дети боярские, числом трое, „которые у него в избе были и его думу ведали“. П. С. Лет. VIII, 294.

благодаря появлению новой титулованной знати в Москве накопилось, говоря словами Котошихина, много добрых и высоких родов, которые не могли придти в честь „за причиною и за недослужением“. С другой стороны, благодаря усложнению правительственных задач в Москве возник ряд таких новых приказов, или прежние так изменились, что для управления ими не годилась военно-придворная знать, или они не годились для административного испомещения этой знати: они требовали постоянного личного присутствия управителя и той деловой опытности, которой обладали дьяки и лишены были большие люди, ежегодно уезжавшие из Москвы то наместничать по городам, то воеводствовать над полками. Так уже в XVI в. образуется в Москве особый круг сановитых дельцов, имена которых редко появляются в разрядах между полковыми и городовыми воеводами, но которые заметно становились самыми деятельными двигателями центрального приказного управления. Затираемое на военно-придворном поприще, старое упавшее боярство, московское и удельное, теперь пригодилось правительству на новых деловых постах. К нему примкнули разные новые люди, пробиравшиеся наверх, в особенности мастера приказного дела, дьяки. Рядом с членами старых московских служилых родов Алферьевым, Безниным, Воейковым, с потерявшими титул потомками смоленских князей Ржевскими и Татищевыми, с потомками старых тверских бояр Нагими и Зюзиными являются Адашевы, Сукины, Черемисиновы, Щелкаловы и другие люди всё с тёмною родословной и видною деятельностью. В некоторой степени к ним идёт преувеличенный отзыв оппозиционных остряков XVI века о дьяках, новых доверенных людях государя, отцы которых отцам бояр и в холопи не годились и которые теперь не только землёю владели, но и боярскими головами торговали. Но совсем несправедливо было бы вместе с Курбским думать, что только вражда государей к боярству выдвигала тогда вперёд этих людей. Они бывали у государя „людьми великими“, как отзывались иностранцы об А. Щелкалове, поль-

зовались большим влиянием, но приобретали его путём, который и без этой вражды остался бы для них открытым. Их вызвали к делам новые потребности управления. Начиная службу снизу, иные подьячими, они были хорошо знакомы с подробностями усложнявшегося всё более государственного механизма и делали всю чёрную работу администрации, занимали самые трудные и хлопотливые должности, служили казначеями, печатниками, стряпчими с ключём, думными дьяками и начальниками наиболее рабочих приказов, которыми пренебрегала или не могла править родословная военная знать. Из этого нового делового класса и выходили обыкновенно думные дворяне, в списке которых за весьма немногими исключениями не видно людей настоящего родословного боярства *). Так думное дворянство не было произведением только политического антагонизма между верховною властью и боярством: в его создании участвовали перемены в составе служилого класса и в устройстве управления. Боярская дума и теперь не утратила одной черты своего удельного устройства, оставалась советом управителей главных отраслей администрации; но теперь такими отраслями были не одни дворцовые ведомства, даже преимущественно не они, а новые государственные приказы. В некоторые из этих приказов по их положению в иерархии учреждений или по роду дел не назначали людей военно-придворной знати; но по своему административному значению они имели ближайшее отношение к думе, и их управители должны были иметь там место. Знатного боярина или окольничего непригоже было поставить во главе какого-нибудь Челобитного

---

*) *Болтин* близко подходит к такому значению этого чина, сообщая при этом подробности, может быть, идущие по преданию из XVII в. „Думные дворяне были избранные дворяне, коих достоинства и способности государю были известны: приуготовляя их к делам, допущали в царскую думу, где *они стоя слушали бояр*, рассуждающих о делах, насматривалися у думных дьяков письменному производству дел и приобретали в них исподоволь знание и привычку“. Критич. примеч. на Лекл. II, 441.

или Печатного приказа. Туда назначали людей помоложе родословной честью или совсем худых, не помнивших и даже не имевших родословного родства, зато знавших приказное дело; но таких людей непригоже было вводить в думу прямо даже окольничими, потому что они из „такой статьи родов, которые в боярех не бывают“. Если это были дворяне, как Адашев или печатник Олферьев, их вводили в думу думными дворянами и за долгую и дельную службу возвышали в окольничие. Если это были дьяки, они вступали в думу думными дьяками и потом поднимались в думные дворяне, даже в окольничие, как было с дьяком Посольского приказа и печатником В. Щелкаловым. Легко видеть, какую перемену вносили эти люди в состав боярской думы: рядом с аристократией породы, родословной книги, становилась знать приказной службы и государевой милости. Не будучи произведением только политической борьбы, вызванной притязаниями боярства, думное дворянство осталось не без участия в его политическом разрушении, подкапывая самые основы боярской аристократии, разрушая господствовавшие в XVI веке понятия об отношении породы к службе.

Думное дьячество по своему происхождению имело довольно тесную связь с думным дворянством: то и другое вызвано было новыми потребностями администрации. Уцелевшие акты не объясняют достаточно того, как была устроена канцелярская часть при думе удельного времени, когда она была чисто дворцовым советом. Письмоводство при начальниках разных дворцовых ведомств было в руках дьяков. Главные из них подобно этим начальникам назывались *большими* или *введёнными*. Эти дьяки, разумеется, докладывали и дела, которые решал сам князь с советом бояр, и помечали их приговоры. Но это были собственно дворцовые дьяки, а не специальные думные: они состояли при боярах введённых, а не при думе, как после думные. Последние появились тогда, когда сформировались новые недворцовые ведомства, которые дума приняла под своё ближайшее руководство, действуя в них

чрез особых собственных секретарей. Были уже изложены нами соображения о том, как возникали в Москве новые приказы недворцового характера. Первоначально они были отделениями думской канцелярии под управлением дьяков и лишь со временем, когда их ведомства устанавливались, дела входили в колею текущей администрации, эти приказы отделялись от думы, как особые учреждения, во главе которых становились бояре, окольничие или думные дворяне. Следы такого процесса можно заметить в истории приказов Посольского, Разрядного, Поместного, Печатного, Казанского Дворца, Новгородской и Новой Четверти и других: в XVII веке эти приказы, управлявшиеся прежде дьяками, поступают, одни раньше, другие позже, под руководство бояр и других высших чинов людей. Ямским приказом, например, в XVII веке управляли бояре или окольничие с думными дворянами. Но он существовал уже в первой половине XVI века и находился тогда под управлением дьяков: акт 1536 года говорит о дьяках в Москве, „которые ямы ведают". Первые дьяки важнейших из таких приказов и возводились в звание думных дьяков или государственных секретарей, как их называли иностранцы. Они, вероятно, носили сперва старые удельные звания больших или введённых дьяков *). Можно думать, что к началу XVI в. те из новых приказов, во главе которых потом видим думных дьяков, уже успели выделиться из дворцового управления, прежде соединявшего в себе все дела центральной администрации. Намёк на это выделение можно видеть в Судебнике 1550 г., который различает дьяков *дворцовых* и *полатных*, т. е. всего вероятнее думных.

*) На предсмертных совещаниях великого князя Василия о делах дворцовых и общегосударственных появляются пять дьяков. Не все они были дворцовые; некоторые действовали, вероятно, по упомянутым новым ведомствам. Из них двое, Цыплятев и Путятин, вели переговоры с иноземными послами, составляли дипломатические акты, ездили послами за границу. Эти именно два дьяка являются в дипломатических бумагах Василиева княжения в звании „дьяков великих", как после думный дьяк В. Щелкалов носил звание дьяка „введённого". Сб. Р. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 858.

С половины XVI века думных дьяков обыкновенно было четверо: посольский, разрядный, поместный и из Казанского Дворца. Ведомства этих приказов отличались особенной канцелярскою сложностью, и делами их непосредственно руководила дума. Впрочем думных дьяков бывало иногда меньше, иногда больше, по крайней мере в XVII в: первое происходило обыкновенно от того, что иной думный дьяк, продолжая править своим приказом, возводился в высший думный чин, а вместо него не назначали другого в звание думного дьяка; второе чаще всего бывало, когда в ином из названных четырёх приказов два дьяка одновременно носили звание думных. В Посольском приказе было в одно время два думных дьяка даже в 1668 году, когда им управлял уже боярин А. Л. Ордин-Нащокин, так что это учреждение имело в думе трёх представителей: это объясняется, может быть, тем, что им сверх Посольского поручены были ещё четыре важные приказа. Впрочем, обыкновенно встречаем в названных приказах по одному думному дьяку и тогда, когда начальниками их были думные дворяне или окольничие, возведённые в эти звания из думных же дьяков. Так было и при Котошихине. Последний изображает думных дьяков пассивными протоколистами или секретарями, которые, *стоя* в думе, только помечали и записывали её приговоры или по поручению царя заготовляли проекты разных грамот и росписей. Однако, можно заметить, что их участие в занятиях думы было более деятельным. В думе дела обсуждались, даже подвергались иногда очень горячим прениям; но при решении их не видно регулярного голосования. Думные дьяки являлись сюда докладчиками по делам своих приказов, давали справки и мнения, какие при этом от них требовались. Имея только совещательный голос, они однако должны были оказывать большое влияние на ход и последствия совещания и не раз подсказывали думе её приговоры. Притом они же и формулировали эти приговоры, следовательно могли по своему оттенять их смысл и, как увидим, пользовались этой возможностью. Такое значение дьяков отражалось и на форме

думских приговоров. Хотя дьяки не причислялись, если можно так сказать, к решающим членам совета, однако в резолюциях думы или её комиссии иногда помечалось, что дело решено по приговору бояр да дьяков думных таких-то *).

Учреждением думного дворянства и думного дьячества завершилось образование чиновного состава боярской думы: она составилась из четырёх чинов. Думное дьячество не было званием, совершенно обособленным от трёх остальных: это лишь крайнее звено в цепи думных чинов. Бояре, большинство окольничих и думных дворян не вступали в совет в звании думных дьяков; но думные дьяки нередко возводились в звание думных дворян и потом даже окольничих, как думные дворяне дослуживались до окольничества и иногда до боярства. В составе этих четырех чинов число постоянных членов думы, не считая братьев и сыновей великого князя, также духовных властей, присутствовавших в думе в особо важных случаях, стало в XVI веке довольно значительно, хотя ещё не достигало цифр XVII века, когда в думе бывало более 90 членов. Великий князь Василий наследовал от отца 13 бояр, 6 окольничих, одного дворецкого и одного казначея, а сыну оставил не менее 23 советников, не считая не обозначенных в списке думных дьяков и дворян, если только последние тогда уже присутствовали в думе. Царь Борис начал царствовать с 45 советниками, боярами, окольничими и думными дворянами, считая в этом числе и тех, кого он сам назначил по вступлении на престол. Все эти советники обозначались общим названием *думных людей*, а самый совет назывался *думой*: с XVI века этот термин нередко встречается в наших памятниках с значением постоян-

*) Др. Росс. Вивл. XX, 417. *Котошихин*, 91. Кн. Разр. II, 302 и др. Акт. Зап. Росс, II, 252: *Флетчер*, гл. 11. Дворц. Разр. III, 87 и 838: здесь в Казанском Дворце нет думного дьяка; зато думный дьяк правил тогда Стрелецким приказом. Ср. *Котошихина*, 75, 72 и 78, и Др. Р. Вивл. XX, 392 и 359. Десятня Ряжская в Моск. Арх. мин. юст. № 94 (издана в Опис. док. и бум. Моск. Арх. мин. юст. кн. VIII, № 7).

ного правительственного учреждения, а не отдельного совещания или приговора *). Теперь, наконец, когда чиновный состав думы окончательно сформировался, она составила цельный и постоянный правительственный корпус, строго отличавшийся от разных частных комиссий, какие составлялись по поручениям государя из думных же людей. В удельное время такого различия не заметно: известный правительственный акт считался приговором князя с боярами, всё равно, присутствовали ли при этом все наличные советники князя, или только два-три боярина, которых по занимаемым ими дворцовым должностям специально касалось дело. Теперь приговором бояр признавалось только постановление,

*) В таком же смысле московские канцелярии обозначали этим словом и иностранные учреждения. Московский переводчик немецкого письма, присланного из Лондона толмачом Бекманом в 1589 году, выражал иностранные понятия, конечно, применяясь к политическому языку своего времени: министры королевы Елизаветы называются здесь „думцами" или „думчими", а министерство „думой" королевниной, как в XVII веке наши послы называли английский парламент „земским собранием". В сношениях с польско-литовскими послами наши дипломаты называли московскую думу „радою государя" и своею „господою"; „избранною радой" и кн Курбский называет думу, составившуюся при царе Иване под влиянием Сильвестра и Адашева. В документах XVI в. *советник* имел специальное значение первого думного чина, был синонимом боярина в отличие от окольничего: иностранным послам говорили в Москве от имени думы, что если они приехали с тайными „речами" или предложениями, то должны сказать такие речи *советникам* и *окольничим* государским. Впрочем в переводе одной грамоты английской королевы Елизаветы и думный дьяк А. Щелкалов назван „честным советником". В актах чаще всего дума обозначалась общим выражением „бояре", реже более точным „думные люди". На нескромные вопросы иноземного посла о политике московскому приставу приказывали отвечать: „то ведают государевы *думные* люди, а мы люди *служилые*, нам того нельзя ведати". Пам. дипл. снош. I, 544, 361, 968. Стат. список посольства Флетчера во Времен. Общ. Ист и Древ. Росс. кн. 8, стр. 49 и 75. Сборн. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 121. Акты Зап. Росс. I, стр. 239. Сказ. кн. *Курбского*, 11.

состоявшееся в обычном общем собрании постоянной боярской думы. Отсюда в памятниках XVI в. появляется выражение, получающее значение обычной правительственной формулы: „со всех бояр приговору“. Это выражение не надобно, разумется, понимать в буквальном смысле: и тогда умели отличать общее собрание от полного. Известный дипломат В. Щелкалов жаловался, что думный дьяк Казанского Дворца Дружина Петелин по недружбе к нему стакнулся с дьяком Большого Прихода, и они приписали в его поместье пустую землю к жилой, велев брать с неё ямские и всякие подати, как с населённой. Щелкалов бил челом, как гласит от имени царя уцелевший указ 1598 года, „нам бы велеть брать в Большой Приход подати с села попрежнему, а что сверх того прибавили на его поместье мимо наш указ и *безо всех наших бояр приговору*, имать того не велеть, потому что в записке в Большом Приходе того имянно не написано, что *всех бояр* приговор, оприч „Дружинины сказки“. Указ решил дело согласно с просьбой помещика, признав распоряжение двух дьяков незаконным *). В то же время изменилось и правительственное значение думного человека. Для боярина удельного времени присутствие в думе было не постоянной специальной должностью, а скорее случайной функцией, временным поручением. Исполняя разные поручения князя, он между прочим иногда призывался и в думу, когда его было можно и нужно призвать, больше в качестве свидетеля, чем советника. И теперь иногда боярин являлся при государе с таким же значением. В 1448 г. цесарский посол потребовал, чтобы великий князь выслушал его предложения наедине, без бояр. Иван III не согласился на это, и посол говорил речь великому князю „перед бояры“. Но это не была дума „всех бояр“: свидетелями аудиенции были только три первостепенные боярина, двое князей Патрикеевых да Захарьин **). Это был запоздалый остаток удельных

---

*) Сборн. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 371.

**) Пам. диплом. снош. с имп. Римск. I, 1.

обычаев. С превращением боярского совета в думу *всех* бояр и думный человек становился постоянным государственным советником, которому временно поручали и другие правительствениые дела.

Перечислив важнейшие перемены в устройстве думы, какие произошли или обнаружились в XVI в., не видим ни в одной из них прямого выражения аристократических притязаний нового московского боярства. Все они выходят из других источников, вызываются или изменением состава высшего служилого класса, или дальнейшим развитием, осложнением центральной московской администрации. Эти перемены, вероятно, произошли бы, если бы на верху боярства и не стало знатное княжьё из уделов, бывшее главным питомником и рассадником этих притязаний. Правда, с тех пор как оно появилось в Москве, здесь резче прежнего обозначилась иерархия родословного старшинства в служебных отношениях членов думы между собою, в самом размещении их на заседаниях. Переводя свои взаимные отношения на язык родства, эти люди, набежавшие в Москву изо всех углов Руси и даже из чужих земель, составили как будто тесную и дружную семью, заботливо высчитывая по родословным и разрядным росписям, кто кому доводился братом и кто дядей, и настойчиво требовали, чтобы согласно с этой иерархией местнического старшинства их и рассаживали в думе, и перечисляли в думских списках. В 1502 г. паны литовские в письме к московским боярам, извиняясь, писали: „а потому ваших милостей мы не писали по именам, что не ведаем на тот час местец ваших, где кто сидит подле кого в раде государя вашего",*). Но эта плотная семья думных дядей и племянников не помешала вторжению в её среду худородных чужеродцев уже в XVI в. Внешние ли обстоятельства не позволили боярству облечь свои притязания в способные их обеспечить политические формы, или оно само не знало и не думало, в какие формы облечь их, чтоб их обеспечить?

*) Акты Зап. Росс. I, стр. 239 и 240.

ГЛАВА XIV.

Само боярство не проводило в XVI веке никакого плана государственного устройства, достаточно обеспеченного, в смысле своих притязаний.

Боярские поколения, современные Ивану III и его двум ближайшим преемникам, не прошли молча мимо явлений, которые их так сильно волновали. Напротив, остались следы, дающие понять, как они много и горячо толковали об этих явлениях, и кое-что из этих толков сохранилось в памятниках письменности того времени даже не без участия боярского пера. Русская литература в числе своих видных представителей XVI в. считает двух очень родословных писателей, князей Василия Косого Патрикеева, в иночестве Вассиана, и Андрея Курбского. Оба были в совете московского государя боярами, не раз водили с успехом его полки в походы и оба в своих творениях очень настойчиво проводили задушевные думы московского боярства своего времени.

Как и следовало ожидать, новое боярство не было расположено представлять в светлых чертах московское прошедшее: не его предки делали это прошедшее, „мужествовали на многие страны" с внуком и правнуком Калиты, и если где эти предки являлись в московской истории, то обыкновенно её жертвами, а не героями. В преданиях московского княжеского дома это боярство не находило ничего славного и высокого и в его вековом историческом деле объединения Руси видело только ряд насилий „издавна кровопийственного рода", действие его хищнических инстинктов, фамильной привычки „желать крови своих братий и губить их ради их убогих вотчин". При всей своей лояльности даже те из титулованных бояр XVI в., предки которых по доброй воле пришли служить в Москву, могли смотреть на своих государей, как смотрят разорившиеся капиталисты на сыновей счастливого богача, к которому перешли их от

цовские капиталы и к которым сами они должны были пойти в приказчики.

И в настоящем московском порядке вещей многое не нравилось боярам. Прежде всего не нравились все эти новые церемонии и титулы, о которых так хлопотали при московском дворе со времени Ивана III. Курбский в истории Ивана Грозного неохотно даёт ему звание, которое усвоил себе в торжественных случаях уже дед этого царя, неохотно зовёт его царём и в переписке с ним не может удержаться, чтобы не кольнуть ему глаз его „прегордым царским величеством“. Негодование переносилось и на те сторонние влияния, которые иногда преувеличенно винили в этих церемониальных нововведениях, особенно на великих княгинь иноземок. Софья греческая и Елена литовская, бабушка и мать Грозного, одна „чародейка“, другая „жена клятвопреступная“, стали в боярских преданиях олицетворением всего дурного, и неистощима была боярская фантазия в изобретении самых невероятных слухов и сплетен, которые ходили про этих княгинь в Москве чуть не до конца XVI века. Их считали главным орудием, которым диавол испортил „предобрый российских князей род“, поселил в них злые нравы. Софья цареградская и отравила своего пасынка Ивана, и удавила его сына, „боговенчанного царя“ Димитрия, отставного наследника Ивана III, и испортила политический образ мыслей своего мужа коварными византийскими внушениями, и с привезёнными ею греками замутила Русскую землю, жившую дотоле в тишине и покое. Но наиболее полной, искренней и постоянною ненавистью ненавидели бояре-писатели современное иночествующее духовенство, собственно то огромное большинство его, которое действовало в духе преп. Иосифа Санина и его учеников. Это духовенство было в глазах бояр чёрным пятном на русской жизни. Благодаря усердию пера бояр и писателей одинакового с ними образа мыслей монах вышел самым ярким типом, с наибольшею тщательностию обработанным в нашей литературе XVI века. В изображении его мрачные краски своим обилием и густотой

угнетают воображение. Это раболепный ласкатель и потаковник властей, исполненный презорства и гордыни с низшими, расхититель и наставник расхитителей, тунеядец, питающийся мирскими крестьянскими слезами, шатающийся по городам, чтобы бесстыдно выманить у вельможи село или деревнишку, жестокосердый притеснитель своей братии крестьян, бросающийся на них диким зверем, сребролюбец ненасытный, жидовин-ростовщик, лихоимец и прасол, пьяница и чревоугодник, помышляющий только о пирах и сёлах с крестьянами, возлюбивший „вся неподобная мира сего“, не десятый чин ангельский, не свет мирянам, а „соблазн и смех всему миру“. „И в царях редко встретишь такую свирепость, какая бывает в иноках, замечает автор *Беседы* валаамских чудотворцев: мнят себя разумнее всех людей в мире, ничего не знают лучше своего разума и не допускают, чтобы у бельцов был такой ум, как у них, а того не рассудят, что враг в них действует и весь их разум хуже несмысленных и плохих умов“. Не одно негодование на комфортный аскетизм, которым окружали себя старцы богатых обителей, не одна скорбь о лёгких монастырских нравах, воспитанных спокойным и привольным житием, поднимали столько боярской жёлчи. Отшельники выступили соперниками боярства на поприще, где оно надеялось властвовать безраздельно, в привилегированном землевладении, и успешно оспаривали у него самый насущный его интерес, землю с рабочими крестьянскими руками. Поземельные акты больших монастырей XVI в. открывают нам, какие широкие землевладельческие операции совершали иноки посредством вкладов, закладов, покупок, льгот, своза крестьян у других землевладельцев и т. п. Они завели или деятельно поддерживали на тогдашнем земельном рынке настоящую игру в крестьян и в землю, благодаря которой населённые имения переходили из рук в руки чуть не с быстротой ценных бумаг на нынешней бирже. Способные наблюдать и размышлять из бояр с прискорбием видели, как в этой игре одна за другой сокрушались боярские и княженецкие вотчины, уцелевшие от

московского погрома или выслуженные на московской службе, как крестьяне, посаженные на боярскую землю и обстроенные на боярское серебро, перебегали на более льготную землю богатого монастыря. Потому монастырское землевладение подвергается наиболее страстным нападкам. Обличители не задумывались над причинами непомерного скопления земельных богатств за монастырями, над тем, что землевладельческая знать сама же много была виновата в этом зле, на которое она так горько жаловалась, содействуя ему своими земельными вкладами, неоплатными займами под залог вотчин, своей хозяйственной неумелостью. Им нужно было не объяснить явление, а бросить тень на него. От лукавого врага диавола, пишет *Беседа*, пошла эта новая ересь—инокам волостями с крестьянами владеть, мирян судить, с мирян всякие подати собирать, мир слезить и изобижать, а в обителях „пьянство и сладость“ заводить. Притом землевладельческие заботы создавали тесную политическую связь монашества с правительством, заставляли монастыри, по выражению того же памятника, „властей великородных от царского синклита“ закупать дорогими подарками, обкрадывать царей лживыми челобитьями. За мирские милости приходилось, конечно, поддерживать мирскую власть всем нравственным авторитетом иночества. Поддерживая „нестяжателей“ среди самого иночества, обличители с радостью готовы были приветствовать секуляризацию церковных земель в чаянии, что она разорвала бы эту опасную для боярства связь, дававшую московскому государю такого могучего поборника. Потому же оппозиционное боярство было и горячим противником автокефальности Русской церкви: её независимость от цареградского патриарха открывала туземной светской власти свободный путь ко вмешательству в церковные дела. Это боярство было против подчинения церкви государству, т. е. государю, продолжало и в XVI в. считать русского митрополита канонически подсудным только цареградскому патриарху и готово было предпочитать положение Греческой церкви при басурманских царях положению Русской под

покровом православных государей, находя, что в первой ещё есть Бог, если там и злочестивая власть не вмешивается в святительские дела, намекая, что во второй уже нет Бога. В этом порабощении церкви оно видело мерзость запустения на месте святе, разрушение священных законов, поругание уставов апостольских, и винило в том преимущественно современное духовенство. Зато и доставалось от титулованных ревнителей этим „скверным соборищам иереев Вельзевулиных“ и этим „всelукавым мнихам, глаголемым осифлянским“, которые „простерты лежат“, обиявшись со своим богатством, и потворствуют властям, чтобы сохранить и приумножить его. В их глазах заботливо высматривали каждую спицу, для чего впрочем и не нужно было особенно острого зрения при тогдашнем нравственном состоянии духовенства: они и ереси вызвали своим поведением, и опустошили благодатные сокровища церкви своим любостяжанием. Когда монахи, с грустью замечает кн. Курбский, стали любить стяжания, особенно сёла с деревнями, „тогда угасоша божественные чудеса“. Обличители не любили и новых чудотворцев, прославленных Русскою церковью, именно за то, что они были „мужики сельские“ и основали монастыри, быстро богатевшие вотчинами.

Весь этот энтузиазм ожесточения и брани любопытен только потому, что характеризует политическое настроение боярства. Он показывает, что класс этот в XVI веке не оставался равнодушным зрителем того, что происходило вокруг него и в нём самом. Напротив, он следил за явлениями общественной жизни повидимому с самым возбуждённым вниманием и воспринимал впечатления с нервною раздражительностию. Государственный порядок касался его ближе и больнее, чем церковный; да и самый церковный порядок волновал его преимущественно по своей связи с государственным. Литературные органы боярства недовольны ходом дел и в государстве, как в церкви; только их суждения об этом выражались с бо́льшею сдержанностью языка. Любопытна в этом отношении некоторая разница между Вассианом и кн.

Курбским. Они были представителями одного слоя, но разных поколений боярства. Первый вырос и начал действовать ещё при Иване III, а к этому Ивану оппозиционное боярство и после относилось мягче, чем к его преемникам, считало его добрым и до людей ласковым, любившим выслушивать возражения и жаловавшим тех, кто против него говаривал. Правда, князь Василий, в иночестве Вассиан, и люди его духа „высокоумничали“ уже при Иване, на что жаловался последний, „износили ему многие поносные и укоризненные словеса“, что припоминал после его внук. Однако можно заметить, что политический вопрос ещё не был возбуждён тогда во всей своей силе, взаимное недовольство обеих сторон не пропиталось ещё всею горечью последующего времени. Вассиан неохотно и осторожно касается политических явлений и всё своё жесткое красноречие обращает на свою братию по иночеству, на „мужиков сельских, утучнявших себя христианскими кровьми“, вселукавых мнихов осифлянских с самим их духовным родоначальником. Курбский принадлежал к поколению, которое выросло вместе с Грозным и начало действовать около половины XVI века. Его внимание поглощено политическими явлениями и лишь мимоходом, кстати задевает порой священнический чин, прежде всего, разумеется, тех же „мнихов многостяжательных“. При неодинаковом настроении не следует забывать и разницу положения, в каком находились оба писателя. Курбский и публицисты его времени и лагеря прежде всего были недовольны ходом управления, отсутствием правды в судах, жестокостью правителей, их пренебрежением к управляемым и к общему благу. В этом они винили более всего самих „державных“, которые „грех ради наших вместо кротости свирепее зверей кровоядцев обретаются“. Никакими риторскими языками не надеялись они изобразить всю настоящую беду от „нерадения державы“ и других пороков правительства, яркими чертами рисовали бедственное состояние всех классов общества кроме духовенства. Воинский чин, дворянство, хуже нищих, лишён не только ратных коней и надлежащего во-

оружения, но и дневной пищи; убожество его превосходит всякое описание. Купцы и крестьяне—кто не видит, как они страдают от непомерных налогов и немилостивых приставов: вот одну дань с них уже взяли, другую берут, за третьей посылают, о четвёртой уже помышляют. Люди от всех этих мук бегут из отечества и пропадают без вести, собственных детей отдают в вечное холопство, сами на себя накладывают руки, давятся, топятся: горе заглушает в них лучшие инстинкты человеческой природы, „естественное их бытство“. Недовольные наблюдатели указывали на зло ещё более глубокое, происходившее от того же государственного нестроения, на социальную рознь, взаимную вражду общественных классов: древний лукавый змий, строя козни нашей земле, высших поставил внизу, „чины чином обидники сотвори“, заставил единоверных братий с'едать один другого вместо хлеба. Обличителям чуялось, что всё это не кончится добром, и они с сомнением взирали на будущее своего отечества. Ни с кем у нас мира нет, с грустью говорил в 1524 году опальный Берсень, высказывая в беседе с Максимом Греком свои опасения за прочность, за долгое стояние родной земли: все нам недруги, отовсюду брани, а всё за наше нестроение. На Бога только и осталась надежда, заключал он, не чая никакого добра от правительства. Курбскому вся Русская земля кажется объятой словно страшным пожаром, и он грозит властям близкою катастрофою: „горе грабящим и кровь проливающим и милости и суда не имущим во властех своих, занеже день отмщения близ есть!“ Он даже предвещает царю близкий конец его династии *). Апокрифическая *Беседа* валаамских чудотворцев вместе с появившимся до неё таким же апокрифическим *Пророчеством* Исаии также предвидит междоусобную брань и великие смятения в

---

*) Скорбя о бедствиях, обрушившихся на Россию по вине царя, кн. Курбский в послании 1579 г. напоминает ему гибель Саула с его царским домом и продолжает: „Не губи себя и дому твоего!.. кровьми христианскими оплывающии исчезнут вскоре со всем домом“. Сказ. кн. *Курбского*, 249.

царстве, запустение сёл и городов: „земля станет просторнее, а людей будет меньше, и этим немногим людям на той просторной земле жить будет негде; цари не удержатся на своих престолах и будут часто сменяться за свою царскую простоту, иноческие грехи и мирское невоздержание“; тогда праздники превратятся в плач и игрища в слёзное рыдание; тогда запустеют церкви и при дверях их не сядет убогий, потому что не будет молящихся; тогда заплачет земля о людской погибели, точно девица красная, и на её плач отзовутся слезами и море, и реки, и бездна преисподняя, и сами ангелы. Трудно решить, в какой мере говорило здесь разгорячённое тревогами времени воображение писателей и в какой предчувствовали они действительно скоро наступившие бедствия, очень похожие на те, какие рисовались в их живом воображении, гибель династии, частую смену новых царей, восстание одного класса общества на другой, разруху государства. Во всяком случае у этих публицистов много земской скорби, патриотического сокрушения о бѣдствиях родной земли, которую они повидимому так горячо любили. Но из-под этой скорби иногда как будто невзначай прорвётся фраза горькой досады на эту землю, которая давала так мало места их заветным идеалам. Подобно позднейшим старообрядцам они готовы были умиляться, как это делает князь Курбский в одном из своих посланий, превосходно написанном, картиной благочестия, цветущего во „всей земле нашей Русской от края и до края“, обилием и благолепием Божиих храмов и монастырей, возможностью читать на родном языке слово Божие, ветхое и новое. Но они тотчас же старались оттенить эту картину изображением того, как неблагодарные современники, правители и управляемые, искажали это благочестие. Набожные патриоты не забывали заметить при этом кстати, что такое обилие благодатных даров ниспослано стране совершенно незаслуженно, что „мы убогие, мало известные древним народам, заброшенные в угол вселенной, благодатию Христовою не от дел призваны, не от добродетелей познаны“, а так, даром, ни за что попали в царство благодати.

Может быть, они и любили её, эту землю убогих людей, но только разве как географическое пространство и много-много в её историческом прошлом: современная действительность только огорчала их, а эти убогие заброшенные люди возбуждали в них плохо скрываемое пренебрежение. Курбский называет своё покинутое им отечество „Святорусской землёй“, говоря о царе, её губителе. Но когда пришлось ему рассказывать о своей братии, о молодых Лыковых, которые попали к польскому королю, по его повелению, „яко сущего святого христианского“, обучены были шляхетским наукам и языку римскому и потом по просьбе московских послов возвращены были в отечество, то эта Святорусская земля тотчас превратилась у него в отечество „воистину неблагодарное и недостойное учёных мужей, в землю лютых варваров“. По его же рассказу, и цесарский посол Герберштейн, приезжавший в Москву для заключения союза против поганых Турок, не успел в своём деле „в варварских языцех глубоких ради их и жестоких обычаев“.

Но если эти даровитые и много думавшие люди были плохие патриоты, то положение и обстоятельства обязывали их быть заботливыми и предусмотрительными политиками. В объединённой московской Руси тогда устанавливались государственный порядок и общественные отношения. Боярство должно было подумать о надёжном обеспечении своего положения и своих интересов: оно могло их обеспечить теперь или никогда. В его литературных представителях, так внимательно следивших за явлениями времени, накопилось такое количество пессимизма, они так много отрицали в существовавшем порядке и с такою силой, что у них можно предполагать ясный, продуманный политический идеал, который они желали бы поставить на место огорчавшей их действительности. По их литературным трудам видно, что они много думали и говорили о том, как „государю устроити землю свою“. Они действительно высказывали свой план земского устройства, свою политическую программу. Правда, это всё лишь общие мысли, главные основания, чтó объясняется

свойством памятников, в которых встречаем рассеянные черты этого плана. Прежде всего люди боярской оппозиции больше консерваторы, неохотники до нововведений, особенно таких, в которых винили великих княгинь иноземок: „лучше старых обычаев держаться, говорил Берсень Максиму Греку, людей жаловать и старых почитать“. Они потому и сомневались, простоит ли долго Русская земля, что видели в государях наклонность „переменять старые обычаи“. Потом само собою предполагалось, что государи должны править землёй, „всякие дела милосердно делати со своими приятели, князи и боляры и с прочими великородными и праведными людьми мирскими“. Это до такой степени предполагалось само собою, что публицисты не считали нужным доказывать это, как порядок естественный и неизбежный. Точно так же предполаrелось, что во главе такого управления, как руководитель его великородных и праведных орудий, должен стоять царь со своим советом: „царю, замечает валаамская *Беседа*, достоит не простовати, со советниками совет совещавати о всяком деле, с бояры о всём советовати, крепко-накрепко думати“. Один авторитет выше думы государевых советников—слово Божие: „а святым божественным книгам, продолжает *Беседа*, достоит царю всех свыше советов внимати и почасту их прочитати“. Но политический порядок, согласный со словом Божиим, у Курбского таков: „самому царю достоит быти, яко главе, и любити мудрых советников своих, яко свои уды“. Люди антимонашеского, вассиановского направления были противниками воинственного задора во внешней политике, как Берсень скорбел о том, что ни с кем у нас мира нет, ни с Литвой, ни с Крымом, ни с Казанью. Пусть укрепляются города избранными воеводами и могучими воинами, пусть царство соединяется „во благоденство“ и распространяется от Москвы „семо и овамо, всюду и всюду“. Но цари должны держать свою область „не своею царскою храбростью, а царскою премудрою мудростью“ не думая приобрести суетную славу „бранью и мужеством храбрости своея“: только неверные „тщатся на ратех на убийство и на всякую

злобу своими храбростьми и тем хвалятся". Может быть, даже мысль о земских тяглых людях, так страдавших от войн, была не без участия в этих мирных наклонностях. Публицисты в своих планах земского строения не забывали положения этих людей. Они восставали против жестокости правительства с управляемыми, против его равнодушия к их благосостоянию: „а царем и князем, поучает валаамская *Беседа*, достоит из миру всякие доходы с пощадою сбирати и всякие дела милосердно делати". В их политических воззрениях не заметно узкого сословного эгоизма. Совсем напротив: они не только задумывались над положением и нуждами простого земского люда, но готовы были делиться с ним даже правительственною властью. Доказывая Св. Писанием, какими бедствиями карает Бог царей за „непослушание сигклитского совета", Курбский вслед за тем выражает такое возвышенное политическое положение: „Царь, аще и почтен царством, а дарований которых от Бога не получил, должен искати доброго и полезного совета не токмо у советников, но и у *всенародных человек*, понеже дар духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной". Итак надменный родословный боярин признал и одобрил политическое явление XVI века, которое своим демократизмом, казалось бы, должно было претить боярству, земский совет или сбор „всех чинов государства". Публицист боярского направления, с таким одушевлением составивший валаамскую *Беседу*, по всей вероятности, писал после 1550 года, когда созван был первый такой собор. Кто-то, сочувствуя его воззрениям, сделал к его сочинению приписку, прикрыв её именами тех же чудотворцев. Здесь, наставляя русских царей и великих князей, как крепить своих воевод и войско и соединить во благоденство царство своё, автор предлагает более определённый план всесословного земского собора. Видно, как вопрос о земском представительстве занимал людей одинакового с Вассианом и Курбским образа мыслей, и становится понятно, как в правительстве царя Ивана могла возникнуть мысль о таком соборе. Во

всяком случае люди этого круга не желали, чтобы боярству принадлежала монополия власти, и их план земского совета шёл даже дальше действительности: они хотели, чтоб этот совет был постоянным собранием, ежегодно обновляемым новыми выборами, а не созывался только в особых экстренных случаях. Публицист советует духовным властям благословить царей и великих князей „на таковое дело благое, на единомысленный вселенский совет, и с радостию царю воздвигнути и от всех градов своих и от уездов градов тех, без величества и без высокоумной гордости, с христоподобною смиренною мудростию, беспрестанно всегда держати погодно при себе ото всяких мер (чинов) всяких людей и на всяк день их добре и добре распросити царю самому про всякое дело мира“. Пользуясь указаниями этих советных людей и постоянно имея при себе „разумных мужей и добрых, надёжных приближённых воевод (думу)“, царь сам узнает всё, касающееся правления, и будет в состоянии удержать подчинённые власти, воевод и приказных людей, от взяток и всякой неправды, „и объявлено будет теми людьми всякое дело пред царём, да правдою тою держится во благоденстве царство его“ *).

Можно признать возвышенными все эти политические воззрения; но в них одно неожиданно. Бояре, эти „разумные мужи и добрые, надёжные воеводы“, постоянно находились при царе и правили вместе с ним. Своим участием в управлении они готовы были делиться с другими классами обще-

---

*) Сказания кн. *Курбского*, в разных местах. *Его же* три послания в Правосл. Собеседн. 1863 г., ч. 2. Полемич. сочинения *Васс. Патрикеева* там же, ч. 3. Прение митр. *Даниила* с старцем *Васьяном* в Чтен. Общ. Ист. и Др. Р. 1847 г. № 9. Отрывок следств. дела об *Ив. Берсене* в Акт. Арх. Эксп. I, № 172. Выдержки из *Беседы* валаамских чудотворцев приведены по списку в рукоп. Соловецк. библ. № 609 (позднейшая переделка её по неисправному списку напечатана в Чтен. Общ. Ист. и Др. Р. 1859 г. кн. 3). Место о земском соборе приведено по другому списку той же библ. в статье *А. С. Павлова* в Правосл. Собес. 1863 г., ч. 1, стр. 304. *Беседа* весьма тщательно издана по многим спискам гг. *Дружининым* и *Дьяконовым*.

ства. Для их литературных представителей правительственное значение боярства было не столько политическою мечтой, сколько естественным историческим фактом; но они не могли не знать, что это факт не бесспорный и далеко не обеспеченный достаточно. Они ненавидили „русских писарей“, дьяков, людей из поповичей или простого всенародства, по выражению Курбского, за то, что они не без успеха оспаривали у боярства его правительственное влияние. Эти публицисты жестоко нападали на осифлянское монашество, которое ещё успешнее оспаривало у бояр монополию крупного привилегированного землевладения и которому они приписывали всякие абсолютистские „шептания“ царям, советы править не так, как они правили доселе. Между боярами ходил рассказ о совете, какой дал царю в 1553 г. бывший епископ Вассиан в ответ на вопрос, как ему царствовать: „если хочешь быть самодержцем, не держи советников умнее себя, потому что ты всех лучше, и тогда будешь твёрд на царстве“. Пусть это была политическая легенда и пусть Курбский называл совет Вассиана силлогизмом сатанинским: однако, значит, уже существовала мысль о возможности обойтись без бояр в управлении; по крайней мере сами бояре так толковали это сказание. Но в изложенных взглядах писателей боярского направления заключалась повидимому вся политическая программа боярства. Она шла немного дальше действительности, немного нового прибавляла к тому, чем уже владело боярство, и не предлагала никаких средств обеспечения того, чем оно обладало, от произвола сверху или притязания снизу. Помысла об этом не заметно у публицистов XVI века. Их мысль не попадала даже в круг тех политических отношений, которые так просто и ясно понимали псковичи. „У нас, говорили они московскому послу на вече в 1510 году, с великими князьями крестное целование положено: нам не отойти от своего государя ни в Литву, ни к Немцам, а ему нас держать по старине в добровольи; нарушим мы крестное целование—на нас гнев Божий, глад и огнь и потоп и нашествие поганых, а нарушит его государь

наш—на него тот же обет, что и на нас". Московские публицисты ограничивались простым указанием нормального порядка политических отношений, как будто этот их порядок ни с какой стороны не подвергался спору, как будто никому не приходили в голову ни сатанинские силлогизмы, ни помыслы о том, нельзя ли из камней создать чад Аврааму.

Тоже самое встречаем, переходя от политических идей боярства к его политической практике в XVI веке. Дума, где сидели вожди его, давала властные ответы на текущие вопросы законодательства. Наблюдатель, знакомый с тактикой господствующих классов в других странах и в другие времена, поразится недостатком политической предусмотрительности или излишком политической беспечности в московском боярстве XVI в. В продолжение большей части этого века оно занимало выгодное положение в государстве; но не видно, чтоб оно чувствовало потребность оградить выгоды этого положения рядом законов и учреждений от случайностей, которые предвидели его же литературные представители. Оно не пытается сделать это даже там, где повидимому стоило лишь ступить один шаг вперёд, чтобы закрепить выгодные факты обычными предосторожностями права. В этом отношении, рассматривая деятельность боярства издали, где становятся неуловимы мелкие условия, ежедневно на неё влиявшие, наблюдатель найдёт в ней много важных недосмотров, устранить которые повидимому так легко было боярам XVI в. при их политических средствах. С особенною любовию бояре разрабатывали своё местничество. Это понятно: оно имело для боярства большую политическую цену, как средство охраны его служебных и правительственных преимуществ, и можно сказать, что во весь XVI век это было единственное надёжное и признанное средство. Но казалось бы, что бояре должны были дорожить им лишь настолько, насколько оно ограждало выгоды их положения, и что они будут развивать ту его сторону, которая делала его таким охранительным средством. Случилось напротив: с этой именно стороны в нём оставались существенные пробелы,

хотя в XVI веке оно уже успело сложиться в стройную, законченную систему отношений служилых лиц и фамилий. Сословное оборонительное значение этой системы держалось на её связи с управлением, где лица согласно с ней размещались по должностям. В XVI в. ещё очень много значил в управлении чин: от него зависели прежде всего должность, занимаемая лицом, потом размер поместного и денежного оклада жалованья. Местничество не установило постоянного и точного отношения породы к службе, иерархии родословной к иерархии чина и должности. Длинная лествица служебных чинов городовых, столичных и думных образовалась в связи с социальным происхождением разных слоёв служилого класса, в состав которого внесли свои вклады все части русского общества от крестьян и холопов до потомков владетельных князей. У каждого слоя была на этой лествице „своя степень“, свой как бы наследственный ряд чинов, выслуженных предками и определявших размер доступной людям этого слоя служебной чести: провинциальный дворянин редко дослуживался до стольничества, с которого начинал службу сын родовитого боярина. Но чин не вводился, как необходимый коэффициент, в вычисление местнических величин: он был только показателем, а не производителем знатности. В этом смысле родовитые люди говорили, что их отцы и деды знатны были и во всех государевых чинах бывали. Это и помогало разрыву первоначальной связи генеалогии с чиноначалием. Родовитому человеку „сказывали“ высокий чин, когда он достигал приличных для того лет; но высокий чин, сказанный неродовитому человеку, не делал его родовитым, потому что местническое *отечество* переходило от отцов к детям, а не наоборот: отцы не становились выше от чиновного возвышения потомков. Вот почему родные неродовитой царицы, пожалованные в бояре, не ходили в думу, по свидетельству Котошихина: им негде было сесть там; ниже других бояр „сидеть стыдно, а выше не уметь, потому что породою не высоки“. Родословная знать не раздвигалась, когда к ней приходили новые люди. С ними поступали так

же, как поступают в плотно застроенной деревне с новым поселенцем: ставь избу на конце порядка, а в середине негде. Против таких вторжений со стороны, против „заездов“ и была направлена своеобразная московская форма местничества: оно выработалось среди продолжительного прилива знатных слуг в Москву, которые то-и-дело разрывали ряды боярства, становясь в них по личному уговору с князем. Но бывали случаи и обратного порядка: в иной знатной семье меньшой брат попадал в бояре, а большой оставался ниже; потомки последнего почему-либо также не поднимались и даже опускались из столичных чинов в провинциальные, „служили с городом“. Про таких неудачников говорили, что они „пришли в закоснение, отечество своё истеряли“ за бедностью или „недослужением“. Тогда младшие, но „добрые“ родичи били челом на свою захудалую братию, чтобы в отечестве ею не считаться и тем себя не „худить“. Так иерархия породы с обоих концов расходилась с иерархией чинов: чиновное возвышение неродовитого не делало его родовитым, но чиновное понижение знатного могло выкинуть его из знати. Точно так же не существовало точного и постоянного отношения породы к правительственной должности. По смыслу местничества, как понимало его само правительство, считаться местами можно было только тогда, когда „кого с кем пошлют вместе на государеву службу за одним делом“. Это значило, что местнический момент наступал только при встрече лиц на службе по одному ведомству, когда между ними возникали отношения должностного подчинения и соподчинения. Потому должность имела значение в местническом счёте не сама по себе, а только как одно из средств для определения этих отношений, как их знаменатель подобно чину. При царе Михаиле назначили Шереметева вторым рындой вместе со знатным выходцем из Крыма кн. Сулешовым. На этот церемониальный пост назначали и знатных, и незнатных людей. Но Шереметева занимал не пост, а только отношение к лицу, рядом с которым его поставили. У Сулешова, как иноземца, в Москве не было отечества, наследственного слу-

жебного положения. Для Шереметева возникал *случай,* местнический прецедент, и он бил челом государю: „в том твоя государева воля, каким ты его Сулешова ни учинишь, нам всё равно, только бы нашему отечеству впредь порухи от того не было“. К самой должности родословный человек был равнодушен: он ревниво следил только за своими отношениями к другим по должности. Разумеется, должностные назначения различались по своей важности: больших людей не назначали городничими или сотенными головами, т. е. ротными командирами, как теперь не назначат на подобный пост тайного советника или генерала. Но эта разница была практическая, не принципиальная: такое назначение сравняло бы родовитого человека с людьми „обышными“ или „худыми“, обыкновенно занимавшими такие неродословные места. Но с местнической точки зрения нельзя было ничего возразить против назначения худородного человека на самую высокую государственную должность, лишь бы родовитые люди не были у него в должностном подчинении.

Боярство как будто не чувствовало опасности, какою грозил ему этот недостаток связи местнического порядка с тогдашнею табелью должностей и рангов. Пока хранились ещё свежие предания удельной старины, а круг неродовитых дельцов не успел сложиться, высшие чины и должности принадлежали родословной знати. Но когда эти предания стали выдыхаться, а этот круг „в службу поспел“, тогда очистился путь к высоким чинам и для неродовитого новика: царь, жалуя его в окольничие или даже бояре, не оскорблял генеалогической гордости знати, не спутывал её затверженных местнических вычислений, потому что чин не вводил пожалованного в родословную знать. Между тем по чину новик получал и высокий поместный и денежный оклад, и высокую должность, никого не задевая, не сталкиваясь с родословным человеком. Для этого старались увеличивать количество таких должностей, которым друг до друга „дела не было“ или которым приказывали „быть без мест“, не считаться старшинством. Царь   проведёт

через думу, чтобы воеводы сторожевого и левого полков были всегда без мест. Согласно с тем в сторожевой полк вторым назначат дельца Д. Ф. Карпова, а в низший левый вторым же более родовитого князя А. П. Охлябинина. Последний по старой привычке забьёт челом об отечестве, что „ему в левой руке в других для Карпова быти не мочно“. На это из Москвы ему шлют выговор от царя: „не дуруй! ведаем мы своих холопей, на свою службу посылаем, где кому пригоже быти; а те полки давно приговорены посылати без мест“. Благодаря этому, пока родовитые бояре учитывали друг друга предками, занимались своей арифметикой прошедшего, из их рук незаметно стала ускользать власть над настоящим. Родословная знать получала свои обычные чины, полковые и другие назначения, а для дел новых, ей непривычных, вызываемых новыми потребностями государства, выдвигались с высокими чинами „люди обышные“, не родословные. В XVII в. иерархия породы расходится всё дальше с иерархией заслуги и выслуги; последняя становится всё более действительной административною силой, а первая, как мифологический символ, потерявший житейское значение, превращается в парад, в археологическое обременение придворного церемониала. Подле боярской аристократии выступала дьячья и дворянская бюрократия. В 1579 г. бояре и воеводы московской армии, перессорившись из-за мест, замялись и не пошли на неприятельский город по наказу. Царь, „кручинясь“, прислал дьяка и дворянина, приказав им промышлять своим делом мимо воевод, а воеводам быть с ними. Этот случай— предзнаменование, наглядное изображение последующей судьбы боярства: пока *бояре*, не делая дела, спорили о местах, царь прислал *дьяка* да простого *дворянина* с приказом делать ело мимо их, хотя и при них.

Ту же беспечность или непредусмотрительность можно заметить и в деятельности боярской думы, точнее, в порядке её делопроизводства. От удельного времени дума наследовала порядок законодательства по *докладу снизу*. Тогда управитель отдельного ведомства докладывал князю дело, которого

самому почему-либо „вершить было не мочно“, и тот решал его с боярами. Таким путём, разрешением частных случаев, административных затруднений, перенесённых к князю снизу, преимущественно и создавался правительственный и общественный порядок в княжестве удельного времени. Этот путь оставался обычным и теперь и был даже утверждён Судебником 1550 года, по которому новые вопросы, не предусмотренные законом, разрешались „с государева докладу и со всех бояр приговору“, то-есть возбуждались докладом на государево имя из того или другого ведомства. Иногда в особо важных делах почин шёл сверху, от самого царя. Любопытное положение создавалось для думного боярства таким порядком законодательства. В продолжение XVI в. дума стоит среди потока дел самого важного, учредительного свойства: кладутся или закрепляются основы государственного порядка; возникают или устрояются раньше возникшие учреждения, которые становятся самыми деятельными колёсами правительственной машины; на целые века определяются положение и взаимные отношения классов общества. Все эти важныя дела проходят через думу, ею рассматриваются и решаются. Но не она возбуждает и ставит вопросы обо всём этом; боярского почина в этой устроительной работе не заметно. Всё это идёт откуда-то сверху или снизу; бояре только слушают да приговаривают и приговаривают большею частию обдуманно, в интересе земского блага, как его тогда понимали. Привычки или желания самим возбуждать законодательные вопросы, не дожидаясь, пока их доложит начальник какого-нибудь приказа или сам царь прикажет сидеть об них, этого не обнаруживает дума бояр. Между тем у боярства, в ней сидевшего, было много интересов, не обеспеченных законом, много вопросов ещё не разрешённых, до которых было мало дела отдельным приказным докладчикам *).

*) Царств. книга, стр. 337. Чтен. в Общ. Ист. и Др. Росс. год III, № 7 (дела о местничестве). *Соловьёва*, Ист. Росс. IX, 365 и сл. (по 2-му изд.). Разр. кн. в Моск. Арх. мин. ин. д. № 99/131, л. 321.

Итак напряжение политической мысли, заметное в боярской среде по её литературным представителям, не привело в XVI в. к подробно разработанному плану государственного устройства, в котором были бы полно и последовательно выражены и надёжно обеспечены политические притязания класса. Боярство как будто не понимало ни возможности, ни надобности этого. В его руках была власть; но и в его правительственной практике не заметно сословного направления, стремления законодательным путём провести и упрочить свои политические права. Бояре как будто вполне полагались на своё будущее в уверенности, что оно и без их усилий послушно охранит все удобства их настоящего, сбережёт их навсегда „великими и сильными во Израили“, по выражению кн. Курбского. Московский государственный порядок, казалось, строился боярскими руками, но не во имя боярских интересов. Боярство XVI в. является какой-то аристократией без вкуса к власти, без умения или охоты влиять на общество, знатью, которую больше занимали взаимные счёты и ссоры её членов, чем отношения к государю и народу, как её литературным представителям лучше удавались политические пророчества, чем политические планы.

ГЛАВА XV.

На ряду с особенностями политического положения боярства в XVI в. состояние народного хозяйства было одною из главных причин его равнодушия к расширению и обеспечению своих политических прав.

Это равнодушие тесно связано с общим вопросом о политической судьбе московской боярской аристократии. Иноземные наблюдатели уже вскоре после смерти Грозного признавали положение дел в Московском государстве безнадёжным в смысле боярских притязаний, считали боярство бес-

сильным умерить власть московского государя, и XVII век оправдал эти предположенія.

Почему же политическое значение этого боярства было так скоротечно и отчего Московское государство не вышло аристократическим? Казалось бы, весь аппарат аристократического порядка был уже готов, когда это государство устроялось: родовитых фамилий с титулом и без титула накопилось в Москве даже больше, чем сколько было нужно; между ними уже установился известный иерархический распорядок, признанный самим государем; в среде их не было недостатка ни в правительственных преданиях, ни в привычке к власти; наконец, им была открыта обширная практика власти, потому что московский государь преимущественно из них набирал личный состав высшего управления, военного и гражданского.

Некоторые особенности московского боярства, не решая этого вопроса, указывают путь к его решению. Легко, во-первых, заметить, что многочисленное и блестящее боярство Москвы явилось довольно случайно, составилось довольно искусственно и частию даже насильственно: ведь Москва не имела бы такого боярства, еслиб не совершила такого успешного и повального упразднения самостоятельных местных правительств, существовавших на Руси. Таким образом политическая сила, стеснявшая власть московского государя, создана была успехами самой этой власти. Но башмачник из Пуату, попавший в армию Вильгельма Завоевателя и уцелевший при Гастингсе, ещё случайнее водворился в Англии; это однако не помешало его потомку с большою настойчивостью пользоваться политическими правами английского джентльмена. Почему Рюрикович, в некотором смысле принц крови, из великого или удельного князя превратившись в московского боярина, не имел политической судьбы английского барона? Развивая ту же самую мысль, можно отметить и другую особенность московского боярства. В западной Европе аристократии обыкновенно создавались из верхнего слоя общества завоевателей, а в Московском государстве цвет боярства

составился из людей, которые или предки которых подверглись завоеванию, вооружённому или дипломатическому, из князей, сведённых с своих престолов или поспешивших сойти с них, не дожидаясь, пока их сведут. В Москве именно от того и явилось слишком много знатных, что там собралось черезчур много павших и побеждённых. Но эта черта может дать больше материала для назидательных размышлений об иронии истории, чем для научного объяснения исторического факта. Не больше даёт в этом отношении и то обстоятельство, что боярская знать не жила по своим вотчинным усадьбам, как бароны жили по своим замкам, а теснилась в столице, под рукою у государя, которому так легко было достать кого ему нужно было для расправы. Иностранцы, наблюдавшие политическую жизнь Москвы в XVI и XVII в., высказывали мысль, едва ли внушённую им туземными политиками, бывшую скорее плодом их собственных соображений, будто московские государи заставляли своих бояр жить в Москве с целью лишить их возможности составлять политические заговоры, которые они будто бы легко могли устроять в своих деревнях, имея под рукой подвластных и преданных им людей *). Известно, что было много других менее макиавелевских причин этого землевладельческого абсентеизма московских бояр. Но от чего бы он ни происходил, указывая на него, не следует забывать, что прежняя изолированная жизнь князей по уделам не спасла же их от руки московского государя, несмотря на их удельные полки. Гораздо важнее то, что московскому боярству, несмотря на его скученность в Москве, на жизнь вместе, както не удавалось сомкнуться в плотную и единодушную корпорацию, проникнуться сознанием сословных интересов и приобрести привычку действовать дружно во имя этих интересов. Бояре гораздо больше, кажется, думали о своих личных и фамильных счётах, чем о средствах упрочить своё

*) *Олеарий*, кн. III, гл. 18: „damit sie nicht, wenn sie auf ihren Gütern bey ihren Unterthanen wohneten, etwa eine Conspiration wider ihr Zaar vornehmen mochten“.

политическое положение. Но этим соображением вопрос только развивается, а не разрешается: когда спрашивают, почему политическое положение боярства было так непрочно, почему этому классу не удалось расширить и обеспечить своё значение в государстве, то прежде всего и желают знать, почему он не успел сомкнуться в такую корпорацию, проникнуться таким сознанием и т. д.

Всё это приводит к мысли, что в политической судьбе московского боярства встретились некоторые важные затруднения или противоречия, связанные с ходом и складом всей народной жизни.

Выяснению этих затруднений и противоречий может помочь сопоставление московской боярской думы с государственным советом великого княжества Литовского. Этот совет, *паны-рада*, как он там назывался, получил окончательный склад почти в одно время с московской боярской думой, приблизительно в столетие с половины XV в. до половины XVI в., при великих князьях Казимире и его сыновьях Александре и Сигизмунде I. Литовская рада, как и московская дума, имела аристократический состав; только её члены выходили из более тесного круга каких-нибудь 50 знатных фамилий. Литовский пан радный и вне рады имел прочное общественное и политическое положение: он обыкновенно принадлежал к числу крупнейших землевладельцев в государстве; притом наиболее влиятельный слой в составе рады, „переднюю“ или „наивысшую“ раду, образовали главные областные управители, воеводы, каштеляны и старосты, к которым примыкали гетманы, маршалки земский и дворный, канцлер и другие сановники центрального управления; в силу того и другого значения, землевладельческого и административного, они и получали место в раде. Таким образом экономические и административные нити местной жизни были в их руках, и рада служила для них только проводником, а не источником их политического влияния. Её члены были не простые государственные советники, а действительные правители. Они собственно и составляли пра-

вительство, вели всё центральное управление, и так как преобладающее значение между ними имели воеводы, каштеляны и старосты, то рада была в значительной мере советом областных правителей, правивших из центра. Деления на чины, подобные московским боярам, окольничим и думным дворянам, в раде не заметно: её члены различались по значению занимаемых ими должностей и носимых ими званий. Место в раде связано было с известной правительственной должностью, „урядом“, или с придворным званием. Государь жаловал должности и звания, сообразуясь не только с знатностью жалуемого лица, т.-е. со значением его предков, но и с его личными заслугами и качествами, „годностью“. При отсутствии чинопроизводства существовало служебное движение с одной должности на другую, высшую, хотя должности и звания обнаруживали уже наклонность стать пожизненными, давались иногда „до живота“. Неравенство должностей и званий выражалось в порядке размещения членов рады на заседаниях. Но это размещение не было похоже на московское местничество: личной заслужённости жертвовали обычным порядком радных мест и самых должностей, как и служившей ему основанием генеалогической знатностью. Кн. К. И. Острожский, как староста луцкий, должен был занимать в раде седьмое светское место, но за свои заслуги сидел на четвёртом и с него по новой должности переместился на второе. Потом для пользы службы понадобилось назначить его на должность третьего места; но в раде он занял первое, потеснив несколько панов, более или не менее его родовитых и богатых. Очевидно, родовидость не была единственным и даже главным знаменателем политического значения пана радного *). Уже в половине XV в. привилеем 1447 г. крестьяне служилых землевладельцев Литовского государства освобождены были от податей и повинностей великому князю, а самим владельцам дано право суда над их крестьянами. При Сигизмунде I фамилии, из

*) *Г. Любавского,* Литовско-русский сейм, стр. 342 и сл.

которых выходили паны радные, ставили значительно бо̀льшую половину всего количества ратников, какое ставили все остальные землевладельцы государства. В то же время паны-рада руководила великими вальными сеймами, брала на себя законодательный почин, дружно отстаивала свои вольности и интересы своего государства против Поляков и даже собственных господарей, а по привилеям 1492 и 1506 г. приобрела политические права, обеспечившие ей широкое и обязательное для государя участие в законодательстве и управлении. Так политическое значение панов-рады составилось посредством сложного сочетания разнообразных элементов генеалогических, экономических, политических и нравственных. Главная сила её заключалась в том, что она состояла из крупнейших и автономно-привилегированных землевладельцев, руководителей центрального и областного управления, и принимала законом укреплённое широкое участие в законодательстве.

Московские бояре хорошо знали литовскую раду и в переписке с ней даже сами себя звали „радой“ своего государя. Но московская боярская дума мало похожа была на эту раду по своему политическому значению, как и по должностному составу.

В. кн. Василий III не доверял боярам; его сын считал их опасными врагами своей династии. Оправдывало ли боярство XVI в. это недоверие одного государя и эту боязнь другого? В чём заключалась политическая сила этого класса и была ли у него действительная политическая сила? Судебник 1550 г. устанавливал участие боярского совета в законодательстве только как один из моментов законодательного процесса; но никакой даже столь же осторожный закон не формулировал и не обеспечивал политического положения всего класса, из которого набирался боярский совет. Некогда бояре имели кой-какие юридические обеспечения. В XIV и XV в. владетельные князья в своих договорных грамотах признавали служебную свободу и вотчинную неприкосновенность своих бояр и вольных слуг. Отдельные

лица из княжья и боярства и даже целые фамильные гнёзда, поступая на службу к московским государям, заключали с ними письменные договоры, как это сделали, например, все князья ярославские в 1463 г. В силу этих соглашений служилые князья сохраняли за собою свои вотчины или их значительные части, продолжали там судить и править по старым отеческим законам, имели свои дворы, своё войско. Но время, изменяя положение дел, изменяло и людские отношения. Служебная свобода пала сама собой с исчезновением независимых княжеств, когда московскому государю стало не с кем договариваться на правах равноправных родичей и служилому человеку стало некуда отъехать с московской службы за отсутствием других независимых русских дворов. Постепенное включение удельных служилых людей с их землями в общий военный строй объединённого государства и особенно уравнительная развёрстка службы по землевладению после собора 1550 г. и отмены кормлений лишили бывших удельных князей и войска, и значительной, если не бо̀льшей части земель, на которые они ещё сохраняли удельные вотчинные права, потому что их вольные слуги, владевшие землями в их вотчинах, введены были с этими землями в общий состав государевых служилых людей, при чём и сами они вошли в этот же состав, превратившись из военных союзников московского сюзерена в простых служилых его подданных. Начатая Иваном III и завершённая его внуком местная перетасовка княженецких имений, замена родовых вотчин жалованными поставила множества князей и бояр в положение пришельцев на чужбине, в непривычную обстановку, без фамильных связей с местным населением. Все служебные обеспечения, уцелевшие от владетельной удельной старины и московских договорных прав, сложились в местничество, в систему московских служебных отношений, унаследованных боярскими фамилиями, титулованными и простыми, от предков, при которых впервые устанавливались эти отношения. Местничество представляло не политическую опасность, но дей-

ствительное правительственное затруднение для московского самодержца, ежеминутно стесняя его в самой важной и чувствительной его прерогативе, в подборе исполнителей, в составлении персонала гражданского и особенно военного управления. Местничество было созданием обычного права, бытовым установлением, а не законодательным институтом: законодательство не устанавливало его основ, а только регулировало его последствия и способы практического применения, при чём только стесняло его. Но это не ослабляло силы и значения обычая. Это была сословная стачка родовых понятий и фамильных преданий, тем более дружная и упрямая, что она поддерживалась интересом, одинаково всем близким и всеми живо понимаемым, родовой честью, т.-е. взаимной завистью лиц и фамилий. И надобно отдать справедливость московскому боярству: в местнических счётах оно проявило энергию и стойкость, каких у него никогда не хватало на защиту интересов более высокого качества. „За места наши отцы помирали“, говорили бояре XVII в. Пётр Великий недаром называл местничество „зело вредительным и жестоким обычаем, который как закон почитали“.

Коренная сила местничества заключалась в косности политического мышления самогó боярства, не умевшего отрешиться от отеческих преданий при изменившихся обстоятельствах. Другую опору давала боярству косность мышления всего общества, во главе которого оно стояло, как правящий класс. Многие века бояре, „мужи думающие“, помогали русским государям править Русской землёй и в Киеве, и в Чернигове, и во Владимире, и в Твери, и в Москве. В Москве в ряды этих исконных правительственных сотрудников вошли и уцелевшие потомки самих государей, деливших с ними труды управления Русской землёй. Хорошо ли, худо ли они правили, были ли довольны или недовольны их управлением, но люди из поколения в поколение привыкали видеть их во главе управления и повиноваться им, замечали в них привычку к власти и предполагали наследственное, природное уменье властвовать, предполагали даже известную

обязательную для правителей заботливость об управляемых. Из этих вековых народных привычек, наблюдений и предположений складывался политический авторитет боярства, так энергично выраженный захудалым кн. Д. М. Пожарским, назвавшим первостепенных бояр в лице кн. В. В. Голицына „столпами", за которые вся земля держится. Даже после Смуты, так пошатнувшей этот авторитет, на одном земском соборе земские выборные называли бояр „искони вечными своими господами промышленниками", властными попечителями общества. Такой взгляд имел своё народно-психологическое оправдание. Для всякого общества нелёгкое дело создать класс, пригодный к управлению. Русские люди в те века были ещё очень далеки от того уровня общественного развития, на котором любой гражданин, удостоенный мирского доверия, способен стать хорошим управителем. Тогда все занятия были наследственными и наследственность обеспечивала их успешность, служила лучшей школой мастерового уменья. Личные наклонности не принимались во внимание, личные таланты считались маловажной случайностью. Та же мерка прилагалась и к правительственному ремеслу. Далёкий потомок властных предков самым происхождением своим предназначался и предназначал сам себя к роли властителя, смолоду усвояя её требования, приёмы и манеры. Политический новичёк терялся на непривычной высоте, под тяжестью недоверчивых или завистливых взглядов окружающих, и терял половину своих сил и своего такта. Когда личность ценилась невысоко и высокой оценки мало заслуживала, генеалогический ценз всего надёжнее поддерживал политическое значение лица. Так привычка правящего класса к власти и привычка общества к правящему классу при невозможности скоро заменить его другим была второй и двойной опорой положения боярства в государстве. Силу этой опоры тяжело испытал царь Иван, пытавшийся заменить боярство опричным дворянством; ещё тяжелее испытало её Московское государство после этого царя.

Но бытовая сила обеих опор боярства не устраняла слабых сторон его политического положения, юридических и нравственных. Местничество причиняло больше неприятностей государю, чем приносило пользы самому боярству. Это было явление частного права, запоздалый отзвук веков, когда общежитие держалось ещё на родовых основах: при установлении государственного порядка оно неминуемо должно было столкнуться с его требованиями и пасть рано или поздно. Притом, делая из каждой боярской фамилии не абсолютную, а только относительную политическую величину, устанавливая строгий генеалогический строй и взаимный служебный надзор среди боярства, оно вовсе не содействовало его сословной сплоченности, не воспитывало в нём привычки к дружному действию и понимания общих интересов. Совсем напротив: внося в боярскую среду соперничество и рознь, питая мелочные споры и узкий фамильный эгоизм, оно притупляло чутьё общественного, даже сословного интереса, было в полном смысле „враждотворным и братоненавистным“ обычаем, как оно характеризовано в отменявшем его приговоре 12 января 1682 г. С этой стороны оно было даже выгодно династии, и Флетчер имел основание написать, что злобу и взаимные распри бояр царь обращал в свою пользу. Наконец, оно не давало никакого места заслуге: кн. Пожарский и после своего освободительного подвига продолжал считаться человеком неразрядным и раз был даже выдан головой какому-то Салтыкову. Не так воспитываются здоровые и сильные аристократии, способные создать прочный государственный порядок. Ненадёжна была и другая опора. Она заключалась в социальном строе и народной психологии. Московское боярство могло присвоять себе правительственную монополию, не видя в составе общества другого класса, привычного к управлению и достаточно авторитетного в глазах народа. „Без нас не обойдёшься, как ни тиранствуй“: так могли утешать себя гонимые бояре времён опричнины. Мысль об этом просвечивает у Курбского. Думать так значило сложа руки ждать своего упразднения. На гла-

захъ этихъ бояр складывался класс, в котором уже царь Иван видел возможного заместителя боярства. Силу этого заместителя чувствовали уже при сыне-преемнике Грозного. Из виденного и слышанного в Москве Флетчер вывел заключение, что никакая перемена в здешнем образе правления не возможна, пока войско будет единодушно и беспрекословно предано существующему порядку вещей. А войско—это дворянство, преимущественно столичное, об устройстве которого немало заботилось правительство царя Ивана, и представители которого в таком числе и с таким значением являются на земских соборах 1566 и 1598 г. Притом и самое управление давало боярству довольно слабую опору. Правда, многие родовитые члены думы были *судьями*, начальниками центральных приказов, где впрочем значение их ослаблялось дьяками и думными дворянами. Но главный нерв политического влияния, участие в местном управлении скорее вредило боярству: наместничьи „кормления" наездом, на год, много на два, по замечанию того же Флетчера, приобретали боярству не любовь, а ненависть народа, да и те были упразднены при Грозном в центральных и северных областях. Поэтому нельзя было преувеличивать и значения боярства в обществе. В отношении общества к нему было больше равнодушного почёта, чем настоящей привязанности и уважения. Трудно было сомневаться в народном выборе между царём и боярством в случае столкновения между ними. Общество чтило бояр, как ближайших исполнителей государевой воли, а не как возможных её противников. Но едва ли не самой слабой стороной боярского положения было служебное отношение класса к государю. С политическим объединением северо-восточной Руси вольная служба бояр и всех вольных слуг сама собою превратилась в обязательную. В удельные века их служебная воля поддерживалась правом и возможностью отъехать от одного русского владетельного князя к другому. Теперь, когда отъехать из Москвы стало некуда, вместе с возможностью пало и самое право отъезда. Эта перемена имела решительное значение в судьбе боярской аристократии.

Право от'езда было наиболее действительным обеспечением всех других боярских прав, которые с утратой его теряли бо́льшую долю своей силы. Тогда московское боярство очутилось прикреплённым к московскому двору вечно-обязательной службой, из которой оставался только один законный выход—в монастырь, ибо состояния неслужащего боярина не существовало в составе тогдашнего русского общества. По древнерусскому праву частная дворовая служба без договора, ограждающего личную свободу слуги, делала его холопом хозяина. Эта норма частного права, унаследованная от времён Русской Правды, была наложена и на служебные отношения бояр, как и всех служилых людей, к московскому государю: в официальных своих обращениях к последнему они, как дворовые слуги, стали зваться его государевыми *холопами*. Едва ли это звание было установлено законом; скорее ввела его практика отношений, руководившаяся привычкой подводить новые явления московской государственной жизни под привычные вотчинные нормы удельной старины: служишь при дворе *безот'ездно-безвыходно*, стало быть холоп. Разумеется, бояре звались так условно, не в точном юридическом смысле, потому что они не давали на себя крепостных записей, ни *полных*, ни *докладных* грамот. Этим они напоминали „добровольных холопей", как назывались в московском законодательстве XVI в. люди, жившие в холопстве без крепостей. Но такая добровольная неволя не прошла даром ни для политического положения, ни для нравственного настроения боярства. Звание тогда значило больше, чем значит теперь, оказывало ещё более сильное влияние на образ мыслей и действие людей, на их настроение и общественную постановку. Термин придавал неопределённым отношениям ярко выраженный, всем понятный юридический и нравственный тип, не вполне соответствовавший действительности, но устанавливавший определённый, отчётливый взгляд на значение боярской службы. Холопы в условном смысле, люди боярских фамилий однако несли на себе некоторые нравственные следствия настоящего холопства.

Мысль, что они холопы, хотя и государевы, не простые, принижала их в глазах общества, как и в их собственных, сближая их с таким низменным классом. Это звание питало в них недовольство и малодушие, напоминая им их бесправие и бессилие, мешало их политическому кругозору расшириться до понимания земского, народного интереса, ограничивая его узкими дворцовыми отношениями, интересами государевой Передней палаты, куда они стремились каждое утро, чтобы видеть ясные очи государевы.

Оба порядка условий, составлявших элементы и силы и слабости боярского положения, оказывали одинаково неблагоприятное действие на политическое настроение боярства: одни питали в нём уверенность в будущем, другие неохоту вникать в настоящее; те и другие вместе поселяли в нём беспечность, какая овладевает людьми, не умеющими разобраться в противоречиях своего положения. Под действием таких условий и политические притязания боярства получили своеобразное направление и проявление. Бояре чувствовали себя не настолько слабыми, чтобы совсем отказаться от этих притязаний, но и не настолько сильными, чтобы проводить их прямо и открыто. Притом эти притязания и сами по себе мало располагали к такому прямому и открытому образу действий. Не привыкнув подниматься до помыслов об общем положении государства и народа, бояре сосредоточивали свои политические заботы на интересах и затруднениях своего тесного родословного круга, притом лишь насколько те и другие сознавались и чувствовались отдельными лицами и фамилиями. Даже у лучших представителей этого круга: Вассиана Косого, Берсеня-Беклемишева, кн. Курбского, у автора валаамской *Беседы*, успевших обдумать дома или повидать на чужбине много такого, чего не думала и не видала их рядовая братия, едва брезжит по временам невыясненная и неустановившаяся мысль об общем народном благе и государственном порядке. К этому надобно ещё прибавить местническую рознь боярства, делавшую его неспособным ни к какому общему делу, к

дружной деятельности в каком-либо направлении. В таком положении оставался один путь—дворцовая интрига при удобном случае, пользуясь каким-либо недоразумением или затруднением, чьей-нибудь недогадливостью, втихомолку, тайком от общества, негласными средствами. Так и действовало московское боярство целых два столетия, при Иване III в деле о наследнике, при Иване IV в деле о присяге новорожденному царевичу, при Фёдоре Ивановиче в деле о разводе царя, потом при избрании на царство Бориса Годунова, Василия Шуйского и Михаила Фёдоровича, затем при Фёдоре Алексеевиче в деле об учреждении несменяемых наместников. Последним запоздалым проявлением той же закулисной боярской тактики было дело об избрании на престол императрицы Анны. Мыслящие люди XVII в. хорошо понимали эту дворовую тактику родословного холопства: дьяк И. Тимофеев в записках о пережитом им Смутном времени представляет Московское государство по пресечении старой династии в образе беззащитной вдовы, осиротелый дом которой расхищается забывшей холопий страх дворней покойного хозяина *).

Притязательное московское боярство явилось в тяжёлую пору нашей истории. Московское государство только-что образовалось, объединив главную ветвь русского народа. Оно принуждено было отстаивать себя упорной борьбой на юге и западе, ускоренно извлекать из народной массы и привлекать со стороны силы, пригодные для борьбы, и изыскивать средства для их содержания, а для того донельзя обременять народный труд. Но именно в то время, когда государство во внешней борьбе успешно переходило от обороны в наступление, приблизительно с половины XVI в. и народное хозяйство вступило в один из самых тяжёлых переломов, какие оно переживало. Этот перелом и лёг на правительство тяжёлым камнем; перед ним отступали политические вопросы о прерогативах, компетенциях, гарантиях; все вну-

---

*) Русск. Ист. Библ. XIII, 454 и сл.

трениие отношение прямо или косвенно с ним связывались и от него зависели.

В состоянии народного хозяйства надобно искать другой, не менее, скорее ещё более важной причины видимого равнодушия боярства к мысли об упрочении своего положения, о расширении и обеспечении своих политических прав. Политическое право общественного класса само по себе конституционная метафизика, доступная лишь досужему размышлению. Житейская практика понимает и ценит его соразмерно с житейскими выгодами, им обеспечиваемыми. С этой стороны оно чаще всего является не более как оборонительным оружием, которое берут взамен наступательной силы, чтобы упрочить её завоевания. Бояре не были равнодушны к своему положению; но до опричнины они думали, что их положению ничто не угрожает сверху, что правительства с них не снимут и худородными людьми их не обесчестят, с такими людьми не поровняют. Они чуяли опасность, но не политическую, а хозяйственную, шедшую снизу, и в эту сторону обращали свои тревожные помыслы.

В старой киевской Руси аристократический склад общества выразился между прочим в бесправном, близком к рабству положении крестьянина, взявшего ссуду у землевладельца при поселении на его земле, и особенно в суровом постановлении, по которому такой должник в случае побега от хозяина без расплаты превращался в полного его холопа. В подобном близком к холопству положении является крестьянин на земле частного владельца и в аристократическом Новгороде Великом по актам удельного времени. Но в удельной суздальской Руси движение колонизации повидимому вывело крестьянина из такого приниженного состояния. По актам XV в. видно, что здесь крестьянин-должник не только не превращался в холопа за уход с земли частного владельца без расплаты, но и после ухода уплачивал свой долг с рассрочкой и без процентов. Нужда в рабочих руках вместе с невозможностью удержать их насильственными средствами при общем брожении, несомненно, всего более

содействовала такой льготной перемене в юридическом положении крестьян. На этой зыбкой почве вольного и подвижного крестьянского труда должно было созидаться частное землевладение в верхневолжской удельной Руси. Соединёнными усилиями множества князей-хозяев, действовавших по своим уделам в одинаковом направлении, хотя и без соглашения, удалось установить по крайней мере сносный порядок поземельных отношений, сделавший возможным развитие частного землевладения. Средствами гражданского права, ссудами, льготами, частными ограничениями крестьянских переходов успели к концу XV в. несколько усадить крестьян по местам. В то же время судебные и податные привилегии, какими жаловали князья землевладельцев в удельное время, давали вотчинникам важные политические средства устроить своё землевладельческое хозяйство. Этим успехам в завоевании крестьянского труда много, если не более всего, помогало то обстоятельство, что движение колонизации на некоторое время было задержано в тесном междуречьи Оки и верхней Волги. Пока продолжалось насильственное скучение населения в этом краю, тяглый люд поневоле делался более усидчивым, облегчая устроительную работу местных правительств и землевладельцев. Сохранились и некоторые следы этих успехов. Так с половины XV в. замечается усиленное стремление землевладельцев путём законодательства установить прочный порядок в своих поземельных отношениях, становятся слышны с их стороны жалобы на беспорядочный переход и перевоз крестьян, высказывается желание, чтоб установлены были законом постоянные обязательные сроки для переходов и рассчётов крестьян с землевладельцами. Отвечая на эти стремления землевладельцев, жалованные грамоты князей и потом Судебник 1497 г. устанавливают однообразный срок, Юрьев день осенний. Известие Герберштейна о шестидневной крестьянской барщине, как общем явлении, и о жалком положении крестьян не вполне точно; но самым преувеличением тягости их положения оно свидетельствует, какую самоуверенность приобретал север-

ный русский землевладелец и до каких значительных размеров достигла к началу XVI в. его вотчинная власть над крестьянами благодаря привилегиям. Это потверждается и русскими свидетельствами того же времени. Вассиан Косой в своей полемике против монастырского землевладения горько жаловался на злоупотребление со стороны вотчинной монастырской администрации правом и обычаем подвергать крестьян телесному наказанию, преимущественно за недоимки. Противник его преп. Иосиф, по рассказу его жизнеописателя, также уговаривал землевладельцев, соседей своей обители, во имя их собственных интересов не обременять своих „тяжарей земодельников“ излишними работами и не разорять их непосильными поборами.

В XVI в. в положении сельского населения обнаружился издавна подготовлявшийся перелом, который грозил разрушить все эти выгоды вотчинников. Казалось, готова была разорваться с такими усилиями сотканная вокруг крестьянина паутина, привязывавшая его к землевладельцу юридическими и экономическими нитями. С конца XIV в. началась важная по своим последствиям перемена в размещении массы великорусского населения. Насильственное сгущение его в междуречьи Оки и верхней Волги стало прекращаться. С одной стороны, открылись или облегчились для него пути на север и северовосток благодаря ослаблению препятствий, которые до тех пор затрудняли его движение за Волгу. С другой стороны, стало слабеть действие обстоятельств, которые столь же насильственно сгоняли население в это междуречье. В XVI в. не только прекращается шедший сюда целые века прилив населения с юга и югозапада, но и становится заметен отлив в обратном направлении. Заокская степь, которую некогда засорили потоки кочевников, теперь стала прочищаться: восстановлялись смытые некогда этими потоками старинные русские поселения по восточным окраинам древних княжеств Переяславского и Черниговского. Кн. Курбский, говоря в своей истории царя Ивана о славных годах его царствования, следовательно до опричнины, замечает,

что тогда пределы христианские расширялись „и на диких полях древле плененные грады от Батыя безбожного паки воздвизахуся“. Из центрального междуречья население не только начало спускаться вниз по Волге к юговостоку, особенно по завоевании Казани и Астрахани, но и пошло прямо на юг вниз по Дону, перебиралось с верховьев Оки на верховья Семи, а отсюда на верховья Донца и Оскола. На появление русского земледельческого населения в этих краях, много веков остававшихся заброшенными, явственно указывают возникшие для его защиты в конце XVI в. города Кромы, Ливны, Воронеж, Курск, Оскол, Белгород, Валуйки.

Этот разброд населения подвергал тяжёлому кризису частное землевладение в срединных областях, где оно преимущественно развивалось. Рабочее население уплывало из этих областей на открывавшиеся для колонизации окраины государства, где боярское землевладение ещё не имело насиженных мест. С половины XVI в. вопрос о беглых становится больным местом русского землевладения. Кн. Курбский в одном из посланий, описывая положение тяглых людей в Московском государстве, скорбит о том, что многие из них стали „без вести бегунами из отечества“. И царь Иван в предложениях, которые он готовил Стоглавому собору, писал о заставах крепких по рубежам литовским, немецким и татарским между прочим для наблюдения за беглыми людьми. В то же время замечается усиленная забота землевладельцев о том, как бы добыть пашенных людей, сманить их у соседнего землевладельца или из общества государственных крестьян. В этой операции настойчивое и успешное участие принимали богатые монастыри. Но любопытно, что Вассиан Косой, черпая свои обвинения против землевладельческого монашества из его вотчинной практики начала XVI века, не упрекает его в этой операции; а он наверное не пропустил бы случая кольнуть ею глаза ненавистной братии, еслибы было за что́. Напротив, он горько жалуется на монахов за то, что́ они, обобрав неисправных крестьян за недоимки, самих выгоняли из своих сёл с жёнами и детьми, провожая

побоями. Это значит, что усиленный наплыв крестьян на монастырские земли делал возможным разборчивый приём пришельцев: было много охотников селиться на этих землях, но мало покидать их. С малолетства Грозного, приблизительно с 1540-х годов, становится заметен отлив населения из центральных областей государства. Здесь во второй половине XVI в. путешественник на обширных пространствах, даже по бойким торговым дорогам, встречал уже только свежие следы прежней населённости края, обширные, но безлюдные сёла и деревни, жители которых ушли куда-то. Везде народ разбегался и пустели не только деревни, но и города. Разные случайные обстоятельства, татарские набеги, многолетние неурожаи в 1550-х годах, усиливали этот отлив. Кн. Курбский в рассказе о малолетстве Ивана замечает, что пустыня начиналась в 18 милях от столицы благодаря татарским вторжениям, что вся Рязанская земля была опустошена ими по самую Оку. В некоторых известиях иностранцев XVII в. о Московии можно видеть отдалённые следы этого переворота в размещении сельского населения. Переселенцы прежде всего кинулись на ближайшие и безопаснейшие из открывшихся им плодородных мест и в два-три поколения успели истощить их, как умел истощать почву только древнерусский хлебопашец. Служивший придворным врачом при царе Алексее англичанин Коллинс писал, что в его время лучшие земли в России приносили весьма мало дохода, потому что им не давали отдыхать, а другие от недостатка в рабочих руках лежали необработанными. С другой стороны, чех Таннер, приезжавший в Россию с польским посольством в 1678 году, видел в подмосковных местностях много барских усадеб и леса, но мало полей, объясняя это впрочем свойством почвы *). Но уже во второй половине XVI в. остатки поземельных описей поражают обилием пашни

*) *Legatio Polono-Lithuanica,* по изданию 1689 года, стр. 108: Conspiciebantur prope Moscuam villae atque arces ligneae paucis cum agris; plures terrae mollities non patitur, unde arbusta silvaeque maximae progenerantur.

переложной и лесом поросшей, количеством пустошей, „что были деревни“, в ближайших к столице уездах. Почти в каждом имении, даже при каждом крестьянском поселении, сверх трёх полей „пашни паханой“ существовал перелог обыкновенно гораздо более обширный, часто втрое или вчетверо. Независимо от этого являлись большие сплошные пространства „порозжих земель“, которые отмечались в писцовых книгах словами: „лежат впусте и не владеет ими никто“. Лишь по местам на этих брошенных залежах поддерживались отхожие пашни, вспаханные „наездом“. Наконец теперь стали покидать на неопределённое время и существовавшие трёхпольные пашни, превращая их в бессрочный перелог; самые поселения со всем их хозяйством переносились из старых срединных областей в другие, иногда очень отдалённые места, на более плодородные нови. Так ход сельского хозяйства в московской Руси XVI в. представлял, можно сказать, геометрическую прогрессию запустения. Повторяя хозяйственную формацию своего мельчайшего составного элемента, дворового крестьянского участка, вся русская территория на восток от древнего днепровского пути „из Варяг в Греки“ явственно распадалась на три поля. На заволжском севере и северовостоке только что поднятые нови благодаря искусственному и скоротечному плодородию, какое получали они от выжженного на них леса, способны были некоторое время выдерживать тяжёлые посевы: в конце XVI в. ещё сеяли пшеницу в Белозерском и даже Каргопольском уезде. В срединных областях почва, истощённая более давней и усиленной эксплуатацией, могла удовлетворять только лёгким требованиям земледельца, обрабатывалась кое-как, и начинавшиеся выселения готовили её к скорому переложному отдыху. На заокском юге обширные пространства тогдашней степи, плодороднейшие земли русской равнины, представляли многовековую вынужденную паренину, которую покинул плуг не вследствие её истощения, а от наплыва кочевых масс, уничтожавших работу плуга. В XVI в. поселенцы, возвращаясь на покинутые некогда

предками места, начинали с разных краёв медленно и робко трогать это слишком отдохнувшее поле и вводить его в народно-хозяйственный оборот. Кажется, ещё бы по одной сильной волне колонизации из центра к окраинам на юг и на север,—и Москве предстала бы опасность, уже испытанная её предшественником Киевом, опасность превратиться в столицу пустыни, окружённую, по техническому выражению вотчинных книг XVII века, „помётной (брошенной) землёй тяглых жеребьев впусте“ *).

Такое тревожное для правительственного класса направление принимал земледельческий труд. В то самое время, когда боярство складывалось в правительственную аристократию, его вотчинное благосостояние становилось вопросом. Только-что оно устроилось, было по переезде в Москву, спасши большую часть своих вотчинных усадеб в исчезнувших уделах, как стала грозить необходимость перенесения самых усадеб в другие края. Все добытые землевладельческие привилегии стали терять свою цену, потому что плохо обеспечивали привилегированному землевладельцу главную силу, на которой могло основаться прочное вотчинное хозяйство, надёжные рабочие руки. Так задачей высшего землевладельческого класса, стоявшего у власти, было спасти от крушения своё поземельное хозяйство; в эту сторону от вопросов об устройстве высшего управления должно было обратиться политическое внимание этого класса. Не следует думать, чтоб это внимание было исключительно поглощено мелочами вотчинного хозяйства. Совсем напротив: боярин XVI в. был редким гостем в своих подмосковных и едва ли когда заглядывал в свои дальние вотчины и поместья; служебные обязанности и придворные отношения не давали ему досуга и не внушали охоты деятельно и непосредственно входить в подробности сельского хозяйства. Но положение дел в селе давало тон политическому настроению боярства

*) Изложенные факты подтверждаются новыми наблюдениями. См. г. *Платонова* Очерки по истории Смуты, стр. 56, 97, 169 и сл. и г. *Рожкова* Сельское хозяйство Моск. Руси, стр. 300—313.

направление его правительственной деятельности, роняло цену одних его интересов в пользу других, ставило, например, мысль об отношениях к селу впереди мысли об отношениях к дворцу, заставляло в этих последних отношения искать опоры для обеспечения первых, а не наоборот: словом, землевладельческие тревоги и опасности, не делая боярина опытным и предусмотрительным сельским хозяином, делали его робким или равнодушным политиком. Как землевладельческий класс боролся с разбегавшимся крестьянством, то действуя против него об руку с правительством и законом, то из-за него противодействуя и правительству, и закону, и как он наконец восторжествовал над тем и другим,— это один из любопытнейших эпизодов нашей истории. Не останавливаясь на нём, заметим только, что внимание боярства не даром было отвлечено от высшей политики к сельским отношениям. На этом поприще класс совершил важные завоевания. Во-первых, он отстоял вредное для государства право принимать вольных людей „в заклад", в личную зависимость, освобождая их тем от „государской подати и земской тягли", как выразился царь Иван в упомянутых предложениях. В аристократическом Польско-Литовском государстве короли уже в половине XV в. запрещали духовным и светским землевладельцам держать закладней, а в самодержавном Московском государстве не могли провести такого запрещения в законодательство до половины XVII в. Царь Иван, после коловший Баторию глаза его ограниченной избирательной властью, напрасно пытался поднять на Стоглавом соборе вопрос о закладничестве. Во-вторых, пользуясь скудостью крестьянского земледельческого инвентаря, крупные московские землевладельцы в XVI в. посредством ссуд привязали к своим имениям множество крестьян и даже провели в Судебник 1550 г. важное постановление, которое дозволяло крестьянину, не стесняясь законным сроком для перехода, Юрьевым днём, во всякое время покидать свой участок, продаваясь с пашни „в полную в холопи". В XVII в. правительство напрасно старалось заменить эту личную

зависимость крестьян по договору поземельным их прикреплением по закону *).

Явления, происходившие в селе, открывают другую причину политического настроения боярства XVI в. Политическим образом действий оно производит впечатление властвующей аристократии без вкуса к власти, потому что власть, какую оно имело, лишена была того, что̀ только и могло сообщить ей привлекательный политический вкус: ей недоставало обладания народным трудом. Потому интерес политических гарантий отступал перед интересом экономического обеспечения, забота о частных имущественных привилегиях брала перевес над вопросом о сословных политических правах. Село XVI в. и надобно признать одною из главных причин того, что Московское государство не сделалось аристократическим по своему устройству. После делались попытки в этом направлении, но уже не при таких благоприятных обстоятельствах: в XVI в. боярство было в полном сборе, пока ещё в цельном составе; политические отношения только ещё формировались, не успели отвердеть; их можно было гнуть, не ломая, как приходилось впоследствии. В борьбе с селом боярство достигло больших успехов; но достигнутыми выгодами воспользовались и другие помимо его и даже во вред ему.

ГЛАВА XVI.

Ближняя или комнатная дума государя была косвенным признанием с его стороны политического значения боярской думы.

Уверенность боярства в прочности своего политического положения поддерживалась и отношением самих московских

*) Акты Зап. Рос. I, № 60. Царские предложения, не вошедшие в Стоглав, напечатаны г. *Ждановым* в Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г. № 7, стр. 54—64.

государей к учреждению, служившему оплотом этому положению.

Довольно трудно определить отношения, действовавшие между людьми, которые сами никогда не выражали их прямо и точно и даже повидимому не чувствовали надобности их формулировать. Остаётся следить за отдельными фактами, в которых эти отношения обнаруживались.

Прежде всего тот самый государь, на суровость и самовластие которого так жаловалось боярство, признавал его классом, на котором преимущественно лежит дело земского строения, которым держится внешняя безопасность и внутренний порядок в государстве. Взглянув на своих бояр, умирающий великий князь, отец Грозного, как рассказывает летописец, сказал им: „с вами держал я Русскую землю, вы мне клятву дали служить мне и моим детям; приказываю вам княгиню и детей своих, послужите княгине и сыну моему, поберегите под ним его государства, Русской земли, и всего христианства от всех недругов, от бесерменства и от латынства и от своих сильных людей, от обид и от продаж, все заедин, сколько вам Бог поможет“. Ту же мысль, только другими словами, выражает боярам умирающий Василий и по рассказу современного повествователя о его смерти, очень близкого к двору, имевшего возможность слышать или узнать подлинные выражения великого князя. С боярами Василий говорит „о устроении земском“, им приказывает перед смертью, как „без него царству строитися“. Такому политическому положению класса соответствовали состав и правительственное значение боярской думы. Звание думного человека не было наследственным по закону: в думные чины жаловали, „думу сказывали“ по назначению государя. Теперь это назначение стало само по себе необходимо при множестве боярских фамилий, при обилии наличных служилых лиц в отдельных фамилиях. Но по родословному составу думы XVI в. можно видеть, в какой степени государево назначение согласовалось с аристократическим распорядком лиц и фамилий, установившимся в боярской среде.

Члены думы, особенно двух высших чинов, обыкновенно выходили из известного родовитого круга, который в лице своих очередных представителей „думу ведал“; как полковых воевод, так и советников своих государь „прибирал, рассуждая их отечество, кто того дородился“. И правительственное значение думы на деле далеко не было пассивным: она является более чем совещательным собранием при своём государе, пользуется известным простором в своей деятельности. В 1510 г. тот же суровый великий князь Василий, властию своею над подданными превосходивший всех монархов в свете, решая в Новгороде политическую судьбу Пскова, „велел своим боярам по своей думе творити, как себе сдумали“, и арест псковских властей и граждан, приехавших тогда к государю с челобитьями, является делом московских бояр, следствием их думного приговора. Стереотипный язык оффициальных актов затенял значение бояр перед авторитетом царя. Но когда царь говорил простым неусловным языком, обе стороны являются в другом освещении. В речи, заготовленной для произнесения на соборе 1551 года, Иван, вспоминая свой приговор о местничестве в думе 1549 года, с удовольствием замечает, что „всем боярам тот был приговор люб“. Собору, на котором присутствовали вместе с духовенством князья и бояре, Иван указывает задачу все устроить по св. правилам и праотеческим законам, „на чём мы, святители, царь и все, приговорим и уложим“. Дума сама располагала порядком обсуждения вопросов, стоявших на очереди. В конце 1552 г. царь, уезжая из Москвы к Троиц крестить новорожденного сына, велел боярам промыслить об устройстве только что завоёванной Казани и потом сидеть о кормлениях, т.-е. о замене их денежным жалованьем; но они пустили вперёд ближе касавшийся их вопрос о кормлениях, а „казанское строение поотложили“, за что на них жалуется летописец. В XVI в. было формально утверждено политическое значение думы: боярский приговор был признан необходимым моментом законодательства, через который должен был проходить каждый новый закон, прибавлявшийся к

Судебнику *). Наконец, это значение думы косвенно подтверждалось одним учреждением, существование которого едва заметно в правительственных актах XVI и XVII веков, но которое было довольно деятельною пружиною тогдашнего управления. Это был особый совет, отличный от боярской думы, который созывался государем в некоторых случаях.

Первое дошедшее до нас известие об этом совете пущено в ход строптивым советником великого князя Василия И. Н. Берсенем-Беклемишевым, подвергшимся опале за какое-то возражение государю в думе. Терпя эту невзгоду, он в потаённой беседе с Максимом Греком жаловался на то, что государь разрушает политическую старину, вводит новые государственные порядки, стариков не почитает. На возражение Максима, что политические обычаи меняются сообразно с государственными интересами и удобствами, Иван Никитич заметил: „а всё лучше старых обычаев держаться, людей жаловать и стариков почитать; а нынешний государь, запершись сам-третей у постели, все дела делает". Было бы большой неосторожностью принять эти слова в буквальном смысле и подумать, что отец Грозного лишил боярскую думу усвоенного ей давним обычаем участия в управлении и решал все государственные вопросы помимо её с какими-то двумя-тремя приближёнными, к тому же дьяками. Читая беседы Берсеня с Максимом, как они воспроизведены в следственном деле об опальном советнике, легко заметить, что последний с горя или досады изображал каррикатурно неприятные ему лица и явления того времени. Современник его митрополит Даниил был одним из самых начитанных и учительных пастырей Русской церкви, сколько можно судить об нём по его творениям. Но он был осифлянин, политический сторонник великого князя: вот почему опальный представитель боярской оппозиции, с большой иронией отзываясь об этом владыке, в той же беседе с Максимом

---

*) Полн. Собр. Лет. VIII, 285; IV, 270 и сл. *Татищева*, Судебник, стр. 130. Ср. Никон. VII, 285. Полн. Собр. Лет. IV, 284. Журн. Мин. Нар. Пр. 1876 г. № 7, стр. 54. Царств. книга, стр. 337.

между прочим сказал об нём, что от него учительного слова не услышишь. Такую же каррикатуру можно подозревать и в Берсеневом известии о привычке великого князя Василия решать все государственные дела втроём в спальне.

Из источника более спокойного мы узнаём состав и значение этой спальни или этого кабинета государева. Какой-то близкий ко двору современник очень живо и подробно описал последние дни жизни великого князя Василия. Заболев тяжело в одну из своих охотничьих поездок, великий князь спешит сделать обычные предсмертные распоряжения, прежде всего составить духовную. Духовная для московского государя XVI в. была на половину государственным и на половину домашним, семейным актом, во всяком случае делом совсем не текущим. Из того, как это дело делалось, именно не следует заключать, что так делались всякие дела высшего управления. Следя за порядком ведения этого экстренного дела, всего прежде встречаем интимный совет, особую думу умирающего государя, притом в различных видах, узнаём, как и из кого она составлялась и даже частию, как она относилась к большой государственной думе бояр. В Волоколамске больной Василий советуется с Шигоной и дьяком Путятиным о том, кого бы из сопровождавших его бояр пустить в думу о духовной. Значит, великий князь обсуждает дело сам-третей в своей спальне. Шигона и Путятин были люди немалые в управлении и не потому только явились первыми советниками у постели великого князя, что были его любимцами. Путятин носил звание „дьяка великого“, т. е. думного, а И. Ю. Шигона-Поджогин был боярин, член старинного и очень хорошего московского боярского рода, другие ветви которого, Белеутовы, Сорокоумовы-Глебовы, Хабаровы-Симские, стояли далеко не в последних рядах московской знати; притом Шигона занимал должность тверского, ростовского и волоцкого дворецкого, т. е. управлял тремя местными дворцовыми приказами. Следовательно оба сановника ведали дела высшего дворцового и государственного управления, которых касалась духовная.

Притом на этом тайном совете втроём только то и было решено, что такого экстренного дела, как духовное завещание, нельзя сделать без бояр. Воротившись в Москву, великий князь собирает чрезвычайное заседание думы, на котором приказывает писать духовную и говорит боярам о малолетнем своем наследнике и о том, как строиться царству после него, великого князя. Обсуждались, очевидно, дела великой важности для государя и государства; но в этом обсуждении из всех бояр, которых значилось по списку того года более 20, сначала участвовали только пятеро. После уже великий князь призвал, „прибавил к себе в думу к духовной грамоте“ ещё троих. Эти восемь бояр были *послухами* при составлении духовной. Бояре, очевидно, приглашались на заседание не по степени их знатности, а по степени их близости к государю или надобности их в данном случае: князь И. В. Шуйский приглашён после дворецкого Шигоны и казначея Головина, которые стояли на много ступеней ниже его по разрядам, но по должностям своим были нужнее его при обсуждении правительственных и особенно хозяйственных подробностей завещания. Князь М. Л. Глинский стоял по разрядам очень высоко, но был человек приезжий, ещё не освоившийся в московской боярской среде. Великий князь призвал его после всех, наперёд поговорив об этом с другими боярами, и призвал только потому, что он был родня великой княгине, человек близкий к семейству, судьба которого устроялась в духовной. Но этим заседанием не всё кончилось. Чрез несколько дней собрались к больному *все* бояре. Многие из них, кого не было в Москве, поспешили возвратиться из своих вотчин, услыхав о болезни государя. Приглашены были также митрополит и братья великого князя. Таким образом у постели умирающего Василия составилось собрание боярской думы, какого по полноте вероятно не бывало прежде во всё его княжение. Здесь государь опять говорил о сыне наследнике, о земском строении, т. е. повторил перед всеми боярами сущность того, о чём шла речь на тайном совещании, передал собственно

политическую часть составленной на нём духовной. Беседу свою он закончил признанием, что видит в боярах главных дельцов земского дела, самую надёжную опору государственного порядка и своего малолетнего сына. Отпустив митрополита и братьев и оставив при себе „бояр своих всех", больной говорил: „мы вам государи прирождённые, а вы наши извечные бояре; так постойте, братья, крепко, чтобы сын мой учинился на государстве государем и была в земле правда; будьте все сообща, дело земское и сына моего дело берегите и делайте заодин". Так говорил перед смертью московский государь, о котором при его жизни и после рассказывали, что он лишил бояр голоса в высшем государственном управлении, все дела решал у себя в спальне с двумя-тремя любимцами. Через два дня Василий опять призывает к себе тех же самых восемь бояр и двух дьяков, с которыми он прежде думал о духовной, и 4 часа советуется с ними о сыне наследнике и об устроении земском; но для совещания о своей княгине, как ей без него быть и как к ней боярам ходить по делам управления, он оставляет из этих бояр только троих самых близких. Умирающий государь спешит сделать все предсмертные распоряжения по общим государственным и по своим делам. Сообразно с тем он призывает к себе большее или меньшее количество советников, думу о духовной начинает с семью боярами и дьяками, а оканчивает с десятью, думает с дворецким и дьяком, кого из бояр „пустить" в ту думу, а с боярами говорит, что надобно „прибавить" в думу кн. М. Глинского. Но от этих собраний, составлявшихся по особому подбору лиц, как составлялась дума в удельные века, явственно отличается совещание со *всеми* наличными боярами и только с боярами, без митрополита и без братьев великого князя. Это постоянный государственный совет, боярская дума новой формации, а те изменчивые по составу собрания—частный совет государя*). Таким является тесный кабинет при вели-

*) Полн. Собр. Р. Лет. VI, 268—272. Сборн. Имп. Ист. Общ. XXXV, 838.

ком князе Василии. Это не дума втроём: сам-третей великий князь обсуждает только выбор бояр для тайного совещания. Подумать об этом надобно было прежде всего: тогда этот кабинет не имел определённого постоянного состава. Члены его назначались особо для каждого совещания и должны были меняться по свойству подлежавших обсуждению вопросов и по другим причинам. Если бы были постоянные члены кабинета, больной Василий Иванович не стал бы спрашивать у Шигоны и Путятина, кого из бояр позвать на совещание о духовной.

При сходных обстоятельствах и с таким же значением является тесный совет в царствование Васильева сына. В 1553 году, опасно занемогши, царь Иван поспешил составить духовную и привести бояр к присяге на имя новорождённого царевича Димитрия. Для этого сначала призваны были в думу некоторые бояре. После заседания, полного шумных пререканий, большинство приглашённых присягнуло. Эту думу летописец ясно отличает от думы всех бояр, рассказывая, что на другой день после того, как царь привёл к присяге *ближних* бояр, он призвал *всех* своих бояр и пригласил их к присяге. К началу тогдашнего 1553 года по списку значилось 47 бояр и окольничих, не считая думных дворян и других членов думы, а на совет ближних людей, сколько можно судить о том по неясному рассказу летописи, приглашены были до 10 бояр, 1 окольничий, 1 думный дьяк и 2 думных дворянина из бывших спальников, которые явились к присяге уже после заседания предварительной думы. Этот совет в дипломатических актах времени Грозного и называется *ближнею думой*. Так в грамоте цесаревым послам 1575 г. царь пишет о Н. Р. Юрьеве, кн. В. А. Сицком и дьяке ближнем А. Щелкалове, что посылал к ним, послам, для переговоров „бояр, ближнюю свою думу“; думные дворяне Зюзин и Черемисинов, бывшие в числе уполномоченных при заключении перемирия с Баторием в 1578 г., названы „ближние думы дворянами“ *).

*) Акты А. Эксп. т. I, стр. 142. П. С. Р. Лет. VI, 168 и сл. Царств. кн. 339—343. Пам. дипл. снош. I, 501. *Котошихин*, стр. 20.

С царствования Грозного ближняя дума не раз мелькает в своих и иностранных известиях о высшем московском управлении. Она носила ещё название *тайной думы*: в московском переводе письма эрцгерцога австрийского Максимилиана к Б. Ф. Годунову 1587 г. этот ближний боярин назван „начальным тайные думы думцем“. Флетчер, рассказывая о боярской думе царя Фёдора Ивановича, говорит очень неясно и сбивчиво; но самая эта сбивчивость не лишена некоторого интереса. Он различает бояр думных и простых недумных; последним титул бояр даётся больше для почёта, потому что на *общий* совет их приглашают редко или никогда не приглашают. Думные бояре—это те, которые на самом деле принадлежат к *особому* тайному совету царя, собирающемуся ежедневно для обсуждения государственных дел *). Перечислив поимённо думных людей, которых было 31, Флетчер прибавляет, что все они принадлежат к особому совету царя, хотя немногие из них приглашаются на совещание, потому что все дела обсуждаются и решаются Б. Ф. Годуновым, братом царицы, с пятью или шестью другими лицами, которых он заблагорассудит призвать. Выходит, что кроме общего был ещё особый частный совет у государя, что члены только этого особого совета, собиравшегося правильно каждый день, носили звание думных бояр, и однако большинство из них, как и бояр недумных, не приглашали на заседания, что наконец собирался ещё совет, состоявший из Годунова с несколькими по его усмотрению назначаемыми лицами, который собственно и решал все дела. Флетчер, очевидно, перепутал сделанные ему сообщения. Иностранцы

---

*) Of the Russe Common Wealth, chapt. 11: They which are of his speciall and privie counsell indeed (whom hee useth daily and ordinarly for all publique matters perteining to the state) have the addition of *dumnoy* and are named *dumnoy boiaren* or lords of the counsell. Учреждение или заседание этих „лордов совета“ (their office or sitting) Флетчер называет *boarstva dumna*. Если под этими звуками скрывается *боярская дума*, то значит, этот термин, не встречающийся в наших памятниках, употреблялся на языке московского общества XVI в.

в своих записках о Московии обыкновенно называют боярами и тех недумных придворных сановников, стольников, стряпчих, дворян московских, которых они встречали в нарядном платье, идя представляться государю: так, может быть, они и величались в просторечии, на неоффициальном языке. Флетчеру говорили в Москве, что эти сановники не думные люди, хотя и зовутся боярами, что настоящие бояре те, которые каждый день съезжаются в боярскую думу, что есть ещё ближняя дума, созываемая по временам из немногих лиц, которые принадлежат к числу тех же думных людей, и этою думой заправляет теперь Годунов, первый у государя человек, который у него всякие дела делает. Не разобрав всех этих тонкостей, Флетчер не мог хорошенько отличить общего боярского совета от частной ближней думы. Несмотря на то, его рассказ, изображая Годунова действительным председателем и руководителем особого тесного совета, лучше всего объясняет выражение Максимилианова письма, в котором Борис назван начальным думцем тайной думы. Об этой думе, какой была она в 1600—1606 годах, Маржерет, живший тогда в Москве, пишет, что в случае дел важных собирался тайный совет, состоявший обыкновенно из близких царских родственников. Присутствие царской или царицыной родни было особенностью ближней думы, объясняющеюся самым характером этого полудомашнего совета царя, а в начале царствования Бориса Годунова встречаем восемь членов его фамилии в звании бояр и окольничих. Описание ближней думы царя Алексея у Котошихина совершенно согласно с известиями иностранцев о тайном совете прежних царей. Эта дума созывалась, когда царю нужно было о чём-нибудь „мыслить тайно"; она состояла из одних ближних бояр и окольничих,; из прочих думных людей имел доступ „в тое палату в думу" лишь тот, кто получал особое приглашение. Рейтенфельс, бывший в Москве в конце царствования Алексея, отличал ещё комнатных бояр, как особенно доверенных советников, от простых, хотя подобно Флетчеру и другим делил боярство на думное

и недумное. Но в конце века, когда старое московское управление уже разрушалось, Корб называет тайным советом то, что оставалось тогда от прежней боярской думы. В начале XVIII в. названия, заимствованные частию от тайной ближней думы, носят учреждения, очень мало на неё похожие *).

При недостатке известий трудно сказать, изменялись ли устройство и значение ближней думы в продолжение XVI и XVII в. Но можно с некоторой точностью обозначить её происхождение и свойство занятий, состав и отношение в думе всех бояр. Она созывалась, когда государю нужно было о чём-нибудь помыслить тайно с ближайшими доверенными советниками. Потребность в таких тайных совещаниях вызывалась переменами, происшедшими в высшем московском управлении с конца XV века **). Московские государи теперь видели себя в совершенно новой правительственной обстановке, к какой не привыкли их предки удельного времени. Рядом с прежними дворцовыми учреждениями воздвиглось новое здание государственного управления с новыми органами и задачами. Прежние привычные советники, дворцовые бояре введённые, не все и не всегда имели место в боярской думе, а новые думные люди ведали недворцовые дела. Центральное управление разделилось на две сферы, на собственно государеву и государственную, „земскую", на дворцовую и боярскую, из которых одной государь руководил непосредственно, а другой посредством боярской думы. Так при дворе явились дела и люди, выделявшиеся из общего государственного управления и правительственного штата, стоявшие в ближайшем отношении к государю. По немногим уцелевшим известиям о ближней думе можно различить три рода дел, для обсуждения которых она созывалась. Прежде всего это

---

*) *Ближняя канцелярия* в русских актах и *тайный совет* у Плейера в записке 1710 г.—Пам. диплом. снош. т, I, стр. 973. *Устрялова,* Сказ. современ. о Димитрии Самозванце, т. III, стр. 35. *Котошихин,* стр. 20. *Рейтенфельс* в Журн. Мин. Нар. Прос. 1839 г. июль, стр. 26. Дневник *Корба,* стр. 277 и 316.

**) См. выше гл. XIII.

были вопросы, касавшиеся не общего государственного управления, а более тесной придворной сферы. Они обыкновенно не шли в думу всех бояр, а разрешались непосредственно самим государем. Не боярской думе было обсуждать, как обрядить какое-нибудь необычное торжество при дворе или богомольную поездку государя, как на всякий случай устроить из дворцовых доходов хозяйственное положение великой княгини или засидевшейся великой княжны; но поговорить об этом было необходимо с теми или другими советниками. Вносить такие вопросы в совет всех бояр уж потому было неудобно, что дворцовые сановники, которые прежде других могли „к тому делу дать способ", нужные справки, кравчий, ясельничий, сам дворецкий часто не были думными людьми, не ходили „в палату" и не сидели „с бояры". С другой стороны, порядок думского делопроизводства, установившийся при новом устройстве высшего управления, побуждал государя созывать особый тайный совет и для обсуждения дел государственных. Боярская дума слушала доклады по разным частям государственного управления и давала на них резолюции. Предварительная разработка вопроса, подготовка оснований для резолюции лежала на докладчике или поручалась тому приказу, который мог дать нужные справки. Но возникали вопросы экстренного, так сказать, учредительного свойства, которые не устанавливались в колею обычного делопроизводства и доложить о которых в думе не пришлось бы никому из управляющих отдельными ведомствами. Инициатива законодательной постановки такого вопроса, как бы он ни возбуждался, принадлежала верховному председателю думы, государю. Но самая важность или сложность таких вопросов делала необходимым предварительное их обсуждение. Оно вызывалось двоякой потребностью: государю надобно было самому приготовиться к делу и подготовить к нему бояр. Предварительное совещание с ближними людьми было нужно государю, чтобы предлагая вопрос думе всех бояр можно было не только „мысль свою об'явить", как выразился Котошихин, но и мотивировать её, как говорят

в наше время, дать делу известную постановку и направление. Вместе с тем предварительное совещание было средством для государя подготовить бояр к своему предложению. Это было особенно нужно в вопросах спорных и щекотливых, способных вызвать „крик и шум велик и речи многие во всех боярех“, а подобные вопросы бывали и у московских государей. Такое именно значение имело предварительное заседание ближних бояр при больном царе Иване в 1553 г. по делу о присяге его сыну наследнику, сколько можно судить о том по рассказу летописца. Ближние бояре были наиболее родовитые и влиятельные люди, вожди боярства, к голосу которых все прислушивались в думе. Склонить их в желаемую сторону значило обеспечить мирный успех дела, провести вопрос в думе без шума. Наконец, возникали дела государственные, которые подобно дворцовым неудобно было и вносить в думу всех бояр. Думское делопроизводство соединено было с некоторыми формальностями, сообщало делу известную гласность, возлагало на правительство известную ответственность. Поэтому дела, которые не терпели таких формальностей или в которых надобно было избегнуть гласности и ответственности, проводились через тайный совет и не доходили до боярской думы. Всего чаще внешняя политика возбуждала такие секретные вопросы. Известно одно любопытное заседание ближней думы при царе Алексее по такому делу. В 1659 г. послано было в Малороссию войско под начальством кн. А. Н. Трубецкого на гетмана Выговского и изменивших Москве черкас. Кн. Трубецкому дан был наказ уговаривать казаков к повиновению, в случае успеха привести их к присяге на верность, а гетмана сменить и выбрать другого, в противном случае идти войной на изменников. Все эти статьи наказа были обдуманы и приняты царём, разумеется, вместе со всеми боярами. Но царю не хотелось рисковать, предоставляя оружию решение дела: он искал более надёжного и мирного пути к цели. Через несколько времени по выступлении Трубецкого из Москвы в дополнение к данному ему открытому

наказу послана была особая секретная инструкция, которой он должен был воспользоваться, если представится случай: здесь предписывалось воеводе войти в сношения с Выговским и покончить борьбу без крови, полюбовной сделкой. Эта инструкция доложена была только царю и пяти *комнатным* боярам: царь слушал статьи нового наказа во время церковной службы, в трапезе дворцовой церкви, а комнатные бояре в комнатах.

Легко понять, что по самому своему характеру ближняя дума не могла иметь определённого ведомства: у неё не было текущих дел; ведомство её состояло из особо важных случайностей. Ордин-Нащокин в одном письме к царю Алексею писал, что „в Московском государстве искони, как и во всех государствах“ посольские, т. е. дипломатические дела ведают люди „тайной ближней думы“. Но знаменитый московский дипломат говорил здесь о том, что важные дипломатические поручения, как и управление Посольским приказом, всегда возлагались на ближних думных людей, а не о том, что дела внешней политики были исключительным достоянием ближней думы. В XVII в., как и прежде, эти дела ведал государь с думой всех бояр, а не с одними ближними, обсуждая с последними только дела особенно секретные. По характеру своей деятельности ближняя дума не могла также иметь ни правильных срочных заседаний, ни постоянного состава. Царь обыкновенно призывал в эту думу ближних думных людей; но они становились тайными советниками государя не в силу своего оффициального звания думных людей, государственных советников, а по личному усмотрению или доверию к ним государя. Потому в этот совет могли быть призваны вместе с думными ближними людьми и думные люди, не входившие в штат ближних, на что прямо указывает Котошихин, и ближние люди, не принадлежавшие к штату думных, на что есть косвенные указания. Ни в XVI веке, ни позднее не заметно духовных лиц в числе постоянных членов боярской думы; но есть некоторое основание предполагать, что знаменитый священник Сильвестр

имел место на заседаниях ближнего совета при царе Иване. Изображая значение, какое имел Сильвестр при дворе и в управлении, летопись замечает, что он был у государя „в великом жалованьи и совете духовном и в *думном*“. Что ещё любопытнее, есть следы присутствия в тайном совете высших дворцовых сановников, которые, не принадлежа к членам боярской думы, входили в состав *комнаты*, были ближними людьми. Известен ряд относящихся к 1653 г. формул, по которым должны были присягать царю, царице и их детям люди разных чинов. Бояре, окольничие и все думные люди обязывались между прочим „государския думы и боярского приговору до государева указу никому не проносить и не сказывать“; дворцовые сановники, кравчий, постельничий и все люди, которые „у государя живут в комнате“, клялись никому не проносить и не сказывать только „государские *тайные* думы“ или просто „государские думы“, не распространяя этого обязательства на боярские приговоры, т. е. на постановления боярской думы, в которой они не имели места. Значит, состав ближней думы вполне зависел от воли государя, тогда как в выборе членов боярского совета он соображался с боярским отечеством, с родословной очередью, жаловал многих в бояре не по личной оценке, а по аристократическому старшинству, „не по разуму их, а по великой породе“, как выразился Котошихин *).

Созывая совет ближних людей, государь этим самым косвенно выражал своё признание думы всех бояр, как постоянного и в известной степени самостоятельного государственного совета. Это признание выражалось и в свойстве дел, какие ведала ближняя дума, и в самом её составе. Она была личным советом государя по делам особого рода. Одни из этих дел обсуждались в ближнем совете прежде поступления в боярскую думу; другие обсуждались и реша-

---

*) Доп. к III т. Дв. Разр. 165. *Соловьёв*, XI, 62; XII, 65. Царств. кн. 342 П. С. Зак. № 114.

лись в том совете, потому что не могли быть внесены в эту думу. Значит, по одним делам ближний совет был для боярской думы учреждением подготовительным, по другим учреждением вспомогательным, восполнявшим деятельность этой думы, разрешавшим вопросы, которые не укладывались в установившийся порядок думского делопроизводства. В том и другом значении ближний совет не устранял обычной правительственной деятельности боярской думы, а только точнее определял сферу этой деятельности и подтверждал необходимость и неприкосновенность усвоенного ею порядка и политического значения. Ближний совет в его первоначальном и простейшем виде даже нельзя назвать учреждением в строгом смысле слова: это была частная предварительная справка государя о деле у близких или сведущих людей, имевшая более нравственное, чем политическое значение, оставлявшая след во взгляде, в настроении государя, а не в протоколе. Вот почему в правительственных актах этот совет почти не заметен. С другой стороны, по составу ближней думы легко заметить черты сходства этого интимного совета с прежней думой бояр введённых. Тот и другая обыкновенно состояли из очень ограниченного круга лиц; в том и в другой выбор этих лиц зависел исключительно от усмотрения государя, руководившегося при этом прежде всего доверием к призываемому советнику; наиболее постоянным элементом в составе ближней думы, как и в думе удельного времени, были дворцовые сановники; большинство тайных советников московского государя состояло из людей думных и вместе ближних, а люди, соединявшие в себе оба эти звания, и в XVI в. ещё назывались иногда постарому „введёнными". Но если чувствовали потребность иметь особый совет с таким характером и составом рядом с думой всех бояр, то за последней, очевидно, признавали не то значение, не те задачи и свойства, какие имел первый: значит, признавали, что состав её не вполне зависит от усмотрения государя, а должен согласоваться с боярской иерархией, что эта дума есть постоянно действующее учреждение, которое направляет

текущие дела, что и некоторые особо важные дела должны проходить чрез неё же, хотя бы они уже обсуждались в ближней думе,—словом, признавали, что это не государев только, но и государственный совет. Такой иерархический подбор членов и такое значение постоянного совета, обсуждающего все дела законодательного характера, боярская дума получила благодаря новому составу московского боярства и новым правительственным потребностям объединённого государства. Потому следы ближней думы и появляются со второй половины XV века: уже в актах княжения Ивана III некоторые московские бояре называются ближними. Легко понять однако, что ближний совет, оставаясь полуофициальным и предварительным, должен был иметь большое влияние на общую думу: когда государь приносил в последнюю мнение, внушённое тайными советниками, его политический авторитет и служилое приличие обыкновенно заставляли бояр соглашаться с ним. Только на это влияние имел основание жаловаться Берсень в беседе с Максимом Греком, а не на устранение боярской думы от дел ближнею думой государя втроём в спальне.

ГЛАВА XVII.

Опричнина Грозного была дальнейшим развитием комнаты и завершением этого признания.

Эта знаменитая опричнина по происхождению своему была тесно связана со ближней думой, даже может быть названа эпизодом из её истории.

Учреждение это всегда казалось очень странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал. Рассорившись со своим боярством, царь Иван покинул в 1564 г. Кремль, Москву, все свои „государства“ и самый титул царя, учредил себе новый двор, для которого отобрал несколько улиц в Москве и несколько областей в государстве, оставив другие улицы и области под властью боярской думы и под-

чинённых ей приказов, начал скромно зваться Иванцом Васильевым, князем московским, ходить и ездить в „смирном" чёрном платье и немилостиво казнить тех, кого считал изменниками. Государь, потративший столько усилий мысли, чтоб усвоить себе понятие о единстве верховной власти, ввёл „разделение земли и градов"; объявив пред лицом земли, что все бояре изменники и что на простых людей царской опалы и гнева нет, он оставил этих верных ему простых людей земли под властью боярской думы, наполненной изменниками. Если всё это не простое сумасбродство, то очень похоже на политический маскарад, где всем государственным силам нарочно даны несвойственные им роли и поддельные физиономии.

Скудные известия об опричнине далеко не всё в ней выясняют, оставляя много места для догадок. Впрочем некоторые характерные моменты и обстоятельства дела обозначены в памятниках довольно явственно, и их надобно прежде всего припомнить. Побег в Литву нескольких видных слуг, особенно кн. Курбского, и устроенное не без его участия двустороннее нападение из Литвы и Крыма заставили царя Ивана в 1564 г. пережить страшную тревогу. Благополучно избегнув опасностей, в которых видел дружное дело внешних и внутренних врагов, мнительный царь стал молча готовиться к обороне, особенно против последних. В конце года он с семейством, ближними людьми и большим обозом, никому ничего не сказав, вдруг уехал куда-то и зачем-то. Через месяц из Александровской Слободы он прислал митрополиту грамоту, в которой клал свой царский гнев не на одних бояр, но и на духовенство, на служилых и приказных людей, на все правящие классы, за их беззакония, мятежи, расхищение государевых земель и казны, нерадение в защите государства от врагов: не терпя их изменных дел, царь и „оставил своё государство" и поехал поселиться, где Бог укажет. Высшему духовенству и боярам, приехавшим из растерявшейся от ужаса Москвы со слёзным челобитьем к царю править, как ему угодно, Иван отвечал пространным

обвинением бояр в исконной вражде их к его предкам, в козиях против него самого и его семейства, но согласился „паки взять свои государства“. Согласие дано было под условием, чтобы царю на своих изменников и ослушников опалы класть, а иных казнить, имение их брать на себя, чтобы духовенство, бояре и приказные люди всё это положили на его государской воле, ему в том не мешали и чтоб „учинить ему на своём государстве опришнину, двор ему себе и на весь свой обиход учинити особной“. К сожалению, остаётся неизвестен хранившийся в одном из ящиков царского архива подлинный „указ об опричнине“, и мы знаем его содержание только по изложению летописца. У этого летописца учреждение опричнины поставлено в прямую связь с царским условием свободной расправы с изменниками и новый двор представляется орудием для приведения в действие этого условия. При этом дворе учреждались особые бояре и окольничие, дворецкий, казначеи, дьяки и всякие приказные люди, весь дворовый штат „на всякий обиход“. Далее на обиход царя и обоих его царевичей взяты были в разных местах государства, преимущественно центральных и северных, отдельные сёла, волости и целые города с уездами: всё это вместе с дальнейшими присоединениями составляло едва ли не половину всего государства *). Точно так же из служилых людей царь отобрал в опричнину тысячу человек князей, дворян и детей боярских, число которых потом было увеличено до 6 тысяч; им даны были поместья в уездах, взятых в опричнину, откуда прежние вотчинники и помещики были переведены на новые земли в неопричных уездах. Государство же своё Московское с его воинством, судом и управой царь приказал ведать и всякие земские дела делать прежним боярам, которым велел быть „в земских“, начальникам отдельных приказов и всем приказным людям продолжать свои приказные дела „по старине“, а с докладами „о боль-

*) Образование и состав опричной территории обстоятельно изложены в исследовании г. *Платонова* Очерки по истории Смуты в Моск. государстве XVI—XVII вв., стр. 141 и сл.

ших делах“ приходить к земским боярам докладывать государю только „ратные вести и земские великие дела“ *).

Обстоятельства, при которых возникла опричнина, прямо указывают на её назначение. Политическая эмиграция с её заграничными кознями побуждает царя положить опалу на все правящие классы и отказаться от власти; по челобитью московской депутации царь возвращается к власти на условии беспрепятственной расправы с изменниками и для этой расправы учреждает опричнину, посредством которой он задумал вывести измену из Русской земли. В опричнине учреждалась высшая полиция по делам государственной измены; назначенный по уставу учреждения отряд в тысячу человек становился корпусом дозорщиков внутренней крамолы и охранителей безопасности царя и царства, а сам царь брал в руки полицейскую диктатуру для борьбы с этою крамолой, становился верховным шефом этого корпуса. На такое назначение опричников указывали и символические украшения данного им мундира, метла и собачья голова. Рядовые опричники были простыми палачами, не политическими следователями, по указанию царя производили избиения массами, опустошали целые города и уезды. Но такие верховые люди, как Малюта Скуратов или кн. Аф. Вяземский, в застенках Александровской Слободы производили розыски по политическим доносам и по ночам в спальне у царя обдумывали с ним планы борьбы с его недругами **).

Но устройство опричнины, сколько можно судить о том, не вполне отвечало такому боевому её назначению. По уставу это был „особный двор на всякий обиход“ царя и царевичей, дворцовое хозяйственно-административное учреждение, только необычно обособленное от общегосударственного упра-

---

*) Русск. Ист. Библ. III, 255 и сл.

**) Один из близких к царю опричников В. Грязной в письме к нему из крымского плена хвалился, что он и там не забывает своего опричного дела—губить царских изменников: „в Крыме что было твоих собак изменников, и Божиим милосердием я всех перекусал, все тайно пали от руки моей“. *Карамзин*, IX, 212, прим. 406.

вления. Всё государство было разделено на две половины. Под одной верховной властью действовали два параллельные управления, два ряда центральных и областных учреждений, земских и опричных; явились области земские и неземские, сановники земские и опричные или „дворовые", как они стали потом называться, напоминая литовские уряды *земские* и *дворные*. В опричнине заведены были особые приказы, однородные по ведомствам со старыми земскими, „дворовый" Разряд, „дворовый" Большой Приход; одна летопись говорит, что учреждая опричнину, царь велел в Александровской Слободе ставить „избы розрядные", т.-е. здания для приказов. Некоторые приказы не были надобны опричнине: у неё не было соответствующих дел или она могла пользоваться для них земскими приказами, например, Челобитным или Ямским. Нет следов опричного Посольского приказа. Такие земские приказы действовали в обеих половинах раздвоенного царства и имели значение общеимперских. В оффициальных отношениях между органами обоих управлений не заметно антагонизма, напротив, видно дружное общение и взаимодействие. Опричные полки со своими воеводами в походах действуют вместе с земскими; служилые люди служат то в земщине, то в опричнине; одно и то же дело делают, как товарищи, лица из земщины и опричнины; менее родовитый опричный окольничий чтит родословное и чиновное старшинство земского боярина, ездит к нему на подворье по порученному обоим делу. Таковы же отношения и обеих дум. У царя в опричнине была своя дума, „свои" бояре, как выражается об них летопись, с особыми окольничими, думными дворянами и дьяками. Дела общегосударственные, например дипломатические, вела с докладом царю земская дума; у опричной были свои опричные дела. Но иные вопросы царь приказывал обсуждать всем боярам, земским и из опричнины, и „бояре обои" ставили общее решение. На походе в думе земских бояр у царя Малюта Скуратов, опричный думный дворянин, сидит рядом с земским Черемисиновым, а В. И. Умной-Колычов, состоя

опричным окольничим, продолжает значиться тем же чином в списке членов земской думы *).

Всего труднее понять тревожные по обстоятельствам соображения, побудившие связать такое дворцовое учреждение, как опричнина, с данным ей полицейско-политическим назначением, и объяснить, для чего оно понадобилось при существовании старого ведомства Большого Дворца, оставшегося в земщине. Ответа на эти вопросы надобно искать в особенностях опричного устройства, которых не было в земщине и в которых должны были сказаться потребности, вызвавшие учреждение опричнины.

Опричнина в XVI в. было уже устарелое слово, которое тогдашняя московская летопись перевела выражением „особный двор". Этот термин был заимствован из удельного языка: так назывались особые выделенные владения, преимущественно те, которые отдавались в полную собственность княгиням-вдовам, в отличие от данных в пожизненное пользование, от *прожитков*. В актах XVI в. *опричный* значит чужой, сторонний, не принадлежащий к известному обществу или уезду. Кн. Курбский подыскал меткий этимологический синоним этого термина, но только этимологический, назвав опричников „кромешниками", удачно играя буквальным и переносным смыслом этого слова. Никогда прежде не существовало удела, состоявшего из тех именно городов, какие взяты были царём в опричнину. Но Иван поступал согласно с преданием удельных веков, составив свой новый удел частию из городов, принадлежавших к старинной вотчине московских князей, каковы были Можайск, Устюг, Медынь, Ярославец, частию из недавних сравнительно приобретений московских государей, какими были Двина, Вага, Вязьма, Белев, наконец из нескольких отдельных сельских волостей, разбросанных в Московском и других уездах, которые не

---

*) *Карамзин*, IX, примеч. 138, 370 и 412. Новгородск. Летописи, изд. Археогр. Комм. 101 и 105. Др. Р. Вивл. ч. XX. *Г. Платонов* в указ. соч. стр. 154 и 156.

были взяты в опричнину. Из таких именно разрядов земель и с такой же чересполосицей предки Грозного составляли уделы своим детям в духовных грамотах. Самое управление в опричнине было устроено по старому удельному образцу, сколько можно судить о том по скудным остаткам опричной администрации. Как в удельное время привилегированное лицо получало право судиться у самого князя или его боярина введённого; так и теперь в жалованной грамоте игумену Махрищского монастыря 1571 г. царь писал об исках сторонних людей на игумене с братией или на их слугах и крестьянах: „а сужу их яз, царь и великий князь, или мой боярин введённый *у нас в опришнине*". Как в удельное время всё центральное управление заключалось в пределах дворцового ведомства, двор князя составлял собственно княжеское правительство; так и опричнина несколько лет спустя после её учреждения, когда самое имя её за её беззакония успело страшно всем опротиветь, была переименована во *двор*, а бояре и дворяне опричные в бояр и дворян *дворовых*. Самым опричным своим титулом царь противополагал опричнину земле, как удельную часть всему национальному и государственному, земскому целому: некоторое время он официально назывался просто „князем *московским*", даже невеликим, предоставив титул „великого князя *всея Руси*" поставленному им во главе земщины крещёному хану касимовскому Симеону. Наконец, не лишено значения известие, что Грозный хотел, чтобы старший сын его, как царь, наследовал земщину, а второй, как удельный князь, опричнину.

Рядом с этими удельными архаизмами в опричнине заметны признаки дворянского, противобоярского демократизма. Не сохранился список опричников, о котором говорили Флетчеру в Москве 4 года спустя по смерти Грозного, и мы лишены возможности составить точное понятие о социальном составе опричного корпуса. Хотя в него попадали знатные люди в роде князей Трубецкого, Одоевского, Телятевского, но известно, что в опричнине не любили ни родословных людей, ни родословных счётов. Сам царь в письме к упо-

минутому Грязному выразительно характеризует генеалогический подбор своей „кромешной“ дружины, как общества худородных „страдников“, которых он стал приближать к себе вместо изменников бояр. Значит, опричнине не к лицу было заниматься предками, и она надолго оставила по себе память в боярстве своим невежественным отношением к местническим правилам и приличиям. После спорившие о местах, желая показать, что известный служебный *случай* неправилен и не имеет цены, говорили: „то деялось в опришнине“. Тот же Грязной, опричный думный дворянин из алексинских детишек боярских, тешивший царя застольными шутками и хвалившийся, что он „великий человек“, в ответном письме к царю едва ли не первый высказал мысль, отрицавшую самые основы местничества: „ты, государь, как Бог, и малого делаешь великим“. Всё это развязывало руки царю, открывало ему полный простор в выборе советников, в придворных и должностных назначениях, без досадного упрямства со стороны хранителей родословной и разрядной чести своих отцов и дедов. В опричнине он чувствовал себя дома, настоящим древне-русским государем-хозяином среди своих холопов-страдников, мог без помехи проводить свою личную власть, стеснённую в земщине нравственно обязательным почтением к почитаемым всеми преданиям и обычаям *).

Эти особенности служилого штата и внутренних отношений опричнины сближают её с государевой *комнатой*, с кругом *ближних* людей государева двора. Таково прямое, открытое значение, какое царь хотел придать опричнине в глазах других: это не что-либо новое и чрезвычайное, а обычный подбор близких людей. Московским гонцам на вопрос в Литве, что̀ такое московская опричнина, велено было в 1569 г. отвечать: „мы не знаем опричнины; кому велит государь жить близь себя, тот и живёт близко, а кому далеко, тот живёт далеко“. Выше было указано происхожде-

---

*) Акты Арх. Э. I, стр. 349. *Карамзин*, прим. 137. *Флетчер*, гл. 9.

ние ближней думы и её отношение к общей боярской. Когда старое удельное здание Московского княжества, так сказать, со всех сторон заставилось новыми государственными пристройками, ближняя дума послужила одной из связей первого с последними. Но ближняя дума была продолжением или восстановлением боярского совета удельных времён, теперь превратившегося в постоянный правительственный корпус с определённым многосложным ведомством и составом, основанным на новом складе боярства. Не устраняя деятельности боярской думы и составляясь обыкновенно или в большинстве из её же членов, ближний совет был со стороны государя косвенным признанием за этой думой значения такого правительственного корпуса и следовательно признанием боярства в значении правительственного класса. К ближним думным людям примыкали ближние постельничие, стольники и некоторые другие дворцовые чины, которые под общим названием *ближних людей* следовали в придворной иерархии непосредственно за думными и вместе с ближними людьми думных чинов составляли государеву комнату. Выделение этой комнаты из большого двора было следствием желания государей сохранить около себя привычную тесную обстановку удельного времени среди придворного штата, принимавшего всё большие размеры. Так точно, построив себе большие каменные палаты, они долго ещё продолжали жить в тесных деревянных хоромах, напоминавших им удельные избы их предков.

Опричнина была расширением комнаты, только до крайности напряжённым и осложнённым новыми нуждами государства и новыми целями, какие поставил ей царь. Во-первых, при распространении государственной территории с половины XV в. не заметно соответственного расширения области дворцовых земель, какого требовал расширявшийся „государский обиход", чем „жаловать бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей", как читаем в летописном изложении указа об опричнине. Во-вторых, одновременно с усиленным набором и поземельным устройством

провинциального военно-служилого класса возникала для правительства забота о сформировании столичного дворянства, которое должно было служить и генеральным штабом, и офицерским запасом, и „государевым полком“, гвардией, и сверх всего ещё исполнительным орудием разнообразных правительственных поручений. Опричнина предназначена была отвечать на эти нужды и отвечала как-то преувеличенно, сообразно с характером своего учредителя. Чуть не пол-государства превращено было в то, чем гораздо позднее стало удельное ведомство. Государев полк разросся в сравнительно огромный гвардейский корпус, очень обособленный от остальных военных частей *). Но сверх того царь указал опричнине задачу, для которой в составе тогдашнего управления не существовало особого учреждения: новообразованное удельное ведомство должно было стать ещё высшим институтом охраны государственного порядка от крамольников, а опричный отряд корпусом жандармов и вместе экзекуционным органом по изменным делам.

Такое неестественное осложнение дворцового ведомства дало крайне неловкую постановку высшему управлению. Опричнина была направлена против государевых изменников и ослушников. Но ни для кого не было тайной, что главные изменники и ослушники подозревались в боярской среде, и всех менее скрывал это сам царь. Между тем высшее управление оставалось в земщине аристократическим, боярским попрежнему, только действовало на более тесном пространстве; боярская дума продолжала руководить землёй посредством подчинённых ей приказов. Теперь, оставшись во главе одной земщины, она как будто даже стала самостоятельнее прежнего. И прежде бояре иногда сидели в думе о делах без государя; но это было отступлением от заве-

*) Шеститысячный опричный отряд при нескудных, вероятно, земельных дачах в опричнине это по меньшей мере 20—25 тыс. походных коней, не считая опричных стрельцов и казаков. Прежний государев полк по разрядным книгам ходит в походы рядом с опричниной.

дённого порядка, которое допускалось в особых случаях. Теперь, когда царь, живя вне Москвы, приезжал в столицу „не на великое время“, по выражению летописи, такие заседания становились обычными, и доклад государю ограничивался лишь наиболее важными государственными делами: следовательно боярские приговоры по текущим делам управления получали силу закона и без этого доклада. Сохранилось несколько приговоров думы, изданных во время опричнины от имени первоприсутствующего боярина с товарищами, даже с участием духовенства, но состоявшихся без царя, только по царскому приказу или слову. Земская дума, кн. И. Д. Бельский и „все бояре“ в 1570 г. пишут в Слободу о сношениях с царём сибирским и получают оттуда ответ: „поговорили бы вы о том, пригоже ли нам с сибирским царём ссылаться, да что ваша будет мысль, и вы б приговор свой к нам отписали“. Боярские приговоры по делам важным земским или внешним, согласно с уставом опричнины, докладывались царю и утверждённые им излагались в обычной законодательной форме приговоров государя „со всеми бояры“, и никто со стороны не подумал бы, что личность каждого из этих думных законодателей, причисленных к политически заподозренному сословию, вне думы была беззащитнее любого холопа. Так обнаружилось отношение к боярскому совету со стороны опричнины, как преемницы ближней думы: первая потверждала или завершала то, что́ выражала последняя, признание политического значения боярства и боярской думы со стороны государя. Специальной полицейской целью опричнины не ослаблялось, а только резче проявлялось это признание. Когда царь согласился „паки взять“ брошенную им власть на условии свободной расправы со своими изменниками и ослушниками и учреждая опричнину, оставлял во главе земщины прежнее высшее управление с его родовитым составом, такой образ действий можно было понять только в том смысле, что царь различал установившийся правительственный порядок и действовавшие в нём лица, провозглашал неблагонадёжность последних и под-

тверждал удовлетворительность или неустранимость первого, направлял своё новое учреждение не против политического положения целого правительственного класса, а против отдельных людей этого и даже не одного этого класса, навлекших на себя его подозрение или попадавшихся ему под руку в дурную минуту. Так поняли дело и сами бояре. По наказу, данному боярской думой, московский посол кн. И. М. Воротынский, переговариваясь с поляками в 1615 г., должен был при случае сказать им от имени „природных“ московских бояр: „видали мы от прежних государей опалы себе, *только во всём государстве справа всякая была на нас,* а худыми людьми нас не бесчестили и чести нашей природной не отнимали“ *).

Такая двусмысленность положения происходила от неопределённости отношений между обеими сторонами. С конца XV в. две политические силы, так дружно действовавшие прежде, стали проникаться взаимным недоверием и недовольством: одна жаловалась на притязательность другой, а другая на произвол первой. Сталкивались ли в этих жалобах два непримиримые политические порядка или по крайней мере два противоположные политические направления? Обе разладившие стороны расположены были так думать, но без достаточных оснований. Во-первых, притязания боярства далеко не были так решительны и радикальны, чтобы не оставалось никакой возможности примирения. Она шли, как мы видели, немного дальше действительности; притом важнейшие из них были признаны государями. Боярская программа состояла не столько в требовании политических нововведений, сколько в защите действовавших правительственных обычаев. Был важный недостаток в политическом положении боярства—отсутствие надёжных обеспечений этого по-

*) См. например А. И., стр. 270 и 341, и *Карамзина* IX, прим. 416. В царском архиве хранились „списки государеву сиденью о всяком земском указе“, т. е. протоколы думских заседаний государя с боярами за январь 1568 года. Акты Арх. Эксп. I, стр. 349. *Соловьёв*, IX, 54 по 2-му изд.

ложения; но требование таких обеспечений не находим и в боярской программе. С другой стороны, если бы спор шёл о политическом порядке и выходил из несогласимых между собою планов государственного устройства, от царя прежде всего можно было бы ожидать прямого ответа на вопрос, какого он хочет порядка, того ли, какой тогда складывался и действовал, или какого-нибудь другого. Письма Ивана к Курбскому наиболее полная его политическая исповедь. Они решительно подкупают читателя своей задушевностью, жаром речи, иногда доходящим до ораторского блеска. Под первым впечатлением этой корреспонденции, в которой каждая страница кипит и пенится, читатель готов признать у царя самые широкие и возвышенные политические воззрения. Но сняв эту пену, находим под нею скудный запас идей и довольно много противоречий. Он, пользуясь его же выражением, собственно „едино слово пишет, обращая семо и овамо“, диалектически развивает одну идею, которую противопоставляет притязаниям своих политических противников: это идея самодержавия, которое Иван старается утвердить на исторических и политических основаниях. Самодержавие для него исконный факт нашей истории, который он ведёт от Владимира Святого, прибавляя, что русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и вельможи. Единая и полная власть, сосредоточенная в руках царя, необходима для водворения внутреннего порядка, для прекращения междоусобных браней и самовольства. Но боярство, по крайней мере его литературные представители, восставали не против того самодержавия, которое шло от Владимира Святого, а против самодержавия, окружённого кромешниками, жертвой которого пал св. Филипп и в котором царь Алексей, тоже самодержавный, принёс торжественное покаяние за своего предшественника, за „прадеда“ своего царя Ивана. С особенной горечью жалуется царь на бояр во имя своего самодержавия, виня их в тех стеснениях, какие он терпел от „попа невежи“ и „собаки“ А. Адашева с их советниками: они сняли с царя всю власть, оставили ему только честь

председательства и звание царя, а на деле стал он ничем не лучше холопа; они советовались обо всём тайком от царя, сами возводили в чины, все дела решали, как хотели, ни в чём его не спрашиваясь, как будто его и не было или был он младенцем неразумным. Но если действительно таково было значение Сильвестра, каким изобразил его Иван, если и по словам летописца этот иерей был „аки всё мога“, неограниченно распоряжался всеми церковными и государственными делами, только что не имел звания и седалища царского и святительского, то в этом вовсе не были виноваты бояре. Точно так же не боярами, а скорее на зло боярам Адашев взят был „от гноища“ и из батожников пожалован в вельможи. Прежде всего на самого себя должен был царь пенять за то, что оба избранника не оправдали его доверия. Политическое значение боярства, его притязания не были виной того, что эти люди, не принадлежавшие к боярскому кругу, стали временщиками, подобрали царю непочтительных к нему советников и начали „всех бояр в самовольство приводити“: царь сам отдался им в руки, испуганный событиями 1547 года. Иван как будто не замечал, что обвиняет противников в собственных ошибках и слабостях и сам выдаёт им своё самодержавие. И это самодержавие для него не политический порядок, а простая личная власть или голая отвлечённая идея: не без искусства развивая её диалектически, он не выводит из неё всех практических последствий; она не облекается у него в определённый план государственного устройства. Вся его философия самодержавия сводится к одному простому заключению: „жаловать своих холопей мы вольны, а и казнить их вольны же“. Но это заключение вовсе не отличалось новизною: оно так легко давалось уже князьям удельного времени без помощи возвышенных теорий самодержавия, без той начитанности и тех усилий мысли, какие потрачены были царём Иваном в полемике с беглым боярином. В актах удельного времени оно и выражалось почти теми же словами: „я, князь великий Борис Александрович (тверской), волен, кого жа-

лую, кого казню“, а другому в то не вступаться, читаем мы в договорной грамоте одного из этих князей, писанной лет за 170 до полемики Грозного с Курбским *). Такое простое понимание самодержавия выработано удельным порядком, который знал не государя-правителя с его подданными, а хозяина-вотчинника с его холопами, в котором вольные люди были политическою случайностью, временными обывателями на наёмной земле или службе. На таком основании можно было построить не государственный порядок в объединённой Великой Руси, а запоздалую пародию удела, на что и была похожа опричнина царя Ивана.

Не вопросом об основаниях государственного порядка вызвана была вражда, литературным памятником которой осталась полемическая корреспонденция царя с боярином. Этот вопрос затрогивается в переписке лишь кстати, к слову; Курбский даже почти вовсе не затрогивает его в своих письмах. Не противоположные политические принципы, а личные счёты и взаимные огорчения разделяют обоих корреспондентов. Потому в своей переписке они не столько полемизируют друг с другом, сколько жалуются друг на друга и исповедуются один другому. Курбский, вообще более противника владевший собою, сам заметил это и прямо назвал послание царя исповедью, с иронией прибавив, что будучи не пресвитером, а военным и к тому же очень грешным человеком, не считает себя достойным и краем уха послушать царской исповеди. У обоих корреспондентов есть свои больные места, о которых каждый усердно твердит другому, плохо вслушиваясь в речь противника. За что ты бьёшь нас, верных слуг своих? спрашивает Ивана Курбский. — „Нет, отвечает Иван Курбскому, русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и вельможи“. Таким коротким диалогом можно выразить сущность знаменитой переписки.

Действительная причина вражды были проще и понятнее

*) Сборн. *Муханова*, № 1.

общих политических принципов, и всегда не в меру откровенный Иван не скрыл её в своей исповеди. С конца XV в. эта вражда дважды обнаруживалась с особенною силой и каждый раз по одинаковому поводу, по вопросу о престолонаследии, о преемнике. В первый раз, когда вел. кн. Иван III развенчал внука и назначил сына, первостепенное боярство стояло за первого, и его противодействие великому князю в этом деле сопровождалось казнями и насильственными пострижениями. Нерасположение вел. кн. Василия к боярству было естественным чувством государя к людям, которые не желали видеть его на престоле и неохотно терпели на нём. Первые сильные столкновения при московском дворе, какие помнил Иван IV, были связаны с этим вопросом о престолонаследии: он напоминал Курбскому, что отец его кн. Михаил с вел. кн. Димитрием внуком на его государева отца „многие пагубные смерти умышляли". Другой случай был при самом Иване IV в 1553 году, когда царь опасно занемог и потребовал от бояр присяги своему новорождённому сыну, а его двоюродный брат, удельный князь Владимир заявил притязания на престол. Сильвестр и Адашев вели себя двусмысленно в этом деле, а их сторонники, большинство бояр, не хотели целовать креста младенцу, говоря, что его именем будут править родственники царицы Захарьины. Больной царь на совете должен был через силу уговаривать непокорных бояр и между прочим сказал им: „вы нам и детям нашим служить не хотите, не помните, на чём нам крест целовали; так если *мы вам не надобны,* то это на ваших душах". С тех пор и пошла вражда, замечает летописец, и сам Иван подтверждает это замечание, отвечая Курбскому на обвинение в жестокостях: „только бы на меня с попом не стали вы, так ничего бы этого и не было". А бояре стали с попом против царя прежде всего в этом несчастном деле 1553 г., благоприятствуя Владимиру. Воображение, всегда господствовавшее над нервным царём и теперь ещё усилённое болезнью, нарисовало ему все ужасы, ожидающие его семью в случае его смерти. „Не дайте жены

моей на поругание боярам, говорил он Захарьиным и другим верным своим советникам, не дайте боярам извести моего сына, возьмите его и бегите с ним в чужую землю". Им опять, как после московских пожаров и волнений 1547 г., овладело чувство, которому он всегда легко поддавался, чувство страха. В нём заговорил инстинкт самосохранения убедительнее всяких книжных политических доктрин: „за себя есми стал", пишет он Курбскому, напоминая, как они, бояре, хотели посадить на царство Владимира, а его „и с детьми извести". Мы им не надобны, так надо бежать от них или обороняться: это представление, несомненно преувеличивавшее опасность, с тех пор, кажется, всю жизнь не покидало царя. Достаточно просмотреть его знаменитые синодики опальных, чтобы видеть, что во время опричнины Иван действовал, как не в меру испугавшийся человек, который, закрыв глаза, бил направо и налево, не разбирая своих и чужих. Шла борьба с изменническим боярством, а в поминанье заносились перебитые десятками по разным городам и сёлам боярские люди, подьячие, псари, монахи, мастеровые, „скончавшиеся христиане мужеского, женского и детского чина", которых имена, да и политические вины, прибавить можно, „Ты Сам, Господи, веси", как причитает помянник после каждой статьи избитых массами.

Так разлад московских государей с боярством имел не политический, а династический источник. Дело шло не о том, как устроить управление государством, а о том, кто будет им править. Несомненно, что в обоих указанных случаях не остались без влияния на образ действий бояр старые боярские привычки удельного времени. Тогда боярин считал себя в праве выбирать себе место службы, переезжая от одного князя к другому. Теперь, когда уехать из Москвы стало некуда или неудобно, бояре считали возможным выбирать между кандидатами на престол. „Чем нам служить государю молодому, мы лучше станем служить старому князю Владимиру, говорили они в 1553 году: как служить малому мимо старого?" Выбор облегчался отсутствием закона о пре-

столонаследии. Руководясь правом, действовавшим в частной гражданской среде, удельные князья не хотели стеснять себя в распоряжении своими вотчинами перед смертью: им не приходила мысль о возможности и пользе ограничения личной воли завещателя. Этот обычай продолжал действовать и в Московском государстве: „кому хочу, тому и дам княжество“, говорил Иван III. Цену этой личной воли, простой и понятной, московские государи почувствовали раньше, чем стали думать о более сложных политических своих прерогативах, и дорожили ей больше чем последними, когда стали о них думать. Потому стороннее вмешательство в эту область трогало их больнее, чем мог трогать общий вопрос о политическом значении боярства и его отношении к государевой власти. Едва ли и сами бояре смотрели на своё вмешательство в распоряжение обоих Иванов о престолонаследии, как на своё право определять порядок преемства верховной власти: они просто хотели воспользоваться случаем вмешаться в это дело, чтоб устранить неприятного преемника. Но легко понять, что династические столкновения должны были поднять и общий политический вопрос о взаимных отношениях обеих сторон, о прерогативах верховной власти и правах аристократии. Только ни та, ни другая сторона не была приготовлена к разрешению этого вопроса ни при Иване III, ни при его внуке.

Мы видели, что боярство почти не требовало ничего такого, что не было бы допущено государями в правительственной практике, и не настаивало на многом, что тогда ещё могло быть допущено в его пользу. Его литературные представители признают власть государя, какой она была тогда, со всеми её обширными, практически выработавшимися полномочиями: они дают государю значение главы правительственного тела, но при этом желают, чтоб и бояре, как мудрые советники, были членами того же тела, а не отрезанными ногтями или мозолями. С некоторой настойчивостью Курбский говорит о необходимости для царя внимать мнению своего „синклита“ и историческими примерами пока-

зывает, какими бедствиями наказывались цари за пренебрежительное к нему отношение. Но это внимание представляется у него не столько политическим правом боярства, сколько нравственной обязанностью и вспомогательным правительственным средством для государя. Иван жаловался на бояр с их „начальниками“ Сильвестром и Адашевым, будто они добивались того, чтоб он, царь, только „словом был государь“, а сами хотели владеть и „всю землю Русскую под ногами своими видеть“. Но это было преувеличением боярских притязаний со стороны советников, подобранных царю его же любимцами, если только не было преувеличением со стороны самого Ивана, которого страх, обладавший слишком великими глазами, заставлял давать невероятные размеры своим бедам и опасностям. Правда, тот же Иван непримиримо резко, самым остриём поставил против боярства идею неограниченной власти. Но эта идея явилась довольно искусственно, не вышла последовательно из логического роста привычного, от предков унаследованного политического сознания, а была, так сказать, наростом на этом сознании, натёртым уже во время борьбы. Царь пользовался этой идеей, как политическим оружием против бояр, для оправдания своих жестокостей; но она осталась у него без практического употребления, ничего не изменив в основаниях государственного порядка и только увеличив существовавшие в нём противоречия. Итак у обеих сторон не было ни готовых противоположных планов государственного устройства, ни даже непримиримых стремлений, из которых могли бы выработаться такие планы. Но при сходстве политических понятий или, лучше сказать, политических привычек они ещё связаны были одна с другой важными практическими интересами и очень нуждались друг в друге. Боярин был нужен и полезен государю и вне своей правительственной деятельности, как крупный землевладелец. О князьях М. Воротынском и Н. Одоевском Курбский пишет, что они и при Иване IV „велие отчины под собою имели, а колико тысящ с ним не чту воинства было слуг их“; из зависти будто бы

к этому воинству царь и погубил обоих. Значит, они выставляли в поле целые полки ратных людей, которых сами вербовали, вооружали и содержали, избавляя правительство от хлопот об этом. В деле обороны страны один такой князь стоил целого уезда, наполненного мелкими вотчинниками и помещиками. Общий интерес связывал обе стороны и в деле поземельного устройства крестьянского труда. Обоюдная выгода их состояла в том, чтоб этот бродячий и бескапитальный труд привязать к месту и расширить его производство. Есть признаки, указывающие на то, что крупным землевладельцам это удавалось тогда лучше, чем мелким и даже чем обществам чёрных государственных крестьян. Различие интересов крупной земельной собственности и государства в этом отношении чувствовалось ещё слабо в XVI в. Наконец, боярство и правительство в XVI в. вместе боролись с успехами монастырского землевладения и его последствиями, вредными для обоих.

Значит, без особого жгучего повода не от чего было разгореться пожару лютости в земле Русской, воскуриться гонению великому, на что жалуется кн. Курбский. Таким жгучим поводом послужило при царе Иване повторившееся столкновение по вопросу о престолонаследии. Вызванный этим случаем спор продолжался и после: династическая распря перенесена была в область высшей политики. Но здесь обе стороны встретили новое затруднение, которое и было главным источником их обоюдных недоразумений и двусмысленных отношений. Династические столкновения дали усиленно почувствовать обеим сторонам противоречие, которое крылось в самом строе государства. Это противоречие состояло в том, что московский государь, которого ход истории вёл к демократическому, всеуравнивающему полновластию, должен был действовать посредством очень аристократической администрации, к личному составу которой он не питал доверия. Московское государство в XVI в. представляло монархию с государем во главе, власть которого ничем формально не была ограничена кроме практической необходи-

мости делиться ею со знатными недоброхотами. Правительственный обычай и общие интересы заставляли обе стороны действовать вместе, делали их необходимыми друг для друга, и эта необходимость только обостряла разлад, усиливала столкновение. Обе стороны увидели себя в чрезвычайно неловком положении и не знали, как из него выйти. Ни боярство не умело устроиться и устроить государственный порядок без государевой власти, какой она была тогда, ни государь не знал, как управиться без боярского содействия со своим царством в его новых пределах: ни та, ни другая сторона не знала, как ужиться одной с другой и как обойтись друг без друга. Обе стороны испытывали неприятное, но нередкое состояние людей, не умеющих справиться с последствиями своего собственного дела. Тогда каждая принялась винить другую в том, что было создано дружными, но непредусмотрительными усилиями обеих. Наконец царь, решив, что материальная сила в его руках, а нравственной бояться нечего, потому что её нет ни в ком, даже в нём самом, попытался разделиться с противной стороной, жить рядом, но не вместе, однако так, чтобы став недоступным для соседа, его держать в своей безграничной и безотчётной власти. Попыткой устроить такое неравноправное политическое сожительство и было разделение государства на земщину и опричнину. Попытка стоила царю династии, а государству смуты.

Задуманная сгоряча, в тревожном настроении, опричнина не изменяла основ государственного порядка и не устраняла противоречия, в нём коренившегося. Но она заставила обе стороны вникнуть в это больно почувствованное ими противоречие и сообщила более смелое движение их мыслям. Доселе их взгляды не простирались далеко за пределы существующего порядка. Коренного изменения последнего, нового государственного строя не предполагала ни та, ни другая сторона: обе стоят на исторической действительности, держатся за существующие факты, не углубляясь в их внутреннее противоречие друг другу. Теперь этот консерватизм политической мысли поколебался. В своей духов-

ной царь ставит опричнину, как „образец“ своим детям, впрочем предоставляя им сохранить или отменить этот пробный опыт. Но у него в опричные годы всё настойчивее сказывается мысль, что действующий социальный состав государственного управления неудобен для государя и должен быть заменён другими правительственными орудиями, более соответствующими политической натуре московского монарха, как он стал сознавать себя. Но как это сделать? Царь будто бы склонялся к простому механическому способу. Близкие к нему иноземцы рассказывали, что он признавался им в намерении изменить всё управление страной и даже истребить вельмож. Но это были патетические мечты возбуждённого человека, у которого воображение и язык были развязнее воли и рассудка. Легко было истребить всех бояр: они были наперечёт. Мудрёнее было сделать это с боярством: как было обвести раздельной полицейской чертой наличный состав и даже образ мыслей целого класса, разнообразными бытовыми нитями переплетавшегося со слоями, под ним лежавшими? Оставалось вырывать отдельные лица, попадавшиеся под руку, не трогая государственного и общественного положение всего класса. Самоуверенно ответив на вопрос Курбского об избитых воеводах, что у него множество воевод „и без вас изменников“, царь назначал воевод в свои опричные полки всё из того же изменничьего родословного класса. И в противной стороне борьба вызвала некоторые новые ощущения; но они облеклись в политические формы, в определённые планы государственного устройства уже в поколении, следовавшем за сверстниками Грозного. Так обе стороны до самого исполнения боярского пророчества, до пресечения династии, не нашли выхода из неловкого положения, в каком себя почувствовали, хотя на одной стороне стоял „муж чудного рассуждения, муж толико славен и толико многорассуден“, как отзывались современники о царе Иване, да и у противников его не было недостатка ни в напряжении мысли, ни в талантах.

ГЛАВА XVIII.

Мысль оградить политическое значение думы договором с государем возникла в одном поколении боярства под влиянием исключительных обстоятельств.

Опричнина разрешилась борьбою против лиц, не изменив существовавшего государственного порядка. Но эта борьба уже потому не могла не отозваться и на государственном порядке, что изменила лица, служившие ему опорой. Не тронув основ государственной жизни, она круто повернула её направление.

Для судьбы боярской думы особенно важна двоякая перемена, нравственная и генеалогическая, происшедшая тогда в высших слоях московского служилого класса. Есть известия о некоторых дьяках и людях боярского происхождения, которые помощью дипломатической службы или других обстоятельств приобретали в XVI в. некоторое знакомство с западной Европой и её образованием, имели случаи обучиться, говоря словами князя Курбского, „шляхетным наукам и языку римскому и алеманскому“. Как редкие исключения, эти случаи едва ли могли заметно подействовать на политические понятия правительственного класса. Может быть, они помогали пробуждению в нём некоторого любопытства, желания узнать покороче Запад, с которым у московского правительства завязалось уже столько сношений и счётов, откуда столько людей приходило в Москву. По крайней мере цесарский посол Даниил Принц из Бухова, бывший в Москве в 1570-х годах, слышал здесь о жалобах многих на свою замкнутость, на то, что они содержатся, как птицы в клетках, не смеют ни сами съездить, ни детей своих послать в чужие края. И кн. Курбский считает такую замкнутость „непохвальным обыкновением“, упрекая царя в письмах к нему за то, что он „затворил царство Русское, сиречь свободное естество человеческое, аки во адове твердыне“. Но несомненно, что борьба и сопровождавшие её опалы, казни и конфискации пробудили в боярстве сильное

чувство если не политической, то по крайней мере личной свободы и безопасности и стремление найти её хотя бы вне „отечества неблагодарного, земли лютых варваров“. А в близком соседстве была полурусская страна, хорошо знакомый и радушный приют московской политической эмиграции, где знать пользовалась такой завидной вольностью. В 1568 г. король польский Сигизмунд Август дал жалованную грамоту князю М. А. Оболенскому, который с женою выѣхал из земли королёва неприятеля, великого князя московского, „слышачи о вольностях и свободах в панствах наших“, прибавляет король в грамоте *).

Это чувство надобно считать главною причиной усиленной боярской эмиграции в царствование Грозного. В числе бояр, отказывавшихся в 1553 г. присягать царевичу Димитрию, был кн. Семён Ростовский. Он вскоре после того послал известить польского короля, что идёт к нему со своими братьями и племянниками, написав с посланным „хулу и укоризну на государя и на *всю землю*“. Князь Семён вместо вольной Польши попал в белозёрскую тюрьму. Но со времени этого династического столкновения идёт длинный ряд беглецов, спасшихся в свободную страну от московского рабства. В этом ряду встречаем людей и больших, и малых боярских родов, титулованных и простых, кн. Глинского кн. Пронского, кн. Шуйского, кн. Курбского, кн. Оболенского, Воронцова, Вельяминова, Жулебина, и вместе с ними каких-нибудь кн. Морткина, кн. Масальского, кн. Барятинского, кн. Долгорукого, действовавшего на скромной дворовой

---

*) *Д. Принц* в Чт. Общ. Ист. Росс. 1876 г. кн. 3, IV, стр. 30. Сказ. кн. *Курбского*, 235. Акты З. Росс. III, № 87. В конце царствования Грозного, если верить Поссевину, из членов думы только думный дворянин Зюзин знал несколько по-латыни да думный дьяк А. Щелкалов по-польски. Зюзин родился в Литве, куда ещё дед его бежал с последним великим князем Твери. Русск. Ист. Сборн. Общ. Ист. и Др. Р. V, 4 и 6. Горсей пишет, что составил для Ф. Н. Романова, после ставшего патриархом Филаретом, латинскую грамматику, изложенную русскими буквами, которой тот усердно занимался.

службе у владыки новгородского, и даже такого Плещеева, который служил во дворе у Бутурлина. Эта эмиграция едва ли меньше унесла знатных имён из московских боярских списков, чем казни времён опричнины. Много таких имён значится у кн Курбского и в синодиках царя Ивана в числе жертв борьбы. Но Курбский часто преувеличивает генеалогическую разрушительность этой борьбы, насчитывая слишком много фамилий, будто-бы целиком, „всеродне“ истреблённых Грозным. Это он говорит между прочим о Колычовых, Заболоцких, о князьях Одоевских и Воротынских; но по разрядным книгам XVII в. известно немало людей с этими фамилиями. Если мы припомним к этому, сколько больших или по крайней мере старинных родословных фамилий в конце XVI и в начале XVII в. выбыло из верхних служилых слоёв независимо от казней и побегов, вымерло естественною смертью или упало на низ служилого общества, то поймём, как должен был измениться генеалогический состав московского боярства: оно в одно и то же время стало и менее терпеливым, и более разбитым.

Впрочем, обе эти перемены сами по себе не произвели бы такого быстрого и сильного действия на государственный порядок, если бы к ним не присоединилось ещё одно обстоятельство, прекращение московской царской династии. Это событие имело решительное влияние на умы и образ действий боярства. Старая династия, собравшая это боярство, было крепким узлом всех его отношений. Боярство привыкло к ней, с ней строило государственный порядок и заводило правительственный обычай. Обе стороны, несмотря на политическое расстояние, всё более их разделявшее знали цену друг другу и многое прощали одна другой, как старые знакомые и товарищи. Московский государь считал своих правительственных сотрудников наследственными извечными боярами своего дома. Бояре со своей стороны видели в нём своего государя прирождённого, своего хозяина, и этот взгляд, унаследованный ещё от удельного времени, более всего, может быть даже больше Ивановых

жестокостей, сдерживал боярские притязания и замыслы. В Смутное время поляки, присмотревшись к придворным московким обычаям, были поражены близостью отношений правительственного класса к главе государства, постоянным присутствием высшего духовенства и бояр при особе царя, который шагу без них не делал, беспрестанными придворными угощениями бояр и думных людей, на что̀ тратилось пропасть времени и казны. Чтобы вырвать царя из этой плотной среды, его замыкавшей в себе и мешавшей польским планам, поляки считали необходимым хотя на время перенести царскую резиденцию из Москвы куда-нибудь. Но поляки застали в Москве лишь остатки придворных отношений, заведённых при старом царском роде, хозяине земли. Теперь когда такого хозяина не стало, все отношения правительственного класса стали путаться и разрываться, его политические понятия и интересы остались без привычного устоя, на котором они держались. О возможности править царством без царя бояре думали, может быть, ещё меньше, чем царь думал о возможности править без бояр. Важнее всего было то, что пошатнулся правительственный обычай, когда из свода государственного здания выпал сцеплявший его венец.

Все эти перемены и создали тот период в истории боярской думы, который начался царствованием Василия Шуйского и кончился царствованием Михаила. Политическое значение думы в этот период держалось не на правительственном только обычае, но и на формальном договоре с государем. Мысль об этом договоре, незнакомая прежним поколениям правительственного класса, возникала и развивалась постепенно под влиянием указанных перемен. К ним присоединились созданные известными событиями Смутного времени обстоятельства, которые без этих перемен не произвели бы на умы того действия, какое они имели. Прежде всего церемония избрания Бориса на царство дала почувствовать значение политической силы, которой правительственный класс не замечал прежде или на которую он свысока смотрел, как на вспомогательное орудие управления: этой силой была

всенародная воля. По рассказу одного хронографа, Борис своим упрямством в отказе от престола нарочно старался вызвать сцену всенородного моления о принятии царского венца, чтобы зажать рот завистникам: я де не самохотением принял скипетр, но „народным множеством, всего Российского государства рачением и возлюблением избран“. Притом тогда с разных сторон толковали московскому обществу о правах и свободе. Мнишек посылал в Москву сказать боярам и всему рыцарству, что будет хлопотать об увеличении прав боярских и дворянских, за что кн. Мстиславский и кн. Воротынский благодарили доброго пана. Сам Лжедимитрий в манифесте, всенародно прочитанном на площади в Москве его агентами, писал боярам, дворянам и торговым людям о притеснениях, какие они терпели от царя Бориса, каких и от природного государя терпеть невозможно, и обещал боярам „честь и повышение учинить“ и их в чести держать, торговым людям сулил льготы в податях и пошлинах. Данное Борисом под рукой при вступлении на престол обещание никого не казнить смертью в первые 5 лет царствования и следовавшие за тем полицейские козни подозрительного царя и жестокости, напоминавшие ненавистную опричнину, новости, введённые в думе самозванцем в подражание польскому сенату, любовь этого царя говорить на заседаниях думы красноречивые речи со ссылками на историю и на виденное им в чужих землях и заводить даже горячие споры с боярами, его ласковость к знати, казавшаяся чрезмерной, передача дела о крамоле кн. Шуйского на суд земского собора, чего прежде не бывало—всё это при общем возбуждении должно было произвести сильное впечатление на людей, и без того сбившихся с привычной колеи, подействовать разрушительно на весь „чин“ политической жизни, на строгую дисциплину понятий и отношений, заведённую при дворе старых московских царей и в старом московском обществе. Все эти обстоятельства, действуя вместе, произвели глубокую перемену в политических понятиях и нравах общества, высших и низших слоёв его. В последних эта перемена обнаружи-

валась политической распущенностью. Надобно признать долю правды в словах иностранных наблюдателей, которые писали, что уже в начале царствования Шуйского московская чернь, избалованная недавними переворотами, в надежде грабежа готова была хоть каждую неделю менять царя. В высших классах зародились новые политические вкусы. По замечанию тех же наблюдателей, первый самозванец иногда слишком ласково обходился с вельможами и „мало по малу давал чувствовать русским, сколь счастлив народ свободный, управляемый милосердым государем“. Власть этого самозванца не была ограничена формально; однако боярское правительство Шуйского обвиняло его даже в том, что он иногда посылал в Польшу послов по своей воле, без ведома „сенаторей“, и признавало такие посольства незаконными. Уже в начале царствования Шуйского некоторые в Москве желали установить избирательную монархию, подобную польской. Царь Василий преследовал людей с таким образом мыслей; но его собственные послы должны были по приказу говорить в Польше о праве всего московского народа „осудить истинным судом“ и казнить за злые богомерзкие дела такого царя, каким был Лжедимитрий. Эти послы говорили и больше того: они доказывали, что хотя бы явился и прямой прирождённый государь царевич Димитрий; но если его на государство не похотят, ему силою нельзя быть на государстве. Даже у кн. Курбского, вероятно, встали бы волосы дыбом от такой политической ереси, а кн. Гр. Волконский и дьяк Иванов, её проповедовавшие оффициально, оставались повидимому совершенно спокойны *).

Под влиянием такого переворота в умах составились два плана государственного устройства, основанного на политическом договоре, с неодинаковой правительственною постановкой боярской думы в каждом. Оба эти плана впрочем различались между собою не столько своими основаниями,

*) Никон. VII, 212. *Соловьёв,* Истор. Росс. VIII, 205, 218 и сл. *Маржерет* в Сказ. современ. о Димитрии Самозванце. III, 89 и 101. Записки *Жолкевского,* изд. 2. стр. 12.

сколько степенью политического развития, конституционной разработки этих оснований. Притом неодинаково было социальное происхождение того и другого плана: один был произведением высшей титулованной знати, другой принадлежал знати второстепенной с выслужившимися неродовитыми дельцами.

В первые годы опричнины худородные московские эмигранты упрекали знатное боярство, что у него Бог за грехи, видно, ум отнял, если оно с таким терпением отдаёт себя в жертву царской жестокости, не жалея своих жён и детей *). Однако дальнейшие действия опричнины заставили бояр взяться за ум, подумать о себе и о своих семьях, а опалы Годунова образумили их ещё более. Пресечение династии помогло найти средство обеспечения личной безопасности. При отношениях, какие существовали между знатью и старою династией, странной показалась бы боярину мысль о формальном политическом контракте с государем. Но она была естественна, когда на престол вступал один из своей же братии бояр. Эта мысль, надобно думать, жила уже среди боярства при избрании Годунова на престол: только её присутствие делает понятной комедию, устроенную тогда „лукавой лисой“, как называет летописец Бориса. Обе стороны выжидали, которая сделает первый шаг, и молчали. Бояре ждали, что Борис наконец догадается и заговорит об обязательствах, об уговоре, а Борис ждал, пока московский народ и земский собор заставят бояр признать его без всяких обязательств с его стороны. Борис перемолчал и дождался своего: по рассказу одного современника **), он

*) Письмо Тетерина и Сарыгозина к М. Я. Морозову в Сказ. кн. *Курбского*, стр. 374.

**) Кн. Ив. М. Катырева-Ростовского, повествование которого о Смутном времени вошло в хронограф С. Кубасова. *А. Попова*, Изборник, стр. 286; об авторе сл. стр. 291 и 315 с Книг. Разр. I, стр. 29 и 566, и Русс. Ист. Библ. т. 2, № 90. В боярской книге 1627 г. этот кн. Иван поставлен первым дворянином московским; он умер, как видно из позднейших боярских книг, в 1641 г. Дру-

тогда только склонился на моление московского народа, когда убедился, что „никоторого прикословия ему несть ни отколе от мала даже и до велика". За это знать и приготовила гибель Борису и его семейству. Обстоятельства вступления на престол первого самозванца показывают, что именно прекращение прежней династии было для больших бояр ближайшим источником мысли об ограничении верховной власти. Год спустя эти бояре обязали царя Василия Шуйского известными условиями, а бродягу неведомого происхождения признали царём без условий, хотя многие знали, что он не сын Грозного. Но самозванец шёл в личине царевича старого царского рода, с которым договариваться не довелось, не было в обычае. Заговор, низвергнувший самозванца, был делом чисто боярским, даже олигархическим: им руководили немногие первостепенные бояре, кн. В. Шуйский с братьями, кн. Голицин, кн. Куракин. Даже не всё родовитое боярство участвовало в перевороте: по замечанию келаря Авраамия Палицына, Шуйский „малыми некими от царских полат излюблен бысть царем и никим же от вельмож пререкован, ни от прочего народа умолен". Впрочем и это молчаливое одобрение выбора остальными боярами повидимому не было единодушным: Маржерет рассказывает о вельможах, которые вскоре по избрании царя едва не свели его с престола, негодуя на то, что он был избран без их согласия. На совещании перед восстанием титулованные заговорщики положили, что кому из них придётся быть царём, тот не должен никому мстить за прежние досады, но править царством „по общему совету", т. е. по совету всех бояр: так надобно понимать эти слова по ходу современного рассказа о перевороте и по событиям, его сопровождавшим.

Вступление царя Василия на престол сопровождалось небывалыми еще актами. Новый царь оповестил землю о

гих сыновей у боярина кн. М. П. Катырева не видать по книгам, а в старых родословных нет и Ивана.– Татищев даже прямо утверждает, что такова именно была цель упрямства, с каким Борис отказывался от престола. *Соловьёв,* VIII, прим. 11.

своём воцарении грамотами необычного содержания. В них он писал, что принял скипетр по своей „прародительской царской степени“, т. е. по происхождению от Рюрика, и „со молению всего Освящённого собора и по челобитью всего православного христианства“. Так царь выводил свою власть из двух источников, придававших ей двойную законность: первый роднил его с угасшей династией, второй предупреждал мысль о самовольном употреблении этого генеалогического, наследственного права и оба устраняли подозрение в узурпации. Далее, выражая намерение держать государство, как держали его „прородители наши великие государи российские цари“, он возвещал, что „поволил“, добровольно соизволил крест целовать „по записи“ на том, что ему „всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими“, смерти не предавать, имений у семейств преступников и их родственников, если они не участвовали в преступлении, не отнимать, без вины ни на кого опалы своей не класть, „доводов ложных“, доносов не слушать, но расследовать дело, ставя обвиняемаго и обвинителя „с очей на очи“, за ложные доносы наказывать. Объявленные условия подкрестной царской записи существенно изменяли характер верховной власти, действовавшей доселе в Московском государстве. Царь обязывался судить важнейшие преступления „судом истинным“ или правым, как бы мы сказали, установленным законным порядком. Таким признавался не единоличный суд царя, а суд царя „с бояры своими“, т. е. с боярской думой, как высшим судебным местом. Поэтому царь отказывался от „опалы“, личной царской немилости с её личными и имущественными последствиями для опального, отказывался от конфискации имения у семей и родни тяжких преступников, причём отменялся и самый институт уголовной ответственности рода за родичей, наконец отказывался от чрезвычайного следственно-полицейского суда по изветам или доносам с его пытками и оговорами, без обычных обоюдусторонних судебных доказательств, крестоцелования, представления послухов, без *ссылок на*

правду и из *виноватого*, без очной ставки и пр. Опала и чрезвычайный суд по изветам вместе с правом конфискации были не злоупотреблениями, а признанными прерогативами верховной власти. В них выражался её личный характер, унаследованный ею от удельного времени и выраженный словами Грозного: „жаловать своих холопей вольны мы и казнить их вольны же". Теперь царь Василий всенародно и клятвенно отрекался от этой личной власти удельного государя-хозяина и из царя холопов превращал себя в правомерного, как бы сказать, *законно-учреждённого* государя подданных, правящего по законам посредством установленных учреждений. Для предотвращения возможных сомнений и недоразумений дело было обставлено большими предосторожностями и формальностями. Обнародованы были и подкрестная запись, и известительные грамоты об обстоятельствах воцарения как от самого царя, так и от бояр, окольничих и всяких людей Московского государства. В самой записи и в окружной грамоте было с ударением указано, что царь торжественно „перед всеми людьми" в Успенском соборе целовал крест „всем людем Московского государства, всем православным христианам". Хотели показать, что излагаются настоящие политические обязательства, а не благодушные и неосторожные обещания, каких на радостях надавал при венчании на царство Борис Годунов в роде готовности разделить с подданными последнюю царскую рубашку и которых по самой их ораторской преувеличенности или практической ненужности невозможно было в случае нужды предъявить ко взысканию. Обязательства царя Василия облечены были в форму строго-юридического ответственного акта; недоставало только *заряда*, неустойки, какою верховники в 1730 г. закрепляли условия, предложенные ими Анне Иоанновне: „а буде чего по сему моему обещанию не исполню, лишена буду короны российской". Но и в 1606 г. эта неустойка подразумевалась: после люди, низводившие царя Василия с престола, оправдывались между прочим тем, что он не исполнил своих клятвенных обещаний.

При новом значении верховной власти и совет бояр получал новую постановку. Царь обязывался судить со своими боярами, т. е. с боярской думой, но обязывался в этом не перед боярами, а перед „всей землёй“. Вся земля становилась блюстительницей политического авторитета, какой давала думе подкрестная запись. Грозный поставил думу во главе земщины; Василий Шуйский ставил её под охрану всей земли: первый царь, формально отрёкшийся от личной власти, продолжал дело предшественника, который расширил эту власть до крайних пределов самовластия. Уже прежде при ближней думе и опричнине, боярская дума из личного совета при государе превратилась на деле в государственный совет: запись царя Василия закрепляла это фактическое положение юридическим актом. Политическим органом всей земли был земский собор; в его состав входила и боярская дума, как высший правительственный корпус. В силу подкрестной записи дума могла аппелировать к собору в случае нарушения её прав со стороны царя: тогда собор становился судьёй между царём и думой. Так стали бы друг перед другом политические силы в высшем управлении, если бы началам, провозглашённым в записи, суждено было осуществиться в действующем государственном порядке.

Странным может показаться, что такое земское значение боярской думы и такой политический авторитет земского собора утверждал именно тот царь, который, вступая на престол не в порядке прямого наследования, обошёлся без содействия земли, без участия земского собора, хотя при избрании Б. Годунова этот собор уже действовал, как высшая учредительная власть. По смерти первого самозванца города не были призваны избирать нового царя; для этого дела земля не высылала „депутятов“, как выражались тогда московские канцелярии, переняв это слово у поляков. Бояре, соумышленники Шуйского, представили его на Красной площади толпе, состоявшей преимущественно из московских служилых людей, и она провозгласила его царём. Указанная странность объясняется сценой, происшедшей вслед за тем

в Успенском соборе. Здесь, скрепляя присягой принятые на себя обязательства, новоизбранный царь, по рассказу одного летописца, начал говорить, что искони веков в Московском государстве не важивалось: „целую я крест *всей земле* на том, что мне ни над кем ничего не делати *без собору*, никакого дурна“. Бояре и *всякие люди* говорили ему, чтоб он *на том* креста не целовал, потому что в Московском государстве того не повелось. Но царь не послушал их, целовал на том крест и бояре целовали ему крест, а „со всею землёю и с городами о том не ссылались“. Современник, принадлежавший к знатному московскому обществу, кн. И. Хворостинин в своих записках резко порицает Шуйского за эту „клятву всему миру“, говоря, что он „лукаво крест лобза, никто же от человек того от него требуя, но самовольне клятве издався“. Значит, некоторые восставали против самой присяги царя всей земле, как необычного и ненужного акта, независимо от обязательств, какие ею скреплялись. Но по точному смыслу летописного рассказа бояре и всякие люди, присутствовавшие при этом деле, смотрели на него иначе: они просили царя не целовать креста на том, на чём он хотел его целовать, возражали против самого содержания присяги. Царь ставил подле себя со значением своего ближайшего и обязательного сотрудника земский собор, а не боярский совет. Бояре и всякие люди находили, что делить власть с земским собором царю не повелось: значит делить её с боярской думой повелось. Здесь сказалось политическое воззрение, воспитанное московской правительственной практикой старой династии. Но настали другие времена, потрясавшие это воззрение в самой его основе. Наследственные, „прирождённые“ государи миновались; представилась и не однажды необходимость выбирать царя—дело новое, непривычное в Московском государстве, в первое время даже трудно поддававшееся московскому легитимному мышлению. Это дело признано было исключительным правом земского собора, недавнего учреждения, которое вызвано было к жизни именно для разрешения новых

чрезвычайных вопросов государственного порядка. Но собор не постоянное учреждение, даже не периодическое собрание и не мог вести текущих дел законодательства и управления: то ведал царь с боярской думой. Царь Василий затеял небывалую новизну, поклялся ни над кем не делать никакого дурна без собора, т. е. попытался вовлечь земский собор в текущие дела управления и суда, поставив его на место боярской думы. Как надеялся он устроить это, думал ли превратить собор в постоянное, ежегодно созываемое собрание по проекту публициста, сделавшего известную приписку к валаамской *Беседе*, или как иначе—это его дело. Но можно, кажется, объяснить побуждения, руководившие его поступком в Успенском соборе.

Умы, возбуждённые пресечением династии, вопрос о царе занимал, разумеется, всего более. Земский собор не сразу и не всеми был признан единственной властью, имеющей право избирать царя, когда не было наследственного. В памфлетах, вызванных Смутным временем, встречается иногда предостережение народу не выбирать царя по своей воле, но кого Бог укажет. В боярской среде, помня царствование народного избранника Б. Годунова, многие также были против всенародного избрания царя, только решали вопрос проще, признавая избрание царя своим боярским делом. Заслуживает внимания взгляд на воцарение Шуйского так-называемой *Рукописи Филарета*, повествование о Смуте, составленного не без участия этого патриарха: она знает, что Василий был избран только боярами, без собора, и однако признаёт такое избрание совершенно правильным. Такого же взгляда держался и боярский кружок, сделавший царём Василия. По низвержении самозванца бояре настаивали на необходимости разослать грамоты по городам и призвать в Москву советных людей, чтобы выбрать царя всею землёю, который был бы всем люб. Сторонники Шуйского не считали этого необходимым. Но общее мнение было за соборное избрание царя, и воцарение Василия встречено было как узурпация. Другой современник дьяк Ив. Тимофеев от-

ражает в своих записках это мнение, называя Василия „мнимым царём“ за то, что он сел не по общему всех городов людскому совету, „самодвижно воздвигся кроме воли всея земли и сам царь поставися“, что „не в земле углубил свою храмину“, т. е. не на земском избрании утвердил свой престол.

Царь Василий не мог не понимать лжи и непрочности своего положения на престоле. Он являлся царём боярским, даже не всего боярства, а только небольшой его клики. Он надеялся выйти из этого положения неожиданным встречным ходом ловкого игрока, столь соответствовавшим его изворотливому характеру. Вынужденный поступаться своим царским полновластием в пользу боярства, он приносил эту уступку, как великодушный патриотический дар всей земле и призывал к себе в сотрудники не боярскую думу, а земский собор. Василий не мог быть уверен, что собор выбрал бы его в цари; но став царём без собора, он всегда мог надеяться найти в нём противовес боярам. Ограничения царской власти хотело боярство, а не вся земля. Потому в земском соборе царь приобретал и законную земскую основу своей власти, конспиративной по происхождению и боярской по обязательствам, и более удобного товарища по управлению сравнительно с боярской думой. Отсюда старания царя придать своему воцарению вид возможно более всенародного, земского акта. Правительство и сам патриарх в оффициальных грамотах и изустных речах к народу возвещали, что царя це выбрали „всякие люди Московского государства всем Московским государством“ или „всякие люди всех чинов и все православные христиане“, изо всех де городов на его царском избрании были люди многие. Не говорили прямо, что царя выбирал земский собор: „всякие люди“, случившиеся на Красной площади в день провозглашения царя, не земские представители; но всё же они земские люди, православные христиане. Присягой *всей земле* царь пытался произвести своего рода государственный удар, которым надеялся избавиться от боярской опеки, стать земским царём и ограничить свою власть учреждением, к тому не привыч-

ным, т. е. освободить её от всякого действительного ограничения. Земский собор должен был играть в правление Шуйского такую же противобоярскую роль, какую сыграл он при избрании Годунова. Попытка Василия не удалась. Подкрестная запись его в том виде, в каком она была обнародована, представляется сделкой между заспорившими в Успенском соборе сторонами: бояре отстояли свою думу против земского собора, а царю уступили присягу всей земле, без собора лишённую всякой политической силы, да сомнительное удовольствие великодушной инициативы в умалении своей власти *).

Царь уступил боярам и правил без земского собора, хотя трудно решить, что̀ мешало его созыву, условия ли уговора царя с боярами, или смутные обстоятельства этого царствования. Между тем, значение собора заметно растёт именно в это время. Почуяв начинавшееся общее потрясение, люди тревожно искали в государственном порядке точки опоры и, не находя её в колеблющемся царе, всё чаще обращались помыслами к земскому собору, как к такой опоре. В нём видели решающую государственную силу, за ним признавали право не только избирать царя, но и низводить его с престола. В 1609 г. Сунбулову и его соумышленникам, требовавшим на Красной площади низложения царя Василия, толпа возражала, что без „больших бояр и всенародного собрания“ его с царства свести не можно. То же самое говорил мятежникам и сам царь Василий: убить меня вы можете, но не можете согнать меня с престола без больших бояр и дворян, без совета всей земли **). Однако боярская

*) Лет. о мятежах, 102. Ник. VIII, 75 и сл. *А. Палицына*, Сказание, 29. *Карамзин*, XI, прим. 524. *Соловьёв*, VIII, 267. Собр. гос. гр. и дог. II, №№ 141 и 144. Русск. Ист. Библ. XIII, 542, 239, 389 и 400. Другой взгляд на запись царя Василия см. у г. *Платонова* в Очерках по ист. смуты в Моск. госуд. стр. 300 и сл.

**) *Карамзин*, XII, прим. 354. *А. Попова*, Изборник 198: „аще ли от престола и царства мя изгоняете, то не имате сего учинити, дондеже снидутся все большие бояре и всех чинов люди и аз с ними, и как вся земля совет положит, так и аз готов потому совету творити“.

дума осталась во главе управления. Василиево крестоцелование косвенно возбуждало вопрос об её отношении к земскому собору; но бояре отстранили этот вопрос, и в манифесте, обнародовавшем подкрестную запись, о соборе нет и помину. Первостепенное боярство удовольствовалось обеспечениями, объявленными в манифесте. Они все направлены к ограждению личной и имущественной безопасности от произвола сверху и ставили боярскую думу высшей блюстительницей этой безопасности: дума под председательством царя становилась высшим судилищем по самым важным преступлениям и в том числе политическим. Политическая компетенция думы, конечно, не ограничивалась этим. Из одного позднего и не совсем чистого источника узнаём, что в числе условий, поставленных боярами Василию Шуйскому, было и обязательство без ведома и согласия боярской думы не издавать законов и не вводить новых налогов*). В этом известии нет ничего невероятного: товарищи Шуйского по заговору заранее условились с ним править царством, т. е. вести все правительственные дела „по общему совету“. И товарищи хорошо воспользовались этим уговором: современники говорят, что бояре при Василии имели больше власти, чем сам царь, и что последним играли, как детищем. Но не все условия уговора было признано нужным и удобным укреплять публичной клятвой царя и обнародовать. Клятвенная запись Василия и не определяет всего ведомства боярской думы, сложившегося вековым обычаем и не тронутого даже Грозным: она только устанавливает обязательное для царя участие боярского совета в таких делах, которые обыкновенно решались личным усмотрением царя. Против недавней практики этого усмотрения и была направлена запись. Дело шло о законном ограждении прав лица от власт-

---

*) *Страленберг*, швед, взятый в плен под Полтавой, в своей Historie der Reisen in Russland etc., 1730 г. стр. 202: Es müsten keine neue Gesetze gemacht, noch alte verändert, vielweniger Contribution ohne Vorbewust und Bewilligung des Senats dem Lande auferlegt werden.

ного произвола, а не о перестройке всего государственного порядка. Боярин, правитель государства, как член думы, вне её чувствовал себя бесправным и беззащитным наравне со всяким холопом: потребность устранить эту несообразность, оградить себя от повторения ужасов Грозного, ещё раз испытанных в царствование Годунова, была донельзя наболевшим чувством боярства. Пережитые испытания довели до крайней степени его политическое возбуждение и поселили в нём ожесточённую вражду к самовластию. Ростовский митрополит Филарет, бывший большой боярин, много потерпевший от царя Бориса, выражал настроение своей боярской братии, когда в письме, написанном из польского плена перед самым избранием его сына на престол, оправдывал низвержение царя Василия Шуйского, виня его в произволе и нарушении принятых на себя политических обязательств, восставал даже против кандидатуры Владислава, потому что и она грозила восстановлением абсолютизма прежних царей. Для невольного Борисова постриженника восстановить власть прежних царей значило подвергнуть отечество опасности окончательной гибели, и он скорее готов был умереть в польской тюрьме, чем на свободе присутствовать при таком несчастии*). Такое настроение и внушило боярам царя Василия попытку публично связать верховную власть в её отношениях к отдельным лицам, обеспечив участие боярской думы в общем управлении негласным уговором. Так в восьмивековой истории думы образовалось эпизодическое четырехлетие (1606—1610 гг.), единственное время, когда она сверх обычной своей деятельности была ещё в силу торжественно провозглашённого верховной властью закона высшей блюстительницей правого суда, ограждавшей от собственного верховного председателя частные права его подданных. Такой своеобразной комбинацией высшее боярство надеялось устранить испытанные

*) Изложеніе этого письма к Шереметеву у *Страленберга* в указанном соч., стр. 204.

недостатки и опасности действовавшего государственного порядка, с которым ему не хотелось расставаться. Поляки того времени говорили о привязанности первостепенного московского боярства к польским учреждениям, о его готовности перестроить московский государственный порядок на польский лад. Это легенда, внушённая неосторожными и несерьёзными толками отдельных лиц от боярского круга. Столкновение с поляками не мало содействовали прояснению политических понятий боярства; но устройство Речи Посполитой не было его серьёзным политическим идеалом. Ни из чего не видно, чтобы всё это боярство когда-либо пыталось установить в Москве избирательную монархию или переделать земский собор в шляхетский сейм. Оно было настолько сообразительно и знакомо с положением дел дома, чтобы понимать, что такая попытка не только безнадёжна и опасна, но и в случае удачи была бы невыгодна для него же. . . . .

Иначе настроена была другая часть правительственного класса, состоявшая из довольно посредственной знати с выслужившимися дельцами приказов, дьяками. Самым видным человеком в этом кругу был боярин М. Гл. Салтыков. Предки его были нехудые люди, и он сам называл свой род „сенаторским“. Но он поднялся при царе Фёдоре и особенно в Смутное время выше своего *отечества*, личными качествами: ни отца, ни деда его не встречаем не только в числе бояр, но и между окольничими. Заодно с ним действуют князья Тюфякин из Оболенских, Хворостинин из Ярославских и Масальский, также Плещеев, Ляпуновы и целый ряд дьяков; даже „торговый детина“ Ф. Андронов является на этой стороне. В средних служилых слоях живо чувствовалась уже перемена, которой повидимому ещё не замечали большие бояре со своей генеалогической высоты. В начале XVII в. из больших боярских фамилий прежнего времени действовали Мстиславские, Шуйские, Одоевские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Куракины, Пронские, некоторые из Оболенских и в числе их последний в роду

своём Курлятев, Шереметевы, Морозовы, Шеины—и почти только; а рядом с ними видим Масальских, Прозоровских, Долгоруких, Нагих, Плещеевых, которым в прежнее время до тех больших родов было далеко. Посредствующих фамилий, прежде стоявших между теми и другими, теперь не стало, и к этой генеалогической убыли присоединилась ещё политическая перетасовка фамилий, произведённая бурями Смутного времени, понизившая одни роды и поднявшая другие. В XVII в. трудно стало служилым людям считаться местами: это можно почувствовать по тем средствам, к которым они прибегали, чтобы выйти из местнических затруднений. С одной стороны, худые колена родов, оставшись без добрых старших, старались по наследству присвоить себе их родословное дородство; с другой, добрые фамилии не знали, что̀ делать с поднявшимися случайно выше их худыми. К половине XVII в. многих добрых Плещеевых не стало. В 1646 г. один Плещеев из худого колена заупрямился с самим Шереметевым. Упрямца послали на три дня в тюрьму, объяснив, что и получше его были Плещеевы-Бяконтовы, Басмановы, Очины, да и те с Шереметевыми бывали „бессловно", а он из каких Плещеевых? из Туровкиных, которые бывали у митрополитов и архиепископов в десятниках, на Москве в стрельцах и пирожниках, в городах у воевод в деньщиках. В 1614 г. заспорили стольники князья Прозоровские со стольниками князьями Куракиными. Царь велел судить их боярам, которые спросили Прозоровских, почему им невместно быть с Куракиными, и потребовали „случаев" в оправдание жалобы. Но Прозоровские обратились с просьбой о суде мимо бояр прямо к государю: случаев у нас много, говорили они в объяснение своего поступка, да перед боярами положить их нельзя, потому что и до *многих бояр в случаях дойдёт*. Местничество не сбивало думных и служилых людей в густые плотные ряды, а вытягивало их в длинную тонкую цепь. Теперь, когда многие звенья этой цепи выпали, разорванные части не знали, как стать и сцепиться друг с другом, и замешались. На

местнической иерархии основан был правительственный распорядок думных и служилых людей. Здесь действовало правило, что служба не делает родовитым, что за службу государь может пожаловать поместьем и деньгами, но не отечеством; потому служебный чин сам по себе мало значил в местничестве. Но теперь, когда на опустелые родовитые места теснилось много чиновной знати, чин из показателя родовитости хотели превратить в её источник, и люди, ставшие „великими" путём службы, начали развивать мысль, которая была в ходу при Грозном в опричнине и так энергично, хотя и не совсем набожно, высказана была Грозным, что государь, как Бог, и малого чинить великим. В 1602 г. Пильёмов, далеко не из лучших Сабуровых, тягался с кн. Лыковым-Оболенским. Когда противник в своих „случаях" указал на то, что отец Пильёмова был на неважной должности городничего в Смоленске, Пильёмов поставил против этого случая любопытное возражение. Возразив, что городничим отец его послан был в опале, в чём волен Бог да государь, он прибавил, что иные большие роды бывали и хуже городничих, городовыми приказчиками, а ныне царскою милостию в боярах сидят. Всё то делается, сказал он в заключение, Божиим милосердием да государевым призрением: *велик и мал живёт государевым жалованьем* *). Сказать, что великость и малость человека зависит от государева жалования значило вполне отвергнуть самое основание, на котором держался весь местнический и политический строй боярства. Провозглашением этого нового правила положено было начало не только разрушения местничества, но и перестройки связанного с ним правительственного порядка.

В служилом классе отражалось общее социальное брожение, обнаружившееся с конца XVI в. Современные наблюдатели изображают его довольно резкими чертами. Описы-

*) Дворец. Разр. т. III, стр. 44. Русск. Ист. Сборн. Общ. Ист. и Др. Росс. т. V, 817; II, 244.

вая начало Смуты, Авраамий Палицын пишет, что тогда всякий начал „из своего чину“ подниматься выше, рабы захотели быть господами. В том же видит корень зла дьяк Ив. Тимофеев, замечая, что малые люди стали соперничать с большими, рабы с господами. Он винит в этом прежде всего новых царей, их легкомысленное отношение к старине, колебавшее древние устоявшиеся установления, раздачу чинов не по отечеству и не по заслугам. Почувствовав колебание отцами преданных порядков, люди утратили прежнюю устойчивость и выдержку, стали „в делах и словах неостоятельны“ и завертелись, точно колесо. Приводя в связь события Смутного времени, дьяк готов повести их от того, как выражается он, почти повторяя известные слова кн. Пожарского,—от того, что „мы попустили царю Борису губить столпы великие, которыми земля наша утверждалась“ *). Как скоро отношения стали выступать из колеи, проведённой преданием, обычаем, почувствовалась потребность определить их точным уложением, законом. Под влиянием мысли о необходимости такого уложения развивались политические понятия М. Г. Салтыкова и его товарищей. Они живее первостепенной знати чувствовали совершившиеся перемены, больше её терпели от недостатка политического устава и от личного произвола, и потому их политические понятия получили более широты и ясности, а испытанные перевороты и столкновения с иноземцами помогли им в этой работе. В письмах к литовскому канцлеру Сапеге Салтыков высказывает свой политический образ мыслей. Он против тирании и порядка, основанного на изменчивом личном произволе: государь должен людей к себе приводить милосердным жалованьем, лаской и „постоятельством“, а не гонением, кровью и „пременными делы“; управлением, основанным на постоянном, а не изменчивом порядке, надобно присвоять людей, овладевать ими, особенно неприродному государю. Член „сенаторского рода“, Салты-

*) Русск. Ист. Библ. XIII, 505, 262 и 380.

ков твердо держался убеждения, что управление могут вести, как следует, только люди, обладающие правительственным опытом и авторитетом, т.-е. люди боярского происхождения, которым московские государственные обычаи „староведомы“. Потому он горячо восстаёт против временщиков, „временников“, которые случайно попали в думцы и правители, в роде „торгового мужика“ Андронова.

Впрочем нужны были исключительные обстоятельства, чтобы накопившиеся политические опыты и размышления облечь в форму ясно выраженных политических требований. Образ действий Годунова и Шуйского, которые повторили на престоле ошибки и злоупотребления царей старой династии, не обладая их авторитетом, утвердили во многих боярах и других правительственных лицах мысль, что между своими не найдёшь вполне удобного кандидата на престол и лучше поискать его на стороне, между иноземными принцами. Один летописец рассказывает, что люди всех чинов, не желая долее терпеть Шуйского на престоле, просили патриарха послать к польскому королю, чтоб он дал своего сына на Московское царство. Гермоген, указав на опасности такого избрания, спросил: разве вы не можете выбрать когонибудь из русских князей?—Не хотим своего брата слушаться, отвечали ему на это князья и бояре: ратные люди не боятся царя из Русских, не слушаются его и не служат ему. Некоторые доходили до такого политического уныния, что потеряв надежду на возможность установить прочную наследственную династию, склонялись уже, если верить Жолкевскому, к мысли о свободном избрании, подобном польскому, т.-е. об учреждении избирательной монархии *). И Салтыков со своими товарищами по Тушинскому лагерю решился от имени Московского государства предложить московский престол сыну польского короля на известных условиях. Так был заключён под Смоленском договор 4 февраля 1610 года, первый дошедший до нас в подлинном акте мо

---

*) П. С. Р. Лет. V, 60. Записки гетм. *Жолкевского,* стр. 12.

сковский опыт построения государственного порядка, основанного на формальном ограничении верховной власти. Недоверие к иноземцу и католику естественно вызывало напряжённую осмотрительность в вопросе о церковных и политических обеспечениях. Притом трактат вырабатывался среди переговоров с польскими панами, и русские политики незаметно для самих себя подчинялись действию если не политических обычаев и форм Речи Посполитой, то политических понятий и вкусов, которыми были проникнуты её вельможные представители. Все эти разнообразные влияния отразились на договоре 4 февраля. Здесь определяются права всего народа и отдельных его сословий, прежде и более всего, разумеется, служилого класса. Каждому из народа московского вольно выезжать для науки в другие государства, но только христианские. Братья и семьи подвергшихся казни не наказываются за их вину и не лишаются имущества, если не участвовали в преступлении. Имения и права духовенства, как и всяких служилых людей, остаются неприкосновенными. Крестьяне не могут переходить от одного землевладельца к другому; холопы остаются в прежней зависимости. Верховная власть ограничивается земским собором и боярской думой. Первый имеет учредительное значение: изменение судного обычая или исправление Судебника зависит от бояр и всей земли; что не предусмотрено в условиях договора, о том делают предложения государю духовенство, бояре и всех чинов люди, и государь решает предложенные вопросы со всем Освящённым собором, боярами и всею землёй, по обычаю Московского государства. Дума имеет законодательную власть: вопросы о налогах, о жалованьи служилым людям, об их поместьях и вотчинах решаются государем с боярами и думными людьми; без согласия думы государь не вводит новых податей и никаких вообще перемен в налогах, установленных прежними государями. Думе принадлежит и высшая судебная власть: без следствия и без суда „с бояры всеми“ государю никого не карать, чести не лишать, в ссылку не ссылать, великих чинов людей без

вины не понижать, а меньших людей возвышать по заслугам; все эти дела, как и дела о наследствах после умерших бездетно, государю делать по приговору и совету бояр и думных людей, а без думы и приговора таких дел не делать. Оговорён в трактате один случай, разрешаемый боярской думой в соединённом заседании с Освящённым собором высшего духовенства: если понадобится для людей римской веры иметь костёл в Москве, о том будет совет с патриархом со всем духовенством, боярами и думными людьми *). Так договор 4 февраля, довольно подробно определив политический авторитет думы, признал и впервые формулировал авторитет земского совета и формулировал согласно *с обычаем Московского государства.* Из условий договора видим, что он развивал и точнее определял то же значение земского собора, какое последний имел в XVI в. и какое придавало ему русское общество в начале XVII в. Это была важная особенность, отличавшая договор Салтыкова от условий, которыми связало царя Василия высшее боярство, повидимому не считавшее нужным определять политическое значение земского собора. Вскоре по низвержении царя Василия договор Салтыкова был принят и московскими боярами, которые впрочем выкинули при этом статьи о праве ездить за границу для науки и о повышении меньших людей, прибавив со своей стороны условие: „московских княжеских и боярских родов приезжими иноземцами в отечестве не теснить и не понижать“ **).

Но этот договор, заключающий в себе такой подробный, столь тщательно разработанный план государственного устройства, остался только планом, опытом московской политической мысли, не став фактом московской политической жизни. Боярской думе не пришлось действовать на точном основании этого договора. В междуцарствие она находилась в исключительном положении, была временным правитель-

*) Записки гетм. *Жолкевского,* прилож. № 20.
**) Собр. госуд. грам. и дог. II, № 199.

ством без государя, бессильным и „беспутным“, как назвал его В. Н. Татищев. Когда в августе 1601 г. московские бояре приняли с поправками договор 4 февраля, и Москва присягала королевичу Владиславу, устанавливалось уже пятое правительство со времени пресечения старой династии, пробовали пятую политическую комбинацию с целью упрочения расшатанного государственного порядка. И эта комбинация не удалась и не была последней из неудачных. Спустя 7 месяцев к сожжённой Москве подступило под предводительством Прок. Ляпунова первое земское ополчение, чтобы очистить Кремль и Китай-город от засевших там поляков. Это ополчение состояло большею частию из провинциальных дворян, поднятых Ляпуновым, к которым присоединились приверженцы второго самозванца с кн. Д. Трубецким во главе и казаки Заруцкого. Ополчение представляло собою „всю землю“, по крайней мере признавало себя её представителем и её именем 30 июня 1611 г. установило под стенами Москвы новое временное правительство, поставив во главе его трёх только что названных вождей *). Чрез несколько дней главный вождь пал от казацких рук, и всё дело рушилось. По всем этим шести опытам проходит одна резкая черта, связывающая их в последовательный исторический процесс: это—неугасающая мысль о земском соборе. Его призывают по смерти царя Фёдора, чтобы избрать на царство Б. Годунова; на его суд первый самозванец отдаёт кн. В. Шуйского, обвинённого в распространении слухов о самозванстве нового царя, и собор приговаривает агитатора к смерти; его признаёт своим обязательным сотрудником и товарищем по власти взамен боярской думы этот самый кн. В. Шуйский, принося присягу при вступлении на престол; ему усвояет учредительную власть договор 4 февраля; его пытается созвать по низложении Шуйского боярская

---

*) Обстоятельное объяснение состава ополчения и устройства управления по приговору 30 июня см. у г. *Платонова* в Очерках по истории Смуты, стр. 492—512. *Татищева* История I, 545.

дума, чтобы выбрать нового царя всею землёю. О земском соборе думает каждое возникающее правительство, каждая новая политическая комбинация цепляется за него, как за источник власти и необходимую опору порядка. Среди общего брожения образ земского собора всё явственнее очерчивается в смущённых умах, и этот образ не похож на земский собор прежнего времени. В XVI в. это ещё не народное представительство в собственном смысле: в состав тогдашнего земского собора входили кроме высших правительственных учреждений, боярской думы и Освящённого собора, всё должностные лица, призываемые правительством; выборных земских гласных на нём не заметно. Среди смуты вырабатывается мысль о „советном“ человеке, выборном сословном представителе, уполномоченном представлять на соборе нужды и желания своих избирателей. Извещая землю о сведении Шуйского с престола, временное боярское правительство писало, чтобы из городов прислали „к Москве изо всех чинов выбрав по человеку“. Вместе с тем и авторитет собора всё расширяется. Приговор 30 июня своего рода политическая программа, спешное походное очертание государственного порядка, какой сложился в русских умах из тяжёлых опытов того мятежного времени. Места боярской думы здесь занимают выборные троеначальники, а земским собором является то, что приговор называет „всею землёй“ и в одном месте „боярским и всей земли советом“. Состав этого совета по сохранившимся спискам приговора не ясен; но в него входили представители от городов и полков, собравшихся под Москвой. Бояре-троеначальники пользуются исполнительной и ограниченной судебной властью: их дело „строить землю, земским и всяким ратным делом промышлять и расправу всякую меж всяких людей чинить в правду“. Раздача поместий и вотчин, назначение начальника и дьяков Поместного приказа, приговоры о ссылке и смертной казни относятся к компетенции земского совета: бояре не решают их, не поговоря со всею землёю; особенно настойчиво подтверждено, чтобы „не объявя всей земле, смертныя казни никому не

делать и по городам не ссылать“. Вся земля выбирает бояр „в правительство“, как и сменяет их. Земский совет высшая распорядительная и решающая власть в текущих делах управления и суда, какие по договору 4 февраля ведает боярская дума. Значит, Смута была колыбелью мысли о земском соборе нового типа, несколько напоминающего проект приписки к валаамской *Беседе*, с новым составом и значением, с выборными сословными гласными, с более близким и постоянным участием в законодательстве и управлении и с иным отношением к боярской думе. Эта мысль не осталась без влияния на постановку высшего управления после Смуты.

С разных сторон дошли до нас известия, согласно свидетельствующие, что новый царь Михаил вступил на престол с ограниченною властью; но условия этого ограничения передаются различно. Один современник псковичь, описавший события Смутного времени, рассказывая с негодованием о том, как бояре при Михаиле „обладали Русскою землею“, царя ни во что ни ставили и не боялись, замечает между прочим, что, сажая его на царство, они заставили его поцеловать крест на том, что ему не казнить смертью за преступления людей вельможеских и боярских родов, а только наказывать заточением. Другое известие, сообщённое Татищевым, говорит, что хотя избрание царя Михаила „было порядочно всенародное да с такою же записью“, какая взята была боярами с Шуйского. Третьим свидетелем является известный подьячий Посольского приказа Котошихин, бежавший из отечества 19 лет спустя по смерти Михаила. В его время, если только он верно передаёт исторические воспоминания своих современников, господствовало мнение, что все цари, избиравшиеся на престол по прекращении старой династии, правили с ограниченною властью, что „на них были иманы письма“ с известными обязательствами; по крайней мере он не делает никакой оговорки ни о Годунове, ни о первом самозванце, который впрочем и не считался царём выбранным. Обязательства „обиранных“ царей по Котошихину

состояли в том, чтоб „им быть нежестоким и непальчивым, без суда и без вины никого не казнить ни за что и мыслити о всяких делах с бояры и с думными людьми сопча, а без ведомости их тайно и явно никаких дел не делати". Только нынешнего царя (Алексея), продолжает Котошихин, „обрали на царство, а письма он на себя не дал никакого, что прежние цари давывали, и не спрашивали, потому что разумели его гораздо тихим". Котошихин не выделяет царя Михаила из числа прежних царей, дававших на себя письма. Напротив, об этом царе он замечает, что хотя Михаил и писался самодержцем, „однако без боярского совету не мог делати ничего". По взгляду московского приказного, и царя Алексея „обрали на царство", и с него могли спросить письмо и не спросили только потому, что считали его очень тихим. Следовательно избирательное право земли не представлялось прекратившимся с избранием на престол Михаила. По изложенным известиям нельзя заключать, чтоб обязательства, данные Михаилом, были так же неопределённы или частны, как обязательства, изложенные в записи Шуйского. В окружной грамоте, разосланной боярами во время междуцарствия, и о договоре Салтыкова сказано только, что в силу его Владислав обязался православной веры не разорять, городов от государства не отводить, имуществ у подданных не отнимать и без сыску ни над кем никакого дурна не учинять; но из подлинного текста договора знаем, что обязательства далеко не ограничивались одними этими условиями *). Воевод Шеина и Измайлова казнили смертью за капитуляцию под Смоленском в 1634 году; но это было по приговору царя с боярами, раздражёнными на Шеина за его выходки против них. Важнее было то, что семейства и родственники осуждённых по этому делу, нисколько в нём не виноватые, попрежнему были наказаны ссылкой и конфискацией имущества, что̀ противоречило и записи Шуйского, и договору

---

*) П. Р. Лет. V, 64 и 66. Записка *Татищева* в альманахе „Утро" 1859 г., стр. 375. *Котош.* 104. Собр. гос. гр. и дог. II, стр. 441.

Салтыкова; но это могло быть исключительным приговором думы, не нарушившим общего правила. И другое учреждение является со значением, какого ему не дано ни в записи Шуйского, ни в договоре Салтыкова. Царствование Михаила было временем усиленной деятельности земского собора, на обсуждение которого предлагались вопросы, по акту 4 февр. 1610 г. решаемые государем с думой, например, вопросы о новых налогах, по крайней мере экстренных на военные нужды. Ещё замечательнее то, что сама боярская дума признавала необходимым участие земского собора в решении таких дел, которые далеко не имели значения важных законодательных вопросов. В первые годы Михаилова царствования английское правительство через своего агента Джона Мерика обратилось к московскому с несколькими предложениями, направленными к развитию восточной торговли англичан. Оно просило, чтобы англичанам дозволено было ездить Волгою в Персию, искать р. Обью дороги в Индию и Китай, на р. Сухоне искать железной и оловянной руды, около Вологды сеять лён и ткать полотно и т. п.; наконец оно просило, чтобы запрещён был вывоз смолы из Московского государства. На эти предложения дума отвечала Мерику, что „такого дела теперь решить *без совету всего государства* нельзя ни по одной статье“ *). Всё это как будто указывает на то, что правительственный порядок, действовавший при Михаиле, основан был на каком-то новом сочетании условий, являющихся в прежних актах об ограничении верховной власти. Но вероятнее, что договор с Михаилом был повторением условий, поставленных Шуйскому, и только изменившиеся обстоятельства заставили теперь думу действовать не так, как она тогда действовала. Теперь, как и при Шуйском, договор не определял политического значения земского собора, предоставляя боярской думе, как руко-

---

*) *Соловьёва,* Ист. России, IX, 94, 125 и 190. Впрочем „совет всего государства“ ограничивается опросом московских торговых людей, будет ли выгодно принять предложения Мерика.

водящей власти, обращаться к нему за содействием, когда она найдёт это нужным. Прежде собор не вмешивался в текущие дела управления. Но положение государства после Смутного времени заставило дать ему несколько иное значение. Восстановляя порядок среди общей разрухи, боярское правительство на каждом шагу встречалось с делами текущего управления, которых оно не могло разрешить собственными скудными средствами, и потому должно было чаще прежнего обращаться за содействием к земскому собранию даже в таких вопросах, которые прежде государь разрешал с одними боярами, не спрашивая мнения прочих чинов государства *).

Соображая обстоятельства, при которых возникает и развивается в боярской среде мысль о договоре с государем, надобно признать, что эта мысль не развилась сама собою из правительственного обычая, установившегося в XV—XVI веках. В том виде, как выражали её люди начала XVII в., она была вызвана исключительными и частию случайными влияниями, под которые стало поколение, сменившее сверстников Ивана Грозного, хотя повидимому ещё держалась в умах несколько времени после того, как перестали действовать вызвавшие её условия. Эти условия были созданы переменами в составе и настроении боярства, прекращением династии и внешними отношениями государства при новых царях. Но эта мысль внесла очень мало нового в правительственную практику: дума, авторитет и деятельность которой были ограждены политическим договором, действовала точно так же, как и прежде, правила и законодательствовала при Шуйском, как и при Грозном. Это потому, что новая мысль не была новым началом в устройстве Московского государства: политический договор был только заменой правительственного обычая, действовавшего в XVI веке, но поколебавшегося в конце этого столетия. Вот почему и люди, добивавшиеся этого договора, так часто

*) См. приложение VII.

ссылались на этот обычай, вводя небывалую повидимому политическую новизну, так настойчиво твердили о политической старине. Они повидимому и сами не сознавали хорошенько, как круто переламывали они старый порядок, превращая отношение историческипривычное в отношение юридически-обязательное.

ГЛАВА XIX.

Боярский совет в древней Руси был показателем общественных классов, руководивших в данное время народным трудом.

Изложенными опытами политического договора кончилась политическая история боярской думы. Далее она перестаёт быть участницей верховной власти, становясь только её орудием, остаётся во главе управления, как его привычный рычаг, но из политической силы превращается в простое правительственное средство. В XVII веке в ней происходят некоторые перемены; они вызываются потребностями текущего управления и сообразно с усложняющимися задачами правительства развивают её, как правительственное орудие, не расширяя её политического авторитета.

Остатки боярства, пережившие Смуту, очутились среди нового сочетания политических условий и отношений. Прежде его политическая жизнь поддерживалась преимущественно удельными преданиями, питавшими его московские политические притязания, местническим распорядком его службы, дававшим главную опору этим притязаниям, и двойственным значением московского государя, вотчинным, позволявшим боярству считаться с ним удельными отношениями и понятиями, и национально-государственным, их отрицавшим. Теперь все эти элементы политической жизни истощились: наличное боярство настолько отодвинулось от удельного пре-

мени и обновилось в своём составе, что уже плохо помнило или игнорировало удельную старину; вместе с тем местничество так запуталось, что служило больше поводом к дерзким служебным выходкам худородных новиков, чем средством восстановления правильных родословных и разрядных отношений; наконец, на престоле сидел не потомок удельных князей, а народный избранник, свободный от удельных преданий и тех противоречий, какие вносили они в положение национального государя объединённой Великороссии. В связи с этими переменами в положении боярства изменялось положение и его правительственного органа, боярской думы.

В XVI веке значение думы держалось на „московском обычае", сложившемся посредством практического определения отношений государя к правительственному классу. Когда этот обычай поколебался, в классе возникла мысль определить эти отношения договором. Когда миновали исключительные обстоятельства, вызвавшие эту мысль, тогда оказалось, что разрушался самый класс, её проводивший. Это разрушение, как мы видели, заметно отразилось на составе боярской думы XVII века. Уже в начале этого столетия люди чувствовали его живее, чем можем почувствовать мы с разрядными и родословными книгами в руках. Взявшись командовать земским ополчением против поляков, худородный князь Пожарский говорил в 1612 г. про одного представителя старого боярства, князя В. В. Голицына, бывшего в польскому плену: „теперь бы такие люди были надобны: был бы теперь здесь такой столп, как князь Василий Васильевич, так за него все держались бы, и я за такое великое дело мимо его не взялся бы". А вся сила этого столпа заключалась не в каких-либо особых личных качествах, а в том, как он сам говорил о себе, что „отца моего и деда из думы не высылывали, и думу они всякую ведали, и не купленное у них было боярство". История личного состава боярской думы в XVII веке есть история постепенного падения таких столпов, наследственно думу ведавших. В XVI веке правил класс: отдельные лица значили мало. В XVII

веко правят лица, иногда превосходные, блестящие лица, стоившие Косых, Курбских, Воротынских XVI в., но не составлявшие и не представлявшие класса. При господстве этих лиц и восторжествовало начало, нарушавшее весь строй прежнего правительственного класса, которое так стереотипно выразил Пильёмов, сказав на местническом суде в 1602 году: „велик и мал живёт государевым жалованьем". Значит, пока держался правительственный боярский класс, значение боярской думы не было ограждено политическим договором, будучи, по мнению людей того времени, достаточно упрочено правительственным обычаем. Когда вследствие колебания обычая явился договор, правительственный класс уже разрушался, а благодаря его разрушению не удержался договор и не восстановился в прежней силе правительственный обычай. Так можно обозначить моменты политической истории думы в XVI и XVII веках.

Чтоб оценить значение и происхождение последнего из этих моментов, надобно привести его в связь со всей исторической судьбой учреждения. В X в., когда оно впервые является перед нами по нашим памятникам, в нём присутствуют рядом с боярами князя представители главного волостного города, городская старшина, образовавшаяся ещё в то время, когда большие торговые города были единственной организованной силой, оборонявшей страну и руководившей её экономической жизнью. В те времена они оружием или мирными средствами завоевали свои городовые округа, волости. В X в., когда городская старшина сидела в думе князя, эти города продолжали руководить экономическою жизнью страны, но уже не правили местными обществами, которые были в других руках. В XII веке, когда они приобретают прежнее правительственное влияние на местные общества, на свои волости, их „старцы" уже не сидят в думе князя повидимому нигде кроме Новгорода; но тогда эти города уже переставали руководить и хозяйственными оборотами страны. В думе князя остаются одни его бояре. Когда волостные города с успехом оспаривали у них пра-

вительственное влияние на местные общества, класс, верхним слоем которого было боярство, оставался руководящей оборонительною силой страны и начинал овладевать народным трудом; он становился классом привилегированных землевладельцев в то время, когда внешняя торговля переставала быть главною силой в народном хозяйстве. В Новгороде и Пскове удельных веков местным управлением руководила дума господ, которую составляли члены местного боярства, образовавшегося из древней городской старшины. Политически этот правительственный боярский совет вполне зависел от народной массы, собиравшейся на вече. Но покорное повидимому орудие вечевой площади, боярство вольных городов правило местным рынком, посредством своих капиталов руководило трудом той самой массы, перед которой отвечало по делам управления на вече. В княжестве удельного времени князь правил с советом бояр, которые были собственно его вольнонаёмные дворцовые приказчики. Бродячие люди, разбивавшиеся по уделам, они не составляли правительственного класса, долго не могли сомкнуться ни в какой плотный класс. Но действуя при князьях одинокими лицами, случайными слугами, они рано стали забирать в свои руки главную силу в народном хозяйстве тех веков, земельную собственность, и это помогло им потом сомкнуться в цельный усидчивый класс и стать правительственною силой. Такой класс сложился в Москве; в него вошли не только удельные бояре, но и сами удельные князья. Как и прежде, он владел обществом не по праву завоевания и не в силу закона; но он держал в руках огромную массу земледельческого населения и труда.

Так видим, что в составе высшего правительственного учреждения, каким была боярская дума, отражались не классы, владевшие обществом силой оружия или в силу права, а классы или только элементы ещё неготовых классов, которые и вне думы держали в своих руках нити народного труда в известное время. Это явление, может быть, не принадлежащее исключительно нашей истории, в ней по-

вторяется с правильностию, какая только допускается исторической жизнью. И в XVI веке думу составлял класс, который был на деле политической силой, не будучи властью, права которой были бы приобретены оружием или ограждены законом; но правя обществом, он в то же время владел народным трудом не в качестве правителей, а в качестве крупных привилегированных землевладельцев. С половины этого века в народном хозяйстве обнаружился кризис, который при содействии других обстоятельств подготовил совершенно обратное явление. Народный труд уходил из боярских рук, приходил в такое состояние, что его невозможно было захватить не только законодательной, но и вооружённою рукой. В Смутное время и в продолжение многих лет после него, когда боярская дума стала наконец учреждением, правящим в силу права, договора, боярство менее чем когда-либо владело народным трудом. Продолжительными усилиями, частными вотчинными и общими законодательными мерами боярство старалось поймать вырывавшиеся из его рук нити народного труда. В половине XVII века дума опять стала тем, чем была она до исключительных обстоятельств начала этого столетия: её недавние политические обеспечения утратили силу; договор не был возобновлён по смерти царя Михаила, и дума продолжала править по давнему обычаю. Но в то же время Уложение царя Алексея окончательно узаконило поземельное прикрепление крестьян, статьи о котором встречаем и в договоре Салтыкова, и в договоре московских бояр 1610 года. Правда, тогда же отменено было право личного закладничества; но думные и служилые люди ответили на это небезуспешною работой уравнения прикреплённых к земле крестьян с лично крепостными холопями вопреки закону. Однако экономический кризис оказал сильное действие на боярские и служилые состояния, уронив одни и подняв другие. По самому свойству достигнутого в селе обеспечения своих интересов боярство должно было поделиться его плодами с другими слоями служилого класса. Среднее дворянство выступает успешным его соперником на

этом поприще, каким в XVI веке был монастырь, а торжествовавший принцип „велик и мал живёт государевым жалованьем“ помог этому слою успешно соперничать с боярством и в высшем управлении. В XVII веке люди среднего дворянства бойко идут вверх, отбивая у старых родовитых фамилий и чины, и поместья, и думу государеву. Иностранец по дороге к Москве встречал князей, которых по бедности обстановки не мог отличить от крестьян, а люди, не принадлежавшие ни к княжеским, ни к старым боярским родам, приобретали тысячи крестьян. Эти экономические превратности ускорили генеалогическое разрушение прежнего правительственного класса, начавшееся с конца XVI века, а совокупным действием обоих этих процессов довершено было и его политическое разрушение. Целые века боярство работало в низу общества над обеспечением своего экономического положения; всё это время, за исключением каких-нибудь 40 лет, его политическое положение на верху оставалось неупроченным, держалось на одном обычае. В XVII веке, когда оно после потрясений достигло уже значительных успехов в своей экономической работе, оно исчезало как политическая власть, теряясь в обществе при новом складе понятий и классов, растворяясь в служилой дворянской массе. Отмена местничества в 1682 году отметила довольно точно исторический час смерти его, как правительственного класса, и политическую отходную прочитал над ним, как и подобало по заведённому чину московской правительственной жизни, выслужившийся дьяк. В 1687 году Шакловитый уговаривал стрельцов просить царевну Софью венчаться на царство, уверяя, что препятствий не будет. „А патриарх и бояре?“ возразили стрельцы.—„Патриарха сменить можно“, отвечал Шакловитый, „а бояре—что такое бояре? это зяблое, палое дерево“.

ГЛАВА XX.

Боярская дума XVI—XVII вв. состояла из старших членов боярских фамилий и из выслужившихся приказных дельцов.

Попытаемся изобразить устройство и делопроизводство думы XVI—XVII вв., когда то и другое можно считать достаточно установившимся. Начнём с социального или, говоря точнее, генеалогического её состава.

И в XVII в. численное преобладание в думе оставалось за членами родовитых фамилий, хотя многие из этих фамилий, если не большинство, были младшие ветви тех, которые господствовали в боярском совете XVI в. Несмотря на то, что ряды родословной знати страшно поредели ко времени воцарения новой династии, что многие большие роды „без остатку миновались“, генеалогический состав думы был очень изменчив попрежнему. Просматривая погодные списки её членов, видим, что она никогда не соединяла в себе представителей всех наличных фамилий боярства. Некоторые фамилии то наполняют совет своими членами, то исчезают из него совсем, уступая место другим, то появляются снова. По списку 1627 г. не находим в думе между её 25 боярами и окольничими никого из князей Голицыных, Куракиных, Воротынских, Пронских, Хованских, Прозоровских, Репниных, никого из Салтыковых, Плещеевых, Волынских, Колычовых. Берём список 1668 г. и встречаем в нём в звании бояр или окольничих двоих Репниных, двоих Куракиных, по одному из Пронских, Прозоровских, Хованских и Голицыных, троих Салтыковых, двоих Волынских. Зато теперь не было в думе никого из Морозовых, Шеиных, Головиных, из князей Сицких и Мезецких, которые присутствовали там в 1627 году *). Эта изменчивость состава происходила от порядка назначения членов в думу. Думный чин

*) Боярская книга 135 г. в Моск. Архиве мин. юстиции, № 1, Боярск. книга 176 г. там же, № 6.

жаловали, „думу сказывали“ по усмотрению государя, обыкновенно словесно, государевым именем: письменные „привилеи“, именные рескрипты на думные чины давались только в Смутное время, когда чины раздавал польский король Сигизмунд. Но московский государь в своих назначениях сообразовался с местническими отношениями боярства. Чин сам по себе ничего не значил в местническом счёте, и какой-нибудь Колычов, попав в окольничие, не делался родовитее стольника кн. Одоевского. Но недавая знатности, чин давал власть, и неловко было назначить в окольничие сына или племянника, когда отец или родной дядя значился в списке стольников. Вследствие этого в думе обыкновенно сидели только те члены знатных фамилий, которым в данное время принадлежало местническое старшинство среди их родичей. Сличая списки людей высших чинов с родословными росписями, видим, что чаще всего знатные сыновья и племянники держались в стольниках и дворянах московских, пока отцы и дяди сидели в окольничих или боярах; по мере того, как старшие выбывали из думы, младшие приходили на их места, следуя порядку старшинства. Но для вступления в думу требовался приличный возраст: по большинству своих членов она была советом старцев, сенатом в буквальном смысле этого слова. Поэтому фамилии, в которых старшие не достигали этого возраста, „не поспевали“ в думу, те фамилии не имели в ней представителей или представлялись там одним лицом: пользуясь выражением комиссии, предложившей в 1682 г. отменить местничество, случалось, что из иных родов в думные чины никого не было написано, „потому что за малыми летами в те чины они не приказаны“. Бывало, по нескольку Шереметевых одновременно сидело в думе. Но после Смутного времени там много лет оставался из них один Фёдор Иванович, пока старшие других ветвей рода поспевали в думу, служа в чине дворян московских. В 1634 г. сказано было боярство старшему двоюродному племяннику Фёдора Ивану Петровичу, в 1641 г. среднему Василию Петровичу и наконец в 1645 г. младшему

Борису Петровичу. По отдельным случаям можно убедиться, с какою строгостью даже в XVII в. назначение в думу согласовалось с местническим отечеством; можно уловить и некоторые правила этого аристократического подбора её членов. В 1627 г. служило в высших чинах восемь человек из фамилии Головиных. То были представители четырёх поколений потомства, шедшего от окольничего времён Грозного П. П. Головина. Высчитав по правилам местнической арифметики их отношение к общему предку, находим, что ближе всех к нему стояли двое, младший сын его Пётр Петрович и один из старших внуков Семён Васильевич: первый, как седьмой сын, занимал 10-е место от отца, а второй 8-е место от деда, т. е. был двумя местами выше своего дяди Петра. По списку 1627 г. эти старшие представители фамилии и сидели в думе боярами. Остальные пятеро стояли от общего предка ниже десятого места; только другой племянник Петра Петровича Иван Никитич занимал одинаковое с ним место, был своему дяде „в версту“. Но будучи сверстником Петра по родословному месту, Иван считался моложе его по родословному колену, как племянник. Старшинство определялось не простою цифрой мест, но с участием некоторых коэффициентов. По списку того же 1627 г. в высших чинах встречаем 12 князей Долгоруких. Из них 10 человек принадлежали к двум смежным родословным поколениям: старшее составляли 4 брата двоюродные или четвероюродные; 6 человек младшего поколения доводились старшим племянниками родными, двоюродными или четвероюродными. Из этих дядей трое стояли на 16-м месте от ближайшего предка или ниже и один на 15-м. Этот старший на одно место дядя боярин кн. Владимир Тимофеевич и был единственным представителем фамилии в думе 1627 года; остальные братья, как и племянники, оставались в стольниках или дворянах московских. Но в том же списке значится ещё дворянином московским кн. Ив. Мих. Долгорукий, которому по родословной росписи боярин Владимир Тимофеевич доводился *внуком*, так как прямой дед этого боярина

•

был двоюродным братом кн. Ивана Михайловича. Такой случай объясняется тем, что отец этого князя Ивана был *седьмым* и последним сыном у того отца, у которого прадед боярина Владимира был *третьим*. Потому дед оказался всего одним местом выше своего бокового внука, тогда как прямой внук мог сидеть не выше седьмого места от деда по тому правилу местнического счёта, что старший сын от отца четвёртое место. Притом, очевидно, вся эта линия седьмого сына рано захудала: никто из неё не бывал в думных чинах, и быть в думе стало ей не по отечеству. Благодаря разным коэффициентам, какие вводились в местнический счёт, младшие ветви фамилий нередко становились выше старших. Следствия этого процесса захудания старших наглядно обнаруживаются в служебном положении Бутурлиных по списку 1627 г. Тогда служило в высших чинах более 20 членов этой старой боярской фамилии. Все они шли от И. И. Бутурлина, боярина начала XV в. Из них только Ф. Л. Бутурлин сидел в думе окольничим в 1627 г. Он занимал 25-е место от общего предка. Многие его родичи, даже доводившиеся ему далёкими племянниками, стояли ближе на одно, на два и на три места, потому что Ф. Л. Бутурлин принадлежал к линии младшего из сыновей древнего боярина И. И. Бутурлина. Но уже с начала XVI в. почти только члены этой линии дослуживались до думных чинов: дума стала её *отечеством* когда другие линии пришли „в закоснение“. Старший представитель этой линии и сидел в думе 1627 г. Это не значит, что при каждом назначении в думу производились мелочные генеалогические разыскания, какие должны делать мы, чтобы понять её состав. Тогда очередной старший представитель боярской фамилии сам собою становился впереди, выдвигаемый всем строем державшихся на местничестве служебных отношений лиц и фамилий.

По рассказу Котошихина и по книгам Разрядного приказа можно представить себе обычную служебную карьеру родовитого человека XVII в. Лет десяти его берут во дво-

рец: он стольничает у царицы. Достигнув 15 лет, „недоросль“ становится служилым „новиком“. Его берут с царицыной половины и определяют „в царский чин“ или штат, назначают или в стольники, или в спальники к царю спать у него „в комнате“, разувать и раздевать его. Камер-паж государыни превращается в камер-пажа государя. Эта служба в государевой комнате на весь век даёт ему почётное звание *ближнего* или *комнатного* человека. Из спальников его жалуют, смотря на степени его знатности, в дворяне московские или стольники. Людей неважных фамилий возводили из звания московских дворян в стольники. Но для большой знати стольничество ещё сохраняло значение придворной должности или временного придворного поручения и не было выше сословного звания дворянина московского. Потому нередко бывало, что старший брат служил дворянином московским, когда младший числился стольником, или отец значился в списке дворян, когда его дети были уже стольниками; наконец иногда дворянином писался человек, бывший прежде стольником. Стольник или дворянин московский—штаб-офицер или капитан гвардии и исполняет разнообразные поручения правительства, дипломатические, военные и административные. Он посылается послом в иноземное государство, приставствует у иноземного посольства в Москве, командует провинциальными дворянами в армейских полках в качестве полковника или сотенного головы, ротного офицера, управляет каким-нибудь второстепенным приказом в Москве, воеводствует по городам, назначается в писцы для поземельной описи областей, командируется „для сыскных дел“, производить какое-либо дознание: словом, он на посылках „для всяких дел“. Когда во дворце аудиенция, приём или отпуск иноземных послов, его с тремя товарищами наряжают в казённое белое камчатное на горностаях платье, надевают на него высокую белую шапку, дают в руки серебряный топорик и ставят подле престола. Если назначенный стоят в числе этих *рынд* он заупрямится, станет говорить, что ему по его отечеству с такими товарищами „быть невместно“, и

откажется надеть мундир рынды, на ослушнике по царскому приказанию издерут всё платье, в котором он приехал во дворец, силой облекут его в парадный костюм и поставят подле царя, а по окончании приёма разденут и высекут в Разряде или перед царским окном „при всех людях“, приговаривая: „не ослушивайся царского приказу“. Наконец лет через 30, иногда более, иногда менее, родовитому стольнику или дворянину московскому „думу сказывали“, жаловали чин окольничего или прямо боярина, смотря по степени его родовитости *). Такова была школа, сообщавшая политическую выправку древнерусскому государственному советнику из „природного“ боярства. С детства он вращался во дворце на глазах у государя, узнавал все дворцовые покои, жилые и приёмные, „комнаты“ и „палаты“, узнавал людей, порядки и сам становился всем известен. Исполняя разнообразные поручения правительства, он близко знакомился с правительственным механизмом и управляемым обществом, с приёмами управления. В думу вступал он „думцем и правителем“, которому, по выражению боярина М. Г. Салтыкова, „московские обычаи были староведомы“, с большим навыком „во всяких делах“. Этот навык заменял ему ум, талант, размышление, те качества, недостатком которых вообще страдают классы, долго пользовавшиеся властью.

---

*) Котошихин (стр. 19) приводит неполный список фамилий того и другого разряда, насчитывая 16 родов в первом и 15 во втором. Боярские книги XVII в. не вполне подтверждают его показание. Салтыковых, князей Прозоровских, Черкасских и Хилковых он помещает в первой статье родов, которые в окольничих не бывают, вступая в думу прямо боярами. Но до Котошихина и после него известно несколько лиц этих фамилий в чине окольничих. Напротив из фамилий, которые Котошихин отнёс ко второму разряду, князья Куракины обыкновенно вступали в думу прямо боярами, минуя окольничество, а князья Долгорукие вступали туда и окольничими, и прямо боярами. Котошихин, всегда точный и добросовестный в своих показаниях, нередко принимал случайные явления своего времени за постоянные нормы. Боярск. книги в Моск. Архиве мин. юст. №№ 1, 4 и 6 Дворц. Разр. IV, 212. Др. Росс. Вивл. ч. XX.

Но если боярская знать и в XVII в. продолжала довольствоваться этим правительственным навыком, то новые задачи правительства всё настойчивее возбуждали потребность в государственных людях с умом, талантом и наклонностью к размышлению. Уже при Котошихине жаловались на то, что царь многих возводит в бояре „не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не учёные и не студерованные“. Иного великородного человека уже „всяк дураком называл“, как говорил в 1658 г. царь Алексей одному из таких людей, кн. И. А. Хованскому, и нужно было царской милостию и взысканием поддерживать их правительственный авторитет в обществе. Под влиянием этой государственной потребности в XVII в. с каждым десятилетием всё усиливался начавшийся ранее приток в думу дельцов с иной, не боярской подготовкой к делам. Они проникали туда преимущественно через два ведомства, финансовое и дипломатическое. Здесь с особенной силой чувствовалась нужда в дельцах нового характера, которые были бы вооружены не одним навыком, но и знанием, изобретательностью и сообразительностью, тем, что люди XVII в. называли „промыслом“ и „рассмотрением“. Уже в XVI в. появляется целый ряд таких мастеров казённого и посольского дела, „промышленников“, как называл таких дельцов в XVII в. самый блестящий из них А. Л. Ордин-Нащокин. Это были либо приезжие греки, либо захудалые потомки бояр удельного времени, либо дьяки очень скромного служилого и даже неслужилого происхождения. Не великие отечеством, они становились велики службой. Некоторые из них, например грек Ю. Д. Малый Траханиотов с сыном и Ф. И. Сукин, достигали боярства. Но обыкновенно служебное поприще этих неродовитых московских финансистов и дипломатов завершалось думным дьячеством или думным дворянством. К началу XVII в. в Москве стали уже привыкать видеть худородных людей на должностях по финансовому управлению или в звании государственных секретарей. Большие бояре очень сердились, когда по приказу короля Сигизмунда к ним в думу вступил

в 1610 г. думный дворянин и товарищ казначея Ф. Андронов, бывший торговый мужик-кожевник, жаловались, что это была им всем боярам смерть. Но тогда же говорили в Москве, что и при прежних государях „такие у таких дел" бывали *). По следам Сукиных шли знаменитые в своё время дипломаты А. и В. Щелкаловы. Дети незначительного дворцового дьяка, они оба дослужились до звания „ближних дьяков больших". Первый был думным посольским дьяком и казначеем, а В. Щелкалов из печатников и думных посольских дьяков был даже произведён при первом самозванце в окольничие, чего, может быть, не бывало прежде. Смутное время выдвинуло много „самых худых людей, торговых мужиков и молодых детишек боярских", которым случайные цари и искатели царства подавали окольничество, казначейство или думное дьячество, как говорили потом большие московские бояре. Некоторые из этих правительственных „новиков" удержались на видных местах и по восстановлении порядка. Польские комиссары в 1615 г. имели некоторое основание писать московским боярам, что теперь по грехам на Москве простые мужики, поповские дети и мясники негодные мимо многих княжеских и боярских родов не попригожу к великим государственным и земским и посольским делам припускаются. При царях новой династии такие новики ещё смелее вторгаются в думу в звании думных дворян или дья-

---

*) Акты Зап. Росс. IV, 495. Сукины или Суковы совсем не родовитая фамилия: это мелкие дети боярские, которые с конца XV в. служат дьяками, печатниками, чиновниками по финансовому управлению и иногда дослуживаются до думного дворянства. Сам боярин Ф. И. Сукин долго служил казначеем. Сб. Р. Ист. Общ. XXXV, 123, 164 и 340. П. С. Р. Лет. IV, 308. А. Ист. I, 211. Разр. кн. в Моск. Арх. мин. ин. дел, № 99/131, л. 204. Боярск. кн. там же, № 2, л. 429. Собр. гос. гр. и дог. I, № 192. Король произвёл купца гостинной сотни Андронова в казначеи в 1610 г. Но уже в 1608 г., при царе В. Шуйском, Андронов был печатником и думным дьяком Посольского приказа. Др. Р. Вивл. XX, 365. Значит появление его в думе вовсе не было таким необычайным актом королевского произвола, как это казалось после большим боярам.

ков и всего чаще теми же путями, финансовым и дипломатическим. Для знаменитого Кузьмы Минина, пожалованного из купцов в думные дворяне, боярское правительство царя Михаила нашло должность казначея наиболее подходящей по его происхождению. Во второй половине века в думу проходит довольно длинный ряд людей из высшего купечества, из московского и провинциального дворянства, служа думными дьяками и в большинстве дослуживаясь до думного дворянства. Таковы были Ф. Лихачов, Л. Лопухин из московских дворян, Л. Голосов из углицких дворян, С. Заборовский из бежецких дворян, отец и сын Кириловы из московских гостей и многие другие. Некоторые, как Ив. Гавренев и Ф. Елизаров, возвышались до окольничества, а Заборовский даже кончил свою службу в чине боярина. В то же время ряд провинциальных и московских дворян проникает в думу, минуя дьячество, исполняя дипломатические поручения, служа по финансовому ведомству в приказах Большой Казны, Большого Прихода и т. п. Таковы были Прончищевы, Нарбеков, новгородский уездный дворянин Дубровский, Баклановский, Матюшкины, Аничковы и др. Со второй половины царствования Алексея в боярской книге любого года эти люди стоят сплошной стеной в перечнях думных дьяков и дворян, нередко мелькают и выше. Их ряды завершаются громкими именами канцлеров Ордина-Нащокина и Матвеева. Первый происходил из уездного псковского дворянства; второй был сын простого дьяка, служившего в Казанском дворце при царе Михаиле, и долго занимал неважную должность „полковника и головы стрелецкого“. Оба вступили в боярский совет думными дворянами и оба вышли из него боярами. В XVII в. *чин* уже совершенно отрывается от *отечества:* в одном приговоре 1693 г. сами бояре признали, что „в милости великих государей жалованы бывают чести (чины) не по родам“. Так ещё до Петра, задолго до его табели о рангах, отделившей должности военные от гражданских, в московской приказной администрации обозначилась сфера, которую можно назвать тогдашней штатской

службой. Здесь требовалась особая деловая подготовка, особый навык, но не требовалось знатности, родословного отечества. Правительство старалось заохотить неродовитые таланты к такой службе, даже иногда насильно выводило их на эту дорогу. Известный ревнитель пресвещения при царе Алексее Ф. М. Ртищев в 1650 г. заставил одного неважного молодого дворянина Лучку Голосова учиться латинскому языку у вызванных из Киева учёных монахов, надеясь, что со временем из него выйдет полезный делец по министерству иностранных дел, где в то время требовались образованные люди. С большою нравственною тревогой принимался Голосов за латынь в угоду сильному покровителю. В задушевных беседах с приятелями он признавался, что учиться у киевских старцев не хочет, старцы они недобрые, добра он в них не познал и доброго ученья у них нет; в латинском языке многие ереси есть, и „кто по латыни ни учился, тот с правого пути совратился". Лучка пошёл по дороге своего отца, служившего дьяком в подчинённой Посольскому приказу Нижегородской Четверти, и несколько лет спустя является уже Лукьяном Тимофеевичем Голосовым, товарищем боярина А. Л. Ордина-Нащокина, думным дьяком Посольского приказа, а потом и думным дворянином; дети его служили уже в стольниках. Провинциальное дворянство в XVII в. добивалось дьяческих мест в московских приказах, как видно из просьб об этом, поданных королю Сигизмунду в Смутное время. Но московские дворяне брезговали ещё этой карьерой. Лопухины издавна служили „выборными" городовыми дворянами, т. е. принадлежали к высшему слою провинциального дворянства, служившему переходной ступенью к столичному, к службе „по московскому списку". Ларион Лопухин лет сорок служил в нисшем из столичных чинов в звании *жильца* и потом в чине московского дворянина. Его назначили дьяком в Казанский Дворец. Обидевшись просьбой гостей в 1649 г. написать их в Уложении выше дьяков, Лопухин бил челом, чтобы его или написали в Уложении особой от дьяков статьей, или совсем отставили

от дьячества. Государь пожаловал, велел ему вперёд того, что он в дьяках, в бесчестье и в упрёк перед его братией дворянами не ставить, „потому что он взят из дворян во дьяки по государеву имянному указу, а не его хотеньем“. Но этого невольного приказного дельца скоро встречаем думным дьяком в Казанском, потом даже в Посольском приказе и наконец думным дворянином и вторым начальником того же Казанского Дворца, где он начал свою дьяческую службу с такой неохотой и с такой сословной стыдливостью перед своей дворянской братией.

Успехам худородных дельцов много помогло положение московского боярства в XVII в. Курбский не совсем был прав, когда писал, что после ужасов опричнины у Грозного остались от старого боярства только „калики“. Но такое замечание вполне идёт к московской знати с половины XVII в. То были жалкие остатки „стародавных честных родов“, как выражался царь Алексей. Под руками у этого царя был разбитый класс со спутавшимися политическими понятиями, с разорванным правительственным креданием. Он падал генеалогически и даже экономически. У царя Алексея не оставалось старых бояр родовитее князей Одоевских; а он и Одоевским писал, послав, что было нужно, на вынос и погребение одного из них: „впрямь узнал и проведал я про вас, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня никого у вас нет“. В боярских списках можно найти красноречивые отметки в этом смысле. Думные и даже простые дьяки получали поместные оклады по 900 и по 1000 четей (1350—1500 десятин в трёх полях), а при именах комнатных стольников князей М. Ю. Долгорукого и П. И. Прозоровского, которые потом стали боярами, список 1670 г. замечает: „поместий и вотчин нет“. Этот упадок старой знати наглядно отразился на генеалогическом составе думы при новой династии. По списку 1668 года из 62 бояр, окольничих и думных дворян можно насчитать не более 28 имён старых боярских фамилий, бывавших в думе при прежней династии, а в 1705 г. находим всего 17 членов думы с та-

кими фамилиями среди 52 бояр, окольничих и думных дворян. Этим объясняется поступок П. П. Головина в 1651 г. Его пожаловали в окольничие, а он отказался от этой чести, объявив, что предки его окольничими не бывали и что окольничих нет „в его пору", т. е. равных ему по отечеству, а все его ниже, моложе. Первое было совсем неправда, но второе не было лишено основания: Головину обидно было сидеть среди окольничих того времени. Дума приговорила было за дерзость бить его кнутом и сослать в Сибирь; но государь велел только посадить его суток на двое в тюрьму, оставив в прежнем чине, а через год простил, пожаловал в окольничие с выговором *).

ГЛАВА XXI.

Думные люди были управители центральных приказов или исполнители особых поручений по центральной и областной администрации.

Рассмотрим теперь административный состав Думы.

Государь советовался с боярами по делам законодательства и управления. Но эти бояре не были только советниками государя. У них было много дела и вне государственного совета. Вместе с государем они не только законодательствовали, но и правили обществом, не только определяли общественные отношения, но и непосредственно на самых местах наблюдали за действием своих определений. Словом, московские государственные советники не только руководили всем правительственным механизмом государства, но и были

*) *Соловьёва*, Ист. России, IX, 68. Акты З. Росс. IV, 401 и 406 Дворц. Разр. III, 113. Боярск. книга № 6 в Моск. Арх. мин. юстиции. Боярск. список 1670 г. № 6 там же. Приказн. дела Моск. Арх. мин. ин. дел 1650 г. № 31. *Иванова*, Опис. Разрядн. Архива, стр. 345. Скав. Кн. *Курбского*, 234. Статья о приказах в Др. Росс. Вивл. XX, 277—421. Акты Ист. IV, №№ 20 и 63. Род Голосовых в рукописной Родословной *Иванова*. П. С. З. №№ 390, 1460, 61 и 62.

главными его колёсами. Потому думный человек действовал всюду, на самых разнообразных путях государственного управления, как и в ходе церковной жизни, в центре, как и в провинции, в гражданской администрации и во главе полков. Отсюда же происходила и чрезвычайная изменчивость, разнообразие деятельности думного человека. Окольничего или думного дворянина, управлявшего Ямским приказом, посылали воеводствовать куда-нибудь на Вятку, а через год или даже меньше вызывали с Вятки в Москву, чтобы послать командовать полком в Севске или Путивле.

По свойству правительственной деятельности во всём личном составе думы можно различить два элемента. Один из них отличался меньшей подвижностью сравнительно с другим. Это были управители (*судьи*) центральных приказов, которых можно назвать министрами или директорами департаментов. Думным людям поручали только важнейшие из приказов: остальными заведовали стольники, дворяне, простые дьяки. В приказах Тайных дел, Каменном, Холопьем, Счётном, в некоторых дворцовых, например Хлебном, Панафидном, в Царской и Царицыной Мастерских палатах, даже в Конюшенном приказе обыкновенно сидели в XVII в. начальники, не имевшие думных чинов. Впрочем здесь не было постоянных правил: судными приказами Московским, Владимирским и Дворцовым заведовали то бояре, то стольники. При обычае назначать в иные приказы к главному судье одного или двух товарищей из думных же людей не достало бы членов думы для замещения всех многочисленных приказов. Притом в XVII в., как известно, по мере размноженія приказов старались сосредоточивать центральное управление, поручая одному лицу несколько приказов. При царе Алексее тесть его боярин И. Д. Милославский управлял пятью приказами, Иноземским, Рейтарским, Стрелецким, Аптекарским, Большой Казной; некоторое время к ним был ещё присоединён Казённый Двор. Точно так же начальник Посольского приказа Ордин-Нащокин с товарищами своими правил в то же время Малороссийским приказом и Четями

Новгородской, Галицкой и Владимирской. Впрочем и эти сочетания изменялись в разное время. В управлении приказами господствовала та же подвижность, какой отличалась вся администрация Московского государства. Приказные должности ещё не вполне освободились от характера случайных, кратковременных поручений, какой они носили в удельное время. Это можно заметить, следя за служебным движением приказных дельцов, думных и недумных, за их переходами из одного ведомства в другое. В каких приказах не приходилось посидеть на своём веку иному боярину или дьяку! Однако здесь больше, чем в других сферах московской администрации, можно найти следов некоторого постоянства, устойчивости как в XVI, так и в XVII в. Некоторые правители подолгу сидели в одних учреждениях. Казначея Ф. И. Сукина встречаем в этой должности и в 1547, и в 1555 г. И. Д. Милословский правил пятью названными приказами целых 17 лет (1651—1667).

Кроме приказного управления у думных людей было в столице много дел, для которых не существовало постоянных учреждений. Отправление таких дел носило вполне удельный характер, и в них, может быть, всего явственнее сказывался дух старой московской администрации, деятельной, хотя и не умевшей выработать себе твёрдых форм и постоянных правил, старавшейся руководить не только политической, но и нравственной жизнью общества. Думных людей наряжали идти „за кресты“ по городу, когда бывали крестные ходы в Москве, относить „ества“ с царского стола к патриарху в известные торжественные дни. Когда государь в Грановитой палате скреплял клятвой заключённый с иноземными послами договор, св. Евангелие он сам провожал до сеней, а проводить дальше до Благовещенского собора назначал бояр и окольничих, человека три или четыре. Когда патриарх на масляницу со своим Освящённым собором присутствовал на религиозно-назидательном зрелище, „действе Страшного суда“, а выхода государева к тому действу не было, на представление посылалась по указу госу-

даря комиссия, которая при царе Алексее составлялась, например, переводя старые административные термины на нынешние, из министра почт, статс-секретаря военного департамента государственного совета (думного разрядного дьяка) да из касимовского царевича татарского происхождения Василия Араслановича. Всё то были думные люди кроме последнего. Когда государь выходил в Успенский или Благовещенский собор, в Чудов монастырь, даже к Преображению на своём дворе, он оставлял „в верху" во дворце одного боярина или двоих для поддержания порядка. Когда государь „ходил в поход" из столицы в подмосковные сёла на охоту или в монастыри на богомолье, даже только за Тверские ворота к Страстному монастырю встретить возвращавшуюся из польского плена полковую икону Божией Матери, он также оставлял „на Москве" комиссию думных людей, двоих или более, для текущих дел высшего управления. Когда в Москву приезжало иноземное посольство, для переговоров с ним, „в ответ" назначались бояре с думными дьяками.

Две правительственные сферы всего чаще отвлекали членов думы от их думных занятий. Это было воеводство городовое и полковое. Думным людям поручалось управление важнейшими областями и обыкновенно поручалось на короткое время. Иностранцам, например Маржерету, преувеличенно казалось даже, будто в каждой области находится член думы для управления и суда *). Эта краткосрочность выражалась и в административной терминологии того времени: городовой воевода, военный губернатор области, „годовал" в том или другом городе. В разрядных книгах велись погодные росписи „воевод по городам", воеводских назначений и по ним можно видеть, как часто сменялись областные управители. Городовой воевода нередко правращался в полкового. Оборона границ, особенно южных и юговосточных,

---

*) *Устрялова*, Сказания современ. о Димитрии Самозванце, III, 35.

татарских, и в промежутке между открытыми войнами чуть не ежегодно поднимала на ноги большую или меньшую массу ратных людей, которые собирались в полки, чтобы несколько недель постоять на рубеже в ожидании неприятельского набега. Командовать этими полками, как и ревизовать, „разбирать“ или „смотреть“ ратных людей, присылались из столицы люди высших чинов, преимущественно думных. То и другое воеводство устанавливало постоянное и живое движение правительственного класса из столицы в провинцию и обратно, и на этом движении держалась та московская политическая и административная централизация, в дальнейшем развитии которой XVIII век при всех своих средствах и усилиях сделал очень мало успехов, если только сделал сколько-нибудь. В этом движении боярская дума, действуя с помощию необильного, даже скудного сравнительно административного персонала, ей подчинённого, имела значение главного ткацкого челнока, который на основе национальных, церковных и географических связей выводил редкую и грубую, но крепкую и выносливую ткань государственного порядка, умевшую выдерживать общественные потрясения, каких не пришлось испытать XVII веку.

Благодаря разным особым поручениям, какие возлагались на думных людей, боярская дума, оставаясь советом „всех бояр“, едва ли когда собиралась в полном составе членов, сколько их значилось по списку. Всегда были члены, отсутствовавшие по службе. Рассматривая разрядные росписи XVI в., можно заметить, что около половины думы действовало ежегодно вне столицы, где-нибудь воеводствовало. В 1531 г. было слишком 40 бояр и окольничих; из них 20 находились в отлучке, ходили в походы полковыми воеводами, иные по нескольку раз в разное время года. При этом не считаются члены думы, бывшие в тот год управителями областей. Вследствие этого обычные ежедневные заседания думы составлялись из немногих сравнительно членов совета. В 1566 г. членов думы считалось 59 кроме думных дьяков; но в приговоре думы, внесённом в соборное определение

этого года о войне с Польшой, обозначено всего 23 члена думы кроме шести подписавшихся на акте дьяков, о которых трудно сказать, были ли все они думные *). По разрядам XVII в. можно довольно точно рассчитать, сколько думных людей ежегодно занято было вне Москвы по областям или в полках и сколько сидело в столичных приказах. Берём для этого боярский список и разряды 1668 сентябрьского года **). В думе считалось тогда 26 бояр, 20 окольничих, 15 думных дворян с казначеем и 7 думных дьяков с печатником. Из этих 67 государственных советников в первую половину года сидело в 28 приказах 25 (6 бояр, 4 окольничих, 8 думных дворян и все думные дьяки с печатником). Двое состояли дядьками при царевиче Алексее, следовательно также заняты были в столице. Из остальных членов 13 воеводствовали по городам (4 боярина, 6 окольничих и 3 думных дворянина). Кроме того один думный дворянин ездил послом в Польшу для подтверждения мирного договора, по возвращении был в ответе с английским послом и потом отправился в Вятку на воеводство. Когда пришли в Москву вести об измене гетмана Брюховецкого, из Москвы наряжено было 5 думных людей в Белев, Белгород и Севск командовать полками против изменивших черкас или наблюдать за сбором ратных людей в эти полки. Двое из этих экстренных уполномоченных были управите-

---

*) Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 547.

**) Боярская книга 176 г. № 6 в Моск. Арх. мин. юстиции. По списку 179 г. числилось бояр, окольничих и думных дворян с кравчим, казначеем и постельничим 61; из них 24 помечены в командировках. Там же боярск. список № 8. Дворц. Разряды, III, 659—848. Не считаем обозначенного в списке бояр гетмана Войска Запорожского И. М. Брюховецкого, который в том же году изменил московскому государю. См. у Олеария в 3-й книге главы „Von den Boyaren“ и „Von unterschiedlichen Cantzeleyen“. Перечень относится к весне 1654 г. Из него видно, что членов думы считалось тогда 62 и из них 18 были заняты в 30 приказах: остальными тремя, к которым отнесён и Таможенный, заведовали недумные люди.

лями приказов Большой Казны и Челобитенного. В другие годы с такими военными поручениями посылали из Москвы гораздо большее количество думных людей. Такие поручения падали иногда и на приказных управителей: боярин В. В. Бутурлин при царе Алексее долго действовал в Малороссии, оставаясь в должности дворецкого и начальника приказа Большого Дворца. Но обыкновенно такие поручения возлагались на тех советников, которые в тот год были „не у дел“, оставались в Москве свободными от приказной службы. Благодаря этому часто случалось, что значительное большинство думных людей, собиравшихся на заседания совета, состояло из начальников приказов, и тогда дума получала характер совета министров или, точнее, становилась собранием председателей департаментов государственного совета и „главноуправляющих разными отдельными частями, принадлежащими к общему приказному устройству“, как можно выразиться, применяясь к терминологии первого тома Свода Законов.

ГЛАВА XXII.

В своей ежедневной практике дума была постоянным советом наличных думных людей, находившихся при государе.

В порядке думского делопроизводства, в отношениях думы к подчинённым ей правительственным учреждениям, в круге предметов, составлявших её ведомство, остаётся много неясного. Можно надеяться, что большая часть этих тёмных подробностей вполне раскроется, когда лучше изучён будет огромный канцелярский материал, сохранившийся от старинных московских приказов и ожидающий дружных усилий многих иследователей *). Мы ограничимся кратким, непол-

*) Пользуемся случаем выразить здесь нашу искреннюю признательность начальнику III отдел. Московского Архива мин. юстиции В. И. Холмогорову, содействию которого мы много обязаны при изучении дел старинного Поместного приказа, разъяснивших нам некоторые из этих подробностей.

ным очерком правительственной деятельности боярского совета в её обычном течении.

Обычными деловыми названиями боярского совета были *дума* или *бояре*: человеку, получавшему звание государственного советника, приказывали „сидети с боярами в думе и всякие думные и тайные дела ведати“. В указах и боярских приговорах XVII в. о делах, решённых в думе, иногда писали, что они вершены в *палате*; потому и думных людей называли также *палатными*. В актах, исходивших от духовных властей, любили обозначать боярский совет греческим термином *синклит*: это было торжественным, более книжным, чем деловым названием думы *). В обычное время, когда царь с боярами жил в Москве, заседания думы начинались рано по утрам, когда думные люди приезжали во дворец „челом ударить“ государю. Флетчер говорит, что на заседания собирались в 7 часов утра: он, очевидно, разумел зимнее время, когда он жил в Москве. Олеарий, держась тогдашнего московского счёта дневных и ночных часов от восхода и заката солнца, писал, что на совещания о делах бояре собирались после полуночи, отправляясь в Кремль около 1 или 2 часов дня. Ещё точнее обозначает время заседаний Маржерет, у которого читаем, что летом бояре вставали обыкновенно при восходе солнца и ехали во дворец, где присутствовали в думе от первого до седьмого часа дня. После столь продолжительного заседания бояре с государем шли в церковь к обедне, длившейся часа два, так что думные люди возвращались домой уже к обеду

---

*) Намёк на то, что она называлась *боярской думой*, есть только у Флетчера (см. выше стр. 323). Впрочем в договорной записи московских бояр 17 авг. 1610 г. встречаем выражение: „с думою бояр“. Собр. гор. гр. и дог. II, № 199. Иван Грозный в своих письмах называл думу *синклитией*, а Курбский в истории этого царя *сенатом*; её называли также царским *советом*. Сказ. кн. *Курбского*, 79 и 188. Акты А. Эксп. I, № 308. *Карамзин*. IX, прим. 181; XII, прим. 10. Акты З. Росс. IV, 411. Собр. гос. гр. III, № 24. Полн. Собр. Зак. № 1355 и др.

*

около полудня по Олеарию. Заседание совета возобновлялось вечером, когда думные люди, соснув после обеда, с первым ударом колокола к вечерне опять выезжали во дворец поклониться государю и оставались там по Маржерету часа два или три. По указам 1669 и 1676 г. думным людям велено было с'езжаться зимой в первом часу дня и ночи, утром и вечером, чтобы „сидеть за делы". Но как в то же время судьям и дьякам велено было сидеть в своих приказах и ходить в думу к боярам с докладами с первого до восьмого часа ночи, то следовательно вечерние заседания думы зимой продолжались часу до 11-го ночи по нашему счёту. Поэтому иностранцы, бывавшие в Москве зимой, говорили, что государственный совет здесь собирался обыкновенно ночью *). Ходить с докладами в думу значило „всходить с делами в верх перед бояр". Около половины XVI в. в кремлёвских дворцовых хоромах была одна палата, служившая постоянным местом заседаний думы. В 1542 г., когда у государя был стол для польских послов, посольскую свиту, не усевшуюся за столом вместе с другими, угощали особо „в палате, где бояре судят". В XVII в. при царе Алексее чаще всего дума заседала в так называвшейся *Передней* палате. При детях его заседания часто бывали также в *комнате*, т. е. кабинете государя. Иногда впрочем встречаем по актам заседания бояр в палатах *Золотой* и *Столовой*. В поездках государей бояре следовали за ними. Это делало думу очень подвижным учреждением, действовавшим там, где в известную минуту находился государь с боярами. Потому встречаем дела, о которых государь „сидел" с боярами в сёлах Измайлове или Коломенском, в Троицком Сергиевом монастыре и проч. Царь

*) Сказ. соврем. о Дим. Самозв. III, 38 и сл. *Олеарий*, 18-я глава III книги *Флетчер*, гл. 11. П. С. З. №№ 461, 462 и 621: заседания бывали и в другое время, напр., во 2-м часу пополудни (там же № 582). Relation de trois ambassades de m-r le comte de Carlisle. Amsterd. 1669, p. 62.

Иван IV, собираясь в поход на Казань в 1549 г., постановил с боярами приговор о местничестве не в дворцовой палате, а в Успенском соборе, и на походе следовал ряд заседаний по тому же вопросу во Владимире и в Нижнем. В Ливонском походе 1577 г. почти вся дума находилась в царском лагере. Пленный кн. Полубенский „в палатках у советников“, куда он был введён, увидел на скамьях по обе стороны от царя 56 особ: в таком числе дума редко собиралась и в Москве. Флетчер пишет, что обыкновенные заседания думы бывали только по понедельникам, средам и пятницам и что членам думы рассылали особые повестки, когда нужно было созвать бояр на чрезвычайное заседание в какой-либо другой день. Может быть, так и бывало в царствование Фёдора Ивановича. Но в XVII в. у думы и государя было обыкновенно столько правительственной работы, что деятельность боярского совета не ограничивалась тремя днями в неделю.

Большая часть этой работы состояла в слушании и обсуждении „судейских докладов“ или докладных выписок, с которыми приходили в думу начальники приказов. Котошихин различает четыре порядка поступления докладов „в верх“: дела докладывались государю без бояр, государю в присутствии бояр, боярам без государя и государю с боярами. Точно так же и в актах различаются указы, данные государем „при боярех“, от постановлений, состоявшихся по указу государя и приговору бояр. Каждый из этих порядков имел своё значение в ходе московского законодательства. Благодаря привычке московской приказной администрации обращаться к высшей власти за разрешением каждого своего недоумения, доклады государю без бояр могли случиться во всякое время. По словам Котошихина, бояре и другие думные люди приходили к царю с делами „на доклад“, даже когда царь кушал с царицей; докладчик или тотчас допускался в комнату, или дожидался конца стола. Государь „слушал дел“ также по утрам, когда бояре находились во дворце. Но это не было „сиденье государя с бояры

о делах“: бояре только присутствовали при этом, „стояли“ перед царём „все“, а иные, уставши стоять, выходили из покоев отдохнуть на двор. В 1659 г. важные инструкции главнокомандующему, действовавшему в Малороссии, доложены были государю в трапезе дворцовой церкви. В тяжебных делах, доходивших до государя, встречаем резолюции, помеченные думными дьяками в воскресные и праздничные дни, также на Страстной неделе. По Уложению в воскресные и царские дни, в большие праздники и между прочим всю Страстную в приказах не сидели и никаких дел не делали кроме „самых нужных государственных дел“. Такие дела сосредоточивались в некоторых важнейших приказах. Как бы раз'ясняя статью Уложения, изданный в конце 1649 года указ предписывает не сидеть в приказах по субботам после обеда и по воскресеньям до обеда. Исключение сделано только для Разряда, Посольского приказа и Большого Дворца, как учреждений, ведавших самые нужные государственные дела. Значит, и в праздники из приказов могли идти доклады государю и боярам. Флетчер замечает, что по всем государственным делам царь обращался к боярскому совету ежедневно (daily). В XVII в. старались ввести порядок в течение дел высшего управления, установить очередь докладов, назначая для того важнейшим приказам известные дни в неделе. Так в 1669 г. велено было вносить дела к боярам в думу по понедельникам из Разряда и Посольского приказа, по вторникам из Большой Казны и Большого Прихода, двух важнейших финансовых приказов, по средам из Казанского Дворца и Поместного приказа, ведавших дела по служилому землевладению в большей части областей государства, по четвергам из приказа Большого Дворца и Сибирского, по пятницам из судных приказов Московского и Владимирского. Можно подумать, что хотели установить постоянный еженедельный порядок докладов. Но сохранилась роспись на 4—11 августа 1676 г., совершенно несогласная с распорядком 1669 г. и притом изменчивая: на пятницу 11 августа назначены были доклады совсем не из

тех приказов, которым указано было докладывать в пятницу 4 августа *).

В изложении указов XVII в. мы встречаем двоякую редакцию. Одни начинаются словами: „великий государь, слушав докладной выписки, указал и бояре приговорили". На других думный дьяк помечал: „по указу великого государя бояре, той докладной выписки слушав, приговорили". В этих формулах можно видеть указание на то, состоялся ли приговор думы под председательством царя, или без него. Руководствуясь таким указанием, можно заметить, что цари Алексей и его старший сын часто присутствовали на заседаниях думы. В 1694 г. 17 марта указано было думным дьякам помечать боярские приговоры под делами в такой форме: „год и месяц и число, по указу великих государей царей (имя рек) в их великих государей Передней палате тех дел бояре слушав, приговорили". Летом 1680 года, живя в селе Воробьёве, царь Фёдор приезжал в Москву „слушать дел с бояры" из приказов рано утром, при восходе солнца, или часу в десятом. Иногда впрочем дело докладывалось особо царю и боярам. Так можно думать по резолюции, положенной на один доклад в 1686 г., во время соцарствования младших сыновей Алексея, и начинающейся словами: „великие государи, слушав сей выписки в *комнате*, указали и бояре приговорили в *Передней*". Правительницы также лично принимали доклады и присутствовали в думе. Назначив свою жену правительницей государства на время несовершеннолетия старшего сына, великий князь Василий Иванович перед смертью советовался с приближёнными о своей княгине, как ей быть после него и как к ней боярам приходить по делам управления. Царевна София часто присутствовала в думе, сколько можно судить о том по указам, изданным в её правление. Впрочем при ней обычная формула

---

*) Дела Польские в Моск. Арх. мин. ин. д. г. 1542, № 3, л. 12 и 13. *Котош.* 27 и 24. Уложение, X, 25. Журн. Мин. Н. Просв. 1876, № 7, стр. 54. П. С. Зак. №№ 617, 955, 1251, 21, 460—462, 656. Дневник кн. *Полубенского* см. в Трудах Рижского Археол. съезда.

думских приговоров уже теряла буквальное значение. По указам 1683—1686 г. царевна слушала дела в думе вместе с обоими братьями; но из рассказа А. Матвеева и писем шведского посла Кохена видно, что Пётр стал прилежно посещать думу не раньше 1688 г., а прежде бывал в ней очень редко, лишь в особенно важных случаях. Лишая князей Голицыных боярства, именной указ 1689 г. ставил им в вину между прочим и то, что они „сестре великих государей о всяких делех мимо их, великих государей, докладывали, а им, великим государем, о тех делех было неизвестно". После падения Софьи заседания думы без царя повидимому стали обычными. По указу 17 марта 1694 г. бояре слушали дела из приказов и по ним чинили приговоры, докладывая великим государям только те дела, „которых им зачем без их, великих государей, именного указа вершить будет немочно". Когда государь не присутствовал в думе, первое место в ней принадлежало старшему по отечеству боярину, „первосоветнику". От имени этого первосоветника „с товарищи" писались приговоры думы. Так во времена опричнины первоприсутствующими в думе видим князей И. Д. Бельского, И. Ф. Мстиславского, М. И. Воротынского *).

Дела докладывали в думе те думные люди, которые управляли приказами, каждый по своему ведомству. Повидимому не было твёрдо установленного, однообразного порядка доклада из приказов, начальники которых не имели думных чинов. Иногда дела шли чрез Разряд; но иногда, кажется, допускались „в верх" и сами такие начальники. Во-первых, они являлись с докладами к самому государю. В 1681 г. постельничий и стряпчий с ключом били челом о подмосковных поместьях. Думный дьяк пометил на челобитной, что государь велел составить выписку о том и „доложить себя"

*) Дв. Разр. IV, 877, 163 и 165. Зап. *Матвеева* по изд. *Сахарова,* стр. 51 Русск. Старина 1878 г. № 9, стр. 121. П. С. З. №№ 1202, 1206. 1147, 1348 и 1491. Никон. VII, 42. Временник дьяка *И. Тимофеева*: „первосоветник и предуказатель в соборе всего сиглита". Р. Ист. Библ. XIII, стр. 390.

стольнику кн. Коркодинову, который тогда управлял Поместным приказом. В 1694 г. велено было по всем приказам составить выписки о недоимках; эти ведомости должны были доложить государям сами судьи приказов без различия, были ли они в думных чинах, или не были. Точно так же и в думе встречаем иногда с докладами недумных людей В 1601 г. донесение о кн. Репнине „вносили в верх“ к боярам дьяки Казанского Дворца А. Власьев и Фёдоров; первый был думным, а второй простым. В 1606 г. приговор думы о служилых кабалах бояре велели приписать в судебник Милюкову и дьяку Жукову въ приказе холопья Суда. По всей вероятности приговор бояр и вызван был докладом этих судей приказа, как обыкновенно бывало. Но по списку 1607 г. Милюков не был думным человеком, числился в московских дворянах. Поэтому можно принять известие Флетчера, что начальнику всякого судебного места предоставлено было право входить в думу с докладами. Докладчиками думы по преимуществу были думные дьяки. В XVI и первой половине XVII в. их было обыкновенно трое или четверо: это были начальники приказов Посольского, Большого Разряда, Поместного и иногда Казанского Дворца или Новгородского Разряда. Выше было уже объяснено, почему эти именно важные приказы, откуда шло наибольшее количество докладов, долго управлялись не думными людьми высших чинов, боярами или окольничими, а только думными дьяками *). Эти приказы были не особыми правительственными ведомствами, а только разными отделениями думской канцелярии. Дела посольские, разрядные и поместные непосредственно ведала сама дума, возлагая на думных дьяков этих приказов исполнение своих приговоров. Потому эти приказы можно назвать учреждениями по преимуществу административными. В приказах, которыми правили *судьи* высших думных чинов, существенную функцию ведомства составлял суд. Напротив в дьячьих приказах

*) Стр. 163 и след.

этот элемент мало заметен. Поместному приказу, например, иногда приходилось разбирать поземельные тяжбы, особенно по поручению думы; но прямым и постоянным его делом была администрация служилого землевладения под ближайшим руководством думы. Главное место между этими приказами принадлежало Большому Московскому Разряду: это было первое и, может быть, древнейшее отделение думской канцелярии. Такое значение сохранял он до конца своего существования. Его делом была администрация службы служилых людей: он, как описывали его ведомство в начале XVII в., „всем разряжал, бояры и дворяны и дьяки и детьми боярскими, где куды государь роскажет". Но сверх этого военно-административного значения Разряд имел ещё значение канцелярии, стоявшей посредницей между высшим правительством и прочими приказами. Он сообщал по принадлежности распоряжения государя, касавшиеся всех приказов; чрез него восходили в думу справки, которых она требовала от всех приказов. Так в Разряде начальник его объявлял всем приказным судьям и дьякам государевы именные указы о порядке делопроизводства и о времени присутствия в приказах. В 1681 г. велено было всем приказам собрать находившиеся в них дела, решённыя государем с думой, и по ним составить новые статьи на такие случаи, на которые не давали законодательного ответа Уложение и сопровождавшие его новоуказные статьи. Такие кодификационные „выписки" приказы обязаны были прислать в Разряд для доклада высшему правительству. В 1699 году Разряд принял и доложил государю челобитье гостей о выборе бурмистров и о других делах городского самоуправления. Наконец, Разряд сообщал членам самой думы указы государя, касавшиеся порядка их думных занятий. Флетчер упоминает о писце думы, который по распоряжению Разряда разносил думным людям повестки об экстренных заседаниях боярского совета. Этот писец думы был один из разрядных подьячих, которых, как видно из актов XVII в., приказ рассылал по дворам думных людей с повестками в известных случаях.

Если думных дьяков других приказов можно назвать статс-секретарями, то думный разрядный дьяк имел среди них значение государственного секретаря. Иностранцы и называли Разряд государственной канцелярией *). В XVII в. думное дьячество постепенно теряло своё первоначальное значение. Во-первых, начальниками дьячьих приказов стали назначать людей высших думных чинов, бояр и окольничих, так что думные дьяки, бывшие прежде главными докладчиками думы, превращались в их товарищей. Во-вторых, самих думных дьяков всё чаще стали жаловать в высшие чины думных дворян и даже окольничих. Наконец, в думу вводили за службу дьяков таких приказов, которые уже давно утратили значение ближайших думских канцелярий и управлялись боярами, окольничими или даже недумными чинами, стольниками и дворянами московскими: старый московский статс-секретариат превращался в простое служебное отличие. Кроме названных приказов в XVII в. думных дьяков встречаем в Большом Дворце, Четях Новой и Владимирской, на Казённом дворе, в приказах Ямском, Стрелецком и многих других; в некоторых приказах их бывало по-двое в одно время. Благодаря всему этому в думе иногда появлялось много дьяков: в 1681 г. их можно насчитать по разрядам до 15. Эта толпа дьяков в боярской думе была выразительным признаком превращения аристократического совета в бюрократическое учреждение.

Памятники древнерусского законодательства дают нам возможность следить за предварительными моментами думного делопроизводства, предшествовавшими обсуждению дела боярами. Мы видим, чем вызывался доклад в том или другом приказе, как этот доклад составлялся и вносился в думу, как и где собиралась эта дума для его обсуждения. Но да-

---

*) П. С. З. №№ 856, 1484, 777, 900, 1683, 582. А. И. П, №№ 355, 38 и 63. Памятн. дипл. снош. II. 656. Боярск. сп. 1607 г. в рукоп. *Е. В. Барсова. Флетчер,* глава 11. Др. Р. Вивл. XX, 367. Ср. *Корба* Дневник, изд. Общ. Ист. и Др. Р., стр. 311. Сказ. соврем. о Дим Самозв. I, 26.

лее акты покидают нас, так сказать, перед самыми дверями совета. Мы снова встречаемся с докладом, когда он выходит из палаты уже вполне готовым законом, „вершёным" делом, с обычной пометой думного дьяка: „великий государь, сей докладной выписки слушав, указал и бояре приговорили". Мы знаем эти доклады и пометы, начала и концы старого московского законодательства; но нам остаётся неясен самый процесс его. Что происходило за дверями думной палаты, как обсуждался доклад, как думные люди высказывали свои мнения и какие мнения, как государь относился к суждениям своих советников и как вообще решались спорные вопросы, количеством ли мнений, или их качеством—ничего этого дьяк не заносил в свою помету, потому что ни в чём этом не нуждалась его приказная практика. В памятниках сохранились лишь некоторые намёки, бессвязные отголоски, доходившие из залы заседаний до людей, доступа в ту залу не имевших. Бояре, окольничие и думные дворяне рассаживались в палате на лавках по чинам, а люди одного чина по отечеству, одни под другими, „кто кого породою ниже", а не по старшинству службы. Только думные дьяки присутствовали стоя, пока царь не приглашал их сесть. Беглый подьячий Котошихин описывает заседание думы с заметным оттенком иронии, похожей на гримасу, какую недостаточно вежливый подчинённый, вырвавшись на волю, издали делает своему бывшему суровому начальнику. Когда совещание открывалось каким-либо предложением царя, он, высказав свою мысль, приглашал бояр и думных людей „помысля к тому делу дать способ". Кто из бояр побольше и поразумнее, те „мысль свою к способу об'являют". Порой кто-нибудь и из меньших заявит свою мысль, „а иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не учёные и не студерованные". Эти детальные фигуры молчаливых советников с уставленными брадами, неизбежные при обсуждении дела во всяком многолюдном собрании, напрасно иногда принимаются за пол-

ную картину заседания боярской думы. Они и у Котошихина не закрывают собою других думных людей, „на ответы разумных, из больших и из меньших статей бояр". Заседания думы вовсе не отличались молчаливостью. В летописи описано заседание с участием митрополита в 1541 г., когда в Москву пришли вести о грозном нашествии крымского хана Саип-Гирея. Помолившись в Успенском соборе и благословившись у митрополита, великий князь Иван повелел ему идти за собою. Они пришли в палату, где обыкновенно происходили „сиденья с бояры". Здесь были в сборе и думные люди. Летописец влагает в уста Ивану речь, обращённую к владыке и вероятно прочитанную думным дьяком от лица 11-летнего великого князя. Речь ставила на обсуждение думы вопрос: в виду опасности остаться ли государю в столице, или уехать куда-нибудь? Великий князь приглашал владыку „посоветовать о том с бояры".. Сначала говорили бояре. Их мнения разделились. Одни говорили, что прежде, когда татарские цари подступали к Москве, великие князья в городе не сиживали. Другие возражали, что тогда государи были не малые дети, истому великую могли поднять и земле пособлять, собирая полки в других городах на выручку столицы; из Москвы ехать надо скоро, чтобы уйти от погони, а теперь государь с братом малые дети, „борзого езду и истомы никоторой поднять не могут": с малыми детьми как ездить скоро? Возражавшие подкрепили своё мнение примером из истории Москвы. Митрополит склонился на эту сторону и высказал ещё другие соображения в её пользу: уехать теперь некуда, да и на кого чудотворцев и Москву оставить? когда в. князь Димитрий уехал из Москвы, не оставив в столице брата с крепкими воеводами (при нашествии Тохтамыша в 1382 г.), с Москвой что сталось? от такой беды Господи защити и помилуй! поручим великого князя чудотворцам Петру и Алексею: они о Русской земле и о наших государях попечение имеют; им великого князя отец его и на руки отдал. Бояре после этих слов „сошли все на одну речь", решили в один голос оставаться великому князю

в городе. Выслушав речи бояр и владыки, великий князь отдал приказ укреплять столицу. Сохранилось похожее на протокол краткое и не вполне ясное изложение одного заседания думы в 1679 г. с участием патриарха; не видно только, присутствовал ли государь на заседании, или нет. Обсуждался, кажется, вопрос, отдавать ли питейные заведения на откуп, или мирским выборным головам и целовальникам под присягой „на веру“. Патриарх был того мнения, что у питейных сборов следует быть головам за выбором мирских людей, только не приводить их к присяге, чтоб „клятв и душевредства не было“, за воровство же пригрозить выборным конфискацией всего имущества и „казнью по градскому суду“, а избирателям тяжёлым штрафом. Бояре возражали на это: опасно без присяги; и под присягой у выборных было воровство многое, а „без подкрепления веры“ воровства будет и того больше. Путём обоюдных уступок пришли к такому решению: выборных к присяге не приводить согласно с мнением владыки, но вопреки ему не брать и штрафа с избирателей, против которого вероятно были бояре, а взыскивать недоборы „по сыску“*). Значит, совещания думы сопровождались прениями. Эти прения, как узнаем из других известий, иногда достигали чрезвычайной живости. Сверх чаяния, на заседаниях думы порой нарушалась та спокойная и натянутая чинность, которая господствовала при дворе московских государей. Нередко бывали „встречи“, возражения государю со стороны его советников. Об Иване III рассказывали, что он даже любил встречу и жаловал за неё. Из слов Грозного в письме к Курбскому видно, что оппозиция в совете его деда доходила до раздражения, до „поносных и укоризненных словес“ самому государю. Сын Ивана Василий не был так сдержан и сам легко выходил из себя при встрече. Раз при обсуждении дела о Смоленске знакомый уже нам неважный отечеством

*) *Котоших.* 20. Царств. книга, 84 и сл. П. С. З. № 859: неполный повидимому протокол заседания 1679 г., вставленный в доклад 1681 г.

советник И. Н. Берсень-Беклемишев что-то возразил великому князю. Василий рассердился, обозвал Берсеня „смердом“ и выслал из думы с глаз долой, положив на него опалу, отняв у него свои государевы очи, как говорили в старину о государевой немилости. Нельзя, разумеется, считать обычными явления, бывавшие при московском дворе в малолетство Грозного, в годы боярского самовластья, когда раз бояре среди самого заседания думы в Столовой избе „взволновались между собою“ перед великим князем, схватили его любимца Воронцова, били его по щекам, оборвали на нём платье не убили его только по просьбе великого князя, пинками вытолкали его из дворца и наперекор просьбе государя „приговорили“ сослать избитого советника на Кострому. К числу чрезвычайных принадлежало и известное заседание ближних бояр при больном царе в 1553 году по поводу присяги новорожденному наследнику, когда, по словам летописи, была между боярами „брань велия и крик и шум велик и речи многие во всех боярах и слова многие бранные“. Повествователь приводит речь царя на этом заседании и возражения на неё боярина кн. И. М. Шуйского и окольничего Ф. Г. Адашева. Буссов, хорошо знавший московские дела при первом самозванце, в своих рассказах об отношениях его к боярам мимоходом отметил черту, показывающую, что думные люди любили на заседаниях думы подолгу рассуждать о предметах совещания. Не проходило дня, замечает этот иностранец, когда бы царь не присутствовал в совете, где сенаторы докладывали ему государственные дела и подавали об них свои мнения. Иногда, слушая продолжительные и бесплодные их прения, он смеялся и говорил: „столько часов вы рассуждаете и всё без толку! а я вам скажу, дело вот в чём“, и в минуту решал дела, над которыми сановитые бояре долго ломали свои головы. Но накануне своей свадьбы, обсуждая с боярами, в каком платье венчаться его невесте, в польском или русском, Лжедимитрий после долгого и жаркого спора уступил своим советникам, которые стояли за старый московский обычай. При царе Алексее по утрам,

когда бояре с'езжались во дворец на заседания думы, правительственные занятия государя и его советников не прекращались даже в церкви. За обедней в удобные минуты государь продолжал выслушивать доклады, отдавал приказы, разговаривал о делах с боярами; последние также рассуждали друг с другом о делах, как будто сидели в думе. У цесарского посла барона Майерберга в его сочинении о Московии есть очень изобразительная и драматичная картинка одного заседания думы при этом царе, напоминающая сцену великого князя Василия с Берсенем. Когда в 1661 г. в Москву пришли вести о поражении русских Литвой, царь созвал думу, чтобы обсудить, что́ делать. Тесть царя Милославский вызвался стать во главе царских полков, обещая привести польского короля пленником в Москву. Вспыльчивый царь вышёл из себя от такого нахальства. „Ах, ты такой-сякой! с чего это ты взял хвастаться своим искусством в ратном деле? какие твои подвиги против неприятеля? смеёшься ты что-ль надо мной? пошёл вон отсюда!“ С этими словами Алексей вскочил с своего места, дал старику пощёчину, надрал ему бороду, пинками вытолкал его из палаты и захлопнул за ним дверь. Иногда местничество поднимало шум в думе. В 1651 г. на заседании при царе братья Пушкины, боярин и окольничий, принялись браниться с братьями князьями Долгорукими и били челом государю, что им меньше последних быть не можно, а князья Долгорукие били челом о бесчестьи, говоря, что Пушкины своим челобитьем их бесчестят. Или кн. И. А. Хованский, заносчивый и совсем сбросивший с себя узду после стрелецких мятежей 1682 г., прервёт спокойное течение думных совещаний, не стесняясь присутствием в палате обоих государей о чём ни приговорят бояре, против всего возражает „с великим шумом, невежеством и возношением“, не обращая внимания ни на Уложение, ни на государевы указы, либо примется вычитать свои службы и поносить свою братию бояр: и никто-де с такой славой и раденьем не служивал, как он Хованский, и никого среди бояр нет, кто бы ему

был в вёрсту, и государство-то всё стоит, пока жив он Хованский, а как его не станет, в Москве будут ходить в крови по колена, и не спасётся тогда „никакая же плоть“ *).

Так шли совещания думы в присутствии царя. Есть два любопытные описания боярского совета, заседавшего без государя. К сожалению, одно из них изображает думу при исключительных обстоятельствах междуцарствия, когда по низвержении царя В. Шуйского в Москве стояли поляки. Другой памятник изображает заседание думы в царствование Грозного, но также заседание не совсем обычное, по местническому спору и не в обычном месте. Когда польский предводитель Гонсевский ходил „в верх к боярам“ поговорить о каких-нибудь делах, ему у него на дворе и по дороге русские подавали множество челобитных. Гонсевский приносил все эти челобитные в думу; придёт и сядет, около себя посадит своих сторонников, Салтыкова, казначея Андронова, печатника Грамотина и других; думные дьяки прочитывали челобитные и помечали, чтó по каждой приговаривали Гонсевский с окружавшими его приятелями. Другим членам думы и не слышно было, чтó эта компания говорила и приговаривала. В 1579 г., когда царь был в походе и стоял с боярами в Новгороде, боярин кн. В. Ю. Голицын бил челом государю, прося рассудить его „в счёте о местех“ с боярином кн. И. П. Шуйским. Государь приказал думе разобрать дело. Заседание происходило в Разрядной избе. Первосоветником думы был тогда кн. И. Ф. Мстиславский; тут же сидели и оба местника, истец и ответчик. Думный дворянин А. Ф. Нагой пришёл и сказал боярам, что государь велел слушать дело сегодня же. Бояре сказали кн. Голицыну: „бил ты челом на кн. И. П. Шуйского о местах,

---

*) Царств. книга, 112, 339. А. А. Э. I, стр. 143. Сказ. соврем. о Дим. Самозв. I, 62 и 76. *Г. Забелина,* Дом. быт русск. царей, I, 292. *Майерберга* Путеш. в Московию, изд. Общ. Ист. и Др. Р. стр. 168. П. С. З. №№ 75 и 954.

и ты на кн. Ивана дай челобитную и ищи на нём, а мы вас слушать готовы". Кн. Василий иска не вчинал и челобитной не давал, а бил челом боярам, чтоб дали ему срок съездить домой „на подворье" и взять разрядные памяти, чем ему с кн. Иваном тягаться в отечестве. Кн. Иван в свою очередь бил челом боярам, чтоб они велели кн. Василью искать на нём и его с кн. Васильем судили, что отвечать против челобитной истца он готов. Бояре трижды приглашали Голицына подать челобитную о своём иске или искать без челобитной, о чём он просил на Шуйского. Кн. Василий отвечал на все эти „вопросы" бояр, что разрядные памяти, чем ему с кн. Иваном считаться, лежат у него на подворье, дали бы ему бояре срок съездить на подворье, а теперь он искать не готов. Кн. Иван также три раза бил челом боярам, что отвечать он готов, да кн. Василий на нём не ищет, и бояре велели бы его челобитье записать. Дав срок истцу, бояре перешли к другому очередному делу, тоже местническому спору, и слушали его до пятого часа ночи (до 9-го часа по нашему счёту, так как дело было в ноябре на вечернем заседании думы. Кн. Иван сидел в это время с боярами, и как дослушано было дело, поехал из Разрядной избы домой. Следом за ним стали разъезжаться и другие бояре: уехали Д. Годунов, сыновья первоприсутствующего и другие члены. Между тем кн. Голицын принёс боярам челобитную о счёте и бил челом, чтобы бояре по челобитной его с кн. Иваном судили в отечестве. Суд был отложен до другого заседания. На следующий день кн. Голицын в думе повторил своё челобитье боярам, а бояре опять потребовали у него челобитной. Голицын просил судить его по челобитной, какую подавал он государю на Шуйского в Пскове. Бояре опять три раза спрашивали Голицына, станет ли он искать и если станет, подаст ли челобитную об иске. Голицын на эти вопросы также отвечал просьбой, чтоб его судили по псковской челобитной и ту челобитную велели перед собой положить. Бояре ему в том отказали, прибавив, что готовы судить его и без челобитной, если он будет ис-

кать „словом“. Голицын изъявил готовность искать без челобитной словом и начал изустным изложением своей псковской челобитной *).

Люди XVII в. в своих рассказах о ходе дел в думе дают иногда случайные указания на партии, какие в ней образовывались, и на сторонние влияние, там действовавшие. В 1676 г. во время войны с Турками и Татарами отправлен был в Путивль боярин кн. В. В. Голицын в подмогу действовавшему в Малороссии кн. Г. Г. Ромодановскому. Возникал вопрос, действовать ли обоим главнокомандующим раздельно, самостоятельно, или Ромодановскому быть в товарищах у Голицына. Боярин кн. М. Ю. Долгорукий писал из Москвы Голицыну, что этот вопрос в думе ещё не решён, бояре „разделились пополам“; но ему чуялось, что Ромодановскому в товарищах не быть, „за него все стоят“, а о прибавке пехоты Голицыну он, кн. Долгорукий, старается и бьётся в том за него, сколько мочи у него есть, и насилу выпросил ему два стрелецких батальона. В 1677 г. Ромодановский поразил врагов на Днепре и ему хотели послать из Москвы шубу и золотые, а Голицыну не посылать, потому что он к бою не поспешил. Но матушка Голицына „о том крепко простаралась“, била челом боярину кн. Ю. А. Долгорукому и много раз посылала своего внука к боярину И. М. Милославскому о том же. От Долгорукого „крику было много“, зачём Голицын к Днепру не поспешил; однако он тоже „простарался“, и Милославский замолвил слово. Бояре приговорили послать к обоим командирам „со здоровьем и службы их в ровенстве милостиво похвалить“. Приговор был послан к государю в Троицкий поход на утверждение. В 1685 г. возник при Москоском дворе вопрос, мириться ли с поляками против татар, или с татарами против поляков. О том „держан был совет в палате“: царевна Софья и кн. Голицын, „с своею партией были той опинии

---

*) *Соловьёва,* Ист. Росс. IX, 56. Русск. Ист. Сб. Общ. Ист. и Др. Росс., т. II 1—4 и 57.

(opinion), чтоб мир с поляками подтвердить“, а кн. Прозоровский с другими боярами держался противного мнения. Полгода длилось разномыслие, и наконец согласились „алианс учинить“ с Польшей против Крыма *).

Ход обсуждения и решения общих законодательных вопросов не записывался так подробно, как излагались частные местнические тяжбы, которые решала боярская дума или её комиссия. Ведение протоколов думских заседаний или „списков государеву сиденью о всяком земском указе“ не было постоянным правилом. Выше изложены случайные записи некоторых совещаний думы, попавшие в летопись или в позднейший доклад дьяка, каков напр. был отрывок протокола прений, происходивших на заседании думы в 1679 г. по вопросу о питейной торговле **). Записывались только приговоры думы. По словам Котошихина, „на чём которое дело быти приговорят, приказывает царь и бояре думным дьяком пометить и тот приговор записать“. Приговоры помечались обыкновенно на самых делах, доложенных в думе или одному царю, и излагались либо кратко, в стереотипных выражениях, либо пространно, если решали сложное и необычное дело; те и другие облекались потом в форму указов ***). В 1690 г. в думе было постановлено, чтобы только думные, а не простые дьяки крепили именные указы, обык-

*) Временник Общ. Ист. и Др. Росс. X, смесь, стр. 31. Письмо *Боева* к кн. В. В. Голицыну в столбц. Моск. стола Разр. пр. № 1083. Арх. кн. *Ф. А. Куракина*, I, 52.

**) В царском архиве Грозного хранились только протоколы за январь 1568 г. См. выше стр 342. В мнении думы о войне с Польшей, поданном на соборе 1556 г., читаем, что бояре уже прежде говорили между собой об этом деле и что речи бояр, бывших тогда „в приговоре“, были записаны. Не видно однако, чтобы боярские речи записывались на каждом заседании. Соб. гос. гр. и долг. 1, стр. 548.

***) „Бояре приговорили“ или „государь указал, говоря с бояры: *дать грамота, выписать*, т. е. доложить со справками, *посадить в тюрьму, велеть пытать, отписать с похвалою или с опалой*“. Эта последняя помета на донесение воеводы о приходе татар под Сапожок облечена в указ, в котором писано: „И

новенно составлявшиеся на основании приговоров государя с боярами. Приговоры излагались в двоякой форме, в виде государевых указов, закреплённых „всех думных дьяков руками“, или помеченных каким-либо одним из этих дьяков. В указах первого рода излагались приговоры общего законодательного характера, касавшиеся одинаково всех правительственных ведомств; за пометой одного думного дьяка выходили указы более частного свойства, о которых ведать надлежало одному или нескольким приказам. В *закрепе* и *помете* выражалась неясная, нерешительно проведённая мысль древнерусского законодательства о различии между органическим законом и простым распоряжением верховной власти, между общим правилом и его применением к частным случаям. Трудно сказать, требовалось ли в XVI в. закрепление каких-либо приговоров руками всех думных дьяков: этого не заметно, может быть, по недостатку памятников того времени. И в XVII в. думские постановления общего, органического характера нередко помечались одним думным дьяком, чаще всего разрядным и из Разряда сообщались указами или „памятями“ прочим приказам *). С другой стороны, в 1665 г. по случаю пожалования боярского чина гетману Брюховецкому состоялся приговор бояр, по которому думные люди, назначенные сказывать боярство этому и впредь всем будущим гетманам, не должны ставить себе это в бесчестие и при местнических спорах писать „в случаи“; по указу, сообщённому в Разряд из собственной

ты дурак безумный, худой воеводишка! Пишешь к нам, что татарове к Сапожку приходят и людей побивают“ и проч. См. пометы и указы в I т. Актов Моск. государства, издан. Акад. Наук под ред. *Н. А. Попова*; грамота воеводе с опалой № 174.

*) В 1677 г. велено было в приказы, управляемые думными людьми, писать из Разряда указами, а в остальные памятями или простыми отношениями. В этом, кажется, выражалась мысль, что приказы первого рода имеют непосредственное отношение к государю и думе, а остальные сносятся с высшим правительством через посредство Разряда, как думской канцелярии. П. С. З. № 677. Иначе объясняет это *Дмитриев* в Ист. суд. инстанций, стр. 335.

канцелярии государя, из приказа Тайных Дел, „сию статью“, столь специальную на наш взгляд, велено было записать в книгу „впредь для утверждения и закрепить всех думных дьяков руками“. Однако можно заметить присутствие мысли, что всеми думными дьяками должны закрепляться устанавляемые высшим правительством правила наиболее основные и постоянные, касающиеся всех отдельных ведомств. В 1676 г. по докладу из Поместного приказа утверждён был думой ряд новых статей о поместьях; государев указ и боярский приговор об этих статьях велено было закрепить всем думным дьякам „для вечного укрепления, делать бы всякие дела по Уложению и по сим новым статьям“. В 1693 г. по поводу разбиравшейся в думе брани и драки бояр Шеина и кн. Ромодановского состоялся указ с изложением всего дела, закреплённый восемью думными дьяками: велено было во все приказы послать для ведома со всего этого дела памяти. Распоряжения более частного характера помечались тем или другим думным дьяком, смотря по ведомству, которого они касались, чаще всего дьяком разрядным, как главным секретарём думы по всем делам. Из разряда обыкновенно сообщались постановления думы и тем приказам, начальники которых не были членами думы. Из г. Яранска, подведомственного приказу Казанского Дворца, в 1601 г. прислана была отписка о растрате казённого имущества воеводой кн. Репниным. Дьяки приказа эту отписку „взносили в верх“, сказывали боярам. Выслушав отписку, бояре приговорили у кн. Репнина за воровство отобрать на государя вотчины, поместья и двор в Москве со всеми животами, а самого с женою и детьми сослать на Уфу и быть ему там „в ряд“, т. е. рядовым дворянином, лишённым чинов. Приговор помечен был думным разрядным дьяком Е. Вылузгиным, которым решение думы и было сообщено другим приказам, насколько оно касалось каждого: память о конфискации поместий и вотчин послана в Поместный приказ, об отобрании московского двора с движимостью на Земский Двор, главное полицейское управление столицы, а о

ссылке кн. Репнина на Уфу в Казанский Дворец. Кроме Разряда государевы указы и боярские приговоры сообщал приказам тот из них, который своим докладом вызвал постановление высшей власти, если начальник его был членом думы. В этом случае сам Разряд получал сообщение о боярском приговоре из другого приказа, если этот приговор его касался. Приговор думы о порядке гражданского судопроизводства, возбуждённый докладом, например, Судного Владимирского приказа, здесь записывался в книгу и сообщался отсюда в Разряд и в другие приказы, которые должны были переслать новое постановление в подсудные им города. Разряд сообщил всем приказам приговор думы 1682 г. о восстановлении прежнего названия Стрелецкого приказа, незадолго до того переименованного в приказ Надворной пехоты. Но тот же Разряд должен был разослать по городам грамоты о надзоре за московскими стрельцами, сосланными за беспорядки того года, и сообщить местным властям утверждённые думой и подписанные думными дьяками статьи о том, как стрельцы должны вести себя: указ об этом вместе с выпиской из статей сообщён был Разряду из Стрелецкого приказа. Впрочем иногда дела восходили в думу и шли оттуда путями не совсем для нас понятными, извилистыми и, может быть, случайными. В Стрелецком приказе производились между прочим расследования по уголовным делам в Москве. В 1691 г. по докладу Стрелецкого приказа дума приговорила одного иноземца к смерти за татьбу и другие лихие дела; этот приговор помечен был думным дьяком Казанского Дворца. Государь помиловал осуждённого, заменив смертную казнь кнутом и ссылкою; указ об этом был помечен думным дьяком Большого Дворца. По тому же делу привлечён был к следствию один торговец Серебряного ряда. Рядские старосты ходатайствовали перед государями за подсудимого; милостивая резолюция государей помечена на этой челобитной думным дьяком Поместного приказа *). После

*) П. С. З. №№ 1372, 375, 633, 634, 1460, 1349, 968, 1377, 975, 978, 1429. А. И. П, № 38, VIII, IX и XII.

Смутного времени московские бояре жаловались полякам, что во время владычества Гонсевского в Москве грамоты от имени думы писались по его воле, боярам приказывали прикладывать к ним руки, и они прикладывали. Подпись бояр под актами, излагавшими постановления боярской думы, была повидимому временной новостью, вошедшей в московскую правительственную практику вместе с другими новостями Смутной эпохи. Приказные акты первых трёх царствований новой династии оправдывают слова Котошихина, что „на всяких делах закрепляют и помечают думные дьяки, а царь и бояре ни к каким делам руки свои не прикладывают: для того устроены они, думные дьяки“.

Значение этой черты думного делопроизводства открывается при сопоставлении её с другой особенностью тогдашнего управления. Была еще своеобразная форма, в которой сообщались приказам постановления высшего правительства. Как государь иногда передавал свою волю всем боярам или начальникам отдельных ведомств изустно, „словом“, так точно и эти начальники сообщали своим приказам „государевым словом“, что государь приказал или приговорил с ними, боярами. В 1660-х годах думный дьяк Поместного приказа Караулов словесно сообщил своим подьячим государев указ не давать в поместья порожних пустошей в некоторых уездах, и подьячие не могли припомнить, в каком году это было. В этих чертах обнаруживается отношение думных судей к приказам, которыми они управляли. Принося „с верху“ закон, постановленный высшей властью, такой управитель являлся перед приказом не главой исполнительного учреждения, а составной единицей высшей власти, по указаниям которой это учреждение действовало. Руки к делам прикладывали исполнительные органы, которые на то „устроены“. Но думный человек, стоявший во главе приказа, был не исполнителем, а руководителем. В своём приказе он вёл дела вместе с товарищами, другими думными или с недумными людьми, составлял с ними присутствие, своего рода коллегию, заседавшую в особой присутственной зале, в

„казёнке, где сидят начальные люди“, как говорили в XVII в. В этой казёнке он был старший из товарищей, председатель коллегии, подчинённой думе; но в думной палате он был начальником своих приказных товарищей. Такое двойственное значение думных управителей приказов вызывало много неудобств и злоупотреблений, облегчало произвол судей, затрудняло надзор думы за ними. Впоследствии Пётр Великий восстановил это противоречие старого московского управления, когда ввёл в Сенат президентов коллегий, которыми он заменил древние приказы. Но он скоро увидел вытекавшие отсюда затруднения и сознался что „сие не смотря учинено“. Эти неудобства чувствовались и раньше. Важнейшие из старых приказов, как известно, имели территориальное значение, заведовали известными областями государства в некоторых или во всех делах. Английский капитан Перри, приехавший в Россию в 1698 г., ещё застал в Москве старые административные порядки. Знатные господа, стоявшие во главе важнейших приказов, показались ему владетельными князьями, пользовавшимися исключительным правом назначать правителей в города, подчинённые их приказам, а эти приказы были простыми канцеляриями таких господ, исполнявшими их распоряжения. В этих канцеляриях дела вели дьяки, которые время от времени отдавали отчёт своим начальникам; сами эти начальники даже редко приходили в свои приказы, чтобы выслушивать дела; подать жалобу на эти приказы в высшее место не было возможности *).

---

*) *Соловьёв,* Ист. Росс. IX, 57 по 2 изданию. А. Ист. I, № 154, X и XI. П. С. З. №№ 632 и 1306. *Джона Перри,* Состояние России, по изд. Общ. Ист. и Др. Росс. стр. 121.

ГЛАВА XXIII.

С конца XVII в. дума становилась тесным советом, действовавшим без государя.

К описанию устройства и делопроизводства думы прибавим очерк форм, какие она приняла в непродолжительный период своего разрушения.

Дума действовала не всегда в присутствии государя, но обыкновенно при государе, там, где он имел пребывание. Когда царь выезжал из Москвы, его обыкновенно сопровождало в „походе“ большинство наличных его советников. Некоторые оставались в Москве, по словам Котошихина, „для приказных дел“: это были думные начальники важнейших приказов. Кроме того „в верху“ на государевом дворе оставляли Москву ведать и царский двор оберегать несколько членов думы со стольниками, стряпчими, дворянами московскими и дьяками, которые по очереди дневали и ночевали во дворце с оставленными боярами. По свидетельству Котошихина, эта верховая или надворная комиссия составлялась из одного боярина, двух окольничих, двух думных дворян и из думных дьяков, следовательно не менее как из 7 членов. Но по разрядным книгам XVI и XVII в. ни численный, ни чиновный состав её не отличался таким постоянством и однообразием: она составлялась из 4, 6, 8, даже 11 членов, из нескольких бояр с окольничими, думными дворянами и дьяками, но иногда без думных дворян. В этой временной малой думе, как можно назвать её, иногда участвовал в качестве председателя высший иерарх Русской Церкви. В 1547 и 1548 г., когда царь ходил в поход на Казань, в Москве оставлены были удельный князь Владимир Андреевич и 6 бояр и окольничих; им, как сказано в разрядной книге, „во всех своих делах велел царь приходити к митрополиту Макарию“. Ход высшего управления в отсутствие царя под руководством патриарха можно хорошо рассмотреть по уцелевшим актам 1654 года, хотя это

был исключительный, смутный год. Началась война с Польшей, и сам царь с боярами пошёл в поход. В Москве государь оставил кн. М. П. Пронского с пятью думными товарищами. Будучи сама временным правительством, эта комиссия была подчинена ещё высшему временному правительству, которое состояло из царицы, царевича и патриарха Никона и которое притом по случаю морового поветрия также уехало из Москвы. Кроме текущих дел кн. Пронской с товарищами исполняет разнообразные требования царя, вызванные войной, собирает и высылает в действующие армии людей, деньги и припасы, усмиряет поднявшееся в столице движение против Никона, принимает меры против заразы; обо всём, что делается в Москве, он обязан ежедневно писать высшему временному правительству, т. е. патриарху. На запросы комиссии, как поступить в том или другом случае, патриарх именем царицы и царевича даёт указы, но по некоторым делам сам обращается к царю, прося указа. Впрочем и комиссия непосредственно сносится с царём помимо Никона. Киевляне ходатайствовали о подтверждении прав, данных их городу прежними польскими королями. Царь указал рассмотреть их челобитье патриарху с комиссией, которой челобитчики представили свои статьи. Комиссия просила царя указать ей, чем руководствоваться при обсуждении статей. Царь указал утверждать статьи, согласные со старыми польскими актами, представленными Киевом, и с правами, прежде данными г. Переяславлю, а о новых правах, каких будут просить киевские послы, писать государю. По спискам статей можно видеть, как шло их обсуждение в комиссии. Статьи читались боярам два раза. При первом чтении они приговаривали о каждой статье справиться с прежними королевскими „привилиями“ или с жалованной переяславской грамотой и быть по прежнему. Дьяк наводил справки и против некоторых статей делал пометы на полях в виде проекта резолюции или основания для неё. При втором чтении бояре обыкновенно приговаривали быть так, как помечено на поле. Затем статьи рассматривал патриарх и по каждой

произносил свой указ, большею частью утверждавший боярский приговор, иногда изменявший его. Жалованные грамоты, составленные по этим приговорам, были посланы к государю для их окончательного обсуждения и утверждения в думе всех бояр. В XVII в. временные верховые комиссии обыкновенно заседали в Столовой или Золотой палате. Уезжая недалеко, царь иногда брал с собою немногих бояр. Тогда дума сидела без него за „служивыми и приказными делами", или царь приезжал на её заседания, как делал Фёдор, живя в селе Воробьёве. Чаще дума заседала „в походе" при государе, даже в очень тесном составе: в 1674 г. раз в Преображенском царь сидел „о всяких делах" только с 13 членами думы. Управители приказов, остававшиеся в Москве, должны были приезжать „в поход" к государю для сиденья или с докладами для вершения всяких дел в известные дни недели, обыкновенно 3 раза. Котошихин говорит о верховой комиссии бояр, что кроме оберегания царского двора и Москвы, если „случатся какие дела из полков или из городов, и они те дела кроме тайных, смотря, посылают царю в поход, а по иным делам указ чинят, не писав к царю, по которым мочно". По разрядам и актам также видно, что коммиссия служила посредницей между исполнительными учреждениями и государем с думой, бывшими в походе. Чрез неё шли указы государя; ей докладывали приказы текущие дела; в тяжбах она допрашивала стороны и произносила приговоры, пересылая к царю дела, которых не могла вершить. В 1674 г., по случаю убийства старосты Серебряного ряда, рядцы били челом коммиссии об аресте убийц. Председатель послал „с верху" стрельцов взять убийц в Стрелецкий приказ и там распросить, потом по докладу приказа велел отвезть дело с распросными речами в Преображенское, где царь слушал его с боярами и послал коммиссии указ пытать преступников в Стрелецком приказе. Решение частных дел коммиссия подобно думе сопровождала общими законодательными постановлениями, которые потом докладывались думе. В Смутное время М. Г. Салтыков пи-

сал, что при прежних государях, „коли они в отъезде бывали, без них государей бояре на Москве поместья давали“. Однако отношения комиссии к думе не вполне ясны. Многие дела из приказов шли прямо в думу мимо комиссии. В 1675 г. велено было приказным судьям ездить с докладными делами для вершенья к государю в Преображенское и вместе с тем „спорные дела взносить к боярам“,—к каким в комиссию ли, или в думу, решить трудно. Вероятнее в комиссию, которая и после, став постоянной, служила преимущественно инстанцией в спорных делах. Но трудно догадаться, с какими докладными делами приказы обращались прямо в думу, хотя несомненно в числе их были дела, которые рассматривались, но не вершились комиссией. Когда дума оставалась в Москве без государя, она не собиралась правильно каждый день. Комиссия, ведя текущие дела, тогда была посредницей между ней и государем и созывала бояр, когда являлось экстренное дело, которое государь указывал обсудить в думе *).

При царе Алексее, во время частых отлучек государя с двором из столицы, членами комиссии иногда в продолжение целого года бывали одни и те же лица, так что эта верховая комиссия становилась привычным местом, где разбирались и решались некоторые текущие, именно тяжебные дела, восходившие из приказов „вверх“ к боярам. Благодаря тому временная малая дума превратилась постепенно и незаметно в постоянное судное отделение думы, в судебный департамент государственного совета, образовавший новую инстанцию между приказом и думой. Так возникло первое и единственное постоянное отделение думы, привыкшей до того времени выделять из себя лишь временные комиссии. Обременение

*) *Котоших*. 25. Разр. кн. в Моск. Арх. мин. ин д. № 80/131, л. 200, 208, 229. Дв. Разр. III, 22, 63, 56, 124, 413, 1045, 1109, 1095, 1409, 1111, 1119, 1389, 1392. Разр. книга в Синб. Сборнике *Валуева*, стр. 16. Доп. к Акт. Ист. III, № 119. Акты Южн. и Зап. Росс. X, 615—654. А. И. II. 363. Столбцы Пом. прик. в Моск. Арх. мин. юст. по г. Рязани № 15, дело № 14. П. С. З. №№ 128, 129 и 325.

думы множеством частных дел несомненно было главным побуждением, вызвавшим это нововведение. Оно совершилось уже в царствование Фёдора Алексеевича. Новое учреждение получило название *Расправной Золотой* или *Разрядной* палаты. В дворцовых разрядах 1681 г. читаем, что 9 мая государь указал нескольким думным людям „у росправных дел и как он, великий государь, изволит быть в походех, быти на Москве с боярином со кн. Н. И. Одоевским в товарищах"; далее названы 9 бояр, окольничих и думных дворян, по 3 человека каждого чина, и 12 думных дьяков, которым *всем* велено быть на Москве в товарищах у кн. Одоевского. Этот боярин и прежде в разные годы много раз бывал председателем временной правительственной комиссии в отсутствие государя. Кажется, превращение этой комиссии в постоянное судное отделение думы совершилось несколько раньше мая 1681 г. Уже в марте 1681 г. этот же боярин с товарищами слушал докладную выписку из Поместного приказа и по ней приговорил отобрать поместье у одного служилого человека и передать другому. Даже ещё раньше в январе того же года, когда в Поместном приказе была составлена для доклада выписка, касавшаяся порядка исков и челобитий о поместных дачах, этот доклад по государеву указу слушал и приговор по нему постановил боярин кн. Н. И. Одоевский с товарищами, хотя государь с боярами, как видно по дневным запискам государевых выходов, находился тогда в Москве *). Это учреждение действовало до 1694 г. В августе 1681 г. боярам, окольничим и думным людям, которые сидели „у росправных дел в Золотой палате" с кн. Н. И. Одоевским в това-

*) Дворц. Разр. IV, 187. П. С. З. №№ 967 и 1264. Выходы царей, стр. 697. Составитель статьи о приказах в Др. Росс. Вивлиофике (XX, 312) читал в записных книгах, что уже 8 марта 1680 г. царь указал сидеть в Золотой палате за расправными делами боярам, окольничим и думным людям из разных приказов. 8 марта 1680 г. царь был в отлучке, а на Москве оставлена была обычная временная комиссия из 5 членов. Дв. Разр. IV, 140.

ритах, было указано, чтобы те из них, чьи дела будут слушаться в палате, на то время уходили из присутствия. Во время смут 1682 г. члены палаты, в отсутствие государей оставленные в Москве на государевом дворе для расправных дел, „от шатости многих людей унимали“. Состав палаты был довольно изменчив: часто сменялись председатели, ещё чаще их товарищи; некоторые из тех и других по нескольку раз вступали в палату. Обыкновенно она составлялась из людей всех четырёх думных чинов, что давало ей вид малой думы; только членов в ней не бывало уже так много, как в 1681 году: в палате сидело иногда 12—13 членов, иногда менее. При ней образовалась канцелярия с думными и простыми дьяками. Кроме кн. Н. И. Одоевского видим во главе палаты кн. Голицыных, П. В. Шереметева, кн. Я. Н. Одоевского, кн. М. Я. Черкасского; только при двух последних председателях в 1689—1693 гг. состав палаты начал было приобретать некоторую устойчивость, и члены её не сменялись так часто, как прежде. Палата сохраняла прежнее двойственное значение: при государе она рассматривала и решала спорные дела из приказов, а когда высшее правительство отлучалось из Москвы, она замещала думу по текущим делам управления и для этого на государевом дворе оставляла её председателя с товарищами, „которые с ним у росправных дел“ или „с ним в Росправной Палате“. Татищев придаёт ей ещё более важное законоподготовительное значение, говоря, что в неё „определены были люди знатные и в приказных делах сведомые, которые все не решимые по Уложению дела рассматривали, законы исправляя или вновь сочиняя, во общем собрании сената (боярской думы) решали“. Это известие поддерживается упомянутым выше приговором палаты по докладу о поместных дачах *).

*) П. С. З. № 825. Др. Вивл. XX, 439. Дв. Разр. IV, 198, 211, 228, 236, 247, 390, 483, 623, 693, 731 и др. *Татищева*, Разговор о пользе наук и училищ, изд. *Н. Поповым*, стр. 152. Здесь учреждение Расправной палаты отнесено ко времени составления Уложе-

К тому времени, когда „марсовы потехи“ царя Петра готовы были стать „настоящим делом“, выработались довольно разнообразные формы, в которых обнаруживалась деятельность боярской думы. Она заседала с государем или без него, в присутствии одного патриарха или с участием всего Освящённого собора высшего духовенства. Постоянное отделение думы разбирало частные дела по челобитьям, восходившие к боярам из приказов; по временам государь призывал к себе в ближнюю думу некоторых бояр для обсуждения тайных дел, которые не докладывались думе „всех“ бояр или общему собранию совета; в случае надобности из членов думы составлялись временные тесные комиссии для разных поручений, для „ответа“ или переговоров с иноземными послами, для суда по местническим делам. С 1694 г. высшее правительство постепенно изменяется; но ход изменения не вполне ясен. Прежде всего становится незаметна деятельность Расправной палаты. Изредка во время отлучек государя остается на его дворе в Москве попрежнему то десять думных людей, то не более трёх; но не видно, чтобы эти люди и при государе постоянно находились „у росправных дел“. По изданному в марте 1694 г. указу скорее можно заключить, что особой Расправной палаты при думе уже не существовало. Этим указом предпи-

ния. Можно догадываться о поводах к такому мнению: 1) в редакционной комиссии, составлявшей Уложение, председательствовал тот же кн. Н. И. Одоевский, который был первым председателем Расправной палаты; 2) тот же кн. Одоевский и его думные товарищи по кодификационной комиссии, князья С. В. Прозоровский и Ф. Ф. Волконский, вместе с думным дьяком М. Волошениновым, не входившим в состав этой комиссии, по разрядным записям 157 г., когда составлялось Уложение, несколько раз являются с значением надворной комиссии, остававшейся в Москве подобно Расправной палате во время отлучек царя из столицы; 3) в том же составе эта надворная комиссия по указу государя производила сыск и допрос по частным обвинительным челобитьям, даже с правом пытать обвиняемых. Р. Ист. Библ. Археогр. Комм. X 413—423. Чтения в Общ. Ист. и Др. Р. 1887 г., кн. III: *А. Зерцалова.* Новые данные о земск. соборе 1648—1649 г., стр. 50 и сл.

сано было судные дела по докладам из приказов и по челобитным слушать у государей „вверху в Передней бояром и думным людем *всем*". В Золотой палате нет уже судебного присутствия: частные лица высших чинов только приносят сюда свои челобитные на имя государей; думные дьяки принимают эти челобитные и взносят „в верх к бояром". В феврале 1770 г. велено было все дела, которые „в прошлых годех" по частным челобитьям внесены были из разных приказов в Расправную палату „к боярам для рассматривания", разобрать и раздать в приказы, откуда они были взяты, при чем замечено в указе, что „в прошлых годех" в этой палате были думный дьяк Никифоров и „думный советник" Возницын, а они в последний раз упоминаются в составе палаты в 1694 г. Расправная палата является здесь учреждением, давно переставшим действовать, от которого остался только архив. Но вскоре она повидимому была восстановлена или было учреждено нечто на неё похожее. В марте того же 1700 г. „государь указал на Москве на своём государеве дворе быть и дела ведать, какие прилучатся", бывшему и прежде не раз во главе надворной коммиссии боярину кн. И. Б. Троекурову с двумя товарищами, окольничим и думным дьяком. В конце 1706 г. „государь указал на Москве быть и в палате росправные дела ведать боярину кн. Мих. Алегук. Черкасскому с товарищи". Долго ли действовали обе эти коммиссии и была ли вторая непосредственной преемницей первой, неизвестно. Позднее, в 1730 г. Сенат вспомнил, что до учреждения губерний „на неправое вершение били челом в Расправной палате". Таким прерывистым, трудно уловимым существованием палата дожила до Сената, при котором она также образовала особое судное отделение с тою разницей от прежнего думского, что теперь её члены, „расправных дел судьи", не были из сенаторов: некоторые сенаторы только присутствовали в палате, решая дела вместе с этими судьями *).

*) П. С. З. № 1491. Дв. Разр. IV, 877, 893, 898, 900, 904, 1123 и 1127. *Неволина*, Сочинения, VI, 213. *Г. Петровского*, О Сенате,

С другой стороны, и деятельность всей думы принимает необычные формы. Бывали случаи, когда боярский совет, судя по редакции состоявшихся в нём приговоров, действовал совершенно постарому, собирался в присутствии государя и слушал приказные доклады, давая на них свои ответы. Так в 1699 г. по докладу из Стрелецкого приказа состоялся „государев указ и боярский приговор", чтобы купчие и другие крепости писались в Москве не на Ивановской площади, как прежде, а в приказах добрыми подьячими. В 1700 г. Судный Московский приказ докладывал о множестве челобитчиков, которые ищут бесчестья, придираясь к словам. Государь, „сей выписки слушав", указал и бояре приговорили таким челобитчикам отказывать, а с их исков брать двойные пошлины *). С 1682 г. идёт усиленная борьба придворных партий—Милославских и Нарышкиных, правящих классов—худородных дельцов и угасающей боярской знати, политических направлений—старины и реформы. В этой тройной перекрёстной борьбе прежние органы управления незаметно перестраивались, новые дельцы подбирались не по прежним признакам. Свояк Петра Великого кн. Б. И. Куракин довольно живо изображает один момент этого перелома, когда после „мудрого правления" царевны Софии настало „весьма непорядочное" правление царицы Натальи. Брат её боярин Л. К. Нарышкин стал как бы первым министром, к которому „все министры принадлежали и о всех делах доносили", хотя он значился лишь начальником Посольского приказа. Независимо держались только начальник

---

251. Др. Р. Вивл. XX, 394. Записн. кн. указ. Пом. прик. в Моск. Арх. мин. юст. № 16, л. 78. Здесь в изложении сообщенного из Разряда указа о назначении кн. Черкасского (19 февр. 1707 г.) прибавлено: „а о послушании (исполнительном приговоре) в делах, о которых он боярин кн. Мих. Алегукович с товарищи пришлет, чинить по его вел. государя указу". Статья *А. Голубева* о Расправной палате при Сенате в Опис. докум. и бум. Моск. Арх. мин. юст. V, отд. II, 112.

*) Дворц. Разр. IV, 1138 и 1132. Ср. П. С. З. №№ 1625, 1714, 1732, 1804.

Разрядного приказа Т. Х. Стрешнев да судья Казанского дворца кн. Б. А. Голицын, который правил низовым Поволжьем „так абсолютно, как бы был государем“. Остальные бояре первых фамилий были „без всякого повоира (pouvoir), в консилии или в палате токмо были спектакулями“. При жизни матери Пётр мало входил в дела правления; после он находился почти в постоянной отлучке. Между ним и боярским правительством, остававшимся в столице, стали доверенные посредники, которые, даже не нося думных чинов, оказывали сильное давление на думу и принимали прямое участие в её занятиях. Да и сама боярская дума пустела всё более: с начала Северной войны, вызвавшей напряжённую деятельность правительства на границах, всё больше думных людей выбывало из столицы, чтобы командовать полками, управлять областями, смотреть за постройкой кораблей и т. п. Притом самый правительственный центр раздвояется: возникает новая столица со своими особыми центральными учреждениями. Наконец, изменяются формы и язык правительственных актов, учреждения получают новые необычные названия. Среди всех этих перемен становится трудно разглядеть, что делает боярская дума и что с ней делается. Следя за ней по актам Полного Собрания Законов, можно подумать, что её деятельность падает. С 1696 г. приговоры этого учреждения, прежде всем руководившего, разрешавшего все приказные недоумения, делаются малозаметным, редким явлением; на место боярских приговоров в актах становятся именные указы и высочайшие резолюции. Но деятельность думы не падает, а только изменяется вместе с языком думного законодательства при новом складе отношений и понятий. Из учреждения законодательного, вырабатывавшего нормы государственной жизни под руководством или по поручению государя, дума всё более превращается в учреждение распорядительное, ответственно обязанное принимать меры для исполнения воли законодателя. Начинает выходить из употребления и прежняя обычная формула „государь указал и бояре приговорили“. Один

иностранец, писавший много лет спустя по смерти Петра, описывая первые годы его царствования, говорит даже, что ещё до стрелецкого мятежа 1698 г. Пётр „отменил старинный образец, по которому в законах и указах упоминалось о согласии бояр“. Важнейшие экстренные дела, как и многие из текущих, теперь, как и прежде, разрешались при участии бояр. После того как в Преображенском был произведен розыск о заговоре Циклера с товарищами в 1697 году, обнародовано было, что государь, „со всеми бояры слушав“ того дела, указал виновных казнить смертью. Из рассказа современника видно, что государь созывал в Преображенское для суда над злоумышленниками всех бояр, окольничих и „палатных“ людей. По свидетельству английского капитана Перри, отправляясь в том же году за границу, Пётр поручил управление государством Л. К. Нарышкину, кн. Б. А. Голицыну и кн. П. И. Прозоровскому, дав им обширные полномочия, „полное управление делами“: это скорее полномочное регентство или временное правительство, чем надворная коммиссия с ограниченною компетенцией. Москва приказана была ближнему стольнику кн. Ф. Ю. Ромодановскому, а всем боярам и судьям, по словам того же кн. Куракина, велено было „прилежать до него, Ромодановского, и к нему с'езжатися всем и советовать когда он похочет“. *Стольник* стал председателем боярской думы! Но другой русский современник Матвеев прибавляет, что сановникам, которым поручено было всё государственное правление, велено было „о приключившихся важных делах“ сноситься и советоваться со старыми боярами, тогда находившимися в Москве. Когда в отсутствие царя вспыхнул стрелецкий мятеж, в Москве, по словам Матвеева, бояре, „сколько их прилучилось“, собрались во дворец и „в учинённой своей думе определили“ послать Шеина и Гордона против мятежников. Это подтверждается и рассказом Корба, тогда находившегося в Москве: во время стрелецкого мятежа у него действуют „все бояре“, по нескольку раз в день собираясь на совещание. По возвращении Петра, „на совещание отко-

сительно войны и мира“ 1 и 2 января 1699 г. царь созвал к себе в Преображенское также всех бояр. Но задолго до того на обеде у Лефорта иностранным послам удалось видеть конец одного совещания царя с боярами. Царь явился на обед с боярами прямо с заседания и за столом продолжал прерванное обсуждение дел. Иностранцам показалось это совещание похожим скорее на ссору по горячности и упрямству, с какими бояре отстаивали перед царём свои мнения, так что раздражённый царь дал волю не только своим словам, но и рукам. В именных указах 30 января 1699 г., которыми вводилось городское самоуправление, нет и намёка на участие боярской думы в этой важной реформе. Но в сочинении упомянутого капитана Перри находим любопытный рассказ о борьбе, среди которой родился закон об этом „ратушном правлении“. Задумав увеличить казённые сборы с промыслов и торговли и уничтожить злоупотребления воевод и приказных людей, Пётр созвал „торжественное собрание“ бояр и предложил им новый порядок управления торговыми и промышленными людьми, устранявший от того воевод и приказных управителей. Это предложение взволновало советников. Они возражали царю, что честь собирать царские доходы, как знак особого доверия, доселе всегда принадлежала дворянству, и умоляли царя не делать им такого всенародного оскорбления, отнимая у них этот знак и отдавая его в руки мужиков и холопов, мирских выборных бурмистров, недостойных стать на ряду с ними, боярами и высших чинов служилыми людьми. Бояре предлагали с своей стороны несколько других проектов для достижения предположенных Петром целей. Не получив согласия царя, они просили его по крайней мере назначить несколько знатных людей в главную московскую ратушу, от которой зависели по казённым сборам выборные бурмистры других городов. Царь стоял на своём и бояре уступили, заметив, что его начинали раздражать их возражения. Тот же капитан из своих московских наблюдений вынес то общее впечатление, что царь, занимаясь более всего делами военными и построй-

кой кораблей, предоставлял вести государственное хозяйство своим боярам. Слова Перри относятся ко всему первому десятилетию XVIII века *). Сохранившиеся памятники законодательства тех лет и громадная переписка Петра подтверждают это наблюдение. Здесь находим многочисленные следы, показывающие, что до самого учреждения Сената в начале 1711 г. боярский совет руководил внутренним управлением в Москве, между тем как царь, действуя вне столицы, вёл свои важные дела войны и внешней политики. Но продолжая прежнюю деятельность, боярская дума сама не осталась прежней: изменились и её состав, и обстановка её деятельности.

Как и прежде, боярская дума при Петре не имела постоянного места заседаний. Она собиралась то в Столовой палате дворца, то на Генеральном дворе в Преображенском. Но всего чаще она заседала в *Ближней канцелярии*, так что именем этого присутственного места иногда называлась и самая дума. Но эта была не дума, а только её канцелярия. Она повидимому находилась также в кремлевском дворце, судя по тому, что Пётр в одном письме к Ромодановскому называет её *Верхней* канцелярией. Кн. Б. И. Куракин оставил известие об учреждении и назначении этой канцелярии. Из его автобиографии узнаём, что в 1699 г. „сделана Ближняя канцелярия под судом (начальством) думного дворянина Никиты Зотова, в которую должна была доставляться „со всех приказов по вся недели ведомость, что где чего в приходе, в расходе и кому что должно на что расход держать“. Словом, новая канцелярия должна была

---

*) Архив кн. *Ф. А. Куракина*, I, 63. *Фоккеродт* в переводе г. *Шемякина*, стр. 26 (Чт. в Общ. Ист. и Др. Р. 1874, кн. II). *Желябужский* у *Сахарова* в Записках русск. людей, стр. 48—52: ср. П. С. З. № 1575. *Матвеев* там же, стр. 60 и 61. *Корба*, Дневник, 209, 123 и 113. П. С. З. №№ 1674 и 1675. *Перри*, Состояние России, изд. Общ. Ист. и Др. Р., стр. 100, 123—125, 161 и 162. *Устрялова*, Ист. царств. Петра В. III, 11. Ср. также указ 27 окт. 1699 г. в П. С. З. № 1705 с рассказом о том Желябужского, стр. 65.

ведать „всего государства весь расход с оклады и приходы и все расходы с оклады и без окладов“. Очевидно, в новом учреждении восстановлялся *Счётный* приказ, действовавший при царе Алексее и ведавший, по словам Котошихина, „приход и расход и остаток по книгам“ всех приказов и областных управлений. Это подтверждает и сам Куракин, замечая в другом своём сочинении, что всем боярам „определено было съезжаться на дворец в приказ Счетной, где сидел Никита Зотов“. Немного позднее это учреждение становится известно и по сохранившимся документам: указом 14 марта 1701 года велено было доставить в Ближнюю канцелярию из всех приказов подробные ведомости с 1 января того года об управляемых ими людях и зданиях, о собираемых ими доходах, об имеющихся у них казённых запасах и суммах. В 1702 г. в этой канцелярии были уже дьяки, подьячие и сторожа. Из этой канцелярии рассылались по приказам распоряжения высшего правительства. В 1705 г. велено было в Ближней канцелярии завести особую книгу, куда бы заносились „по числам“ все именные указы, состоявшиеся по докладам из приказов. Со введением губернского управления указано было присылать в Ближнюю канцелярию из губерний и приказов третные и годовые ведомости о доходах и расходах. Эти ведомости, как и книга для записи указов и приговоров, требовались для того, чтобы государь мог следить за течением финансов и исполнением законов, „чтоб о том ему, великому государю, было известно всегда“. Каждый приказ в свою очередь должен был немедленно сообщать Ближней канцелярии обо всех высочайших распоряжениях, им полученных. Сюда же призывались начальники приказов для выслушания государевых повелений. В то же время в приказных бумагах Ближняя канцелярия значилась на первом месте в ряду московских приказов *). У канцелярии было свое очень важное ведомство,

*) П. С. З. №№ 2155, 2250, 2270, 2172, 2091, 2022, 2239. *Желябужский* в указ. издании, стр. 66. Письма к Ромодановскому в

своё особое присутствие, состоявшее из генерал-президента её думного дворянина и печатника Никиты Моисеевича Зотова „с товарищи“, которые, слушая дела, давали приказы по своему ведомству. Не известно, когда начали бояре съезжаться в Ближнюю канцелярию „в конзилию“,—может быть, с первых же пор её деятельности. Но Ближняя канцелярия не то же, что эта боярская „конзилия“, собиравшаяся и в других местах. Ближняя канцелярия была канцелярией, т. е. особым приказом. Но когда совет бояр начал в неё съезжаться, он стал пользоваться ей, как своей канцелярией. Её президент Зотов подписывал для доклада челобитные, обращенные к боярам, закреплял своей рукой „с ведома бояр“ докладные выписки, по которым состоялись боярские приговоры; из Ближней канцелярии рассылались по приказам даже приговоры бояр, состоявшиеся не в ней, а например в Преображенском на Генеральном дворе. Появление этой особой ближайшей канцелярии думы было естественным последствием перемены, совершившейся в центральной приказной администрации. Вместе с изменением старого значения думного дьячества и дьячьи приказы превратились в боярские: приказы Посольский, Поместный, Казанский во второй половине XVII в. управлялись уже боярами и другими высшими думными чинами, из отделений думской канцелярии превратились в особые ведомства, руководившие отдельными отраслями управления. Эта перемена коснулась и Разряда; он только позже других, уже при Петре, стал боярским приказом, хотя и не освободился от некоторых обязанностей, напоминавших, что он был первым отделением думской канцелярии: начальник его боярин Т. Н. Стрешнев попрежнему приказывал записывать в книгу

Русск. Арх. 1865 г., 651. Сборн. выписок из архивн. бум. о Петре В., II, стр. 177 и 299. Ср. *Котошихина* 96 и Архив кн. *Ф. А. Куракина* I, 258 и 77: по хронологической распланировке автобиографии учреждение Ближней канцелярии отнесено к 1698 году, но поставлено в ряду событий 1699 г: автобиограф забыл год, но помнил хронологический порядок событий.

и объявлял к исполнению государевы указы и боярские приговоры по разным ведомствам. Но когда Петр, взяв военное дело в свои руки, возложил государственное хозяйство вместе с заботами о снабжении армии на центральное управление с боярской думой во главе, Ближняя канцелярия, как орган государственного контроля, естественно получила значение главной канцелярии думы *).

Но совет, собиравшийся в Ближней канцелярии, был уже только обломком прежней боярской думы как думная знать того времени была обломком старого боярства. О боярах 1699 г. Корб замечает, что из них немногие присутствовали в думе, потому что многие не находились при дворе, а управляли провинциями. По списку 1705 г. из 59 бояр, окольничих и прочих думных людей, не считая дворцовых сановников, в Москве находилось всего 28. По списку 1708 г. значилось членов думы 51 человек, также не считая 5 сановников придворных, кравчих, стряпчих с ключом, постельничего, которые бывали думные и недумные. В сентябре 1708 г. в Ближней канцелярии дума утвердила жалованную грамоту новопосвященному митрополиту Иоасафу на киевскую митрополию. На этом заседании присутствовали председатель царевич Алексей и 14 членов, в большинстве президенты разных приказов; четверо из них не имели думных чинов. В ноябре того же года дума собралась в Ближней канцелярии так же под председательством царевича и слу-

---

*) Ближняя канцелярия не была закрыта и по учреждении Сената с его канцелярией, к которой перешли её дела, как думской канцелярии. Когда Сенат взял на себя высший финансовый надзор, Ближняя канцелярия помогала ему в этом деле: ей поручалась ревизия приказов и канцелярий по приходам и расходам; приходо-расходовые ведомости присылались как в сенатскую, так и в Ближнюю канцелярию; в 1714 г. ей поручено было счесть приход и расход всех учреждений за 1710—1713 года, чего не удалось сделать Сенату. Др. Р. Вивл. XX, 125, 129 и 404. П. С. З. №№ 2763, 2458 и друг. Статья г. *Токарева* о Ближней канцелярии и опись её документов в Описании докум. и бумаг Моск. Арх. Мин. Юст. V, отд. II, 43—102.

шала „настоящих из приказов докладных дел“, а потом в Успенском соборе присутствовала при молебне о победах над Шведом и при торжественном проклятии изменника гетмана Мазепы: при царевиче было в церкви всего восемь человек думных чинов. Этим подтверждается сообщение, сделанное агентом венского двора в Москве Плейером в 1710 г. Боярская дума в это время была так непохожа на прежнюю, что казалась Плейеру новым учреждением Петра. Тайный совет, как называет он эту новую думу, состоял всего из восьми членов. Все они управляли отдельными ведомствами центральной администрации, приказами Разрядным, Сибирским, Монастырским и др. Следовательно это были всё сановники, которые по делам службы и независимо от своих думных занятий должны были оставаться в Москве. Так дума сама собою превратилась в довольно тесный совет министров: *министрами* и называются члены этого тесного совета в письмах Петра и в актах того времени. Оставаясь постоянным руководящим учреждением, этот тесный совет министров становился более прежнего изменчивым по составу. Ускоренная гонка, как можно назвать деятельность правительства в те годы, то-и-дело уносила Петра и его советников из столицы. В первое время по возвращении из-за границы в 1698 г. Пётр, увозя с собою бояр в Воронеж или куда-нибудь, по старому обычаю оставлял в Москве коммиссию думы, который приказывал „на своём государеве дворе быть и дела ведать, какие прилучатся“. Но потом и сама дума или „консилия“ министров превращается в такую же коммиссию или в Расправную палату с тем значением, какое имела она в отсутствие государей при царе Феодоре и во время двоевластия. Иногда и при царе в Москве оставалось на лицо очень немного советников, которым он на совещаниях спешил раздать поручения по ведомству каждого в виду скорого отъезда; уезжая, он вверял этим наличным боярам главное руководство текущими внутренними делами „с общего совету“. В первых числах января 1706 г. Пётр был в Москве. В его *Записных тетрадях* этот год открывается

заметкой: „Указано, когда были съезды в Преображенское на капитанский двор боярам (именно Стрешневу, Головину, кн. Голицыну, Апраксину—и только), и сия тетрадь записная, что им приказано". 13 января Пётр скакал уже в Гродно к своей армии, угрожаемой Шведами. С дороги он писал действовавшему против астраханских мятежников Шереметеву, чтобы он за всем обращался в Москву к Головину „и прочим, которым я по отъезде своём вручил дела". При прежних царях в случае надобности и недумные начальники приказов входили в думу с докладами. И теперь важные отрасли центрального управления были в руках людей доверенных, но не имевших думных чинов. Тесному кружку бояр, остававшихся в Москве, Пётр предоставлял приглашать в свою консилию и из этих людей, кто им был надобен. По поводу того же астраханского бунта царь с дороги напоминал Головину с товарищами: „будучи на Москве, приказывал я, чтобы за тем и прочими делами трудиться вам и прочим, кого возьмёте к себе". Этим объясняется появление людей с недумными чинами в списке членов думы 1710 г. у Плейера. Таковы были кн. Ф. Ю. Ромодановский, Ю. С. Нелединский-Мелецкий, М. А. Головин и А. А. Курбатов. Первый управлял Преображенским приказом и был могущественным лицом в центральной администрации. В одном письме 1707 г. Пётр приказывает ему известные дела делать „с общего совету с боярами"; но кн. Ромодановский и в 1711 г. носил недумный чин ближнего или комнатного стольника. Нелединский, товарищ боярина Т. Н. Стрешнева по Разряду и Конюшенному приказу, имел чин только рядового стольника, как и Головин, судья Ямского приказа, а Курбатов, бывший дворовый боярина Шереметева и потом за проект гербовой бумаги ставший простым дьяком Оружейной палаты, теперь в должности инспектора ратушного правления был первым и влиятельнейшим дельцом в финансовой администрации *).

---

*) *Устрялова*, Ист. царств. Петра В., т. IV, ч. 2, стр. 490. Боярск. книга № 55 в Моск. Арх. мин. юстиции. Статья г. *Тока-*

Новое положение думы отразилось на характере её правительственной деятельности. Пётр изредка сам являлся в Ближнюю канцелярию, слушал там доклады с боярами или без них и оттуда выдавал именные указы. Но при частых отлучках царя из столицы обычнее были собрания бояр в Ближней канцелярии без царя. Благодаря этому в течении законодательства образуются две параллельные струи, слабо соприкасавшиеся друг с другом. Много важных распоряжений шло от государя мимо думы прямо в приказы, которых они касались. В 1705 г. велено было этим приказам только сообщать Ближней канцелярии о получаемых ими именных указах в тот же день, когда „какой указ состоится или из государева похода пришлется". С другой стороны, высшее управление складывалось так, что дума должна была во многом действовать помимо отсутствовавшего государя. Деятельность её возбуждалась двояким путем. Во-первых, она решала текущие дела по докладам из приказов или, как тогда выражались, слушала „настоящих из приказов докладных дел". Во-вторых, на думу возлагалась законодательная разработка особых поручений государя. Эти поручения сообщались боярам или именным указом, или письмом царя к кому-нибудь из приближённых сановников, находившихся в Москве, которые подавали полученные предписания боярам в Ближней канцелярии или в другом месте их собраний. Такие письма имели значение тех же именных указов. Так именной указ получал новое значение: прежде в нём обыкновенно излагался приговор государя с боярами; теперь им вызывался приговор бояр без государя. Пётр сообщал в Москву общую мысль задуманной меры, иногда намечал некоторые подробности её исполнения; развитие этой мысли, обсуждение средств и порядка её осуществления предоста-

---

рева в указ. изд. стр. 47. П. С. З. № 2213, 2332 и 2309. *Корб,* 161 и 315. Дв. Разр. IV, 1127. *Желябужский,* 71. Тетради записные Петра В. 1704—1706 г. 50. *Голикова,* Деян. Петра В. X, 313 и 316; XI, 309. *Фоккеродта* и *Плейера,* Россия при Петре В., изд. Общ. Ист. и Др. Р.—донесение 1710 г., стр. 15 и сл.

влялось думе. В начале 1707 г., находясь в Польше, Пётр писал в Москву о необходимости принять оборонительные меры на случай ожидаемого движения Карла XII из Саксонии в русские пределы. Одно письмо об этом было получено адмиралом Апраксиным и им было подано боярам; другое предписание объявил боярам управитель Монастырского приказа Мусин-Пушкин; по обоим сообщениям бояре в Столовой палате постановили приговоры. Точно так же именным указом в 1708 г. предписано было разделить государство на 8 губерний и по ним расписать города; это разделение с расписанием городов по губерниям было произведено в Ближней канцелярии. Плейер довольно точно обозначает круг дел и характер деятельности Тайного совета, говоря, что там рассуждали о том, как всего удобнее привести в исполнение поступающие от царя указы, и что содержание этих указов большею частию составляли сбор денег, изыскание новых государственных доходов, введение новых налогов развитие торговли, доставка в армию аммуниции и провианта, набор, обмундировка, обучение, расквартирование и содержание рекрутов; также в случае какого-либо волнения в дальних областях государства совет принимал меры, прежде чем доносил о том царю и получал от него предписания насчёт дальнейшего образа действий *). Издали Пётр не мог следить, как бояре разработывали и приводили в исполнение его поручения и как они вершили текущие дела из приказов. Отсюда в деятельности думы появляются ещё две особенности, которых не было заметно до Петра. Дума становится распорядительным советом по внутреннему управлению, который, в известных пределах действуя самостоятельно, вместе с тем и *отвечает* перед государем за свои действия; в то же время вводится в её делопроизводство порядок, который позволял бы проверять её действия. В потоке своих военных и дипломатических занятий Пётр сам настаивал, чтобы управители отдельных ведомств обращались

*) П. С. З. №№ 2169, 2170, 2022, 2155, 2218. Ср. №№ 2189 и 2217. *Плейер* в указ. изд. стр. 2.

за указаниями по текущим делам не к нему, а к боярскому совету. В ответ на донесение о таких делах Пётр писал в 1707 г. из Польши кн. Ромодановскому: „ещё прошу вас, дабы о таких делах и подобных им изволили там, где с'езд бывает, в Верхней канцелярии или где инде, посоветовав с прочими, решение чинить, а здесь истинно и без того дела много". Ещё решительнее высказывает он эту мысль в упомянутых письмах к Головину с товарищами и к Шереметеву. Первым он приказывает самим вершить астраханские дела, не спрашивая у него решения, а второму велит обо всём писать к московским боярам, прибавляя „а мне из Польши ничего делать невозможно, токмо к ним же посылать, и из того кроме медления ничего не будет". Так точно относился он потом и к Сенату. С прекращением ежедневных с'ездов бояр в Кремль на поклон к государю и заседания боярского совета перестали быть ежедневными: в 1708 году было указано „министрам, которым бывает с'езд в Ближнюю канцелярию", приезжать туда по понедельникам, средам и пятницам; кто почему-либо не мог приехать на заседание, обязан был собственноручно написать о том в Разряд. Плейер прибавляет к этому, что заседания Тайного совета продолжались до полудня летом с 8 часов, зимой с 9 утра. Заведённая в Ближней канцелярии книга для записи указов давала возможность следить за течением дел в думу из приказов и за исполнением государевых распоряжений и боярских приговоров. Наконец в 1707 г. установлены были обязательные протоколы заседаний думы и установлены в интересе ответственности, для облегчения контроля за действиями министров совета. В письме из Вильны Пётр предписывает кн. Ромодановскому объявить при с'езде в палате „всем министрам, которые в консилию с'езжаются, чтоб они всякие дела, о которых советуют, записывали, и каждый бы министр своею рукой подписывали, что зело нужно надобно, и без того отнюдь никакого дела не определяли, ибо сим всякая дурость явлена будет" *).

---

*) П. С. З. №№ 2188 и 2202. *Голиков,* XI, 303 и 328.

Итак боярский совет при Петре во многом не был похож на прежнюю боярскую думу, так что иностранцам он казался новым учреждением, которое создал Пётр. Изменились его состав, ведомство и характер деятельности. Эти перемены произошли от двух причин: разрушилось прежнее боярство, а кружок оставшихся бояр разбился по службам вне столицы; отсутствие царя из Москвы, бывшее прежде случайностью, теперь стало обычным явлением. Боярская дума при Петре стала тесным советом с разрушавшимся генеалогическим и даже чиновным составом старой думы: даже люди недумных чинов теперь имели в ней место. Существенной её особенностью было то, что она действовала вдали от государя и была перед ним ответственна, руководя внутренним управлением и исполняя особые поручения государя, но не мешаясь в военные действия и внешнюю политику. Читая первые указы об учреждении Сената в 1711 г., можно заметить, что он имел близкую родственную связь с боярским советом, собиравшимся в Ближней канцелярии, и наследовал все его особенности. Сенат также учреждался „для всегдашних в сих войнах отлучек“ государя, являлся случайной временной коммиссией, а не постоянным учреждением; даже первоначальный 9-членный состав его близко напоминал прежние коммиссии в отсутствие государей из Москвы, как и совет бояр в Ближней канцелярии. В личном его составе происхождение и чин также имели мало значения: важнейшие сановники, „верховные господа“, „принципалы“, кн. Меншиков, канцлер Головкин, адмирал Апраксин, не вошли в первоначальный состав Сената и писали ему „указом“. Сенат также руководил всем внутренним управлением, не вмешиваясь в военные действия и внешнюю политику, и при этом на него возложено было государем несколько особых поручений по набору войска, по развитию торговли и особенно государственных доходов. Первая инструкция, данная Петром Сенату 2 марта, не постоянный и подробный регламент, а скорее ряд таких поручений, „указ, что по отбытии нашем делать“, как выразился Пётр. По

первоначальной мысли Петра Сенат, как и собрание министров Ближней канцелярии, не государственный совет при государе, а высшее распорядительное учреждение, заменяющее в правительственном центре государя на время его отсутствия и подлежащее строгой, даже суровой ответственности. Так идея и форма Сената создались прежде, чем явилось его название.

ГЛАВА XXIV.

Правительственная деятельность думы при видимом разнообразии дел имела собственно законодательный характер.

История боярской думы при Петре любопытна потому, что в ней явственно обнаружился момент, которым завершилось существование этого учреждения. Оно перестало существовать, постепенно преобразилось в учреждение другого характера, когда обстоятельства заставили его действовать отдельно, вдали от государя. Это значит, что боярская дума древней Руси была учреждением, привыкшим действовать только при государе и с ним вместе. Действительно, давний обычай неразрывно связал обе эти политические силы, и они не умели действовать друг без друга, срослись одна с другой, как части одного органического целого. Эпохи, когда они разрывались, когда боярская дума оставалась одна без государя, как в Смутное время, или когда государь отделялся от думы, как во времена опричнины Грозного,—такие эпохи были ненормальными кризисами, болезненными состояниями государства. Точно так же и древне-русское общество не привыкло отделять эти силы одну от другой, видело в них нераздельные элементы единой верховной власти: закон являлся перед управляемыми в виде государева указа и боярского приговора, и как в боярском приговоре видели государев указ, так и за государевым указом предполагали

боярский приговор. Вот почему собственно нельзя говорить о правительственном ведомстве боярской думы, как о чём-то точно определённом, о её политическом авторитете, как о чём-то отличном от государевой власти. Пространство деятельности думы совпадало с пределами государевой верховной власти, потому что последняя действовала вместе с первой и чрез первую. Из этого общего основания развились все существенные свойства правительственной деятельности древнерусской боярской думы.

Непосредственная деятельность верховной власти в древней Руси определялась не суммой политических прерогатив этой власти, а количеством наличных правительственных потребностей. Носители верховной власти не любили спрашивать себя о том, на что они имеют право и на что не имеют его. Они считали себя призванными действовать там, где переставали действовать другие, делать то, чего не могли сделать подчиненные им орудия управления. Но эти орудия руководились в своей деятельности заведённым порядком, должны были делать только то, на что указывали им прямой закон или признанный обычай. Где кончались этот закон и этот обычай, там начиналась деятельность высшего правительства. Этим общим правилом древнерусского управления определялась и сфера деятельности боярской думы. Она указывала исполнительным органам управления, как надобно делать то, чего они не могли сделать без указаний сверху, т. е. на что не давали им указаний действующий закон и признанный обычай. Через думу проходило множество дел судебных и административных. Однако мы неточно определили бы её характер, если бы приписали ей чисто судебные и административные функции. Из думы исходили судебные решения и административные распоряжения, каких не могли или не хотели дать подчиненные власти по недостатку полномочий, по отсутствию или несовершенству закона, по неуменью или нежеланью применять его. В таких случаях дума проверяла и исправляла действия подчинённых властей, пополняла или поясняла закон, заменяла или

отменяла его и давала новый закон,—словом, указывала и приказывала, регулировала отношения, разрешала всякое новое дело, чтобы показать, как надобно впредь решать подобные дела: её судебный или административный приговор становился прецедентом, получал силу закона. Значит, дума законодательствовала, а не судила и не вела дел текущей администрации; точнее говоря, она законодательствовала и тогда, когда судила и решала дела текущей администрации. Этим объясняются некоторые особенности в деятельности думы, которые с первого взгляда кажутся странными. Одним из важнейших предметов деятельности законодательных учреждений обыкновенно служат вопросы государственного хозяйства, дела финансовые. Но эти дела всегда составляли сравнительно мало заметный элемент в ведомстве московской боярской думы, сколько можно судить о том по сохранившимся памятникам её законодательных трудов. Напротив, эти памятники переполнены делами по службе и служилому землевладению, иногда удивительно мелкими на наш взгляд. Это потому, что течение государственного хозяйства рано вошло в твёрдо установившееся русло и могло быть в большей степени отдано в руки исполнительных органов управления, чем дела служилые и поземельные, требовавшие постоянного надзора и заботливого руководства со стороны законодателя.

Итак боярская дума была собственно и даже исключительно законодательным учреждением. Вот почему при изучении её правительственной деятельности не совсем удобно прилагать к ней обычное деление на функции законодательные, судебные и административные. Такое деление внесло бы в эту деятельность распорядок, какого не знала или не признавала сама дума. Это не значит, что думные люди тех веков не умели отличать дела законодательные от судебных или административных. Но правительственная практика думы основана была не на различии *дел* по существу, а на различии *процессов*, какими разрешались дела, восходившие в думу. Потому однородные дела разрешались иногда раз-

личными процессами, и наоборот различные по характеру дела шли одинаковым путем. В процессе думного делопроизводства надобно различать порядок возбуждения дела и порядок его „вершения“. Дело возбуждалось в думе трояким путем: 1) государевым *указом*, 2) приказным *докладом* и 3) частным *челобитьем*. Дело вершилось 1) думской комиссией, 2) общим собранием думы без участия государя, 3) общим собранием под председательством государя и 4) собором, т. е. думой с высшим духовенством.

Думные люди, как государственные советники, а не как начальники приказов, сами очень редко возбуждали в думе вопросы, подлежавшие её обсуждению. Это возбуждение обыкновенно шло сверху или снизу, а не из среды самого совета: что не могло быть доложено ни из какого приказа, что не входило в текущее приказное делопроизводство, то вносил в думу сам государь. Ему принадлежал почин в важнейших делах внешней политики и внутреннего государственного строения. Такие дела разумели московские бояре царя Василия Шуйского, когда в 1608 г. писали гетману второго Лжедимитрия Рожинскому, что в Московском государстве во всяких делах без царского „повеления и начинания ссылаться и делать не привыкли“. Царь или сам лично предлагал вопрос на обсуждение боярам, или только указывал им „сидеть“ об известном деле, ставил его на очередь, но сам не присутствовал при его обсуждении. Так в 1573 г., во время войны с Швецией, когда воеводы вернулись из неудачного похода в Новгород, где находился царь, последний велел боярам „о свейском деле поговорити, как с свейским королём вперёд быти“; первосоветник кн. Воротынский с боярами приговорили вступить с шведским королём в переговоры, приостановив военные действия. Вскоре по завоевании Казани царь, уезжая к Троице, поставил думе на очередь два вопроса, велел „без себя“ сидеть об устройстве новозавоёванного царства и о кормлениях, т. е. о преобразовании областного управления. Возбуждая дело в думе лично, царь предлагал советникам, чтобы они, „помысля о

*

том крепко и единодушно согласясь, государю объявили, на каких мерах тому делу быть". В особо важных случаях царь вносил в думу заранее заготовленные письменные предложения. На Стоглавый собор 1551 г. царь Иван смотрел, как на государственную боярскую думу с участием духовенства, а не как на сословное собрание представителей духовенства только по делам церкви, и в послании своём к этому собранию обращался не только к святителям, архимандритам и „всему священному собору", но и к „братии своей, любимым своим князьям, боярам и воинам". Потому кроме 37 вопросов, касавшихся собственно „церковного строения", он внёс на собор ещё более 10 предложений, которые касались государственного устройства, того, что царь от лица государственного правительства называл „нашими нуждами и земскими нестроениями". Здесь царь говорил о местничестве, о поместьях и вотчинах, о мытах и корчмах, об общей поземельной описи всего государства—всё о предметах, возбуждавших самое заботливое внимание московской законодательной власти в XVI в. Предложения эти—или простые вопросы, обращённые к собору, или целые развитые законопроекты. Они, как видно по их изложению, были написаны или продиктованы самим 21-летним царем; их должен был прочитать дьяк в присутствии царя, святителей и бояр, которых царь приглашал вместе с ним о том „посоветовать вкупе, приговорить и уложить". Сохранилась единственная в своём роде записочка царя Але́ксея Михайловича, „о каких делех говорить бояром". По на́мёкам царя видно, что она писана в 1657 году: упомянутый здесь кн. Василий—это астраханский воевода Ромодановский, устроивший тогда договор с Калмыками. От этого маленького документа веет тою свежестью и добротой, какой проникнуто всё, написанное или продиктованное этим умным и добрейшим царём. Читая записку, живо чувствуешь, какие отношения существовали между этим царём и его советниками, какие вопросы обсуждались в думе и даже как обсуждались. Это краткий конспект, показывающий, как царь *готовился* к за-

седаниям думы. Он не только записал, какие вопросы предложить на обсуждение бояр, но и наметил, что самому говорить о том или другом из них, как решить его. Кой о чём он навёл справки, записал цифры, сколько людей в том или другом полку. О другом надобно будет навести справки в подлежащем приказе: там это знают, выпишут в доклад, и по этому докладу, поговорив с боярами, можно будет решить дело. Об иных предметах царь не имеет никакого мнения и не знает, как решат бояре; о других он имеет нерешительное мнение, от которого откажется, если станут возражать. Он даже старается угадать эти возражения и приготовить ответ на них. Шведское посольство, задержанное в Москве, просило позволить ему послать в Швецию гонца за новыми инструкциями: „сидеть де надокучило“. Царь думает, что и позволить „не будет худа“. Но ведь гонец передаст дома московские вести?—Ну так что же? „они давно всё ведают и кроме сего гонца“. По другим вопросам царь составил твёрдое мнение, за которое он будет упорно бороться в совете, если встретит сопротивление: это вопросы не административной техники или дипломатической осторожности, а простой справедливости и служебной добросовестности. Астраханский воевода в чём-то провинился, по слухам даже уступил Калмыкам православных пленников, захваченных ими. Царь решил назначить следователя, „сыщика“, и буде окажется, что воевода солгал, отнять у него честь (чин), а к нему послать наказ, как ему жить, да написать ему „с грозою и с милостью, чтоб он к нам, великому государю, вину свою покрыл службою“, казне сделал бы прибыль свыше прежнего и тем возвратил бы себе отнятую честь, а сменять его не зачем, „убыточно и Астрахани к изводу (разорительно)“. Если же правда, что слышно о пленниках, „за то довелася ему казнь смертная, а то самое легкое, что отсечь руку и сослать в Сибирь“, конфисковав поместья и вотчины. Составляя свой конспект, царь уже воображал себя гово-

рящим в палате: за пленников, пишет он далее, „учинить казнь, какую *приговорите* по сему наказу“ *).

Всего чаще дела возбуждались в думе так называвшимися *судейскими докладами* или *докладными выписками*, восходившими из приказов. Эти доклады были двух родов, казуальные и кодификационные. Приказ выписывал о каком-нибудь единичном деле либо по справке со стороны царя или думы, либо по собственному побуждению, когда не мог сам решить такого дела. Последнее бывало в случае неполноты, неясности или разногласия законов. В докладной выписке излагалась сущность дела, приводились относящиеся к нему статьи закона и ставился вопрос, выведенный приказом из применения этих статей к данному делу. Вопрос заключал в себе случай или отношение, которого не предусмотрел закон или к которому приказ не умел применить закона, и выражался в обычной формуле: „великий государь о том что уложит“ или „что укажет?“ К таким докладным выписям можно отнести и обязательные доклады о делах, решение которых по особому закону принадлежало исключительно государю с думой и требовало именного указа. Так по закону 1572 г. запрещено было Поместному приказу утверждать без доклада и без боярского приговора вклады вотчинами за малоземельными монастырями; иногда запрещалось раздавать без доклада свободные казенные земли в известных уездах служилым людям, просившим поместных дач. В докладных выписках кодификационнаго характера обобщались частные однородные случаи, накопившиеся в приказной практике или сю только предусматриваемые, которые возбуждали недоумение приказа или превышали его компетенцию. Это обобщение выражалось в форме законодательного вопроса, который ставился примерно так: преж-

*) *Соловьев*, VIII, 211. *Карамзин*, IX, примеч. 416. Царств. кн. 237. П. С. З. № 547. Стоглав по каз. изд. 30 и 49. Журн. мин. Нар. Пр. 1876., № 7, стр. 54—64. Записки отд. русск. и слав. арх. Русск. Археол. Общ., II, 733; ср. Дв. Разр. III, 490. Дополн. к III т. Дв. Разр. 130, 135, 103 и 106. *Солов.* XII, 295; А. И. IV, № 131.

ние узаконения по данному предмету сопоставлялись с этими новыми случаями, например, с ожидаемыми или уж поданными челобитными людей разных чинов, вызывавшими пересмотр старых норм, и спрашивалось, как поступать впредь, т. е. требовалась новая норма. Судья приказа либо устно излагал в думе так поставленный вопрос, „говоря о том с бояры“, либо вместе со своими дьяками вносил о том письменный доклад. Иногда приказ представлял думе целый ряд таких вопросов или „статей“ об известном предмете, так что из законодательных ответов на них составлялось, как бы сказать, частичное уложение. Часто, если не всегда, это делалось по особому поручению государя и думы. Такой доклад носил специальное название *статейного списка*. Надобно различать два рода статейных списков, представлявшие два момента кодификационной выработки закона. Составив свои вопросы, приказ „докладывал по статейному списку“. Приговоры по каждой статье помечал думный дьяк того приказа, откуда шел доклад, или какой-либо думный же дьяк, если в том приказе такого не было: так в 1628 г. по докладу Челобитного приказа о порядке производства исковых дел приговоры помечал думный дьяк Посольского приказа. Этим впрочем не кончалось дело. „В верху“ вообще господствовал обычай двукратного слушания дел. Часто при первом чтении дела являлась надобность в дополнительных справках: дума приказывала навести эти справки и вторично доложить дело. Даже без этого вторичный доклад вызывался иногда необходимостью проверить помету приговора. Царь и бояре приказывали думным дьякам записать свои распоряжения и приговоры. Но запись могла быть неточна. Знаменитый московский дипломат XVI в. А. Щелкалов, думный дьяк Посольского приказа, в свое время был известен привычкой намеренно изменять смысл указов, излагая их в грамотах, за что не раз подвергался наказанию. В *Указной книге* Поместного приказа XVII в. было прямо засвидетельствовано, что дьяки иногда записывали приговоры не так, как приговаривала дума, и „многие статьи переправливали

не делом“. Потому только в исключительных обстоятельствах изустный приказ верховной власти сообщался к исполнению без нового доклада. В 1580 г., когда государь поехал к Троице, с Москвы от бояр, там оставленных для управления, пришли вести, по которым оказалось, что надобно отменить предположенный поход московских воевод в Литву из Ржевы. Вести, конечно, были тотчас доложены государю, и он велел заготовить дьяку надлежащий указ от государева имени. После оказалось, что дьяк заготовил грамоту по тем вестям, писал её спешно, а „государя доложити не успел“, послал её без доклада „для промыслу“, по собственной дьячьей сообразительности, чтоб ускорить дело. Сказав, что грамоты в окрестные государства, заготовленные посольским думным дьяком, слушаются в думе дважды, одними боярами и потом боярами вместе с государем, Котошихин прибавляет: „также и иные дела написав взнесут слушать всем же бояром, и слушав бояре учнут слушать вдругорядь с царём же“. По известным нам статейным спискам нельзя решить, всегда ли подобные акты докладывались сперва одним боярам, а потом государю с боярами; но в некоторых списках можно заметить следы вторичного доклада. Кроме ответов под каждой вопросной статьей с обычной формулой „государь указал и бояре приговорили“, на статейных списках о поместьях и вотчинах и других важных предметах встречаем во главе статей ещё общую помету, которая гласит, что государь указал и бояре приговорили „сим статьям быть так, как в сей докладной выписке написано под статьями“. В иных докладных списках ответы под статьями представляют не краткие пометы, а развитые законоположения со следами тщательной редакционной обработки, какую они едва ли могли получить в ту минуту, когда думный дьяк помечал приговоры боярского совета. Притом здесь не повторяется перед каждой ответной статьей обычная законодательная формула, а только во главе списка отмечено просто: „бояре, слушав статей, приговорили быть так, как в сей докладной выписке написано“. Можно думать, что во-

просный список с помеченными на нём ответами думы переписывался в доложившем его приказе, при чём пометы положенныя на нём при первом докладе, обработывались, получали надлежащее изложение и в таком отделанном виде вторично докладывались думе, которая давала им окончательное утверждение. Впрочем в актах есть и более прямые указания на то, что приговоры бояр обработывались в приказах. Эти приговоры по частным делам представляют обыкновенно развитые, мотивированные резолюции с изложением сущности дела и оснований его решения. Но встречаются и краткие необработанные приговоры, в которых основания едва намечены, но которые заканчиваются словами: „написать в боярский приговор из дела подлинно". Это значило, по нашему мнению, развить боярский приговор, указав главные обстоятельства дела и основания его решения. Законопроектов в собственном смысле, без предварительного доклада вопросных статей и без думных помет под ними, приказы повидимому не составляли *).

Кроме государева почина и приказного доклада дела возбуждались в думе ещё частными ходатайствами на государево имя, шедшими от отдельных лиц или целых обществ. Самый доклад из приказа иногда вызывался такой частной просьбой. Указ 1694 г., перечитывая дела, какие докладываются боярам в думе, говорит о спорах на решения приказов и о всяких челобитных, в которых о чем-либо бьют челом государям. Обычным средством возбуждения в думе вопроса по частному делу была *подписная челобитная*. Её смешивают иногда с *заручной* челобитной, подававшейся „за руками" челобитчиков и их сторонников, т. е. ими подписанной. Но заручная могла быть подписной, могла и не быть. Подписной челобитной называлось прошение, поданное прямо государю и по докладу ему и боярам получив-

*) Акты Ист. I, стр. 270; III, 303—307. А. до юр. быт. др. Росс. I, № 72. Русск. Ист. Сб. II, 96. *Котош.* 20. П. С. З. №№ 445, 1170, 1116, 634. 644, 700, 702, 900, 860. Указан. кн. Пом. прик. 46. Столб. Пом. пр. въ Моск. Арх. Мин. Юст. по г. Рязани № 175, дело № 11.

шее дальнейший ход. Когда царь выезжал из столицы или в праздники выходил из дворца в церковь, всякие люди могли подавать ему челобитные. Существовало особое учреждение, Челобитный приказ, начальник которого с дьяком принимал эти челобитные и по ним расправу чинил, а которых не мог решить, те „вносил“ к государю. Но, кажется, „расправа“ приказа состояла не в разбирательстве поданных просьб по существу, а только в определении их дельности, чтобы решить, стоит ли их докладывать, при чём челобитчиков в случае надобности расспрашивали, чтобы по их челобитьям и расспросным речам составить доклад боярам. Служилые люди подавали челобитные в Разряде, который их ведал. По указу 1694 г., когда уже не было Челобитного приказа, люди высших чинов приносили челобитные к думным дьякам в Золотую палату дворца, а другие дожидались на площади у Красного крыльца, пока у них примут просьбы. Думные дьяки вносили все эти челобитные „вверх“, где их слушали по Котошихину сам царь и бояре. Челобитная при докладе получала или „отказ“, оставлявший её без последствий, или „указ“, дававший ей дальнейшее движение. Этот указ докладчик помечал или *подписывал* на самой челобитной: тогда она и становилась *подписной*. Пока Челобитный приказ не был в 1685 г. соединён с Судным Владимирским, такие челобитные с „подписями“ объявлялись его подьячими на площади перед царским двором „всем людем“ и отдавались челобитчикам или вручались им в самом приказе, а те, смотря по подписи, несли свои просьбы в тот приказ, куда направляли их докладные пометы. Подписная челобитная подписывалась думным дьяком по докладу государю и боярам; подпись, сделанная по распоряжению судьи какого-либо приказа без доклада „в верху“, „самовольством“ считалась недействительной. Впрочем прошения по делам, о которых существовал прямой и ясный закон, кажется, предоставлено было подписывать думным дьякам и без доклада в противном случае приказ, куда поступала челобитная к исполнению, обязан был доложить ее государю. Иных дел

нельзя было совершить без доклада „в верху“ без верховного на то соизволения: так по указу 1666 г. запрещено было высшему купечеству, гостям, покупать и брать в заклад вотчины без подписных челобитных. Подписные челобитные „с верху“ шли двояким путем: возвращаясь обыкновенно в Челобитный приказ, они отсюда передавались по принадлежности в другие приказы, одни для исполнения, другие для вторичного доклада, если приказ затруднялся исполнением или если на челобитной помечалось: „выписать“, навести надлежащие справки, на основании которых государь и бояре произносили приговор, решали дело; после того оно обращалось в доложивший его приказ для исполнительных распоряжений. В челобитных на государево имя обращались к верховному правительству по делам, превышавшим компетенцию подчиненных учреждений, либо с жалобами на их действия или их бездействие, выражались нужды отдельных лиц и целых обществ, указывались недостатки суда и управления. Потому подписные челобитные имели очень важное значение в развитии московского законодательства: это была наиболее обычная, так сказать, ежедневная форма участия общества в устроении общественного порядка. В памятниках XVII в. находим многочисленные следы коллективных челобитных, поданных служилыми людьми московских чинов, дворянами разных уездов и другими классами с заявлением своих местных или сословных нужд, с указанием на какой-либо пробел в законодательстве. Эти челобитные подавались обычным порядком, как и другие частные просьбы, проходившие через Челобитный приказ, докладывались и подписывались думными дьяками, вызывали „выписи“ и доклады из приказов, обсуждались в думе и таким образом подавали повод к очень важным узаконениям. Довольно сказать, что статьи Уложения, зачислявшие в городское тягло городские и подгородные слободы частных привилегированных владельцев и при этом уничтожившие льготное состояние *закладчиков*, были внушены просьбами выборных людей земского собора 1648—1649 г., доложен-

ными и помеченными думным дьяком, как докладывались и помечались все частные челобитные, поданные самому государю: о чём безуспешно хлопотал царь Иван Грозный в своих предложениях собору 1551 г., то спустя столетие проведено было снизу скромной подписной челобитной земских людей. Так подписная челобитная получила значение народной петиции, земского адреса на Высочайшее имя о местных пользах и нуждах *).

Дело, возбуждённое в думе предложением царя, приказным докладом либо подписной челобитной, решалось также не одинаковым порядком. Не имея наклонности распадаться на постоянные специальные отделения, департаменты, дума любила поручать экстренные или специальные дела временным коммиссиям, составляя их из своих же членов. Эти коммиссии были довольно разнообразны: *ответные* для переговоров с иноземными послами, *судные* по местническим, по земельным и другим тяжбам, *расправные* по делам текущего управления на время от'езда царя из Москвы, превратившиеся потом в постоянную Расправную палату; наконец в XVII в. было две коммиссии *уложенные*, которым поручалось составление проекта уложения. Эти коммиссии состояли из двух, трех или более членов думы, к которым иногда присоединяли и недумных людей, обыкновенно дьяков. Проект Уложения 1649 г. составлен был двумя боярами, окольничим и двумя дьяками. Коммиссия, которой поручено было в 1700 г. составить проект нового уложения, состояла из 12 членов думы, 28 стольников, 2 дворян и 6 простых дьяков: это был скромный первообраз, неясный силуэт пышной ека-

*) П. С. З. №№ 1491, 954, 630, 974, 390, 998, 1108, 1140, 1297. А. И. П. стр. 424. Акт. Арх. Эксп. III. № 78. Врем. Общ. Ист. и Д. Р. кн. 20 материалы, 101. Чтения 1887 г. кн. 3, IV, 36. *Котош.* 91. Из известной шутливой заручной челобитной царя Алексея, обращенной къ боярам, видно, что и частные исковые челобитные, поданные прямо государю, приказывал подписывать он сам, и это считалось милостью, которая давала ход делу. Зап. русск. и слав. арх. Русск. Археол. Общ. II. 712. Акты Моск. Гос. I. №№ 659 и 660.

терининской „Коммиссии о сочинении проекта нового уложения“, родоначальника которой едва ли можно видеть в старом земском соборе, никогда не созывавшемся для составления проектов. Коммиссионный порядок ведения дел унаследован был московской думой XVI и XVII в. от удельного времени. Тогда текущие дела управления вела с князем дума, собиравшаяся в составе двух-трех бояр. Но тогда не было мысли о думе *всех* бояр, как высшей правительственной инстанции по отношению к этим ежедневным тесным советам: решения последних также считались окончательными, как и приговоры всех бояр. Теперь коммиссии думы действовали под контролем общего собрания, которое иногда пересматривало и вершило шедшие через них дела. Пока московские дипломаты, назначенные в „ответ“, переговаривались с иноземными послами в Ответной палате, недалеко в Передней заседала дума, к которой коммиссия обращалась с вопросами и тут же получала новые инструкции. Старое удельное предание так крепко держалось в московском управлении, что даже в XVI в. дума собиралась и действовала иногда совершенно по удельному, в коммиссионном порядке. Так было в тяжебных делах, восходивших на суд самогó государя. В 1567 г. царь „судил суд“ по тяжбе человека боярина И. В. Шереметева с кн. А. П. Ноздроватым об угодьях: на суде у царя, как помечено в правой грамоте, были один боярин и два окольничих, как ассистенты или свидетели суда. В 1547 г. перед царём шла тяжба самогó этого Шереметева с тем же кн. Ноздроватым и его родичами князьями Токмаковыми о заложенном селе и подделке документов на него. В правой грамоте, любопытной по своим процессуальным подробностям и бытовым чертам, обозначено, что на суде у царя были боярин И. П. Федоров „и иные бояре“, да окольничий Ф. М. Нагой и четыре дьяка. Точно в такой же обстановке творился суд самого князя и в удельные века. В XVI в. государь, может быть, уже не присутствовал или не всегда присутствовал в суде о таких делах, а только так значилось по форме в актах

суда. Во время производства обеих упомянутых тяжеб существовало уже различие между думой *всех* бояр и коммиссией думы. Значит, совет, судивший оба дела, по составу своему был коммиссией думы, состоял из *иных* бояр, но не *всех*. Но так как по форме это был суд самого государя, на который не было аппеляции, то коммиссия заменяла здесь думу *всех* бояр, как последнюю инстанцию. Так в половине XVI в. ещё встречались друг с другом и действовали рядом обе правительственные формы, старая и новая, временное поручение удельных веков и постоянное учреждение Московского государства. В XVII в., как и в XVI, коммиссиям думы поручали разнообразные дела. В начале XVI в. вместе с кн. М. Глинским пришло в Москву много выходцев из Литвы. Этих „Глинского людей“ испоместили между прочим в Муромском уезде, и они долго назывались там „Литвой“, хотя большинство их были русские. Один из этой муромской Литвы Крыжин в 1524 г. из мести обговорил других эмигрантов Щукиных и Каргашина в намерении бежать на родину. Великий князь приказал „расслушать“ это дело двум боярам тверскому дворецкому М. Ю. Захарьину и И. Ю. Шигоне. В 1571 г. коммиссии с кн. М. И. Воротынским во главе поручено было устроить станичную и сторожевую службу в степи. В 1572 г., ещё до смерти кн. Воротынского, это дело ведёт уже боярин Н. Р. Юрьев с думным дьяком Разрядного приказа В. Щелкаловым. Иные вопросы по этому делу решает сама коммиссия, иногда с докладом государю, о других приговаривает „поговорити со всеми бояры“. Но в 1577 г. и эти *все* бояре представляли собой повидимому только верховую коммиссию думы, состоявшую всего из трех-четырех бояр, в том числе и самого Юрьева, да двух думных дьяков братьев Щелкаловых: прочие думные люди либо воеводствовали „на берегу“, на Оке, либо были с государем в походе. В 1659 г. после Конотопского поражения, опасаясь нашествия из Крыма, царь велел укреплять Москву. Руководить этим „городовым делом“ поручено было князю Н. И. Одоевскому с шестью товарищами из бояр и окольничих. Но в

XVII в. уже не заметно судных коммиссий с значением последней инстанции, под действительным или номинальным председательством самого государя *).

Дела, поручавшиеся коммиссиям думы, или решались ими окончательно, или пересматривались одним государем, либо вершились общим собранием думы. Общее собрание решало иные дела в присутствии государя, другие без него. Из памятников московского законодательства не видно, чтобы эта разница в ходе дел зависела единственно от их свойства, сравнительной политической важности. Это объясняется характером отношений думы к её верховному председателю. Дума, видели мы, действовала по указу государя, по докладу приказа или по частной челобитной. Возбуждаемая к деятельности сверху или снизу, она может показаться совершенно пассивным учреждением без собственной инициативы, простым законодательным механизмом. Была ли она самостоятельной двигательницей законодательства? Принадлежал ли совету бояр законодательный почин? Из сохранившихся памятников можно извлечь только тот ответ на этот вопрос, что такой почин не был в обычае; в этом заключалась одна из слабых сторон политического положения

---

*) П. С. Лет. VI, 214 и сл. Дв. Разр. IV, 1120; II, 750; III, 95, 1003. А. З. Р. II, стр. 280 и др. Разр. кн. в Спнб. Сборн. *Валуева*, стр. 67, 88 и др. А. до юр. быта др. Росс. I, № 52, VIII и V. Приказные дела 1524 г. в Моск. Арх. мин. ин. д. № 2. Акты Моск. государства I, 1, 18, 30, 33, 36 и 39. Дополн. к III т. Дв. Разр. 194 и 131. К коммиссиям думы едва ли можно причислить *ближнюю думу*: это был особый совет, иногда собиравшийся при государе, а не коммиссия, которой государь с думой поручали некоторые дела. Из неясных и разноречивых известий узнаем о двух чрезвычайных коммиссиях опеки или советах регентства. Одна была назначена умирающим царем Иваном „беречь" преемника его Федора и руководить им. Другая действовала при царе Михаиле: по свидетельству *Страленберга* (Historie der Reisen, 210) она состояла из патриарха и бояр кн. Воротынского, Шереметева и Морозова; но в деле о невесте царя М. Хлоповой при Михаиле является ближний совет несколько иного состава. *Карамз.* IX, 434. *Солов.* VII. 233; IX, 172. *Жолкевский*, 3.

старого московского боярства. Однако мы увидим ниже случай, когда самими боярами был возбуждён важный законодательный вопрос, затрогивавший самые основания государственного устройства. Значит, отсутствие обычая не вытекало из отсутствия права или возможности, а только указывало на недостаток потребности в боярском почине, на возможность обойтись без него при других средствах возбуждения дел в думе. Отношения думы к государю так сложились, что не развивали этой потребности. В устройстве высшего московского управления всего труднее точно обозначить пределы власти государя и его боярского совета. Это потому, что государь и его совет не были двумя разными властями, а составляли одно властное, верховное целое. Политическое значение и правительственная деятельность думы основывались на том глубоко укоренившемся в московском обществе воззрении, лучше сказать, на том предположении, что дума не действует без государя и государь не действует без думы. Государь ежедневно делал много правительственных дел без участия боярского совета, как и боярский совет решал много дел без участия государя. Но это вызывалось соображениями правительственного удобства, а не вопросом о политических правах и прерогативах, было простым разделением труда, а не разграничением власти. Такое отношение государя к думе выражалось в одной из самых существенных особенностей, какими отличалась последняя, в отсутствии её ответственности перед государем. Следов этой ответственности не заметно ни в чём, ни в памятниках законодательства, ни в устройстве боярского совета. Дума не была ответственна пред государем, потому что государь не был для неё сторонней властью, а сам входил в её состав, был её главой. Мысль об ответственности появляется только тогда, когда деятельность государя и совета разделяется, когда тот и другой начинают действовать в своих особых сферах и последний становится орудием первого. Так было с боярской „консилией“ при Петре в первые годы XVIII в. От неё мысль об ответственности пере-

шла по наследству к Сенату. Сравнивая боярскую думу и Сенат, обыкновенно отдают решительно предпочтение последнему по большей самостоятельности и энергии его действий, по большей широте его правительственных полномочий; ему, по словам Петра, всякий должен был повиноваться в отсутствие государя „так, как Нам Самому, под жестоким наказанием или и смертию“; он был установлен „вместо присутствия Его Царского Величества собственной персоны“; от него даже требовалось, чтобы он вёл дела самостоятельно, не спрашивая на всякое дело особого разрешения у государя. Ничего подобного не говорили о старой боярской думе. Но здесь сравниваются учреждения слишком различные, действовавшие в слишком несходных положениях. По своему происхождению Сенат был орудием верховной власти, а боярская дума её участницей. Первый вызван был потребностью в хорошо устроенном руководителе управления, а вторая служила органом господства известного класса над обществом. Первый в истории нашего управления имел правительственно-техническое значение; значение второй было социально-политическое. В отсутствие государя Сенат конечно действовал самостоятельнее, но в том смысле, в каком приказчик, оперирующий „на отчёте“ вдали от хозяина, самостоятельнее товарища этого хозяина, обязанного действовать с ним вместе по соглашению. За то думе не грозили, что за неисправность с ней со всей поступлено будет, „как ворам достоит“, чем грозил Пётр учреждению, установленному вместо присутствия собственной государевой персоны. Самостоятельность была обязанностью для Сената, а не его правом. При отсутствии ответственности по той же причине не развился в обычай и почин думы в законодательстве. Государь и дума не были разными властями с своими особыми интересами и стремлениями, которые им надобно было бы усиленно заявлять и проводить путём законодательства. Текущие дела вносились в думу думными людьми, как начальниками приказов, а дела особой важности самим государем, как председателем думы, и этим удовлетворялись потребно-

сти управления. Оставались интересы класса, представители которого сидели в думе, и эти интересы нередко сталкивались с интересами других классов общества и самого государя. Но эти столкновения шли вне думы и очень слабо отражались на её устройстве, как мы видели из её истории с половины XV в. По своему историческому складу боярская дума не сделалась ареной политической борьбы. Таким её характером определились и её деловые правительственные отношения к государю. Когда, при каких делах сидеть в думе самому государю и какие дела делать боярам без его личного присутствия, это не было политическим вопросом. В XVI в., который был временем натянутых отношений между государем и боярством, вопросы о прекращении войны, об устройстве Казанского царства и о преобразовании земского управления разрешались в думе без государя, как без него состоялся, судя по редакции закона, и знаменитый приговор 24 ноября 1597 г. о сыске и возврате беглых крестьян, а подробности законодательства о холопах, как и о новокрещенах, не годившихся в государеву службу, разработывались думой в личном присутствии государя. В одном случае это присутствие было обычно, если не необходимо—когда приговор бояр по делу, уже решённому без царя, докладывался в окончательной форме, данной ему думным дьяком. Но этот вторичный доклад, о котором говорит Котошихин, имел целью проверку дьячьей редакции приговора и его окончательное утверждение, и не видно, чтобы целью его была проверка самого приговора бояр государем. Значит, заседание думы в присутствии государя или без него имело только процессуальное значение, касавшееся не столько сущности дел, сколько порядка делопроизводства.

Но приговоры, состоявшиеся в думе без государя, представлялись ли ему на утверждение? В записке об устройстве Московского государства, составленной в Смутное время по польскому заказу, читаем: „повинность бояром и окольничим и дьяком думным быти всегды на Москве при государе безотступно и заседать в палате, думати о всяких делех, о чём государь роскажет и что царству Московскому належать

будет, и *доносят* до государя думу дьяки думные". Из этого описания думы можно заключить, что она обыкновенно обсуждала то, что ей указывал или „росказывал" государь, не присутствуя лично на её заседаниях; но последние неясные слова описания не значат, что приговоры думы, состоявшиеся без государя, всегда представлялись думными дьяками на его утверждение. Памятники законодательства не поддерживают такого значения известия. Судебник 1550 г. определяет и порядок дальнейшего законодательства: новые законы вносятся в кодекс, „приписываются" в Судебник, как новые дела, не предусмотренные прежними законами, „с государева докладу и со всех бояр приговоры вершатся". Вопросы о новых законах вносились в думу из приказов всегда на государево имя в обычной формуле: „и о том великий государь что укажет"? Это и есть „государев доклад". Им устанавливался порядок или способ решения возникавших вопросов. Множество текущих дел, не требовавших законодательной нормировки, разрешалось по докладу самим государем. Дело законодательной важности помечалось: о том „государь указал сидети бояром". Государев доклад и боярский приговор—таковы два момента в создании нового закона; третьего момента, представления приговора всех бояр на утверждение государю, не указывает Судебник. Отдельные законодательные акты подтверждают такой порядок законодательства. В 1606 г. бояре одни без царя постановили приговор о служилых кабалах по докладу Холопьего приказа и „сесь свой приговор в верху приказали в приказе Холопья суда в Судебник приписать", не доложив своего постановления государю. Дума иногда обращалась с докладом к не присутствовавшему на заседании государю, но не для того, чтобы представить на его утверждение свой приговор о деле, а потому, что не умела или не хотела сама постановить приговор о нём. В 1588 г. английский посол Флетчер просил себе аудиенции, чтобы представить государю новую присланную из Англии грамоту королевы Елизаветы. Думный дьяк Посольского приказа А. Щелкалов сообщил об

этой просьбе боярам, а бояре доложили о том государю, „и государь приговорил с бояры“ отказать Флетчеру в аудиенции. Любопытен один случай доклада государю боярских приговоров. В 1636 г. Поместный приказ представил царю 13 вопросов о поместьях и вотчинах. Царь приказал решить вопросы боярам, а что они приговорят, доложить себе. На другой день бояре разрешили 12 вопросов, а на третий день царь утвердил все их приговоры без перемены. Остался без ответа один вопрос о праве владельцев продавать и закладывать вотчины, купленные ими из своих же подмосковных поместий или из порожних земель: бояре с большим тактом об'явили, что „им о том приговаривать не можно, потому что за ними за самими такие вотчины“. Государь сам разрешил вопрос, утвердив за владельцами это право. Но такой случай является редким исключением. Обычным кажется тот порядок, каким по указу 1694 г. дума решала без государя судные дела, восходившие „в верх“ по челобитным или по докладам из приказов: бояре решали их окончательно, докладывая государям лишь о том, чего им „зачем без их, великих государей, именно указа вершить будет не мочно“. Значит, доклад был не обязанностью думы, а её отказом от своего права. Он не составлял особого момента в течении дела, а был только восстановлением личного присутствия государя среди бояр, следствием чего обыкновенно являлся приговор государя „с бояры“, т. е. вторичное обсуждение и окончательное решение дела боярами вместе с государем. Было, кажется, только два рода боярских приговоров, которые всегда или часто представлялись на утверждение государя: это приговоры думы о местнических спорах и о наказании за тяжкие вины. Государь пересматривал такие приговоры, и пересмотр второго рода дел обыкновенно сопровождался помилованием виновного или смягчением его наказания *). Но

*) А. И. П., №№ 355 и 63. Временник Общ. Ист. и Др. Росс. кн. 8, III, 53. Ср. Пам. дипл. снош. I. 1427. П. С. Зак. №№ 1491, 62, 1124, 1267 и 1429 Указн. кн. Пом. прик. 115—121. Ист. Сб. Общ. Ист. и Др. Р. V, 206. Разр. кн. в Спб. Сб. *Валуева*, 81. Акты до

по ходатайству духовенства государь смягчал и собственные приговоры о преступниках.

Перечислим кратко дела, которые разрешались в общем собрании думы, не различая её заседаний в присутствии царя или без него. Уложение предписывает боярам „сидети в палате и по государеву указу государевы всякие дела делати всем вместе“. Подьячий Котошихин прибавляет, что каких государственных и земских дел приказным людям „не мочно будет делать, велено спрашиваться с бояры и с думными людьми и с самим царём“. Так ни закон, ни практика не ограничивали деятельности думы какими-либо определёнными функциями или задачами. Дума разрешала все правительственные вопросы, на которые действовавший закон не отвечал прямо и ясно или к которым исполнительные органы управления не умели применить прямого и ясного закона. Такие вопросы можно разделить на два разряда: дума определяла частные отношения лиц, входящие в состав гражданского порядка; она же определяла отношения лиц к государству, строила политический порядок в широком смысле слова. Дела первого рода возбуждались в думе частными просьбами или докладами из приказов; дела второго рода вносили в думу также приказы и преимущественно сам государь.

Через думу проходило множество частных дел, судных и других. Для некоторых дума служила только распоряди-

---

юрид. быта др. Росс. III, № 281. Ср. сложное производство по делу 1642—1643 г. о намерении испортить царицу, с предварительными докладами царю, сыскными коммиссиями, боярскими приговорами и окончательным докладом всего дела царю, смягчившему боярский приговор. Чтен. в Общ. Ист. и Др. Р. 1895 г., кн. 3, отд. 1: К материалам о ворожбе. В числе резолюций, положенных государем и боярами на договорные статьи Богдана Хмельницкого в 1654 г., встречаем такую помету думного дьяка: „Доложить государя—бояре говорили: которые государевы всяких чинов люди учнут бегать в государевы черкасские города и места и тех бы сыскав отдават“. Бояре *говорили*, но не *приговорили*, дали только проект приговора, который велели представить на усмотрение государя. Акты Зап. Росс. X, 452.

тельным передаточным пунктом, приказывая дьяку пометить, „подписать" на челобитной, в какой приказ должно направить дело, чтобы там учинили по нему указ. Это были дела, которые дума находила возможным решить на основании действующего закона. Флетчер верно отметил эту распорядительную функцию думы. Другие дела дума решала сама, как последняя или первая правительственная инстанция. В качестве последней инстанции она рассматривала судные дела, решённые в подчинённых учреждениях, но обжалованные той или другой стороной. Такой инстанцией дума служила как для приказов, так и для собственных коммиссий *). Кроме того дума вершила частные дела, начатые в подчинённых учреждениях, коммиссиях или приказах, но не решённые ими. В этих делах её даже трудно назвать последней инстанцией в строгом смысле этого слова: она не пересматривала решения, постановленного низшей инстанцией, а сама доканчивала дело и впервые произносила приговор по нему. Обилие таких дел в думе было следствием своеобразного способа, которым разграничивались компетенции думы и подчинённых ей учреждений. Раздельная черта между ними проводилась не степенью власти, а степенью разумения, если можно так выразиться. Не было точно определено, какие дела, поступающие в приказ, может он решать сам и о каких должен докладывать думе. Приказ переносил в думу дела, которых ему „зачем вершить было не мочно": таково было общее определение приказной компетенции. Можно было бы подумать, что такое неясное определение открывало широкий простор превышению власти со стороны приказов.

---

*) Мы не думаем особо и подробно описывать деятельность думы, как высшей судебной инстанции: есть специальные труды по истории русского судоустройства и судопроизводства, где изображена роль думы в древнерусском судебном процессе. См. например у *Дмитриева* I и III гл. его Истории судебных инстанций. Наша цель обозначить законодательный элемент в правительственных действиях думы как по судным, так и по другим делам.

В действительности было наоборот: старые московские приказы, как видно по их докладам думе, скорее склонны были уменьшать свою власть, часто „не смели указать без государева указу“ и взносили в верх к боярам такие дела, которые они могли решить сами на основании действующего закона. Такое отношение приказов к думе заметил и Флетчер; только он объяснял стеснением сверху то, в чём надобно видеть следствие самоограничения и нерешительности приказов. Судьи, пишет Флетчер, так стеснены в отправлении своей должности, что не смеют решить ни одного особенного дела сами собой, но должны пересылать его вполне в Москву в царскую думу *).

Приговоры думы как по решённым делам, решение которых обжаловано, так и по делам, восходившим в думу из приказов для вершенья, имели законодательное значение. Апелляция или „жалоба“ в древнерусском суде, как известно, имела характер обвинения низшей инстанции недовольной стороной в несправедливом решении дела: апелляционная жалоба называлась „спорным челобитием“ или челобитной „о неправом вершеньи на судей“; ее целью было доказать, что судья „просудился“, вершил дело „не делом“. Судейские доклады думе невершенных дел, как мы видели, вызывались обыкновенно недоумениями судей, возбуждёнными недостатком закона или его неясностью и противоречивостью. В этом последнем случае приговор думы пополнял, разъяснял и соглашал постановления закона; в первом случае он проверял и исправлял понимание и применение закона подчинённым местом. В обоих случаях дума развивала действовавшее законодательство. Приговор бояр не ограничивался разрешением частного случая: обыкновенно он обобщал этот случай и извлекал из него постоянное правило на будущее время. Это правило выражалось в обычной формуле, которой за-

*) Флетчер, гл. 7: он разумел собственно областных судей, но так как между областью и думой стоял приказ, то, значит, стеснение, о котором речь, разделяла и эта посредствующая инстанция.

канчивался приговор: „да и впредь бояре приговорили" и т. д. Сохранилось множество боярских приговоров по частным делам с таким общим законодательным заключением: это был наиболее простой и обычный древнерусский способ выработки закона. Впрочем боярский приговор по частному случаю имел законодательное значение и без этой заключительной прибавки „да и впредь": в докладах и челобитных его приводили, как прецедент, основание для решения всех подобных случаев, „выписывали на пример" наравне со статьями Уложения. Такие прецеденты назывались в докладах „примерными или образцовыми делами". Когда дума изменяла действовавший закон, она особой оговоркой „отставляла" примеры и образцовые дела, решённые по этому закону, т.-е. запрещала ими руководствоваться. Таким законодательным значением приговоров по частным делам дума отличалась, как законодательная власть, от приказов, как учреждений судебно-административных: приговоры приказов, не доложенные думе и ею не утвержденные, в пример не выписывались. В 1692 г. одному челобитчику, в оправдание своего иска приводившему дела, вершённые в приказе без доклада, в боярском приговоре было замечено, что „из таких вершённых дел выписывать не довелось, потому что они вершены не по докладным выпискам, а из таких дел, которые вершены не по докладным выпискам, на пример не выписывают, а чинят указ по Уложенью и по новоуказным статьям и по именным указам и по боярским приговорам". Такое же законодательное значение имели и приговоры судных коммиссий думы по утверждении их общим собранием. Известен боярский приговор 12 марта 1680 г. по делу о приданой жениной вотчине, проданной Воином Ординым-Нащокиным, сыном знаменитого канцлера. Приговор сопровождался общим постановлением о порядке укрепления и записи за новыми владельцами жениных вотчин, проданных или заложенных мужьями. 12 марта 1680 г., как видно по разрядным книгам, царя с думой не было в Москве, где оставалась коммиссия под председательством кн. А. А. Голицына.

Ей и принадлежал упомянутый приговор. Из одного позднейшего доклада, в котором дело Воина было выписано „на пример“, видно, что по возвращении царя этот приговор был 19 марта доложен „в верху“ и утверждён думой, которая при этом дала ему более пространную редакцию, сославшись в подкрепление его на неизвестный нам боярский приговор 12 марта 1677 г. Но из другого доклада видно, что потом выписывали „на пример“ краткий приговор коммиссии, а не более развитую редакцию общего собрания *).

Поземельные дела XVII в., сохранившиеся во множестве, едва ли не лучший материал для изучения процесса, каким вырабатывались эти прецеденты, „примеры и образцовые дела“, превращавшиеся потом в законы. Поземельные тяжбы были особенно сложны и кляузны, и в них всего нагляднее вскрывается действие центральной правительственной машины Московского государства со всеми её подробностями и особенностями. Следя за тем, как двигались её неуклюжие, неповоротливые и не всегда опрятные колёса, как среди бесконечной волокиты и постоянных остановок, среди ябеды, взяток, встречных и поперечных исков и кляуз шли по этим колёсам частные дела, поднимаясь „в верх к бояром“, и как в конце этой трудной и медленной работы являлся боярский приговор с его обычным „да и впредь“, —следя за всем этим, живо чувствуешь, каким неудобным механизмом располагала дума для своей деятельности и какого труда стоило ей выработать целесообразный закон. Поземельные дела всего лучше дают понять и своеобразное значение закона в XVII в. Выезжий грек кн. Ф. Македонский в 1646 г. 4 октября начал иск о справке за ним вотчины, заложенной ему и просроченной вдовой Плещеевой с сыновьями. Истец подавал в Судный Московский приказ челобитную за челобитной; приказ только помечал на обороте каждой челобитной: „записать его челобитье“ и ничего не делал. Наконец на

*) П. С. З. №№ 633. 1447, 803 и 814, ст. 7. Отрывок доклада с выпиской дела Воина в собрании актов, принадлежащем автору. Дв. Разр. IV, 139 и сл.

десятой челобитной вышла помета: „поставить Плещеева с братом в приказе". Впрочем только по новой челобитной старший Плещеев был поставлен в приказ и приложил к ней руку в том, что стать ему к суду завтра, а не станет, на нём истцов иск, т. е. ответчик будет обвинён без суда. Но ответчик не стал на суд, а через день принёс в приказ подписную челобитную, в которой заявлял, что пропустил срок заклада, будучи на государевой службе, что теперь он отдаёт свой долг кн. Македонскому, да тот своих денег брать не хочет. Это вызвало новый ряд челобитий со стороны кн. Македонского. По *пятнадцатой* челобитной приказ наконец внёс в думу докладцую выписку о деле, и дума 22 ноября 1646 г. приговорила оправить истца. Плещеевы, проиграв тяжбу, начали разорять заложенную вотчину, вывозя оттуда крестьян, скот, хлеб. Дело возобновилось и осложнилось ещё тем, что родичи вдовы Плещеевой, урождённой Вердеревской, братья и племянники её Вердеревские принялись наперерыв один перед другим бить челом о выкупе своей родовой вотчины, а кн. Македонский по условию закладной, уступая вотчину на выкуп, искал на Плещеевых 1000 рублей долговой ссуды, роста и убытков. Дело затянулось до июля 1648 г. Македонский бил челом о перенесении дела в Поместный приказ из Судного Московского, где один из судей был в свойстве с Вердеревскими, да и по нижегородскому имению своему имел ссору с Македонским, своим соседом. Вердеревские просили взнесть дело в расправную коммиссию под председательством кн. Пронского, так как государь с боярами на ту пору случился в походе в селе Покровском, а Плещеевы справили себе подписную челобитную о перенесении дела „к бояром в Покровское". Македонский получил помету на челобитной, чтоб указ по делу учинён был в Поместном приказе по Уложению, тогда только что отпечатанному; на подписной челобитной одного из Вердеревских было помечено, чтобы дело доложено было кн. Пронскому с товарищами, а по помете на челобитной Плещеевых думный дьяк Поместного приказа должен был взнесть дело к

боярам в Покровское. Плещеевы обвиняли Македонского в том, что он в своих челобитных утаил указ о докладе дела боярам в Покровском, а Македонский обвинял Плещеевых в челобитье мимо кн. Пронского самому государю и в утайке того, что дело уже разбиралось Пронским. Пронской с товарищами по докладу из Поместного приказа слушал дело и приговорил с Вердеревских, которые выкупали вотчину, взыскать Македонскому долг Плещеевых 288 р., а с Плещеевых за неустойку и неочищенье 700 р., о росте же через Поместный приказ справиться в Судном Московском, велено ли по новому государеву Уложению брать рост на заёмные деньги, или нет, на что из Судного приказа последовал ответ, что в приказе никакого такого государева Уложения не сыскано, а в вершённых делах в подписных челобитных найдено, что „по заёмным кабалам в Московском Судном приказе ростовых денег не указывают“. Плещеевы просили послать в Судный Московский приказ вторично справиться, велено ли по Уложению брать рост; но Македонский бил челом не посылать в Судный, а послать в Челобитенный, где о таком деле в Уложении указ наверное есть. Наконец в Поместном приказе доискались в Уложении статьи, которая гласила, что по правилам св. апостолов и св. отец росту брать не велено, и даже высчитали зачем-то, сколько роста не придётся Македонскому взять с Плещеевых на заёмные деньги за 1645 и 1646 г. Плещеевы однако остались недовольны приговором кн. Пронского и добились доклада дела государю с боярами. Дума отменила приговор коммиссии кн. Пронского и постановила оставить вотчину за Македонским, а Вердеревским в выкупе отказать на том основании, что эта вотчина, как приданое Плещеевой, отдана была её мужу и „из Вердеревских роду вышла в род Плещеевых“, которые заложили вотчину Македонскому и просрочили. В продолжение тяжбы обе стороны подали 45 подписных и простых челобитных, из которых 28 пришлось на долю истца кн. Македонского, и всё это из-за половины деревни в Рязанском уезде с 19 крестьянскими дворами и 138 десяти-

нами пашни. Зато приговор думы создавал важный прецедент или прибавлял ещё один новый к прежним по вопросу о пределах права рода на выкуп отчуждаемых его членами родовых вотчин.

В изложенном случае приказная волокита является преимущественно следствием отношения приказа к челобитчикам. В другом деле рядом с этой выступает другая причина, путаница ведомств, шаткость порядка приказного делопроизводства. В 1643 г. стольник Фефилатьев выпросил себе в поместье под видом порожних пустоши в Московском уезде, которые оказались собственностью Угрешского монастыря; кроме того он захватил поле и сенокос одного из сёл того же монастыря и произвёл порубку монастырского леса на 120 руб. с полтиной. Дело о земельном захвате разбиралось в Поместном приказе, а о порубке в Разбойном. Монастырь подавал подписные челобитные, на которых думный разрядный дьяк помечал, что государь пожаловал, велел послать из Разряда дворянина для размежевания спорных земель, а в Поместном приказе отмечали: „и по той помете дворянин не послан“. В 1649 г. по новой челобитной монастыря приказ решил было заготовить приговор об очной ставке по делу о спорных пустошах, как последовало распоряжение перенести и земельное дело Фефилатьева с монастырем в Разбойный приказ, так как по государеву указу и подписной челобитной Фефилатьева велено его судом ведать в том приказе. Монастырь новой подписной отмолил перенос дела; но несмотря на новый ряд просьб и помет, чтобы поставить ответчика на очную ставку „не замешкав“, Фефилатьев не являлся и даже уехал из Москвы. Дело остановилось на много лет. Между тем к нему присоединялись новые дела. Монастырь искал на Фефилатьеве учинённой им потравы и своза хлеба с монастырской пашни; ответчик с своей стороны вчинил целый ряд встречных исков о захвате его земли монастырем, о подговоре его крестьян, о воровском приезде игумена с людьми в его деревню с боем и грабежем и наконец о бесчестьи, так как в монастырской

челобитной его написали *Филатьевым*, а он был и есть Фефилатьев, а вовсе не Филатьев. Эти дела производились в Судном Московском приказе. Тяжба о захвате монастырской земли возобновилась в 1661 г., и монастырь просил снести все его дела с Фефилатьевым в один приказ, только не в Судный Московский. Государь указал ведать монастырь судом в Монастырском приказе, но поземельную тяжбу его решить в Поместном. В 1669 г. она ещё не была решена и её указано было решить в приказе Большого Дворца, а два года спустя челобитья и другие бумаги по этому делу велено было взять в Судный Московский. Тогда же и Фефилатьев писал в челобитной, что его дела с монастырем, производившиеся в приказах Разбойном и Судном Московском, потом „по промыслу“ братии „объявились“ в патриаршем Разрядном приказе; он просил все дела сосредоточить в приказе Большого Дворца. Так его встречные иски из Судного Московского приказа были перенесены в патриарший Разряд, оттуда в Поместный, а отсюда наконец вместе с другими его делами попали в Большой Дворец. Последний в 1673 г. приговорил отдать захваченную землю монастырю, и истцы отмежевали её от земель Фефилатьева. Но Фефилатьев и не думал повиноваться приговору: в 1675 г. он „великим скопом, собровся с друзьями и советники, с пистольми и сайдаками, на отсуженной земле пожал посеянный монастырскими крестьянами хлеб и покосил сено, а братию грозил „бить смертным боем“; люди его на месте сжатого хлеба даже засеяли свое озимое на 1676 г. По докладу велено было разобрать дело в Поместном приказе, а если там решить его почему-либо будет не мочно, взнести к боярам. Вследствие этого распоряжения дело о земле и другие тяжбы Фефилатьева, перенесённые в Большой Дворец, были переданы оттуда в Поместный приказ. В 1676 г. это дело было доложено думе между прочим и потому, что неугомонный Фефилатьев чем-то обесчестил всех судивших его начальников и дьяков приказа Большого Дворца, вероятно, при обжаловании их приговора обвинил в недобросовестном ре-

шения дела. По приговору бояр в Золотой палате пустоши были утверждены за монастырём, а за бесчестье судей велено Фефилатьева оштрафовать и в случае несостоятельности бить кнутом. Но он и после того не тотчас очистил захваченную землю, которой владел 34 года. В 1677 г. монастырь бил челом о проторях и убытках, причинённых ему Фефилатьевым. Челобитная была „подписана“ и по ней велено указ об убытках учинить в Поместном приказе по Уложению. Но и этого дела приказ не решил сам. Несмотря на помету подписной челобитной он спрашивал бояр в докладе, искать ли монастырю своих убытков судом, или „по Уложению указывать“. Притом Уложение, определяя сумму вознаграждения за захваченных крестьян и сенные покосы, не указывало, сколько брать за пользование захваченной пашней. Не задолго до монастырского иска об убытках этот пробел в Уложении был устранён боярским приговором, по которому за владение захваченной пашней положено было взыскивать с захватившего по 2 рубля „за десятину, которая с хлебом, а без хлеба за десятину по рублю“. Приказ спрашивал думу в своём докладе, можно ли решить дело по этому приговору *).

Так вместе с своенравием древнерусской приказной подсудности обнаруживается своеобразное отношение приказа к закону. Когда не было закона на известный случай, думу спрашивали, как решить дело; когда существовал подходящий к случаю закон, её спрашивали, можно ли решить дело по этому закону. Закон еще не получил надлежащей твердости, постоянства; исполнительные учреждения предполагали возможность ежеминутной его перемены или отмены. Сама законодательная власть разделяла этот взгляд и иногда простодушно сознавалась, что руководствуется соображениями минуты. В 1627 г. царь и его отец патриарх прика-

---

*) Дело кн. Македонского см. в столбце Поместного приказа в Моск. Архиве мин. юстиции по г. Рязани № 15, дело № 14. Дело Фефилатьева там же в столбце по г. Москве № 32956, дело № 3. Ср. новоуказные статьи 10 марта 1676 г. в П. С. З. № 633.

зали отнюдь никому не давать поместий и вотчин из дворцовых сёл и деревень, потому что не доставало доходов на дворцовые надобности. В указе было прибавлено: „и хотя буде их государский и приказ будет по чьему челобитью, велят выписать кому дворцовое село или деревни к отдаче, и сей их государский указ памятовать и докладывать их, государей“. Приказы Поместный и Дворцовый обязаны были памятовать это распоряжение, а сама власть не надеялась на свою память или твердость, боялась в отдельных случаях под влиянием лиц и обстоятельств отступить от принятого решения и предписывала исполнителям не исполнять без особого доклада её приказаний, несогласных с этим решением: приказный доклад становился для законодательной власти средством надзора за своими собственными действиями. Вместе с тем не существовало и точно определенного законодательного порядка. По приговору государя со всеми боярами в 1597 г. вольные люди, прослужившие у кого-нибудь не меньше полугода без кабальной записи, становились кабальными холопями, хотя бы они и не хотели давать на себя кабал. Царь Василий Шуйский в 1607 г. отменил этот закон, запретив таких добровольных холопей отдавать их господам в кабальное холопство, если они сами не хотели дать на себя кабал, и прибавив в объяснение нового закона: „не держи холопа без кабалы ни одного дни, а держал бескабально и кормил, и то у себя сам потерял“. Указ царя был записан в Судебник. В 1609 г. судьи Холопьего приказа докладывали об этой статье в верху боярам, и бояре одни без царя приговорили царский указ 1607 г. отменить и восстановили прежний закон 1597 г., также записанный в Судебник. Можно подумать, что такое распоряжение бояр было следствием политического значения думы, приобретенного при этом царе в силу договора с ним, проявлением её нового права законодательствовать без царя и даже вопреки его воле. Но такое мнение было бы не совсем верно. Не зная всех условий договора этого царя с боярами, нельзя сказать, был ли тогда установлен

какой-либо порядок законодательства. Но можно заметить по действиям думы в это царствование, что для царя Василия стало по договору только *обязательно* то, что было *обычно* при прежних царях. Ещё до боярского приговора 1609 г. месяца за четыре царь Василий сам отступился от своего указа 1607 г., отменённого потом боярами, постановив добровольных холопей, служивших без кабал лет пять, шесть или больше и не хотевших давать на себя кабал, отдавать в кабальное холопство тем, кому они служили. Что ещё любопытнее, последний указ дан был царём, как временная мера, пока этот вопрос не будет разрешён боярским приговором: давая его, царь „рекся о том говорить с бояры". Очевидно, боярский приговор 1609 г. был следствием этого разговора царя с боярами, а не актом конституционной оппозиции последних первому. При царе Федоре Алексеевиче, когда не существовало ни такой оппозиции, ни самой конституции, встречаем явление ещё более странное на первый взгляд: низшая правительственная инстанция, коммиссия думы, отменяет закон, изданный высшей инстанцией, государем с думой. 18 января 1681 г. в отсутствие государя кн. Н. И. Одоевский с товарищами слушал и утвердил ряд докладных статей Поместного приказа о поместьях и вотчинах. Одна из этих статей, касавшаяся раздачи лишних земель, оказавшихся за владельцами по писцовым книгам сверх их поместных и вотчинных дач, была несогласна с приговором государя и бояр 1680 г., дававшим некоторую льготу тем владельцам или наследникам тех владельцев, которые захватили лишние земли до Уложения 1649 г., сравнительно с теми, кто стал владеть такими землями после Уложения. Приговор этот основан был на докладной выписке Поместного приказа, в которой пропущены были указы, уравнивавшие в этом отношении оба разряда владельцев. На основании такой неполноты доклада коммиссия кассировала постановление государя с боярами, а 10 дней спустя государь и бояре, которым были доложены слушанные коммиссией статьи, утвердили приговор кн. Одоев-

ского с товарищами. Дума законодательствовала при царе Фёдоре точно так же, как она законодательствовала и при царе Василии Шуйском. Оба изложенные случая вышли из одинакового источника, из взгляда на закон, господствовавшего в XVI и XVII в. Если решение по частному случаю получало силу закона, то и общий закон являлся похожим на частную временную меру. Он ещё не получил значения постоянного, решительного правила, которому должны подчиняться существующие житейские отношения: он сам приноровлялся к этим отношениям, устанавливавшимся независимо от него под другими влияниями. Общеобязательным считалось то, что исходило от верховной власти, на то уполномоченной. Но эта власть применялась к обстоятельствам, прислушивалась к потребностям минуты, выискивала наиболее подходящие к ним законодательные нормы, терпела неудачи, ошибалась и поправлялась, вообще действовала без всякой самоуверенности и самолюбивого упрямства: она давала закон, как временную меру, пробный проект, и охотно поступалась им для нового более удачного определения, откуда бы оно ей ни подсказывалось. Вдова Бахтеярова сдала своё прожиточное поместье зятю, обязавшемуся по смерти её кормить и выдать замуж её дочерей, своих свояченниц, а зять, не дождавшись её смерти, променял сдаточное поместье подьячему Разряда. Судья Поместного приказа кн. Троекуров в 1689 г. приговорил подьячему в его просьбе об утверждении сделки его отказать и поместье возвратить вдове. Но кн. Троекуров поступил несогласно с законом 1679 г., который, видоизменяя статью Уложения, запрещал отбирать такие сдаточные и променённые поместья у тех, кто их выменял, и возвращать сдатчикам. Дума утвердила приговор Поместного приказа, а свой приговор 1679 г. отменила, восстановив действие статьи Уложения. Такой взгляд на закон лишал судопроизводство надлежащей устойчивости, открывая широкий простор произволу судьи и проискам сутяги. Судебная практика, направляемая такими влияниями, иногда шла против закона и даже перемогала его. Уложение под

страхом батогов запрещало возобновлять дела, решённые крестоцелованием или мировой, а переносить дело из одного приказа в другой дозволяло только по сделанному ещё до суда заявлению истца или ответчика, что судья, у которого начато дело, „друг или свой“ противной стороне или недруг ему самому. Котошихин подтверждает такой порядок, говоря, что ссылкам на дружбу или недружбу судей, заявленным после суда, „верить не велено и другому суду не быти“. Но он повидимому имел в виду больше законный, чем практический ход дел; а на практике, как видно из боярского приговора 1675 года, даже вершённые судные дела переносили для нового производства из одного приказа в другой просто по памятям, приносимым челобитчиками из другого приказа в первый. Упомянутый боярский приговор запретил такой перенос, предписав челобитья против судей по вершённым делам „взносить к бояром“. Но упрямая практика брала своё. После этого приговора, в царствование Фёдора, у Шихирева с Шишкиным шли обоюдные иски в Судном приказе и между прочим Шишкин искал на Шихиреве 1000 рублей неустойки. По „договорной полюбовной заручной росписи“ все их судные дела в Судном приказе были „снесены вместе“, из них сделана общая докладная выписка, по которой судья того приказа эти дела вершил, только по делу о неустойке приговорил составить особую „выписку в доклад“ и взнести её „перед государевых бояр перед кн. Н. И. Одоевского с товарищи“, т. е. в Расправную Золотую палату. Последняя оправдала ответчика Шихирева. Вдруг из Земского приказа по челобитью Шишкина прислали в Судный память: велено вершённые дела Шихирева с Шишкиным взять из последнего приказа в первый к стольнику Поливанову, а у него, Шихирева, с этим самым судьёй стольником Поливановым „старая недружба и ссора“, да он же, Поливанов, истцу Шишкину „в ближном свойстве“. По челобитью Шихирева „сошла“ ему подписная челобитная: тех вершённых дел его из Судного приказа переносить не велено. Но по новой челобитной Шишкина из Земского

приказа прислали другую память о переносе тех же дел из Судного. Неизвестно, чем кончилось дело. Такая неурядица в судопроизводстве делает понятным суровый указ 18 октября 1689 г., который запретил принимать челобитные по делам, решённым в „палате“ именными указами, а за повторённые челобитья по таким делам пригрозил смертной казнью. Но, с другой стороны, такое отношение к закону делало законодательство тех веков доступным широкому влиянию со стороны общества; в приговорах думы, отменявших или подтверждавших прежде изданные узаконения, нередко читаем: „бояре, сию статью слушав, приговорили отставить для челобитья и спору всяких чинов людей“. Благодаря всему этому в московском законодательстве господствовало необычайное движение: рядом с изданием новых законов шёл постоянный пересмотр старых, которые дополнялись или ограничивались, изменялись или отменялись. Судебник, Уложение, отдельные уставы или „статьи“ становились анахронизмами, отставали от законодательного течения, едва успев по выходе из думы достигнуть казёнки столичного приказа или уездной приказной избы. Уложение 1649 г. признало дочерей с их сыновьями наследницами и вотчичами родовых и выслуженных вотчин отцов при отсутствии братьев. Через год право нисходящих по женской линии было ограничено в пользу боковых родственников. В 1676 г. это ограничение отменено и восстановлено действие статьи Уложения; в следующем году был подтверждён этот приговор. Такая подвижность сообщает великий исторический интерес этому законодательству, позволяя следить шаг за шагом, как московские государи с своими боярами строили право и государственный порядок *).

Эта торопливая мозаическая постройка мелкими частями

---

*) Указн. книга Поместн. приказа, изд. Моск. Арх. мин. юст., стр. 59. А. Ист. I, стр. 426; II, стр. 114 и 116. П. С. З. №№ 617, 860, 1264 и 814, 1341 и 774, 700 (о вотчинах ст. 3, ср. № 38 и Уложение, XVII, 4). Уложение, X, 4 и 154. *Котошихин*, VII, 39. Дело Шихирева в собрании актов, принадлежащем автору.

производила на стороннего наблюдателя такое впечатление, которое заставляло его думать, будто в Московском государстве не было постоянного закона, а его место занимали текущие распоряжения правительства. Здесь, пишет один из таких наблюдателей в конце XVI в., нет письменных законов кроме одной небольшой книги, в коей определяются порядок и формы суда; но нет вовсе правил, которыми могли бы руководствоваться судьи, чтобы признать самое дело правым или неправым, единственный закон у них есть закон изустный, т. е. воля царя, судей и других должностных лиц. У москвитян нет писанного права, повторяет другой в конце XVII века: воля государя и указ думы считаются у них верховным законом. Сторонним наблюдателям не был заметен осадок, какой оставался от потока государевых указов и боярских приговоров. Рядом с законодательством по текущим делам шла кодификация. Хотя каждое новое дело разрешалось на основании подробной докладной выписки прежних к нему подходящих случаев и узаконений, что̀ поддерживало движение законодательства в одном направлении, однако накоплялись законы, которых исполнители не умели согласить друг с другом; притом усиленный пересмотр то-и-дело „отставлял“ одни статьи, заменяя их другими. От этого приказу становилось трудно разобраться в своей записной книге указов и приговоров, откуда он выписывал в доклад „примеры и образцовые статьи“. Государь с думой руководил разборкой наличного законодательного запаса, скопившегося после Уложения, устанавливая порядок дальнейшей кодификации. Сверх общих записных книг, куда заносились в хронологическом порядке государевы указы и боярские приговоры, приказы обязаны были вести списки тех статей закона, которые отменялись, чтобы по ним дел не делать и „на пример“ их не выписывать. Когда в приказах накоплялись вершённые дела с боярскими приговорами, разрешавшими случаи, которых не предвидело Уложение, приказы, каждый по своему ведомству, выписывали эти приговоры и к ним присоединяли обыкновенно в форме вопросов свои

проекты на встречавшиеся в их практике случаи, не разрешённые ни Уложением, ни позднейшими боярскими приговорами, „делали статьи вновь, какие в которых приказех впредь к вершенью всяких дел пристойны“. Расположив эти выписки и проекты статьями в тетрадях, приказы прямо или чрез Разряд вносили их в думу. Любопытным образчиком такой работы могут служить новоуказные статьи о поместьях и вотчинах 1676 и 1677 г. По распоряжению начальника в Поместном приказе в 1676 г. выписали статьи Уложения о поместьях и вотчинах и боярские приговоры о том же предмете, состоявшиеся после Уложения и с ним „несходные“. Присоединив к этому несколько вновь написанных своих статей, которыми пополнялись Уложения и боярские приговоры, приказ составил две докладные выписки, одну о поместьях, другую о вотчинах, и в разных числах марта внёс их в думу. Бояре выслушали доклады, положили под каждой статьёй свой приговор и велели всем думным дьякам закрепить оба акта. Но оказалось, что статьи эти вызывают много споров, аппеляционных жалоб, и некоторые из них думе пришлось изменить вскоре после их утверждения. Поместный приказ соединил обе докладные выписки в одну и в новой редакции, исправленной и дополненной, в 1677 г. доложил боярам, которые утвердили некоторые из своих прошлогодних приговоров, другие пополнили, а третьи отменили. Так составилось нечто похожее на устав о поместном и вотчинном землевладении. Вот для примера изложение первой статьи его. Землевладельцы меняются между собою землями „с перехожими четвертями“, т. е. с неодинаковым количеством десятин пашни. Уложение допускает утверждение таких сделок, когда перехожих четвертей немного, но не говорит, сколько именно. 22 февраля 1676 г. бояре приговорили утверждать перехожие четверти, сколько бы их ни было написано в заручной челобитной меняющихся. 9 августа того же года бояре приговорили: лишних четвертей должно быть не больше 10 на 100. 6 апреля 1677 г. бояре приговорили, в уважение к челобитью всяких чинов людей, поступать по

приговору 22 февраля, так как мера полюбовная. Ныне 10 августа бояре, сей статьи слушав, приговорили: быть по приговорам 22 февраля и 6 апреля *).

Таковы были обычные моменты московского законодательного процесса: сначала доклад приказа по делу, не предусмотренному законом или чем-нибудь возбудившему недоумение судьи; потом боярский приговор, разрешавший это дело и присоединявший к решению общее постановление на все подобные случаи; затем выборка и свод таких приговоров по предметам в статейные докладные списки; далее пересмотр приговоров думой по статейному списку, их исправление, дополнение и утверждение. Так обрабатывались различные части московского законодательства до Уложения 1649 г. и после него; так вырабатывалось московское право. Оставался ещё момент, последний: это свод отдельных статейных списков в цельный кодекс. Таким сводом и было Уложение 1649 г. для законодательства предшествующего времени. В 1700 г. предпринята была такая же работа над многочисленными новоуказными статьями, явившимися после Уложения царя Алексея. Из этой работы должно было выйти новое Уложение, которое относилось бы к старому так же, как Судебник 1550 г. относился к Судебнику 1497 г. Но это дело не удалось, как не удавалось оно во весь XVIII век.

Создавая закон, дума строила и государственный порядок, обеспечивавший его действие. Она с государем вела дела внешней политики и народной обороны, делала распоряжения о мобилизации войск, составляла планы военных операций и т. п. Она же ведала и тесно связанное с этими делами государственное хозяйство. Новые налоги, постоянные и временные, прямые и косвенные, вводились обыкновенно по приговору бояр. Участие выборных представителей земли в этом деле было лишь вспомогательным средством финансовой политики думы, служило простой справкой. Характер

---

*) *Флетчер*, гл. 14. *Корб*, стр. 273. П. С. З. №№ 1022, 900, 700, 638 и 634.

этого участия выражается в вопросе, какой предложен был в 1681 г. выборным из городов по поводу назначенного думой нового оклада „стрелецких денег“: „нынешний платёж платить им в мочь, или не в мочь, и для чего не в мочь“? Когда выборные заявили, что платить им сполна не в мочь, и объяснили, почему не в мочь, их отпустили по домам, а бояре приговорили положить новый оклад „перед прежним с убавкою“. В этом отношении Салтыков с товарищами, заключая договор с польским правительством 4 февраля 1610 г., формулировал только московский политический обычай, поставив условие, чтобы новые подати вводились с согласия думных людей, а не с согласия выборных всей земли. Выпуск монеты нового чекана, назначение подарков, какие должно было повезти к иностранному двору московское посольство, все экстраординарные расходы, назначение и выдача жалованья ратным людям перед походом, даже выдача окладного жалованья вперёд дьякам, ехавшим в командировку,—эти и им подобные более или менее экстренные меры вызывали доклад и разрешались самой думой *). Но вообще следы финансовой деятельности думы в памятниках сравнительно скудны. Течение казённых сумм—эта была статья московского управления, наиболее тщательно разработанная и установленная такими заботливыми хозяевами, как московские государи; потому здесь меньше возникало недоумений, требовавших указания со стороны законодательной власти. В одной важной отрасли государственного хозяйства исполнительные учреждения на каждом шагу должны были обращаться к думе за указаниями: это была раздача казённых земель в поместное и вотчинное

---

*) Чт. в Общ. Ист. и Др. Р. 1880 г., кн. 3: приговор о Чигир. походе. А. А. Эксп. IV, № 250. А. Ист. V, №№ 77 и 83. П. С. З. №№ 494, 499, 876, 879, 882 и др. П. С. Р. Лет. VI, 297. *Викторова*, Опис. записн. книг дворц. приказов, I, 139. Десятня Ряжская 1579 г. в Опис. док. и бум. Моск. Арх. мин. юст., кн. 8, III, 219. Боярск. кн. 1604 г. № 2 в Моск. Арх. мин. ин. дел, л. 53.

владение. Здесь даже текущие дела восходили по докладу „в верх“.

Недостаточно известны подробности того, как возникало и складывалось московское центральное и областное управление, действовавшее в XVI и XVII в. Но боярский совет надобно признать постоянным сотрудником государя в этом деле. Крупные и мелкие административные реформы этих веков шли из думы или через думу. По актам XVI и XVII в. видим, что дума устанавливала областное административное деление, разграничивала ведомства центральных и областных учреждений, определяла порядок делопроизводства в них, особенно порядок суда уголовного и гражданского, давала общие правила для назначения областных управителей, указывала пределы их власти, вводила новые должности или отменяла старые, предметы ведомства закрываемых приказов вместе с книгами передавала другим учреждениям и т. п. *). Иногда она касалась и еще более важных вопросов государственного устройства. От царствования Фёдора Алексеевича остался один странный документ, заслуживающий изучения: это проект росписи высших чинов и должностей по степеням. Высшие должности, обозначенные в этой росписи, трех родов: военные, придворные и гражданские. Высших военных сановников 14: „дворовый воевода“, что-то в роде военного министра и вместе начальника походной царской квартиры, „оружейничей“, фельдцейгмейстер, два инспектора пехоты и кавалерии („болярин над пехотою“ и „болярин над конною ратию“, которых не было в прежнем составе московского военного управления) и 10 „воевод“ местных „разрядов“ или военных округов; среди этих воевод поставлен и „обоих сторон Днепра гетман“. Придворные сановники, дворецкий, кравчий, главный чашник и постельничий, существовали и прежде при московском

---

*) А. И. I, 154; III, № 167. П. С. З. №№ 1150, 1293, 951, 617, 441, 1085, 1277, 508, 779 и др. Записки отдел. русск. и слав. арх. Р. Арх. Общ. II, 45, 51 и др.

дворе. Ряд гражданских сановников открывается „предстателем и рассмотрителем над всеми судиями царствующего града Москвы“, т. е. министром юстиции, с коллегией 12 „заседателей“, бояр и думных людей: это знакомая нам Расправная палата, ставшая постоянным учреждением незадолго до составления рассматриваемой росписи. За министром юстиции следуют 60 наместников, носивших имена разных городов государства: первое место между ними занимает „наместник володимирской“, второе „наместник новгородской“ и т. д. Ряд гражданских сановников оканчивается печатником и думным посольским дьяком. Все эти должности распределены на 34 степени, из которых одни, так сказать, единоличные, а к другим причислено по нескольку сановников: так первую степень составляет „рассмотритель над судиями“ с своими 12 товарищами, а к последней 34-ой степени отнесены 20 наместников, печатник и думный посольский дьяк. Кроме того в росписи удержано и прежнее деление должностной иерархии по думным чинам на бояр, окольничих и думных дворян. Одною из особенностей этой росписи является наклонность называть греческими, собственно византийскими терминами не только вновь проектированные, но и старые должности московского управления: так министр юстиции или первый боярин Расправной палаты назван *дикеофилаксом*, блюстителем правосудия, кравчий *куропалатом* и т. п. В составлении росписи участвовал, очевидно, какой-нибудь служивший в Москве грек, может быть, известный в то время переводчик Посольского приказа Николай Спафарий. Роспись эта непонятна во многих отношениях. Между прочим трудно угадать, для чего она составлена. Она явилась вскоре после отмены местничества и была повидимому вызвана этим актом 12 января 1682 г. Самое количество высших должностей, которых в проекте обозначено 92, не считая гетмана и думного посольского дьяка, рассчитано на тогдашний личный состав думы: в начале 1682 г. членов её в высших думных чинах бояр, окольничих и думных дворян было около 90, не

считая думных дьяков *). До отмены местничества лица высшей правительственной иерархии рассаживались по местническому старшинству, по породе. Теперь иерархию, основанную прежде на родовитости *лиц*, хотели, может быть, построить на сравнительной важности *должностей*. Но зачем, казалось бы, создавать новое основание, когда было под руками одно из старых? Когда пало местническое „отечество“, оставалось старшинство чинов, а в пределах каждого чина старшинство службы; на этом чиновном и служебном старшинстве держалась иерархия дьяков и подьячих по приказам. Между тем дума и по отмене местничества оставалась верна чисто местническому взгляду, не признавала старшинства по службе в известном чине: боярину, который в 1693 г. доказывал своё превосходство перед другими тем, что раньше их был пожалован в этот чин, дума, отвергнув значение породы, заявила однако: „кто прежде или после пожалован, о том принять к бесчестью не для чего“. По своей видимой ненужности роспись представляется мало понятной. В сношениях с иноземными правительствами московским сановникам был обычай давать для парада титулы наместников разных городов государства, в которых они никогда не наместничали. При встрече с иноземными герцогами и графами, с польскими маршалками, воеводами и старостами разных городов Москва хотела показать, что и у неё есть обильный запас титулованных магнатов не хуже заграничных, что „свейского короля великому и полномочному послу графу Оксенстерну“ не стыдно иметь дело с „ближним боярином и наместником *тверским* князем Ю. А. Долгоруково“ или с „боярином и наместником *шацким*, царственные большие печати и госу-

---

*) Роспись в Архиве ист.-юрид. сведений, *Калачова*, кн. I, отд. 2, стр. 23—33. Под актом об отмене местничества подписались 38 бояр, окольничих и думных дворян и 10 думных дьяков. Но этот список повидимому не полон: нет, например, боярина кн. М. А. Голицына и окольничего А. С. Хитрово. Собр. гос. гр. и дог. IV, стр. 407 и сл. ср. с разрядом 190 г. в приложении к XIV тому Ист. России *Соловьева*.

дарственных великих посольских дел оберегателем“ Аф. Лавр. Ординым-Нащокиным; для пущей важности московского дипломата иногда писали в акте дворецким „имени для, а он был не дворецкий“, как откровенно признавалась оффициальная запись. Всё это имело свой дипломатический смысл. И в разбираемой росписи многочисленные наместничества только титулы, а не должности: действительная обязанность этих наместников, по объяснению росписи, состояла в том, что когда государь созывал бояр и думных людей „для совету государственных дел, они в палатах садятся в думе“, т. е. они именно и были этими боярами и думными людьми. Трудно догадаться, зачем понадобилось украсить членов думы устарелыми званиями областных наместников, перед кем из своих хотели блеснуть этим феодально-герольдическим орнаментом.

Один почти современный памятник объясняет происхождение и смысл этого проекта—смысл очень важный. Предполагалось разделить государство на несколько действительных наместничеств и рассажать по ним наличных представителей московской знати со значением действительных и притом *несменяемых* наместников. Самая замечательная черта этого замысла та, что почин дела принадлежал самим боярам. В 190 г., рассказывает *Икона*, т. е. по всей вероятности в конце 1681 г., когда возбуждён был вопрос об отмене местничества, советовали царю Фёдору „палатстии бояре“, чтобы в его державе „по подчинённым единой власти государствам и царствам“, в Великом Новгороде, в Казани и других областях были царские наместники, „великородные бояре“, *вечно* и носили бы они „титла тех *царств*, где кто будет“, один, например, писался бы боярином и наместником *князем* всего царства Казанского другой—царства Сибирского и проч. Значит, проектированные наместничества были не мелкие уезды, на какие делилось Московское государство, а целые исторические области, вошедшие в состав Московской державы и составлявшие прежде самостоятельные государства. Сообразно с новым административным делением госу-

ства предполагалось устроить и епархиальное деление Церкви. Царь дал согласие на предложение бояр, и уже заготовили проект, „тетрадь“, за пометою думного дьяка с изложением того, „где кому быти и творити что“. Оставалось испросить благословения патриарха на реформу, и к нему препроводили тетрадь. Иоаким понёс много труда и хлопот от „палатских подустителей“, настаивавших, чтобы он то дело благословил и утвердил. Но патриарх „всеконечно“ восстал против проекта, указывая на политические опасности задуманного преобразования: великородные „вечные наместники“, разбогатев и возгордившись, разрушат единовластие, „многими годами“ установленное, поделят между собою верховную власть и поколеблют государство, ибо разделившееся царство, по евангельскому слову, не простоит долго, и тогда опять пойдут войны, нестроения, гибель людей, все те несказанные беды, какие были некогда в Русской земле, когда она делилась на разные княжения, как о том в историях и летописных книгах рассказывается всюду. Возражения патриарха остановили этот проект аристократической децентрализации государства или, если можно так выразиться, попытку ввести в московской Руси феодализм польского пошиба *). Рассмотренная роспись чинов и должностей по степеням была уже переделкой этого неудавшегося проекта, в которой от него остались только наместнические титулы членов думы, не имевшие ни дипломатического, ни какого-либо иного смысла.

---

*) *Икона* или изображение дел патриаршего престола, сост. в 1700 г., по копии Ундольского № 210, л. 38 и сл. (ср. *Замысловского,* Царств. Фёдора Алексеевича, I, приложения, стр. XXXIV). Кажется, мысль о реформе возникла еще до образования (в ноябре 1681 г.) той думной коммиссии с выборными стольниками и других чинов людьми, которая предложила отменить местничество. По крайней мере связанный с вопросом о наместничествах проект нового распределения епархий и архиереев по степеням, шедший впереди других царских предложений о церковных преобразованиях, был заявлен патриарху с собором уже 2 сентября 1681 г. Собр. гос. гр. и дог. IV, №№ 131 и 128. Ср. А. Ист. V, № 75.

Несмотря на скудость прямых указаний, можно заметить, что дума имела широкое влияние на личный состав управления. По характеру её отношений к государю и здесь, как в других делах, не могло быть точно определено, в каких случаях назначает на должности и возводит в чины один государь и в каких вместе с думой. Из шутливой челобитной царя Алексея к боярам видно, что он иногда сам назначал на воеводства и жаловал в стряпчие и стольники по частным ходатайствам думных людей. Но гетмана Брюховецкого государь пожаловал боярством в 1665 г., „говоря с бояры“; точно так же по приговору с боярами провинциальные дворяне за службу и полонное терпение из „дворовых“ возводились в следующий чин, писались „по выбору“. Из записки того же царя, о чём говорить с боярами, видим, что в думе обсуждались вопросы о смене городовых воевод и назначении полковых, как и вопросы о служебном передвижении самых полков по городам. В 1675 г. даже увольнение от должности разбитого параличом киевского воеводы состоялось по приговору государя с боярами на особом заседании думы, которое вызвано было докладом приказа об этом деле. В 1677 г. вообще запрещено было сменять городовых воевод и приказных людей без именного указа, а в именных указах обыкновенно передавались приговоры государя с думой. Воеводы назначались в города из Разряда и других приказов, но по докладу государю с думой. Известие Татищева о таксе, по которой будто брали взятки в Разряде и Казанском Дворце за назначение на воеводство в тот или другой город, показывает только, что дума обыкновенно утверждала кандидата, предложенного приказом. По воле государя или по указанию думы назначались и судьи приказов. Говоря о себе, как начальнике Посольского приказа, А. Л. Ордин-Нащокин писал царю в 1669 г., что он служит ему по его государской неисчетной милости, а не по *палатному* выбору: знаменитый канцлер при этом противополагал себя правителям, которые „из палаты к делам *по совету* выбраны“. Государь вместе с думой распределял пра-

вительственные дела и между членами самой думы, при отъезде из Москвы совещался с боярами, кому следовать за ним и кому поручить управление столицей, или в случае войны кому из бояр становиться во главе полков и каким именно и кому оставаться в Москве для текущих дел управления *).

Надзор за ходом управления можно признать одной из неясных сторон деятельности думы; кажется, это была и наиболее слабая её сторона. У думы не было особого механизма для административного контроля, и она поверяла действия подчинённых учреждений через них же самих. Она старалась иметь под руками подробные сведения обо всём наличном составе управления. Сбор этих сведений был одной из специальных обязанностей Разряда, как главного отделения думной канцелярии. Он составлял в XVII в. „годовые сметы“ всем служилым людям от боярина-воеводы до последнего пушкаря, служившим „с денежного и хлебного жалованья или земли“. Для этого в начале каждого года он рассылал по приказам памяти с требованием „росписей всяким людем“ по ведомству каждого. Все приказы вели приходо-расходные книги; от времени до времени с „верху“ требовали, чтобы начальники приказов велели сосчитать и доложили государю, сколько за известное время получено дохода в каждом приказе и сколько, на что и по каким указам израсходовано, также сколько государевой казны числится в недоборе. Казённые постройки в городах разрешались только по докладу боярам, которые указывали порядок осмотра ветхих зданий и составления смет для постройки но-

*) Записки отд. русск. и слав. арх. Р. Арх. Общ. II, 712 и 734. П. С. З. №№ 375, 736, 704. Дв. Разр. III, 1175. *Татищева* Судебник, 137. *Соловьев*, XII, 71 и 72. *Корб*, 159. Разр. книга в Спб. Сборн. *Валуева*, 16. В 1621 г. Б. Давыдов бил челом, что ему меньше кн. Барятинского быть не мочно. Разрядный дьяк, вышедши от бояр, сказывал Давыдову приговор государя и бояр: „ведаючи твое отечество, потому и *выбрали* тебя, что мочно тебе быть меньше кн. Барятинского“. Оба соперника были назначены полковыми воеводами. Дв. Разр. I, 470.

вых; повидимому и эти сметы, составленные на месте, представлялись подлежащим приказом на утверждение думе. Наиболее обычным средством судебно-административного надзора оставался доклад дел думе для окончания их или пересмотра. Этот доклад, как мы видели, был добровольный или невольный: первый вызывался собственным недоумением подчинённой инстанции, второй либо особым законом, запрещавшим вершить известные дела без доклада, либо апелляционной жалобой, даже „изветом", доносом. Приговор думы, вызванный докладом, не только проверял действия подчинённого места, но и давал указание, как впредь действовать, создавал прецедент. Таким образом законодательный процесс становился и средством контроля за управлением, или контроль становился моментом законодательного процесса. С другой стороны, древнерусская апелляционная жалоба по своему характеру влекла за собой суд о правильности действий должностных лиц. Потому, как известно, такой суд сопровождался не только утверждением или отменой приговора низшей инстанции, но и наказанием жалобника или судьи *). Челобитья на судей по закону взносились к боярам, т. е. в общее собрание думы или в её коммиссию. Несмотря на строгость наказания за ложную жалобу, тяжущиеся в древней Руси любили бить челом „о неправом вершеньи на судей", и потому апелляция была для думы очень энергическим средством контроля за действиями подчинённых учреждений, областных и центральных. Президент Юстицколлегии А. Матвеев, сын известного боярина при царе Алексее, вспоминая в 1721 г. старину XVII в., писал Петру,

---

*) Уложеніе X, 5—10. В 1675 г. боярин кн. Пронской обжаловал решение по своему делу, постановленное судьёй Владимирского Судного приказа стольником Морозовым будто бы „по недружбе" к боярину. По просьбе судьи государь велел думному разрядному дьяку взнесть дело в доклад „в верх" и с боярами, утвердив приговор Морозова, указал доправить последнему за бесчестье с кн. Пронского 500 руб. (не менее 7000 на наши деньги). Дворц. Разр. III, 1287. Такие случаи не редки в делах XVII в.

что в прошлых годах, когда кн. Я. Ф. Долгорукий сидел в Судном Московском приказе, в один год с полтораста дел по челобитьям на его вершенье было перенесено в Расправную палату; а кн. Я. Ф. Долгорукий считался образцовым судьёй *). Суд по делам службы, о неисправном исполнении служебных обязанностей, входил в состав законодательных полномочий думы: административная юрисдикция была одним из вспомогательных средств охраны и укрепления государственного порядка, который строила дума своими приговорами. Она не только вершила дела по государственным преступлениям, но и производила по ним следствие, делала распоряжения об аресте и обыске заподозренного, сама его допрашивала. В 1671 г. все бояре на Земском дворе допрашивали Разина и давали очные ставки. В 1674 г. дума в полном составе отправилась на Земский двор, куда привезён был из Малороссии самозванец Воробьёв, допросила его с пыткой, допросные речи послала с начальником Посольского приказа Матвеевым к государю, оставшись сама на Земском дворе дожидаться государева указа, и когда вернулся Матвеев с указом государя, приговорила самозванца к казни. Допрос обвиняемого в присутствии всех бояр считался необходимым моментом правильно ведённого политического процесса. Кн. Курбский рассказывает, что когда приближённые царя Ивана оклеветали в смерти царицы Анастасии Сильвестра и Адашева, последние письменно и чрез митрополита просили у царя суда и очной ставки с клеветниками: „да будет, писали они царю, суд явственный пред тобою и предо всем сенатом твоим“. Упомянутый Матвеев-сын в записках своих считает совершенно неправильным суд над князьями Хованскими, которых бояре и палатные люди, уступая настояниям царевны Софьи, в 1682 г. осудили на смерть по заранее составленному приговору, „без всякого розыска, как бы надлежало“, не выслушав их „очи-

*) *Соловьев*, XVI, 192 и сл. Кн. Долгорукий сидел в этом приказе с 1689 г., кажется, до 1697 г. Др. Р. Вивл. XX, 342; ср. *Желябужского*, 22, и Дв. Разр. IV, 990 и 1040.

стов" в своих винах. Нарушение важных служебных обязанностей имело значение государственного преступления, рассматривалось, как „воровство и измена", и судилось думой. В 1615 г. воевода кн. Барятинский, посланный на Лисовского, „шёл мешкотно и идучи сёла и деревни разорял": бояре судили его за воровство и измену и приговорили к тюрьме. Точно так же, когда из отчета послов, воротившихся из Персии в 1620 г., оказалось, что дьяк Тюхин частию поневоле вёл себя при дворе шаха не по прежним обычаям, завязал неловкие сношения, бояре судили его, как вора и изменника, и, несмотря на его оправдания, приговорили после пытки сослать его в Сибирь. Даже суд по местническим делам был лишь видом суда о преступлениях и проступках по службе: споры об „отечестве" тесно сплетались с служебными отношениями и постоянно мешали надлежащему течению правительственных дел. Вот почему эти дела ведала сама дума, если не поручала их кому-нибудь из своих членов.

Значением думы, как учреждения, наблюдавшего за управлением и им руководившего, объясняются и её отношения к областной администрации. В текущих делах управления между думой и областью стоял приказ, как посредствующая инстанция, пользовавшаяся известной долей самостоятельности. Но в вопросах, касавшихся самого порядка управления или правильности действий областных правителей, этот посредник превращался в простой передаточный пункт, чрез который проходили донесения из области в думу и распоряжения думы в область. Отписку из уезда о недобросовестных действиях воеводы приказ докладывал боярам, а бояре возлагали на этот или другой приказ исполнение меры, принятой ими против воеводы. По Судебнику 1550 г. только государь или все бояре, „приговоря вместе", могли через приказ вызвать областного управителя к отчёту в приказных делах раньше срока, на какой ему дана должность: сам приказ, в ведомстве которого находился этот управитель, не имел на то права. В XVII в. для проверки дей-

ствий воевод в экстренных случаях посылались особые назначенные думой ревизоры, „сыщики“. Дума пользовалась даже остатками земского самоуправления, чтобы установить прямой и постоянный надзор за действиями областной приказной администрации. Так, чтобы унять воевод от „вымышленных и казне и людем разорительных поступок“, предписывалось сообщать земским избам копии с данных воеводам инструкций. Старосты и „земские всяких чинов жители“, в случае нарушения воеводой этих „статей“, должны были посылать в Москву челобитные за своими руками, подробно указывая, „против которых статей какие неправости в доходах государевой казне или в их обидах учинит“ воевода; такие челобитные, разумеется, докладывались в „верху“. В XVI в. земские судьи пересылали дела, которых не могли вершить сами, в подлежащий приказ, а приказ докладывал их прямо царю. И в XVII в. важная тяжба переносилась из уезда прямо в думу, как скоро одна сторона „порочила“, оспаривала действие местной власти: участие средней инстанции, приказа, мало заметно. Поэтому не было совершенной новостью то, что по жалованной грамоте 1654 г. добровольно сдавшемуся городу Могилёву дела, решённые выборным городским судом, переносились по жалобам в Москву в думу, где их слушали и расправу по ним чинили „бояре и думные люди“, хотя в данном случае непосредственное отношение думы к городскому суду условливалось и тем, что для управления новоприобретенными в Литве городами ещё не было в Москве особого приказа, который вскоре возник под именем Литовского. Такой порядок надзора должен был иметь значительную степень энергии благодаря тому, что государю и боярам докладывался вообще всякий необычайный случай в центральном и областном управлении, неповиновение воевод предписаниям приказов, как и пропажа ста рублей казённых денег из лубяной коробки в приказной казёнке или присылка в Москву таможенных книг, не закреплённых по листам рукою таможенного головы, за что бояре приговорили его „бить батоги“. Этим объясняется

известие Флетчера о множестве разнообразных дел, проходивших через думу, как и её обычай собираться утром и вечером *).

В строе правительственных учреждений Московского государства нельзя искать точного определения ни ведомств, ни компетенций, ни порядка делопроизводства. Тем менее уловимы начала, основы управления. Ясно сознавался один принцип: вся полнота верховной власти сосредоточивается в лице государя; боярская дума и другие учреждения действовали в силу и в меру полученных от него полномочий. Но этот принцип скорее подразумевался, чем практиковался. На деле боярская дума являлась сотрудницей государя и как бы соучастницей верховной власти. При таком отношении принципа к практике трудно подвести авторитет и компетенцию боярской думы под нормы привычного нам государственного права: здесь исторически сложившийся обычай занимал место закона. Дума законодательствовала, вела дела высшего управления и суда или под председательством государя, или без него. В присутствии государя она могла иметь только совещательное значение. Приговор, произнесённый боярами без государя, обыкновенно становился окончательным решением в силу постоянного верховного на то полномочия, и тогда дума действовала, как законодательная власть. Кажется, только три рода дел, рассмотренных боярами без го-

*) См. о сборе росписей для годовой сметы в записных книгах Моск. стола Разр. приказа (в Моск. Арх. мин. юст.); два извлечения за 1634 и 1637 г. напечатаны г. *Гольцевым* (Госуд. хозяйство во Франции XVII в., 163—170. Акты Моск. гос. I, №№ 571, 572 и др. П. С. З. №№ 802, 1484, 1271, 617, 1511 и 1309. А. З. Росс. IV, стр. 404. Дв. Разр. III, 1019 и сл. (ср. А. Ист. IV, № 247): I, 200. См. ещё дела о преступлениях по должности Шеина с товарищами в А. А. Э. III, № 251, полковн. Грибоедова там же, IV, № 254 и др. Сказ. кн. *Курбского*, 79. Записки *Матвеева*, 45. *Соловьев*, IX, 207: XIII, 241. А. Ист. IV, стр. 226. А. Э. I, № 234. Г. *Вахрамеева*, Княж. и царск. грамоты Яросл. губернии, № 5. *Викторова*, Оп. записн. книг дворц. прик. I, 70. Г. *Оглоблина*, Обозр. столбц. и кн. Сибир. приказа, IV, 11.

сударя, восходили на его усмотрение: это 1) местнические дела и приговоры о наказаниях за тяжкие вины, 2) дела, решить которые сама дума находила невозможным без государя, и 3) дела, по которым боярские приговоры государь нарочито приказывал доложить себе. В этих случаях дума также получала совещательное значение; но эти случаи являются исключительными, как отступления от нормального порядка. Такое двойственное значение думы было возможно при отсутствии мысли о предварительном обсуждении или „первообразном начертании закона“, как особом моменте законодательного процесса, предшествующем его верховной санкции. В думе эти моменты сливались в силу данного ей общего полномочия, и её приговоры без государя, говоря языком Свода Законов, шли порядком дел, кои независимо от их существа получали в ней „законное в ходе направление“, не требующее особого высочайшего разрешения. В силу того же полномочия дума не только законодательствовала, но и участвовала в действительном управлении, имела непосредственное отношение к исполнительным его органам и сама направляла свои приговоры „к предназначенному им совершению“. Такое её значение сказывалось и в той обычной форме, в какую облекался новый закон, в государевом *именном указе.* Он издавался от имени государя, но не всегда выражал непосредственно личную волю государеву. По указу 14 марта 1694 г. в форме именного указа излагались судные дела, которых бояре не могли решить сами без доклада государю, на основании наличного закона, и решение которых боярами совместно с государем вызывало новый закон. Именным указом в собственном смысле назывался законодательный акт, исходивший от государя с боярами, излагавший государев указ и боярский приговор. В этом смысле именной указ можно отличать как от боярского приговора, состоявшегося без государя, так и от единоличного указа самого государя, не говоря уже о распоряжениях приказа, также облекавшихся в форму государевых указов. Но московская правительственная практика так мало привыкла отделять

воли государя от воли его совета, что не делала этого различия и приговоры по делам, которые „вершены в палате", принимала за „государские именные указы", всё равно, были ли они произнесены в присутствии государя, или без него; точно так же выражение „государь указал" не всегда означало единоличное повеление государя. Подчинённые места обращались „в верх", к государю и думе, как к единой верховной власти: Пушкарский приказ, ходатайствуя о жалованьи пушкарям, „докладывал великого государя и бояром бил челом", ожидая их совместного указа. Государев указ и боярский приговор не противополагались друг другу в смысле актов неодинаковой силы: в Уложении и в других памятниках московского законодательства „государевы указы и боярские приговоры на всякие государственные и на земские дела" являются вполне равносильными источниками права. Да это и не всегда особые законодательные акты: „новоуказные статьи", имевшие силу статей Уложения, государь и бояре утверждали, как совместный акт единой и нераздельной законодательной власти, как „весь свой государев указ и боярский приговор". Больше того: Уложение и новоуказные статьи, утверждённые государем и боярами, пересматривались, пополнялись и отменялись одними боярами; по крайней мере в изложении приговоров думы по отдельным статьям этого пересмотра признавалось возможным не упоминать об участии в этом деле государя, ограничиваясь простой формулой: „бояре, сей статьи слушав, приговорили". Был установлен и формальный признак, отличавший именные указы, как законы в собственном смысле, от простых распоряжений государя и думы по текущим делам, тоже иногда называвшихся именными указами: по постановлению думы 1690 г. именные указы законодательного характера могли быть закрепляемы только думными дьяками, даже иногда всеми, т. е. должны были проходить через думу. Боярская дума признавалась непременным органом законодательства. Это подтверждается и впечатлением, какое производила она на иноземцев, наблюдавших ход высшего мо-

сковского управления. Западно-европейским наблюдателям это управление казалось построенным на тонко рассчитанном коварстве: они писали, что царь московский только делал вид, будто уступал думе часть своей самодержавной власти, что он спрашивал её мнения только для того, чтобы отвести от себя ответственность за свои действия. Но если снять с этого изображения тенденциозную окраску, основные черты его окажутся совершенно верными: дума действительно была так постановлена в верховном управлении, что казалась не слугой, а участницей верховной власти.

Законодательному значению думы отвечал и её авторитет в глазах управляемого общества. Думные люди резко отличались от общества: они *по закону* не подвергались телесному наказанию за то, что недумные люди искупали кнутом или батогами; за оскорбление их наказывали гораздо строже, чем за оскорбление других. Дума и на земском соборе выделялась из ряда представителей земли. Вопрос, подлежавший обсуждению, предлагался от царя выборным людям при боярах, но не боярам вместе с выборными людьми. Бояре с государем обыкновенно уже до собора обсуждали этот вопрос; по их приговору с государем и созывались выборные, как и распускались. Думные люди являлись на соборе не представителями земли, призванными правительством, а частью правительства, призвавшего представителей земли; члены думы назначались и руководить совещаниями этих представителей, „сидеть с выборными людьми". Так смотрели на думу и сами выборные. На предложенный им правительством вопрос они отвечали, что „в том волен государь и его государевы бояре"; высказав своё мнение о деле, они прибавляли: „и тебе государю сверх той нашей сказки как Бог известит и твоя государская дума одержит и твоих государевых бояр"; о боярах они выражались: „бояре вечные наши господа промышленники". Такое значение „промышленников", попечителей земли, сказывалось и в ежедневных отношениях общества к думным людям, даже на улице. При царе Федоре в 1681 г. служилым людям словесно объявлен был в

Москве любопытный царский указ, повелевавший им оставить обычай, о котором трудно сказать, действительно ли его не существовало ни при отце, ни при деде этого царя, как говорилось в указе. Служилые люди даже высоких чинов, стольники, стряпчие и другие, встретившись на дороге с боярином, думным или ближним человеком, слезали с лошадей и кланялись в землю. Указ предписывал бояр, думных и ближних людей почитать и достойную им честь воздавать, но при встрече с ними на дороге только посторониться, повернув лошадь, и поклониться „по обычаю“, а с лошадей сходить и бить челом „пристойно одному великому государю“. Но таким отношением общества к думе выражался не столько правительственный её авторитет, сколько традиционный ей почёт со стороны общества: привыкли чтить учреждение, искони стоявшее рядом с государем во главе управления. Во второй половине XVII в. этот почёт далеко не вполне оправдывался думой. В памятниках законодательства её деятельность является очень неустойчивой и уступчивой: заметно, что она уже с трудом руководила управлением. Челобитья разных чинов людей вызывали в думе частичный пересмотр Уложения и „новых статей“, новелл, изданных после него; государь указывал и бояре приговаривали вершить дела, „как в докладной выписке написано под статьями“, и закрепить тот свой государев указ и боярский приговор всем думным дьякам. Но поток новых челобитий в другом направлении вёл к тому, что в следующем же году по указу государя бояре, „тех статей слушав вновь“, издавали новое законоположение, изменяя или отменяя прошлогоднее. Благодаря таким пересмотрам, пополнениям, отменам, сепаратным указам, в приказах накоплялся запас разноречивых узаконений и прецедентов, „примеров и образцовых дел“, которые дьяки подбирали и комбинировали по усмотрению, решая дела то по одному закону или примеру, то по другому, пока новые жалобы не вынуждали бояр издать новый закон или воротиться к Уложению, а примеры и образцовые дела „отставить“, иногда с оговоркой, что если кто прине-

сёт в приказ подписную челобитную, несогласную с этим постановлением, дела по ней не вершить, а докладывать об ней государю, т. е. испрашивать нового усмотрения взамен закона. Эта законодательная неурядица привела к закону Петра Великого, предписавшему всякие дела делать и вершить по Уложению, те же указы, которые учинены противно Уложению, все отставить и в пример не выписывать, хотя бы они были помечены именными указами и палатными приговорами. Широкий простор для усмотрения—это самая слабая сторона московского законодательства: верховное управление, тщательно регулируя подчинённые органы, не любило регулировать само себя. Выше замечено об историческом интересе, какой придаёт московскому законодательству такая его подвижность; она же сообщала ему и некоторые практические достоинства, известную гибкость и чуткость к общественным потребностям. Но то же свойство служило источником и одного важного неудобства: в обществе, столь сурово воспитанном политически, развивалась такая наклонность возобновлять окончательно решённые в думе дела, что указом 1689 г. правительство вынуждено было угрозой смертной казни сдержать такую непочтительность к власти. С другой стороны, дума по указу государя решала дела высшего управления. И здесь она является шатким советом, легко поддававшимся сторонним влияниям: бояре то разделятся „пополам“ и целые месяцы проволочат в спорах спешное дело, то задумают приговорить не в пользу вельможного воеводы, сделавшего промах, но матушка его „крепко простарается“, объездит своих думных приятелей, и бояре постановят благоприятное решение, а потом „отставят“ свой приговор, решат дожидаться возвращения государя из богомольного похода, но не дождавшись этого, положат новое решение и пошлют его к государю в поход. Таким колебанием и разномыслием дума сама себя превращала из учреждения решающего, каким она была по своему действительному положению в управлении, в учреждение совещательное. А. Л. Ордин-Нащокин с своим смелым и широким взглядом

на вещи раздражённо жаловался на рутинность высшего московского управления, на узость политического понимания у думных людей, писал царю, что на Москве в государственных делах слабо и нерадетельно поступают, что думным людям ненадобны такие великие государственные дела, какие проводил нетерпеливый новатор. Эта нерадетельность сказывалась в неуменьи или нежеланьи установить твёрдые и ответственные порядки и формы высшего управления, в привычке вести дела запросто, кой-как или как ни попало. В 1617 г. по местнической жалобе стольника кн. Семёна Прозоровского бояре приговорили дать ему удовлетворявшую его грамоту. Получив эту грамоту, стольник в тот же день пошёл прямо в думу и бил челом боярам, чтоб они велели ту грамоту переписать с поправкой, т. е. в скромной форме челобитья заявил боярам, что они формулировали свой приговор не так, как хотелось ему, челобитчику. Бояре велели передать грамоту согласно с челобитьем. Неважный дворянин Чихачов, назначенный в 1620 г. стоять рындой в белом платье при посольской аудиенции во дворце ниже кн. Афан. Шаховского, обиделся, сказался больным и не поехал в Кремль. Бояре послали за ним и велели его поставить перед собою. Чихачов предстал перед боярами в Золотой палате больным-разбольным, с костылём, да не с одним, а с двумя зараз. Для чего в город не приехал? спросили бояре.— Лошадь ногу мне сломала третьего дня на государевой охоте в Черкизове, отвечал Чихачов.—Больше, чай, отбаливаешься от кн. Шаховского, возразил думный разрядный дьяк Томила Ю́дич Луговской, упрямый и честный патриот, каким он показал себя 9 лет назад в Смутное время. Тогда Чихачов перестал притворяться и заговорил напрямик: он уже бил челом государю и впредь станет бить челом и милости просить, чтобы государь пожаловал, в отечестве велел дать ему Чихачову суд на кн. Афанасья, а меньше кн. Афанасья ему быть невместно.—Можно тебе быть его меньше, возразили бояре и приговорили бить кнутом Чихачова за бесчестье кн. Шаховского.—Долго того ждать, бояре! сказал Томила и вы-

рвал у Чихачова один костыль, принялся бить его по спине и по ногам. Смотря на это, боярин Н. И. Романов, дядя царя, не утерпел, схватил другой костыль, предусмотрительно заготовленный болевшим генеалогией, и присоединился к дьяку, работая также по спине и по ногам Чихачова, при чём оба приговаривали: „не по делом бьёшь челом, знай свою меру!" Побив рынду, велели ему быть в белом платье по прежней сказке, а кнут, разумеется, „отставили". Так. начав холодным приговором по форме, „пресветлый царский синклит" кончил горячим отеческим поучением ослушника. Мало того, что дума тут же на месте нарушила своё собственное постановление: ни думному дьяку, ни боярину и в голову не пришло, что этим собственноручным уроком они нарушали одно из верховных прав государя пересматривать приговоры думы о наказаниях за проступки и преступления по службе: „долго того ждать, бояре!" *).

ГЛАВА XXV.

Дума законодательствовала и в делах, касавшихся Церкви, обыкновенно с содействием церковной власти.

Главный иерарх Русской Церкви, митрополит и потом патриарх, действовал в своей церковной сфере с коллегией духовных сановников, называвшейся *Освященным собором* или *Синодом*, как выражались иногда во второй половине XVII в. Самое название *собора* специально усвоялось духовным собраниям или коллегиям. Земский совет разных чинов государства тогда носил это название, когда в нём принимали участие представители церкви. *Собором* называлась и

*) П. С. З. №№ 1491, 1355, 1160, 1394, 1372, 2828 и 875. Р. Ист. Сб. Общ. Ист. и Др. Р. II., 96; V, 326. *Майерберг*, 166. Уложение, предисл. и гл. X, 5, 27 и сл. А. И. V, № 77. Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 548; III, 378, 388 и 392. П. С. Р. Лет. IV, 340. Временник Общ. Ист. и Др. Р. VI. смесь, 37. *Соловьев*, XII, 64 и сл. Дв. Разр. I, 435.

боярская дума, когда в ней присутствовал глава русского духовенства, один или с Освященным собором.

Как известно, церковное управление в древней Руси не было обособлено от государственного, несмотря на обширные привилегии и правительственные полномочия, какими пользовалась церковная иерархия. Обе власти, государственная и церковная, находились в постоянном взаимодействии и в продолжение веков общения многое переняли друг у друга. Царь принимал близкое и влиятельное участие в делах церковного управления, которому вверено было столько государственных средств и интересов, людей и земель. В 1531 г., когда митрополит с Освященным собором судил старца Вассиана Патрикеева, на суде присутствовали бояре и дьяки великого князя, а в 1525 г. церковный суд над Максимом Греком происходил в палате великого князя в присутствии самого государя с братьями и со многими боярами. Когда нужно было заместить вакантную кафедру, патриарх с Освященным собором приходил к государю, и в Передней палате, обычном месте заседаний думы, на глазах царя и его синклита „власти“ выбирали нового иерарха. Государь утверждал одного из трёх кандидатов на патриарший престол, избранных Освященным собором; наречение избранного в патриархи происходило в Столовой палате дворца при государе, в соединённом присутствии Освященного собора и царского синклита. Патриарх Никон во время ссоры с царём, проповедуя о превосходстве власти церковной перед государственной, жаловался, что в дьяконы, священники и игумены ставили по подписным челобитным, на которых царь приказывал помечать: „по указу государя царя поставить“; церковные соборы собирались, когда хотел того царь, архиереев ставили по его же воле, делали всё, что он указывал. Зато и высшей русской церковной иерархии не были чужды государственные дела. Описывая её политическое значение, московские послы в 1610 г. говорили Полякам: „изначала у нас в Русском царстве так велось: если великие государственные или земские дела начнутся, то великие го-

сударн наши призывали к себе на *собор* патриархов, митрополитов и архиепископов и с ними о всяких делах советовались, без их совета ничего не приговаривали". В чрезвычайные времена междуцарствия, например, по смерти царя Фёдора Ивановича, патриарх, как „начальный человек" земли, становился во главе соединённых духовного собора и боярской думы, вёл все дела управления и даже усвоял себе с другими архиереями, как апостольскими учениками, преимущественную власть, сошедшись собором, поставлять своему отечеству „пастыря и учителя и царя достойно". Под влиянием тесной взаимной связи обоих правительств, светского и церковного, и сложился шедший ещё от Владимира Святого обычай приглашать в думу „властей", как называли у нас высших церковных сановников *).

Обычай этот вышел из одного источника с древне-русскими *смесными* судами: в делах, подсудных двум разным юрисдикциям, на суде присутствовали представители обеих. По отношению к Церкви это правило распространялось и на все важные правительственные дела. Оно ещё сказывалось по временам и в областном управлении XVI в. В инструкции казанскому архиепископу Гурию 1555 г. было написано, что о каких „думных делах" будут советоваться друг с другом казанские наместник и воевода, в их совещаниях должен участвовать и владыка и „мысль своя во всякие дела им давати опричь одних убивственных дел". Тем же правилом определился и довольно широкий круг правительственных дел, по которым призывали в думу давать свою мысль духовный собор с его главой. То были все вообще важные

*) Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 585: решить дело по совету государя с митрополитом и боярами значило „с митрополитом *соборне* и с бояры приговорить". Указн. кн. Пом. прик. 55: в 1620 г. государь, советовавшись с отцом своим патриархом и „говоря о том на *соборе* со всеми бояры, приговорили"; о выборных людях других чинов не упомянуто. Дв. Разр. III, 968 и 982. П. С. З. №№ 399 и 584. Зап. отд. русск. и слав. арх. Р. Арх. Общ. II, 526. *Соловьев*, VIII, 410. А. Арх. Эксп. II, стр. 14. Введение к Разр. кн. в Спб. Сб. *Валуева*, 165. Чт. в Общ. Ист. и Др. Р. 1847 г. №№ 7 и 9.

государственные дела, затрогивавшие господствующие интересы, между ними и церковные, или дела, касавшиеся отношений религиозно-нравственной жизни. Основные законодательные своды XVI и XVII в., Судебник и Уложение, были составлены и изданы при содействии и с благословением церковной власти. В 1676 г. в деле по обвинению Ив. Нарышкина в подговоре к цареубийству доносчика расспрашивали перед государем, патриархом и боярами. По смерти царя Федора Алексеевича патриарх, власти и бояре пошли в Переднюю палату и говорили о том, которому из братьев покойного царя быть его преемником. Поговорив, положили, что тому избранию быть „общим согласием всех чинов" государства. С крыльца перед Передней палатой патриарх с архиереями и руководил избранием Петра на созванном в тот же день подобии земского собора, говорил речь, отбирал мнения. На третий день по провозглашении Петра царём 12 стрелецких полков подали ему жалобу на своих полковников: принять челобитные, за ними сидеть и расспрашивать полковников государь указал патриарху с боярами. Вопросы о войне с иноверными соседями, предпринимаемой ради утверждения православной веры и покоя христианского, о местничестве, на которое хотели подействовать нравственными побуждениями, как на источник „братоненавистного враждотворения", обыкновенно обсуждались в думе с участием церковной власти. По самому существу церковной юрисдикции, ведавшей дела веры и семейного порядка, присутствие представителей Церкви в думе считалось необходимым при обсуждении вопроса о женитьбе царя, как и о мерах против опасного для чистоты веры влияния иноземцев. Потому же патриарх с собором подавал свой голос, когда в думе шла речь о порядке принесения присяги тяжущимися в судах, как и о том, отдавать ли продажу питей на откуп, или поручить её присяжным выборным головам: дело касалось крестоцелования, „клятвы и душевредства". от того происходившего. С самого начала христианской жизни Руси надзору церковной власти поручены были торговые меры и весы: и

в XVII в. дума устанавливала однообразные казённые меры по совету с патриархом. Даже положение торговых греков в Московском государстве дума устрояла с участием патриарха по связи этого дела с восточными отношениями Русской Церкви. Всего чаще являлся в думе глава русского духовенства „со властьми“ или один, когда она затрогивала многосложные материальные интересы Церкви, именно положение обширных патриарших, властелинских и монастырских вотчин. Вопросы о межевании и описи земель, о поземельных налогах, об устройстве новых полков и их содержании в котором должны принять участие и церковные вотчины, о землевладельческих льготах, о крестьянских побегах разрешались царём и боярами по совету с высшей церковной властью. Частое обращение государственной власти к церковной за содействием в разрешении таких законодательных вопросов и заставляло иностранных наблюдателей московской жизни в XVI в. говорить, что московский государь никакого важного дела не решает без согласия митрополита. При всём разнообразии государственных вопросов, в разрешении которых участвовала церковная власть, в мнениях своих она помнила пределы своей компетенции и устранялась от того, что было вне этих пределов. На вопрос о войне она отвечала, что ратное дело есть дело царя и его бояр, а ей то всё не за обычай, помогать же ратным людям они, государевы богомольцы, готовы, чем могут. На вопрос, как быть с крымским царём, не отмстить ли на его послах за все его неправды и грабежи, духовенство отвечало, что ему об этом писать непристойно, что мстить врагам дело государя и его синклита, а не их дело, государевых богомольцев. В думе вопрос о необходимости нового налога решался с духовным собором; но размер этого налога определял государь с одними боярами *).

---

*) Др. Росс. Вивл. XV, 284. А. Арх. Эксп. I, стр. 260 и 372; IV, 88 и 331. Врем. Общ. Ист. и Др. Р. VII. смесь, 73. *Соловьев*. XIV, приложения. XXX. П. С. З. №№ 547, 723, 905. 755, 741, 859, 659, 832,

Участие высшего духовенства в законодательной деятельности думы, сообщая ему известное политическое значение, имело и другую важную сторону: оно расширяло законодательную компетенцию самой думы. Обычай призывать в думу представителей церковной власти для решения государственных дел, касавшихся Церкви, создавал привычку таким же точно порядком решать и церковные дела, касавшиеся государства. Потому видим участие государя с думой во внутреннем управлении Церкви и в делах, подлежавших церковной юрисдикции. Дума присутствовала на Стоглавом соборе, решавшем важные вопросы церковного порядка, и предлагая собору эти вопросы, царь приглашал обсудить их не только святителей, но и бояр своих. Царь приговаривал с патриархом, властями и „своими государевыми боярами“ о переменах в составе церковной иерархии и в распорядке епархий. Человек, на которого духовник в 1675 г. подал патриарху извет, что он живёт не по правилам и держит еретические книги, не был прямо привлечён к церковному суду: патриарх препроводил изветную челобитную к государю, который слушал её и указал с боярами послать обвиняемого к патриарху „для свидетельства и очной ставки“ с духовником. Патриарший приговор о разделе имущества между наследницами дума утверждала, как высшая инстанция, даже обращая его в обязательный для судей прецедент. Этот приговор определял долю, какую должна получать бездетная вдова в купленном дворе умершего мужа. Но запрещение отдавать бездетной вдове по духовной родовую или выслуженную вотчину мужа дума в 1650 г. просто сообщила к исполнению патриарху, который и не участвовал в обсуждении этого вопроса. Встречаем даже указы думы о крещении инородцев и преследовании раскольников без заметного участия патриарха в их издании. В судных делах о

799, 985, 1210 и др. *Котош.* 4 и 107. Чт. в Общ. Ист. и Др. Р. 1876, кн. 2, IV, 7. А. И. V, № 29. Собр. гос. гр. III, 381. Зап. отд. русск. и сл. арх. Р. Арх. Общ. II, 372.

раскольниках XVII века раскол является более полицейским, чем церковным вопросом, преследуется, как нарушение общественного порядка. Местный архиерей, открыв „церковных развратников“ в своей епархии, допрашивал их и потом предавал „грацкому суду“, т. е. вместе с расспросными речами отсылал в приказную избу к местному воеводе, который производил розыск и пытал подсудимых и потом всё дело пересылал в Москву в приказ, ведавший ту область. Судья или дьяк приказа докладывал дело думе, читал его государю и боярам, которые произносили приговор без участия патриарха. Без его участия дума приговаривала одного за ересь сжечь на костре, другого отдать в монастырь „под начал“, даже посылала чрез воеводу предписания епархиальному архиерею. Наконец и Освященный собор иногда становился исполнителем приговоров думы по церковным делам. В 1594 г. царь, „говоря“ с патриархом и боярами, велел для церковного благочиния учредить в Москве поповских старост. Это постановление патриарх со всем Освященным собором развил в подробный указ о поповских старостах, который сами „власти“ считали не своим, а „государевым“ приговором. Повидимому и духовенству не был чужд этот взгляд на думу, как привычную участницу в чисто церковных делах: в 1651 г. по поводу запрещения петь и читать в несколько голосов одновременно один московский священник говорил, что он ни за что не даст подписки на это нововведение, пока бояре и окольничие не приложат своих рук о единогласии, „любо ли им будет единогласие“ *).

Приведённые указания памятников дают понять, какого рода делами вызывалась совместная деятельность верховного государственного и высшего церковного управления. Но по отдельным случаям трудно разграничить с принципиальной точностью компетенции того и другого управления, особенно

---

*) Дворц. Разр. III, 1288, Прилож. к III т. Дв. Разр. 110. П. С. З. №№ 1071, 1081, 1157, 34, 1117 и 1163. А. А. Э. I, № 360; IV, № 284. Зап. отд. русск. и слав. арх. Р. Арх. Общ. II, 395.

в делах смешанного церковно-государственного характера. Каждое дело решали практически, не возводя его к постоянной норме. И здесь, как в верховном государственном управлении, практика шла впереди закона: не столько закон направлял практику, сколько практика вырабатывала закон, сама в свою очередь направляемая соображениями минуты или обстоятельствами и свойствами данного дела. В принципе признавали только, что духовные дела подлежали ведению церковной власти. В 1618 г. шведское посольство просило царя позволить митрополиту новгородскому ставить и „разрешать в духовных делех попрежнему" православное духовенство из тех частей Новгородской епархии, которые по Столбовскому договору отошли к Швеции. Бояре, которым царь предоставил обсудить это дело, отказались решить его, потому что „то дело духовное", положено на святителях и на святейшем патриархе, а мирянам в такие дела „вступатися не достоит". Бояре „неотложили то дело и на себя то не сняли", потому что тогда не было патриарха на Руси. Дело было не исключительно духовное, потому что касалось отношений Московского государства к соседнему: его можно было бы решить на соединённом заседании боярской думы и Освященного собора. Но владыки и бояре объявили, что без патриарха им, детям его, окончательного ответа дать на то невозможно, „понеже он есть всем пастырь и глава". Кроме дел духовных в церковном ведомстве состояло много людей и дел мирских. Для тех и других дел у патриарха были свои исполнительные органы управления, патриаршие приказы, которые судили, вели дела, а патриархи „указ чинили по святым правилом", вершили дела по докладу из своих приказов, как вершили цари по докладу из своих, и их вершенья излагались в форме именных патриарших указов, подобно тем, какие издавались от имени царя. Однако оба высшие управления, церковное и государственное, не действовали обособленно. Царь назначал своего думного дворянина в патриарший Разрядный приказ для ведения недуховных дел церковного ведомства. Даже при назначении

духовных лиц „к духовным делам на патриарш двор“, как и на другие должности по церковному управлению, патриарх с Освященным собором предоставлял царю либо ставить своих избранников, либо утверждать одного из кандидатов, предложенных церковной властью. Тем чаще и теснее было соприкосновение обеих властей в мирских делах, подведомственных Церкви. По Уложению на мирян, служивших при патриаршем дворе, и на крестьян, живших в домовых вотчинах патриарха, „суд во всяких делах“ давали только на патриаршем дворе, „где судные дела слушает и указывает патриарх“. Между тем спорные дела по апелляциям из патриарших приказов, ведавших эти дела, вносились „к государю и ко всем бояром“, как и из государевых приказов. Закон не указывал, в каком отношении находился патриарх к такому переносу подсудных ему дел из его приказов в государеву думу. Дела показывают, как практика восполняла этот пробел. Выше приведён случай утверждения думой патриаршего приговора о разделе имущества между наследниками: три доли купленного двора бездетно умершего гостя патриарх в 1684 г. присудил его племяннице, а четвёртую долю его вдове. Дело было перенесено, может быть, по спору вдовы, в думу, которая, утвердив приговор патриарха, указала „такие дворовые дела и впредь вершить потомуж“: обратила случай в обязательный прецедент. Та же норма применялась и к „заумориым животам“, к разделу движимого имущества, остававшегося после бездетно умерших, когда вступали в наследование „родственники“, боковые, „по родству и по близости“. Дела о заумориых животах ведал патриарший Разрядный приказ до 1692 г., когда они переданы были в Московский Судный приказ. Сохранился протокол дела о заумориых животах одной вдовы, слушанного патриархом Адрианом в 1698 г. в Крестовой палате. После первого мужа этой вдовы, бездетно умершего, остался капитал в 9 тыс. рублей слишком. Родственники умершего вчинили иск о заумориых животах против второго мужа, за которого между тем уже вышла вдова. По „именному указу“ *царя* и

патриарха в 1679 г. ей выделена была по Уложению четвёртая часть из капитала её первого мужа вместе с приданым, но три доли не были отданы сродникам умершего, а взяты на государя „ратным людям на жалованье и пленным на окуп". Но второй муж овдовел бездетно, и тогда уже родственники покойной, родной брат и сёстры, вчинили иск против вдовца о четвёртом жеребьи капитала первого мужа. По „именному указу" патриарха тот иск велено на вдовце доправить. Но ответчик оспорил это решение и аппелировал на патриарха не в высшую инстанцию, к государю и всем боярам, а в подчинённую, в Володимирский Судный приказ, куда и просил перенести его дело. Тогда патриарх изменил своё решение, в 1698 г. указал того иска на спорщике пока не править, а „соизволил" по тому делу доложить великого государя, в Володимирский же Судный приказ „того дела отсылать не указал". Так восстановлено было законное течение дела: по соизволению патриарха иск, им решённый в пользу истца, но оспоренный ответчиком, был доложен государю; следовательно государь с думой признавался высшей инстанцией не только для „суда" патриарших приказов, но и для судного „указа" самого патриарха. Между тем из протокола видно, что как патриарх вершил дело своим именным указом, так и дело, рассмотренное патриархом и доложенное государю с думой, излагалось в совместном именном указе государя и патриарха, как будто равных властей. Протокол оканчивается резолюцией патриарха, определяющей правильное взаимное отношение обоих высших управлений, государственного и церковного: „А издревле по имянным государевым указом и по уложенью святейших вселенских патриархов и всего Освященного собора в заумерных животах указы по святым правилом чинить св. патриархом, а градскому суду такие дела не подлежат, и в Российском государстве того образца не бывало, чтобы имянные св. патриархов указы перевершивать в государевых приказех". Насколько документы позволяют формулировать взаимное отношение обеих властей, можно сказать, не обоб-

шая всего разнообразия отдельных случаев, что церковная власть в делах чисто церковных действовала независимо от светской, в делах государственных, касавшихся Церкви,— совместно со светской, в делах церковных, касавшихся государства,—по её указанию *).

Высшее церковное учреждение, Освященный собор являлся в думе на совещаниях о государственных вопросах не в одинаковом составе. Иногда митрополит или патриарх был окружён одними архиереями; иногда к ним присоединялись ещё „выборные власти“, архимандриты, игумены и другие духовные лица. Неизвестно только, как выбирались эти выборные власти. Высшие духовные лица, составлявшие Освященный собор, считались действительными членами думы, имели в ней место по своему сану, хотя не всегда присутствовали на её заседаниях. При первом самозванце во главе списка думных людей значились патриарх, 4 митрополита, 7 архиепископов и 3 епископа. Предложение коммиссии бояр и выборных служилых людей об отмене местничества в 1682 г. обсуждалось государем с боярской думой и Освященным собором, который состоял из патриарха „со архиереи и выборными властьми“; но под актом вместе с патриархом, 6 митрополитами и 3 архиепископами подписались только 3 архимандрита. Запрещение духовенству приобретать вотчины было в 1580 г. постановлено государем с думой и духовным собором, состоявшим из митрополита, 11 архиереев, 39 архимандритов и игуменов и 9 старцев важнейших монастырей. Хотя при главном иерархе обыкновенно находилось несколько епархиальных архиереев, „годовавших“ в Москве по очереди или по особому вызову и обра-

*) А. Арх. Эксп. III, № 108; IV, № 155. Уложение XII, 1 и 2; XVII, 1. Дв. Разр. IV, 305. П. С. З. № 1452. Протокол дела о заморных животах в собрании грамот у автора; распоряжение 1692 г. о передаче таких дел в Московский Судебный приказ, вероятно, осталось без действия или было вскоре отменено. См. грамоту патриарха 1694 г. в А. Арх. Эксп. IV, № 309.

зовавших Освященный собор обычного состава, однако в думе чаще появлялся один его председатель*).

Флетчер описывает подробно заседание думного собора: он только смешивает это учреждение по сходству названий с собором всех чинов, как по той же причине смешал ближний совет с общей боярской думой. На соборе присутствовал обыкновенно сам царь. Впрочем по актам известны заседания думы без царя не только с одним первым иерархом Церкви, но и со всем Освященным собором. Членов думы по Флетчеру бывало до 20: как мы видели, в Москве благодаря разным служебным командировкам думных людей оставалось обыкновенно немного более этого числа. Патриарх приглашал на собор митрополитов, архиепископов и тех из епископов, архимандритов и монахов, которые пользовались наибольшей известностью и уважением. Днём заседания обыкновенно назначали пятницу по святости этого дня. Собрание открывалось в Столовой палате дворца. По одну сторону палаты на троне садился царь. Неподалеку от него за небольшим столом помещались патриарх с архиереями и важнейшие бояре с думными дьяками, которые записывали всё происходившее на соборе. Прочие члены собрания рассаживались на скамьях вдоль стены по званиям. Из других указаний знаем, что патриарх садился не с боярами, а рядом с государем по правую руку на особом месте. Думный дьяк докладывал вопрос, подлежавший обсуждению. Освященный собор подавал мнения прежде бояр в порядке санов, какие носили его члены. Их мнения выражались всегда в однообразной форме: „царь и дума его премудры и лучше их могут судить о том, что полезно для государства, а они, духовные люди, занимаются только служением Богу и делами веры и потому просят их самих сделать надлежащее постановление, а они, архиереи, будут помогать им молитвами по своей должности“. Когда все духовные

---

*) Собр. гос. гр. и дог. II, стр. 207; IV, 398; I, № 200. Ист. акты Яросл. Спасс. мон., изд. г. *Вахрамеевым*: Книга кормовая, стр. 1.

члены собора высказывались таким образом, один из них вставал и просил царя, чтобы он изволил об'явить им своё собственное мнение. Тогда думный дьяк об'являл от имени царя, как он с боярами приговорил о деле; но дьяк прибавлял, что государь снова приглашает отцов откровенно об'явить своё мнение или дать согласие на приговор государя с боярами, чтобы можно было приступить к окончательному решению дела. Наскоро высказав своё согласие, духовенство удалялось из палаты. Проводив патриарха до двери, государь возвращался на своё место и оставался в думе до конца заседания *).

Не всегда однако заседания собора шли так ровно и гладко. Известен, например, рассказ другого англичанина Горсея, близкого к двору царя Ивана в последние годы его царствования. Рассказ, как можно думать, относится к собору 1580 г. о церковных земельных имуществах **). Царь потребовал у духовенства чрезвычайных пожертвований на государственные нужды. Освященный собор хотел было ответить на требование отказом. Царь позвал к себе членов собора, особенно упорно настаивавших на отказе, и сказал им резкую речь, в которой порицал любостяжание высшего духовенства и недостойное употребление им церковных богатств. В заключение он приказал подать себе подробную выпись доходов всех монастырей с их вотчин, чтобы, оставив каждой обители необходимое, излишек обратить на государственные потребности. Власти подали выпись, но в приложенном к ней докладе заявили, что святые угодники не потерпят отнятия того, что завещано основанным ими обителям; иначе пусть царь даст подлинное свидетельство о захвате для заявления грядущему потомству. Царь ограничился значительной суммой денег, взятой с духовенства, и отобранием в казну некоторых земель, которыми оно вла-

*) *Флетчер*, гл. 8. Ср. мнение митроп. Даниила по поводу войны с Литв. в Царств. кн. 40. А. Ист. I, стр. 270.

**) Доказательства этого см. у *Павлова* в его Ист. очерке секуляриз. церк. имуществ в России. I, 147 и сл.

дело. Другие известия подтверждают, что духовенство не всегда отвечало на предложения царя и бояр своим „затверженным уроком“, как отозвался Флетчер о пародированных им мнениях духовенства на соборе. Так есть известие, что оно отклонило предложение царя Бориса вызвать из Германии и других стран западной Европы просвещённых людей и основать в России школы для изучения иностранных языков. Выше было рассказано, как патриарх в 1681—1682 г. разглядел смысл боярского проекта о „вечных наместниках“ и разрушил замысел. По смерти царя Фёдора патриарх не раз говорил в думе против наплыва иностранцев в Москву, особенно военных; но большинство думы не разделяло его мнений. Шведский резидент при московском дворе Кохен писал в начале 1688 г., что патриарх, приглашённый для совещания о задуманном новом походе в Крым, предложил прежде всего попытаться овладеть Азовом и уволить всех иностранных офицеров неправославного исповедания, чтобы в войске и народе не было церковного разномыслия. Дума не согласилась с патриархом, заметив, что военные сведения получаются русским войском преимущественно от иностранцев, что и прежние цари признавали необходимость иметь их на русской службе. В конце этого года, как рассказывает Гордон, на заседании думы по поводу того же похода патриарх в сильных выражениях говорил против этого наёмного генерала, доказывая, что русское оружие не может иметь успеха, когда лучшей частью русского войска будет командовать еретик. Бояре, добавляет Гордон, мало обращали внимания на эти слова и только улыбались.

Несмотря на законодательное значение думы по делам, касавшимся Церкви, участие духовенства в трудах думы не проходило бесследно для её законодательной деятельности. Можно отметить один случай, когда церковная власть внесла поправку в государственное законодательство. При царе Михаиле служилым людям за службу давали жалованные грамоты с правом передавать выслужёные вотчины своим бездетным жёнам. В 1627 г. патриарх заявил, что это не

по правилам, что такие вотчины должны переходить в род, а не к жёнам. Приказано было составить доклад об этом и ввести в думу. По этому докладу состоялся указ отдавать выслуженные вотчины роду, а бездетным вдовам выделять сверх приданого четвертую долю движимого имущества, остававшегося после их мужей; жалованные грамоты были признаны составленными не по правилам. Этот указ был потом внесён в Уложение *).

ГЛАВА XXVI.

В социально-политическом значении московской боярской думы отразился основной факт истории Московского государства.

Мы пытались изобразить московскую боярскую думу с двух сторон. Она, во-первых, была учреждением, тесно связанным с судьбой известного класса московского общества. Во-вторых, она была учреждением, которое создавало московский государственный и общественный порядок и им руководило. По своему социальному составу это было аристократическое учреждение. Такой его характер обнаруживался в том, что большинство его членов почти до конца XVII в. выходило из известного круга знатных фамилий и назначалось в думу государем по известной очереди местнического старшинства. По устройству своему дума была учреждением, действовавшим при государе, под его действительным или номинальным председательством. Отсюда вытекали главные особенности её деятельности: эта деятельность захватывала всё пространство верховной власти; действуя часто без личного присутствия государя, дума не отдавала ему отчёта в своих действиях; её приговор входил основным моментом в законодательный процесс и имел силу государева указа, закона. Такое устройство и значение думы вы-

*) Сказ. современ. о Дим. Самозв. I, 12. Русск. Старина 1878 г., № 9, стр. 125. *Gordon*, Tagebuch, II, 233. Ук. книга Пом. приказа, 61 и сл. Уложение, XVII, 1 и 2.

когда не держалось на самостоятельном политическом положении думных людей вне думы и не долее одного поколения держалось на праве по договору. Единственной постоянной опорой этого устройства и значения был обычай, в силу которого государь призывал к управлению людей боярского класса в известном иерархическом порядке.

Крепость этого обычая создана была историей самого Московского государства. Оно не было произведением какой-либо политической теории, как смутно помышлял царь Иван Грозный, не было и следствием удачного хищничества его предков, как решительно утверждали его политические противники. Оно было делом народности, образовавшейся в XV веке в области Оки и верхней Волги. Народность эта образовалась по отступлении старинного русского населения в глубь нашей равнины с южных и югозападных окраин перед торжествовавшими врагами. Разделённая политически, угрожаемая гибелью с разных сторон и с одной уже раз завоёванная, эта народность начала устрояться в обширный лагерь. Средоточием этого лагеря стал центральный город тогдашней Великороссии, а вождём князь этого города. Все национальные, церковные, экономические и другие условия, содействовавшие государственному об'единению Великороссии, связались с судьбой Москвы только потому, что она была таким центральным городом *боевой* Великороссии XIV—XV вв., только благодаря её стратегическому отношению к тогдашнему театру военных действий. Свойства самих московских князей, их так-называемая политика и политические таланты были производной и довольно второстепенной причиной их политических успехов. Княжи племя московских Даниловичей в Твери, а племя их соперников тверских Ярославичей в Москве, великорусские цари XVI вв. были бы Ярославичи, а не Даниловичи. Московское государство и было этим народным лагерем, образовавшимся из боевой Великороссии Оки и верхней Волги и боровшимся на три фронта, восточный, южный и западный. Оно родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты

Военное по происхождению, оно и устроилось по-военному. В основании его социального строя лежало деление общества на служилых и неслужилых людей, т. е. на строевые и нестроевые части населения. Строевое общество составилось из прежних удельных военных дворов, в том числе и московского. На верху этого строевого общества стояли бывшие главные и второстепенные вожди этих дворов, удельные князья и их удельные бояре, в том числе и московские. Увлекаемые общим народным движением, и эти местные вожди волей или неволей собрались с своими полками под знамёнами московского князя, сначала с значечением не подданных, а вольных слуг его или военных союзников. Из мысли о вольной службе или вольном союзе развилось договорное право, определявшее взаимные отношения московского великого князя и других князей; на ней построены их договорные грамоты XIV и XV в. Московская армия долго состояла из территориальных корпусов, удельных „дворов“ или „разрядов“, тверского, рязанского, одоевского, с их местными тверскими, одоевскими и другими командирами. Московский двор или разряд выделялся в составе этой армии до конца XVII в. Руководя народной обороной из своей кремлёвской ставки, московский князь сначала действовал в этом лагере не как государь, каким стал впоследствии, а как главный военачальник или, выражаясь языком московской полковой администрации, первый воевода большого, т. е. московского полка. Из сочетания власти такого военачальника с правительственными понятиями и привычками хозяина-вотчинника удельных веков и вышел своеобразный политический авторитет московских государей, как он обнаруживался в правительственной практике, а не как пытались его изобразить древнерусские публицисты, царственные и простые: неограниченно распоряжаясь лицами, эти государи в делах общего порядка привыкли действовать вместе и по совету с потомками тех местных воевод, которые некогда были военными товарищами их предков. Московская боярская дума XV—XVI вв. является по преиму-

ществу военным советом, члены которого то-и-дело рассылаются из столицы командовать по окраинам и советуются с государем в промежутке походов или при сборе на походе и советуются преимущественно о военных делах или тесно с ними связанных делах внешней политики и служилого землевладения, что и выразилось в значении приказов Разрядного, Посольского и Поместного, как отделений думной канцелярии. Сначала эти военные советники имели широкие правительственные полномочия в местах расположения своих удельных дворов—остаток их прежней удельной самостоятельности. Они и в общем строе государственного управления, т. е. в лагерной и походной администрации расставливались по степени важности своих местных полков, т. е. дворов, если были удельные князья или по своему иерархическому положению в этих полках, если были простые удельные бояре. Посредством сочетания удельного происхождения с правительственными, прежде всего военно-походными назначениями на московской службе, посредством соглашения удельного *родословца* с московским *разрядом* и сложилось московское местничество, военно-аристократический распорядок московского боярства. Но потом с военно-административной перестройкой государства и с землевладельческой перетасовкой титулованных и простых бояр их местное полковое значение постепенно исчезло, прежние политические и экономические связи порвались, удельные столы и усадьбы развалились.

Но утратив территориальное значение, московское боярство сохранило значение генеалогическое. Оторвавшись от ярославской или оболенской почвы, прежний авторитет боярской или княжеской фамилии, её удельный вес, так сказать, через родословную книгу связался с московской разрядной книгой и перешёл в московский политический обычай, застыв в местническом *отечестве*. Правительственный порядок, завязавшийся при начале народной борьбы, в минуту соединения для неё удельных полков с московским, развивался в том же направлении всё время, пока длилась борьба,

хотя уже не было ни удельных полков, ни самых уделов. Когда московский удельный князь стал государем Русской земли, *формы* высшего управления, как и формы отношений этого государя к своим советникам, оставались те же, какие установились ещё в то время, когда этот государь был первым воеводой большого народного великорусского полка, а эти советники, князья и бояре, первыми и „другими" воеводами удельных великорусских полков. Характер управления, сущность отношений, разумеется, изменялись: но крепость форм была такова, что пока стройной местнической цепью стоял вокруг престола правительственный класс, составившийся из больших и малых удельных воевод, эти изменения не отражались заметно в ходе управления. Деятельность государя с боярами оставалась деятельностию народного военачальника с военными товарищами, младшими соратниками, государевыми „верными приятелями", как называли их московские публицисты XVI в., как в XVII в. называл сам царь Алексей членов „стародавных честных родов" в своих письмах к ним. Здесь источник и отмеченных выше особенностей устройства и деятельности думы, как и правительственного типа знатного думного советника: между тем как в высшем управлении складывался кружок неродовитых дельцов, специально или преимущественно действовавших на невоенных должностях, родовитый боярин до конца XVII в. оставался собственно *воеводой*, который сидел в думе в промежутках между посылками на воеводство городовое или полковое. Формы высшего управления стали изменяться, когда началось разрушение правительственного класса, когда, пользуясь библейской фразеологией кн. Курбского и царя Ивана, на место „сильных во Израиле" стали являться созданные из камней чада Авраама. Это было в XVII в. Прежде всего эта перемена сказалась в том, как выражено правительственное значение думы в Уложении 1649 г. сравнительно с Судебником 1550 г. Последний признаёт законом то, что постановлено „с государева докладу и со всех бояр приговору": боярский при-

говор, как необходимый момент законодательства, является с характером права, верховного полномочия. Уложение, определив думу, как высшую судебную инстанцию, прибавляет просто: „а бояром и окольничим и думным людем сидети в палате и по государеву указу государевы всякие дела делати всем вместе“. Повидимому, расширяя ведомство думы *всякими* делами, кодекс понижает её авторитет, придавая ей характер простого исполнительного учреждения. Но и в эпоху Уложения старые правительственные формы ещё обнаруживают большую живучесть. После того как утратил силу политический договор, местничество осталось единственной опорой политического положения боярства. Знатные люди чувствовали его политическую цену, когда говорили в конце XVI века: „то их смерть, что им без мест быть“. Так как местничество основано было на связи политического положения родовитого человека со значением его предков, следовательно на предании, а это предание часто не имело никакой опоры ни в экономическом положении, ни в личном значении родовитых потомков, то московское боярство царя Алексея можно назвать в полном смысле слова аристократией воспоминаний. Но эта аристократия понесла столько потерь в своём генеалогическом составе, так разбилась, растворяясь в массе дворянства, что стало трудно поддерживать местнический порядок, высчитывать отечество каждого, и в конце века сами наличные остатки боярства принуждены были согласиться на отмену того, за что, как выразился один боярин царя Алексея, „прежде наша братия помирали“. Так не боярство умерло потому, что осталось „без мест“, чего оно боялось в XVI в., а „места“ исчезли потому, что умерло боярство и некому стало сидеть на них. Последние бояре сами чувствовали необходимость переместить своё политическое положение на новые основания: мысль об этом и блеснула в их одновременном с отменой местничества проекте о „великородных вечных наместниках“. Несмотря на это, боярская дума и в XVII в. действовала попрежнему, в прежнем порядке и по

форме с прежним политическим авторитетом, так что становится заметно противоречие между её устройством и её социальным составом. Если бы сторонний наблюдатель, не зная, что случилось с боярством, внимательно посмотрел на боярскую думу во второй половине XVII в., она показалась бы ему торжественной палатой, устроенной и убранной для великородных и властных посетителей, товарищей хозяина; но такие посетители почему-то перестали являться в палату, а пришли туда невзыскательные рабочие люди, простые исполнители хозяйской воли, которым нужна было не такая палата, а простая рабочая канцелярия, „изба“, как назывались приказы в XVI в. Нечто подобное этому впечатлению и можно прочитать между строками у некоторых иностранцев XVII в. в известиях о думе. Боярская дума, как правительственное учреждение, пережила боярство, как правительственный класс.

Так московская боярская дума по своему устройству и характеру деятельности была созданием того же факта, который послужил исходной точкой истории самого Московского государства. Это государство началось военным союзом местных государей Великороссии под руководством самого центрального из них, союзом, вызванным образованием великорусской народности и её борьбой за своё бытие и самостоятельность. Дума стала во главе этого союза со значением военно-законодательного совета местных союзных государей с их вольными слугами-боярами, собравшихся в Москве под председательством своего вождя.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. К стр. 13 и 38.

Слову *боярин* или *болярин* в виду этих двух форм дают двоякое производство: Карамзин от сущ. *бой*, Венелин от прил. *боль, болий* (первоначальный суффикс бо-*яр* или бо-*ярь*, как *писарь, лекарь*, потом от *боярь—боярин*, как от *властель—властелин*, от *господь—господин*). Затрудняясь отдать преимущество тому или другому из этих производств, Срезневский признает возможным допустить, что оба корня, *бой* и *боль*, одинаково участвовали в образовании слова. В древних южнославянских памятниках чаще, если не исключительно, встречается форма с буквой *л*: *болеры, болере, боляре, болıре*, в памятниках русских безразлично обе формы, и *бояре* и *боляре*. по Миклошичу первая форма в них встречается всего чаще, а г. Ягич даже признает первую форму собственно русской, а вторую южнославянской. Феофан называет болгарских вельмож еще βοιλάδες, а Константин Багрянородный—βολιάδες. Этимологическое отношение обеих этих форм слова к *болярам*, кажется, остается необ'яснённым, как не об'яснена и этимологическая связь с тем и другим термином слова *быль*, являющегося в южнославянских памятниках синонимом *болярина*. Это слово было знакомо и русским книжным людям XII века: *Слово о полку Игореве* упоминает о „черниговских былях". Лексическое значение слова *боярин* в древних славянских памятниках переведённых с греческого, выступает явственнее этимологического: *болярин*—ἄρχων, ἄρχων προστάτης, συγκλητικός, *бояре*—μεγιστᾶνες, δυνάσται, *бояре* в смысле собрания, совета—σύγκλητος, οἱ τοῦ βασιλέως, царские советники, *болярьство*—ἀρχαί и т. п. Уже Олегов договор с Греками говорит о „великих боярах" киевского князя; но трудно сказать, византийские ли редакторы взяли это слово из русского языка, или Русские узнали его путём сношений с южными Славянами. Г. Ягич ставит вопрос о восточном происхождении болгарских *боляд* и признает возможным появление слова *боляре* в русском языке до принятия христианства и не из Болгарии. Чт. в Общ. Ист. и Др. Р. г. III, № 1. *И. Срезневского*, Мысли об ист. русск. яз. 131—134. *Miklosich*, Lexicon под словом *болярин*. *Г. Ягича*.

Archiv für slavische Philologie, B. XIII, zweites Heft. 298. *Г. Истрина.* Откровение Мефодия Патарского, тексты, стр. 91 и 93 сл. с стр 22 и 27. — *Боярская дума* — термин ученый, не документальный: его не встречаем в древнерусских памятниках, хотя употреблялось близкое к нему выражение „дума бояр“ (см. выше стр. 403). У Кобшихина (стр. 104) выражение „боярский совет“ значит не учреждение, которое он называет „думой“, а самое совещание с боярами.

II. К стр. 14.

Для прекращения усилившегося разбойничества епископы посоветовали Владимиру „казнить“ разбойников, отменив виры за разбой. Значит, при Владимире до этого постановления действовало другое уголовное право, не похожее на Русскую Правду, по которой разбойник наказывается „потоком и разграблением“ с женою и с детьми. Это во-первых. Во-вторых, словом „казнить“ на языке древнерусского права XI и XII в. не означалась исключительно смертная казнь: из одного места летописи (Ипат. 226) видно даже, что под „казнью“ не разумелась именно смертная казнь. Известная статья Русской Правды о холопях-татях показывает, что и денежный штраф в пользу князя назывался казнью. Но казнь была правительственным наказанием, возмездием от правительства и в пользу правительства, а не в пользу частных лиц, если это была денежная пеня. Вира по Русской Правде была денежной пеней в пользу князя или казны, т. е. была казнью. Если Владимир заменил виру за разбой казнью, то надобно заключить отсюда, что при нём вира не была штрафом в пользу князя. На другом заседании думы епископы по случаю борьбы с Печенегами сказали князю: „оже вира, то на оружьи и на коних буди“. Князь согласился. Летопись не указывает прямой связи этого постановления с предшествующим. Вира взималась не за один разбой. До отмены права мести ею наказывалось убийство человека, за которого некому было мстить, как и убийство, виновник которого оставался неизвестен. Надобно думать, что в последнем случае уже до Ярослава штраф платило общество, в котором совершилось преступление и которое не могло или не хотело обнаружить преступника. По этим сам собою предполагался и обратный случай, о котором не говорит Русская Правда: за убийство человека, у которого не было кровных мстителей, требовало вознаграждения общество, к которому он принадлежал или в котором совершилось убийство, если убийца был известен. Такой случай рассказан в скандинавской саге об Олафе, в которой несомненно уцелели иногда в искаженном виде действительные черты Владимирова времени. Олаф в Гольмгарде (Новгороде) убил Клеркона. Весь народ сбежался, тро-

буя смерти убийцы. Княгиня приняла Олафа под своё покровительство и готова была защищать его от народа своими слугами. Князь примирил обе стороны, присудил за убийство виру, и княгиня заплатила её (Русск. Ист. Сб. Общ. Ист. и Др. Р. IV, 41—43). Из этого же рассказа саги видно, что при Владимире вира за убийство шла не в пользу князя: князь присудил пеню с Олафа новгородскому обществу; странно было бы предположить, что по приговору мужа княгиня ему же заплатила деньги за Олафа.

Итак оба постановления говорят о различных предметах, и второе не отмена первого, а новый закон. Но между обоими законами была тесная внутренняя связь, почему летописное предание и рассказывает об них рядом: первый заменял виру за разбой каким-то правительственным наказанием; второй обращал виру за простое убийство („в сваде" по Русской Правде) на вооружение ратных людей, т. е. и все остальные виры превращал в „казнь", в наказание правительственное, в казённое взыскание, каким они являются в Русской Правде. По уцелевшим в позднейшем своде словам летописца XIII в. виры специально шли на содержание боевой дружины князя (П. С. Лет. V, 87: „Ти (древние) князи не сбираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж вкладаху на люди, но оже будяше правая вира, и ту возма, даяше дружине на оружие"). Оба закона изменяли действовавшее право в одном направлении, превращали в правительственное взыскание пеню за преступление, шедшую прежде в пользу частных лиц или обществ; только второй закон, изменяя уголовное право, вместе с тем вносил важную новость в систему налогов. Этот второй закон вводил то, что потом видим в Русской Правде; ею же можно объяснить и первый закон, т. е. можно думать, что вира за разбой была заменена потоком и разграблением разбойника, правительственной продажей его в рабство на сторону с конфискацией его имущества. Если так, то оба внушённые думой постановления Владимира ставят нас при начале законодательного процесса, создавшего Русскую Правду. Инициатива переработки древнего русского права идёт здесь от духовенства: мы по некоторым признакам считаем и Русскую Правду кодексом, выработанным в среде духовенства для удовлетворения потребностей порученной ему широкой юрисдикции по недуховным делам, которой подчинены были так-называвшиеся „церковные люди".

Догадка, что второй закон был отменой первого, повидимому внушалась исследователям заключительными словами летописного рассказа. Сказав, что князь согласился со вторым предложением епископов, летопись прибавляет: „и живяше Володимер по устроенью отьню и дедню". Значит, первый закон, заменивший виры за

разбой казнью, был против этого „отьня и дедня устроенья". Но эти слова летописи могут иметь и совершенно обратный смысл. Владимир на вопрос епископов, почему он не казнит разбойников сослался не на устроенье отца и деда, а на свое христианское чувство нравственной ответственности, сказав: „боюсь греха". С другой стороны, араб Ибн-Даста, писавший именно при деде Владимира, говорит о русских Славянах, что царь их, поймав разбойника, приказывает задушить его или отсылает его под надзор какого-либо правителя на отдалённых окраинах своих владений (Г. *Гаркави*, Сказ. мусульм. писат. о Славянах и Русских, стр. 267). Последние неясные слова намекают на какое-то наказание, состоявшее в ссылке преступника на границу страны, т. е. похожее на поток и разграбление Русской Правды. Может быть, Владимир под влиянием христианского чувства смягчил наказание за разбой уравняв это преступление с простым убийством. Известный рассказ о разбойнике Могуте, которого простил Владимир, повидимому поддерживает это предположение (Никон. I, 112). В таком случае смысл летописного рассказа становится ясен. Уже при деде Владимира правительство взяло в свои руки преследование разбоя, отличая его от убийства в ссоре, за которое предоставляло попрежнему метить или брать виру частным лицам и обществам. Кажется, уже до Русской Правды за простое убийство чаще брали виру, чем мстили смертью. Владимир и расправу за разбой предоставил частным лицам и обществам. Тогда епископы, приноравляя свои понятия о наказаниях к местным юридическим обычаям, присоветывали Владимиру казнь разбойников, похожую на ту, какая уже употреблялась при его отце и деде, как впоследствии духовенство провело в судебную практику наказание за целый ряд не вменявшихся прежде преступлений религиозно-нравственного характера, приноравляясь к господствовавшему в стране обычаю денежных штрафов. Но частные лица и общества и после того взимали виру не только за простое убийство, но и за разбой в случае, если разбойника не могли поймать или не хотели выдать: в этом случае взыскание падало на общество, в котором совершено преступление или в котором скрылся преступник. Воспользовавшись борьбой с Печенегами, епископы и старцы присоветовали князю все виры обратить в казённый доход на военные нужды. Таким образом при Владимире и штраф за простое убийство превращён был в правительственную кару, какой прежде подлежал разбой, т. е. довершено было то, что начали отец и дед этого князя. Это и разумеем мы под „отьним и дедним устроением" летописи.

III. К стр. 81.

Духовные грамоты московских князей могут служить надёжными указателями успехов этого движения. Со второй половины XIV в., особенно с куликовщины, стали прочищаться степь и Поволжье на юг от линии Оки между Рязанью и Нижним; становятся заметны русские поселения в Мещерской земле и мордовских лесах по правому берегу Волги. Во второй половине XIV в. видим усилия со стороны населения Нижегородского княжества продвинуться к Суре и за эту реку. В уцелевшем отрывке нижегородской летописи к 1371 г. отнесено одно любопытное известие об этом. Нижегородский купец Тарас Петров Новосильцев, который за услуги, оказанные князю, пожалован был им в звание бояриня, счёл возможным выдвинуть поселения за реку Кудьму и основал 6 сёл с деревнями по р. Сундовику, на земле, купленной у нижегородского князя, населив их выкупленными из Орды пленниками. В 1372 году был основан городецким князем Борисом город Курмыш на самой Суре. Под защитой этого города является целый округ русских посёлков, выдвигавшихся ещё далее на восток, Засурье, как называет его летопись. Правда, эти поселения возникали на зыбкой, опасной почве: татарские и мордовские нападения вскоре повидимому стёрли их. Погибли и Тарасовы сёла по Сундовику, когда, по выражению местной летописи, запустел от Татар тот уезд. Но усилия колонизации не пропадали бесследно: после погрома новые русские поселения возникали на месте разрушенных. В духовной великого князя Василия Димитриевича (около 1406 года) является Курмыш „с селами, с путьми и с пошлинами, со всем, что к нему потягло". То же происходило и на южной окраине: в начале XV века в далёком Задонье существовали уже рязанские волости, которые в 1415 г. вместе с Елецкой землёй пострадали от Татар. Одновременно с движением колонизации по правому берегу средней Волги появляются русские поселки и на другой её стороне. Другая, позднейшая духовная того же великого князя Василия упоминает о Керженце, одной из Нижегородских волостей; ещё раньше в 1372 г. возвращавшиеся с Волги на Вятку разбойники-ушкуйники пограбили по Ветлуге множество сёл и волостей, также повидимому русских (Др Р. Вивл. XVIII, 72 Никон. IV, 34, 38, 53; V, 55). С того же времени появляются признаки движения из центрального междуречья, преимущественно из ростовского края, на север, на перерез восточной колонизации из Новгорода. Писатель XV века Паисий Ярославов, рассказывая в своей летописи о возникновении и первоначальной судьбе (в XIII и XIV в.) Каменного монастыря на Кубенском озере, замечает, что тогда еще не вся заволжская

земля крещена, много было некрещёных людей. Надобно думать, что с половины XIV в. два обстоятельства помогли крещёной Руси проложить путь в этом направлении: во-первых, князья московские, став великими, укрепили свой авторитет в Новгороде, и по их договорным грамотам с последним видно, что, предоставляя льготы новгородским купцам в Низовой земле, они не забывали выгод низовых промышленников, заводивших дела на новгородском Севере; во-вторых, усилившиеся опасности на западе и юге, со стороны Швеции, Ливонского ордена и Литвы, вместе с внутренними смутами партий отвлекали силы вольного города в другую сторону и ослабили его движение на восток. С конца XIV века колонизация с Низа делает заметные успехи, проникает далеко на север, перевалив за водораздел Волги и северной Двины и ставя новые посёлки в новгородском Заволочье. В завещаниях Димитрия Донского и его старшего сына упоминаются сёла московских служилых людей в Вологодской и даже Устюжской области. Летописный рассказ о попытках в. кн. Василия Димитриевича отнять у Новгорода Двинскую землю и о жестокой борьбе в Заволочье, которой они сопровождались, дает видеть, как в порубежных княжествах Белозерском и Галицком при помощи новгородских беглецов, также устюжан и вятчан, составлялись иногда под предводительством бояр этих княжеств вольные дружины, которые, нападая на Заволочье, указывали дорогу в эту сторону земледельческой колонизации. Далее, с половины XIV века возникает и постепенно усиливается в XV в. знаменательное движение иноческих колоний из Низовой земли. Любопытно, что и это движение идёт к северу по направлению к новгородскому Заволочью. Среди глухих дебрей обширного пространства, по которому шла граница вологодского и костромского края, в области водораздела северной Двины и Волги, по речкам Глушице, Пелшме, Нурме и другим возникали новые монастыри, основатели которых большею частию выходили из обители преп. Сергия Радонежского или её старших колоний. Пустынные монастыри того времени были лучшими показателями направления, в каком шло крестьянское население: по уцелевшим актам Павлова Обнорского и некоторых других монастырей того края видно, что возникшая в пустыне обитель спешила окружить себя деревнями и починками, число которых росло с каждым десятилетием. Именно около того времени, к которому относятся монастырские поселения на этих речках, последние появляются одна за другой и в духовных Димитрия Донского, его старшего сына и внука, как волости, принадлежащие князю московскому. Такими путями население низовой Руси проникало в глубь новгородского Севера. Этим объясняется одно неожиданное

явление. Великий князь Иван III, перечисляя в своей духовной грамоте волости в Заволоцкой земле по Ваге и Двине, называет и „Ростовщину“. Один список двинских земель 1471 года указывает в том же краю по Ваге и по Двине до реки Сии „ярославский рубеж“ и ряд вотчин ростовских князей, владевших ими ещё до падения Новгорода; одна из этих вотчин была в руках двинских бояр Своеземцевых. Колонизация, шедшая на север из Ростовской и Ярославской земли, была причиной того, что владения ростовских и ярославских князей так глубоко врезались клином в новгородское Заволочье. Это движение пошло сюда очень рано: известная рядная грамота предка упомянутых Своеземцевых, которую можно отнести по некоторым признакам к началу XIV века, обозначая границы земли этого двинского посадника в шенкурском краю, упоминает уже о „ростовских межах“ (А. А. Э. I, № 94, II. Акты Юр. № 257, I).

IV. К стр. 93.

Погодин установил мнение, которое доселе, кажется, остаётся господствующим в нашей литературе, что в разных областях древней киевской Руси одновременно ходили гривны кун разного веса, именно киевская гривна содержала в себе серебра треть нашего фунта, новгородская полфунта, а смоленская только четверть. Это мнение основано частию на письменных памятниках, которые говорят о гривнах кун с обозначением их веса, частию на весе нескольких экземпляров старинной гривны кун, найденных в разных местах Руси. Но это мнение едва ли не следует признать простым недоразумением. Гривны разного веса принадлежали не разным областям Руси, а разным эпохам её экономической истории. Смоленская гривна потому оказалась весом в четверть фунта, что известие о ней нашли в памятнике начала XIII в., именно в смоленском договоре 1229 г. с Ригой и Готским берегом. Но в начале XIII в. и в других областях Руси ходила гривна точно такого же веса: такая именно гривна по договору новгородского князя Ярослава с Немцами ходила уже в самом конце XII в. (около 1199 г.) в том самом Новгороде, которому приписывают неизменную полуфунтовую гривну. Разбор различных указаний, которых здесь не излагаем, привёл нас к таким заключениям. Местных постоянных гривен кун разного веса не существовало: всюду ходила одинаковая общерусская гривна. Но в XII и XIII в. эта гривна всюду постепенно становилась легковеснее. Причиной того было постепенное уменьшение прилива серебра на Русь вследствие упадка внешней торговли. Найденные гривны в полфунта или около того относятся к концу XI или началу XII в., может быть, и к более раннему вре-

мецр. Но около половины XII в. ходили уже гривны немного менее 40 золотников весом, а с конца этого века вес их упал до четверти фунта и продолжал падать ещё ниже в XIII в. Русская Правда в первоначальном своём виде, по некоторым, впрочем недостаточно ясным признакам, считала на полуфунтовую гривну, но окончательную редакцию получила уже при гривне в 24 золотника или около того.

V. К стр. 98—106.

Путь, как отдельное ведомство обширного дворцового управления, очевидно, то же, что Владимир Мономах в своем *Поучении* называет „нарядом" ловчим, конюшим, сокольничим (Лаврент. 242). Управители дворцовых путей и другие дворцовые сановники за свою службу в виде награды получали во владение дворцовые сёла, волости и даже, может быть, города на правах наместников и волостелей. Эти административные пожалования или кормления также носили название *путей*. Так были дворецкие „с путём", крайчие, постельничие „с путем" и проч. Пожалование *путём* было честью, повышением по службе: крайчий с путём считался честию выше крайчего без пути, выше и другого должностного лица, равного по должности простому крайчему. В этих путных пожалованиях заметны признаки некоторой правильности. В XVII в. дворецкие преемственно получали в путь известные доходы с одних и тех же ярославских дворцовых слобод (см. примечание на стр. 109). Крайчим с путём обыкновенно давалась во владение дворцовая волость Гороховец (Др. Р. Вивл. XX, 182). В древнерусских памятниках слово *путь* является с разнообразными значениями и вне дворцовой администрации. Путем называлось всё, что давало *доход*, чем *доходили* до известной прибыли, пользы; отсюда *путный* в смысле полезного, годного, дельного; отсюда и выражение: „в нём пути не будет". Положение человека в обществе, занятие, которым он жил, было его путём. В поздней редакции Русской Правды (по изд. *Калачова* IV, ст. 4) читаем, что за удар жердью или за толчёк потерпевшему боярину, простолюдину или некрещёному варягу платится бесчестие „по их пути". Путь—промысел, всякое прибыльное дело или доходная статья; отсюда выражение поземельных актов: „пути и ухожаи". О разбойниках, которые ходили промышлять грабежом по Волге, о „волжанах" говорили в XIV веке: „кто *в путь* ходил на Волгу" (П. С. Р. Лет. IV, 94 и 97). В XII в. поход князя на Литву или в степь на поганых также назывался путём (Ипат. 454 сл.). Пайщик в компании соловаров называл своим путём принадлежавшую ему долю в промысле (Сб. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 1197). В дальнейшем развитии своего значения путь—право

на известный доход, угодье, землю. В таком смысле употребляют княжеские грамоты XIV в. выражение „старейший путь“, означавшее право на известные земли и доходы, которое принадлежало старшему великому князю в силу его старшинства (Собр. гос. гр. и дог. I, №№ 23 и 34). В таком же смысле можно понимать выражение „даннич путь“ в грамоте в. кн. Андрея Александровича на Двину: сын ватамана, идучи с моря „с потками данными“, с птицами, поступившими в дань, „по данничу пути“, т. е. по праву или в качестве „данника“, сборщика дани, получал корм и подводы с погостов, если только не понимать этого выражения буквально в смысле попутных даннику погостов (А. Арх. Эксп. I, № 1). Волость, отдавая крестьянину участок земли в пользование, писала в грамоте: „да в том ему и путь дали“; писать грамоту, коей утверждалось это право пользования, значило „путь писать“ (А. Юр. № 175). В литовско-русских актах *путь* является с более тесным значением административного округа, волости или повета: *путники*—начальники таких округов из местных обывателей либо даже все их обыватели (*Г. Любавского*, Областн. деление и местн. управл. Лит.-Русск. гос. 270, 434 и 255).

К стр. 117.

Мы коснёмся лишь некоторых из тех недоумений, какие возбуждаются обоими списками и разъяснения которых надобно ждать от более подробного изучения этих документов.

Легко заметить, что первый „список“ не есть точная копия с подлинного акта, а его переделка или парафраза. Начав говорить от имени давшего грамоту кн. Димитрия, список потом выражается о нём в третьем лице, переходя в простое повествование о том, за что Новосильцев из купцов был пожалован в бояре и как составлена была эта „местная“ грамота. По летописям неизвестно большинство лиц, упоминаемых в списке. Из советников нижегородского князя, которых рассаживает грамота, на первом месте встречаем тысяцкого Димитрия Алибуртовича, князя волынского. Этот тысяцкий своим титулом, очевидно, и заинтересовал Арт. Петр. Волынского, благодаря чему документ и попал в следственное дело о знаменитом кабинет-министре имп. Анны. Этот Алибуртович—безвестный, не упоминаемый даже в старинных наших родословных сын седьмого Гедиминовича Любарта, которого князь Волыни за неимением собственных сыновей взял „к дочце своей на своё место на княжение“ (Родосл. в X кн. Времен. Общ. Истории и Др. Р. стр. 84). В грамоте имп. Иоанна Кантакузина он назван Димитрием Любартом, князем владимирским (Истор. Библ. VI, приложения, № 6). Старший сын этого Любарта княжил после

отца на Волыни, а младший тревожными судьбами того времени занесён был на берега Волги и служил нижегородским тысяцким. Из других советников нижегородского князя только о Т. Новосильцеве говорит местная летопись под 1371 г. (Др. Росс. Вивл. XVIII, 72. Нижегор. летописец, изд. А. Гацинским, стр. 15). Об остальных 7 боярах нет ясных указаний ни в летописях, ни в родословных. Любопытная черта нижегородского боярского совета, описываемого в грамоте,—численное преобладание князей. Летопись, рассказав, как московский великий князь Димитрий в самом начале своего княжения взял волю над князем ростовским, а галицкого и стародубского согнал с их княжений, прибавляет, что тогда „вси князи" отъехали в Нижний, „скорбяще о княжениях своих" (Ник. IV, 5). Сличая княжеские имена в грамоте с родословной стародубских князей, можно догадываться, что некоторые из них сидели в совете нижегородского великого князя. В таком случае любопытное по составу общество представлял этот совет, в котором заседали князья-изгнанники из соседних уделов, бедный Гедиминович, пришедший с берегов Стыря или Западного Буга, и два бывшие нижегородские купца.

Другой список ещё загадочнее. Он имеет вид не парафразы или извлечения, а копии с подлинной грамоты более ранней, чем та, которая служила подлинником для первого списка. В конце копии помечено, что подлинная грамота находится в нижегородском Печерском монастыре. Грамота писана в 6876 (1368) году. Начинаясь как будто указом от лица великого князя Димитрия, она потом получает вид протокола великокняжеского постановления, состоявшегося „по челобитью" бояр и князей, „по печалованию" архимандрита нижегородского Печерского монастыря и по благословению местного епископа. В списке замечено, что князь великий велел боярам и дьякам руки приложить к грамоте и что назади её 7 рук приложено; но в списке значится только 5 рук: печерского архимандрита, „казённого боярина" и трёх дьяков, из которых двое названы „указными". В числе нижегородских бояр по этому списку ещё нет ни кн. Д. Волынского, ни Д. И. Лобанова. Но в этой грамоте, которою, как и первой, в. князь „пожаловал своих бояр и князей", не 8, как в первой, а 60 имён. Невероятно, чтобы всё это были думные люди нижегородского великого князя XIV века: такой многолюдной боярской думы не было даже в боярской Москве XV и XVI в. Впрочем в самом акте есть указание на то, что в нём перечисляются не одни бояре. Отчества первых 15 лиц прописаны с *вичем*; остальные, в том числе три дьяка, поименованы просто, как рядовые служилые люди (Иван Григорьев *сын* Медведев), один даже уменьшительным именем и

без отчества (Афоня Брылов). Очевидно, грамота указывает места не одним боярам, но всему *двору* нижегородского князя и не в думе, а за торжественным княжеским столом. Можно думать, что в списке Соловьёва перечислены только первые 8 бояр: остальные не интересовали Арт. П. Волынского и опущены. Но и в грамоте 1368 г. печерским архимандритом назван Иона, а мы ожидали бы Дионисия, основателя и первого архимандрита этой обители, в 1374 г. ставшего епископом суздальским и нижегородским. Обе грамоты даны „по благословению владычню Серапиона нижегородского и городецкого и курмышского и сарского". В других источниках не встречаем ни имени такого епископа, ни такого названия его епархии. Этот и другие вопросы, вызываемые обеими грамотами, могут быть разрешены только специальным исследованием по тёмной истории суздальско-нижегородской иерархии XIV в. Если бы можно было доказать, что епископ Серапион был ближайшим предместником Дионисия по суздальско-нижегородской кафедре, то грамоту по списку Соловьёва следовало бы отнести к 1368—1374 годам, даже точнее к 1372—1374 гг., так как в титулах и в. кн. Димитрия Константиновича, и епископа Серапиона уже значится г. Курмыш, построенный в 1372 г.

VI. К стр. 161.

Сохранился документ, точно указывающий, когда дипломатические дела, входившие в ведомство казначея, были выделены и поручены особому делопроизводителю, что и послужило основанием особого Посольского приказа (Краткая выписка о бывших между Польшей и Россией переписках, войнах и перемириях с 1462 по 1565 г. в Моск. Арх. мин. ин. дел, Польские дела 1462: за сообщение этой выписки приношу искреннюю благодарность С. А. Белокурову). В этом документе XVI в. значится: „в 57 (1549) г. приказано посольское дело Ивану Висковатого, а был ещё в подьячих". И. Висковатый до того времени участвовал иногда в дипломатических делах, в 1542 г. писал перемирную грамоту с Польшей; теперь он принимает постоянное участие в сношениях с иноземными послами, которые ему передают свои грамоты. После него в 1564 г. сношения с послами ведёт дьяк А. Васильев в „избе", называвшейся „дьячей" или „посолной" и находившейся где-то в Кремле, пока в 1565 г. не была построена особая Посольская палата. *Н. Лихачева*, Дипломатика, стр. 100.

К стр. 188 и 193.

Говоря о боярах от концов, мы не касаемся их судебного значения. По новгородской Судной грамоте 1471 г. при судебном до-

кладе „во владычне комнате“ присутствовали 10 *докладчиков* именно по одному боярину и по одному житьему от конца (А. А. Экспед. I, 71). Это были постоянные судебные заседатели, собиравшиеся три раза в неделю. Хотя нет прямых указаний на их отношение к суду княжеского наместника с посадником, имевшему место также „во владычне дворе“, однако суд докладчиков можно назвать судебной коллегией при новгородском правительственном совете, собиравшемся „у владыки в полате“. Но, во-первых, ниоткуда не видно, чтобы эти судные бояре и житьи люди от концов принимали постоянное участие в политических делах боярского совета. Во-вторых, суд этих докладчиков повидимому возник уже в последнее время новгородской вольности, а не был старинным учреждением. В конце XIV в. встречаем судных бояр и житьих людей, но представителями не концов, а тяжущихся сторон. В 1384 г. новгородцы постановили на вече не ездить на суд к митрополиту в Москву, но судить новгородскому владыке по Номоканону, посаднику и тысяцкому судить свои суды по крестному целованию, а истцу и ответчику „на суд поимати по два боярина и по два житья с стороне“ (П. С. Р. Лет. IV, 91).

Немецкое донесение 1331 г. из Новгорода рижскому городскому совету вскрывает некоторые любопытные черты отношений разных новгородских властей. Немцы подрались ночью с русскими и одного положили на месте. На другой день новгородцы „созвонили вече“ (ludden de rusceu eyn dinc) и сошлись на Ярославов двор (uppe des konighes houe) вооружённые и с распущенными знамёнами, принесли и убитого. С веча послали к Немцам бричей с требованием немедленной выдачи виновных, грозя в противном случае перебить всех. Не добившись требуемого, толпа с веча бросилась на немецкий двор и принялась разбивать и грабить, пока княжеский судья (des konighes rechter) не прогнал её оттуда. Тогда вече послало трёх других биричей с тем же требованием. Немцы нашли одного из своих, у которого оказался меч в крови, и предложили его; но Русские потребовали 50 голов (houede). Так прошёл день; новгородцы поставили караул стеречь немцев на их дворе. Ночью послы от немцев явились к тысяцкому и удовлетворили истца (den Sacwolden), вероятно ближайшего родственника убитого, предложив ему за голову 80 рублей (stucken sylvers: „старый“ новгородский рубль XIV в. содержал в себе 80 золотн. серебра. *Г. Прозоровского*, Монета и вес, 503). Сверх того дано было посаднику 40 р. и наместнику князя 5 р., а тысяцкий отказался от денег. На другой день опять собралось вече и потребовало от немцев через прежних трёх биричей либо выдачи 50 человек, либо уплаты 2500 р., именно 1000 Новгороду, 1000 князю и 500 истцу

Немцы объявили, что с истцом они уже помирились, и пообещали биричам по фиолетовому платью и по бочёнку вина. Вече рассердилось, узнав о примирении истца: как он смел помириться без новгородского слова! Посланцы веча ещё раз явились к немцам и потребовали с них 2000 р. „за обиду“ (vor ere smaheyt). Немцы предложили 40 р., а биричи в гневе воротились на вече. Вечером пришёл к немцам новый посланец, объявивший, что его послали „300 золотых поясов“ (guldene gordele). Сущность его заявления состояла в том, что Новгороду Великому денег не нужно, что у него и своего довольно, но что он требует 50 голов, а они, немцы, не выдают ни голов ни денег: сами посудите, есть ли тут правда. Немцы должны выйти с имуществом из церкви, где они скрылись, оставив там виноватых, с которыми Новгород поступит по закону. Мы вам выдавали виновного, отвечали немцы, но вы его не приняли, а требуете 50 голов: Бог свидетель, что вы требуете невинных людей. Посланец в жестких выражениях повторял, что ему было наказано говорить. Немцы объявили, что они готовы заплатить 100 р., что больше не могут, и просили посланного сказать это 300 золотым поясам и похлопотать о том, за что ему будет дано фиолетовое платье. Ночью чрез одного из тех же трёх вечевых биричей посадник заявил немцам, что если они дадут ему 20 р. и два пурпуровых платья, он возьмёт всё дело на себя и уладит его, при чём бирич потребовал и себе с товарищами 10 р. и пурпурового платья, да по фиолетовому платью ещё двум важным господам, почему-то вмешавшимся в дело. Поутру три бирича с этими двумя господами пришли и объявили немцам, что Новгород прощает их и принимает 100 р. Тут один из пришедших, представлявший интересы князя, заявил, что и князь должен получить столько же. Но один из биричей возразил: что обещано княжему наместнику, то следует ему заплатить; новгородцы получат 100 р., а с князем они сами сочтутся, как следует. Что касается до насилия, учинённого толпой с веча над немцами, то об этом они и речи не заводили бы, а скорее поцеловали бы крест на том, что не будут мстить за это. Тут посадник ввёл в дело новое обстоятельство. Года за два перед тем в Дерпте убили новгородского посла Ивана Сыпа, важного человека, женатого на сестре посадника. Последний теперь заявил, что его племянники должны выступить истцами по делу, что они хотят мстить за отца, и потребовал 50 р. выкупа. Немцы возразили, что им нет дела до Дерпта, что они „заморские гости“ (gheste van over sey: ссору начали немцы готского двора с острова Готланда). Посадник понизил требование до 40, потом до 30 и даже до 20 р. Немцы уже согласились было на уплату. Но пришли „новгородские господа“ (heren

van Nogarden) и отменили эту сделку, объявив, что заморские немцы не отвечают за деритских, а боярина своего Ивана они не отдадут и за тысячу рублей. Немцам предложено было поцеловать крест на мировой записи, в которой они, признавая себя виновными в случившемся и прося снисхождения к поступку, совершённому в пьяном состоянии, обязывались заплатить Новгороду 100 р. да сверх того дать обещанное наместнику, посаднику, тысяцкому и биричам. Немцы объявили, что им обидно целовать крест на такой записи, и представили тысяцкому свою, в которой вся вина сваливалась на новгородцев. Выслушав запись, тысяцкий с бранью объявил посланным, что она не годится. „Так стояло дело, пока тысяцкий докладывал немецкую запись посадникам и господам Новгорода; они послали к Немцам тех же биричей, которых посылали и прежде, и сказали то же, что говорил тысяцкий" (bit de hertoghe witlich dede den borchgreuen unn den heren van Nogarden der duschen bref, des sanden se deseluen boden to den duschen, de se en och er ghesant hadden etc.). Немцы были принуждены (bi dwanghe) поцеловать крест на новгородской грамоте, по которой они должны были уплатить Новгороду 100 р. пени. Сверх того это дело стоило им 20 р., которые они посулили некоторым новгородским „господам" и биричам или позовникам при совете господ (den Roperen bi der heren rade). Русско-Лив. Акты, стр. 56—61. Донесение переведено *А. Чумиковым* по местам не вполне точно. Чтен. в Общ. Ист. и Др. Р. 1893 г. I, смесь.

Для нас особенно важны следующие черты новгородского управления, обозначающиеся в изложенном донесении, во-первых, посланцы веча являются вместе и биричами при совете господ. В донесении поименовано пять таких посланцов: из них трое, как очевидно по ходу рассказа, были биричи при совете господ; отношение двоих остальных к этому совету не ясно. Двое из этих пяти посланцов были вместе старостами, какими неизвестно, вероятно улицкими или даже сотскими, как в Пскове в должности сотского встречаем „старого придверника" при *господе*, если только „старый" не значит здесь „бывший". Во-вторых, немцы в переговорах своих обращаются к „герцогу", как они называют тысяцкого в отличие от „бургграфа", посадника. Тысяцкий был председателем высшего новгородского суда по торговым делам. В известной грамоте кн. Всеволода церкви св. Иоанна на Опоках читаем, что для управления всеми делами торговыми и „гостиными", для „суда торгового" князь „поставил три старосты, от житьих людей и от чёрных тысяцкого, а от купцов два старосты". Значит, этот суд состоял из тысяцкого, представителя житьих и чёрных людей, и двух старост, представителей купцов, т. е. из трёх членов, а не

из шести, как считают иногда (например, *Беляев* в Лекциях по ист. русск. зак., стр. 139, и другие), неправильно читая это место грамоты, думая, что в состав суда были назначены три старосты от житьих людей, затем тысяцкий от чёрных и, наконец, два старосты от купцов. По одному договору Новгорода с немцами дела между немецкими гостями и туземцами разбирались только in curia sancti Johannis coram duce et oldermanno nogardiensibus и нигде более (*Bunge*, Urkund. I, 522). Почему здесь при тысяцком упомянут один староста, неизвестно. Из рассматриваемого донесения видно, что в важных случаях тысяцкий докладывал такие дела совету господ. В-третьих, над отдельными сановниками высшего новгородского управления явственно возвышается совет господ. Тысяцкий докладывает „господам" предложенную ему немцами мировую запись; „господа" отменяют сделку посадника с немцами. Наконец, этот совет господ заметно отличается и от 300 „золотых поясов". Донесение ясно различает эти названия. „Господа" приходили на двор к немцам для переговоров: едва ли это могла быть толпа в 300 человек. Посланцом от золотых поясов приходит к немцам некто Борис, которого нет в числе не раз упоминаемых в донесении бирючей совета господ. Притом золотые пояса являются в тесной связи с вечем; они поддерживают его требование о выдаче виновных, тогда как посадник и господа склоняют дело к уплате 100 р. Новгороду. Золотые пояса выступают после веча второго дня и не появляются в следующие дни, когда незаметно веча. Поэтому мы думаем, что эти „золотые пояса" были не члены совета господ, а вся совокупность новгородских властей, присутствовавших на вече, вся наличная правительственная знать города, старосты улиц, слобод, десятков, разных мелких городских союзов, наконец бояре, не сидевшие в совете господ, но пользовавшиеся влиянием в местных кругах города и в иных случаях являвшиеся представителями от концов. Они назывались так по особенности в одежде, отличавшей их от простых граждан. Большая часть этих низших городских должностей, повидимому, также была в руках боярской и житьей знати. В последнее десятилетие свободы Новгорода там пользовался большим влиянием некто Памфил, сторонник аристократической партии „великих бояр", враждовавшей с людьми „житьими и молодшими". В житии Соловецких чудотворцев этот Памфил называется знатным новгородским боярином, а в 1476 г. он занимал невысокий пост старосты Фёдоровской улицы. Сын его, принадлежавший по своему званию к детям боярским, несмотря на то является „купецким" старостой (П. С. Р. Л. VI, 203 и 220). Как вожди частей вооружённого города, люди этой знати в Новгороде, очевидно, были то же, что

„лучшие мужи“, являющиеся посредниками между вечем и князем в Киеве XII в. На вече к ним, разумеется, примыкали и высшие сановники, члены совета господ, и все они составляли класс руководителей веча. Правильным приговором веча, „новгородским словом“ признавалось то, что постановлено на собрании города с согласия и под руководством этих властей. Вот почему грабёж немецкого двора толпой, прибежавшей с веча без этих вождей, „господа“ в своей мировой записи 1331 г. признавали поступком „неразумной черни“, сделанным без новгородского слова (sunder der Nogarder wort). Триста—круглое число, приблизительно определявшее количество всех местных и общих городских властей или показывающее, сколько считалось в городе знатных домов, старшие члены которых были этими властями. Любопытно, что и псковской летописец, рассказывая о захвате в. кн. Василием „всех лучших людей“ Пскова в 1510 г., приводит ту же круглую цифру 300 чел. с их семьями (П. С. Р. Лет. IV, 287).

VII. К стр. 378.

У Страленберга и Фоккеродта, двух иностранцев, живших в России при Петре Великом, находим изложение условий, на которых вступил на престол царь Михаил. По словам первого, новый царь письменно обязался блюсти и охранять православную веру, забыть прежние фамильные счёты и недружбы, по собственному усмотрению не издавать новых законов и не изменять старых, также не объявлять войны и не заключать мира, важные судные дела вершить по закону установленным порядком, наконец, вотчины свои либо отдать родственникам, либо присоединить к коронным землям (Historie der Reisen in Russland etc. 1730, S. 209. Другое заглавие: Beschreibung des Nord-und Östlichen Theils von Europa und Asia). Ни о думе бояр, ни о земском соборе нет и помину в условиях у Страленберга. Известие Фоккеродта несколько обстоятельнее. Оно помещено в записке о состоянии России при Петре Великом, составленной в 1737 г., следовательно может быть названо современным приведённому известию Татищева в его записке, вызванной событиями 1730 г. (Перевод записки Фоккеродта в Чт. Общ. Ист. и Др. Р. 1874, кн. 2). Фоккеродт хорошо знал положение современной ему России, где он жил в последние годы царствования Петра I. Он имел сведения и о московских делах XVII в., но отдельные события передаёт в своём труде не всегда ясно и точно. Он пишет (стр. 21), что при избрании царя по окончании Смуты московская знать составила между собою род сената, который назвала собором и в котором не только бояре, но и все другие, находившиеся на высшей государственной службе,

имели место и голос. По единодушному решению этого собора избранный царь должен был присягой принять на себя следующие обязательства: предоставить полный ход правосудию по старинным земским законам, никого не судить собственною властию, без согласия собора не вводить ни новых законов, ни новых налогов и ничего не решать в делах войны и мира. Царь Михаил не колеблясь принял и подписал эти условия и некоторое время действовал согласно с ними. Но отец царя, воротившись из польского плена и став патриархом, искусно воспользовался значением своего сана в народе, неудовольствием низшего дворянства на властолюбивых бояр и их собственными раздорами, один завладел опекою над сыном и самовластно распоряжался всеми делами, оставив собору лишь честь одобрять его распоряжения. Стрельцы служили опорой этому самовластию и это войско дало возможность Михаилу даже по смерти отца продолжать правление с такою же властию, какую имел отец. По этому известию одно и то же учреждение издаёт новые законы и вводит новые налоги, тогда как договором 1610 г. первое дело присвоено земскому собору, а второе боярской думе. Но какое это учреждение? Фоккеродтов сенат, названный собором, в котором кроме думных людей, бояр, имели место не представители всех чинов, а какие-то „все другие, находившиеся на высшей государственной службе", не похож ни на земский собор, ни на думу. Очевидно, Фоккеродт смешал собор с думой в одно учреждение, а в границах компетенции обоих этих учреждений и состоит весь вопрос об устройстве высшего управления при Михаиле. Но мы видели, что и в правительственной практике Михайлова времени эти границы обозначались не вполне согласно с договором 1610 г. Что касается патриарха Филарета, то он имел большое личное влияние на управление, но не изменил его оснований, не произвёл переворота, как расположен был думать Фоккеродт. От него много доставалось неприятным ему людям; но учреждения действовали попрежнему. Так смотрит на него и один близкий к тому времени памятник, хронограф архиеп. Пахомия, который, характеризуя этого патриарха, говорит, что он был „нравом опальчив и мнителен, а владителен таков был, яко и самому царю боятися его, боляр же и всякого чина царского синклита зело томляше заточеньми необратными и инеми наказаньми" (*А. Попова*, Изборник, 316). Известие Фоккеродта о самовластии Михаила по смерти Филарета опровергается свидетельством Котошихина, который, разумеется, знал дело лучше Фоккеродта.

